

ВОЙНА И ОРУЖИЕ

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И МАТЕРИАЛЫ

**Труды Восьмой Международной
научно-практической конференции**
17–19 мая 2017 года

Часть III

Департамент культуры Минобороны России
Российская Академия ракетных
и артиллерийских наук
Военно-исторический музей
артиллерии, инженерных войск и войск связи

Война и оружие

Новые исследования и материалы

**Труды Восьмой Международной
научно-практической конференции**

17–19 мая 2017 года

Часть III

Санкт-Петербург
ВИМАИВВС
2017

УДК 351.852.1 + 355.48
ББК 79.1 + 68 + 63
В 65

Печатается по решению Ученого совета ВИМАИВиВС
Научный редактор – *С.В. Ефимов*

Организационный комитет конференции

«Война и оружие. Новые исследования и материалы»:

В.М. Крылов, директор Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи, доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, Заслуженный работник культуры Российской Федерации,
С.В. Ефимов, заместитель директора Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи по научно-просветительской и выставочной работе, кандидат исторических наук,
С.В. Успенская, заместитель директора Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи, кандидат культурологии, Заслуженный работник культуры Российской Федерации,
В.И. Кобякова, начальник научного отдела сохранности памятников культуры и истории Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи, кандидат технических наук.

Война и оружие **Новые исследования и материалы**

Труды Восьмой Международной
научно-практической конференции

В четырех частях

Часть 3

Информационная поддержка

Иллюстративный материал предоставлен авторами статей

ISBN 978-5-7937-1432-7

© ВИМАИВиВС, 2017
© Коллектив авторов, 2017
© СПбГУПТД, 2017

А.Н. Кулинский (Санкт-Петербург)

ПРИЗОВОЕ ОРУЖИЕ ИМПЕРАТОРСКИХ СТРЕЛКОВ ДАВИДОВЫХ В ФОНДАХ ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ АРТИЛЛЕРИИ, ИНЖЕНЕРНЫХ ВОЙСК И ВОЙСК СВЯЗИ

В ОРУЖЕЙНЫХ ФОНДАХ Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи хранятся четыре экземпляра призового огнестрельного оружия (инв. № 031/189, 21/66 ОЦФ, 050/36, 042/129 ОЦФ – две винтовки, револьвер и пистолет), принадлежавшего представителям двух поколений дворянского рода Давыдовых, которые служили в одной из самых известных частей русской гвардии – л.-гв. Стрелковом батальоне Императорской фамилии. Офицеров и нижних чинов батальона неофициально именovali стрелками Императорской фамилии или Императорскими стрелками.

Напомним вкратце историю батальона.

25 октября 1854 г. император Николай I повелел сформировать на время войны из крестьян императорских уделов Новгородской, Архангельской и Вологодской губерний *Стрелковый полк Императорской фамилии*¹. Изначально полк получил отличную от других частей форму, напоминающую русский национальный костюм: кафтан, застегивающийся наискось, и шапку с ополченским крестом. Впоследствии полк сохранил эту форму, с небольшими изменениями, до 1917 г., уже только как парадную.

Первым приказом по полку от 25 января 1855 г. в его состав были зачислены 8 офицеров:

Арбузов Дмитрий Алексеевич, выпускник Пажеского корпуса 1840 г. – полковником, командиром полка – из л.-гв. Преображенского полка;

Давыдов Николай Львович – майором – из штабс-капитанов л.-гв. Преображенского полка;

Васильчиков Виктор Александрович – капитаном – из поручиков л.-гв. Преображенского полка;

Панютин Всеволод Федорович, выпускник Пажеского корпуса 1852 г. – штабс-капитаном – из подпоручиков л.-гв. Преображенского полка;

Ермолов Григорий Петрович, выпускник Пажеского корпуса 1852 г. – штабс-капитаном – из подпоручиков л.-гв. Преображенского полка;

Жуков Даниил Ефимович - полковник – из л.-гв. Гатчинского резервного полка;

Евдокимов 1-й Иван Юдинович – капитаном – из поручиков л.-гв. Московского полка;

Горбатов Михаил Артемьевич – капитаном – из поручиков л.-гв. Павловского полка.

Заведывающим полком был назначен граф Л.А. Перовский с переименованием из действительных тайных советников в генералы от инфантерии.

К 21 июля 1855 г. полк под командованием полковника Д.А. Арбузова был полностью сформирован. В его составе в это время числились уже два Давыдовых: упомянутый выше майор Давыдов в 9-й роте 3-го батальона и поручик Давыдов в 11-й роте того же батальона².

В конце августа 1855 г. полк был назначен в Крымскую армию, в сентябре по железной дороге отправлен в Москву и оттуда выступил пешим ходом в Крым. На зимних квартирах полк находился близ Одессы, потеряв за четыре месяца умершими от болезней свыше трети личного состава. После окончания Крымской кампании полк 24 апреля 1856 г. выступил обратно в Москву для участия в коронации Александра II. Несмотря на то, что полк не участвовал в боевых действиях, 26 августа 1856 г. высочайшим приказом стрелки Императорской фамилии были удостоены бронзовой медали за войну, два штаб-офицера и одиннадцать обер-офицеров были произведены в следующий чин.

После московских торжеств полк, сформированный только на время войны, решено было распустить. Но в память о нем император 1 октября 1856 г. повелел сформировать особый стрелковый батальон под наименованием *Л.-гв. Стрелковый батальон Императорской фамилии*, с правами Молодой гвардии. Многие офицеры расформированного полка вошли в состав вновь созданного батальона, ко-

мандиром которого был назначен флигель-адъютант князь П.Д. Голицын. Причем список этих офицеров (31 человек) был объявлен лично графом Л.А. Перовским еще 25 сентября; среди них значился только один Давыдов – поручик.

Остальные офицеры полка были «частью переведены в прежние места служения, частью зачислены в полки Молодой гвардии и армии (причем им было предоставлено право носить стрелковый мундир в течение года), частью вышли в отставку»³.

С 4 января 1858 г. батальон входил в состав 2-й гвардейской пехотной дивизии, квартировал в Гатчине, с января 1864 г. – в Царском Селе.

31 августа 1870 г. батальон был включен в состав вновь сформированной Гвардейской стрелковой бригады под командованием великого князя Владимира Александровича, 20 августа 1871 г. переименован в л.-гв. 4-й стрелковый Императорской фамилии батальон. В 1877–1878 гг. батальон участвовал в военных действиях на Балканах. В 1884 г. получил права Старой гвардии. 16 мая 1910 г. батальон развернут в двухбатальонный л.-гв. 4-й *Стрелковый Императорской фамилии полк*. В том же году был окончательно организован музей полка.

Во время Первой мировой войны полк участвовал в боевых действиях, в апреле–мае 1918 г. был расформирован.

Изучение списков офицеров батальона, их биографических данных и родословных росписей дворянского рода Давыдовых позволяет утверждать, что два экземпляра призового оружия, хранящегося в фондах музея, принадлежали С.Л. Давыдову (1836–1878) и еще два экземпляра – его сыну Л.С. Давыдову (1872–1914).

Призовое оружие С.Л. Давыдова

Револьвер английский капсюльный сист. Р. Адамса середины 1850-х гг.

Ствол восьмигранный нарезной. Прицельные приспособления состоят из целика и мушки. На раме сверху гравированные завитки, также выгравирована надпись: **Deane Adams & Deane, 30 King William Street London** (ил. 1).

Ударно-спусковой механизм двойного действия. Спица курка обработана насечкой «в сеточку». Барабан с пятью цилиндрическими каморами. В задней части барабана пять брандтубок, на которые

Ил. 1. Револьвер английский капсюльный сист. Р. Адамса середины 1850-х гг. ВИМАИВиВС. Инв. № 050/36

накладывались капсюли перед стрельбой. Спусковой крючок закрыт спусковой скобой, украшенной гравированным растительным орнаментом. Слева на раме перед барабаном на шарнире укреплен рычаг заряжания, передний конец которого фиксируется на небольшом приливе на левой боковой грани ствола в передней части. На шарнире имеется цилиндрический выступ, который при поднятии рычага досылал заряд в гнездо барабана.

Ил. 2. Револьвер английский капсюльный сист. Р. Адамса середины 1850-х гг. ВИМАИВиВС. Инв. № 050/36. Накладка на рукояти с гравированной надписью

Рукоять деревянная, обработана насечкой «в сеточку». Слева на рукояти накладной овальный щитик из белого металла с гравированной надписью: *Л:-Г: Стр: бат.*

Императорской фамилии капитану Давыдову, выше – накладка из белого металла в виде двух скрещенных ружей (ил. 2).

Револьвер мог быть вручен Давыдову в период с 30 августа 1858 г. по 22 апреля 1861 г., когда он состоял в чине капитана (см. ниже биографическую справку).

Общая длина 310 мм, длина ствола 161 мм, калибр 11,25 мм.

Инв. № 050/36. Кн. № 5334. Старый № 3242.

Револьвер поступил в музей до 1935 г.⁴

Adams Robert – Адамс Роберт (1809-1880) – английский оружейный мастер, конструктор и предприниматель. Примерно с 1840 г. тесно сотрудничал с оружейной фирмой «George & John Deane», стал ее руководителем. В 1851 г. запатентовал свой знаменитый капсюльный револьвер, экспонировавшийся в том же году на Международной выставке в Лондоне и послуживший основой для многих подражаний и копий (патент № 13527; в США эта модель запатентована под № 9694 в 1853 г.). Револьвер производился в 1851–1857 гг. реорганизованной фирмой «Deane Adams & Deane». В 1856–1868 гг. Р. Адамс – директор оружейного предприятия «London Armoury Company Ltd.». В 1858 г. открыл собственную торговую фирму в Лондоне по адресу: King William Str. 76. В 1860 г. получил патент № 285 на новую казнозарядную систему оружия.

Роберта Адамса часто путают с его двоюродным братом Джоном Адамсом (1828–1881), также работавшим в области оружейного дела. Джон Адамс в конце 1850-х гг. сотрудничал с двоюродным братом, в 1857–1872 гг. запатентовал несколько конструкций револьверов и других видов огнестрельного оружия, в том числе в 1867 г. револьвер под унитарный патрон, принятый на вооружение в британской армии под названием «Beaumont-Adams». В 1864 г., совместно с пятью другими акционерами, основал оружейную фирму «Adams's Patent Small Arms Company Ltd.», существовавшую до его смерти в 1881 г., по другим данным до 1892 г.⁵

Винтовка немецкая капсюльная целевая 1860-х гг.

Ствол восьмигранный, с шестью нарезами. Прицельные приспособления состоят из так называемого гессенского прицела с регулируемым целиком и мушки с длинным намушником. Сверху на шейке приклада в хвостовике ствола имеется также гнездо для установки дополнительного диоптрического прицела. На верхней грани в казенной части травлением нанесена надпись **GUSS STAHL** (литая сталь). Снизу под стволом в трех шомпольных трубочках хранится деревянный шомпол с латунной головкой. В передней части цевья

**Ил. 3. Винтовка немецкая капсюльная целевая 1860-х гг.
ВИМАИВиВС. Инв. № 031/189**

снизу имеется подвижная антабка для ремня. Наконечник цевья, казенная часть и хвостовик ствола украшены глубокой гравировкой: растительный орнамент (ил. 3).

Ствол скреплен с ложей двумя шплицами и хвостовым винтом. В задней части ложи снизу на двух винтах закреплен так называемый шампиньон – съемный вертикальный упор для левой руки, представляющий собой деревянный диск на металлической стойке.

Замок капсюльный подкладной, с поворотным рычажком-предохранителем. На замочной доске в ленте выгравировано клеймо мастера-изготовителя: **G. NOACK IN BERLIN**. Спусковая скоба фигурная, украшена глубокой гравировкой, задняя ее часть роговая.

Приклад со «щекой». Затыльник приклада стальной, украшен в средней и верхней части гравировкой. С правой стороны на прикладе выдавлен овальный номер **AM 2798**, ниже имеется хранилище для пуль со сдвижной деревянной крышкой. Шейка приклада и цевье частично обработаны насечкой «в сеточку». Ближе к шейке на прикладе с правой стороны укреплена накладная овальная пластинка из белого металла с гравированной надписью: *Командир. Л. Гвар. стрел. бат. Импер. фам. флигел.-адъютан. Полковник. Давыдову*. Имеются следы крепления металлической ленты с надписью «За отличную стрельбу» и накладного знака в виде императорского вензеля А II в венке (утрачены в период 1936–1946 гг.) (ил. 4).

Ил. 4. Винтовка немецкая капсюльная целевая 1860-х гг. ВИМАИВиВС. Инв. № 031/189. Накладка на прикладе с гравированной надписью

Общая длина 1278 мм, длина ствола 872 мм, калибр по нарезам 14,5 мм, толщина стенок ствола в дульной части 5,2 мм.

Инв. № 031/189. Кн. № 3578. Старый № 2798.

Винтовка поступила в музей до 1935 г.⁶

Судя по надписи на пластинке, винтовка была вручена Давыдову в период с 6 декабря 1864 г. (пожалование во флигель-адъютанты) до 5 марта 1868 г. (сдача должности командира батальона).

Ноак Г. – Noack – согласно данным адресных книг Берлина, уже в 1844 г. владел самым крупным в Берлине магазином охотничьих ружей, а также английских и золингеновских стальных изделий⁷. Все встречающиеся на аукционах охотничьи ружья и дуэльные пистолеты с клеймом Г. Ноака относятся к концу 1850-х – 1860-м гг.

Давыдов Сергей Львович (31 марта 1836 – 2 декабря 1878) – сын Льва Васильевича Давыдова (1792–1848) и Анны Васильевны, урожденной Лихачевой (1802–1853), племянник героя войны 1812 г. Дениса Васильевича Давыдова (1784–1839) (ил. 5).

Отец, Лев Васильевич, юнкером 26-го егерского полка участвовал в Русско-шведской войне 1808–1809 гг. В 1810 г. произведен в прапорщики. В 1812 г. сражался с французами при Бородино, в октябре вступил в партизанский отряд, которым командовал его брат Д.В. Давыдов. Награжден золотой шпагой с надписью «За храбрость», в 1813 г. переведен в л.-гв. Егерский полк. С 1814 г. штабс-капитан. В 1818 г. с производством из капитанов в полковники переведен в 22-й егерский полк, из которого в 1820 г. уволен от службы с мундиром. С 1826 г. вновь на службе тем же

Ил. 5. Сергей Львович Давыдов

чином с назначением состоять по армии, в 1829 г. вторично уволен в отставку генерал-майором. С 1838 г. снова состоял на службе, в 1843–1844 гг. заведовал 1-м Московским кадетским корпусом.

Лев Васильевич и его супруга Анна Васильевна имели в браке шестерых сыновей и дочь Елизавету (?–1900), которая была замужем за действительным статским советником князем Г.В. Львовым (1821–1873).

Приведем краткие сведения о братьях С.Л. Давыдова, тем более, что двое из них были также связаны с батальоном Императорских стрелков.

Николай (1829–1866) – в 1846 г. окончил Школу гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров, служил в армейской кавалерии. С 1851 г. в л.-гв. Преображенском полку. 25 января 1855 г. из штабс-капитанов полка был зачислен майором во вновь формирующийся Стрелковый полк Императорской фамилии⁸. На 1857 г. майор по армейской пехоте. С 12.02.1859 по 31.10.1859 г. состоял в списках л.-гв. 4-го Стрелкового батальона Императорской фамилии, подполковник. На начало 1866 г. состоял в том же чине при Министерстве внутренних дел.

Михаил (1831 – до 1880) – в 1851 г. окончил Александровский лицей, впоследствии надворный советник.

Василий (1832–1891) – 13 августа 1852 г. из фельдфебелей Школы гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров зачислен в л.-гв. Преображенский полк. 17 ноября 1863 г. уволен капитаном по домашним обстоятельствам. В 1868 г. проживал в одном доме с братом Сергеем по адресу Разъезжая ул., 21, но в разных квартирах. Впоследствии действительный статский советник, шталмейстер.

Владимир (?–1893) – в 1853 г. окончил Александровский лицей, впоследствии действительный статский советник.

Денис (?–?) – в истории л.-гв. Стрелкового Императорской фамилии батальона говорится, что Денис Львович Давыдов с 20.06.1859 по 27.03.1868 г. состоял в его списках, поручик. По данным справочника Фреймана 16 июня 1859 г. окончил Пажеский корпус и был зачислен в батальон Дмитрий (!) Львович Давыдов⁹. Видимо, это ошибка. В «Адрес-календарях Российской Империи» за этот период ни Денис Львович, ни Дмитрий Львович Давыдовы не значатся как офицеры батальона, да и вообще не упоминаются. В «Адрес-календарях за 1869–1871 гг.» указан Денис Львович Давыдов – титулярный советник, состоявший при Министерстве финансов.

Вернемся к биографии Сергея Львовича Давыдова. По данным справочника С.В. Волкова «Генералитет Российской Империи» С.Л. Давыдов окончил Пажеский корпус и был выпущен подпоручиком в л.-гв. Преображенский полк¹⁰. Однако эта информация ошибочна. В списках выпускников Пажеского корпуса и офицеров, служивших в л.-гв. Преображенском полку, Сергей Львович Давыдов не значится!

Достоверной представляется дата производства С.Л. Давыдова в офицеры 17 февраля 1854 г., именно она указана в нескольких списках офицеров и генералов, изданных в 1860–1870-е гг. В июле 1855 г. при сформировании первого состава Стрелкового Императорской фамилии полка С.Л. Давыдов числился поручиком в 11-й роте 3-го батальона. В 1857 г. произведен в штабс-капитаны, 30 августа 1858 г. – в капитаны. В декабре 1858 г. окончил Офицерскую стрелковую школу. 23 апреля 1861 г. Давыдов был произведен в подполковники. 30 августа 1863 г. назначен командующим батальоном. Осенью того же года батальон под его командованием принимал участие в боевых действиях на территории Виленского военного округа. 4 января 1864 г. Давыдов был произведен в полковники и 8 января утверждён в должности. 6 декабря 1864 г. в чине полковника и должности командира л.-гв. Стрелкового батальона Императорской фамилии пожалован во флигель-адъютанты. 5 марта 1868 г. отчислен от должности с зачислением по армейской пехоте. 30 августа 1873 г. за отличие по службе произведен в генерал-майоры с назначением командиром 2-й бригады 10-й пехотной дивизии, в Свиту и с зачислением по армейской пехоте. 7 октября 1873 г. отчислен от должности с оставлением в Свите. В 1877 г. числился прикомандированным к Главному штабу. 17 декабря 1878 г. исключен из списков умершим¹¹.

Имел российские ордена: Св. Анны 3 ст. (1856), Св. Владимира 4 ст. с мечами и бантом (1863), Св. Станислава 2 ст. (1863), Св. Анны 2 ст. с императорской короной (1866), Св. Владимира 3 ст. (1870), Св. Станислава 1 ст. (1876).

Был женат на своей двоюродной сестре Елизавете Ивановне, урожденной Лихачевой (1853–1884). Супруги имели сына Льва, о нем чуть ниже.

Во втором браке Елизавета Ивановна была замужем за капитаном гвардейской артиллерии Владимиром Ивановичем Гиппиусом (1847–1918), родственником известной поэтессы Серебряного века

Зинаиды Гиппиус. Впоследствии генерал от артиллерии, военный писатель В.И. Гиппиус вписал свое имя в историю оружейного дела, став в 1916 г. одним из инициаторов и учредителей Ковровского пулеметного завода. В настоящее время это завод им. В.А. Дегтярева, отметивший в 2016 г. свое столетие.

В счастливом, но недолгом браке у супругов Гиппиус родилось трое детей, в раннем возрасте оставшиеся сиротами после смерти матери – сводные сестры и брат Льва Давыдова Георгий (1884–1947), участник белого движения, умерший в Берлине.

Давыдов Лев Сергеевич (1872–1914) – получил образование в 1-м кадетском корпусе, затем в 1892 г. окончил Пажеский корпус и был выпущен подпоручиком в л.-гв. 4-й Стрелковый Императорской фамилии батальон. В 1896 г. произведен в поручики. В 1897–1898 гг. находился в служебной командировке на северо-востоке Африки в составе конвоя Российской Императорской Миссии в Абиссинии¹². В 1900 г. произведен в штабс-капитаны, в 1904 г. в капитаны. Участвовал в Русско-японской войне 1904–1905 гг. В 1910 г. произведен в полковники. Командовал 1-м батальоном полка (ил. 6).

Ил. 6. Лев Сергеевич Давыдов

Был награжден орденами: Св. Станислава 3 ст. с мечами и бантом (1905), Св. Анны 3 ст. (1905), Св. Станислава 2 ст. (1908), Св. Анны 2 ст. (1911).

Данные об участии в Русско-японской войне, наградах и семейном положении, которые приводятся в списках капитанов гвардейской пехоты на 1906–1910 гг. и полковников на начало 1910-х гг., противоречивы. Встречаются указания на то, что Давыдов женат и имеет сына (1908), но подтверждения этому найти не удалось. Возможно, правда, что он жил с женой «в разъезде», по разным адресам.

Среди наград Давыдова в списках капитанов гвардейской пехоты за разные годы упоминается наградное оружие за русско-японскую войну, но в именном справочнике по кавалерам золотого оружия Л.С. Давыдов не значится¹³.

3 сентября 1914 г. Л. С. Давыдов погиб в бою при д. Маркжатов. О его смерти сообщалось в газете «Царскосельское дело» 12 сентября (№ 37): «4 жертва войны. Полковник Лев Сергеевич Давыдов, боевой офицер, воевал в японской войне, 4 Стрелковый полк». В следующем номере было сообщено: «11 сентября в Царское Село тело было доставлено с театра военных действий, при большом скоплении народа, тело отнесли в церковь 4-го Стрелкового полка, где 13 сентября состоялись литургия и отпевание». Похоронили полковника Л.С. Давыдова в Царском Селе на Казанском кладбище.

Призовое оружие Л. С. Давыдова

Винтовка немецкая спортивно-охотничья производства фирмы «Зауэр и сын» 1900-х – начала 1910-х гг., модель «Тель III» под патрон «Винчестер» калибра .22 (5,3 мм).

Ствол цилиндрический нарезной. В казенной части ствола вырезана верхняя грань, обработанная рифлением. Прицельные приспособления состоят из целика с постоянным и откидным щитиками и мушки. Между целиком и рифленой гранью на стволе сверху надпись: **J. P. Sauer & Sohn, Suhl**; на рифленой грани в гладкой полоске по средней линии надпись **TELL III. 22.WINCH. CENTR.** В казенной части ствола на правой стороне выбиты клейма: орел, буква **В** под немецкой имперской короной (испытательное клеймо), обозначение калибра **5,3 mm** (отличается от общепринятого обозначения калибра использовавшегося для этой винтовки патрона). На колодке с правой стороны выбиты: орел, буква **В** под немецкой имперской короной (ил. 7).

Ил. 7. Винтовка немецкая спортивно-охотничья производства фирмы «Зауэр и сын» 1900-х – начала 1910-х гг., модель «Тель III» под патрон «Винчестер» калибра .22 (5,3 мм). ВИМАИВиВС. Инв. № 21/66 ОЦФ.

Снизу под спусковой скобой имеется облегающий ее рычаг, при нажатии на который вниз и вперед ствол откидывается вниз, открывая доступ к патроннику для извлечения стреляной гильзы и вклидывания нового патрона. На личинке спусковой скобы выгравирован производственный номер **170022**. Этот же номер выбит на стволе снизу под съемным цевьем.

Ударно-спусковой механизм со шнеллером. Сверху в колодке вмонтирован предохранитель, выполненный в виде поворотного рычажка с двумя ушками.

Ложа короткая, со съемным цевьем. Шейка приклада полупистолетной формы, обработана насечкой «в сеточку». Затыльник приклада пластмассовый, обработан насечкой «в сеточку». На прикладе с правой стороны укреплен серебряный овальный щитик с гравированной надписью: «*Полковой призь Л. Гв. 4го Стр. Императорской фамилии полка из револьверовъ на скорость Полковнику Давыдову 20. IV. 1912 г.*».

В задней части на прикладе справа выдавлен овальный номер **AM 2808**. Сверху в прикладе имеется хранилище с пятью гнездами для патронов, закрывающееся металлической крышкой, фиксирующейся маленькой рифленой задвижкой (ил. 8).

Ил. 8. Винтовка немецкая спортивно-охотничья производства фирмы «Зауэр и сын» 1900-х – начала 1910-х гг., модель «Телль III» под патрон «Винчестер» калибра .22 (5,3 мм). ВИМАИВиВС. Инв. № 21/66 ОЦФ. Накладка на прикладе с гравированной надписью

Общая длина 1020 мм, длина ствола 619 мм, калибр 5,3 мм (.22). Инв. № 21/66 ОЦФ. Кн. № 3525. Старый № 2808.

Винтовка поступила в музей до 1935 г.¹⁴

«**J. P. Sauer & Sohn**» – «**Зауэр и сын**» – одна из самых известных немецких фирм, производящих охотничье оружие. Была основана в Зуле в 1751 г. В XIX – первой половине XX в. конструктивные элементы для своих ружей заимствовала у известных оружейников и без существенных изменений применяла их в своих моделях. Так, система запираания курковых и бескурковых ружей немецкой фирмы состоит из двух подствольных крюков, запирающихся рамкой

Перде, и поперечного болта Гринера; ключ управления – системы Вестли-Ричардса. В курковых ружьях использовались ударно-спусковые механизмы по типу английских и бельгийских оружейников, а в бескурковых – преимущественно простейший, самый распространенный в мире ударно-спусковой механизм системы Энсон-Дилей, запатентованный в Англии в 1875 г.

Винтовки модели «Телль» («Tell») считаются собственной разработкой фирмы «J.P. Sauer & Sohn», они были запатентованы в 1896 г. (патент DRGM 47092). Но затвор, управляемый движением вниз-вперед рычага, расположенного под спусковой скобой, был сконструирован англичанином Дау значительно раньше, еще в 1861 г. Кстати, он был довольно надежным и нередко использовался в охотничьих винтовках и трехствольных комбинированных ружьях.

Винтовки «Телль» выпускались в пяти модификациях – I, II, III, IV и V – различавшихся калибрами и стволами (например, модификация I имела гладкостенный ствол и, строго говоря, относилась к ружьям, а не к винтовкам). Винтовки «Телль» могли использоваться для спортивной стрельбы, а также для охоты на небольших животных; в частности, модификация III под патрон центрального воспламенения .22 Winchester обеспечивала максимальную эффективную дальность стрельбы до 50 м.¹⁵

Пистолет бельгийский казнозарядный однозарядный начала 1910-х гг.

Ствол восьмигранный нарезной. Прицельные приспособления состоят из целика и мушки. На верхней грани в казенной части ствола перед целиком выгравирована надпись: **A. Francotte Á Liege**. За целиком выгравирована цифра **1**. На левой грани в казенной части круглое клеймо с надписью: **A. FRANCOTTE BREVETE** и клеймо – обозначение патрона и калибра **44 S.W.** На нижней грани ствола перед съемным деревянным цевьем выбит номер **281**. Съемное цевье фиксируется небольшим поворотным рычагом. Под цевьем на стволе имеются клейма: на нижней грани – цифры **2 3 10 4**, сплетенные буквы **EL** (Egreuve Liege), буквы **UA** под звездочкой; на левой нижней скошенной грани – буквы **R JL**, клеймо «колонна», клеймо **ELG** со звездочкой в овале под короной (льезское клеймо окончательных испытаний, ставилось с 1893 г.). На внутренней поверхности цевья выдавлена цифра **2** (ил. 9).

Ил. 9. Пистолет бельгийский казнозарядный однозарядный начала 1910-х гг. ВИМАИВиВС. Инв. № 042/129 ОЦФ

Спица курка скошена вправо, обработана мелкой насечкой «в сеточку». Справа на раме расположен рычаг, при нажатии на который ствол откидывается вниз, открывая патронник для извлечения стреляной гильзы и вкладывания нового патрона. Спусковой крючок закрыт спусковой скобой со «шпорой». Поверхность рукоятки и цевья обработаны насечкой «в сеточку». Затыльник рукоятки закрыт стальной накладкой с овальным выступающим шпильком.

Пистолет хранится в деревянном ящике с металлическими фигурными «уголками», обтянутом внутри зеленым сукном. На крышке ящика сверху укреплена серебряная табличка с гравированной надписью:

Ил. 10. Пистолет бельгийский казнозарядный однозарядный начала 1910-х гг. Серебряная табличка с гравированной надписью на крышке ящика

Мартовский призъ изъ винтовокъ Л.-Гв. 4го Стрелковаго Императорской фамилии полка Полковнику Давыдову. 1912 г. (ил. 10). В ящике имеются также принадлежности: 1) круглая деревянная коробочка; 2) пулелейка; 3) шомпол; 4) масленка деревянная; 5) пробойник с клеймом ..ANTRILL & Co. и номером 13; 6) проволочный ершик.

Общая длина 425 мм, длина ствола 287 мм, калибр .44.

Размеры ящика 470 x 215 x 62 мм.

Инв. № 042/129 ОЦФ. Кн. № 4905. Старые № 4315, 96/68.

Пистолет поступил в музей до 1935 г.¹⁶

«*A. Francotte*» – «*Август Франкотт*» – известнейшая бельгийская оружейная фирма, прославившаяся в первую очередь изготовлением охотничьего оружия очень высокого качества. Официальной датой основания фирмы считается 1805 г., а основателем – Бартеlemi Жозеф Франкотт. В период наполеоновских войн фирма производила армейское оружие, с середины 1820-х гг. производство было переориентировано на выпуск охотничьих ружей. В 1825–1848 гг. на продукции фирмы наносилось клеймо «Francotte & Fils». В 1835–1855 гг. фабрика Франкотта была основным поставщиком огнестрельного оружия для швейцарской армии.

К началу 1860-х гг. охотничье оружие фирмы «A. Francotte» уже имело широкую известность в Европе. Кроме охотничьих ружей фабрика выпускала револьверы, целевые и так называемые салонные пистолеты, а также дуэльные наборы, предлагавшиеся потенциальным покупателям как наборы целевых пистолетов, предназначенных для тренировочной стрельбы. Европейские оружейники были вынуждены учитывать формальные запреты на дуэли.

В 1904–1914 гг. некоторые французские и бельгийские оружейные фирмы, в том числе и «A. Francotte», изготавливали и рекламировали в своих каталогах «пистолеты для салонных дуэлей», в основном под патроны .44 S.W. Russian или калибра 8 мм. Участники салонных дуэлей надевали тяжелые полотняные плащи и шлемы со стеклянными забралами. Оружием таких «дуэлянтов» были пистолеты, запатентованные в 1901 и 1905 гг. французским врачом Полем Девийе; для стрельбы использовались патроны с восковыми пулями, сохранявшими точность на дистанции 15–20 метров. Салонные дуэли щекотали нервы «дуэлянтам» и в то же время гарантировали им полную безопасность.

Отметим, что пистолеты для салонных дуэлей почти ничем не отличались от целевых пистолетов и для стрельбы из них вполне могли использоваться также обычные боевые патроны¹⁷.

В приведенных выше описаниях призового оружия Давыдовых формулировки награждения в соответствующих надписях несколько отличаются одна от другой. Попробуем разобраться, что же это были

за призы – императорские, так называемые обыкновенные, полковые или какие-то другие. Тем более, что одна из распространенных ошибок немногочисленных авторов, исследовавших историю стрелковой подготовки в русской армии, – мнение о том, что императорские призы за стрельбу были введены в 1856 г.

Напомним вкратце историю состязаний в призовой стрельбе среди офицеров. Их инициатором стал генерал-адъютант, генерал от кавалерии граф Ф.В. Ридигер, вступивший в командование Гвардейским и Гренадерским корпусами в начале 1855 г. В том же году для совершенствования стрелковой подготовки офицеров в Петербурге были открыты три стрельбища: в Школе гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров, в 1-м и Константиновском кадетских корпусах. Оружие и припасы отпускались туда бесплатно, и офицерам всячески рекомендовали тренироваться в стрельбе.

15 февраля 1856 г. в присутствии императора Александра II состоялись первые состязательные стрельбы из штатных капсюльных винтовок, в которых принимали участие почти исключительно гвардейские офицеры. Призами для лучших стрелков было ручное огнестрельное оружие, преимущественно иностранного производства.

22 марта 1856 г. императорским указом были утверждены «Правила ежемесячных состязаний офицеров в цельной стрельбе», объявленные 24 марта военным министром главнокомандующему Гвардейским и Гренадерским корпусами¹⁸.

В «Правила...», впервые регламентирующие призовую стрельбу офицеров, были включены, в частности, следующие пункты:

«5. На стрельбе допускается употребление ружей всякого рода как казенных, так и собственных, и при том какой бы то ни было системы и устройства».

Т. е., офицерам предоставлялась полная свобода в выборе оружия для состязаний.

«13. Призы состоят из различного рода огнестрельного оружия, русского или иностранного, с надписью на каждом призе *«за отличную стрельбу такого-то числа и года»*, к которой потом присоединяется и имя заслужившего приза. Из числа этих призов один имеет ценность вдвое большую против каждого из прочих и называется *первым*, а прочие – призами *второго разряда*».

Отметим в 13-м пункте возможность использования в качестве призового оружия иностранных образцов, а также отсутствие упоминания об императорских призах. Четырем лучшим стрелкам каждого

месяца были установлены следующие призы: первому – стоимостью 100 рублей, остальным трем – по 50 рублей серебром.

«15. Так как призы имеют целью поощрение офицеров к совершенствованию себя в стрельбе и потому не должны быть присуждаемы лицам, которые останутся на известной степени в этом искусстве, а между тем, получая призы, лишили бы оных тех, которые оказали действительные успехи, то и постановляется правилом: что выигравший два приза одинакового разряда на одной дистанции не может до истечения года получить одного в третий раз на той же дистанции, но не лишается права на приз высшего разряда, или, если призы были выиграны на ближней дистанции, то и на получение того же приза за стрельбу на дальней дистанции. Выигравший же первый приз, хоть один раз, не может уже получить приза второго разряда при стрельбе на той же дистанции... Ближними считаются дистанции, меньшие шестисот шагов, дальними же в шестьсот и более шагов».

Очередные состязательные стрельбы проходили 20 марта, 19 апреля и 20 мая 1856 г. Призы, завоеванные лучшими стрелками, разделялись на первые и вторые, различавшиеся стоимостью.

Затем гвардейские части отправились в летние лагеря и на подготовку к коронации Александра II. Поэтому следующие состязания по стрельбе прошли в Москве 5 сентября 1856 г. среди офицеров всех частей, принимавших участие в коронации. К состязаниям было допущено более 50 офицеров, было роздано 24 приза¹⁹.

В том же году состязательные стрельбы проходили еще дважды: 19 ноября и 28 декабря (последние – уже на новом стрельбище на Семеновском плацу).

В следующем 1857 г. состязательные стрельбы проводились четыре раза: 1 февраля, 19 марта, 18 апреля и 2 августа (в летних лагерях).

В утвержденных 13 января 1858 г. «Правилах для стрельбы в цель и состязаний офицеров в войсках гвардии»²⁰ было установлено три состязания по стрельбе в году: 1-е зимнее во второй половине января, 2-е весеннее в первой половине апреля и 3-е летнее в начале августа. Ниже приводятся выдержки из текста «Правил...» 1858 г., представляющие для нас наибольший интерес.

«19. На состязаниях дозволяется стрелять из ружей и винтовок, как казенных, так и собственных, и притом какой бы то ни было системы.

23. Всемиловейше жалуемые офицерам призы состоят из различного рода огнестрельного оружия и выдаются с надписью: *Такому-то за отличную стрельбу при состязании такого-то числа и года. Некоторые из этих призов, значительно превышающие прочие ценой и достоинством, называются первыми призами*».

Как мы видим, императорские призы в правилах 1858 г. также не упоминаются.

«24. На каждое состязание назначается известное число призов, а именно: на январское – двенадцать, на апрельское – шестнадцать, на августовское – двадцать, в том числе по несколько первых призов.

25. ...Удостоенные призов офицеры выбирают оные из всего различного числа, по очереди, определяемой относительным достоинством стрельбы при их состязании.

26. Если приз будет присужден офицеру, который получил уже таковой при одном из прежних состязаний, то он получает его только в таком случае, если средний результат стрельбы его превосходит тот, которым заслужен был им прежний приз, независимо от общих результатов, назначаемых для присуждения призов; в противном случае он приза не получает, а ему выдается только свидетельство в том, что он удовлетворил условиям, требуемым для получения приза. Но очевидно, что результаты стрельбы при различных условиях, как, например, мишенях различного рода или величины, могут быть сравниваемы между собой только относительно. При невозможности же в точности определить относительное достоинство сравниваемых результатов, приз должен быть выдаваем».

В мае того же года при Штабе Отдельного Гвардейского корпуса была введена должность заведывающего офицерской стрельбой²¹.

Императорские призы впервые были учреждены 30 марта 1859 г. «Положением о состязаниях в цельной стрельбе между офицерами армейских войск»²². Состязания, установленные в армейских пехотных полках и резервных батальонах, стрелковых батальонах, саперных батальонах, должны были теперь проводиться только один раз в год, начиная со следующего 1860 года. Во всем прочем войска должны были руководствоваться «Правилами...» для гвардейских частей (см. выше) с изменениями и дополнениями, содержащимися в некоторых пунктах «Положения...»:

«8. Призы бывают двух родов: Императорские, жалуемые от имени его величества, и обыкновенные.

9. Императорские и обыкновенные призы состоят из разного рода и различных систем ручного огнестрельного оружия, но они не разделяются, как в гвардии, на два разряда (на первые и вторые призы), так как состязания в армии могут производиться отдельно в каждом полку и батальоне, для которых и высылаются в таком случае по одному обыкновенному призу.

Примечание: Обыкновенные призы для стрелковых батальонов отличаются от обыкновенных же призов для прочих войск нарезкою на стволах и замках (здесь и далее под нарезкой подразумевается гравировка. – А. К.).

10. ...для всех армейских состязаний назначается ежегодно 157 обыкновенных призов (28 в стрелковые батальоны, 84 в пехотные и гренадерские полки, 14 в драгунские полки, 7 в саперные батальоны, 24 в резервные пехотные дивизии из расчета по 1 на три батальона. – А. К.).

11. Императорских призов, жалюемых от имени его величества, высылаются ежегодно в войска армии 11 (2 в стрелковые батальоны, 1 в Отдельный гренадерский корпус, 6 в армейские корпуса, 2 в резервную пехоту. – А. К.).

13. ...Получение обыкновенного приза не может препятствовать получению одним и тем же лицом приза Императорского (условия для получения обыкновенных и особые условия для Императорских призов определялись программой состязаний, рассылавшейся в начале года в войска. – А. К.). Императорские призы присуждаются: в стрелковых батальонах – его высочеством инспектором сих батальонов, в резервных войсках – начальником резервов армейской пехоты, а в гренадерских и армейских корпусах – каждым из корпусных командиров.

14. Награда Императорскими призами, жалюемыми от имени его величества, вносится в формулярные списки удостоенных к ней офицеров. Обыкновенные призы записываются в формуляры офицеров в таком только случае, если бы состязание в какой-либо части армейских войск было произведено в высочайшем присутствии.

16. Императорские и обыкновенные призы заготавливаются исключительно на наших оружейных заводах.

18. Из... ведомости ценному оружию, которое может быть изготовляемо на Тульском заводе, видно, что вообще ценность этого оружия не одинакова: самый дешевый из обыкновенных призов (мусульманское ружье) обходится на заводе в шестьдесят восемь

рублей, самый дорогой из обыкновенных же призов (американский штуцер) – без нарезки в девяносто рублей. Поэтому лица, на которые... возложен выбор оружия, обязаны наблюдать, чтобы годовая стоимость призов... не превышала бы стоимости призов по средней заводской цене... за Императорский приз сто пятнадцать рублей, за обыкновенный приз для стрелковых батальонов (с нарезкой) семьдесят девять рублей, а за обыкновенный приз для прочих войск (без нарезки) семьдесят четыре рубля».

В 1866 г. было утверждено «Наставление для стрелкового образования пехоты и драгун», отменившее произвольный выбор армейскими офицерами оружия для состязательной стрельбы. В «Наставлении...» говорилось: «Стрельба на состязании производится непременно из оружия того же образца, каким вооружена часть войск, к которой принадлежит состязающийся, и по правилам стрельбы нижних чинов». Гвардейским офицерам в зимних состязаниях разрешалось использовать винтовки любой системы, а призы для гвардейских офицеров могли заказываться и за границей²³.

В связи с формированием новых частей количество обыкновенных призов для армии увеличивалось, например, в 1864 г. их стало уже 212²⁴. Росло также и количество Императорских призов, в 1868 г. их стало 12, в 1879 г. – 14, в 1899 г. – 34 (25 за стрельбу из винтовок и 9 за стрельбу из револьверов), с 1911 г. – 38 (28 за стрельбу из винтовок и 10 за стрельбу из револьверов)²⁵.

Приведенные выше цифры не означают, что ежегодно вручались сотни единиц огнестрельного оружия в качестве призов за стрельбу. Например, офицеры, участвовавшие в состязаниях, не всегда достигали при стрельбе результатов, соответствующих требованиям для получения приза. В таком случае заготовленные, но не использованные призы, как обыкновенные, так и Императорские, переходили в запас для следующих состязаний²⁶. Кроме того, у награжденного оставалось право выбора в качестве приза взамен любого из заказанных для этой цели образцов оружия соответствующей денежной суммы²⁷. Многие армейские офицеры, показывавшие высокие результаты в состязательной стрельбе на протяжении длительного времени и неоднократно завоевывавшие призы, так и поступали, выбирая деньги, служившие существенным подспорьем при их относительно небольших окладах денежного содержания.

В гвардейских частях совсем уж бедствующих офицеров не было, но некоторые из них с трудом сводили концы с концами, поддержи-

вая статус офицера элитной части, фактически не получали жалованья и, более того, еще тратили некоторые личные средства на полковые праздники, подарки и пр. В такой ситуации гвардейский офицер, неоднократно завоевывавший призы, вполне мог, получив одну–две единицы огнестрельного оружия, выбирать в дальнейшем деньги. Наверняка такой выбор делали, например, отличные стрелки из л.- гв. Семеновского полка: полковник Э.Л. Левстрем, завоевавший, по воспоминаниям современников, тринадцать (!) Императорских призов, и полковник А.А. Свешников, награжденный шестью призами. Офицер того же полка Ю.В. Макаров писал в своих мемуарах, рассказывая о летних лагерных сборах в 1907 г.: «...стрельба как-то раз производилась днем. Когда все роты отстреляли, часов около 7 вечера, приступили к офицерской стрельбе, стоя, на сто шагов, в круглые призовые мишени. Каждая смена по десять человек, по старшинству, полковники, капитаны и т. д. Призовикам Левстрему, Луде, Свешникову и Гончарову вестовые подали их собственные винтовки, где все ложе было залеплено золотыми и серебряными накладками в память взятых призов»²⁸.

Призовые стрельбы, призы, их количество и стоимость в гвардейских частях, на флоте, в Отдельном корпусе пограничной стражи регламентировались соответствующими приказами и распоряжениями по этим ведомствам.

С 1874 г. были введены состязания в цельной стрельбе на призы между офицерами всех линейных батальонов, крепостных полков и батальонов²⁹. В 1877 г. военный министр генерал-адъютант Д.А. Милютин приказал учредить состязательную стрельбу для офицеров и казаков в Войске Донском³⁰. В 1880 г. были введены состязания по стрельбе в Сибирском и Оренбургском казачьих войсках, в 1883 г. – в Кубанском, Терском и Астраханском казачьих войсках³¹. В Сибирском войске, например, для призов были предназначены охотничьи ружья и револьверы, всего на войско 3 первых приза ценностью по 100 руб. и 6 вторых призов ценностью по 60 руб.

В Уральском казачьем войске также проводились состязательные стрельбы офицеров³².

В 1895–1896 гг. право участия в призовых стрельбах было предоставлено уездным воинским начальникам и офицерам конвойных команд, в 1897 г. – офицерам крепостных саперных и минных рот³³.

С 1896 г. в Петербургском, Московском и Варшавском военных округах командиры частей не принимали участие в состязаниях по стрельбе на обыкновенные и Императорские призы³⁴.

В 1902 г. был введен особый металлический знак для помещения на призовое огнестрельное оружие офицеров, получивших Императорские призы за стрельбу из винтовок. В 1904 г. он был заменен другим знаком, предназначенным для крепления на ножнах холодного оружия, причем ношение этого знака не распространялось на офицеров, получивших призы до 1904 г. В 1906 г. такой же знак был введен для офицеров, получивших Императорские призы за стрельбу из револьверов³⁵.

В 1910 г. в Войске Донском были добавлены 11 обыкновенных призов за стрельбу из винтовок и револьверов для офицеров, участвующих в лагерных сборах, офицеров местных команд и команды рыбных ловель³⁶.

Можно утверждать, что требование пункта 16-го «Положения...» 1859 г. о заказе призового оружия для армейских и гвардейских офицеров исключительно отечественного производства с самого начала фактически не соблюдалось. Если английский револьвер системы Адамса мог быть вручен С.Л. Давыдову и до утверждения «Положения...», то призовую немецкую винтовку Давыдов мог получить только в период 1864–1868 гг. Возможно, он выбрал ее сам, что разрешалось пунктом 25-м «Правил...» 1858 г., и этот пункт не был позднее отменен.

Оплата Императорских призов проводилась из Кабинета его величества, заказ и рассылка обыкновенных призов в войска была в ведении Главного артиллерийского управления Военного министерства.

В некоторых армейских корпусах, дивизиях, полках и батальонах заказ и оплата призов, а также их присуждение могли иметь свои особенности.

Например, командовавший в 1859–1861 гг. л.-гв. Стрелковым батальоном Императорской фамилии флигель-адъютант полковник граф Н.В. Левашов, 8 марта 1861 г. произведенный в генерал-майоры с назначением в Свиту, в память о командовании батальоном установил на собственные средства призы для ежегодного состязания в стрельбе вплоть до марта 1869 г., то есть до тех пор, когда, по словам Левашова, «последние люди, служившие со мною в одно время, будут уходить в бессрочный отпуск»³⁷.

В 1908 г. командующий 10-м армейским корпусом генерал-лейтенант Я.Г. Жилинский составил и утвердил своим приказом правила присуждения призов за стрельбу из винтовки во вверенном ему корпусе. Согласно этим правилам, личный приз за стрельбу мог быть

присужден офицеру только того полка, который завоевал общий корпусной приз, даже если лучший личный результат был показан офицером другого полка. Стоимость личного офицерского приза была установлена в 100 руб., приз мог быть выдан оружием, деньгами или частью оружием и частью деньгами³⁸.

В 1910-х гг. в Петербургском военном округе Императорскими призами за стрельбу могли награждаться только офицеры гвардейских частей, а обыкновенные призы получали офицеры армейских пехотных и кавалерийских полков – выдавалось по одному обыкновенному призу на полк в размере 50 руб. за стрельбу из винтовок и 24 руб. за стрельбу из револьверов³⁹.

Изучение военной периодики последней четверти XIX – начала XX в., (журналы «Разведчик» и «Оружейный сборник»), а также послужных списков некоторых офицеров армии и казачьих войск позволяет выстроить некую градацию призов за состязательную стрельбу по степени их достоинства.

Императорские призы – присуждаемые от имени императора, вручаемые лично императором или от его имени высшим старшим командиром на стрельбах, самые почетные и выше всего ценившиеся награжденными. В гвардии вручались 1-е и 2-е Императорские призы, в других частях если такой приз присуждался, то назывался просто Императорским. Свидетельством обладания Императорским призом служил накладной серебряный знак на огнестрельном оружии, выполненный в виде венка из лавровой и дубовой или двух лавровых ветвей, обрамляющих императорский вензель А II, А III или Н II, а также накладная серебряная лента с надписью «За отличную стрельбу». К сожалению, пока не удалось найти документ, которым эти знак и лента были утверждены. В начале XX в. внешний вид знаков, крепившихся на оружии, уже регламентировался соответствующими приказами по военному ведомству. Результаты стрельб на Императорские призы среди армейских офицеров отражались в соответствующих циркулярах Главного штаба, результаты стрельб в гвардейских частях должны были публиковаться в приказах по Гвардейскому корпусу, иногда сообщались в разделе «Хроника» журнала «Офицерская жизнь».

Обыкновенные призы – присуждаемые в существенно большем количестве, чем Императорские, – в начале XX в. всего около 250 в армии, на флоте и в других ведомствах. Для их получения достаточно было показать результаты в стрельбе, несколько уступающие

результатам кандидатов на Императорский приз. Специального утвержденного призового знака на оружие для обыкновенных призов не существовало, они изготавливались в произвольной форме. Если такой произвольный знак крепился на оружии, то слово «обыкновенный» в надписи не указывалось.

Корпоративные или войсковые призы – призы, выдававшиеся победителям в состязательных стрельбах, проводившихся в отдельных батальонах, полках, корпусах, округах, на лагерных сборах и т. п. Такие призы иногда разделялись на несколько степеней – 1-й приз, 2-й приз, 3-й приз и даже 4-й приз. Результаты таких состязательных стрельб в отдельных случаях сообщались в военной периодике, например, в разделах «Заметки» или «Хроника» журнала «Разведчик».

В Петербурге в апреле 1860 г. были организованы совместные состязательные стрельбы из произвольных винтовок на дистанции 100 шагов офицеров Гвардейского корпуса и «частных любителей и охотников стрельбы в цель». В качестве одного из призов императором была предоставлена американская винтовка сист. Шарпа. На призах, по желанию участников этих состязаний, могла быть сделана надпись «Приз любителей и охотников за отличную стрельбу»⁴⁰.

Отдельно необходимо сказать о тех офицерах, которые, согласно формулировкам в послужных списках, «выполняли условие для получения» обыкновенного приза. Т. е. эти офицеры по результатам стрельбы тоже получали право быть награжденными, но количество призов было ограничено, поэтому они «уходили» к лучшим из лучших или старшим в чине, а остальные офицеры, близкие или равные победителю в результатах стрельбы, могли рассчитывать на получение денег (как мы помним, и победитель тоже зачастую брал приз деньгами).

На практике деньги получали далеко не все офицеры, «выполнившие условия». Например, в 1894 г. в Туркестанском военном округе на состязательных стрельбах 63 (!) офицера показали результаты, дающие право на получение обыкновенного приза. В заметке об этих стрельбах, опубликованной в журнале «Разведчик»⁴¹, названы фамилии трех лучших офицеров. Можно предположить, что только им и были присуждены призы. Награждение деньгами еще 60 человек не могло состояться просто потому, что не было предусмотрено никакими сметами. И такие ситуации возникали довольно часто.

С учетом вышеизложенного обратимся еще раз к надписям на призовом оружии Давыдовых.

Как уже говорилось, револьвер с надписью «*Л:-Г: Стр: бат. Императорской фамилии капитану Давыдову*» мог быть вручен С.Л. Давыдову в период с 30 августа 1858 г. по 22 апреля 1861 г., когда он состоял в чине капитана. Поскольку последние состязательные стрельбы в 1858 г. в Гвардейском корпусе были проведены 5 августа, период вручения револьвера можно ограничить датами 1 января 1859 г. – 22 апреля 1861 г.

Данными об состязательных стрельбах в Гвардейском корпусе за 1859 г. автор не располагает. В 1860 г. стрельбы проходили три раза: 25 января, 7 мая и 25 июля.

Давыдов участвовал в состязательных стрельбах 25 июля, к которым подошел с 62-м предварительным результатом среди 76 участников. К сожалению, окончательный результат Давыдова в призовой стрельбе 25 июля пока выяснить не удалось. Известно, что в тот день 76 участников разыграли 20 призов, в том числе 5 первых.

В надписи на револьвере нет слов «Императорский приз» и указания достоинства приза «1-й» или «2-й» (предположительно, на призах гвардейцев это должно было указываться с начала 1858 г., но фактически делалось далеко не всегда), изначально не был предусмотрен накладной знак в виде венка с императорским вензелем. Скорее всего, револьвер Давыдов получил в качестве приза за состязания в стрельбе не среди офицеров всего Гвардейского корпуса, а среди офицеров своего стрелкового батальона Императорской фамилии.

В 1860-х гг. С.Л. Давыдов неоднократно участвовал в состязательных стрельбах офицеров Гвардейского корпуса, проводившихся три раза в год, и по крайней мере один раз, в период с 6 декабря 1864 г. до 5 марта 1868 г. был награжден Императорским призом – немецкой винтовкой, на прикладе которой кроме таблички с надписью: «*Командир. Л. Гвар. стрел. бат. Импер. фам. флигел.-адъютан. Полковник. Давыдову*» была укреплена также серебряная лента с надписью «За отличную стрельбу» и накладной серебряный знак в виде императорского вензеля А II в венке. Они, к сожалению, были утрачены в период эвакуации фондов музея во время Великой Отечественной войны, но зафиксированы на фотографии предмета, сделанной в 1930-х гг. В оружейных фондах музея имеются еще две винтовки с накладными вензелевыми знаками, а также вензелевые призовые знаки капитана Генерального штаба Н.Н. Комарова, получившего 1-й Императорский приз за стрельбу в 1886 г.

Отличным стрелком был и единственный сын С.Л. Давыдова – Лев Сергеевич, который тоже получал призы за состязательную стрельбу из винтовок и револьверов. Его призовая немецкая винтовка производства фирмы «Зауэр и сын», модель «Телль III», безусловно была полковым призом, о чем свидетельствует надпись на щитике, укрепленном на прикладе: *«Полковой призъ «Л. Гв. 4го Стр. Императорской фамилии полка» изъ револьверовъ на скорость Полковнику Давыдову 20. IV. 1912 г.»*.

Что касается бельгийского пистолета – «Мартовского приза...» того же 1912 г., его статус можно уточнить только после того, как будет установлен список гвардейских офицеров, награжденных Императорскими призами в марте 1912 г. Отсутствие призового вензелевого знака на этом пистолете вполне объяснимо: с 1904 г. такие знаки крепились на ножнах офицерского холодного оружия⁴².

Призовое огнестрельное оружие второй половины XIX – начала XX в., сохранившееся в единичных экземплярах в собраниях крупных российских музеев, а также в некоторых зарубежных частных коллекциях, сегодня представляет собой исключительную редкость. В полной мере это относится и к призовому оружию Императорских стрелков Давыдовых, знакомство с которым позволило приоткрыть новую страницу в практически не изученной истории состязательной стрельбы в русской армии.

¹ Полное собрание законов Российской Империи (далее ПСЗРИ). Собрание 2-е. Т. XXIX. Отд. 1-е. 1854. СПб., 1855. С. 879–880. № 28667.

² Богданович Е. Стрелки Императорской Фамилии. Исторический очерк. СПб., 1899. С. 13.

³ Там же. С. 42.

⁴ Датировано по книге учета поступлений: Архив ВИМАИВиВС. Ф. 3р. Оп. 112. Д. 13. Л. 198.

⁵ Heer E. Der Neue Stöckel. В. I. Schwäbisch Hall. 1979, S. 4; Gardner R. Small arms makers. A directory of fabricators of firearms, edged weapons, crossbows and polearms. New York, 1963. P. 227.

⁶ Датировано по книге учета поступлений: Архив ВИМАИВиВС. Ф. 3р. Оп. 112. Д. 13. Л. 67–68.

⁷ Allgemeiner Wohnungsanzeiger für Berlin, Scharlottenburg und Umgebungen auf das Jahr 1844. Berlin, 1844. S. 331.

⁸ История л.-гв. Преображенского полка. 1683–1883 гг. Т. IV. Приложения. Паг. 2-я. С. 77.

⁹ Богданович Е. Указ. соч. С. 173; Фрейман О.Р. Пажи за 183 года. Фридрихсгам, 1894. С. 543.

- ¹⁰ Волков С.В. Генералитет Российской Империи. Т. 1. М., 2009. С. 423.
- ¹¹ Список генерал-адъютантам, Свиты его величества генерал-майорам, флигель-адъютантам и генералам, состоящим при особе его величества. Исправлено по 1 августа 1877 года. СПб., 1877. С. 214; Столетие Военного министерства 1802–1902. Императорская главная квартира. История государевой Свиты. Царствование императора Александра II. Приложения. СПб., 1914. С. 196, 237.
- ¹² Краснов П.Н. Казаки в Абиссинии. Дневник Начальника конвоя Российской Императорской Миссии в Абиссинии в 1897–98 году. СПб., 1898.
- ¹³ Исмаилов Э.Э. Золотое оружие с надписью «За храбрость». Списки кавалеров 1788–1913. М., 2007.
- ¹⁴ Датировано по книге учета поступлений: Архив ВИМАИВиВС. Ф. 3р. Оп. 112. Д. 14. Л. 71.
- ¹⁵ Arfmann P., Kallmeyer P. J. P. Sauer & Sohn. Geschichte der ältesten deutschen Waffenfabrik gegr. 1751. Peter-Arfmann-Verlag, 2004. S. 30–33.
- ¹⁶ Датировано по книге учета поступлений: Архив ВИМАИВиВС. Ф. 3р. Оп. 112. Д. 14. Л. 254.
- ¹⁷ Bastié J.-P. Duel et tir d'assaut // Armes & Collections Magazine. № 19.
- ¹⁸ О призывной офицерской стрельбе в Гвардейском корпусе (сообщено) // Военный сборник. 1858. Т. IV. Паг-я 3-я. С. 36; ПСЗРИ. Собрание 2-е. Т. XXXI. Отд. 2-е. 1856. СПб., 1857. Дополнения к XXXI т. С. 8–10. № 30286а.
- ¹⁹ Карцов П. Исторический очерк лейб-гвардии Первого Стрелкового его императорского величества батальона с 1856 по 1885 год. СПб., 1885. С. 25–26.
- ²⁰ ПСЗРИ. Собрание 2-е. Т. XXXIII. Отд. 1-е. 1858. СПб., 1860. С. 31–35, № 32673.
- ²¹ Там же. № 33208.
- ²² Там же. Т. XXXIV. Отд. 1-е. 1859. СПб., 1861. С. 241–244. № 34302.
- ²³ Наставление для стрелкового образования пехоты и драгун. СПб., 1866. С. 258; Приказ военного министра № 360 от 1866 г.
- ²⁴ ПСЗРИ. Собрание 2-е. Т. XXXIX. Отд. 1-е. 1864. СПб., 1867. С. 684, № 41134.
- ²⁵ Циркуляр Главного Штаба от 21 апреля 1868 г.; Наставление для обучения стрельбе в цель пехоты и драгун. СПб., 1870. С. 181; Наставление для обучения стрельбе. СПб., 1884. С. 145; Наставление для обучения стрельбе из винтовок и револьверов. СПб., 1909. С. 152; Наставление для стрельбы из винтовок, карабинов и револьверов. Пг., 1916. С. 249.
- ²⁶ Наставление для стрелкового образования пехоты и драгун. СПб., 1866. С. 260. Генерал-майор Л.Ф. Савицкий, вступивший в командование 45-й пехотной бригадой в январе 1897 г., в каждом полку бригады нашел от 3 до 5 неиспользованных призов за состязательную стрельбу из винтовок; офицеры бригады в течение нескольких лет не показывали результатов, необходимых для получения приза.
- ²⁷ Наставление для стрелкового образования пехоты и драгун. СПб., 1866. С. 257; Наставление для обучения стрельбе. СПб., 1899. С. 148–149; Наставление для обучения стрельбе из винтовок и револьверов. СПб., 1909. С. 145. В 1899 г., как и в 1859 г., стоимость Императорского приза составляла 115 руб., обыкновенных призов – 79 или 74 рубля, в 1909 г. стоимость обыкновенных призов снизилась до 50–55 рублей.
- ²⁸ Макаров Ю.В. Моя служба в Старой Гвардии. 1905–1917. Мирное время и война. Буэнос-Айрес, 1951. С. 44.
- ²⁹ Приказ по военному ведомству № 314 от 1873 г.
- ³⁰ Приказ по военному ведомству № 198 от 1877 г.

- ³¹ Приказы по военному ведомству № 39, 138 от 1880 г., № 270 от 1883 г.
- ³² Приказ по военному ведомству № 428 от 1910 г.
- ³³ Предписания Главного штаба № 58846 от 1895 г. и № 21178 от 1896 г.; Циркуляр Главного штаба № 238 от 1897 г.
- ³⁴ Приказание по войскам гвардии и Петербургского военного округа № 86 от 1896 г.; Приказание по Московскому военному округу № 333 от 1896 г.; Приказание по Варшавскому военному округу № 302 от 1896 г.
- ³⁵ Приказы по военному ведомству № 2 от 1902 г., № 477 от 1904 г., № 696 от 1906 г.
- ³⁶ Приказ по военному ведомству № 445 от 1910 г.
- ³⁷ Богданович Е. Указ. соч. С. 57–58.
- ³⁸ Разведчик. 1908. № 916. С. 341.
- ³⁹ Приказание по войскам гвардии и Петербургскому военному округу № 163 от 1911 г.
- ⁴⁰ Приказание по Отдельному Гвардейскому корпусу от 26 февраля 1860 г.
- ⁴¹ Разведчик. 1895. № 238. С. 433.
- ⁴² Приказ по военному ведомству № 477 от 1904 г.

О.А. Курбатов (Москва)

ЗАПАДНЫЕ ВОИНСКИЕ ОБЫЧАИ В РУССКИХ ВООРУЖЕННЫХ СИЛАХ СЕРЕДИНЫ XVII ВЕКА: ПУТИ ПРОНИКНОВЕНИЯ И ПРОБЛЕМЫ БЫТОВАНИЯ*

ВХОДЕ ВОЕННЫХ РЕФОРМ, начавшихся в России с 1630-х гг. и призванных вывести вооруженные силы на европейский уровень, началось тесное знакомство русских людей с ратными обычаями Европы и проникновение последних в служебный обиход. Усвоение элементов военного церемониала, конечно же, не приняло того широкого размаха, как в петровское время; предлагаемое сообщение призвано наметить некоторые пути этого проникновения и обозначить рамки и формы существования европейских военных обычаев в русской армии того периода.

Непосредственная деятельность иноземных начальных людей

Начнем с того, что западные ратные традиции свободно бытовали в частях царского войска, состоящих из «немцев» – имеются в виду конные роты служилых иноземцев, просуществовавшие до середины XVII в.¹ Их чином было предоставлено право самим выбирать себе начальных людей, а ротмистрам – составлять проекты знамен² и, по-видимому, росписи необходимого снаряжения и штаты музыкантов. Надо полагать, что и в отношении прочих вопросов внутреннего устройства служилые иноземцы пользовались значительной автономией.

При создании полков «нового строя» «немцы» вполне естественным образом принесли в них не только свои специальные военные знания, но и старые традиции и обычаи. Вообще, действия первых солдатских или рейтарских частей русской армии правомерно рассматривать как добросовестное воспроизведение образа боя соот-

* Статья подготовлена в рамках проекта РГНФ № 15-01-00464 «Обряд войны: воинские традиции и обычаи в Московской Руси XV–XVII вв.».

ветствующих родов войск (инфантерии и кавалерии) национальных армий Западной Европы. Столь разные по значимости действия как способ ведения стрельбы или манера салютации старшему начальнику преподавались иноземными офицерами и воспринимались русскими людьми как вполне равноценные составляющие иноземного «ратного строя» – с требованием обязательного их исполнения.

Яркое описание не чисто уставных, а реальных действий обычного солдатского подразделения XVII в. содержится в следственном деле о неудачном штурме Копыси (1661), который был предпринят без государева указа и потому стал предметом разбирательства царского чиновника³. Дело в том, что воеводы и офицеры обвинили во всем самих солдат из солдатского полка Николая Фанзалена, якобы самовольно пошедших в атаку при виде пожара в крепости, а те сплоченной массой отвергли этот навет и били челом на своих начальников. В итоге для допроса на очную ставку были вызваны одни из важнейших действующих лиц любого боя – ротные урядники (каптенармусы, подпрапорщики и барабанщики) – и это дает уникальную возможность взглянуть на подробности штурма их собственными глазами:

«И каптинармосов 12 ч. сказали:

Как де в городе от пушечные стрелбы загорелось, и полковник де, и маеор, и начальные люди велели им к приступу порох давать, и они де пороху салдатом раздали и ходили на приступ все.

[Под]прапорщики 12 ч. сказали:

Как де в городе пожар учинился, а они де в то время были в таборах, и к ним прибежал маеор Онтон Рейн, и взяв их со знамены, привел к полковнику к Миколаю в шанцы, и полковник де, взяв их, пошел к городу на приступ. И приведчи их под город, поставил от Днепра против Наугольные башни, а сам ходил на приступ и в город ручные гранаты метал, а салдатов от города не отбивал.

Барабанщиков 12 ч. сказали:

Как де от гранатной стрельбы в городе учинился пожар, и полковник де из шанец прислал по салдат сержантов, и сержанты, взяв салдатов, привели к шанцом.

И полковник де велел им, барабанщиком, на приступ бить в барабаны и пошел сам к городу наперед, а они де пошли за ним. И пришед под город, поставил их от Днепра против Наугольные башни...».

По всему комплексу документов последовательность событий представляется таким образом. Имея повеление склонять жителей

Копысы к сдаче моральным давлением и артиллерийским обстрелом, воевода повел к городу шанцы и велел полковнику Фанзале-ну обстреливать его гранатами и калеными ядрами. Запалив один из дворов удачным выстрелом (уже глубокой ночью), полковник немедленно начал штурм собственным полком: неясно, с согласия воеводы или же на собственный страх и риск. Из шанцев, где стояла его батарея, он послал майора в лагерь за ротными знаменщиками, а ротных сержантов – за солдатами, чтобы вывести их на исходные позиции. Достигнув переднего края, знаменщики с развернутыми знаменами и барабанщики всей группой собрались при полковнике, а каптенармусы раздали солдатам боеприпасы. После этого солдаты с лестницами, «закричав ясаком», и под барабанный бой двинулись на приступ; офицеры пошли позади строя, поддерживая порядок в ротах. Однако, если собственно бойцы, включая самого полковника, бились на стене, то все сигнальщики и подпрапорщики были помещены в относительно безопасном (судя по отсутствию потерь) месте «от Днепра против Наугольные башни». В случае успеха или же неудачи штурма командир мог вновь призвать их к себе, чтобы отдать соответствующие сигналы рассеянным в ночном бою частям. Таким образом, барабанный бой и построение у ротного знамени – базовые части западноевропейского пехотного церемониала – в боевой обстановке оказываются необходимыми элементами солдатской тактики.

В целом описанные выше задачи различных чинов и общая манера действий пехоты «нового строя» полностью аналогичны европейским. Известный «военный учебник» «Учение и хитрость ратного строения пехотных людей» – единственное на тот момент печатное руководство «солдатского строя» на русском языке – не содержит никаких инструкций на случай приступа, так что вся картина ночного штурма – это результат непосредственных усилий самих иноземных специалистов русской службы.

Выявление связи с боевой практикой помогает определить смысл и происхождение ряда других моментов военного церемониала русского «иноземного строя». В частности, размещение знамен на валах осадных шанцев вызывалось необходимостью обозначить место сбора роты в случае внезапной вылазки неприятеля. Служа хорошим ориентиром бойцам, рассеянным по осадным работам и укрытиям для отдыха, отрядная хоругвь привлекала и особое внимание противника, что увеличивало риск ее потери. Показателен эпизод осады Смоленска польскими войсками (1609–1611), когда знавший вра-

жеские обычаи царский служилый «венгерец» подучил смолян пробраться на другой берег Днепра и захватить знамя из шанцев роты венгерских гайдуков. Автор польского дневника возлагает ответственность на «неосторожность поручика» этой роты и «беспечность пехоты»: лишь пьяный хорунжий попытался отбить свое знамя, но был ранен. В наказание поручик был приговорен к смертной казни, а 72 рядовых – к тому, чтобы первыми идти на приступ в случае штурма⁴.

Нечто подобное наблюдается и в русских окопах с первых лет войны 1654–1667 гг.: так, при осаде крепости Озерищи (под Полоцком) литовцы произвели удачную вылазку 2 сентября 1655 г. на шанцы майорской роты заонежского поселенного солдатского полка Томаса Гейса. По отчету воеводы г. Полоцка, в бою погибло четыре и было ранено одиннадцать бойцов (включая отрядного воеводу), попал в плен новгородский стрелец – «Да взяли, Государь, знамя салдацкое». Выяснив причину потери: «В тех шанцах в то время караул был плох», – воевода велел «учинить наказание» всем солдатским начальным людям озерищенского отряда⁵.

Однако в условиях обычной внезапности вылазок риск потерять стяги, гордо реявшие в осадных шанцах, был всегда велик, что подтверждается эпизодами ряда других осад того же времени⁶. Ввиду этого, кстати, даже сведения о десятках ротных знамен, захваченных осажденными у «москвитов», указывают на стремительность и внезапность первого натиска вылазки (или о недочетах караула), но ничего не говорят о реальных боевых потерях в ходе ее отражения – тем более, не может быть и речи о полном разгроме пострадавших полков. Это в полной мере относится к известному эпизоду осады Риги царем Алексеем Михайловичем – вылазке на шанцы князя Я.К. Черкасского 2 октября 1656 г., когда шведам удалось захватить 17 знамен. Утверждение шведской реляции о полном разгроме при этом всей пехоты Большого полка князя Черкасского (семи солдатских и драгунских полков)⁷ не подтверждаются русскими документами той осады⁸. Потеря ротных знамен вновь объясняется лишь плохой организацией караульной службы при них в условиях свертывания осадного лагеря, а также удачным выбором момента вылазки.

Впоследствии, наученные горьким опытом, царские офицеры стали уделять вопросу охраны знамен особое внимание. В частности, в момент наиболее ожесточенной борьбы под азовскими стенами в августе 1695 г. так поступил генерал Патрик Гордон: «Я приказал про-

вести еще 2 траншеи на участке атаки стрельцов. Я велел укрепить место вдоль окопа для размещения солдатских знамен и подвести mortирные орудия ближе»⁹...

Таким образом, первый путь проникновения в русский служебный обиход западных военных обычаев – исполнение иноземцами своих обязанностей командиров частей «нового строя». В процессе этой деятельности нередко возникали конфликтные ситуации, поскольку она вступала в противоречие с устоявшимися взглядами русских служилых людей. И ярким примером этого могут вновь послужить обстоятельства, связанные с ротными знаменами полков «нового строя».

В русском войске того времени существовало заметное отличие в почитании больших воеводских, так называемых «государевых полковых» знамен и знамен небольших отрядов, таких, как сотня, станица, а затем – и рота «нового строя». Древний, еще византийский обычай освящать ратные хоругви и относиться к ним как к святыням распространялся в сознании ратных людей только на воеводские знамена. Их охрана доверялась специально назначенному «голове» из знатных дворян или детей боярских и целому отряду из всадников и даточных людей. По-видимому, только на воеводских знаменах поначалу помещались иконографические изображения и священные тексты, тогда как сотенные флаги несли только контуры православного «осьмиконечного» креста или даже чисто декоративные сюжеты. Вообще, сам характер рисунка сотенных знамен не имел большого значения, представляя собой лишь род отличительного значка: так что и дворяне, и казаки могли пользоваться трофейными знаменами, только что взятыми у противника¹⁰; в то же время, дьяки Оружейного приказа не видели ничего зазорного в выдаче в полки «нового строя» польских солдатских знамен¹¹. Однако для служилых «немцев» любое знамя являлось предметом почитания и бережного отношения – как в боевых условиях, так и в мирное время. В отличие от старых московских войск, в полках «нового строя» уход за отрядным знаменем доверялся не захудалым бойцам, а «чиновным людям» – прапорщику (офицерский чин) и подзнаменщику (урядничий чин).

Показателен эпизод из дневника Патрика Гордона, когда подьячий Дворцового приказа, решивший насильно выселить иноземца из занимаемой им квартиры, опрометчиво «схватил одно из полковых знамен, висевших на стене, чтобы вынести оное». От этого все офицеры пришли в состояние крайней ярости и выгнали подьячего с его

помощниками из помещения, причем воспользовались не чем иным, как знаменными древками – оружием, адекватным палкам приказных служителей (нижняя часть древка, ниже «яблока», могла отделяться от знамени и храниться в походном состоянии отдельно)¹².

Сходный случай описан в челобитной майора комарицких драгун Ягана Герина, относящейся к январю 1647 г. – самому началу существования поселенных полков Комарицкой волости¹³. Тот «по извычаю ратного строю» учредил караулы у ротных знамен своей «шквадроны», причем знамена и сами караулы должны были постоянно находиться во дворах, и по ночам перед ними поддерживался огонь. Обходной караул обнаружил, что в роте поручика Адама Адамова это правило не соблюдалось – караульщики все спят в избе пьяными, «а твое государево знамя в избе на полатех». Зачинщиками конфликта были объявлены капрал или «сотник» драгун Клим Данилов «со товарищи», которые отказывались слушать указы майора-«немца» и содержать караул, «как ведеца в ратном строю салдачком»¹⁴. В челобитной обращает на себя внимание то, что майор делает упор на формальное соблюдение уставных требований и величает ротное знамя «твоим государевым знаменем». Как раз в это время, в 1646–1647 гг., в полках по южной «украине» выполнялось требование Алексея Михайловича придать должный высокий статус сотенным знаменам и их знаменосцам-«знаменщикам» – практически до уровня сотенных голов. Майор Герин не мог не знать об этом деле, наделавшем много шума (челобитье знаменщиков о «бесчестии», указ о ссылке в Сибирь за их оскорбление и обещание повышенного жалования)¹⁵, и поэтому постарался в своей челобитной всячески подчеркнуть факт оскорбления государева знамени и невыполнение обряда ратной службы в целом.

Подобного рода конфликтные ситуации возникали и на уровне командования: между русскими воеводами или начальными людьми и старшими офицерами из иноземцев. Одним из частных вопросов стала практика конных «отводных караулов» вокруг осадных или оборонительных позиций царского войска. Еще в эпоху Смуты размещение дежурных конных сотен для охраны подступов к лагерю было уставным требованием, прописанным в воеводских наказах: «А приход на станы, и на станех стоять с великим береженьем, и около надолб в день и в ночь ставить сотни, в которых местех доведетца»¹⁶. Иноземные же офицеры по обычаю, принятому в своих армиях, стали прибегать к помощи новообразованных частей рей-

тарского строя, причем в четком соответствии с современными им кавалерийскими уставами – к чему рейтарские командиры оказались явно не готовы.

Уже в 1654 г. большая часть рейтарских начальных людей была набрана из русских дворян, прошедших подготовку в рейтарском полку И. Фанбуковена (1649–1653 гг.). В ночь на 7 июля 1654 г. «старший полковник» Аврам Ильич Лесли разместил перед осадным лагерем своего полка, под смоленскими стенами, две временно приданных ему роты рейтар. Под началом ротмистров Семена Скорнякова-Писарева и Дмитрия Дурова они простояли на той позиции до рассвета, но с большими сложностями: в полночь отряд из польского гарнизона подполз к ним лесом и обстрелял из мушкетов. Рейтары ответили залпами в темноту, а затем, «замаяв», спаслись в «земляной городок» полка Лесли. Однако противника быстро отогнали, и полковник выслал рейтар обратно. Справедливо опасаясь, как бы не понести потерь от стрельбы со смоленских стен, ротмистры дважды просили Лесли «свести» их с опасного караула – «и он де их не свел, велел стоять». Рейтары покинули свой пост только на рассвете, когда по ним действительно открыли огонь из крепостных пушек и мушкетов, и отправились напрямиком в расположение своего воеводского полка¹⁷. Все описание этого ночного предприятия в «сказках» самих ротмистров выглядит как малопонятное для них приключение, хотя и прошедшее без потерь – урядник же из полка Лесли отметил, что «подле них райтарской караул впервые»¹⁸.

Через семь лет, летом 1661 г., на подобной же практике конных караулов за счет рейтар Новгородского разряда настаивал генерал-поручик Томас Далиэль – старший офицер пехоты в армии боярина князя И.А. Хованского. Не встретив понимания у своего воеводы, генерал-шотландец и еще два старших полковника этой армии сочинили особые «статьи о ратном строении» и передали их самому царю. Вообще, Далиэль, известный своим резким нравом, нередко лично приезжал в Москву и добивался своего при Дворе или в Иноземском приказе – авторитет ветерана и рекомендации короля Чарльза II открывали ему самые высокие двери. Среди прочих, в «статьях» 1661 г. содержались требования по поводу организации полевой караульной службы: «Чтоб боярин и воевода приказал государевых конных людей на карауле ставить в лутчем строе, а за их бы шанцами и за пехотными отводными караулы (за хребтами)¹⁹ они были не поставлены, потому что в ыных войсках того не ведетца, и чтоб им

по дорогам в розъезд ездить и в посылку посылать...»²⁰ По-видимому, оберегая свою потрепанную в предыдущих походах и упавшую духом конницу²¹, боярин не решался регулярно выводить ее в поле, утомляя службой в охранении и «посылками» для разведки и сбора продовольствия – что перекладывало всю тяжесть этих обязанностей на новоприборную «неученую» пехоту и вызывало законное неудовольствие иноземных офицеров. Здесь, в «статьях», замечательна прямая ссылка на порядки «иных» европейских армий.

Сходными причинами было вызвано непонимание князем Хованским важности постоянных строевых упражнений всей армии: «Чтоб боярин и воевода все войско, конницу и пехоту, велел ставить в лаву²² почаству, чтоб против неприятеля знали, в лаву ставитца как ведетца»²³. Оба предложения: о порядке полевой службы и регулярных строевых учениях – были безоговорочно приняты Алексеем Михайловичем и обрели силу его собственного постановления.

Упомянутые конфликтные или проблемные ситуации (с майором Гериным, полковником Лесли и генералом Далиэлем) хорошо показывают, что доверие к иноземным начальным людям во всех вопросах, касающихся их непосредственной компетенции (прежде всего, порядка службы) было в то время почти безграничным – они воспринимались как живые носители западного ратного искусства и воинских обычаев и, собственно, за это и ценились.

Деятельность руководства вооруженными силами

Основательно взявшись за изучение западного ратного дела, руководство вооруженными силами (начиная с самого царя Алексея Михайловича) не ограничило себя только практической его стороной, но проявило живой интерес к его «философии» в целом и церемониалу в частности. Подтверждение этому – блестящий перевод и издание крупным тиражом «военного учебника» Якоби фон Вальгаузена «Учение и хитрость ратного строения пехотных людей» (1647), труда, встреченного с большим интересом как в думской среде, так и у служилых людей среднего звена. Среди прочего, отдельная глава этой книги описывала процесс отдания чести полковнику или генералу мушкетерами, офицерами и пикинерами солдатского полка. Обращаясь к авторитетным иноземцам русской службы по вопросам устройства армии, правительство постоянно консультировалось у них и по поводу западных ратных обычаев²⁴.

В результате уже в середине XVII в. все многочисленные церемонии и торжества придворного, военного или посольского характера, к участию в которых привлекались ратные люди (особенно «нового строя»), стали включать в себя элементы западноевропейских воинских обычаев. При этом общий «сценарий» и смысл этих церемоний, будь то выступление в поход, государев смотр или «посольская стойка», оставался самобытным – «новый строй» лишь искусно вплелся в этот сложный узор, в виде особого построения, порядка марша, отдания воинских почестей и салютов. Вот, к примеру, описание парадного шествия ратных людей армии князя А.Н. Трубецкого из Москвы на службу в Брянск (март 1654 г.): Первыми проходили мимо Государя дворяне и дети боярские конных сотен, которые, поравнявшись с царским местом, слезали с коней и земно кланялись Алексею Михайловичу. Следом «голова шел Яков Ефимьев с своим приказом, а перед ним шло капральство ево ж приказу, а за ним шел приказ его весь. А перед сотнями шли сотники, а перед пятидесятью пятидесятники с протазаны, а перед сотнями и перед пятидесятью шли знаменщики з знамены и барабанщики с барабаны и по барабаном били. А рядовые стрельцы пятидесятью шли строем: шеренгами и рядами в четыре человека, – в шапках, для того, что во всех окрестных государствах перед великими государи солдаты или стрельцы рядовые на походе шапок не снимают, а поклоняютца одне начальные люди». Соответственно, при прохождении мимо царского места рядовые стрельцы не снимали головных уборов и не задерживались для поклонов Помазаннику Божию, а кланялись до земли лишь их командиры. Так же поступали солдаты всех восьми полков, за которых отдавали честь их офицеры²⁵.

Из пояснений церемониала видно, что отмена традиционных поклонов Государю со стороны рядовых пеших ратников была проведена в 1654 г. впервые, по образцу аналогичных парадов «окрестных государств», что предполагает специальное изучение этой проблемы путем опроса посланников и иноземных офицеров. Но замечательно, что через 30 лет этот уже устоявшийся в русской пехоте церемониал не был воспринят генералом-иноземцем как иностранный: в 1687 г. Патрик Гордон, представлявший только что вверенный ему Бутырский выборный полк солдатского строя царям Иоанну и Петру Алексеевичам, записал в своем дневнике: «Вступив на двор в добром строю, как только появился на виду Их Величеств, я обнажил голову (по обычаю сей страны). Поравнявшись с окнами, откуда Их Вели-

чества взирали сверху, я развернулся влево с теми, кто вокруг меня нес мой герб, и сделал три низких поклона. Те же, кто ехал верхами, и солдаты не брали на караул, но продолжали марш; в этом месте салютовали и склонялись только знамена, по принятому у [русских] манеру»²⁶. Вполне очевидно, что церемониал 1654 г., основанный на неких обобщениях, далее не менялся в соответствии с новыми требованиями западной моды, и Гордон со всем своим опытом иностранной службы и знанием обычаев многих европейских армий уже рассматривал его нормы как чисто «московские».

Еще одним новшеством парадов Первого государева похода Алексея Михайловича (1654) стало совмещение, в майском выступлении на Смоленск, старомосковских церемониальных элементов, основанных на описании похода князя Дмитрия Донского против Мамаю²⁷, с порядком марша и воинским убранством современных западных и польско-литовских войск. К примеру, открывали все шествие оба драгунских полка главной армии: драгуны, согласно западным нормам, в походе крупного войска являлись своего рода «пионерами», первопроходцами, исправляя для конницы мосты и гати, разбивая воинские станы и защищая их легкими полевыми укреплениями. Но конкретно 18 мая 1654 г. присутствовал элемент чистой церемонии: головной драгунский полк Антония Грановского, приданный осадной артиллерии (полку Большого государева Наряда), по переходе в Замоскворечье должен был остаться в Москве еще на десять дней; второй полк, комарицкие драгуны Клавдиуса Деспевилля, отправился в поход в составе Государева полка – но опять же не впереди всей армии. По-видимому, здесь мы имеем еще и дело с почетом, оказанным полковнику первой части, французу Жану Де Грону, за его переход в Православие и особое доверие как инженеру и артиллеристу²⁸.

Церемониальная творческая активность молодого Алексея Михайловича не довольствовалась рамками лишь его личных выходов. В том же году, еще зимой, после торжественного освящения орудий и благословения пушкарей в Вязьму из Москвы отправились все сорок пищалей осадной артиллерии. Вяземскому воеводе князю И.А. Хованскому было послано подробное предписание о порядке торжественной встречи воевод, ратных и посошных людей и орудий. При достижении Большим Нарядом «подхожего стана» князь должен был отправить за две–три версты от города своего «товарища», воеводу Ивана Еропкина, «а с ним велел быти на встрече головам с сотнями, и в сотнях велел быти дворяном и детем боярским и казаком конным,

и з головами стрелцом с пищальми и з знаменами и з барабаны». Со своей стороны, воевода Наряда Ф.Б. Долматов-Карпов получил указание с того же «подхожево стану... итти строем», а стрельцов разместить «около Наряду с ружьем». Чтобы не получилось никакой задержки, на замену стрельцам для транспортировки орудий специально высылались вяземские посошные люди. Весь этот парад лишь предварял церковное торжество: у самой Вязьмы городской протопоп «с соборены» встречал Наряд за воротами на Московской дороге и кропил святой водой пищали, воевод и ратников; затем при приближении орудий к месту стоянки в Предтечевском монастыре архимандрит, протопоп и священники обитатели начинали служить водосвятные молебны с колокольным звоном, благословляли крестом ратных людей и также кропили святой водой их и царский Наряд²⁹. Не исключено, что прибытие осадных орудий из Вязьмы к Смоленску летом 1654 г. и размещение их на позициях сопровождалось подобными же парадами и священнодействиями.

Вместе с тем отметим одну важную общую черту всех подобных шествий в 1650–1660-х гг.: отсутствие каких-то чисто парадных, декоративных элементов военного церемониала, не имеющих боевой ценности. В Западной Европе к тому времени начала распространяться мода на превращение армейских парадов в настоящие представления, когда солдаты разучивали строевые приемы и маневры, излишние в условиях реальной баталии. Напротив, при царе Алексее Михайловиче все шествия и выступления царской пехоты «со знамены и барабаны» имели чисто уставный вид, вызванный практическими требованиями солдатской тактики. Солдатские и стрельческие части строго следовали писанным и не писанным правилам походного марша³⁰, демонстрируя царю или воеводам свою обученность и дисциплину. Так, в марте 1654 г., когда один из солдатских полков войска князя А.Н. Трубецкого (Николая Фанстадена) опоздал к торжественному проходу через Кремль, Алексей Михайлович задержал его и в наказание велел «тешить себя» строевыми эволюциями напротив своего кремлевского дворца, на замоскворецком лугу³¹. При всей непосредственности этого наказания оно имело все тот же смысл – усвоить воинскую дисциплину во всей ее строгости. Драгуны Грановского, проходя Кремль в 1654 г., везли казенные драгунские мушкеты с вынутыми из замков кремнями и без шомполов в ложах в соответствии с требованиями «техники безопасности» при сопровождении артиллерийских запасов в походе³² – но на параде

они лишь демонстрировали свое знакомство с этими правилами, реально приступив к охране Наряда только через несколько дней.

Зачастую выступления полков перед Государем имели характер демонстрации боевой мощи, что имело немаловажное значение для поднятия морального духа всей армии. Особенно показателен в этом плане смотр на Девичьем поле 3 февраля 1664 г. – в преддверии возможного царского похода против польско-литовской армии Яна Казимира, вступившей уже в границы России. Солдатские полки: Второй выборный Матвея Кровкова, генеральский Томаса Далиеля и другие части, – стояли развернутой боевой линией, окруженные цепью рогаток: как на поле реального боя с польско-литовской армией. По прохождении перед царем конных сотен «с поля с обеих сторон начала наступать пехота во ополчении», неся перед собой рогатки, как в настоящем сражении. После примерного наступления полки трижды, по очереди, дали залпы в сторону Земляного города; эффективность учения была усилена видом и стрельбой 14 орудий Большого Наряда и роскошью московской дворянской конницы³³.

Однако общие тенденции западной культуры, носителями которой являлись прибывавшие на царскую службу офицеры, вскоре стали оказывать влияние и на самого царя. В качестве одного из первых проявлений этого влияния можно назвать «немецкое платье» полковых музыкантов – барабанщиков и «сипошников» (флейтчиков)³⁴. Известно, что во Втором выборном полку (Бутырском) «немецкие кафтаны» у ротных барабанщиков появились не позднее марта 1662 г. и продолжали изготавливаться вплоть до конца столетия³⁵. Отметим, что это известие – уникальное для полков «нового строя»: даже барабанщики и сиповщики Первого выборного полка еще долгое время продолжали носить обычные «государевы зипуны» своих ротных цветов. Так что, появившись русские музыканты в немецком платье в частях с иноземными полковниками и генералами, это объяснялось бы личной прихотью командиров, но в Дворцовом полку³⁶, состоявшем целиком «из русских людей», подобное новшество следует связать с требованием самого царя или его ближайшего окружения. По-видимому, это все же определенная дань европейской моде, где яркий наряд сигналистов являлся органичной частью «солдатского строя»...

На одном из зимних смотров 1664 г. (14 января) Стремянной стрелецкий приказ, выборные полки и другая пехота проводили примерную стрельбу перед царским местом на том же Девичьем поле. По

словам П. Гордона, о полке майора Д. Крафферта: «Когда все закончили, мы сперва выстрелили из своих шести орудий, потом из мелкого ружья, каждый эскадрон отдельно и все словно единым выстрелом; во второй и третий раз – так же. Сие настолько понравилось Его Величеству, что он приказал нам дать еще один залп, и мы сделали это весьма успешно»³⁷. За эффектный прием, не имевший практической ценности³⁸, утешенный Государь даже пожаловал офицеров полка своим «царским столом» (обедом).

Со временем интерес к изысканному строевому церемониалу в придворной среде продолжал расти. Тот же Гордон, вступив в командование Бутырским полком, устроил в 1687 г. перед царями парадное шествие, достойное лучших гвардейских частей европейских стран. Побывав дважды в Англии в качестве царского посланника, он имел возможность ознакомиться с придворным военным церемониалом сент-джеймского двора; активные международные связи позволяли получить нужные сведения и по другим армиям. Расцвет подобных церемоний в русских войсках пришелся уже на петровскую эпоху.

Своеобразным совмещением старого обычая торжественной стрельбы в честь военных побед³⁹ и нового строя стала практика салютования русской пехоты в крепостях и боевых частях. В 1657 г. воевода боярин В.Б. Шереметев, находившийся с полком в Борисове, получил указание отметить торжествами победу, одержанную 16 сентября 1657 г. войсками князя И.А. Хованского над шведами под Гдовом. По словам литовского посланника Стефана Медекши, 10 или 11 ноября 1657 г.: «Дали знать... что под Псковом шведов несколько тысяч разбито, палили на валах, а пехота вся стреляла, «презентуя» (стоя «на караул». – *О. А.*) по городу и замку...»⁴⁰. Несомненно, солдатские или даже стрелецкие отряды соблюдали при этом весь порядок своего парадного строя; вообще, порядок салютации был кратко описан в «Учении и хитрости» (глава 11 восьмой части, «Про стрелбу, которая для почести, или поздравление бывает») ⁴¹.

Порядок строевой, караульной и походной службы: источники происхождения отдельных обычаев

Во время походной или гарнизонной службы церемониал неотделим от практических действий, в плане чего интересен новый порядок сторожевого охранения, вошедший в обиход традиционной московской пехоты (стрельцов) под иноземным влиянием и подробно описанный в изветной челобитной переяславского воеводы

В.Д. Мясоедова на стрелецкого полковника В. Полуехтова (1686). В тот момент в малороссийском Переяславле были усилены меры охранения от возможных татарских набегов, и пренебрежение полковника своими обязанностями по содержанию караула вызвало реакцию осадного воеводы. «И по вашему, Великих государей... указу в верхнем городе Переясловле к ночному времени для бережения города я, холоп ваш, начальным людям отдаю слово, а начальные люди то слово отдают полковником и полуполковником и своей братье начальным людям и урядником и пятидесятником и десятником, которые стоят в тех числах на караулах. И в ночное, Государи, время от меня, холопа вашего, посылаютца по верхнему городу Переясловлю начальные люди руном с тем словом для обережи верхнего города Переясловля и для досмотру короулов, чтоб были караулы опасны, и неприятельские б люди тайным обычаем ночью порою в город Переясловль не вошли и дурна какова не учинили, потому что город Переясловль стоит от неприятельских лежей в ближних местех».

«Рун», в данном случае – это «рунд», или обходной (круговой) караул, проверяющий исправность караулов постоянных; во избежание ошибки по ночному времени караульные рунда обменивались особым паролем («словом») с часовыми на местах; каждую ночь условный пароль менялся во избежание вражеского обмана. Как описано в челобитной, воевода отправлял офицера со «словом» к командиру той части, чья очередь была заступать на караулы. «И в нынешнем же, Государи, во 194-м году августа в 4-м да в 6-м числах, приняв у меня, холопа вашего, то вышепомянутое слово, капитан московских стрельцов стольника и полковника Володимерова полку Полуехтова Василей Ретькин, и с тем словом ходил он, Василей, для отдачи того слова к нему, Володимеру Полуехтову, на двор. И он де, Володимер, в тех числах у него, Василья, слова не принял неведома для чего. И о том он, Василей, подал мне, холопу вашему, в Переясловле в приказной избе за рукою две скаски. А в тех, Государи, числах по городу стояли на короуле иво, Володимерова полку, стрельцы без слова и без руна. И я, холоп ваш, в те ночи был в великом опасении, и в причинных, Государи, ближних местех короулов осматривал я, холоп ваш, сам, а в ыные места посылал для досмотру короулов капитана Василья Ретькина, чтоб короул был в великой осторожности...»⁴². «Сказки» Редькина, публикуемые в приложении, замечательны дополнительными подробностями сурового устава караульной службы: в частности, отдача «слова» происходила в первом часу ночи;

обязанность капитана, отправляемого по своей очереди «со словом», называлась несением «плечевого караула»; на отговорку «человека» Полуехтова Васьки Колмыка, что «велел де тебе столник и полковник сказать, что он спит, и слово принесть велел завтра», Редькин строго ответил, «что завтра будет другое слово». Интересно, что две разновидности «кругового хода» описаны в «Учении и хитрости ратного строения пехотных людей», однако относятся они к охране полевого лагеря и в подробностях не совпадают с обозначенным в челобитье Мясоедова⁴³. Следовательно, порядок несения городских караулов был либо описан в инструкциях Иноземского и Стрелецкого приказов, либо усвоен стрельцами за годы совместной службы в одних гарнизонах с полками «нового строя». Вообще, наблюдение за рядом парадных и служебных церемоний позволяет заключить, что их источниками служили сведения, полученные непосредственно от иноземных специалистов – наставлений «Учения и хитрости», при всей их подробности, в ряде случаев было просто недостаточно.

Вместе с тем ряд обычаев, принятых в полках «нового строя» и в Иноземском приказе, при всей их схожести нельзя считать «иноземными» – их источниками стала собственно русская боевая и приказная практика. Одной из ярчайших подобных церемоний, несомненно, является процедура проверки профессиональной пригодности иноземных военнослужащих при зачислении их на службу в Иноземском приказе, известная с 1646 г.⁴⁴ Вне зависимости от чина и заслуг любой иноземец обязан был в присутствии главы Иноземского приказа и его доверенных лиц продемонстрировать свои личные навыки в обращении с мушкетом и пятиметровой пикой; кавалерийские офицеры показывали умение командовать уже обученной рейтарской ротой⁴⁵. Необычность подобного испытания лучше всего видна по реакции новоприбывшего с польской службы майора Патрика Гордона, выплеснутая на страницы его дневника: «7 [августа 1661 г.]. Утром боярин Илья Данилович Милославский... велел мне явиться после полудня на загородное поле под названием Чертолье и привести других офицеров, кои прибыли со мною. Добравшись до поля, мы обнаружили, что боярин нас опередил. Он велел нам разобрать пики и мушкеты (бывшие наготове) и показать, как мы умеем владеть оружием. Я с удивлением сказал ему, что если бы знал об этом заранее, то прихватил бы одного из моих слуг – тот, возможно, обращается с оружием получше меня – и добавил, что владение оружием – последнее дело для офицера, а самое существенное состоит в

руководстве. Прервав меня, он заявил, что даже лучшие из полковников по прибытии в эту страну должны так поступать. Я ответил: “Раз уж такой обычай, я готов”, – и, управившись с пикой и мушкетом во всех позах к его полному удовольствию, вернулся домой»⁴⁶. Данный экзамен был связан со спецификой солдатского строя в России того времени, когда иноземному офицеру приходилось больше заниматься интенсивным обучением вновь поступающих в полки новобранцев, а не вести боевые операции. Наличие пачки патентов и рекомендаций о славной службе не могло восполнить неспособность подготовить вверенных ему солдат к бою.

Кроме того, ряд дисциплинарных правил, бытовавших в полках «нового строя», вводился вследствие походной практики самой русской армии, а не под влиянием иноземных норм. Так, в мае 1655 г. «иноземцы» из бывших конных рот, зачисленные в рейтарский полк Дениса Фанвисина (армия воеводы В.В. Бутурлина), были возмущены замечанием русского трубача о запрете пить пиво во время переправы войск через реку Сейм. Трубач сослался на «боярской приказ... что не пить», но рейтары заспорили: «Память ли де у тебя о том есть, или сабою говоришь?», – высказав несогласие с таким вполне очевидным в тех условиях запретом⁴⁷. Другой, также естественный в походных условиях «заказ... чтоб государевы всякие ратные люди в таборех корабины и пистоли чистили с великим бережением и с рассмотрением», сводными командами за пределами лагеря, был вызван несчастным случаем – ранением «в брюхо» солдата его однокашником-рейтаром при чистке заряженного «еще дома» кремневого пистолета⁴⁸.

Переговорный контакт с противником

Многoletний боевой и переговорный контакт с противником в зоне постоянных боевых действий – третий путь проникновения западных военных традиций и церемоний. Чтобы находить общий язык с представителями враждебной стороны, поневоле приходилось изучать принятые у поляков или шведов нормы поведения и при необходимости следовать им. Так, в 1656 г. при переговорах о сдаче Дерпта шведское командование выдвинуло ряд условий капитуляции, подлежащих рассмотрению, боярину князю А.Н. Трубецкому со товарищи. Первым пунктом шла подробная запись об условиях выхода гарнизона: «Дозволяется г. губернатору Дерпта, а также всем обер- и унтер-офицерам, со всем штабом и штатом, пушечной и артиллерий-

ской прислугой, а также всеми солдатами пешими и конными, и кому их состояние или условия это позволяют, под рукой великого князя остаться не желают, вместе со всеми их женами и детьми, дворовой и домашней челядью, мешками и тюками, повозками, лошадьми и багажом и всеми пожитками, с развевающимися знаменами... с «верхним» и «нижним оружием»⁴⁹, пулями во рту, [взведенными] курками на пистолетах, горящими фитилями, свободно и беспрепятственно выйти и быть отконвоированными до ближайшего населенного пункта»⁵⁰. Неизрасходованные боеприпасы, полковые пушки, документы государственных учреждений и даже университетская библиотека подлежали вывозу на шведскую территорию, а местные жители, пожелавшие покинуть город, с имуществом свободно выпускались. Все это полностью соответствовало понятиям почетной капитуляции: были оговорены даже такие случайности, как случайный выстрел шведского воина, что не должно было «считаться за браваду» или провокацию. Ни одно из предложенных условий такого порядка не вызвало возражений русских воевод⁵¹, так что весь нужный им церемониал шведы выполнили.

В следующем году, в конце июля 1657 г., уже сами шведы осадили небольшую крепость под Юрьевом Ливонским – Кастер (Kasterskans). Ввиду внезапности атаки надежды на выручку не оставалось, и русский гарнизон решил капитулировать. Начало переговоров сопровождалось скорее восточным, чем западным обычаем: в обмен на выход за ворота стрелецкого сотника и солдатского прапорщика «от графа Магнуса посланы были в оманатех в Кастер городок драгунского строя поручик да прапорщик». Условия капитуляции, выдвинутые со стороны русских, не вполне отвечали определению «почетная»: выходя во Псков с оружием, «з знамяны, и з барабаны, и с мушкеты», они оставляли в Кастере «наряд и зелье и свинец и фетиль и всякие пушечные и хлебные запасы». Деллагарди утвердил эти условия, предоставив гарнизону (роте солдат и сотне стрельцов) «лоды» и сопровождение по р. Амовже (Эмба) до Чудского озера в виде барабанщика и шести драгун. При этом старший офицер гарнизона – капитан Ян Рыц – остался по своей воле при шведском генерале, мотивируя это тем, что «яз, иноземец выезжей, не посмел ко Государю, Помазаннику Божию, ехать, русского языка не зная, чтоб мне перед ним, Государем, в вине своей оправдатца». Интересно, что капитан посчитал необходимым послать «грамотку, писана галанским письмом», своему полковнику Томасу Гейсу (юрьевского гарни-

зонного полка), где в оправдание описал свои усилия по защите крепости и возложил всю вину добровольной сдачи на русских солдат и стрельцов, вступивших в сговор со своими начальниками⁵². Вообще, нельзя исключать, что бойцы как очевидцы капитуляции дерптского гарнизона действительно сами соблазнились возможностью уцелеть в безнадежной, на их взгляд, обороне городка и самостоятельно выработали условия капитуляции. Поступок капитана был все равно воспринят как измена, а солдаты и стрельцы в наказание были отправлены на строительные работы в тот же Кастер после отступления шведской армии (разломавшей каменный замок до основания). И впоследствии, как и в случае с армией Шеина (1634), все факты добровольной сдачи ратных людей продолжали расцениваться как измена, вне зависимости от условий этой капитуляции.

Гораздо более частным поводом для контактов с противником являлся процесс обмена пленными. В ходе долгой войны с Речью Посполитой (1654–1667) подобные мероприятия: от поголовного освобождения всех «вязней» до размена по принципу равноценности и, возможно, даже за выкуп – проходили регулярно в ходе перемирий и затишья боевых действий. В этом плане интересны претензии, высказанные «комендантом» волонтерского полка Чернавского Яном Польским русскому поручику гусарского строя Зиновию Зубатому о нарушении правил размена пленными, отпущенными первоначально «на пароль» (июнь 1664 г.). Как следует из разъяснений самого поручика и псковского воеводы князя Ф.Г. Ромодановского, весной 1664 г. пленные дворяне Новгородского разряда Родион Кокошкин, Федот Лазарев и Федор Борисов были отпущены из волонтерских полков Чернавского и Либика Сержанта под честное слово явиться в Друю на Троицын день с конкретными польскими «взянями» из этих полков; сверх того, было отпущено еще порядка 20 человек. Нужных волонтерам сослуживцев, рассеянных по тюремным дворам разных городов, к условленному сроку найти не успели и привезли других (подходящих по мнению центральных властей), с обещанием скорой присылки остальных. Прибывших из Москвы пленных повез в Друю поручик Зубатый: «шляхту Яна Германа за Радиона Кокошкина, Станислава Енаровича з женою за Федота Лазорева, Томаша Войну за голову стрелетцкого за Федора Борисова». Далее, по словам поручика: «Как он, Зеновей, приехал с вязнями в полк в Быструмову слоботку за пять верст Друи, и ево де, Зеновья, с теми вязнями ис полку Чернавского встретили и приняли честно. И вязн[ей] де у

него, Зеновья, принял камендат не на розмену – на пароль. А в розмену де тех вязней за государевых людей, за которых они присланы, не поставил, а говорил ему, Зеновью, камендат Ян Полской, которому ныне полк приказан вместо Чернавского, что де з государевы стороны учинили не по-кавалерску: которые вязни государевы люди посланы на пароль, а хотели де всех польских вязней поставить на срок на Троицын день, и по се де время вязни их к ним в полк не присланы. И то де уч[и]нено паролю несодержанье. А у них де пароль содержан с их стороны по-кавалерску, отпущено на пароль сверх розмены человек з дватцать, и тут де они на тех людей не просили никою». Главной причиной неудовольствия послужило то, что присланные поляки были не нужны шляхте конкретно волонтерского полка Чернавского («а они де о тех взятых людех в письме своем и не писали, что де, Государь, те люди не их полку»); единственный боец их полка (Т. Война) оказался якобы «челядником», недостойным для размены на стрелецкого голову. В итоге комендант заявил, что не может принять присланных людей как «размену» за отпущенных под честное слово дворян и принимает их «на пароль» (также под честное слово) – без каких-либо дальнейших обязательств со своей стороны, поскольку сам ранее отпустил с новгородцами еще человек 20 «сверх розмены». Кроме того, Польский потребовал, чтобы отпущенный им Кокошкин не присылал разменных поляков только за себя, а «промышлял» бы обо всех, по поводу которых был заключен «кавалерский» договор – а до тех пор он считает русскую сторону нарушившей честную договоренность⁵³. Таким образом, русским воеводам и дворянам пришлось столкнуться со своеобразной щепетильностью противника, носившей вполне флибустьерскую окраску: эти волонтеры, воевавшие без жалования за добычу, беспокоились о выручке своих попавших в плен товарищей, оперируя при этом понятиями «кавалерской» чести и заключая договор об обмене со всей «государевой стороной» в целом. Разбираясь в причинах скандала, русским поневоле приходилось постигать значение принадлежности пленных не польскому королю вообще, а к сообществу шляхты одного из его полков, а также осваиваться с правилами отпуска «на пароль»...

Все культурные контакты подобного плана – явление уникальное и весьма ценное и по обилию источников, и по своему характеру. Западные обычаи не заменяли полностью прежние, к чему уже в XVIII в. нередко стремился царь Петр и его последователи – они

лишь включались в служебный обиход в виде более или менее значительных элементов. Наравне с ними продолжали существовать, а во времена Алексея Михайловича – даже возрождаться и расцветать, самобытные традиции русского воинства, ранее усвоенные элементы византийского и монгольского «царских» церемониалов; было сильно культурное влияние соседней Речи Посполитой.

ПРИЛОЖЕНИЕ

1686 г., августа 5 и 7. «Сказки» капитана московских стрельцов Василия Редькина о нарушении полковником В. Полуехтовыми правил несения караульной службы

№ 1.

194-го августа в 5 день в верхнем городе Переясловле в приказной избе перед думным дворянином и воеводою, перед Васильем Даниловичем Мясново, стольника и полковника Володимерова полку Полуехтова капитан московских стрельцов Василей Редькин сказал.

В нынешнем во 194-м году августа в 4-м числе по указу Великих государей стоял я в верхнем городе Переясловле на плечовом карауле. И того ж числа в 1-м часу ночи, приняв слово у думного дворянина и воеводы, у Василья Даниловича Мясново, я, Василей, с начальными ж людьми, каторое слово по указу Великих государей мы принимаем и отдаем в верхнем городе Переясловле стольником и полковником и подполковником и начальным людем, а на караулах пятидесятником и десятником и всяким урядником к ночному времени для окликанья руннов, каторья посылаютца от думного дворянина и воеводы от Василья Даниловича Мясново по городу для береженья и досмотру караулов от неприятельских людей, потому что город Переясловль украинной и от неприятельских людей в ближних местех. И того ж часу для отдачи того слова по обыкновению ходил я, Василей, на двор к стольнику и полковнику в Володимеру Полуехтову, и он, стольник и полковник, того слова у меня, Василья, не принял и в хоромы к себе не пустил неведомо для чего. А человек ево Сенька Акинфов от него ис хором вышел, мне сказал: велел де тебе стольник и полковник сказать, что он спит. А он в то число не спал, и я, Василей, речь ево, стольника и полковника, в хоромех того часу слышал. А в том числе стояли по городу на карауле ево, Володимерова полку, стрельцы.

То моя и скаска. А сказку писал переясловской жилой рейтар Кирило Макеев.

Рукоприкладство на обороте: К сей скаске салдатского строю порутчик Тимофей Кононов сын Греченинов вместо капитана московских стрельцов Василья Максимова сына Ретькина по иво велению руку приложил.

№ 2.

194-го августа в 7 день в верхнем городе Переясловле в приказной избе перед думным дворянином и воеводою, перед Васильем Даниловичем Мясново стольника и полковника Володимерова полку Полуехтова капитан московских стрельцов Василей Редькин сказал.

В нынешнем во 194-м году августа в 6-м числе в первом часу ночи, по указу Великих государей приняв слово у думного дворянина и воеводы, у Василья Даниловича Мясново, я меж своей братьи капитанов же по очереди своей с начальными ж людьми, каторое слово по указу Великих государей мы принимаем и отдаем в верхнем городе Переясловле столником и полковником и подполковником и начальным людям, а на караулах пятидесятником и десятником и всяким урядником к ночному времени для окликанья рунов, каторья посылаютца от думного дворянина и воеводы от Василья Даниловича Мясново по городу для береженья и досмотру караулов от неприятельских людей, потому что город Переясловль украинной и от неприятельских людей в ближних местех. И того ж часу для отдачи того слова по обыкновению ходил я, Василей, на двор к стольнику и полковнику в Володимеру Полуехтову, и он, стольник и полковник, того слова у меня, Василья, не принял и в хоромы к себе не пустил неведомо для чего. А человек ево Васка Колмык, от него ис хором вышел, мне сказал: велел де тебе стольник и полковник сказать, что он спит, и слово принесть велел завтра. И я, Василей, тому ево человеку сказал, что завтра будет другое слово. А он в тое число не спал, и я, Василей, речь ево, Володимерову, в хоромах того часу слышал. То моя и скаска. А скаску писал переясловской рейтар Кирило Макеев.

Рукоприкладство на обороте: К сей скаске салдатского строю порутчик Тимофей Кононов сын Греченинов вместо капитана московских стрельцов Василья Максимова сына Ретькина по иво велению руку приложил.

РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 735.

Ст. 2. Л. 39, 40.

- ¹ Точнее, немецкие конные роты закончили свое существование в 1653–1654 гг. (см.: Курбатов О.А. Очерк истории конных полков «нового строя» русской армии от начала их существования до окончания русско-шведской войны 1656–1658 гг. // Единогоръ: Материалы по военной истории Восточной Европы эпохи Средних веков и Раннего Нового времени. М., 2014. Т. 3. С. 91–103).
- ² Яковлев Л. Русские старинные знамена. М., 1865. Ч. I. С. 71–75.
- ³ Акты Московского государства. Т. 3. СПб., 1901. С. 450 (РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 332. Л. 512–514; все следственное дело имеет гораздо больший объем).
- ⁴ Поход Его Королевского Величества в Москву [Россию] // Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией. СПб., 1872. Т. I. Стб. 465, 466 (записи за 25 и 27 октября 1609 г.).
- ⁵ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 270. Ч. I. Л. 519, 582, 583.
- ⁶ В частности, в списке условий капитуляции гарнизона Дерпта боярину кн. А.Н. Трубецкому (12 октября 1656 г.) содержится пункт об оставлении в крепости неких «знамен и штандартов», захваченных дерптцами во время вылазок (Bienneman F. Briefe und Aktenstücke zur Geschichte der Verteidigung und Kapitulation Dorpats 1656. Riga, 1896. S. 587).
- ⁷ Gründliche und warhaftige Relation von der Belagerung der Konigl. Statt Riga in Liefland. Riga, 1657. L. 26 – 28.
- ⁸ Так, примерно из 130 начальных людей всех четырех солдатских полков в бою 2 октября пострадало всего двое (попал в плен смертельно раненый полковник Е. Цыклер и погиб капитан из полка Т. Далиеля (бывшего Ф. Траферта)) (РГАДА. Ф. 210. Книги Московского стола. № 57. Л. 75, 83); в драгунском полку Х. Юнкмана погибло 4 рядовых и получили ранения два капитана и 39 урядников и рядовых (РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 296. Л. 301–304).
- ⁹ Гордон П. Дневник. 1690–1695. М., 2014. С. 393 (запись за 29 августа 1605 г.).
- ¹⁰ Курбатов О.А. Тихвинское осадное сидение 1613 г. М., 2006. С. 18 (трофейные черкасские знамена у вольных казаков); РГАДА. Ф. 210. Опись 8 (Разрядные вязки). Вязка I. № 112. Л. 5 (трофейное «знамя велижское» у сотни Новгородского полка в 1655 г.).
- ¹¹ Яковлев Л. Русские старинные знамена. Ч. I. С. 78.
- ¹² Гордон П. Дневник, 1659–1667 / Пер. и коммент. Д.Г. Федосова. М., 2002. С. 110.
- ¹³ Полки были образованы в 1646 г.
- ¹⁴ Орленко С.П. Выходцы из Западной Европы в России XVII века: Правовой статус и реальное положение. М., 2004. С. 187, 188, 285–287.
- ¹⁵ Козляков В.Н. Служилый «город» Московского государства XVII века (от Смуты до Соборного уложения). Ярославль, 2000. С. 126; Эскин Ю.М. Местничество в России XVI–XVII вв.: Хронологический реестр. М., 1994. С. 183–193; Акты Московского государства. СПб., 1894. Т. 2. С. 253–255; Записная книга Московского стола. 1648–1649 г. // Русская историческая библиотека. СПб., 1888. Т. 10. С. 462–463.
- ¹⁶ Книги разрядные, по официальным оных спискам... СПб., 1853. Т. I. Стб. 56.
- ¹⁷ Роты были из состава полка или «четвертой тысячи» рейтарского строя полковника-иноземца Василия Кречетникова, которая входила в состав Сторожевого воеводского полка боярина кн. Темкина-Ростовского.

¹⁸ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 589. Л. 563–565, 601.

¹⁹ Слово вписано над строкой.

²⁰ РГАДА. Ф. 27. Оп. 1. № 166. Л. 116, 117.

²¹ См.: Курбатов О.А. Морально-психологические аспекты тактики русской конницы в середине XVII века // Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2003/2004. Новые научные направления. М., 2005. С. 193–213.

²² Под «лавой», в данном случае, понимается линейное построение батальонов и эскадронов «нового строя».

²³ РГАДА. Ф. 27. Оп. 1. № 166. Л. 117, 118.

²⁴ «Перевод с галансково письма, что подал боярину Илье Даниловичу Милославскому рейтарсково строю полковник Исак фан Буковен...» // Российский архив. М., 1996. Вып. VI. С. 6–9.

²⁵ РГАДА. Ф. 27. Оп. 1. № 86. Ч. I. Л. 281–291.

²⁶ Запись в дневнике за 2 февраля 1687 г. – лист 158 (Гордон П. Дневник, 1684–1689 / Пер. и коммент. Д.Г. Федосова. М., 2009). Автор искренне благодарен Д.Г. Федосову за возможность ознакомиться с новейшим переводом дневника.

²⁷ К относится традиционное благословение войск Патриархом при прохождении через Кремль, путь их шествия (Левыкин А.К. Воинские церемонии и регалии русских царей. М., 1997. С. 18–41), одевание в доспехи, специально сшитые из разных монастырей (Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археологической экспедицией Императорской Академии Наук. СПб., 1836. Т. IV. С. 103).

²⁸ Курбатов О.А. Полк Антония Грановского в походе 1654 г.: о положении иноземных специалистов инженерного и артиллерийского дела в русском войске // Иноземцы в России в XV–XVII веках: Сборник материалов конференций 2002–2004 гг. М., 2006. С. 316–335.

²⁹ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 286. Л. 143–145, 211, 212 (грамоты от 2 марта 1654 г.).

³⁰ Этот порядок был описан, в частности, в инструкции Исаака Фанбуковена 1651 г. («Перевод с галансково письма...»)... С. 6–8).

³¹ РГАДА. Ф. 27. Оп. 1. № 86. Ч. I. Л. 284, 285.

³² Сопровождение осадного парка снабжалось кремневыми ружьями, а не фитильными, чтобы не допускать тлеющего фитиля рядом с пороховыми бочками; кремни и шомпола вынимались во избежание случайного выстрела.

³³ Малов А.В. Московские выборные полки солдатского строя в начальный период своей истории. 1656–1671. М., 2006. С. 336, 337.

³⁴ Паласиос-Фернандес Р. Музыканты выборных московских солдатских полков: К вопросу о ношении западноевропейской одежды в Московии XVII в. // Цейхгауз: Военно-исторический журнал. М., 1998. № 7 (1/ 1998). С. 7–9.

³⁵ Малов А.В. Московские выборные полки... С. 385.

³⁶ Дворцовый полк – первоначальное название Второго или Бутырского выборного полка солдатского строя, который в административном плане ведался приказом Тайных дел и придворным Конюшенным приказом.

³⁷ Гордон П. Дневник. 1659–1667. С. 139.

³⁸ Даже в начале XVIII в. встречались возражения практике единовременной стрельбы строем (как «на банкете веселостном»), перешедшей из области парадной в боевую: Посшков И.Т. О ратном поведении (1701 г.) // Книга о скудости и богатстве и другие сочинения / Ред. Б.Б. Кафенгауз. М., 1951. С. 245–272.

- ³⁹ Акты Московского государства. Т. 2. С. 422, 423.
- ⁴⁰ Medeksza S. Księga pamiętnicza wydarzen zaszlych na Litwie 1654–1668. Krakow, 1875. S. 73.
- ⁴¹ Учение и хитрость ратного строения пехотных людей. СПб., 1904. С. 278, 279.
- ⁴² РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 735. Ст. 2. Л. 36–38.
- ⁴³ «Учение и хитрость...». С. 264–266 (глава 5 восьмой книги, «Про круговой ход»).
- ⁴⁴ Соловьев С.М. Сочинения. М., 1990. Книга V. История России с древнейших времен. Т. 9–10. С. 593.
- ⁴⁵ «Перевод с галансково письма...». С. 9 (комментарии А.В. Малова).
- ⁴⁶ Гордон П. Дневник. 1659–1667. С. 103, 105.
- ⁴⁷ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 549. Л. 205.
- ⁴⁸ Курбатов О.А. Писано кровью: к истории правил техники безопасности по обращению с огнестрельным оружием в середине XVII века [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. 2012. Т. I. С. 239–242, 249–253. < <http://www.milhist.info/2012/05/04/kyrbatov> > (04.05.2012); РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 549. Л. 76–82.
- ⁴⁹ В военной терминологии того времени верхнее оружие – мушкеты и пики, а нижнее оружие – шпаги или тесаки и кинжалы.
- ⁵⁰ Bienneman F. Briefe und Aktenstücke zur Geschichte der Verteidigung und Kapitulation Dorpats 1656. Riga, 1896. S. 586–588.
- ⁵¹ Скорейший уход гарнизона отвечал планам боярина, извещенного об отступлении царской армии от Риги и получившего в связи с этим указ об отходе от Юрьева Ливонского в случае неудачи осады.
- ⁵² РГАДА. Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 165. Л. 80, 81, 85–98.
- ⁵³ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 349. Л. 411–416.

Е.А. Курлаев (Екатеринбург)

РОЛЬ УРАЛЬСКОЙ АРТИЛЛЕРИИ В ОБЕСПЕЧЕНИИ ПОБЕДЫ В СЕВЕРНОЙ ВОЙНЕ

В 1696 г. в Москве стало известно о наличии на Урале гигантских запасов железной руды. После ее тщательного испытания и экономических подсчетов последовал знаменитый указ Петра I от 10 июня 1697 г. об основании металлургических заводов на Урале. В частности, в указе была обозначена главная цель строительства: «на тех заводах лить пушки и гранаты, и всякое ружье для обороны Сибирского царства от всяких иноземцев и для привозу того ружья к Москве и в иные понизовые и верховые города»¹. По расчетам правительства изобилие уральских ресурсов позволяло одновременно вооружать сибирские гарнизоны и обеспечивать военной амуницией Москву и другие города. Новые заводы должны были изготавливать металл и весь ассортимент вооружений того времени: пушки, боеприпасы, огнестрельное и холодное оружие. Создание центра военного производства за Уралом было продиктовано объективными причинами, возникшими при обеспечении оружием Сибири.

Начало Северной войны скорректировало планы заводского строительства, вектор и интенсивность поставок, теперь уже все усилия были направлены на войну со шведами. Война ускорила формирование уральской промышленности, модернизация которой во многих сферах осуществлялась за счет внедрения иностранных технических достижений. Подсчет орудий, изготовленных на местных заводах, предпринимался историками с конца 1940-х – начала 1950-х гг.² Мы располагаем новыми данными по трем ведущим металлургическим предприятиям из четырех, действующим на Урале в период Северной войны. Об Алапаевском заводе данные практически отсутствуют вследствие заводского пожара 1718 г.

Как известно, на Урале в конце 1701 г. были запущены два первых завода: Невьянский и Каменский. К 1704 г. заработали еще два: Алапаевский и Уктусский. Потребность в артиллерии была настолько велика, что в 1702 г. первые орудия с Каменского завода отправили в Москву на подводах, до наступления весенней навигации. Как на Каменском, так и на Невьянском заводах одна из двух домен строилась для литья пушек. На Уктусском заводе стволы не лили³. К сведению, домны на заводах строились по шведским образцам, железо также изготовлялись по шведской технологии и стандартам, пушки отливались по немецким размерам и чертежам.

О начальном периоде Каменского железоделательного завода сложилось стереотипное суждение, которое формулируется примерно так: Каменский завод обеспечил русскую армию артиллерийскими орудиями, с которыми Петр I выиграл Полтавскую баталию и разгромил шведскую армию короля Карла XII. Такая позиция в различном толковании излагается как любителями истории, так и профессиональными историками. При аргументации позиции наиболее востребованы события из истории Каменского завода 1703 г., якобы положившие начало взлету артиллерийского производства: отливка нескольких сотен пушек, массовое изготовление полковых трехфунтовых орудий и другие. Действительно, эти события имели место, но при изучении первоисточников выяснилось, что в итоге они дали отрицательный результат.

На основе собранных данных нами были сделаны оценка динамики производства и предварительные подсчеты количества произведенных орудий. Известно, что в 1702 г. из Курляндии на Урал прибыл литейщик пушек Эрик Депрей. Приступив к литью, он с толмачом и пушечным мастером Я. Валдором менее чем за два года изготовил на Каменском заводе более 300 орудий. В апреле 1702 г. на уральские заводы из Москвы отправили 12 чертежей 3, 6, 8, 12, 18, 24-фунтовых пушек, с пояснениями: «ядро и пушка немецкого весу».

Первую крупную партию орудий отправили в Москву весной 1703 г., куда они прибыли в период с 27 июля по 24 августа. Всего на Пушечном дворе с Каменского завода приняли 323 пушки (в том числе 216 трехфунтовых, 60 шестифунтовых, 47 восьмифунтовых), 12 мортир и 14 восемнадцатифунтовых гаубиц. После испытания их московскими пушкарями разорвало 102 пушки. Проверку выдержали 221 пушка (121 трехфунтовая, 54 шестифунтовых, 46 восьмифунтовых), 9 гаубиц (5 разорвало), 12 мортир. На заводах орудия

испытывали по одному выстрелу одинарным зарядом, в Москве же испытывали двойным. Как видно из приведенных цифр, испытаний не выдержала треть привезенных пушек, в большинстве трехфунтовых (95 из 102). Вслед за неудачным результатом последовал царский указ 1703 г. запрещающий лить трехфунтовые пушки, а изготовлять только орудия крупного калибра (6, 8, 12, 18, 24-фунтовые)⁴. В производстве тяжелой артиллерии проблема качества выглядела временной и разрешимой.

В отписке князя Ф.Ю. Ромодановского в Тобольск воеводам М.Я. и А.М. Черкасским предписывалось строже следить за качеством: «лить добрым мастерством против чертежей, следить, чтобы железо было в спелости, из недоспелова и переспелова не лить, для того, что из такого железа чинится в пушках рванина»⁵. Теперь на заводах требовалось также испытывать артиллерию двойным зарядом пороха. Ставка на организацию литья пушек на уральских заводах уже была сделана, а проблемы качества предполагалось решить экономическими мерами. За пушки литейщик должен был получать по 6 денег с пуда, но из жалования вычиталась стоимость бракованных орудий. С заводов Центральной России на Урал прибыли новые пушечные мастера. В апреле 1702 г. из приказа Артиллерии в Сибирский приказ, а затем на Каменский завод отправили пушечного литейного мастера П. Харитонову с учениками Г. Ивановым и Г. Жихоревым; на Невьянский завод – мастера Н. Пантелеева, учеников И. Артемьева и И. Малгина. В феврале 1703 г. из приказа Артиллерии на Каменский завод прибыли очередные мастера: иноземец Т. Федоров, русский Т. Прокопьев, пушечные ученики Ф. Данилов, О. Иванов, Ф. Захаров, плавильный ученик К. Яковлев⁶.

Но даже собрав лучших мастеров на Урале, так и не удалось достичь достаточного качества изделий. Низкое качество литья пушек было характерно для всех специалистов, включая иностранцев. Пушечный мастер Т. Прокопьев с учениками отлил 8 мортир и 6 двенадцатифунтовых пушек, но к отправке они оказались негодны: разорвало 2 мортиры и 4 пушки. У И. Малгина к отправке в Москву было готово 12 гаубиц и две двенадцатифунтовых пушки, но за них не было заплачено, так как из-за медленного сверления из подряда не было готово еще 9 пушек, а 1 пушку разорвало. Аналогичная ситуация с выполнением государственных заказов сложилась у всех пушечных мастеров: иноземца Т. Федорова и ученика Ф. Данилова, тюменца А. Колокольникова, Ф. Захарова⁷. 1703 г. прошел в работе

над качеством литья, но привезенные в 1704 г. в Москву пушки продолжали разрываться.

Причина свертывания пушечного производства была прямо названа в царском послании от 19 января 1705 г.: «по имянному великого государя указу в Сибири на Каменских и верхотурских железных заводах чугунных пушек, мартиров, гоубиц лить не указал, для того, что по опыту прошлого 1704 г. присланные сибирские пушки явились зело плохи и к стрельбе негодны. А велено на тех сибирских заводах делать прutowое доброе железо, а из самого плохова, которое в ковку негодно, лить бомбы и гранаты всяких рук и прислать к Москве в приказ Артиллерии...»⁸. Несмотря на трудное для России время, правительство вынуждено было прекратить массовое артиллерийское производство на Урале. Тобольским воеводам приказывалось отправить «наскоро» с Каменского завода пушечных мастеров иноземцев – Э. Депрея, Я. Валдора, Т. Федорова, русских – П. Харитонова, Н. Пантелеева, Г. Жихорева на Олонец и Олонецкую верфь, «куда ближе»⁹. 14 февраля 1705 г. в Москву отправили и пушечного мастера Т. Прокопьева с учениками, так как «пушки на тобольских и верхотурских заводах лить не велели». В 1710 г. было запрещено и производство боеприпасов.

Главная причина разрыва орудий была выявлена позже. Она не зависела от мастерства литейщиков, а крылась в добавках магнитного железняка в шихту, усиливавших хрупкость металла. Другая причина – спешка при изготовлении орудий: «А вышписанные пушки и мортиры и гаубицы за скоростию и поспешением не осматриваны и стрельбою не опытываны»¹⁰. Всего на Каменском заводе за первое двадцатилетие XVIII в. было отлито 786 пушек (из них не менее 102 бракованных), 45 гаубиц (из них не менее 5 бракованных), 35 мортир, а всего 871 орудие. Большинство из них было изготовлено до указа 1705 г. и отправлено в Москву в приказ Артиллерии. После этого указа нам известно только об изготовлении 30 орудий в 1719 г. для экспедиции к оз. Ямыш.

На Невьянском заводе до запрета было отлито 60 пушек и 4 мортиры. В 1708–1709 гг. во время башкирского восстания изготовили 50 пушек малых калибров (до 3 фунтов). Для 1710–1717 гг. характерно изготовление орудий, обозначенных в документе как аршинных, полуаршинных, три четверти аршинных «китайских образцов», имевших вес до двух пудов. Всего их отлито 556 штук. Они вошли в перечень воинских припасов, отправленных на Макарьевскую ярмарку, очевидно, для владельцев торговых судов.

В 1715 г. и 1717 г. в Ярославль и Рыбную слободу было изготовлено 198 орудий калибром от 6 до 18 фунтов («ядром немецкого весу»), очевидно, для флота, так как с 1715 г. Н.А. Демидов обязался поставлять до 50 % железа и металлических изделий для нужд флота. Таким образом, на Невьянском заводе было изготовлено 258 орудий «немецкого размера», 50 малого калибра, 556 «китайского образца». Всего 864 пушки и 42 мортиры, а в сумме 906 стволов. По нашим предварительным подсчетам на Урале, без учета продукции Алапаевского завода, было отлито 1777 орудий, из которых 707 отправили в Москву в приказ Артиллерии, а среди них не менее 107 оказались браком. Большинство из отправленных в Москву орудий были крупного калибра. Они предназначались для установки в крепостях и не сыграли существенной роли в Северной войне. По подсчетам В.И. Геннина только в крепостях и городах северо-западного направления в 1712 г. находилось почти 3500 орудий¹¹.

Прекратив литье пушек после указа 1705 г., уральские металлургические заводы переориентировались на производство только чугуна и железа. Этот период продолжался всю первую четверть XVIII в. С 1715 г. отмечено некоторое оживление в производстве военной продукции. В появившихся изданиях их связывали с поставками на западный театр военных действий¹². В реальности эту продукцию отправили на юго-восток, на территорию современного Казахстана, к оз. Ямыш.

За первое двадцатилетие XVIII в. зафиксировано только два факта посылки военной продукции в Приуралье и Сибирь. В 1705 г. началось восстание местных народов, охватившее территорию Казанского уезда и Приуралье. В 1706 г. для защиты Кунгура прислали 15 пушек с Каменского завода. Весной 1708 г. начались набеги башкир и на сибирские слободы. В связи с этими событиями на Невьянском заводе изготовили 50 орудий небольших калибров.

Другое крупное военное столкновение произошло в связи с военной экспедицией подполковника И.Д. Бухольца с трехтысячным отрядом (включая мастеровых) к оз. Ямыш и в верховья Иртыша для поиска золотых россыпей. В период с 1715 по 1720 гг. происходили крупные столкновения с джунгарами. В походе использовались 880 тобольских фузей «старого и нового дела», а также чугунные пушки, боеприпасы, рудокопные и прочие инструменты, изготовленные на уральских железоделательных заводах. По заводским ведомостям для похода отлили 26 пушек, 5 мортир, 2 гаубицы. Производство во-

енной продукции из чугуна «в Ямышевский отпуск» по годам зафиксировано в ведомостях только казенных заводов (см. таблицу 1). С различной степенью интенсивности поставки осуществлялись в 1715, 1716, 1719 и 1720 гг.

Таблица 1

продукция (шт.)	Алапаевский	Уктусский	Каменский		
	1720	1715	1715	1716	1719
пушки 6 ф.				2	16
пушки 3 ф.					8
гаубицы					
мортиры 1 п.				1	2
мортиры 6 ф.					2
гаубицы					2
бомбы 1 п.	500		731	234	
бомбы гаубичные					1000
ядра 12 ф.		900			
ядра 6 ф.		1700	3575	2700	2205
ядра 5 ф.		1680			
ядра 3 ф.	1305	3040	1360	10805	
ядра 2 ф.					300
ядра картечные			3100	25700	8240
мелкая картечь			1460		43п
ручн. гранаты 6 ф.			1250		1000
ручн. гранаты 2 ф.					370

По нашей оценке, в первое двадцатилетие XVIII в. уральская артиллерия так и не получила массового развития. Практически с первых лет работы завода было запрещено производство 3-фунтовых пушек, а вскоре и остальных калибров. 1703 г. стал переломным в судьбе уральской артиллерии, тогда во время форсированного заводского строительства не удалось адаптировать в крае ряд новых технологий и видов продукции. Несмотря на трудное для России время, правительство вынуждено было свернуть массовое артиллерийское производство на Урале. После указа 1705 г. поставки пушек в Москву не возобновлялись. В 1710 г. было запрещено и производство боеприпасов. Уральские пушки не сыграли существенной роли в Северной войне. Наиболее весомый вклад Урала в победу заключался в поставках высококачественного железа.

- ¹ Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ РИ). Т. 3. СПб., 1830. № 1588.
- ² Кафенгауз Б.Б. История хозяйства Демидовых в XVIII–XIX вв. Т. 1. М.; Л., 1949. С. 129–143; Бескровный Л.Г. Производство вооружения и боеприпасов на русских заводах в первой половине XVIII века // Исторические записки. 1951. Т. 36. С. 108–109. Струмилин С.Г. История черной металлургии в СССР. Т. 1. М., 1954. С. 127–128; Павленко Н.И. Продукция уральской металлургии в начале XVIII в. // Полтава: к 250-летию Полтавского сражения. М., 1959. С. 190–198.
- ³ Попытки литья пушек были предприняты на Угтусском заводе только в 1733 г. для Камчатской экспедиции В. Беринга. Была отлита пробная партия из четырех 4-фунтовых пушек. При испытании разорвало три пушки, поэтому в дальнейшем орудия изготовляли на Каменском заводе. В.И. Геннин назвал причиной разрыва не соответствующую требованиям железную руду (Линьков В.Д., Силантьев Г.Л., Станюкович А.Д. Командорский лагерь экспедиции Беринга. М., 1988. С. 102.).
- ⁴ РГАДА. Ф. 151. Оп. 1. Д. 50. Л. 25 об.
- ⁵ Там же. Л. 104–105 об.
- ⁶ Там же. Ф. 214. Оп. 5. Д. 821. Л. 1.
- ⁷ Там же. Д. 822. Л. 1–7.
- ⁸ Там же. Д. 1348. Л. 37.
- ⁹ Там же. Ф. 151. Оп. 1. Д. 50. Л. 218 об.
- ¹⁰ Там же. Д. 49. Л. 256.
- ¹¹ Там же. Ф. 271. Оп. 1. Д. 557. Л. 46.
- ¹² Оружие Урала с древнейших времен до наших дней: Щит и меч отчизны. Екатеринбург, 2008. С. 126.

*А.Ю. Курочкин (Москва),
Е.И. Малоземова (Санкт-Петербург)*

ВОСТОЧНАЯ МИНИАТЮРА КАК ИСТОЧНИК ПО ИЗУЧЕНИЮ ИСТОРИИ ОРУЖИЯ

ВОСТОЧНЫЕ МИНИАТЮРЫ, иллюстрирующие как литературные, так и исторические сочинения, не раз становились источником для исследования различных аспектов предметного мира, в том числе и оружия¹. Использование миниатюр кажется особенно привлекательным тогда, когда для создания наглядной картины в распоряжении исследователей нет предметного материала соответствующей эпохи, или в ситуации, когда нужно локализовать во времени и/или пространстве имеющиеся в музейных и частных собраниях недатированные или неатрибутированные образцы, о которых нет точной документальной информации. При этом многие исследователи², оговаривая условность изображений на восточных миниатюрах, все-таки ставят во главу угла довод об их неминуемой достоверности. В этой связи интерес представляют именно указанные оговорки, которые позволяют понять, какими границами и допущениями руководствовались исследователи материальной культуры в процессе изучения миниатюр.

О.И. Галеркина отмечала³: «анализ миниатюр показывает, что, иллюстрируя литературные произведения, художник абстрактно и схематически изображал главных действующих лиц, но индивидуализировал второстепенные персонажи. Изображения орудий труда безусловно соответствовали исторически существовавшим инструментам того времени, *в чем мы убеждаемся при проверке дру- гими видами источников* (курсив наш. – А. К., Е. М.). Таким образом, средневековые восточные миниатюры при всей своей специфичности могут быть использованы наравне с данными письменными,

³ Авторы благодарят С.А. Синельщикову и П.П. Азбелева за помощь в подготовке статьи.

археологическими и этнографическими в качестве достоверного и полезного источника по истории материальной культуры и организации производства изучаемого периода»³.

М.В. Горелик основывался на том, что «факт, что мусульманская миниатюра является первоклассным и *при правильном подходе* (курсив наш. – А. К., Е. М.) достоверным источником по материальной культуре, в том числе и по истории костюма, уже давно отмечен многими исследователями»⁴. В других работах он указывал, что «фигуративное искусство Ближнего и Среднего Востока зачастую лишено доверия. Тем не менее, *если мы постигнем формулу художественного выражения* (курсив наш. – А. К., Е. М.), почти всегда возможно определить, какой материальный предмет скрывается за ней, и тогда открывается объем точной информации»⁵. Позже в отношении памятников древневосточного изобразительного искусства исследователь замечал: «изобразительные памятники отличаются наглядностью, «сиюминутностью» передачи информации. По счастливому стечению обстоятельств для целого ряда древневосточных культур, *хотя далеко не для всех и не на всех этапах их существования* (курсив наш. – А. К., Е. М.), характерны изображения, отличающиеся высокой степенью натуралистичности в передаче предметных реалий»⁶.

Мнение исследователя древнерусских миниатюр и именно оружия, хоть и не относящееся к восточной миниатюре, тоже не менее характерно: «древние рисунки от петроглифов до гравюр включительно обладают одним драгоценнейшим свойством: они довольно часто имеют теми... именно то, что восстановить по ископаемым вещам обычно не удастся. *Впрочем, использовать данные этих рисунков можно вообще только на основе предварительного изучения вещественных и письменных исторических источников* (курсив наш. – А. К., Е. М.)»⁷.

Таким образом, исследователи отмечают как минимум условность и специфичность изображений и говорят о необходимости предварительного знания культуры по письменным или вещественным источникам или же освоения некой «формулы художественного выражения». Попробуем рассмотреть, какие же условности необходимо принимать во внимание исследователю восточных миниатюр и какими формулами руководствоваться.

Прежде всего, при работе с миниатюрами нужно помнить, что изначально они не предполагали отражения реальной действитель-

ности, наполненной переданными до деталей конкретными изображениями, на основании которых предполагается трактовать и определять предметы материальной культуры. Миниатюра, как и любой другой вид изобразительного искусства, говорит на языке художественных образов. Художник формирует представление о предмете в своем сознании (первая ступень искажения) и только затем с помощью технических средств переносит его на бумагу (вторая степень искажения). Для этого образ должен быть сначала мысленно отделен от вещи. Именно образ позволяет вещи присутствовать там, где она отсутствует⁸. Этот процесс в чем-то аналогичен переводу с одного языка на другой, в котором неизменным сохраняется только смысл, а сама форма претерпевает изменение. Далее перенесенный на бумагу образ, обретший в этом свою новую, измененную, художественную форму, должен быть прочитан и воспринят зрителем (третья степень искажения). На этой стадии художественный образ уже в воображении зрителя соотносится с известными ему из окружающей его (!) реальности формами. Именно в мировоззрении конкретной эпохи коренится ключ к пониманию того кода, который используется для создания и образа и его дешифровки. Ш.М. Шукуров указывает, что «традиционная иконографическая схема передает зрителю только самые общие сведения. Зритель же конкретизирует эти сведения, отталкиваясь при этом от своих собственных конкретных представлений, которые в свою очередь обусловлены не только закрепленной в его памяти информацией, но и множеством других мало заметных для человека в традиционном обществе факторов – эпохой, социальной средой, религиозными представлениями и т. д.»⁹. В рамках обсуждаемой темы эта мысль наиболее очевидно видна, например, на миниатюре из датированной 1633 г. «Падшах-наме»^b – иллюстрированной хроники правления Шах-Джахана, содержащей наиболее реалистичные и детализированные изображения в могольской живописи¹⁰ – со сценой приема Шах-Джаханом персидского посольства¹¹, сабли на поясе иранцев изображены с неестественно большой степенью кривизны, которая никогда не встречается у реальных иранских сабель. Это не ошибка художника, а прием, при помощи которого индийский художник, привыкший к индийским саблям с незначительной степенью кривизны клинка, передает свое восприятие иранских сабель, казавшихся ему чрезмерно изогнутыми. В восприятии зрителей эти сабли «распрямлялись» до реальных

^b В статье принята облегченная система транскрипции.

форм, продолжая оставаться, тем не менее, чрезмерно изогнутыми по сравнению с привычными.

Таким образом, с реальностью изображаемый предмет связан только опосредованно: первый раз – через воображение художника при создании образа, и второй – при прочтении его зрителем. При этом полное совпадение при создании и прочтении образа происходит, только если его автор и зритель связаны одной реальностью, в том числе в прямом смысле исторической реальностью, то есть говорят на одном языке. Так, современники восточных миниатюр воспринимали их вполне реалистично. В описании маджлиса, устроенного Алишером Навои, в котором участвовала интеллектуальная элита Герата, и в том числе легендарный художник XV–XVI вв. Кемаль ад-Дин Бехзад, который принес в дар Навои его портрет на фоне цветущего сада, рассказывается: «Восхищенный Навои спросил своих гостей: “Что приходит вам на ум в отношении оценки и восхваления этого замечательного изображения?” Один из них воскликнул, что ему захотелось сорвать цветок, изображенный на миниатюре, и воткнуть в чалму. Другой сказал, что испытал такое же чувство, но испугался, как бы не вспугнуть при этом изображенных на миниатюре птиц. Третий возразил, что этим он разгневал бы изображенного на миниатюре Навои. Четвертый воскликнул, что за такую дерзновенную выходку он его ударил бы посохом, с которым изображен Навои»¹².

Реалистично воспринимать изображения (начиная от наскальных рисунков и пещерной живописи до картин импрессионистов и постимпрессионистов) современникам живописца позволяет именно знание кода, необходимого для их «прочтения». Только знание ключа к коду позволяет правильно воспринимать художественные произведения любого исторического периода, даже произведения социалистического реализма, не говоря уже о произведениях модернизма, хотя может казаться, что такой код отсутствует или не необходим. В этой связи было бы наивно утверждать, что знаки и образы восточной миниатюры априори понятны «по наитию» современному зрителю, существующему в иной исторической и культурной реальности, и не требуют расшифровки. Современным исследователям этот код необходимо расшифровывать и находить к нему ключ, опираясь на данные исторической традиции, известные по письменным источникам каждой конкретной эпохи, а также на информацию о конкретном художественном произведении, месте иллюстрируемого сочинения

в культуре, природе самого текста. Одновременно необходимо постигать и ту самую «формулу художественного выражения», анализируя примененные художником при создании образа изобразительные средства и принципы и проистекающие из них механизмы «общения» со зрителем.

Анализ произведений восточной миниатюры позволяет говорить, что одним из таких механизмов был механизм «узнавания». Зритель может «узнать» предмет, опознав его конкретные признаки, которые, следовательно, должны быть выражены, ярко выражены, а иногда и искажены по сравнению с действительностью. Принцип искажения использовался как для того, чтобы подчеркнуть реальные признаки предмета (например, изображение чрезмерно развитой елмани указывает только на ее наличие, а не на истинный размер), так и для того, чтобы отразить внутренние свойства предмета или сюжета и их психологическое восприятие. Так, изображение гигантского по размеру «зу-л-факара» на ширазской миниатюре 1480 г. «Попирание врагов»¹³ призвано показать не реальные размеры меча, а его значение в культуре и ужас, наводимый им на попираемых врагов.

На миниатюре к бухарскому списку иранского героического эпоса «Шах-наме», датируемому XVI в.¹⁴, можно наблюдать другую особенность художественного образа. На переднем плане миниатюры изображены два всадника, которые наносят друг другу сабельные удары. На заднем плане – всадники, которые только собираются ударить друг друга. Легко обнаружить, что при равном размере изображенных человеческих фигур сабли в руках у бьющих всадников немного длиннее. То есть художественный образ, в отличие от обозначаемого им предмета, может содержать в себе помимо формы еще и движение или качественные характеристики (сабля, которой наносят удар, будет длиннее, чем сабля, которую просто держат в руках), и таким образом выступать в качестве знака. «Художественный образ в средневековом искусстве не только иллюстрация, но и знак, наделенный различным спектром значений. Выяснение конкретного значения этого знака зависит от нашего понимания принципов его функционирования»¹⁵.

Этот последний пример с очевидностью показывает, что принцип знаковости следует учитывать при анализе оружия, обязательно входящего в состав элементов, используемых для создания многих художественных образов, и особенно героических персонажей «Шах-наме», наделенных очевидным статусом знака. В этой сфере хорошо

заметен еще один принцип, заключенный в создание художественного образа ближневосточной миниатюры, – принцип повторяемости. Примером тому может служить изображение на протяжении двухсот лет (с монгольского времени и, по крайней мере, до середины XV в.) Бижана, Исфандиара или Бахрама-Гура облаченными в практически одинаковые доспехи, созданные по виду ламеллярного. Восточно-азиатский ламеллярный доспех настойчиво изображался художниками придворной мастерской монгольских правителей Ирана, созданной Рашид ад-Дином в первой трети XIV столетия в столичном Тебризе. Его можно увидеть и на миниатюрах в списках 1314 г. исторического сочинения Рашид ад-Дина «Джами ат-таварих» («Собрание историй») и знаменитой «Великой монгольской “Шах-наме”». Повторение одинаковых элементов разными мастерами одной мастерской примерно одного времени в некоторой степени позволяет верифицировать изображение и утверждать в определенной мере надежно на основе только миниатюр, что этот доспех был актуальным в монгольское время, когда на страницах самых первых списков и складывался образ героев «Шах-наме». Для последующих же полутора столетий столь же уверенным в этом быть уже нельзя.

Таким образом, всегда нужно принимать во внимание, что исследователь зачастую сталкивается в первую очередь с некими стилистическими клише и типовыми схемами, заимствованными из предыдущих работ, и прежде чем делать конкретные выводы, ему следует выявить период существования такого клише. Иными словами, необходимо установить, имеет ли место первоначальный образ предмета из реального, современного мастеру, мира, или же это трафарет, устойчиво существующий на протяжении десятилетий в рамках художественной школы. Причем этот трафарет мог быть необходим и просто как образец для обучения молодых художников (по традиции над миниатюрой работали несколько мастеров различной специализации с учениками и подмастерьями¹⁶ – Мустафа Дефтери, более известный как Али Эффенди, в трактате «Манакеб-е хонарваран» («Восхваления искусных мастеров»), посвященном искусству живописи, созданном в 1587 г., писал: «процесс копирования практиковался в течение нескольких лет, пока рука ученика не становилась привычной к этому виду работы. Постоянно упражняясь, он фиксировал в памяти очертания и детали различных объектов (курсив наш. – А. К., Е. М.). Когда курс обучения подходил к завершению, юный художник был обязан уметь предельно точно копировать все

требуемые фигуры и формы (курсив наш. – А. К., Е. М.)»¹⁷, – так и преследовать более сложные цели. Повторяя одни и те же композиционные схемы и раз и навсегда выработанные очертания предмета, освященные изобразительной традицией и защищенные авторитетом мастеров прошлого, художники постепенно выработали канон, необходимый для передачи ряда образов-знаков. Актуальным использование канона было для создания образа не только литературного героя, но и правителя, что важно для обсуждаемой темы, поскольку этот образ часто содержал оружие. Канон в изображении правящего династа на основе существовавшей ранее иранской¹⁸ изобразительной традиции сложился уже к XIII в., что видно на самых первых сохранившихся единичных примерах миниатюры на бумаге сельджукского периода, таких как фронтиспис к семнадцатому тому арабского поэтического сочинения середины XIII в. «Китаб ад-Дирйак» («Книга противоядий»). В отношении же оружия на основе только этой миниатюры позволительно утверждать лишь, что в иранской придворной традиции, к которой стали причастны и тюркские завоеватели, оно по-прежнему занимало важное место. О типах этого оружия, равно как его количестве и конструктивных особенностях в сельджукское время, доказательно рассуждать, опираясь только на эту миниатюру, без обращения к другим источникам, невозможно.

В дальнейшем художники применяли канон – а он предполагал использование хорошо известных изобразительных схем, таких как, например, известная с сасанидских времен¹⁹ композиция «шах пирует с красавицей», или наделение героя атрибутами, например, тоже уже известными в сасанидскую эпоху (а, возможно, даже раньше в скифской и пазырыкской культурах) пристегнутыми к поясу горитом и длинноклинковым оружием – для создания образов царей – героев литературных сочинений, и особенно при изображении исторического персонажа как законного правителя иранских земель. Последнее хорошо видно на созданном в 1434–1446 гг. идеализированном²⁰ изображении Тимура, выезжающего на охоту в окрестностях Бухары, из списка сочинения Шараф ад-Дина Али Йазди «Зафар-наме» или на миниатюре с изображением охотящегося Байсонкура из гератского списка антологии поэзии и прозы 1427 г., где принц помещен в окружение, исполненное в традиционно иранском духе²¹. При этом предметные детали этих каноничных образов, в том числе оружие, которые изначально, как представляется, отражали объективную реальность, в дальнейшем были малочувствительны к веяниям време-

ни и тем более технического прогресса в части «эволюционирования» форм или отражения физической реальности, поскольку были призваны проецировать славное и, как правило, легендарное прошлое в настоящую действительность, а не наоборот. Но даже эталон, условное «первое» изображение все равно оставалось продуктом творческого художественного осмысления или просто являлось характерной чертой, а иногда даже недостатком конкретного мастера. Так, упомянутый выше Кемаль ад-Дин Бехзад, чье творчество легло в основу целого художественного стиля и послужило основанием для многочисленных копирований и подражаний, обвинялся в свое время в недостаточной реалистичности изображений. Современник художника Захир ад-Дин Бабур отзывался о нем так: «он обладал тонкостями художественного мастерства, но лица безбородых изображает плохо, – слишком вытягивает подбородок. Лица бородатых мужчин он рисует очень хорошо»²².

Существование иллюстрированных коммерческих рукописей только усугубляет ситуацию для исследователей, ищущих в них свидетельства материального мира. При этом упрощение и уход от сложных художественных образов и знаков на миниатюрах в коммерческих списках парадоксальным образом приводит не к реалистичности изображений, а к упрощениям и еще большим искажениям, но при этом уже лишенным какого-либо внутреннего содержания. Например, миниатюра «Гуштасп и дракон» из «коммерческого» списка «Шах-наме» 1475 г.²³ демонстрирует деформированные пропорции фигуры Гуштаспа и особенно его коня, не говоря уже о несочетающихся размерах сабли в руках царя и ее ножен, деталей фигур и пр. В данном случае отсутствует вышеуказанный художественный акт переноса представления о предмете на бумагу. Воспринимать подобные изображения как реалистичные не позволяет их явная изобразительная неполноценность, а попытка трактовать их как образы и выяснять значения стоящих за ними «знаков» неминуемо приведет исследователя к фиаско.

В дополнение к существовавшим клише предметный мир, в том числе и оружие, на миниатюрах изображался мастерами так, чтобы решить исключительно художественные задачи. Это становится очевидным при строгом анализе, например, двух миниатюр на одинаковый сюжет «Сражение Бижана с кабанами» из двух почти одновременных списков (около 1300 и 1330–1340-х гг.) «Шах-наме». Центральным элементом обеих композиций оказывается клинок,

причем в одном случае он широкий и короткий, а в другом – длинный и узкий, что в первую очередь определяется художественной необходимостью одновременно привлечь внимание зрителя и гармонизировать все детали в выбранной композиционной схеме, а вовсе не стремлением передать реальный образ клинка. Важно показать просто его наличие, а не достоверный образ²⁴ или разнообразие, которое, возможно, и могло быть, но это нужно доказывать привлечением других источников. При этом максимум, что можно безопасно отметить, – это использование монголами слегка искривленного клинка, а не прямого, как во времена Сасанидов, где похожая композиция также известна. С другой стороны, разный внешний вид одного и того же предмета в том числе, типа оружия²⁵ или одежды²⁶ (даже у одного и того же персонажа) в одном списке служит другим доказательством знаковой природы предметных образов.

Индийская живопись еще со времен стенописи также основывалась на выделении отдельных «информативных морфологических элементов, изображаемых определенным способом (например, «лицо», «глаз», «кисть руки», некоторые предметы одежды, оружие и пр.). Сюда же можно отнести и способ представления некоторых ситуаций (зима, лето, ночь, битва и т. д.). Из этих элементов художник конструирует морфологическую модель изображения»²⁷. В трактате по теории и технике стенописи «Читрасутра» (IV–VII в.) указывается: «Горы, о лучший из царей, следует изображать в виде сети каменных глыб, с вершинами, минералами, выступающими на поверхности, деревьями, водопадами, змеями. Крепость должна быть показана хорошо расположенной на местности, окруженной земляными валами, сторожевыми башнями и горами. Базары надо представить товарами для продажи. Питейные места – скопищем людей, распивающих напитки. Игроков в кости следует изображать без верхней одежды. Проигравших – исполненными скорби, выигравших – радости. Поле битвы следует показать войском четырех видов. Сражающимися людьми, окровавленными мертвыми телами»²⁸.

Характер иллюстрируемого произведения также влиял на «реалистичность» изображаемых предметов. Так, например, прежде чем делать сколько-нибудь определенные выводы относительно предметного материала, изображенного на миниатюрах в списках столь часто упоминаемого здесь «Шах-наме», стоит вспомнить, что этот эпос занимал особое, знаковое место в придворной культуре Ирана, кто бы ни был ее носителем, а анализируя изображения в списках

этого сочинения – снова поразмыслить над той самой «формулой художественного выражения» и попытаться определить, насколько картинка, которую рисует художник, стремится к реалистичности на момент создания списка. Например, на миниатюре, изображающей, казалось бы, имевшую место в истории сцену битвы между Ардаширом I и Артабаном V из «Великой монгольской «Шах-наме», художник при помощи цвета и линий в передаче деталей пейзажа (золото в оформлении неба, голубой тон в передаче листвы и травы, намеренно искривленные линии, доставшиеся в наследство от традиций китайской живописи, в изображении рельефа земли и веток деревьев), очевидно, помещает персонажей в фантастический, нереальный антураж, заставляя таким образом рассматривать этот исторический эпизод как эпическую картину и искать опору для изображенного на миниатюре материального мира, в частности оружия, не только, а возможно, и не столько в современных ему арсеналах, сколько в изображениях предшествующих эпох. Поэтому едва ли стоит предполагать, что изображенные комплекты вооружения обеих сторон могли целиком и полностью соответствовать исторической действительности²⁹. В данном конкретном случае, по крайней мере, в изображении доспеха сасанидского царя скорее имеет место сочетание элементов, действительно близких к исторической реальности монголов (уже упомянутый восточно-азиатский³⁰ доспех) и архаичных деталей (иранский сасанидский шлем с маской и кольчужной сеткой), учитывая совершенно особую смысловую нагруженность текста «Шах-наме» в монгольскую эпоху в условиях необходимости легитимизировать и оправдать власть пришлых властителей над иранскими землями и возможную стилистику исполнения этого конкретного списка как «зеркала для принцев»³¹. В этом случае изображение Ардашира I становится в полном смысле слова «художественным образом», сочетающим настоящее и прошлое. Ш.М. Шукуров замечает, что в искусстве Ирана не следует искать «портретных» изображений, но «только индивидуализированные подобиya того или иного исторического персонажа»³².

Одновременно с такими очень детализированными изображениями очевидно эпического характера несколько миниатюр из списка «Великой монгольской Шах-наме» исполнены так, будто художник изображал интерьер конкретного здания³³. Это утверждается и касательно, например, отдельной миниатюры, сегодня вмонтированной в альбом, «Кей Хосров победитель дивов», которая тоже могла

принадлежать списку «Великой монгольской “Шах-наме”». Принимая во внимание одновременно целый комплекс факторов: выбор редко изображаемого сюжета (т. е. отсутствие выработанной схемы для конкретного сюжета и сведение ее просто к типу «правитель на троне»), изображение интерьера, весьма точно соответствующего реально сохранившимся образцам³⁴, четкая проработка деталей предметного мира, – позволительно говорить, что на данной конкретной миниатюре и изображенное оружие может рассматриваться как приближенное к реальности, и эта конкретная миниатюра может стать базой для дальнейших выводов, в том числе оружейведческого характера, но все же столь же осторожных. Отметим, что при внимательном рассмотрении представленное на миниатюре оружие как раз практически лишено деталей, демонстрируя типы предметов лишь только с небольшими вариациями.

Последний пример демонстрирует в рамках узкой обсуждаемой темы давно отмеченную специалистами еще одну, казалось бы, противоречащую уже описанной особенность персидской живописной традиции: в случае, когда единственным зрителем выступал заказчик, миниатюры-иллюстрации текстов поэтических и, как правило, псевдоисторических произведений служили только поводом для отражения современной художнику дворцовой жизни. «Любому значительному событию из жизни сефевидского двора подбирался аналогичный сюжет из литературного произведения. Этот сюжет иллюстрировался с использованием всевозможных аллегорий, символов, иносказаний и пр. При этом заказчик изображался в образе Искандера, Хосрова, тем самым подчеркивая свои притязания на власть»³⁵. Именно в случае придворного заказного списка, где тем или иным образом выступает фигура правителя-заказчика, появлявшиеся в рамках изобразительного канона вариации как раз позволяют осторожно предполагать актуальность повторяемых, но измененных элементов образа в рамках не слепо повторенных, а именно переосмысленных схем.

Так, можно предполагать, что актуальным для монгольских правителей Ирана с начала XIV в. было использование двух клинков в церемонии коронации или восшествия на трон (известная с сельджукских времен композиция присутствует с вариациями на миниатюрах «Великой монгольской “Шах-наме”»), а для Тимуридов был актуален образ иранского царя-охотника с возможностью, но не строгой при этом обязательностью, использования в этом церемониале лука и длинноклин-

кового оружия. Столь же актуальным и узнаваемым был образ воина-араба, который всегда предполагал изображение длинноклинкового оружия, зафиксированного вертикальным подвесом на плече, как это видно уже на миниатюре из одной из самых ранних иллюстрированных рукописей Багдадской школы «De Materia Medica» 1220-х гг., где «детально передан предметный мир, но стилизованы образы деревьев и персонажей»³⁶, и далее, например, в списке «Джами ат-таварих» Рашид-ад-Дина начала XIV столетия и «Хамсе» Низами 1431 г.³⁷ Однако, какое конкретно оружие использовалось для коронации монгольских царей Ирана, точно сказать, опираясь на миниатюры, нельзя, равно как и высчитывать угол кривизны или говорить о приемах оформления сабли Тимура. В этом смысле показательно, что на миниатюре из списка «Хамсе» 1431 г., созданного в придворной мастерской Шах-руха в Герате, в руках арабов изображены очевидные мечи, тогда как ножны показаны с заметным сабельным изгибом.

Изображение реальной жизни создавалось художником при иллюстрации событий, допускающих при их визуализации некую повествовательность, которая чаще всего отсутствует собственно в иранских текстах, особенно в эпических и исторических. Это чаще не сцены поединков и сражений, предполагающие свойственный иранскому сознанию героико-эпический пафос, а изображения занятий обычных людей, или повествовательный антураж придворной жизни, показанный при помощи реалистично переданных второстепенных персонажей, что и отмечалось О.И. Галеркиной³⁸. Так, на миниатюре «Аудиенция Амира Тимура в Балхе в апреле 1370 г.» из созданного в 1480–1485 гг. в Герате для Султан-Хусайна Байкары списка «Зафар-наме», которая, как отмечается исследователями³⁹, очень реалистично демонстрирует атмосферу придворной жизни, описание которой отсутствует в тексте, оруженосец, изображенный слева от помещенного в каноничную композицию «царь на троне» Тимура, держит принадлежащее правителю длинноклинковое оружие под мышкой. Это не просто деталь, сама по себе явно «подсмотренная из жизни», но, что важно, и вариация уже сложившегося, как представляется, при дворе Джалаиридов канона в изображении оруженосцев. Таким образом, эту конкретно миниатюру безопасно использовать для характеристики предметного материала, в том числе и изображенных на ней типов оружия.

Говоря о других конкретных миниатюрах и списках, которые можно относительно безопасно использовать для анализа предметного матери-

ала, стоит также отметить знаменитые списки «Шах-наме» и «Хамсе», созданные для шаха Тахмаспа в придворной мастерской в 1524–1543 и 1539–1543 гг. соответственно, миниатюры к которым, по мнению специалистов, педантично передают предметный мир сефевидского двора⁴⁰. При этом, анализируя миниатюры к спискам, созданным при дворе и по заказу, едва ли стоит поднимать вопрос о возможных ошибках художника-миниатюриста. Ошибки могли возникать, причем весьма курьезные и чаще всего «технического» свойства, в коммерческих списках.

В случае индийской миниатюры, в частности, могольской, также следует отличать произведения, создававшиеся для развлечения юного Акбара (например, иллюстрации к списку 1560–1570 гг. «Хамза-наме», сказочной повести, посвященной фантазийным приключениям Амира Хамзы, дяди пророка Мухаммеда, содержащие помимо фантастических персонажей их разнообразные виды вооружения), от более поздних иллюстрированных придворных могольских хроник. Нужно учитывать, что и сказочная «Хамза-наме» и поздние могольские хроники содержат в высшей степени искусно выполненные миниатюры с уникальной детализацией предметов, но только с разной степенью реалистичности этих изображений. Если дворцовые хроники можно с определенной степенью уверенности (но, конечно, как указывалось выше, опираясь на искусствоведческий анализ изображений, так как одна и та же хроника могла иллюстрироваться на протяжении долгого времени разными по уровню и даже стилю художниками, а через некоторое время копироваться и заново иллюстрироваться) использовать в качестве изобразительного источника, то миниатюры раннего периода могольской живописи в любом случае следует трактовать и дешифровать.

Подводя итог, следует еще раз акцентировать внимание на том, что диалог с культурой прошлого, как отмечал Ш.М. Шукуров, можно уподобить беседе двух людей, говорящих на разных языках. Для того чтобы им понять друг друга, необходимо по крайней мере одно условие – знание одним из собеседников языка другого. Только тогда вопрошающий может понять значение получаемых им ответов, но и в этом случае многое зависит от формулировки вопроса: насколько адекватным и корректным он окажется⁴¹. Конкретный же результат, полученный при анализе изображенных на персидских и индийских миниатюрах деталей оружия, как и любых других элементов, может рассматриваться как релевантный только при критическом подходе, учитывающем целый ряд описанных

выше факторов и главную особенность восточной и особенно персидской миниатюрной живописи: «это мир мечты, мир снов, вечная весна, вечно цветущий сад»⁴².

¹ Крамаровский М.Г. Золото Чингисидов: джучидская сокровищница // Алтын Урда Хэзиналаре. Сокровища Золотой Орды. The Treasures of the Golden Horde. СПб.: Славия, 2000. С. 132–201; Горелик М.В. Среднеазиатский мужской костюм на миниатюрах XV–XIX вв. // Костюм народов Средней Азии. М., «Наука», 1979; Галеркина О.И. Материальная культура Средней Азии и Хорасана XV–XVI вв. по данным миниатюр ленинградских собраний. Автореферат дисс. ... канд. ист. наук. Л., 1951; Горелик М.В. Ближневосточная миниатюра XII–XIII вв. как этнографический источник (опыт изучения мужского костюма) // Советская Этнография. 1972. № 2. С. 37–50; Рахимова З.И. Мавераннахрская (среднеазиатская) миниатюрная живопись XVI–XVII вв. как источник по истории костюма. Дисс. ... канд. искусствоведения. Ташкент, 1984; Khorasani M.M., Singh A. An Analysis of the Depiction of the Šamšir: Persian Miniature Paintings. Part 1 // СААМ (Classic Arms and Militaria), Vol. XX, Issue 3, June/July 2013, p. 50–54; Khorasani M.M., Singh A. An Analysis of the Depiction of the Šamšir: Persian Miniature Paintings. Part 2 // Classic Arms and Militaria, Vol. XIX, Issue 5, October/November 2013, p. 31–34.

² Галеркина О.И. Материальная культура Средней Азии и Хорасана... С. 9–10; Горелик М.В. Среднеазиатский мужской костюм... С. 50; Рахимова З.И. Мавераннахрская (среднеазиатская) миниатюрная живопись... С. 31–32.

³ Галеркина О.И. Материальная культура Средней Азии и Хорасана... С. 10.

⁴ Горелик М. В. Среднеазиатский мужской костюм... С. 49.

⁵ Gorelik M.V. Oriental armour of the Near and Middle East from the eighth to the fifteenth centuries as shown in works of art, in Elgood, R. (ed.) Islamic arms and armour, Scolar Press, 1979. P. 31.

⁶ Горелик М.В. Оружие Древнего Востока. СПб., 1993. С. 4.

⁷ Арциховский А.В. Древнерусские миниатюры как исторический источник. М.: МГУ, 1944. С. 4.

⁸ Шукуров Ш.М. Хоросан. Территория искусства. М., 2016. С. 83.

⁹ Шукуров Ш.М. «Шах-наме» Фирдоуси и ранняя иллюстративная традиция (текст и иллюстрация в системе иранской культуры XI–XIV веков. М., 1983. С. 38.

¹⁰ Cohen S. An Ideal Reality: Carpet Images in the Windsor Padshahnama // Hali – The International Magazine of Antique Carpet and Textile Art, 95 (1997). P. 93.

¹¹ Beach M.C., Ebba K. King of the World: The Padshahnama: an Imperial Mughal Manuscript from the Royal Library, Windsor Castle. Arthur M. Sackler Gallery (Smithsonian Institution), Windsor Castle. Royal Library Azimuth Editions, 1997. Plate 17.

¹² Пугаченкова Г.А. Среднеазиатские миниатюры (XVI–XVIII веков в избранных образцах). Ташкент, 1994. С. 9–10.

¹³ «Попирание врагов» из the Khawar-nama of Ibn Husan. Museum of Decorative Art (Tahran), fol. 112 в Furusiyya: The horse in the art of the Near East, ed. D. Alexander. Vol. II. King Abdulaziz Public Library, 1996. P. 155.

¹⁴ Robinson B.W. Islamic Painting and the Arts of the Book. London, 1976. Plate 77.

- ¹⁵ Шукуров Ш.М. Иран. Искусство средневекового Ирана. М., 1989. С. 184.
- ¹⁶ Назарли М.Д. Два мира восточной миниатюры. Проблемы прагматической интерпретации сефевидской живописи. // Труды Института восточной культуры и античности. Выпуск X. РГГУ. М., 2006. С. 140.
- ¹⁷ Brown P. *Indian Painting under the Mughals: AD 1550 – AD 1750*. New York, 1975. P. 184 (цитируется по: Атманова Ю.Г. Портрет в могольской миниатюрной живописи XVI–XIX веков (иконография, типология, семантика). Дисс. ... канд. искусствоведения. М., 2013. С. 87).
- ¹⁸ Sims E., Grube E.J., Marshak B.I. *The Peerles Images*. Yale University Press, New Haven and London, 2002. P. 40.
- ¹⁹ Бертельс А.Е. Художественный образ в искусстве Ирана IX–XV веков (Слово, изображение). М., 1997. С. 330.
- ²⁰ Sims E., Grube E.J., Marshak B.I. *Op. cit.* Cat. № 25. P. 109.
- ²¹ *Ibid.* Cat. № 24. P. 108.
- ²² Бабур Захир ад-дин Мухаммед. Бабур-наме. Записки Бабура. Пер. М. Салье. Ташкент, 1992. С. 189.
- ²³ Robinson B.W. *Op. cit.* Plate 39.
- ²⁴ Примечательно, что на миниатюрах из «Шах-наме» 1330–1340-х гг. исследователи отмечают искажение пропорций в передаче и длинноклинкового оружия, и других элементов композиции (головы людей, растения). [Swietochowski M.L., Carboni S. *Illustrated Poetry and Epic Images: Persian Painting of the 1330s and 1340s*. New York, 1994. P. 68].
- ²⁵ Адамова А.Т. Персидские рукописи, живопись и рисунок XV – начала XX века. Каталог коллекции. СПб.: Издательство Государственного Эрмитажа, 2010. Кат. № 1/18, Кат. № 1/28. С. 135, 143.
- ²⁶ Там же. Кат. № 3/3, Кат. № 3/4. С. 165, 166.
- ²⁷ Вертоградова В.В. Морфологические характеристики древнеиндийской живописи // Проблемы сохранения и реставрации монументальной живописи: Материалы конференции ГосНИИР 26 апреля 2006 г. М., 2006.
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ Gorelik M.V. *Op. cit.*
- ³⁰ Sims E., Grube E.J., Marshak B.I. *Op. cit.* Cat. № 6. P. 95.
- ³¹ *Ibid.* P. 45.
- ³² Шукуров Ш.М. Искусство и тайна. М., 1999. С. 215.
- ³³ Sims E., Grube E.J., Marshak B.I. *Cat.* № 102. P. 189.
- ³⁴ *Ibid.*
- ³⁵ Назарли М.Д. Два мира восточной миниатюры. С. 57.
- ³⁶ Dimand M.S. *Islamic Miniature Painting and Book Illumination* // *Bulletin of the Metropolitan Museum of Art*. Vol. XXVIII. № 10. New York, October, 1933. P. 166–171.
- ³⁷ Адамова А.Т. Персидские рукописи, живопись и рисунок XV – начала XX века. Кат. № 1/17. С. 134.
- ³⁸ Галеркина О.И. Материальная культура Средней Азии и Хорасана... С. 10.
- ³⁹ Sims E., Grube E.J., Marshak B.I. *Op. cit.* Cat. № 33. P. 40.
- ⁴⁰ *Hunt for Paradise. Court Arts of Safavid Iran. 1501–1576. Ex. catalogue*. Ed. by J. Thompson and Sh.R. Canby. Milan, Skira, 2003. P. 12.
- ⁴¹ Шукуров Ш.М. Иран. Искусство средневекового Ирана. С. 185.
- ⁴² Бертельс А.Е. Художественный образ в искусстве Ирана IX–XV веков... С. 324.

С.С. Курочкин (Санкт-Петербург)

**ГЕНЕРАЛ-АДЪЮТАНТ ЭДУАРД ИВАНОВИЧ
ТОТЛЕБЕН ВО ГЛАВЕ ДЕЙСТВУЮЩЕЙ АРМИИ
НА БАЛКАНСКОМ ТЕАТРЕ ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ
ПО МАТЕРИАЛАМ ПЕРЕПИСКИ (1878 г.)**

ЭДУАРД ИВАНОВИЧ ТОТЛЕБЕН (1818–1884) является выдающимся российским военным инженером. Однако период его деятельности на посту командующего действующей армией затрагивался отечественными историками весьма редко. Наиболее подробно данную проблему рассматривал Николай Карлович Шильдер в своей фундаментальной монографии «Граф Эдуард Иванович Тотлебен, его жизнь и деятельность». В более поздних работах, касающихся действий русской армии на Балканах в период между подписанием Сан-Стефанского мирного договора и Берлинским конгрессом, акцент редко делался именно на деятельности Э.И. Тотлебена. Для понимания значения его фигуры для отечественных вооруженных сил изучение деятельности генерал-адъютанта по окончании Русско-турецкой войны весьма важно. Относительно короткое время, в течение которого Э.И. Тотлебен находился во главе действующей армии, является особенным периодом его деятельности, поскольку до этого он занимался преимущественно инженерными вопросами, многие годы находясь на посту товарища генерал-инспектора по инженерной части. Но после назначения на должность командующего действующей армией ему пришлось выполнять множество новых обязанностей, таких как снабжение и санитарное обеспечение войск.

Из переписки между великим князем Николаем Николаевичем и императором Александром II ясно, что главной причиной, по которой великий князь оставил пост, явилось резкое ухудшение его здоровья. В марте 1878 г. здоровье военачальника окончательно расстроилось. 21 марта 1878 г. великий князь Николай Николаевич

в письме сообщил царю, что болен и что нет гарантии, что его состояние не ухудшится. В связи с этим он просит императора назначить на этот пост более надежного в плане здоровья человека¹. Военная компания была закончена, но угроза возобновления войны все еще оставалась серьезной. Обстановка позволяла сделать эту замену. Император в письме от 3 апреля 1878 г. сообщил великому князю, что с него слагаются полномочия главнокомандующего действующей армией, а на его место назначается генерал-адъютант Тотлебен, который 6 апреля по высочайшему повелению выехал в действующую армию, а 15 апреля прибыл в Сан-Стефано². 16 апреля Эдуард Иванович был назначен главнокомандующим действующей армией.

Обстановка, в которой Э.И. Тотлебен принял командование, была двойкой: с одной стороны, был заключен выгодный для России мир, но, с другой стороны, не было гарантий, что Османская империя, которую поддерживала Англия, будет его соблюдать и что Англия и Австрия не вмешаются напрямую.

Англия была недоброжелательно настроена к участию Российской империи в событиях на Балканах с самого начала конфликта³. Когда стало очевидно, что Турция проигрывает войну, тон британцев стал еще более угрожающим⁴. В письме великому князю Николаю Николаевичу от 3 января 1878 г. император Александр II написал, что получил телеграмму от королевы Виктории, в которой говорилось, что самостоятельно Россия может заключить лишь перемирие и что английское правительство не допускает прямых мирных переговоров между Россией и Турцией.

После того, как между Россией и Турцией все же был подписан прелиминарный мирный договор в Сан-Стефано, международная обстановка стала еще более напряженной. По словам императора Александра II, сказанным в письме великому князю Николаю Николаевичу от 6 марта 1878 г., Англии был нужен только повод для объявления войны России⁵. Александр II упоминал, что британцы давили на турок, чтобы те не позволили русским занять выход из Босфора в Черное море; царь трактует это как стремление британцев в случае войны обеспечить себе проход в Черное море. При этом Британия подталкивала и Австрию к конфронтации с Россией.

В такой обстановке генерал-адъютант Эдуард Иванович Тотлебен 15 апреля прибыл в Сан-Стефано и принял командование. Перед ним встала проблема создания плана действий в случае начала новой войны. Еще до того, как Э.И. Тотлебен принял командование, было раз-

работано несколько вариантов действий в случае, если война будет. В письме императору Александру II от 27 апреля 1878 г. генерал Тотлебен рассматривает три плана военной компании на Балканах; два плана были связаны с активными наступательными действиями⁶.

Первый из планов наступления предполагал, что часть русских войск овладеет пунктом на берегу Босфора, в то время как остальные силы будут прикрывать фланг этой группировки от возможного наступления со стороны Константинополя. Однако Э.И. Тотлебен считал, что само по себе занятие пункта на берегу Босфора не помешает английскому флоту прорваться в Черное море. Перспективы удержания этого пункта на протяжении всей кампании оставались весьма сомнительными, так как в Константинополе турки смогли бы собрать большие силы, усиленные, вероятно, английскими экспедиционными войсками. Тотлебен предполагал, что в подкрепление к этой позиции придется послать войска из Адрианополя, а это ослабит оборону коммуникаций русских войск в Болгарии.

Более предпочтительным Э.И. Тотлебен находил план, предусматривающий всем русским войскам немедленно после объявления войны выдвинуться в сторону Константинополя и разбить стоящие там турецкие силы прежде, чем англичане успеют перебросить туда экспедиционные войска, и, создав угрозу захвата турецкой столицы, вынудить Турцию выйти из войны. Это позволит русским занять европейский берег Босфора без постоянной угрозы удара со стороны турецких сил из Константинополя. Однако, по мнению Э.И. Тотлебена, нападать на Константинополь в создавшихся условиях – идти на большой риск. Турки, несмотря на заверения об остановке фортификационных работ на Балканском полуострове, к концу апреля 1878 г. почти завершили строительство укреплений вокруг своей столицы, и эти укрепления, по оценке самого Тотлебена, «имели весьма сильную профиль». В городе находилось 80 000 турецких солдат, имевших большие запасы боеприпасов и оружия. 110 000 русских солдат, находящихся под Константинополем, было бы недостаточно для уверенного разгрома турок, укрывшихся за городскими укреплениями. Поражение русских войск в ходе штурма столицы привело бы, по мнению Э.И. Тотлебена, к их полному разгрому, так как отступить от нее сложно. В случае же взятия Константинополя турки, при интенсивной поддержке Англии, смогут перегруппироваться в азиатской части своей державы и оттуда все равно продолжить войну⁷.

Во всех этих планах Э.И. Тотлебен видел неразрешимое противоречие: английский броненосный флот можно не допустить в Черное море, лишь перекрыв Босфор минами, но этому препятствовало сразу множество факторов. Во-первых, английский флот имел через Мальту телеграфное сообщение с Англией и потому мог немедленно после объявления войны выдвинуться к проливу и прибыть туда раньше русских судов. Во-вторых, даже если русские суда придут в пролив первыми, у них будет слишком мало времени, чтобы надежно перекрыть его минами. И, в-третьих, русской сухопутной армии, чтобы выдвинуться к Босфору и занять его берег, нужно не менее пяти дней, то есть прикрытия с суши у миноносцев не будет, и турки, которые занимают оба берега Босфора, смогут уничтожить их с помощью артиллерии⁸. В итоге, по мнению Э.И. Тотлебена, попытка русского флота перегородить Босфор минами может увенчаться успехом лишь в случае, если Турция будет нейтральной, но все имевшиеся на тот момент сведения говорили о том, что турки поддержат Англию.

Э.И. Тотлебен рекомендовал отступить к Адрианополю, где находился сильно укрепленный лагерь. Большая армия и укрепления позволят, по его мнению, отразить любое наступление врага и сохранить территории, захваченные в ходе последней кампании. При этом появится возможность высвободить до трех дивизий пехоты и отправить их в Северную Болгарию. Для противодействия возможной высадке десанта севернее Балкан Э.И. Тотлебен предлагал создать из 12, 13 и 14-го корпусов и второй пехотной дивизии Северный отряд. Таким образом, получится весьма надежная позиция, позволяющая не только отразить наступление превосходящих вражеских сил, но и способная послужить плацдармом для возможной контратаки⁹. Все эти маневры лучше предпринять заранее, до начала войны, чтобы не испытывать препятствий со стороны противника и чтобы это имело вид добровольного отвода войск, а не вынужденного отступления.

Э.И. Тотлебен считал, что удерживать после начала войны позиции, занимаемые на тот момент русскими войсками, нецелесообразно¹⁰, однако он не спешил отступать от Сан-Стефано, так как был убежден, что за отвод войск от турецкой столицы нужно потребовать от турок немедленного оставления ими Варны и Шумлы, которые играли значительную роль в обороне Черноморского побережья Болгарии. Численность гарнизонов этих крепостей составляла 25 тыс.

человек, а Варна находилась на берегу Черного моря и могла служить плацдармом для высадки крупного десанта. Действуя из этих крепостей, турецкие войска создавали угрозу для путей снабжения русских войск. Турки медлили с очищением Варны и Шумлы как раз потому, что в случае начала войны между Англией и Россией хотели обеспечить себе более выгодное стратегическое положение. Потому нужно оказать давление на турецкую сторону и не отводить войска от Константинополя до того, как османы не оставят крепости.

Таким образом, Э.И. Тотлебен удерживал Сан-Стефано из дипломатических соображений, но в случае начала войны он планировал отойти к Адрианополю, так как та местность, на которой в тот момент стояли войска, была неудобна для обороны. То, что он действительно всерьез планировал это сделать, подтверждается тем, что он начал срочную эвакуацию всех складов из Сан-Стефано и окрестностей Стамбула¹¹. О том, с какой срочностью проводилась эта операция, говорит то, что на Южной Турецкой железной дороге было полностью прекращено движение гражданских грузов: весь подвижной состав был направлен на перевозку военного имущества. Перевозка военных грузов велась и по морю. Для этих целей были задействованы не только все имевшиеся в Одессе гражданские грузовые суда, принадлежащие русским подданным, но также было ассигновано 500 тыс. рублей на аренду иностранных пароходов.

Причины для беспокойства действительно были: в письме от 8 мая 1878 г. Э.И. Тотлебен написал императору о том, что турки продолжали усиливать укрепления вокруг Константинополя, что по условиям перемирия было запрещено, а к моменту написания письма вообще престали скрывать эту деятельность¹². В связи с явной военной активностью турок главнокомандующий разделил свои войска в «Галипольско-Константинопольском районе» на 3 отряда. Главные силы подчинялись напрямую Э.И. Тотлебену и были сосредоточены против Константинополя. Второй отряд под началом генерала барона Дризена должен был действовать в направлении Родосто и Эрегли. Третий отряд генерала Ганецкого стоял против Галиполи. Одновременно для обороны устья Дуная там начали возводиться артиллерийские багарей, также в план обороны входило минирование устья реки. Придунайские крепости (Руцук, Силистрия и Виддин), которые предполагалось срыть, напротив, были усилены, получив дополнительные орудия. В Руцук были направлены дополнительные орудия, которые предполагалось использовать для

вооружения новых укреплений, возводимых в Базарджике и других местах на берегу Черного моря на случай появления там вражеского десанта. Поскольку турки все еще удерживали в Северо-Восточной Болгарии стратегически важные крепости Шумлу и Варну, для защиты от возможного нападения турецких войск из них в мае 1878 г. Э.И. Тотлебен сформировал Северный отряд из 12, 13, 14-го корпусов и второй пехотной дивизии, как он и предполагал сделать в письме от 27 апреля 1878 г.

В письме от 1 июня 1878 г. Эдуард Иванович высказал план действий своих войск в случае начала войны¹³. Русские войска согласно этому плану были разделены на Южную и Северную группы. Южная группа, состоявшая из 15 пехотных дивизий и 9 резервных батальонов (общая численность 100 тыс.) располагалась южнее Балкан и должна была активно действовать против английских и турецких войск. Северная группа находилась севернее Балкан, имела общую численность 56 тыс. чел. Ее основной задачей была защита коммуникаций русской армии от вражеских войск, которые могли высадиться на берегу Черного моря. Э.И. Тотлебен исходил из того, что южнее Балкан турки располагали силами до 160 тыс. человек, английский экспедиционный корпус мог иметь примерную численность 70 тыс. человек, а в Родопских горах на тот момент действовали группы протурецки настроенных мусульман общей численностью до 20 тыс. человек. Протяженность линии соприкосновения была более 1000 верст. Из-за столь значительного численного перевеса противника необходимо было после начала войны немедленно отойти к Адрианополу и перейти к обороне, сосредоточив в Софии, Филиппополе и Бургосе силы, достаточные для их защиты, а также выделив отдельно 9-й армейский корпус для обороны тылов Южной группы от возможного нападения со стороны Родопских гор. Наиболее важной задачей Северной группы являлась защита коммуникаций через Добруджу, а наибольшая угроза для них исходила от турецких сил в крепостях Варне и Шумле. В связи с угрозой высадки десанта в Варне Э.И. Тотлебен просил императора не выводить 12-й и 14-й корпуса из Северной Болгарии. О напряженности обстановки в тот момент говорит то, что в том же письме от 1 июня Э.И. Тотлебен просил ускорить доставку подкреплений, которые к нему уже шли, в связи с тем, что в случае войны англичане могли заблокировать переброску русских сил по Черному морю. Отсюда можно сделать вывод, что в июне угроза войны все еще была, по мнению русского командова-

ния, совершенно реальной.

Параллельно с планированием собственных действий Э.И. Тотлебен должен был учитывать и ситуацию, складывающуюся в союзной Сербии. В письме императору от 1 июня он высказывал в том числе свои соображения относительно возможного развития ситуации для этой страны при различных сценариях войны. По оценке направленных в Сербию русских дипломатов, она имела возможность выставить до 80 тыс. солдат, так что в случае начала войны с Турцией и Англией могла защитить все приобретения предыдущей кампании при незначительном содействии России. Однако при вступлении в войну Австрии на стороне Турции положение сербов стало бы критическим. Э.И. Тотлебен писал, что единственной возможной стратегией для сербов была крепостная оборона. Исходя из этого, он создал план, по которому в случае войны с Австрией сербы сосредотачивали бы силы в Нише (20 тыс. человек), Крагуеваце (20 тыс.) и до 10 тыс. у Кладова, чтобы немедленно при угрозе войны занять Виддин. Оставшиеся силы генерал-адъютант Тотлебен считал целесообразным сосредоточить в долине Нижней Моравы, чтобы при наступлении австрийцев отойти в окрестности Крагуеваца. Для защиты от нападения со стороны Турции сербы должны были ограничиться обороной Ниша, чтобы перекрыть туркам путь в долину Моравы. Э.И. Тотлебен не видел возможности отправить войска в Сербию, однако он надеялся помочь им, действуя из Софии против коммуникаций турецких войск, направлявшихся в Сербию, причем из текста письма ясно, что он уже определил силы, которые должны были выполнять данную задачу. Генерал открыто признавал, что в случае, если австрийцы направят серьезные силы для овладения Сербией, ее рано или поздно разобьют, но он надеялся, что ее сопротивление задержит наступление австрийцев по правому берегу Дуная и в Румынии¹⁴.

Международная напряженность сохранялась и после начала Берлинского конгресса. К письму Александру II от 8 июня Э.И. Тотлебен приложил «Дополнительную записку относительно предстоящих действий в случае разрыва с Турцией, Австрией, и Англией». В ней он предлагает видоизмененную версию своего плана, созданную с учетом угрозы начала войны не только со стороны Англии, но и со стороны Австро-Венгрии. В связи с угрозой со стороны Австрии император Александр II создавал новую армию, и с этой целью он решил изъять 11, 12 и 14-й корпуса из действующей ар-

мии, а 13-й корпус заменить резервной дивизией. Но Э.И. Тотлебен в записке высказал соображения о том, что в случае, если это будет сделано, численность действующей армии снизится настолько, что она потеряет возможность эффективно выполнять стоящие перед ней задачи. Поэтому он настаивал на том, чтобы начать передислокацию лишь только после того, как в Северную Болгарию взамен 12-го и 14-го корпусов придут Гренадерский корпус, 3-я и 26-я пехотные дивизии. Особое внимание Э.И. Тотлебен по-прежнему уделял защите русских коммуникаций от угрозы со стороны Варны и Шумлы. Южная группа войск, согласно обновленному плану, должна была отойти к Адрианополю и держать там оборону; в случае, если удержаться там не получится, Э.И. Тотлебен предлагал отойти на Малые Балканы, чтобы иметь шанс вновь перейти в наступление без необходимости преодолевать горы. Этот сценарий он считал возможным использовать лишь в самом крайнем случае ввиду того, что, захватив Южную Болгарию, озлобленные поражениями турки устроили бы там резню, что привело бы к полной утрате Россией авторитета в славянском мире, полученного благодаря успехам предыдущей кампании¹⁵.

Находясь на посту командующего действующей армией, Тотлебен сталкивался с ситуациями, когда решение военных и дипломатических задач требовало от командования прямо противоположных действий. Он изначально считал, что для эффективной обороны русской армии нужно было отойти к Адрианополю. Но в то же время он, хотя и предпринимал действия для облегчения возможного отхода армии, сам отход проводить не хотел. В письме от 27 апреля 1878 г. Э.И. Тотлебен высказывался за то, чтобы потребовать от турок за отвод русских войск от Константинополя очищение Варны и Шумлы¹⁶. Поскольку эти крепости турки продолжали удерживать, генерал был против односторонних уступок, так как это, по его мнению, привело бы лишь к нарастанию турецких требований.

На линии соприкосновения между русскими и турецкими войсками Эдуард Тотлебен должен был, с одной стороны, обезопасить свои войска от неожиданного нападения или провокаций, а с другой стороны, не совершать действий, способных спровоцировать турок на агрессию. Османы зачастую выдвигали ложементы, идущие от их укреплений, на нейтральную полосу, благодаря чему могли поражать русских солдат со своих укрепленных позиций не только артиллерийским, но и ружейным огнем. Э.И. Тотлебен выступил

с инициативой создания комиссии, которая бы следила, чтобы посты русской и турецкой армий не находились бы ближе 500 шагов друг от друга. Однако в письме от 14 июня 1878 г. он пишет, что эта комиссия оказалась недееспособна, так как турки требовали отвода только русских постов. Русские войска оставались уязвимы, и, чтобы изменить ситуацию, был разработан план, о котором Э.И. Тотлебен сообщил царю в письме от 14 июня 1878 г.¹⁷ По этому плану за одну ночь на линии соприкосновения силами 15 тыс. человек должны были быть возведены укрепления, в том числе батареи и ложементы. Из письма следует, что проект был готов, а места для укреплений намечены, однако сам Э.И. Тотлебен отказался от исполнения плана, несмотря на его военную целесообразность, так как он опасался, что такие действия могли негативно отразиться на ходе Берлинского конгресса. В итоге Э.И. Тотлебен начал перевод полевых управлений в Чаталджу – населенный пункт, расположенный дальше от линии соприкосновения, но при этом сам главнокомандующий и полевой штаб остались в Сан-Стефано, так как это оказывало на турок важное моральное давление. Он принял решение во избежание больших потерь среди русских войск оставить на передовой позиции только минимально необходимое число солдат, а главные силы разместить на второй линии, удаленной от первой на две версты. Резервы русских войск были расположены на позиции, находящейся вне зоны досягаемости турецких пушек, и здесь русских могла поддержать артиллерия в числе до 200 орудий. Таким образом, русские войска вышли из-под удара, но линия разграничения не изменилась. При том турки не получили повод обвинять русских в попытке подготовки штурма Константинополя, так как на передовых позициях русских войск стало меньше. Об этом Э.И. Тотлебен написал императору в письме от 29 июня. Однако определенное напряжение на линии соприкосновения сохранялось вплоть до завершения Берлинского конгресса.

В Северной Болгарии наиболее напряженная ситуация сложилась вокруг крепостей Шумлы и Варны. Как уже было сказано выше, данные крепости, удерживаемые турецкими войсками, сковывали значительные русские силы. Э.И. Тотлебен надеялся, что удастся добиться сдачи этих укреплений путем переговоров, обзаваясь взамен на их сдачу отвести войска от Константинополя. Русский посол в Константинополе князь Лобанов проводил переговоры с султаном об оставлении турками этих крепостей. О начале этих переговоров

Э.И. Тотлебен сообщает императору Александру II в письме от 17 мая 1878 г. Один из главных аргументов турок был таким: им необходимо время для отвода войск из крепости. Э.И. Тотлебен понимал, что отвод турки будут затягивать сколь возможно долго, и хотел добиться, чтобы они сдали часть ключевых укреплений, сохранив при этом ядро крепости. Это позволило бы туркам неспешно осуществлять отвод своих войск, но в то же время сделало бы оборону крепости невозможной. Однако тогда турки не согласились. Во время Берлинского конгресса вопрос о Варне и Шумле был поднят вновь, хотя и на других основаниях. Э.И. Тотлебен отслеживал политическую обстановку в Турции и считал, что к моменту написания письма (29 июня 1878 г.) турки были готовы сдать крепости¹⁸, но вновь затягивали этот процесс, желая добиться больших уступок. Эдуард Иванович через князя Лобанова вновь настаивал на передаче ключевых передовых укреплений русским войскам. Помимо этого он лично встретился с турецким военным министром Мустафа-пашой и потребовал от него немедленного назначения турецких уполномоченных для отправки в крепость в составе смешанной комиссии. Даже после того, как конгресс принял решение о том, что Варна и Шумла должны быть сданы, турки продолжали затягивать процесс, заявив, что сдадут крепость лишь после полного вывоза материальной части Шумлы, что означало, что процесс затянется на непозволительно долгий срок. Э.И. Тотлебен через князя Лобанова вновь потребовал сдать ключевые укрепления немедленно, заявляя, что лишь после сдачи крепостей начнется возвращение на родину турецких пленных. 6 июля русские войска, наконец, вступили в Шумлу, заняли два форта и соответствующие им участки крепостной ограды. Турецкие уполномоченные продолжали настаивать на том, что Варна будет сдана только после вывоза материальной части Шумлы. В ответ на требования русского уполномоченного генерала Столыпина сдать укрепления крепости они запросили инструкции из Порты, после чего Э.И. Тотлебен вновь встретился с главнокомандующим турецкой армией Осман-пашой. Из Константинополя в Варну было направлено приказание сдать те форты, которые потребует русское военное командование. В письме от 3 августа 1878 г. Э.И. Тотлебен сообщил, что османская армия начала вывод войск из Варны¹⁹.

Отдельной проблемой для Э.И. Тотлебена и всего командования русской армии были межэтнические конфликты среди населения,

находящегося на контролируемой русскими войсками территории. В Родопских горах произошло восстание мусульман; в письме императору Александру II от 8 мая 1878 г. Э.И. Тотлебен писал, что в восстании в Родопских горах он видел британское влияние. Восстание было достаточно масштабным. По подсчетам Э.И. Тотлебена, приводимым в письме императору от 1 июня 1878 г., общая численность мятежников доходила до 20 тыс. человек, из-за чего главнокомандующий был вынужден выделить 9-й армейский корпус для прикрытия тылов Южной группы от нападения со стороны Родопских гор. В июне 1878 г. Родопское восстание в целом было подавлено, а регион долгое время оставался спокойным, хотя Э.И. Тотлебен предполагал возможность новых беспорядков в данной местности и выделял войска для сдерживания потенциальных мятежников²⁰. На других территориях, согласно письму Э.И. Тотлебена императору от 25 мая 1878 г., для предотвращения беспорядков на религиозной и национальной почве был отдан приказ «безотлагательно принять самые строгие меры для наказания виновных, невзирая на национальность»²¹. По решению Берлинского конгресса многие земли, занятые в ходе войны 1877–1878 гг. русскими войсками, подлежали возвращению Османской империи, и для поддержания порядка в момент отхода русских войск Э.И. Тотлебен как через князя Лобанова, так и лично провел переговоры с турецкой стороной для того, чтобы согласовать действия обеих армий. По этому плану турки немедленно занимали бы оставленные земли и учреждали там свое гражданское управление. Между пехотными частями и артиллерией двух армий сохранялась бы дистанция около 30 верст, но кавалерия действовала бы на дистанции 15 верст, пресекая возможные беспорядки.

Сам процесс эвакуации русских войск также контролировал Э.И. Тотлебен. Впервые о подготовке планов эвакуации русских войск упоминается в его письме императору от 14 (26) июня 1878 г. На тот момент еще нельзя было сказать, как завершится Берлинский конгресс, и потому Э.И. Тотлебен в письме оговаривал, что в случае успешного заключения мира войска могут вывозиться морем через Сан-Стефано. В письме от 19 июля 1878 г. он сообщил императору, что составлен окончательный план вывода войск к югу от Балкан, даже написаны проекты контрактов для пароходных обществ, однако начать реализацию этого плана нельзя, пока не будет окончательно решен вопрос о сдаче Варны. 1 августа император Александр II послал генерал-адъютанту Э.И. Тотлебену телеграмму, в которой

разрешил начать реализацию плана эвакуации русских войск из-под Константинополя. 5 августа Эдуард Иванович провел парад гвардии, после чего началась отправка русских войск.

Тотлебен оставался при действующей армии вплоть до подписания окончательного мира с Османской империей 27 января 1879 г., а также какое-то время после этого срока²². 3 марта он прибыл в Варну, а 10 марта отбыл на пароходе из Варны в Одессу. До этого он принял все возможные меры к тому, чтобы помочь болгарам защитить завоевания предыдущей кампании после того, как русские оккупационные войска уйдут из региона. Впервые о начале формирования болгарской милиции Э.И. Тотлебен упоминает в письме от 22 июня 1878 г. После начала эвакуации русских войск в августе вновь обострилась ситуация в Родопских горах, к тому же в Албании действовала группа радикалов («Албанская лига»), не признававшая границ, определенных по Берлинскому конгрессу. Это обострение приводило даже к приостановке амбаркации войск. В письме от 20 августа Э.И. Тотлебен сообщил императору, что провел переговоры с Савфет-пашой, где потребовал приостановки возвращения турецких эмигрантов, занятия регулярными турецкими войсками правого берега Арды и удаления из Родопских гор агитаторов²³. Порта приняла эти условия. Однако Эдуард Тотлебен считал, что для защиты завоеваний предыдущей кампании необходимо повысить обороноспособность края, для чего, помимо формирования милиции, нужно обучить как можно большее количество болгар стрельбе и передать им старые винтовки системы Крнка по мере перевооружения российской армии винтовками Бердана. В письме императору от 13 октября он предлагал создать в Болгарии укрепленные арсеналы, организовать при артиллерийских мастерских обучение для обслуживания и ремонта оружия, организовать обучение стрельбе при штаб-квартирах милиции. Допускалась возможность обучения болгар в юнкерских училищах Российской империи²⁴. Э.И. Тотлебен предполагал, что турки будут протестовать против этого, но был уверен, что войну они из-за этого не начнут. В письме от 10 ноября он сообщал, что у него есть сведения о том, что турки вооружают мусульманское население. В письме императору от 9 марта 1879 г. Э.И. Тотлебен доложил, что в Восточной Румелии на момент отправки письма было 60 000 ружей, а к апрелю туда будет доставлено еще 20 тыс., а общее число вооруженных людей в Болгарии и восточной Румелии должно дойти до 160 тыс. человек.²⁵ Это, по мнению гене-

рала, должно было помочь болгарам защититься от турок по окончании русской оккупации²⁶.

Подводя итоги, необходимо отметить, что, находясь на посту главнокомандующего действующей армией, Эдуард Иванович Тотлебен продемонстрировал высокий профессионализм и добился немалых успехов. В том числе благодаря его твердой, но в то же время осторожной позиции удалось отчасти защитить достижения войны 1877–1978 гг. и в то же время предотвратить новое кровопролитие. Его действия на этом посту получили высокую оценку со стороны императора Александра II. Эффективность принятых им мер для повышения обороноспособности Болгарии была доказана последующими событиями. Как написал в своей книге Н.К. Шильдер, «и если статья Берлинского договора, по которой турки имели бесспорное право занять Балканские проходы, осталась мертвой буквой, не следует забывать, кому Россия обязана достижением неожиданного для нашей дипломатии успеха»²⁷.

¹ Переписка императора Александра II с главнокомандующими: вел. кн. Николаем Николаевичем и ген.-ад. Тотлебенем // Особое прибавление к описанию русско-турецкой войны 1877–78 гг. на Балканском полуострове. 1899. Т. 1. Вып. 3. С. 71.

² Там же. С. 33.

³ Там же. С. 14; Милютин Д.А. Дневник. М., 1950. Т. 3. С. 28.

⁴ Дебидур А. Дипломатическая история Европы: От Венского до Берлинского конгресса. М., 1947. Т. 2. С. 485.

⁵ Переписка императора Александра II с главнокомандующими: вел. кн. Николаем Николаевичем и ген.-ад. Тотлебенем. С. 31.

⁶ Там же. С. 78.

⁷ Там же. С. 84.

⁸ Там же. С. 80.

⁹ Там же. С. 85.

¹⁰ Там же. С. 84.

¹¹ Там же. С. 91.

¹² Там же. С. 95.

¹³ Там же. С. 111.

¹⁴ Там же. С. 117.

¹⁵ Там же. С. 126.

¹⁶ Там же. С. 86.

¹⁷ Там же. С. 129.

¹⁸ Там же. С. 139.

¹⁹ Там же. С. 151.

²⁰ Там же. С. 125.

²¹ Там же. С. 109.

²² Шильдер Н. К. Граф Эдуард Иванович Тотлебен, его жизнь и деятельность: Биограф. очерк. СПб., 1885–1886. Т. 2. С. 953.

²³ Там же. С. 908.

²⁴ Там же. С. 933.

²⁵ Там же. С. 968.

²⁶ Конобеев В.Д. Борьба болгарского народа за национальную независимость // Освобождение Болгарии от турецкого ига. М., 1953. С. 134.

²⁷ Шильдер Н.К. Граф Эдуард Иванович Тотлебен, его жизнь и деятельность: Биограф. очерк. Т. 2. С. 972.

Я.А. Лазарев (Екатеринбург)

**ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ МЕХАНИЗМЫ
УСТОЙЧИВОГО КОНТРОЛЯ НАД ТЕРРИТОРИЕЙ
«МАЛОЙ РОССИИ» ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ
XVII ВЕКА (НА ПРИМЕРЕ ЧЕРНИГОВСКОЙ
ПРИКАЗНОЙ ИЗБЫ)***

ТЕРРИТОРИЯ «МАЛОЙ РОССИИ» вошла в состав Российского государства в начале 1654 г. Практически сразу же в регионе стали появляться первые анклавные царской (воеводской) администрации (первоначально в Киеве в начале 1654 г.). Данные анклавные рассматривались царским правительством в качестве важного механизма для контроля над непростым регионом. Однако в историографии данному аспекту российско-украинских отношений второй половины XVII в. специально было уделено сравнительно немного внимания. Тематику воеводского управления (назначение воевод, осада крепостей) в рамках более широких сюжетов казацких войн, социально-экономического развития «Малой России», российской внешней политики затрагивали многие исследователи, начиная с классиков дореволюционной историографии Д.Н. Бантыш-Каменского, С.М. Соловьева и др. В работах историков, специально не занимавшихся вопросами воеводского управления, описание полномочий царских воевод подчинено нормативно-юридическому подходу, а практики взаимоотношений с местным населением хронологически охватывают зачастую 1660-е гг.¹ Определенное исключение составляют редкие работы, специально посвященные самоуправлению

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых по теме «Механизмы устойчивого контроля над присоединенными территориями Российского государства: военно-административное присутствие и фискальные практики в "Малой России" (вторая половина XVII в. – 1785 г.)» на 2017–2018 гг.

в городах «Малой России»². Первым, кто специально обратился к осуществлению структуры и особенностей воеводского управления в «Малой России», его влиянию на местные институты самоуправления, стал украинский историк Ф.П. Шевченко (1914–1995), защитивший по данной проблеме кандидатскую диссертацию в 1943 г. в далеком Ташкенте. К сожалению, данная работа до своей публикации в 2014 г. была практически не известна³. Для советской историографии работа Ф.П. Шевченко является уникальным примером, только намечавшим разработку проблемы. Несмотря на это, в украинской историографии советского периода появление в «Малой России» воевод и царских гарнизонов безапелляционно трактовалось в негативном ключе как фактор, дестабилизировавший обстановку в казацком государстве и способствовавший ликвидации украинской автономии. Это же утверждение перекочевало в работы современных украинских и некоторых российских историков⁴. В последнее время в историографии наметился определенный сдвиг в глубоком изучении темы российского военно-административного присутствия и реконструкции взаимоотношений царской администрации с местными социальными группами⁵. Несмотря на это, данные работы не закрывают тему описания воеводской администрации в регионе с институциональной точки зрения, включая те проблемы, с которыми столкнулись царские воеводы в организации механизмов контроля за «Малой Россией». На примере описания воеводской приказной избы Чернигова мы попытаемся понять, насколько данные институции являлись механизмами эффективного контроля, какова была политика российского правительства в отношении «Малой России» и ее особого статуса, а также механизмов интеграции региона в состав Российского государства.

В идеальных условиях при изучении истории государственных учреждений исследователь обращается к одноименным архивным фондам. К сожалению, этого нельзя сказать в отношении бумаг, отразивших работу учреждений второй половины XVII в. Они оказались распылены между разными фондами российских архивов, которые формировались в конце XVIII–XIX вв. Наиболее плотно бумаги, касающиеся деятельности Черниговской приказной избы сохранились в коллекциях фондов 210 («Разрядный приказ»), 124 («Малороссийские дела») и 229 («Малороссийский приказ») Российского государственного архива древних актов (г. Москва) (далее – РГАДА). В нашей статье мы будем опираться на материалы из 229-го фонда РГАДА.

Изначально царские воеводы должны были появиться в Чернигове в 1654 г. На переговорах с казацкой делегацией в Москве в марте 1654 г. Чернигов упоминался наряду с Киевом в качестве «большого города», где допускалось размещение царских воевод⁶. По непонятным причинам казацкие послы отказались от этого пункта. Предположим, что свою роль сыграло нежелание царского правительства признавать за казацкими институтами самоуправления абсолютную монополию на власть в «Малой России»⁷. В дальнейшем вопрос о присутствии царских воевод в Чернигове и некоторых других малороссийских городах (Нежине, Переяславле) поднимался в самом конце гетманства Б.М. Хмельницкого в июне 1657 г. Однако гетман был категорически против⁸. Преемник Хмельницкого И.Е. Выговский рассматривал введение дополнительных царских воевод в качестве меры по укреплению своего положения в противостоянии со своими политическими оппонентами М. Пушкарем и Я. Барабашем. В апреле 1658 г. было указано «на своей государеве службе в черкасских городех быть в воеводах» в 6 малороссийских городах, в том числе стольнику А.Я. Дашкову в Чернигове⁹. По личной просьбе Выговского исполнение царского указа было отложено. Свою роль сыграла победа гетмана над политическими врагами¹⁰. И только в результате измены Выговского царское правительство настояло на расширении военно-административного присутствия. На переговорах с новым гетманом Ю.Б. Хмельницким в октябре 1659 г. Чернигов упоминался среди 6 городов, в которые должны быть введены царские гарнизоны, хотя казацкая сторона изначально соглашалась на присутствие воевод только в Киеве и Переяславле¹¹. С октября по декабрь 1659 г. в новые города вводятся российские войска. Первым черниговским воеводой становится В. Новосильцев. С этого момента на протяжении второй половины XVII в. и далее в Чернигове будут беспрерывно находиться российские войска.

Чем объяснить столь пристальное внимание царского правительства к Чернигову? Вполне вероятно, что свою роль сыграла политическая активность городских корпораций на протяжении 1654-1659 гг., стремившихся за счет подтверждения своих прав на самоуправление (магдебургское право) уберечь себя от злоупотреблений казацкой администрации¹².

Царские гарнизоны в основной своей массе размещались в крепостях малороссийских городов. Крепостные сооружения Чернигова представляли собой замок («Верхний город») и небольшую крепость,

располагавшуюся подле замка («нижний острог»)¹³. Такая структура крепостных сооружений оставалась и в начале XVIII в.¹⁴ По известным описаниям, деревянные и земляные укрепления Чернигова на середину 1660-х гг. находились в плохом состоянии и требовали ремонта¹⁵. Ситуация стала меняться к 1682 г. Например, замок был «рубленой новой рублен в дубовом лесу в два бревна с тарасами», к нему была построена новая башня, а вот «нижний острог» оставался «весь ветх и во многих местах повалился»¹⁶. В замке были обустроены склады с вооружением, порохом, амуницией и припасами (хлеб, соль), там же располагались и административные сооружения: «приказная изба на подклете», «дворы государевы», где отдельно проживали воеводы, иноземные и солдатские полковники. На территории замка в «государевых избах» располагались даточные солдаты. На территории малой крепости («нижний острог») находился почтовый и кружечный дворы. В самом замке могли проживать «даточные солдаты», а в малой крепости – «ратные люди, черниговские старые осадные сидельцы, салдаты и стрельцы»¹⁷. В «нижнем городе» располагался посад, т. е. территория проживания черниговских мещан. Такое разделение было не случайным и объяснялось спецификой полномочий воевод в малороссийских городах.

Начиная с первых царских воевод в Киеве, в российско-украинских отношениях нормативно закреплялось, что царские администраторы не имели права вмешиваться в городское самоуправление и не обладали фискальными полномочиями¹⁸. Это разительно отличало полномочия малороссийских воевод от воевод в великороссийских городах¹⁹. При этом итоговые решения российско-украинских переговоров 1654 г. предусматривали, что царские воеводы будут собирать налоги с неказацкого населения при посредничестве членов городского самоуправления²⁰. Вплоть до неудачной налоговой реформы 1665–1668 гг. к практической стороне реализации этих планов царское правительство не возвращалось²¹. На небольшой промежуток времени царские воеводы получили фискальные полномочия, но были целиком зависимы от выборных от городских корпораций, на которых ложились основные функции по сбору налогов, а Чернигов стал центром одного из налоговых округов (уездов), к которому было приписано шесть городов с принадлежащими им деревнями и селами²².

Компетенция российских воевод в малороссийских городах детально расписывалась в наказах. Типовой воеводский наказ предпи-

сывал воеводам вести переписку с киевским воеводой по военным вопросам, охране города, содержанию в надлежащем порядке крепостных укреплений, составление «расспросных речей» прибывших гонцов. Кроме этого, воеводе следовало «ласку и привет держать» с местными мещанами и казаками, не вмешиваться в судопроизводство. При возникавших конфликтных ситуациях с местным населением, в которых русские ратные люди выступали как потерпевшая сторона, следовало жаловаться местному полковнику, если же последний не начинал следствие, то необходимо было писать киевскому воеводе²³. Также черниговский воевода, подобно остальным, отвечал за состояние крепостей, материально-техническую базу замка и крепости, продовольственные запасы и денежную казну, шедшие на обеспечение ратных людей в Чернигове. Помимо этого, в ведении воеводы находился государев кружечный двор, сборы с которого являлись единственной постоянной и сравнительно небольшой статьей дохода в царскую казну²⁴. Однако единственными потребителями казенного вина и пива были лишь царские ратные люди.

Важным следствием такого количества обязанностей являлась серьезная бюрократическая нагрузка по составлению и введению отчетной документации для центральных учреждений Российского государства (Малороссийский приказ, Стрелецкий приказ и др.). В их число входили приходные и расходные книги денежной казне, хлебным и соляным запасам, книги кружечного двора великого государя денежной и всякой казны, и по спискам великого государя ратных людей. Эта нагрузка ложилась на воеводу и служителей приказной избы. Как правило, в помощниках у воеводы находился один подьячий, а не разветвленный аппарат служителей. Этот подьячий мог сидеть на одном месте и при разных воеводах довольно продолжительное время и не всегда качественно вести документацию. Из-за этого правительство не всегда представляло, куда могли тратиться немалые суммы. Например, подьячий черниговской приказной избы М. Ивашинцов (из Севска), служивший при пяти воеводах²⁵ в 1666–1677 гг., стал фигурантом дела о возможной растрате более 11 тыс. руб., которые просто не всегда учитывались в белой отчетной документации²⁶. Ограниченность бюрократических ресурсов приводила к тому, что воеводы в качестве ответственных за работу кружечного двора («целовальников») назначали из числа солдат и стрельцов, служивших на постоянной основе²⁷. Эти же служилые люди ис-

пользовались и в качестве посыльных. Однако отмеченная проблема была не самой серьезной.

На протяжении все войны с Речью Посполитой (1654–1667 гг.) Российское государство испытывало серьезные финансовые проблемы, которые обострили ситуацию и внутри страны (Медный бунт 1662 г.)²⁸. Это обуславливало тренд на постепенное сокращение постоянной численности гарнизона. Если по «московским» статьям 1665 г. в Чернигове должно было находиться примерно 1200 чел. (1 тыс. пехоты, 200 конницы), то к 1682 г. на постоянной основе фактически служило около 121 чел. «старых черниговских осадных сидельцов, салдат и стрельцов и даточных салдат»²⁹. На 1700–1701 гг. отмеченная ситуация не поменялась: в «остроге» «верхнего города» Чернигова находилось 12 драгун, 111 солдат, 3 офицера под командованием полковника И. Станцеля³⁰. Иногда численность гарнизонов насыщали за счет московских стрельцов, которые размещались здесь на временной основе³¹. При этом царское правительство с завидной регулярностью не выполняло свои финансовые обязательства перед ратными людьми.

По этой причине для воеводской администрации в Чернигове и других малороссийских крепостях бегство со службы являлось главной головной болью³². О «малолюдстве» в гарнизоне жаловался в 1680 г. черниговский воевода стольник С. Колтовской. Как правило, массово со службы из Чернигова бегали трубчевские солдаты, набиравшиеся из детей боярских Севского разряда³³. Черниговскому и другим воеводам регулярно присылались из Москвы указы о поиске беглых царских людей³⁴. Однако в этих поисках воеводы могли рассчитывать только на свои немногочисленные силы и помощь со стороны казацкой администрации. Без помощи со стороны гетмана и городского населения черниговский воевода С. Колтовской и его преемник М. Кропоткин не имели никакой возможности исполнить государев указ о починке крепостных сооружений³⁵. В целях удержания на службе царских людей (например, стрельцов в Киеве и Переяславле) правительство иногда допускало практику заведения харчевен или бань, но которые бы не мешали местному городскому населению вести свой бизнес³⁶. К сожалению, ничего не известно о подобных практиках в Чернигове.

Однако очевидно, что у черниговского воеводы на протяжении второй половины XVII в. отсутствовали военные и финансовые ресурсы для осуществления своих прямых обязанностей, не говоря о

том, чтобы гипотетически осуществлять эффективный контроль и функции понуждения/принуждения. Отсутствие нормального штата приказных служащих приводило к проблемам ведения учетной финансовой документации и эффективного распределения ресурсов между ратными людьми и в обменах с местным населением. Отсутствие у царского правительства серьезных финансовых ресурсов приводило к постоянному сокращению гарнизонов и издержек на их содержание. Это, в свою очередь, усиливало зависимость от лояльных престолу корпораций «Малой России», особенно от Войска Запорожского.

¹ Романовский В. А. 1) Основные проблемы истории феодализма на Левобережной Украине в XVII–XVIII вв. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы (1961 г.). Рига, 1963. С. 184–189; 2) Перепись населения Левобережной Украины 1666 года: ее организация и критическая оценка. Ставрополь, 1967; Пирог П. В. К вопросу о русских воеводах на Украине во второй половине XVII века // Отечественная история. 2003. № 2. С. 162–168; Утвенко В. В. Формування української фіскальної системи в добу Гетьманщини (друга половина XVII – початок XVIII ст.): дисс. ... канд. іст. наук. Київ, 2005. С. 91–139; Кісіль І. М. Соціально-економічне становище міщан Гетьманщини (друга половина XVII – друга половина XVIII ст.): дисс. ... канд. іст. наук. Київ, 2006. С. 54–59.

² См., напр.: Доманова Г. С. Чернігівський магістрат: статус, структура та основні напрями діяльності (друга половина XVII – XVIII ст.): дисс. ... канд. іст. наук. Чернігів, 2006. С. 142–155.

³ Шевченко Ф. П. Русские воеводы на Украине: очерки взаимоотношений Украины и Московского государства во второй половине XVII столетия // Историчні студії: збірка вибраних праць і матеріалів (До 100-річчя від дня народження) / за ред. В. Смолія та Г. Боряка; упоряд. і ком.: С. Батуріна, С. Блащук, І. Корчемна, О. Ясь. Київ, 2014.

⁴ См., напр.: Компан О. С. Міста України другій половині XVII ст. Київ, 1963. С. 138–158; Таирова-Яковлева Т. Г. Проблемы взаимоотношений Украины и России 1654–1667 гг. // Белоруссия и Украина: история и культура (ежегодник). М., 2003. С. 46; Горобець В. М. Московський договір гетьмана І. Брюховецького 1665 р. // Український історичний журнал. 2003. № 6. С. 39–51.

⁵ См., напр.: Алмазов О. С. Роль стрілецьких голів у Батурині у відносинах гетьманів Лівобережної України з Московією в 1670–1680-і рр. // Сіверянський літопис. 2014. № 4 (118). С. 17–22; Назаренко В. М. Російський гарнізон м. Києва (друга половина XVII – XVIII ст.): військово-політичний та соціально-економічний аспекти діяльності: дисс. ... канд. іст. наук. Київ, 2015; Алмазов А. С. Российские воеводы в Гетманщине во 2-й половине XVII в.: степень изученности темы и нерешённые проблемы // Исторический вестник. Т. 16 (163). М., 2016. С. 24–47.

⁶ Карпов Г. Ф. Переговоры об условиях соединения Малороссии с Великой Россией (начало) // Журнал Министерства Народного Просвещения. 1871. № 11. С. 23–24, 37–38.

⁷ Лазарев Я. А. «Не-каноничные» версии истории Украины второй половины XVII–

XVIII в. в новых исторических курсах // Исторический вестник. Т. 16 (163). М., 2016. С. 192–221.

⁸ Шевченко Ф.П. Русские воеводы на Украине. С. 174.

⁹ Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России (далее Акты ЮЗР). Т. XV. СПб., 1892. Стб. 159–167.

¹⁰ См.: Бабулин И.Б. Борьба за Украину и битва под Конотопом (1658–1659 гг.). М., 2015. С. 56 и далее.

¹¹ Источники Малороссийской истории. Ч. I. М., 1858. С. 110.

¹² Лазарев Я.А. «Не-каноничные» версии истории Украины...

¹³ Половиникова С.О. «Росписной список» Чернігівської фортеці 1682 р. // Чернігівська старовина: Збірник наукових праць, присвячений 1300-річчю Чернігова. Чернігів, 1992. С. 89–95.

¹⁴ Харламов В.О. Розписний список Чернігова 1701 р. // Слов'яно-руські старожитності Північного Лівобережжя: Матеріали історико-археологічного семінару, присвяченого 60-річчю від дня народження О.В. Шевкуна (19–20 січня 1995 р., м. Чернігів). Чернігів, 1995. С. 91–92.

¹⁵ Пирог П.В. К вопросу о русских воеводах на Украине во второй половине XVII века. С. 164.

¹⁶ Половиникова С.О. «Росписной список» Чернігівської фортеці 1682 р. С. 89.

¹⁷ Там же. С. 89, 91.

¹⁸ Воссоединение Украины с Россией. Т. III. М., 1953. С. 522–534; Акты ЮЗР. Т. XV. Стб. 117–134 и др.

¹⁹ См., например: Мизис Ю.А. Воевода московского царства: Р.Ф. Боборыкин на государственной службе. Тамбов, 2012.

²⁰ Карпов Г.Ф. Переговоры об условиях соединения Малороссии с Великой Россией (окончание) // Журнал Министерства Народного Просвещения. 1871. № 12. С. 239–240.

²¹ См. подробнее: Романовский В.А. Указ. соч.

²² Шевченко Ф.П. Русские воеводы на Украине. С. 250–256, 283–288.

²³ Акты ЮЗР. Т. V. С. 294–299.

²⁴ С 1 сентября 1672 г. по 1 февраля 1673 г. кружечный двор мог приносить примерно 35 рублей дохода, в другие годы эта сумма могла быть выше (РГАДА. Ф. 229. Оп. 1. Д. 120. Л. 54–55). Например, с 1 апреля 1681 г. по 1 января 1682 г. кружечный двор приносил примерно 216 р. (Половиникова С.О. «Росписной список» Чернігівської фортеці 1682 р. С. 91). В других городах, например, Переяславле, эта сумма могла быть ниже (РГАДА. Ф. 137. Оп. 2. Д. 162. Л. 25–26). При этом суммы, выделяемые правительством на покупку вина и хлеба у местного населения, могли в разы превышать имевшиеся доходы.

²⁵ Думный дворянин А.В. Толстой, М.А. Желябужский, стольники С.А. Хованский, Т.В. Чоголков, А.И. Леонтьев.

²⁶ РГАДА. Ф. 229. Оп. 1. Д. 120.

²⁷ Половиникова С.О. «Росписной список» Чернігівської фортеці 1682 р. С. 95.

²⁸ См.: Базилевич К.В. Денежная реформа Алексея Михайловича и восстание в Москве в 1662 году. М.; Л., 1936. С. 9–63.

²⁹ Акты ЮЗР. Т. VI. С. 18–19; Половиникова С.О. «Росписной список» Чернігівської фортеці 1682 р. С. 95.

³⁰ РГАДА. Ф. 396. Оп. 3. Д. 19. Л. 34.

³¹ Например, в 1682 г. в Чернигове находились 1087 московских стрельцов приказа С.И. Янова (Половиникова С.О. «Росписной список» Чернігівської фортеці 1682 р. С. 94).

³² См., например, статистику на 1671 г.: РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. Д. 13. Л. 19–28 об.

³³ РГАДА. Ф. 229. Оп. 1. Д. 153. Л. 51–52 и далее.

³⁴ Там же. Д. 158. Л. 43–52 и др.

³⁵ Там же. Д. 153. Л. 35–36; Д. 158. Л. 41–42.

³⁶ Там же. Д. 178. Ч. 2. Л. 247–250; Ч. 1. Л. 188–199; Д. 207. Л. 254–258.

Н.В. Ласкова (Ростов-на-Дону)

**«МОСКОВСКИЕ СТРОГОСТИ» В ШОТЛАНДИИ:
ОТГОЛОСКИ «РУССКОЙ СЛУЖБЫ»
ГЕНЕРАЛОВ Т. ДАЛЬЕЛЛА И У. ДРАММОНДА**

В XVII в. уроженцы Шотландии составляли заметную часть в составе наемных отрядов, воевавших на европейском континенте. К началу Тридцатилетней войны за шотландцами уже прочно закрепилась репутация искусных и выносливых воинов¹. В числе шотландских наемников, отличившихся на русской службе в период царствования Алексея Михайловича Романова, были Том Дальелл и Уильям Драммонд. Будучи последовательными роялистами, они не только в полной мере разделили бедствия, обрушившиеся на королевский дом Стюартов, но, прослужив несколько лет в России и вернувшись на родину (что само по себе было редким явлением), стали объектом для выражения уже сложившегося негативного восприятия российских порядков в некоторых кругах британского общества последней четверти XVII в.

Том Дальелл (1599–1685) из Биннз происходил из древнего шотландского рода, потомки которого получили титул графов Карнуот. Его дед по материнской линии лорд Брюс из Кинлосса в свое время был влиятельным королевским министром и активно поддерживал Джеймса VI Стюарта в его стремлении получить корону Англии. Том Дальелл начал военную карьеру с тринадцати лет² и, в свою очередь, верно служил первым Стюартам. В период гражданской войны он командовал гарнизоном города Каррикфергуса. Верный роялист, Дальелл был настолько предан Чарльзу I, что после казни короля в знак траура дал клятву не стричь волосы до тех пор, пока королевская династия не будет восстановлена³. Продолжая воевать за Стюартов, Том Дальелл, уже в чине генерал-майора, в 1651 г. участвовал в сражении против войск Кромвеля при Вустере. Попав в плен, он

был отправлен в Тауэр, откуда бежал (что удавалось совсем не многим) и присоединился к Чарльзу II, нашедшему убежище во Франции. Однако уже в марте 1654 г. Том Дальелл участвовал в восстании роялистов в Хайленде (Горная Шотландия)⁴.

Когда стало ясно, что Реставрация Стюартов в ближайшей перспективе невозможна, Дальелл, воспользовавшись протекцией Чарльза II, выехал на русскую службу в 1656 г.⁵ В далекую Москву с ним уезжал не менее последовательный роялист Уильям Драммонд.

Уильям Драммонд из Кромликса (1617–1688) также происходил из знатного семейства. Его отец Джон Драммонд, лорд Маддертай, за верность королевской династии был посажен в тюрьму и в 1649 г. был вынужден дать письменное обещание не воевать против армии Парламента. И все же в 1650 г. семейство Драммондов выселили из их родового замка, после чего замок был занят отрядами Кромвеля. Уильям Драммонд, младший сын лорда Маддертая, командовал полком в сражении при Вустере. Как и Дальелл, был взят в плен, но вскоре после освобождения вновь воевал в отрядах роялистов под началом графа Гленкэрна вплоть до их разгрома в 1654 г.⁶

В течение нескольких лет Т. Дальелл и У. Драммонд, в качестве генерала и генерал-лейтенанта, соответственно, являлись одними из главных действующих лиц военных кампаний России против поляков, литовских людей и татар. С большим трудом в начале 1665 г. шотландским офицерам удалось добиться отставки и разрешения на выезд.

Через девять лет Том Дальелл и Уильям Драммонд вернулись на родину, однако последствия русской службы проявляли себя поразному и не позволяли забывать о годах, проведенных в Московии.

С одной стороны, эти шотландцы были милостиво приняты Чарльзом II и продолжали верно служить Стюартам. Дальеллу вернули его земли, в 1666 г. он был назначен главнокомандующим королевскими войсками в Шотландии, в 1667 г. стал членом Тайного Совета, с 1678 г. и до конца своих дней являлся представителем графства Линлитгоу в парламенте⁷. В то же время в Шотландии его имя приобрело печальную известность из-за особой активности Дальелла при расправе над ковенантерами. За подавление мятежа при Ролльян Грин в 1666 г. он даже получил прозвище «кровавый Том»⁸. Не остался без внимания современников и введенный им в Шотландии «Военный устав», половина статей которого в качестве наказания за нарушение дисциплины предусматривала смертную казнь или

членовредительство⁹. Кроме того, Дальелл, уже благодаря своей экстравагантной внешности, неоднократно давал повод для пересудов. Капитан Крейтон, служивший под началом Т. Дальелла, так описывал уже престарелого генерала: «Он никогда не носил парик и не брил бороду со дня казни короля Чарльза I... Его белая и густая борода отросла до самого пояса... Обычно он приезжал в Лондон дважды в год, чтобы поцеловать руку короля, который очень его уважал. Его необычное платье и фигура привлекали к нему в Лондоне большую толпу мальчишек, которые постоянно сопровождали его до дома и следовали за ним, когда он шел ко двору и возвращался назад»¹⁰.

Что касается Уильяма Драммонда, то после возвращения на родину он продолжил службу вместе с Дальеллом, являясь, по сути, его заместителем. Однако последовательным борцом с ковенантерами, каковым был Дальелл, его назвать нельзя. В 1675 г. по подозрению в связи с находящимися в Голландии ковенантерами Драммонд на год посадили в тюрьму – в Дамбартонский замок. Но в дальнейшем это обстоятельство не испортило его карьеры. В 1684 г. он был возведен в достоинство первого виконта Стратхоллан, барона Драммонд оф Кромликс, а после смерти Дальелла был назначен главнокомандующим королевскими войсками в Шотландии и лордом Казначейства¹¹.

С другой стороны, в последние годы жизни, наряду с блестящей военной карьерой и высоким социальным статусом, Дальелл и его сослуживец Драммонд не раз подвергались общественному порицанию в связи с их московской службой. Их многочисленные недоброжелатели, в основном ковенантеры, критикуя их методы и обвиняя в жестокости, в основе всех их поступков усматривали влияние московских порядков. Один из современников, известный шотландский журналист Джон Лодер отмечал общественное недовольство «московскими строгостями» военной администрации «старого Тома из Московии», укоренившейся в Шотландии. В 1684 г., наблюдая в действии новое орудие пыток – тиски для больших пальцев, он писал, что авторами изобретения являются Том Дальелл и Уильям Драммонд, которые якобы «видели это в Московии»¹². Такое же утверждение приводится в *Анналах Шотландии* за 1684 г.: «Инструмент пытки thumbikens был введен в практику Тайным Советом как средство получения признаний. Это было сделано по рекомендации генералов Дальелла и Драммонда, которые видели, как thumbikens используется в России. Одним из первых этой пытке был подвергнут

Уильям Спенс, служащий графа Аргайла, которого в течение долгого времени пытали разными способами, чтобы выбить из него признание о преступных планах сеньора. Спенс стойко держался в течение пяти ночей, но после того, как его большие пальцы были раздроблены thumbikens, его твердость была сломлена»¹³.

По всей вероятности, Дальелла и Драммонда напрасно считали инициаторами введения thumbikens. В Шотландии этот, якобы новый, пыточный инструмент был известен и ранее, под другим наименованием – «the pilliwincks»¹⁴, но соотечественники предпочитали усматривать в широко обсуждаемом жестоком способе наказания «московский след».

Ковенантер Кирктон отзывался о Дальелле как о человеке «грубом и свирепом», характер которого «сформировался под влиянием службы в Московии, где он командовал небольшой армией и не видел ничего, кроме тирании и рабства»¹⁵. Вот как он описывает жестокое обращение Дальеллы с пленными после сражения при Ролльян Грин: «...он не только угрожал, но жестоко пытал... он поместил так много пленных в тюрьму Фивз Хоул, что несчастные могли только стоять вплотную друг к другу, не имея возможности даже согнуться, и когда один из узников совсем обессилел, Дальелл не позволил ему покинуть тесное помещение, и его труп еще долго лежал возле тюремной двери, пока Дальелл, наконец, не разрешил похоронить тело». Кирктон подчеркивал, что генерал Дальелл «вел себя так, словно по-прежнему находился в Москве»¹⁶. Тот же Джон Лодер описывал, как некий ковенантер, представший перед комитетом Тайного совета, называл его членов «кровавыми убийцами и папистами», Дальелл же был им особо выделен как «московский зверь, привыкший поджаривать людей». Характерно, что даже после смерти «старого Тома из Московии» его имидж «злодея» продолжал жить. В Шотландии до сих пор разные легенды связывают имя Дальеллы с дьяволом¹⁷. Закреплению такого образа, должно быть, в немалой степени способствовало творчество Вальтера Скотта, который, запечатлел образ «прославленного генерала» в своем знаменитом романе «Пуритане». Великий романист, вслед за современниками Дальеллы, связывал его «жестокость и полное пренебрежение к человеческой жизни и человеческим страданиям» с тем, что «Дэлзэл долгое время находился на русской службе, которая в то время отнюдь не была школой гуманности»¹⁸.

Поступки сторонника жесткой дисциплины Драммонда также неоднократно оценивали с точки зрения влияния «русского духа»¹⁹.

Таким образом, факты биографии Тома Дальелла и Уильяма Драммонда свидетельствуют о том, что к концу XVII в. в представлениях шотландского общества, пережившего к этому времени гражданскую войну, период безкоролевья и протекторат Кромвеля, общества, где королевская власть никогда не проявляла себя в полной мере и были сильны сепаратистские тенденции, самодержавная Россия выступала как страна нецивилизованная, с деспотичными и варварскими порядками. Формированию такого рода общественного мнения способствовало также и то обстоятельство, что совсем немногие шотландцы имели возможность возвратиться на родину с русской службы.

¹ Miller J. *Swords for Hire: The Scottish Mercenary*. Edinburgh, 2007.

² Wood S. *Those Terrible Grey Horses: An Illustrated History of the Royal Scots Dragoon Guards*. Oxford, 2015. P. 25.

³ Barnhill J. W. and Dukes P. North-east Scots in Muscovy in the seventeenth century // *Northern Scotland*. 1972. № 1. P. 55; General Tam Dalryell of the Binns // URL: http://old.scotwars.com/tam_dalryell.htm

⁴ *Encyclopedia Britannica*, 11th Edition – Online Encyclopedia // URL: <http://encyclopedia.jrank.org>; General Thomas (Tam) Dalryell of the Binns (“Bluidy Tam”) 1615–1685 // URL: <http://www.geo.ed.ac.uk>

⁵ В рекомендательном письме, адресованном царю Алексею Михайловичу, Чарльз П писал, что, в частности, Том Дальелл «служил Нам доблестно и верно в Нашей борьбе с мятежниками, демонстрировал мужество и опыт в военном деле...» // Dukes P. *Scottish soldiers in Moskovy // The Caledonian Phalanx. Scots in Russia*. Edinburgh, 1987. P. 16.

⁶ Taylor J. *The Great Historic families of Scotland*. Edinburgh, 1887 // URL: <http://www.electricscotland.com/webclans/families/strathallan>

⁷ Chambers R. *Biographical Dictionary of Eminent Scotsmen* // http://www.electricscotland.com/history/other/dalryell_thomas.htm

⁸ Tam Dalryell of the Binns // URL: <http://www.undiscoveredscotland.co.uk/usbiography/d/tamdalryell.html>; Stewart A. Colonel James Wallace of Auchans // *The Kintyre Antiquarian & Natural History Society Magazine* Web Edition 9; Sept 1997. URL: <http://web.archive.org/web/20020719100501/http://www.ndirect.co.uk/~iforshaw/Mag9/9page2.html>

⁹ Wood S. *Op. cit.* P. 25.

¹⁰ *The Hoddam Manuscript* // Napier M. *Memorials and letters illustrative of the life and times of John Graham of Claverhouse, viscount Dundee*. Edinburgh, 1859. Vol. I. P. 239.

¹¹ James Taylor. *The Great Historic families of Scotland*. Edinburgh, 1887 // URL: <http://www.electricscotland.com/webclans/families/strathallan>

¹² Dukes P. Problems concerning the departure of Scottish soldiers from seventeenth-century Muscovy // *Scotland and Europe 1200–1850*. Ed. by T. S. Smout. Edinburgh, 1986. P. 146.

¹³ *Domestic Annals of Scotland. Reign of Charles II: 1673–1685* // URL: <http://www.electricscotland.com/history/domestic/vol2ch5f.htm>

¹⁴ *Historical notices of Scottish affairs, selected from the manuscripts of Sir J. Lauder, of Fountainhall, 1661–1688*. Ed. by D. Laing. Vol. II. Edinburgh, 1848. P. 557.

¹⁵ *Scottish Diaries and Memories 1550–1746* / Ed. by J. Fife. Vol. I. Stirling, 1928. P. 250.

¹⁶ *Ibid.* P. 251.

¹⁷ Ken Wright. *The Binns* // URL: http://www.bo-ness.org.uk/html/history/the_binns.htm

¹⁸ Скотт В. Пуритане. Гл. XXIX, XXXVI // URL: <http://lib.ru/PRIKL/SKOTT/puritane.txt>

¹⁹ Steuart A. *Scottish influences in Russian History*. Glasgow, 1913. P. 37.

М.В. Ласкова, В.А. Лазарев (Ростов-на-Дону)

КОНЦЕПТ «ВОЙНА» В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД к языку, как известно, возник во второй половине XX в., когда внимание ученых-языковедов сосредоточилось на антропологическом векторе исследования языка и культуры¹.

В лингвокультурологии под концептом понимается сложное культурное когнитивное образование, отражающее реальный или ирреальный словесный знак, объективация которого реализуется в общественном опыте народа, его истории и культуре. Согласно мнению В. Эванса, концепты – это посредники между словами и экстралингвистической реальностью, ср.: “Only those phenomena of the reality can become a concept, that are relevant to and valuable for a particular culture, which has a large number of linguistic units to commit themselves in that culture, which are the subject for proverbs and sayings, poetry and prose”².

Одним из ярких концептов, активно изучаемым в современной концептологии, является концепт «война», репрезентируемый в различных дискурсивных практиках. Так, в политическом дискурсе метафорическая милитарность проявляется в речах известных политических деятелей. Ср. выступление 45-го вице-президента США А. Гора: “**Now the political struggle is over. And we turn again to the unending struggle for the common good of all Americans, and for those multitudes around the world who look to us for leadership in the cause of freedom**”, “I hear some in America arguing that **our nation’s historic struggle for justice and equality is over** – that we have already reached the promised land”³.

Некоторые милитарные метафоры становятся прецедентными и ассоциируются с определенной языковой личностью, например, с Франклином Рузвельтом: “I assume unhesitatingly the leadership of

this great army of our people dedicated to a disciplined attack upon our common problems”⁴. В данном примере реализуется эксплицитно констатация факта принятия бремени лидерства, когда было необходимо «оздоровить» нацию после Великой Депрессии.

Небезынтересна вошедшая в десятку самых популярных цитат политиков известная метафора с концептом «military», прозвучавшая в речи президента Обамы 10 сентября 2013 г., связанной с сирийским конфликтом: “Let me make something clear. The United States military doesn’t do pinpricks”⁵.

В экономической коммуникации когнитивная метафора военной тематики также получила широкое распространение и результирует яркую экспрессию, направленную в адрес получателя информации. Так, кризис в следующем примере репрезентируется как огонь, который может вспыхнуть: “Greek debt crisis threatens to flare up ahead of Brexit vote”⁶.

В медицинском дискурсе эффективным инструментом борьбы с болезнями часто выступают милитарные концепты, которые способствуют удачному решению коммуникативной задачи: недуг должен быть побежден посредством полевого окружения концептосферы «война». Так, в книге “We can win this fight” метафорическое сражение с болезнью века передается следующим вербальным комплексом: “A lot of people hate me, Sean’s no exception, He’ll never forget what I put him through. John and Audrey haven’t spent a day apart in 50 years. Because of me they won’t be together tomorrow. Will has been fighting me a long time now, he’s about to find out if he’s won. Sophie’s getting stronger, more people like her are beating me, but this isn’t over yet. Because I am cancer”⁷.

¹ Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 1988; Кубрякова Е.С. и др. Краткий словарь когнитивных терминов. М.: Моск. гос. ун-т, 1996.

² Evans V. How words mean: Lexical concepts, cognitive models and meaning construction. Oxford: Oxford University Press, 2009.

³ Speech of Al. Gore // 2000 U. S. Presidential election concession speech lyrics. URL: <https://genius.com/Al-gore-2000-us-presidential-election-concession-speech-annotated>

⁴ Franklin Delano Roosevelt. First Inaugural Address Delivered 4 March 1933 // URL: <http://www.americanrhetoric.com/speeches/fdrfirstinaugural.html>

⁵ Obama Syria speech: Full text //URL: <http://www.bbc.com/news/world-us-canada-24044553>

⁶ The Telegraph //URL: <http://www.telegraph.co.uk/business/2016/05/07/greek-debt-crisis-threatens-to-flare-up-ahead-of-brexit-vote/>

⁷ <https://refractiveindex.wordpress.com/2013/02/08/military-metaphors-in-medicine-waging-war/>

С.С. Лебедева (Санкт-Петербург)

СОЦИАЛЬНАЯ И НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ВОЕННОГО МИНИСТЕРСТВА В XIX ВЕКЕ

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВОЕННОГО МИНИСТЕРСТВА РОССИИ в XIX в. отличалась многоплановостью, глубиной и стремлением отвечать на вызовы времени. Социальная направленность инициатив министерства была тесно связана с кадровой политикой, образовательными ориентациями и научными достижениями в области обороноспособности государства.

Материалы архивов позволяют предполагать, что кадровая политика Военного министерства касалась всех его основных структур и обеспечивалась за счет следующих факторов:

- развивающейся системы профессионального совершенствования специалистов на всех уровнях, обеспечивающей им социальное продвижение и социальную мобильность;
- планового набора в военные учебные заведения из всех губерний многонациональной и многоконфессиональной России;
- постоянного совершенствования системы образования, всех ее структур в организационном, научном, научно-методическом и социально-педагогическом планах, внесения инноваций в деятельность учебных заведений в соответствии с местными условиями и особенностями;
- укрепления связи Военного министерства с общественными структурами, губернскими дворянскими собраниями, комитетами грамотности (в конце XIX – начале XX в.);
- распространения образовательных инициатив Военного министерства на учебные заведения других ведомств в плане создания интернатных учебных заведений, практической направленности обучения, связи основных ступеней обучения с их выходом в профессиональную деятельность;

– обобщения опыта социально-педагогической деятельности, разработки перспектив ее развития и создания для этого специального музея военно-учебных заведений¹.

Как известно, проблеме создания системы военного образования в России начали уделять серьезное внимание с начала XVIII в. в значительной степени усилиями Петра I. Эту же инициативу подхватила его дочь императрица Елизавета, взяв за образец Киевскую духовную академию в плане преподавания духовно-нравственных дисциплин, организации учебного процесса и связи его с реальной деятельностью. Екатерина II, а затем Павел I исходили из того положения, что для развития военного образования не хватает первоначально подготовленных воспитанников, и потребовали, чтобы духовные лица, дети которых отличались более высоким образованием и должны были продолжить дело своих отцов, были отправлены на гражданскую и военную службу. Это поколение молодежи шло на кафедры университетов и в военные корпуса.

Вступив на престол, Александр I, полный надежд на преобразование России, стал уделять особое внимание развитию учебных учреждений, опираясь в большей мере на европейские образцы.

С начала XIX в. для создания и развития кадетских корпусов окружением Александра I предпринимаются серьезные инициативы. В 1810 г. разрабатываются «Правила присылки дворян во 2-ой кадетский корпус для научения порядку войсковой службы»². Армии требуются образованные люди, и в 1812 г. ставится вопрос об увольнении обучающихся из семинарии в университеты, которым в период деятельности министра просвещения А.К. Разумовского придается большое значение. В связи с необходимостью медицинского сопровождения армии в 1813 г. начинается перевод воспитанников духовного ведомства на медицинские факультеты университетов.

Поднимается вопрос о том, что образование должно быть необходимо не только самим военным, но и членам их семей. Императрица Мария Федоровна в 1820 г. выступает с инициативой создания комитета, в задачи которого входит «учредить училище для солдатских дочерей лейб-гвардии и гвардейского экипажа». Надо отметить, что передовые методы обучения, например, ланкастерская система, находят место именно при обучении солдат и солдатских дочерей³.

В 1839 г. актуализируется вопрос об обучении детей Кавказской области в кадетских корпусах. Если до этого по инициативе наместника Воронцова создавался опыт, когда дети местных чиновников

и дворян отправлялись в военные учебные заведения, то в дальнейшем для военной и гражданской элиты Кавказа этого оказалось недостаточно. Она выступила с предложением, чтобы их детям была предоставлена возможность ежегодного поступления в конкретный кадетский корпус, а именно в Воронежский, в количестве 10 человек в год⁴.

Наряду с необходимостью повышать образовательно-воспитательный уровень военнослужащих в 1845 г. ставится вопрос об отмене телесных наказаний в армии или по крайней мере их смягчения⁵.

В шестидесятые годы в обществе убедительнее звучит идея о поддержке системы военного образования со стороны общественности. Губернское дворянство в 1866 г. собирает пожертвования на развитие военно-учебных заведений и создание условий для поступления туда беднейших дворянских детей конкретной губернии. С личными инициативами в области образования выступают и отдельные помещики. Так, например, генерал-майор Бахтин, уроженец Орловской губернии, передавая свои имения в казну, имел исключительно цель дать бедным орловским детям получить военное образование в учрежденном на пожертвованный им капитал в г. Орле кадетском корпусе. Отмечалось, что в данном корпусе постоянно обучалось 54 воспитанника. Дворянство Орловской губернии высказало желание: 1) просить господина министра внутренних дел ходатайствовать о сохранении за орловскими дворянами права продолжить воспитание в Орловской, созданной Бахтиным, военной гимназии на прежнем основании; 2) если это окажется невозможным, то дворянство просит, чтобы «бывший московский университетский пансион восстановить с теми же правами, которые предоставлены были этому заведению при первоначальном его учреждении»⁶.

Задолго до рассмотрения дела Бахтина о передаче денег на военно-учебные заведения в архиве имеется дело от 1854 г. «Об отпуске в Военное министерство денег, пожертвованных крестьянами помещика Орловской губернии майора Бахтина в пользу Орловского кадетского корпуса»⁷.

Дворянство Херсонской, Тамбовской, Тульской, Тверской и многих других губерний выделяет значительные суммы на учебно-военные заведения⁸.

Пример проявления внимания к созданию женских учебных заведений в Центральной России актуализировал инициативы о создании женского образования в Дагестане. В связи с этим попечительница

этого региона княгиня А.М. Меликова выступает с ходатайством об открытии женской гимназии в 1874 г. в Темир-хан Шуре⁹. В 1881 г. генерал-адъютант князь Меликов ходатайствует об отпуске средств на открытие прогимназии на 30 казеннокошных воспитанников¹⁰.

Наряду с довольно значимыми примерами о развитии разных форм образования на территории России и в том числе в тех регионах, которые вошли в ее состав в последние десятилетия, специалисты военного ведомства выступают с инициативами, направленными на совершенствование подготовки кадров и выстраивание системы непрерывного их профессионального образования. В этом аспекте представляют интерес записки полковника Черткова, где он в 1862 г. указывал на достоинства и недостатки системы и структуры военного образования, подчеркивал изъяны в содержании специального образования, предлагал уничтожить сословные различия, продумать средства к отличию, к поощрению наиболее активно обучающихся во всех звеньях системы образования¹¹.

10 апреля 1904 г. министром просвещения назначен генерал-лейтенант Владимир Гаврилович Глазов, из дворян Московской губернии, 1848 года рождения. Он закончил по первому разряду Александровское училище, после окончания которого успешно заведовал унтер-офицерской школой. Завершив обучение в Николаевской академии генерального штаба по первому разряду, Глазов участвовал в Турецкой кампании 1877–1878 гг. и имел большое число наград, в том числе за бои у Шипкинского перевала¹². После завершения турецкой кампании В.Г. Глазов занимался вопросами военно-учебного комитета. Одновременно с выполнением служебных обязанностей он закончил Петербургский археологический институт и имел диплом на звание почетного члена геодезического, топографического и чертежного общества. Под его руководством был осуществлен ряд важных археологических и геодезических работ в Санкт-Петербурге. В.Г. Глазов состоял почетным членом Владимирской учебной археологической комиссии, почетным членом общества вспомоществования нуждающимся учащимся Ревельского четырехклассного городского училища. Совет Холмского Православного Святогородицкого братства «поставил видеть членом Братства» В.Г. Глазова. Историческое общество Нестора Летописца выдвинуло его почетным членом и выдало ему специальный диплом¹³.

Широкий диапазон научных и профессиональных интересов заставлял министра просвещения посещать многие города России для

осмотра учебных заведений и учреждений. Большое внимание он уделял обучению инородцев, вел широкую переписку с руководителями школ и училищ, общественностью, учителями приходских школ, гражданскими и духовными лицами, озабоченными проблемами образования населения, вникал в деятельность попечительства о ночлежках и рабочих домах. При этом он особое внимание уделял вопросам «обеспечения судьбы осиротевших» во время Русско-японской войны детей офицеров и нижних чинов¹⁴. В.Г. Глазову принадлежат слова «Образ занятий определяет склад понятий и характер отношений» и «органы управления созданы для людей, а не наоборот».

В его многостороннюю деятельность были включены члены семьи. В материалах архива сохранились письма к его жене Анне Константиновне, в которых люди разного сословия и имущественного положения благодарили ее и супруга за содействие в устройстве на лечение сельских учителей, пенсии для детей вдовы учителя Калужской губернии, устройство «на место» учительницы и др., и даже за ее личные деньги, которые были направлены на решение жилищных проблем вдовы учителя¹⁵. Высокий моральный облик министра просвещения не мог не отразиться на многих направлениях культурно-образовательной активности населения в разных уголках России, а его деятельная поддержка научных, образовательных, социально-просветительских учреждений способствовала росту общественной активности в развитии инициатив в области массового образования и социальной защиты слабых слоев населения многонациональной России.

Министерство народного просвещения строго следило за деятельностью учебных заведений, особенно в многонациональных регионах Дагестана, Тифлиской губернии, Терской области, Чечни, Владикавказа, Грозного, Назрани, Кизляра. В начальные училища этих регионов были посланы анкеты, позволяющие собрать сведения статистического характера об общежитиях и ночлежках, которые были созданы для учащихся, проживающих вне семьи. Выяснялись вопросы оказания этим ученикам помощи в усвоении учебных предметов, организации для них работы в саду, ручного труда, различных игр, занятий гимнастикой, пением и музыкой. Из этих видов деятельности, по данным анкет, имело место все из перечисленного, кроме музыки. Большое внимание уделялось чтению и беседам, духовно-нравственному просвещению обучающихся. Предусматривалось участие вос-

питанников в праздниках, и для них организовывались елки. Педагоги и их помощники следили за санитарно-гигиеническими процедурами, «специальными умываниями», но баня, к сожалению, была не при всех ночлежных приютах. Дети спали на отдельных кроватях, но в некоторых случаях служащие, надзирающие за детьми, не имели отдельной комнаты и ночевали вместе с воспитанниками.

В более крупных школах Сухуми, Кутаиси выделялось по два учителя-надзирателя, получавших до 500 рублей в год, и прислуга с окладом 135 рублей в год, имеющая отдельную комнату. Эти приюты постоянно снабжались горячей водой, учащиеся получали питание в соответствии с установленными нормами¹⁶. Внимание к детям малообеспеченных семей со стороны государства поддерживалось как православными, так и мусульманскими благотворительными организациями и способствовало развитию системы образования и социального служения, в котором большое место было уделено взаимосвязи военного ведомства с различными социальными структурами.

¹ Документальный фонд (архив) Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи. Краткий справочник. СПб.: ВИМАИВиВС, 2007. С. 23.

² РГИА. Ф. 1286. Оп. 1. Д. 349. 1810 г. О присылке дворян во 2-ой кадетский корпус для научения порядку военной службы.

³ РГИА. Ф. 759. Оп. 8. Д. 35. Л. 6, 35–36.

⁴ РГИА. Ф. 1286. Оп. 7. Д. 130. 1838 г. О помещении детей дворян Кавказской области в кадетский корпус.

⁵ РГИА. Ф. 1341. Оп. 59. Д. 238. 1845 г.

⁶ РГИА. Ф. 733. Оп. 162. Д. 370. Капитал, пожертвованный на военно-учебные заведения. С. 370, 408, 409.

⁷ РГИА. Ф. 383. Оп. 17. Д. 21768. 1854 г. Об отпуске в Военное министерство денег, пожертвованных крестьянами помещика Орловской губернии майора Бахтина в пользу Орловского кадетского корпуса.

⁸ РГИА. Ф. 383. Оп. 8. Д. 7650. Л. 9. О правилах приема малолетних дворян в кадетские корпуса.

⁹ РГИА. Ф. 547. Оп. 2. Д. 1233. 1834 г. Об открытии женской гимназии в Темир-хан Шуре по ходатайству попечительницы Меликовой А.М.

¹⁰ РГИА. Ф. 567. Оп. 2. Д. 5373. 1881 г.

¹¹ РГИА. Ф. 954. Оп. 1. Д. 184. 1862 г. Записки полковника Чертова.

¹² РГИА. Ф. 740. Оп. 1. Д. 34.

¹³ РГИА. Ф. 922. Оп. 1. Д. 802.

¹⁴ Там же. Д. 34.

¹⁵ Там же. Д. 811.

¹⁶ РГИА. Ф. 1149. Оп. 13. Д. 172.

О.С. Лихачева (Барнаул)

ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ В РАЗВИТИИ ВООРУЖЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ ЛЕСОСТЕПНОГО АЛТАЯ В РАННЕМ ЖЕЛЕЗНОМ ВЕКЕ*

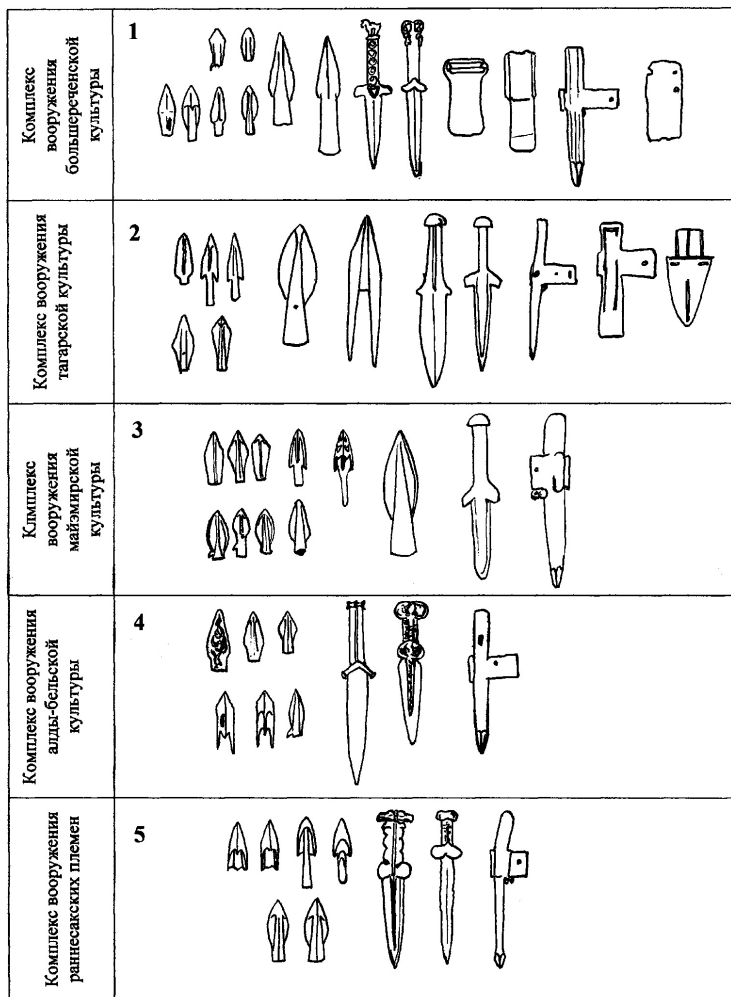
Война и вооруженные конфликты являлись неотъемлемой частью человеческого общества с самых ранних этапов развития. В связи с этим жизнеспособность отдельного социума напрямую зависела от уровня его оснащенности в данной сфере. Для бесписьменных культур раннего железного века этот показатель наиболее ярко демонстрируют предметы вооружения, происходящие из археологических памятников. В представленной работе проводится сравнительный анализ комплексов вооружения племен Лесостепного Алтая VIII–I вв. до н. э. со средствами защиты и нападения населения соседних регионов, позволяющий выявить общие и частные тенденции в развитии военного дела данной территории, а также определить военный потенциал населявших ее культур.

С начала I тысячелетия до н. э. в военном деле скотоводческих народов Евразийских степей происходили значительные изменения – начали распространяться новые виды вооружения. Благодаря освоению железа начали изготавливаться новые виды вооружения, что отразилось, в свою очередь, на тактике ведения боя и организации войска. Наиболее ранний комплекс, отражающий проникновение данных тенденций на территорию Лесостепного Алтая, представлен в материалах больше-реченской культуры, памятники которой локализируются в Барнаульско-Бийском Приобье и датируются в рамках VIII–I вв. до н. э.¹

Защитное и наступательное вооружение известно по материалам трех могильников – 5 экз., четырех поселений – 35 экз., а также по

*Работа выполнена в рамках реализации гранта Министерства образования и науки РФ (постановление № 220), полученного ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет», договор № 14.Z50.31.0010, проект «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии».

случайным находкам из ее ареала – 31 экз. Весь комплекс на настоящий момент насчитывает 46 наконечников стрел, четыре наконечника копий, два наконечника дротиков, шесть кинжалов, три топора, шесть кельтов, два чекана и две панцирные пластины от двух панцирей² (ил. 1.-1).

Ил. 1. Сравнительная таблица вооружения племен Лесостепного Алтая, Южной Сибири и Средней Азии VIII–VI вв. до н. э.

В целом комплекс вооружения большеберченской культуры является достаточно развитым для своего времени. По своему видовому составу он наиболее сопоставим с комплексами вооружения следующих синхронных культур: майэмирским, бийкенским, раннетагарским, алды-бельским и раннесакским. Его основным преимуществом являлся доспех, который еще не известен у племен, живущих на соседних территориях. По видовому и типовому составу он практически идентичен раннетагарскому. Последний превосходит его лишь по количеству разновидностей древкового оружия. Помимо классических чеканов с ромбовидным или стрелковидным бойком, у племен данной культуры встречаются специфические клеветы типа «гэ»³. Более разнообразны по типам копья тагарских племен. Так, на Алтае в «раннескифское» время пока не известен этот вид оружия с шипами, выступающими далеко за пределы втулки (ил. 1.-2).

Сравнение оружия большеберченских и майэмирских племен показывает совпадение видов на уровне стрелкового комплекса, кинжалов, копий и чеканов⁴. Однако население лесостепи превосходит майэмирскую культуру благодаря наличию в ее комплексе топоров, кельтов и дротиков. В то же время, стрелковый комплекс племен Горного Алтая более развит и включает помимо втульчатых двухлопастных трехгранные черешковые наконечники стрел (ил. 1.-3). Схожая картина наблюдается при сравнении комплекса вооружения большеберченской культуры с оружием раннесакских и алды-бельских племен. С одной стороны, оно менее разнообразно из-за отсутствия в нем указанных видов древкового оружия, но при этом их наступательные средства выглядят типологически более развитыми. У данных племен в колчаный набор уже входят трехлопастные и трехгранно-трехлопастные наконечники стрел, используется железо для изготовления некоторых видов оружия⁵ (ил. 1.-4-5). Кроме того, кочевники Алтая, Тувы и Средней Азии «раннескифского» времени активно использовали в военном деле верховую езду, тогда как на территории Лесостепного Алтая она не получила еще широкого распространения. На это указывает то, что на настоящий момент из памятников данного периода практически не известно конского снаряжения, за исключением псаля с поселения Мыльниково⁶.

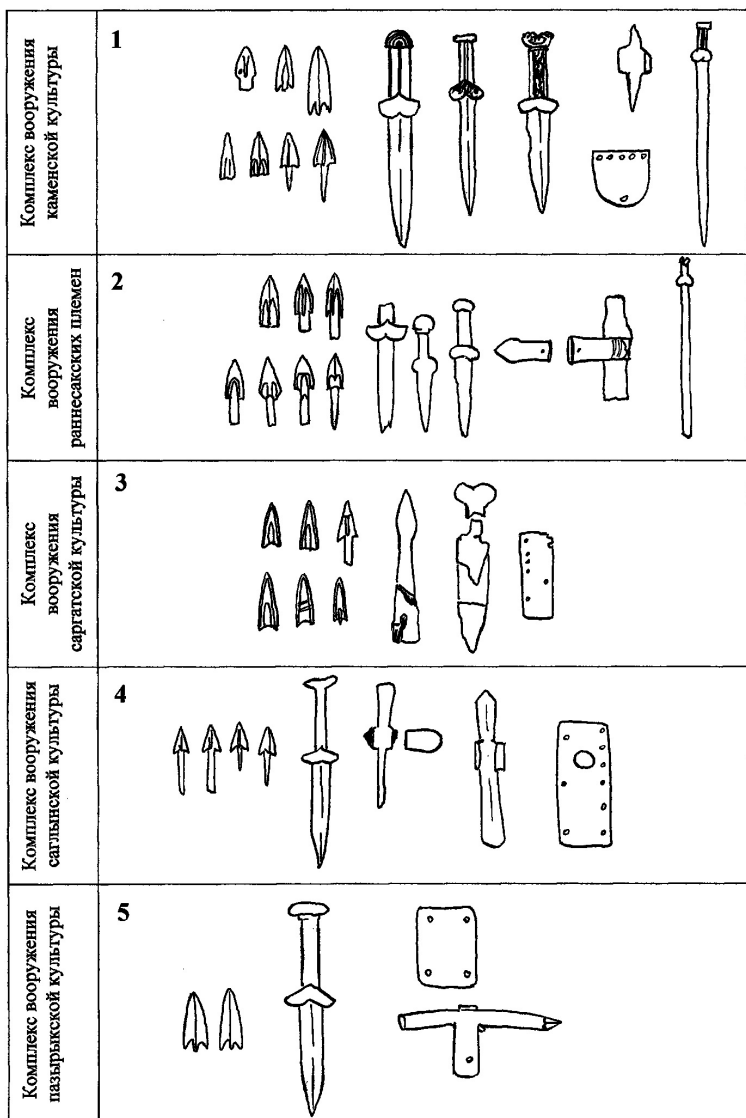
Комплекс вооружения носителей большеберченской культуры по сравнению с соседними племенами имел определенное преимущество в использовании доспеха, который не получил еще в «ран-

нескифское» время широкого распространения на сопредельных территориях, а также в разнообразном древковом оружии (топоры, чеканы, кельты, копья и дротики). В то же время, отсутствие конницы и железного оружия у племен большереченской культуры значительно снижало их военный потенциал. Это могло стать причиной завоевания части ее ареала кочевниками.

С VI в. до н. э. на территории Лесостепного Алтая формируются три археологические культуры: каменная, староалейская и быстринская. Каменная культура локализуется на Приобском плато, Кулундинской равнине, западной части Предалтайской равнины, а также в северной части Бийско-Чумышской возвышенности. Ее памятники датируются в рамках VI–I вв. до н. э.⁷ Стоит отметить, что в своем развитии комплекс вооружения данной культуры проходит три этапа: VI–V вв. до н. э., IV–III вв. до н. э., II–I вв. до н. э.

К VI–V вв. до н. э. относятся такие памятники, как Новообинский курган, Рогозиха-1, Займище, Турина Гора-I, к.18, м.10 памятника Новотроицкий-2, к.1, м.4, погребение 4а могильника Локоть-4а, Березовка и Кабанье⁸. Кроме того, известна 21 случайная находка, датируемая данным периодом. Комплекс вооружения в VI–I вв. до н. э. насчитывает 33 наконечника стрелы, два меча, шесть кинжалов, два чекана и одну панцирную пластину (ил. 2.-1).

В VI–V вв. до н. э. комплекс вооружения каменной культуры является одним из наиболее развитых среди племен Средней и Центральной Азии. На данном этапе он соотносится со следующими синхронными комплексами: раннесакским, раннесаргатским, саянским и раннепазырыкским. Полностью идентичен видовой состав наступательного вооружения каменной культуры раннесакскому⁹ (ил. 2.-2). Но сакскими племенами еще не применялся доспех, тогда как у племен Лесостепного Алтая уже фиксируются панцири из рога. Данный факт, несомненно, обеспечивал им определенное преимущество. Превосходит каменный комплекс вооружения и саргатский, за счет наличия в нем мечей и чеканов. Однако носители саргатской культуры уже использовали в этот период железные копья, еще не известные населению Лесостепного Алтая¹⁰ (ил. 2.-3). Это исключало в их тактике бой на средней дистанции, что значительно снижало тактическую эффективность конницы. Несомненно, значительно более развитым выглядит вооружение каменной культуры по сравнению с племенами Горного Алтая и Тувы (ил. 2.-4–5). На данных территориях не применялись длин-

Ил. 2. Сравнительная таблица вооружения племен Лесостепного Алтая, Западной и Южной Сибири VI–V вв. до н. э.

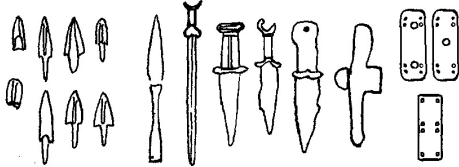
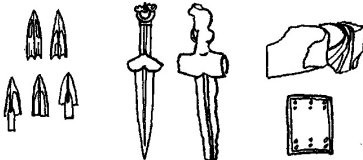
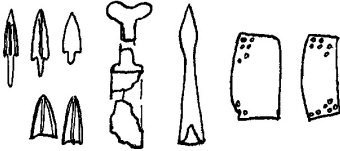
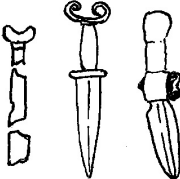
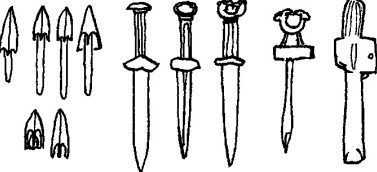
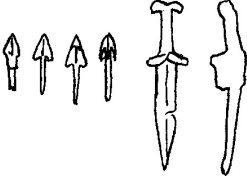
ные всаднические мечи, а большая часть оружия продолжала изготавливаться из бронзы, тогда как каменцами уже активно применялось в военном деле железо¹¹.

Ко второму этапу – IV–III вв. до н. э. – относятся следующие памятники: Новотроицкий-1, 2, 3, Локоть-4а, Гилево-Х, Казенная Заимка-I, Раздумье-VI, Бугры, к.4, Екатериновка-II, Михайловский-VI¹². Также этим временем датируются 13 случайных находок. Средства защиты и нападения на данном этапе представлены 72 наконечниками стрел, одним наконечником копья, двумя мечами, 27 кинжалами, восемью чеканами, тремя панцирными пластинами (ил. 3.-1).

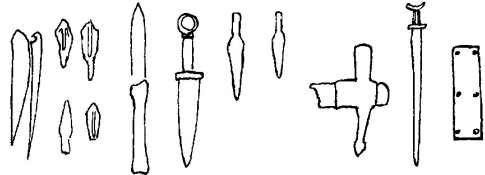
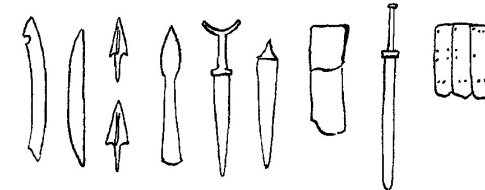
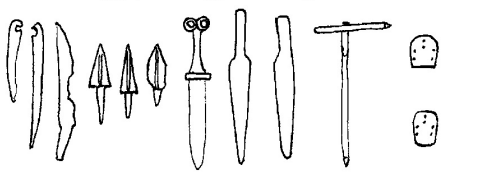
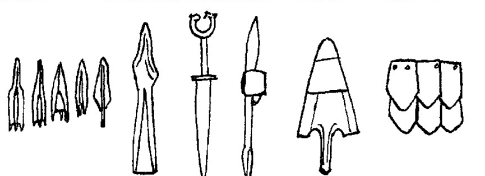
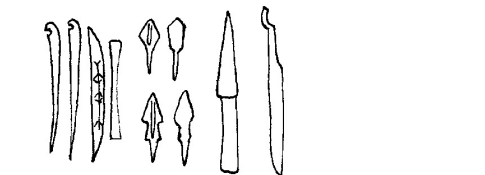
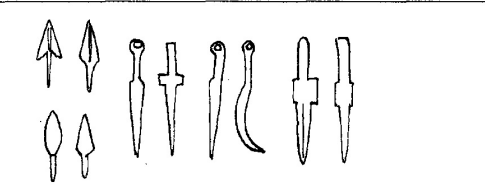
В IV–III вв. до н. э. комплекс вооружения каменной культуры наиболее сопоставим по видовому составу с сакским, саргатским, пазырыкским, тагарским и саглыным. Как и на предыдущем этапе, сохраняется наиболее полное видовое и типовое совпадение с оружием и доспехом сакских племен¹³ (ил. 3.-2). Это обусловлено тем, что носители каменной культуры продолжают находиться под значительным влиянием среднеазиатской военной традиции. Весьма схожим в этот период становится вооружение каменной и саргатской культур¹⁴ (ил. 3.-3). Преимущество племен Лесостепного Алтая заключается в более развитом доспехе. Не меняется картина соотношения каменского комплекса вооружения с пазырыкским, тагарским и саглыным – продолжает наблюдаться его значительное превосходство (ил. 3.-4–6). На рассматриваемом этапе это выражается в преобладании в нем оружия из железа и наличии таких его видов, не известных на территории Горного Алтая, Тувы и Минусинской котловины, как мечи, копья и развитая защита корпуса¹⁵.

К заключительному этапу, который датируется II–I вв. до н. э., относятся следующие памятники: Камень-II, Масляха-I, Фирсово-XI, Гилево-IX, Калистратиха¹⁶. Кроме того, учтено пять случайных находок. Комплекс вооружения во II–I вв. до н. э. насчитывает три накладки на лук, 13 наконечников стрел, один наконечник копья, пять мечей, семь кинжалов, один чекан и 15 панцирных пластин (ил. 4.-1).

На рассматриваемом этапе можно провести сравнительный анализ каменского вооружения со следующими синхронными комплексами: саргатским, ранним булан-кобинским, кулайским, улуг-хемским и тесинским. Наиболее близко каменскому вооружению племен саргатской и булан-кобинской культур (ил. 4.-2–3). Но если с первым происходит полное видовое совпадение, то наступательные средства

Комплекс вооружения каменской культур	<p>1</p>
Комплекс вооружения сакских племен	<p>2</p>
Комплекс вооружения саргатской культуры	<p>3</p>
Комплекс вооружения пазырыкской культуры	<p>4</p>
Комплекс вооружения тагарской культуры	<p>5</p>
Комплекс вооружения саглынской культуры	<p>6</p>

Ил. 3. Сравнительная таблица вооружения племен Лесостепного Алтая, Средней Азии, Западной и Южной Сибири IV–III вв. до н. э.

Комплекс вооружения каменской культуры	1
Комплекс вооружения саргатской культуры	2
Комплекс вооружения булан-кобинской культуры	3
Комплекс вооружения кулайской культуры	4
Комплекс вооружения улуг-хемской культуры	5
Комплекс вооружения тесинской культуры	6

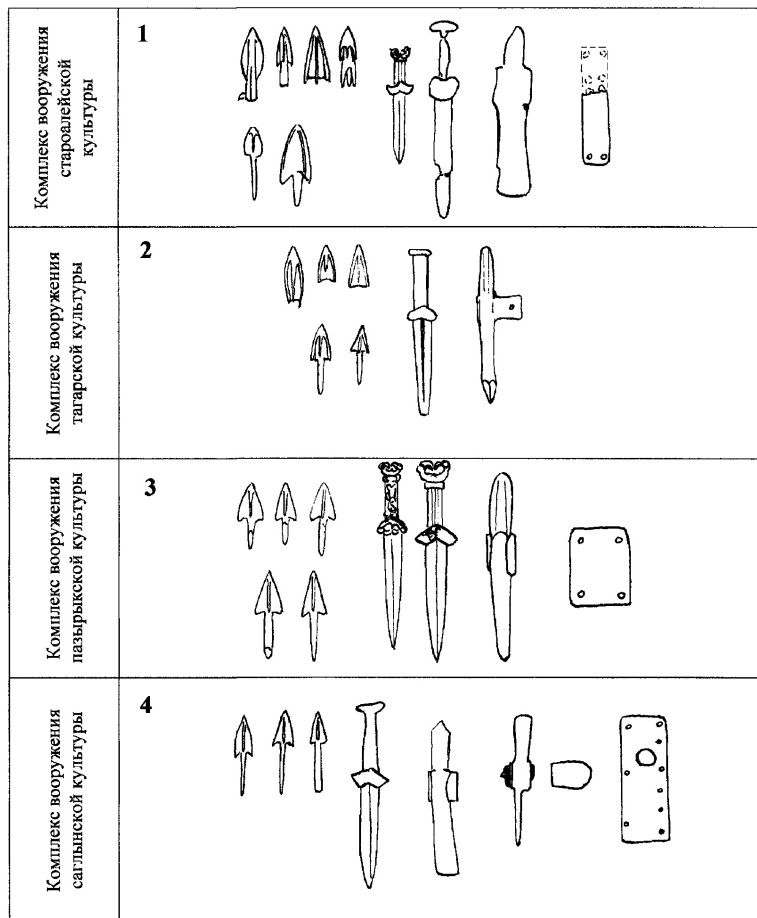
Ил. 4. Сравнительная таблица вооружения племен Лесостепного Алтая, Западной и Южной Сибири II-I вв. до н. э.

племен Горного Алтая несколько уступают. Так, среди них нет копий с железными наконечниками¹⁷ (ил. 4.-3). Кулайский комплекс вооружения отличается от каменского присутствием крупных бронзовых наконечников стрел и железных шлемов¹⁸ (ил. 4.-4). Наиболее разнообразен каменный комплекс по сравнению с улуг-хемским и тесинским. Среди улуг-хемского оружия на данном этапе не известно мечей, а среди тесинского – мечей и копий, которые были хорошо знакомы племенам Лесостепного Алтая. Но, в то же время, в материалах обеих этих культур есть боевые ножи, не встречающиеся в материалах каменной культуры¹⁹ (ил. 4.-5–6).

Вооружение каменной культуры обнаруживает самые тесные связи с более западными регионами, что выражается в применении схожих типов наконечников стрел, копий, мечей, кинжалов, чеканов, шлемов и панцирей. Каменный комплекс являлся одним из наиболее развитых на территории Западной Сибири, уступая лишь немного саргатскому. На последнем этапе своего развития он по-прежнему сохранял свою мобильность, что отразилось в достаточно быстром заимствовании таких новинок как луки «хуннского» типа и стрелы к ним, бронебойные копья и железный доспех. Тем не менее, к рубежу эр каменная культура прекращает свое существование и значительную часть ее ареала занимают северные таежные племена, носители кулайской культуры. Их вооружение по видовому составу не уступало каменскому, но и не имело над ним очевидного превосходства. На степных пространствах каменная конница была сильнее кулайской пехоты, а в лесных массивах ситуация менялась наоборот. По всей видимости, причины исчезновения каменной культуры не связаны с уровнем развития военного дела ее населения, а вызваны другими факторами, например, климатического характера.

Староалейская культура локализуется в Барнаульском Приобье и датируется в рамках VI–III вв. до н. э. В развитии ее комплекса вооружения выделяется два этапа: ранний – VI–V вв. до н. э. и поздний – IV–III вв. до н. э.²⁰

К раннему этапу относятся следующие памятники: Малый Гоньбинский Кордон-1, Фирсово-XIV, Тузовские Бугры-1, Обские Плесы-2, а также погребения 38, 48 могильника Староалейка-2 и поселения Обские Плесы-1 и Ближние Елбаны-1²¹. Помимо этого учтено 10 случайных находок, типологически датируемых этим же временем. Комплекс вооружения в VI–V вв. до н. э. составляют 32 наконечника стрел,

Ил. 5. Сравнительная таблица вооружения племен Лесостепного Алтая и Южной Сибири VI–V вв. до н. э.

четыре кинжала, один топор и одна панцирная пластина (ил. 5.-1).

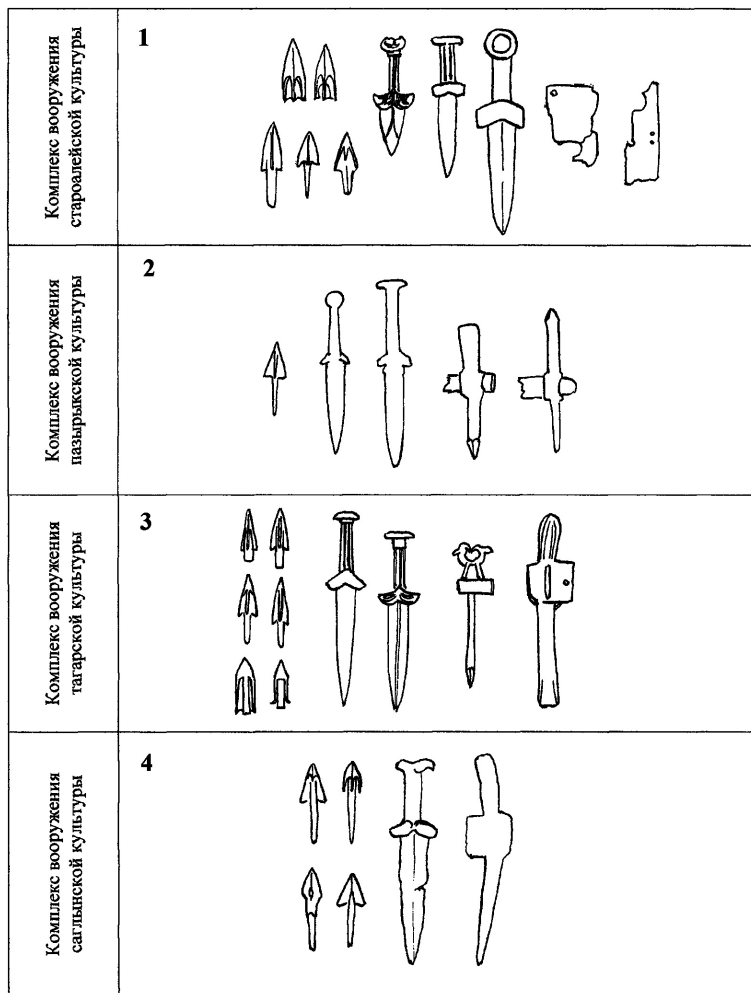
На раннем этапе по своему видовому составу комплекс вооружения староалейской культуры наиболее сопоставим с тагарским, пазырыкским и саглынским. Его сравнение с оружием племен Минусинской котловины показывает совпадение по наличию в нем стрелкового комплекса, кинжалов. В тоже время древковое оружие носителей тагарской культуры являлось более развитым за счет присутствия

в нем чеканов²² (ил. 5.-2). Данное различие является принципиальным, поскольку чеканы не только являются более совершенным оружием ближнего боя, чем топоры, но для территории Западной и Южной Сибири это своеобразные маркеры, характеризующие кочевые культуры раннего железного века. В свою очередь, применение топоров восходит по традиции к эпохе поздней бронзы. Но если у племен тагарской культуры последние сохраняются, и в этом мы видим определенное сходство с комплексом староалейской культуры, то носители пазырыкской и саглынской культур применяют уже только чеканы (ил. 5.-3-4). Стрелковый же комплекс и клинковое оружие идентичны староалейскому²³. Важным моментом, отличающим староалейскую культуру от сопредельных с ней – это отсутствие верховой езды и, как следствие, конницы, что значительно снижало военный потенциал ее племен.

К IV–III вв. до н. э. относятся памятники Ближние Елбаны-III, XIV и м.24 памятника Староалейка-2²⁴. Стоит отметить, что могилы 32, 56, 62 Староалейки-2 занимают промежуточное положение и датируются V–IV вв. до н. э., но рассматриваются нами в рамках данного этапа. Таким образом, комплекс вооружения в это время составляют два наконечника стрелы, три кинжала и две панцирные пластины (ил. 6-1).

На данном этапе комплекс вооружения староалейской культуры выглядит менее развитым на фоне соседних культур. Прежде всего, из-за полного отсутствия в нем древкового оружия ближнего боя. Как и в предыдущий период, он сопоставим по видовому составу с пазырыкским, тагарским и саглынским. В IV–III вв. до н. э. может быть отмечено совпадение с ними на уровне стрелкового комплекса и короткоклинкового оружия²⁵. Одним из преимуществ наступательного вооружения носителей староалейской культуры было большее типологическое разнообразие колчанного набора. Так, в его состав входили весьма эффективные трехгранно-трехлопастные наконечники стрел. Кроме того, у староалейцев шло дальнейшее развитие доспеха, тогда как у соседних племен не фиксируется на рассматриваемом этапе защитное вооружение (ил. 6.-2-4).

В целом, оружие староалейской культуры очень медленно и слабо развивалось на протяжении ее существования. Не заимствовались новые виды, характерные для VI–III вв. до н. э., практически не использовалось железо при его изготовлении. Кроме того, отсутствие конницы сильно снижало военный потенциал ее

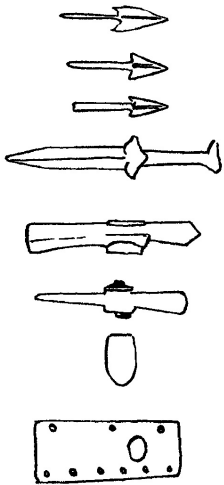
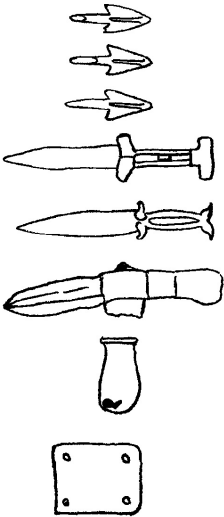
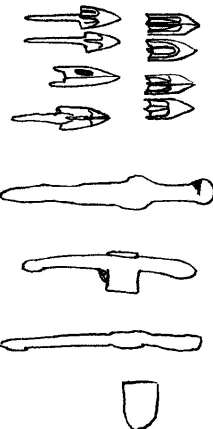
Ил. 6. Сравнительная таблица вооружения племен Лесостепного Алтая и Южной Сибири IV–III вв. до н. э.

племен. По всей вероятности, именно эти причины стали одним из факторов, обусловивших поглощение староалейской культуры каменной.

Быстрянская культура локализуется в северных предгорьях Алтая, располагаясь в бассейнах Нижней Катунь и Нижней Бии,

начальном течении Оби и среднем течении Чумыша. Рамки ее бытования определяются VI–III вв. до н. э.²⁶ В развитии военного дела племен данной культуры также можно выделить два этапа. Первый датируется VI–V вв. до н. э., второй – IV–III вв. до н. э.

К VI–V вв. до н. э. относятся следующие комплексы: Быстрианский, Майма-XIX, Каменка, Боровое-5²⁷. Комплекс вооружения в это время включает 14 наконечников стрел, два кинжала, пять чеканов (ил. 7.-1).

Комплекс вооружения саглынской культуры	Комплекс вооружения пазырыкской культуры	Комплекс вооружения быстрианской культуры
<p style="text-align: right;">3</p> 	<p style="text-align: right;">2</p> 	<p style="text-align: right;">1</p>

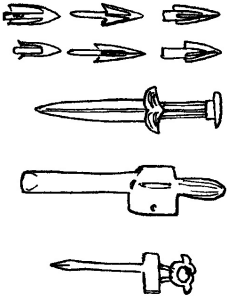
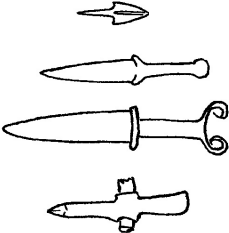
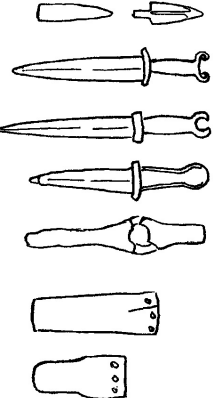
Ил. 7. Сравнительная таблица вооружения племен Лесостепного Алтая и Южной Сибири VI–V вв. до н. э.

На данном этапе можно провести сравнительный анализ быстрянского вооружения со следующими синхронными комплексами: пазырыкским и саглыным. Видовой состав наступательного вооружения трех данных культур является полностью идентичным. Можно отметить, что оружие быстрянской культуры этого периода более эффективно за счет того, что в большинстве своем уже изготавливается из железа. Нельзя не отметить и более развитый типологически колчаный набор быстрянских племен. Но в то же время наблюдается отставание комплекса из-за отсутствия в нем доспеха, известного племенам Горного Алтая и Тувы²⁸. Кроме того, саглынская культура обладает таким преимуществом, как более разнообразное древковое оружие, в котором помимо чеканов фиксируются и топоры (ил. 7.-2-3).

К IV–III вв. до н. э. относятся такие памятники, как Енисейское-4, Бийск-I, П²⁹. Известны также две случайные находки, относящиеся к этому времени. Комплекс вооружения в это время представлен тремя наконечниками стрел, семью кинжалами, двумя чеканами и двумя панцирными пластинами (ил. 8.-1).

Комплекс вооружения быстрянской культуры в этот период схож с поздним пазырыкским и тагарским. На данном этапе с доспехом наблюдается картина, полностью противоположная той, что была в предшествующий период: он появляется у носителей быстрянской культуры и не фиксируется у ее соседей. По видовому составу оружие полностью совпадает с пазырыкским комплексом³⁰ (ил. 8.-2). Но эффективность последнего снижается за счет того, что во многих случаях продолжают использоваться изделия из бронзы. У носителей же быстрянской культуры к III в. до н. э. клинковое и древковое оружие изготавливается из железа. Тагарское наступательное вооружение выглядит более разнообразно за счет наличия в нем топоров³¹ (ил. 8.-3).

Комплекс вооружения быстрянской культуры демонстрирует свою близость к военному делу южно-сибирского региона. Это выражается в видовом и типовом составе оружия (чеканы и кинжалы), наличии легких и средних всадников. Вместе с тем, быстрянская конница так и не перешла на передовые виды вооружения: луки «хуннского» типа, копья, мечи и панцири из железных пластин. Данный факт мог сыграть решающую роль при поглощении ареала быстрянской культуры мигрантами из Горного Алтая, вероятно, населением булан-кобинской культуры.

Комплекс вооружения тагарской культуры	Комплекс вооружения пазырыкской культуры	Комплекс вооружения быстринской культуры
<p style="text-align: right;">3</p> 	<p style="text-align: right;">2</p> 	<p style="text-align: right;">1</p>

Ил. 8. Сравнительная таблица вооружения племен Лесостепного Алтая и Южной Сибири IV–III вв. до н. э.

Сравнение уровня вооруженности населения Лесостепного Алтая с соседними культурами показало, что, в целом рассматриваемый регион развивался в рамках общих тенденций, характерных для раннего железного века. Лишь в раннескифское время наблюдается некоторое его отставание, которое выражается в более позднем – с VI в. до н. э. – использовании железа и верховой езды в военном деле. Это обусловлено тем, что племена большереченской культуры во многом сохранили военные традиции эпохи бронзы. Отличительной особенностью рассматриваемой территории являлось использование доспеха, которое началось значительно раньше, чем в соседних регионах.

С началом скифского времени и формированием новых культур в Лесостепном Алтае наблюдается рост военизации населения. Пре-

жде всего, он фиксируется по материалам каменной культуры. Ее носителями очень быстро заимствуются наиболее передовые достижения в области военного дела, что во многом определяется ареалом ее расселения в контактной зоне. Это приводит к тому, что ее средства защиты и нападения становятся очень схожими с используемыми другими кочевыми культурами, населявшими Евразийские степи в тот период. Наиболее тяготеет комплекс вооружения каменной культуры к комплексам племен Средней Азии и Западной Сибири.

Менее развито было военное дело у носителей быстрянской культуры. Прежде всего, это выражается в видовом составе вооружения. Отсутствие длинных всаднических мечей и копий значительно ограничивало тактические возможности. В целом комплекс вооружения племен быстрянской культуры наиболее схож с вооружением населения Южной Сибири.

Самыми архаичными выглядят на фоне соседних культур средства защиты и нападения племен староалейской культуры. Данными племенами не использовалось большинство новых видов вооружения, характерных для культур раннего железного века (мечи, чеканы, копья), а также не применялась верховая езда. Определенное преимущество давало лишь наличие защиты корпуса. Наиболее схоже староалейское вооружение с тагарским.

¹ Могильников В.А. К этнокультурной ситуации на Алтае в скифское время // Скифская эпоха Алтая. Барнаул, 1986. С. 30; Шамшин А.Б. Эпоха бронзы и переходное время в Барнаульско-Бийском Приобье: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Барнаул, 1988. С. 12; Тишкина Т.В. Археологические исследования на Алтае (1860–1930-е гг.) Барнаул, 2010. С. 121.

² Лихачева О.С. Комплекс вооружения большереченской культуры // Известия Алтайского государственного университета. Барнаул, 2013. № 4/1. С. 175.

³ Членова Н.Л. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М., 1967. Табл. 6.-2, 8; 7.-9; 8.-3, 15; 9.

⁴ Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. I. Культура населения в раннескифское время. Барнаул, 1997. С. 63–64, 85. Рис. 60, 63, 64.

⁵ Чугунов К.В. Аржан. Источник в долине царей // Археологические открытия в Туве. СПб., 2004. С. 10–37; Чугунов К.В. Аржан-2: Реконструкция этапов функционирования погребально-поминального комплекса и некоторые вопросы его хронологии // Российский археологический ежегодник. СПб., 2011. № 1. Рис. 29; Таиров А.Д. Кочевники Урало-Казахстанских степей в VII–VI вв. до н.э. Челябинск, 2007. Рис. 41.-2–12; 42.-13–14; 45.-7; 49.-1–3.

- ⁶ Папин Д.В., Шамшин А.Б. Барнаульское Приобье в переходное время от эпохи бронзы к раннему железному веку. Барнаул, 2005. С. 40–41. Рис. 11.-10.
- ⁷ Могильников В.А. К этнокультурной ситуации на Алтае в скифское время. С. 108.
- ⁸ Иванов Г.Е., Медникова Э.М. Новообинский курган // Археология и этнография Алтая. Барнаул, 1982. С. 91. Рис. 1; Уманский А.П., Шамшин А.Б., Шульга П.И. Могильник скифского времени Рогозиха-1 на левобережье Оби. Барнаул, 2005. С. 16–17. Рис. 28.-4; Шульга П.И., Уманский А.П., Могильников В.А. Новотроицкий некрополь. Барнаул, 2009. С. 117. Рис. 88.-11–12; Шульга П.И. Могильник скифского времени Локоть-4а. Барнаул, 2003. С. 9. Рис. 8.-4; Шульга П.И., Пугачев Д.А., Фролов Я.В. По результатам инспекционной поездки в южные районы Алтайского края // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. X. Барнаул, 1999. С. 94–96. Рис. 1.-2; Тишкин А.А., Тишкина Т.В. Комплекс аварийных археологических памятников близ Туриной Горы // Проблемы охраны, изучения и использования культурного наследия Алтая. Барнаул, 1995. С. 108. Рис. 1.-2.
- ⁹ Итина М.А. Ранние саки Приаралья // Археология СССР. Т. 11: Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1992. Табл. 4.-1–2; 5.-8–9.
- ¹⁰ Могильников В.А. Саргатская культура // Археология СССР. Т. 11: Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1992. Табл. 122.
- ¹¹ Грач А.Д. Древние кочевники в центре Азии. М., 1980. Рис. 35.-10–12; Грязнов М.П. Алтай и приалтайская степь // Археология СССР. Т. 11: Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1992. Табл. 63.-1–3; 8–10; Мандельштам А.М. Ранние кочевники скифского периода на территории Тувы // Археология СССР. Т. 11: Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1992. Табл. 72.-1–27, 62–65; 74; Горбунов В.В. Панцири раннего железного века на Алтае // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, 1999. Рис. 1.-13.
- ¹² Шульга П.И., Уманский А.П., Могильников В.А. Новотроицкий некрополь; Шульга П.И. Могильник скифского времени Локоть-4а; Могильников В.А. Памятники раннего железного века на Верхнем Алее // Охрана и использование археологических памятников Алтая. Барнаул, 1990. С. 79. Рис. 1.-6; Лузин С.Ю., Тишкин А.А. Курганный могильник Казенная Заимка-I // Вопросы археологии и истории Южной Сибири. Барнаул, 1999. С. 152–153. Рис. 2.-7; 4.-7, 10–11; Уманский А.П., Шамшин А.Б., Шульга П.И. Могильник скифского времени Рогозиха-1 на левобережье Оби. С. 16–17. Рис. 19.-4; 28.-4; Шамшин А.Б., Демин М.А., Навротский П.И. Раскопки курганного могильника раннего железного века Михайловский-VI на юге Кулунды // Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири эпохи металла. Барнаул, 1992. Рис. 2.-5.
- ¹³ Горелик М.В. Сакский доспех // Центральная Азия. Новые памятники письменности и искусства. М., 1987. С. 11; Он же. Оружие древнего Востока (IV тысячелетие – IV в. до н. э.). СПб., 2003. Табл. XI.-72; XVII.-19–20; XXVIII.-70–71.
- ¹⁴ Могильников В.А. К этнокультурной ситуации на Алтае в скифское время. Табл. 122.
- ¹⁵ Мандельштам А.М. Ранние кочевники скифского периода на территории Тувы. Табл. 72.-1–27, 62–65; Членова Н.Л. Тагарская культура // Археология СССР. Т. 11: Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1992. Табл. 84.-1–21; Кубарев В.Д., Шульга П.И. Пазырыкская культура (курганы Чуи и Урсула). Барнаул, 2007. Рис. 65.-5; 67.-1.

- ¹⁶ Могильников В.А., Куйбышев А.В. Курганы «Камень-II» (Верхнее Приобье) по раскопкам 1976 г. // СА. 1982. № 2. С. 117–119. Рис. 4.-1; 5.-11; Могильников В.А., Уманский А.П. Курганы Масляха-I по раскопкам 1979 года // Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири эпохи металла. Барнаул, 1992. С. 70. Рис. 1.-1; 5.-21; Фролов Я.В., Шамшин А.Б. Могильники раннего железного века Фирсовского археологического микрорайона (Фирсово-III, XI, XIV) // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, 1999. Рис. 2.-2, 4, 6–7; Могильников В.А. Гилево IX, курган 3 – памятник хуннского времени северо-западных предгорий Алтая // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. XII. Барнаул, 2001. С. 79, 116. Рис. 1-1–6, 8–15; Уманский А.П. Случайные находки предметов скифо-сарматского времени в Верхнем Приобье // СА. № 2, 1970. С. 175. Рис. 6.-4.
- ¹⁷ Могильников В.А. К этнокультурной ситуации на Алтае в скифское время. Табл. 122; Горбунов В.В., Тишкин А.А. Комплекс вооружения кочевников Горного Алтая хуннской эпохи // Археология, этнография и антропология Евразии. 2006. № 4(28). Рис. 10.
- ¹⁸ Чиндина Л.А. О войне и мире у охотников и рыбаков южной тайги Западной Сибири // Материалы и исследования культурно-исторических проблем народов Сибири. Томск, 1996. Рис. 2.
- ¹⁹ Худяков Ю.С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1986. Рис. 20; Он же. Вооружение центрально-азиатских народов в II–V вв. до н. э. // Военное дело народов Центральной Азии в сяньбийскую эпоху. Новосибирск, 2005. Рис. IV.
- ²⁰ Абдулганеев М.Т., Кунгуров А.Л., Фролов Я.В. Староалейская культура // Проблемы изучения культурно-исторического наследия Алтайского края. Горно-Алтайск, 1994. С. 52–55; Фролов Я.В. Погребальный обряд населения Барнаульского Приобья в VI в. до н. э. – II в. н. э. (по данным грунтовых могильников). Барнаул, 2008. С. 53–54.
- ²¹ Кунгуров А.Л. Погребальный комплекс раннескифского времени МГК-I в Приобье // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1999. С. 97. Рис. 1.-1–4; Горбунов В.В. Панцири раннего железного века на Алтае. С. 48. Рис. 1.-4; Фролов Я.В., Шамшин А.Б. Могильники раннего железного века Фирсовского археологического микрорайона. С. 223. Рис. 1.-1; Шмидт А.В., Служак И.В. Новый грунтовый могильник раннего железного века в Барнаульском Приобье // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. X. Барнаул, 1999. С. 111. Рис. 1.-1; Ведянин С.Д., Кунгуров А.Л. Грунтовый могильник староалейской культуры Обские Плесы 2 // Погребальный обряд древних племен Алтая. Барнаул, 1996. С. 108. Рис. 13.-17; 18.-12; Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л. Могильник раннего железного века Староалейка 2 // Погребальный обряд древних племен Алтая. Барнаул, 1996. С. 118. Рис. 9.-2; 13.-9; Шамшин А.Б., Фролов Я.В., Медникова Э.М. Бобровский грунтовый могильник // Погребальный обряд древних племен Алтая. Барнаул, 1996. С. 85–87. Рис. 10.-1; Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка. М.; Л., 1956. С. 55. Табл. XVI.-3.
- ²² Членова Н.Л. Тагарская культура. Табл. 84.-22–43.
- ²³ Грач А.Д. Древние кочевники в центре Азии. М., 1980. Рис. 32.-1–6; Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. 3: Погребальные комплексы скифского времени Средней Катунь. Барнаул, 2004. Рис. 16.-2–3; 20.-2; 27.-5–9.

- ²⁴ Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л. Могильник раннего железного века Староалейка-2; Грязнов М.П., История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка.
- ²⁵ Грач А.Д. Древние кочевники в центре Азии. Рис. 32.-1–6; Грязнов М.П. Алтай и приалтайская степь. Рис. 63.-1–4, 8–10; Членова Н.Л. Тагарская культура. Табл. 84.-22–43.
- ²⁶ Киреев С.М. Роль миграционных процессов в сложении быстрианской культуры // Палеодемография и миграционные процессы в Западной Сибири в древности и средневековье. Барнаул, 1994. С. 118.
- ²⁷ Завитухина М.П. Курганы у села Быстрианского в Алтайском крае (по раскопкам С.М. Сергеева в 1930 г.) // АСГЭ. М.; Л., 1966. Вып. 8. С. 62–63. Рис. 2.-1, 2а–б, 12–22; 3.-12; Киреев С.М. Курганы Майма-ХІХ // Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири эпохи металла. Барнаул, 1992. С. 42. Рис. 4.-11; Казаков А.А., Семибратов В.П., Ситников С.М., Матренин С.С., Григоров Е.В. Новые исследования погребений быстрианской культуры на могильнике Каменка в Советском районе Алтайского края // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 2016. Вып. XXII. Рис. 1.-1; Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., Казаков А.А. Город Бийск. Памятники археологии // Бийск, Бийский район. Памятники истории и культуры. Бийск, 1992. С. 9. Рис. 3.
- ²⁸ Грач А.Д. Древние кочевники в центре Азии. Рис. 30–32; Грязнов М.П. Алтай и приалтайская степь. Табл. 63.-4, 8–10, 19.
- ²⁹ Абдулганеев М.Т., Кунгуров А.Л. Курганы быстрианской культуры в междуречье Бии и Чумыша // Погребальный обряд древних племен Алтая. Барнаул, 1996. С. 153. Рис. 1.-3, 8.
- ³⁰ Кочеев В.А. Боевое оружие пазырыкцев // Древности Алтая. № 4. Горно-Алтайск, 1999. Рис. 4–5.
- ³¹ Членова Н.Л. Тагарская культура. Табл. 84.-1–33.

Д.В. Лобач (Москва)

РАЗВИТИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ГАУБИЧНОЙ АРТИЛЛЕРИИ В XVIII ВЕКЕ

ТРАДИЦИОННО АРТИЛЛЕРИЮ XVIII в. разделяют на пушки, гаубицы и мортиры¹. Разделение артиллерийских орудий происходит по длине ствола, определяемой в калибрах. Самые короткоствольные орудия – мортиры с длиной ствола 5–6 калибров. Пушки – самые длинные орудия с длиной ствола 40–50 калибров, с рядом оговорок, поскольку пушками в XVIII–XIX вв. могли считаться и орудия с длиной ствола в 20 калибров. Гаубица в XVIII в. занимала промежуточную позицию как по длине ствола, так и по боевому применению. Мы рассматриваем гаубицу XVIII в. как орудие промежуточной длины, занимающее место между короткоствольной мортирой и длинноствольной пушкой.

Интерес к изучению гаубицы как вида артиллерийских орудий в этот период обусловлен тем, что именно в XVIII в. гаубицы получают широкое применение. Причина повсеместного распространения данного вида артиллерийских орудий заключается в универсальности гаубицы: в отличие от мортиры, гаубица не утратила своей боевой эффективности с изменениями в стратегии боя, которые проявились в переходе от осады крепостей к полевым сражениям.

Материалы, которые использовались для изготовления артиллерийских орудий XVIII в., оставались, в основном, традиционными: орудия продолжали изготавливать из бронзы, а также из чугуна; проводились эксперименты по созданию облегченных орудий из медной трубы, обернутой кожей и укрепленной ободами². Технология также оставалась традиционной – отливка с последующей обработкой. Также следует отметить, что в XVIII в. зарождаются предпосылки к выработке не ремесленного, но научного подхода как к проектиро-

ванию, так и к изготовлению орудий, а также продолжают начатые в XVII в. работы по стандартизации калибров орудий³.

Основными типами метательных снарядов, применяемых в сухопутной артиллерии, были каменные и чугунные ядра, бомбы с чугунным корпусом и зарядом черного пороха, картечь и зажигательные заряды. Короткоствольные мортиры могли вести огонь как каменными ядрами, так и бомбами по навесной траектории. Пушки могли вести огонь по настильной траектории ядрами и картечью. Гаубицы, благодаря более короткому, чем у пушки, орудью, могли вести огонь ядрами, бомбами и картечью. Именно эта универсальность в использовании метательных снарядов и требовалась на поле боя.

Кроме того, возрастание значения гаубичной артиллерии было обусловлено общеевропейской тенденцией активного использования артиллерии против кавалерийских и пехотных частей противника. Использование широкого спектра боеприпасов и относительно небольшие размеры позволяли легко перемещать гаубичные орудия по полю боя, что удачно вписывалось в парадигму ведения боевых действий.

Гаубица, в отличие от пушки, могла стрелять большим объемом картечи, что делало ее эффективной против пехоты и кавалерии; имела массу, до четырех раз меньшую соотносимо к пушке; могла вести огонь по навесной траектории. Кроме того, более короткий, чем у пушки, ствол позволял производить быструю перезарядку, что увеличивало ее скорострельность. Меньшая масса орудия гаубицы позволяла облегчить ее транспортировку на поле боя и сделать артиллерию более маневренной, а увеличение количества лошадей в упряжке для гаубицы позволяло орудью двигаться со скоростью, достаточной для сопровождения не только пехотных, но и кавалерийских частей⁴.

Вершиной отечественной разработки гаубичной артиллерии в XVIII в. стали гаубицы «единороги», разработанные М.В. Даниловым и С.А. Мартыновым и популяризированные графом Шуваловым. Данное орудие имело длину 7,5–12,5 калибров. Спецификой и уникальным конструкторским решением было выполнение каморы в виде конуса, что позволило увеличить скорострельность, а также длину ствола гаубицы. Таким образом, получилось скорострельное и дальнобойное, благодаря возможности стрельбы по навесной траектории, орудие с широким спектром используемых боеприпасов, относительно легкое и маневренное, по своим тактико-техническим

характеристикам превосходящие существовавшие в XVIII в. зарубежные гаубицы⁵.

Однако, несмотря на все преимущества использования гаубиц, следует критично отнестись к идее графа Шувалова по замене всей артиллерии XVIII в. на гаубичную. Даже гаубица «единорог» – пожалуй, самое технологичное гаубичное орудие XVIII в. – обладала рядом недостатков: использование бомб в качестве снаряда резко снижало точность стрельбы вследствие асимметричности корпуса данного снаряда не только на предельных, но и на средних дистанциях стрельбы. Однако следует отметить, что, на наш взгляд, главная проблема заключалась не в точности стрельбы, а в поражающих свойствах самих бомб. Поскольку в качестве взрывчатого вещества использовался черный порох, а в качестве корпуса чугун, то взрыв получался слабым, количество поражающих осколков малым; кроме того, недостатки технологии изготовления данного типа боеприпаса не могли гарантировать взрыв, что еще больше снижало их ценность. К недостаткам следует отнести и стрельбу ядрами при больших углах возвышения. Данная стрельба приводила к попаданию снаряда в поверхность под большим углом и отсутствию рикошета. Также следует отметить специфику стрельбы картечью из гаубиц XVIII в.: пушка давала большую дальность стрельбы, но узким конусом, в то время как «единорог» позволял вести огонь более широким конусом, хотя и на меньшие дистанции. Однако следует отметить, что возможность ведения огня широким конусом была более востребована при поражении живой силы противника в случае, если пехотные части наступали плотным строем или для отражения атаки кавалерии.

На наш взгляд, можно выделить ряд особенностей в развитии отечественной гаубичной артиллерии XVIII в.:

- переход от ремесленного изготовления к мелкосерийному производству;
- осознанная выработка единой концепции гаубичного орудия на научных принципах;
- создание орудий под влиянием изменения парадигмы ведения боевых действий и формирования новых маневров с опорой на тактико-технические характеристики орудий. Также следует отметить, что развитие отечественной гаубичной артиллерии проходило в общем для европейского театра военных действий направлении создания более легких, маневренных и скорострельных орудий, направленных на противодействие пехоте и кавалерии противника, обозначенных

в виде общих тенденций еще в XVII в. Важным для рассмотрения отечественной истории артиллерии является факт опережения отечественной конструкторской мыслью достижений европейских оружейников.

¹ Манойленко Ю.Е. Русская артиллерия при ближайших преемниках Петра Великого (1725–1730-е гг.) [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. 2015. Т. VII. С. 174–195 <http://www.milhist.info/2015/09/14/manoilenko_1> (14.09.2015)

² Бенда В.Н. Предпосылки реформ в области артиллерии и инженерного искусства в начале XVIII в. // Альманах современной науки и образования. 2014. № 8 (86). С. 34–43.

³ Лобин А.Н. Артиллерия московских стрелецких полков в 1670–1680-х гг. [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. 2012. Т. II. С. 1–41. <http://www.milhist.info/2012/07/23/lobin> (23.07.2012)

⁴ Барбасов А.П. Боевая подготовка русской артиллерии в XVIII веке // Сборник исследований и материалов АИМ. 1958. Вып. III. С. 63–80.

⁵ Фролов А.В. Русское оружие и армия // Обозреватель. 2014. № 11. С. 100–116.

А.Н. Лобин (Санкт-Петербург)

**НЕИЗВЕСТНЫЕ ОРУДИЯ
РУССКИХ МАСТЕРОВ КОНЦА XVI в.
(АНДРЕЙ ЧОХОВ, ПЕРВОЙ КУЗЬМИН,
СЕМЕН ДУБИНИН)**

ДАННАЯ РАБОТА представляет собой продолжение изучения альбомов рисунков трофейных шведских орудий, запечатленных Якобом Телоттом (Jacob Philip Thelott) в начале XVIII в. (Музей армии, Стокгольм, Швеция)¹.

В первом томе содержатся изображения артиллерийских стволов XVI–XVIII вв., захваченных шведами в войнах. В том числе имеются чертежи русской артиллерии, взятой Карлом XII под Нарвой в 1700 г., Кокенгаузеном в 1701 г. и в ходе сражений в 1701–1702 гг.² Во втором томе альбома можно найти чертежи трофеев (в том числе и русских пушек и пищалей), взятых шведами в 1703–1706 гг. В третьем томе находятся изображения орудий, захваченных шведами до Великой Северной войны в 1598–1679 гг.

Благодаря этому уникальному иконографическому источнику можно реконструировать внешний вид русских орудий XVI–XVIII вв., изучить размеры, надписи, конструктивные особенности тех пушек и пищалей, которые не сохранились до наших дней. В ходе работы с альбомами удалось атрибутировать большинство стволов, отлитых на московском Пушечном дворе, расшифровать надписи, а в некоторых случаях – даже определить некоторые конструктивные особенности. В настоящей статье приводятся иллюстрации и атрибуции неизвестных орудий, отлитых тремя мастерами второй половины XVI в. – Андреем Чоховым, Первым Кузьминым и Семеном Дубининым.

Если об Андрее Чохове имеются исследования³, то о мастерах Семене Дубинине и Первом Кузьмине работ нет. Альбомы Телотта позволяют расширить наше представление о творчестве упомянутых литейщиков.

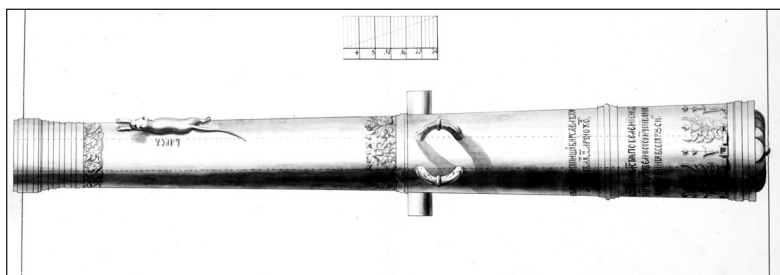
Важно отметить, что рисунки большинства не известных ранее орудий находятся именно в третьем томе альбомов Я.Ф. Телотта. Сюда попали русские пушки и пищали, взятые войсками короля Густава Адольфа в 1610–1617 гг. в Ивангороде и Новгороде, среди которых следует отметить пищали А. Чохова «Барс», 1597/1598 гг. и «Драгон», 1598/1599 гг., С. Дубинина «Рысь», ок. 1610 г. и «Лисицу», 1591/1592 гг.; Первого Кузьмина «Беркут», 1571/1572 гг. и безымянную пищаль, 1559/1560 гг. Сведения об орудийных стволах, запечатленных шведским художником, в других источниках не содержатся. Здесь мы видим чертежи прекрасных артиллерийских орудий, отличных в царствование Ивана Грозного, Бориса Годунова и в годы правления Семибоярщины.

Известно, что часть орудий шведы захватили во время интервенции (*Ingermanländska kriget*) в Ивангороде (1612) и Новгороде (1614). По условиям перемирия 1617 г. шведы были обязаны вернуть захваченную в городах артиллерию, но обязательств своих не выполнили. Так, за две недели до передачи Новгорода русским шведы спрятали в подводах орудия и семь колоколов, укрыв их сеном, и тайно переправили в шведские владения. В период ратификации Столбовского мирного договора 1617–1618 гг. русская сторона неоднократно поднимала вопрос о возврате пушек и колоколов, «что есте вывезли в свою землю». Но представитель стороны короля граф Якоб Понтуссон Деллагарди заявил послам: «кленусь де вам... в том во всем сам своею душею, чтоб деи мне душа своя в ад послать, что... никакого наряду и колоколов из Новгорода и из Ладоги и из Порхова после договору не вываживано, в том де он дает клятву сам своею душею»⁴. Однако граф лукавил – колокола и артиллерию шведы вывезли хоть и до ратификации окончательного договора, но уже после заключенного перемирия...

Таким образом, к началу XVIII в. в шведских арсеналах скопилось достаточно большое число русских орудий. По указанию короля Карла XII в апреле 1705 г. было принято решение о том, что вся артиллерия, захваченная в качестве трофеев шведской армией, должна быть зафиксирована на бумаге, прежде чем должна быть отправлена на переплавку. Приказ короля был выполнен художником Якобом Филиппом Телоттом и его сестрой Анной-Марией. Благодаря их кропотливой работе историки-оружиеведы имеют теперь возможность реконструировать внешний облик орудий, воссоздать их параметры, подробно изучить декор и надписи.

1. Орудия мастера Андрея Чохова

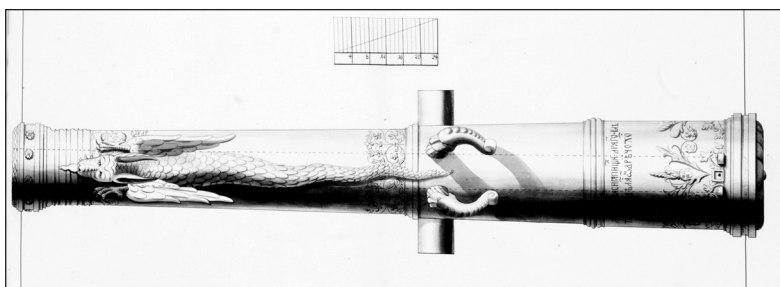
1.1. Пищаль «Барс» 1597/1598 гг.⁵ (ил. 1). Калибр около 145–

Ил. 1. Пищаль «Барс». 1597/1598 гг. А. Чохов

148 мм. На казенной части растительный орнамент в виде стилизованных цветов, запальное отверстие без крышки, вылитая поперечная надпись: «Б(о)жією м(и)л(о)стію повеленіємъ г(о)с(у)д(а)ря, ц(а)ря (і) великого кн(я)зя Івана Васил(ь)евича всея Руси», на средней части литая поперечная надпись: «Зделана сия пищаль барсь в лето 7106 делал Ондре(и) Чохов». На дульной части ближе к дельфинам и цапфам орнаментальный пояс с изображением антропоморфных и растительных мотивов, ближе к дульному срезу орнаментальный пояс из растительных мотивов, с правой стороны вылитая фигурка барса с надписью: «барс». Орудие захвачено войсками Магнуса Деллагарди в 1612 г. в Ивангороде. В 1730-х гг. пушено на переплавку.

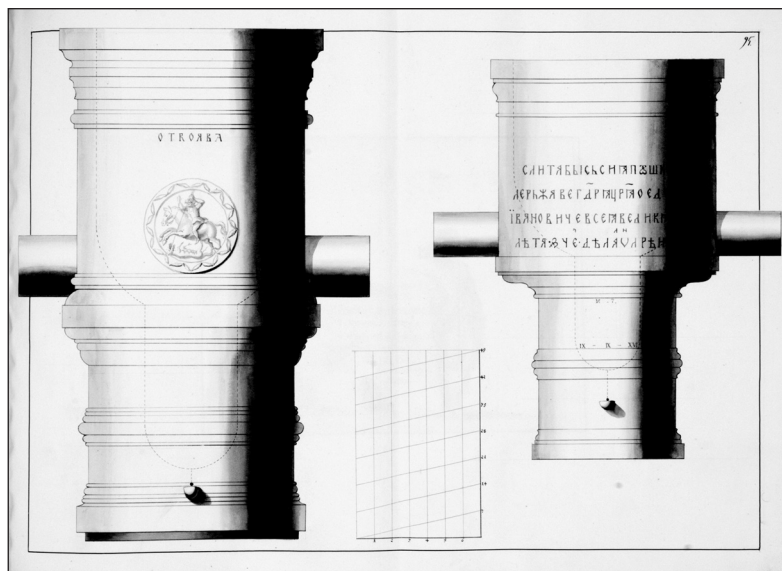
1.2. Пищаль «Драгон» 1598/1599 гг.⁶ (ил. 2). Калибр около 145–

Ил. 2. Пищаль «Драгон». 1598/1599 гг. А. Чохов

148 мм. Дульная часть украшена растительным орнаментом, на фризе у дульного среза – чешуя и 10 розеток в виде цветков. На дульной части – крупная вылитая фигура крылатого дракона с высунутым языком, длинными ушами. Справа от него надпись «драгон». На казенной части поперечная надпись: «Зделана сия пища(ль) драго(н) в лето 7107 дела(л) Ондре(и) Чохо(вь)». Захвачена шведами в Новгороде 10 июля 1614 г., вывезена в Швецию. Переплавлена в 1730-х гг.⁷

1.3. Мортира 1586/1587 гг.⁸ (ил. 3). Калибр неизвестен. Орна-

Ил. 3. Мортира. 1586/1587 гг. А. Чохов

мент отсутствует. Дельфинов нет. На тулове литая надпись: «Слита быс(т)ь сия пушка при державе г(осу)д(а)ря ц(а)ря Федора Ивановича всея Великия Росии лета 7095 дела(л) О(н)дреи Чохо(вь)». Захвачена шведами в Новгороде 10 июля 1614 г., вывезена в Швецию. Переплавлена в 1730-х гг.

На этом же листе слева помещен чертеж другой большой мортиры (по пропорциям больше чоховской пушки) с надписью кириллицей «Отвоява» и медальоном на тулове, в котором изображен ездец, поражающий копьём повергнутого дракона. Это орудие также захваче-

но шведами в Новгороде 10 июля 1614 г., вывезено в Швецию. Переплавлено в 1730-х гг.

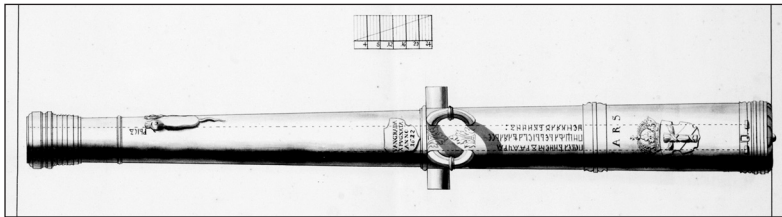
1.4. Пищаль «Лисица»⁹. Орудие отлито в 1575 г. Описано нами ранее¹⁰.

1.5. Пищаль «Соловей»¹¹. Орудие отлито в 1590 г. Описано нами ранее¹².

1.6. Пищаль полуторная¹³. Орудие отлито в 1568 г. Описано нами ранее¹⁴.

2. Орудия мастера Семена Дубинина

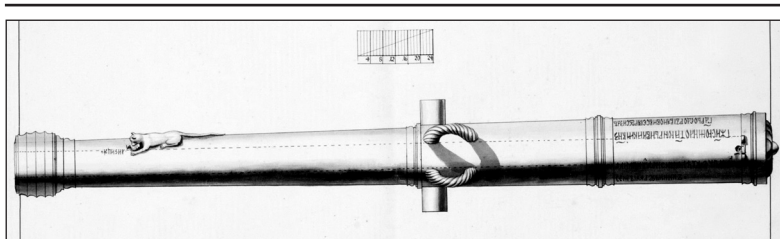
Семен (Семенка) Дубинин в документах впервые упоминается в Списке служилых людей пушкарского чина, получивших денежное жалование по случаю венчания на царство Бориса Федоровича Годунова 1598/1599 гг.¹⁵ В собрании ВИМАИВиВС хранятся две его проломных пищали «Медведь» и «Свиток» 1590/1591 гг.

Ил. 4. Пищаль «Рысь». Ок. 1610 г. С. Дубинин

2.1. Пищаль «Рысь»¹⁶. Ок. 1610 (?) (ил. 4). Калибр около 145 мм. На средней части литая надпись: «Повелениемъ г(осу)д(а)ря ц(а)ря пищаль Рысь делал Семенка Дубининъ». Между дельфинов элементы растительного орнамента. Запальное отверстие без крышки. На дульной части справа фигурка рыси и надпись «рысь». На дульной части шведская чеканная надпись в щитке: «Ivanguardia ex rvgnata anno 1612». На казенной части выбитый герб Вазов под короной, над ним надпись GARS (Gustavus Adolphus Rex Sveciae).

Отсутствие царского титула и имени царя говорит скорее о том, что орудие могло быть отлито в период «Семибоярщины» в 1610 г. Захвачено войсками Магнуса Делагарди в 1612 г. в Ивангороде. В 1730-х гг. пущено на переплавку.

Ил. 5. Пищаль «Лисица». 1591/1592 гг. С. Дубинин

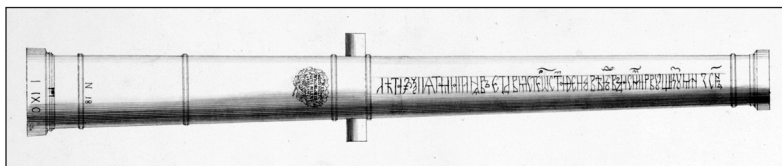
2.2. Пищаль «Лисица» 1591/1592 гг.¹⁷ (ил. 5). Калибр около 145–148 мм. Растительный орнамент отсутствует. На дульной части ближе к дульному срезу справа фигура лисицы, поймавшей птицу. На казенной части справа вылитая вдоль ствола надпись: «Б(о)жиею м(и)л(о)стию ц(а)рь и в(е)ликий кн(я)зь г(осу)д(а)рь Федоръ Иванови(ч) всея Руси zde», слева: «лана пища(ль) лисица лета 7090 го(да) дела(л) Семейка Дубининъ». Запальное отверстие без крышки. Захвачено войсками Якоба Понтуссона Делагарди в 1612 г. в Ивангороде. В 1730-х гг. пущено на переплавку.

2.3. Полупорные пищали¹⁸. В альбомах Я. Фелотта имеются два изображения 6-фунтовых пищалей с надписями на казенной части «Семенка Дубининъ». Орудия без какого-либо орнамента, отлиты, очевидно, в конце XVI в. Стояли на вооружении Пскова. В 1700 г. захвачены шведами под Нарвой¹⁹. В 1730-х гг. пущены на переплавку.

3. Орудия Первого Кузьмина

О мастере Первом Кузьмине практически ничего не известно. Единственное его орудие, сохранившееся до наших дней – большая пищаль «Онагр» (Музеи Московского Кремля. Инв. № АРТ-733/1-2). В альбоме Я. Фелотта имеется два изображения орудий этого мастера.

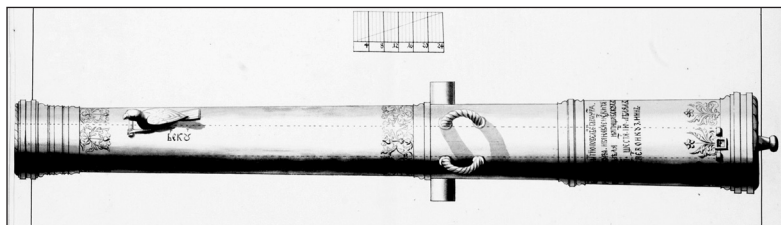
3.1. Пищаль небольшого калибра. 1559/1560 гг.²⁰ (ил. 6). Орна-

Ил. 6. Пищаль небольшого калибра. 1559/1560 гг. Первой Кузьмин

мент отсутствует. От средней к дульной части продольная надпись кириллицей. Из-за того, что художник неверно перерисовал вязь, полностью разобрать надпись невозможно: «Лета 7068... мастер Остафей (?) ... Первуш(а) Ку(з)мин(ь) с(ы)нь»». Запальное отверстие без крышки. Захвачена шведами у поляков в июле 1702 г. В 1730-х гг. пущена на переплавку.

3.2. Пищаль «Беркут» 1571/1572 гг.²¹ (ил. 7). Калибр около 145–

Ил. 7. Пищаль «Беркут». 1571/1572 гг. Первой Кузьмин

148 мм. На стволе три пояса с растительным орнаментом, дельфины в виде канатов. Запальное отверстие без крышки. На казенной части вылитая поперечная надпись: «Б(о)жією м(и)л(о)стію повеленієм г(о)с(у)д(а)ря, ц(а)ря (і) великого кн(я)зя Івана Васил(ь)евича всея Руси», на средней части литая поперечная надпись: «Зделана сия пищаль беркут в лето 7080, шестаго июня, делал мастер Первои Кузьмин». Запальное отверстие без крышки. На дульной части ближе к дульному срезу с правой стороны вылитая фигурка птицы, сидящей на жерди, с надписью: «беркут». Орудие захвачено войсками Якоба Понтуссона Делагарди в 1612 г. в Ивангороде. В 1730-х гг. пущено на переплавку.

¹ Выражаю признательность канд. ист. наук И.В. Хохлову за ценные указания, а также В.С. Великанову и сотрудникам Военного музея в Стокгольме за возможность ознакомиться с рисунками.

² Великанов В.С., Лобин А.Н. Русская артиллерия в Нарвском походе 1700 г. // Военно-исторический журнал «Старый Цейхгауз». № 48 (4/2012). М., 2012. С. 3–10; Лобин А. Н. 1) Состояние русской артиллерии накануне Смуты (1584–1603 гг.) // От Смуты к империи. Новые открытия в области археологии и истории России XVI–XVIII вв. Материалы научной конференции (Москва, 20–22 ноября 2013 г.). М.; Вологда, 2016. С. 260–265; 2) Производство русской артиллерии на Пушечном дворе в 1584–1645 гг. [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. 2016.

Специальный выпуск VI. Русский «бог войны»: исследования и источники по истории отечественной артиллерии. Ч. II. С. 97–157 <http://www.milhist.info/2016/02/09/lobin_7/> (09.02.2016).

³ Немировский Е.Л. Андрей Чохов (около 1545–1629). М., 1982.

⁴ Якубов К.И. Россия и Швеция в первой половине XVII в. // Чтения в Обществе истории и древностей Российских. 1897. Кн. 3. С. 56.

⁵ Armemuseum. Band 3 Band 3 AM 5379. F. 20.

⁶ Armemuseum. Band 3 Band 3 AM 5379. F. 89.

⁷ На листе 88 помещено изображение известной чоховской пищали «Волк». (Thelott Band 3 Band 3 AM 5379. F. 88), отлитой в 1579 г. взамен утраченного под Венденом в 1578 г. «Волка». Захвачена войсками Магнуса Делагарди в 1612 г. в Ивангороде. В настоящее время находится во дворе замка Грипсгольм.

⁸ Armemuseum. Band 3 Band 3 AM 5379. F. 95.

⁹ Armemuseum. Band 1 AM 5373. F. 65.

¹⁰ Лобин А.Н. Новые данные об орудиях «чиховской школы» конца XVI – начала XVII веков // Война и оружие: Новые исследования и материалы. Труды Пятой Международной научно-практической конференции 14–16 мая 2014 г. СПб., 2014. Ч. III. С. 55–69.

¹¹ Armemuseum. Band 1 AM 5373. F. 5.

¹² Лобин А.Н. Новые данные об орудиях «чиховской школы» конца XVI – начала XVII веков. С. 55–69.

¹³ Armemuseum. Band 1 AM 5373. F. 64.

¹⁴ Лобин А.Н. Новые данные об орудиях «чиховской школы» конца XVI – начала XVII веков. С. 55–69.

¹⁵ Научный архив СПбИИ РАН. Ф. 175 (И.Х. Гамеля). Оп. 2. № 1. Л. 1–2.

¹⁶ Armemuseum. Band 3 Band 3 AM 5379. F. 19.

¹⁷ Armemuseum. Band 3 Band 3 AM 5379. F. 23.

¹⁸ Armemuseum. Band 1 AM 5373. F. 4, 34.

¹⁹ Великанов В.С., Лобин А.Н. Русская артиллерия в Нарвском походе 1700 г. С. 3–10.

²⁰ Armemuseum. Band 1. AM 5373. F. 94.

²¹ Armemuseum. Band 3 Band 3 AM 5379. F. 21.

Н.В. Ломакин (Санкт-Петербург)

**С КРАТКОЙ НАДПИСЬЮ «ИЖЬ»...
(ОРУЖИЕ ВЫПУСКА ПЕРВЫХ ТРЕХ ЛЕТ
СУЩЕСТВОВАНИЯ ИЖЕВСКОГО ОРУЖЕЙНОГО
ЗАВОДА В КОЛЛЕКЦИИ ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОГО
МУЗЕЯ АРТИЛЛЕРИИ, ИНЖЕНЕРНЫХ ВОЙСК
И ВОЙСК СВЯЗИ)**

210 ЛЕТ ТОМУ НАЗАД именным указом императора Александра I от 20 февраля 1807 г. поручалось обер-берг-гауптману А.Ф. Дерябину приступить к немедленному устройению нового оружейного завода «около реки Камы в Пермской или Вятской губернии», определив, чтобы «со временем» новоустроенное предприятие было способно выдавать в год 50–75 тысяч единиц холодного и огнестрельного оружия. Указ четко расписывал финансирование всех необходимых мероприятий, затрагивал вопросы обеспечения завода рабочей силой, в том числе квалифицированной, для чего Дерябину были даны полномочия и выделены средства для найма оружейных мастеров, в том числе и иноземных.¹ Надо отметить, что решение разместить новое оружейное производство близ Урала было принято еще в 1800 г. – Тульский и Сестрорецкий заводы не справлялись с нагрузкой, оружия не хватало, а внешнеполитическая обстановка явно не располагала к оптимизму. В течение семи лет А.Ф. Дерябин рассматривал возможные варианты. Лучшим из них оказался тот, при котором к уже существующему Ижевскому железоделательному заводу (назывался также молотобойной фабрикой) присоединялось вновь создаваемое оружейное производство.² В 1807 г. был активно запущен процесс создания предприятия: строились мастерские и кузницы, набирались мастера и ученики. Уже в августе того же года прибыла первая группа нанятых иностранных специалистов, а в сентябре следующего года – последние иностранцы.³ В 1808 г. на заводе у 24 иностранных мастеров и 48 иностранных подмастерь-

ев постигали оружейную науку 202 русских ученика, а 34 русских мастера учили 49 новичков, имелась фабрика для цементации стали, кузница для заварки оружейных стволов, кузница для замочных частей и холодного оружия.⁴ Первоначально завод был закреплен за министерством финансов, через год, по Указу от 28 октября 1808 г., передан в ведомство министра военных сухопутных сил. Он именовался Камским оружейным заводом при Ижевском железодельном⁵, подобное наименование сохранялось, по всей видимости, до начала 1810-х гг. Указанное название предприятия будет использоваться в статье.

В Военно-историческом музее артиллерии, инженерных войск и войск связи хранится небольшая коллекция огнестрельного оружия производства Ижевского оружейного завода, датируемого 1807, 1808 и 1809 гг. – т. е. самыми первыми годами существования данного предприятия. В эту коллекцию входят:

Ружье винтовальное унтер-офицерское обр. 1805 г.⁶ (ил. 1–4)

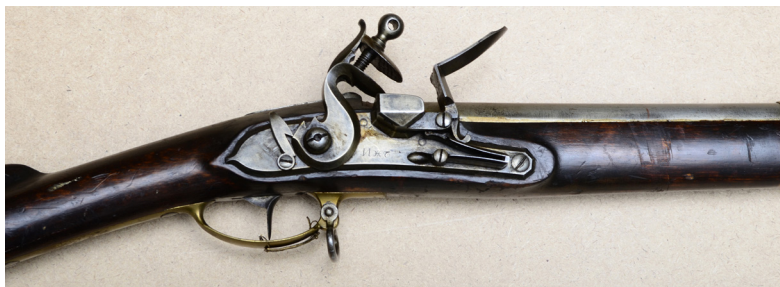
Ствол железный, круглый, в казенной части с фризами. Канал ствола нарезной, с 6 полукруглыми нарезами. На дульной части штыковой целик прямоугольной формы и прилив-упор.

Прицельные приспособления состоят из овальной латунной мушки, закрепленной на переднем ложевом кольце, и открытого прицела в виде полуцилиндрических выступов, разделенных широкой прорезью на хвостовике казенного винта. Замок кремневый, батарейный, с предохранителем курка крючком-«собачкой». Огниво с продольной канавкой. Пороховая полка слева и спереди с высоким бортиком. На замочной доске надпись в две строки: «Ижъ // 1807».

Ложа березовая (?) с длинным цевьем, закрытой шомпольной дорожкой, прикладом со щекой и с упорами для ложевых колец, окрашена в темно-коричневый цвет. На ложе упоры под ложевые кольца. Прибор латунный, состоит из трех ложевых колец, спусковой скобы, накладки под замочные винты и затыльника приклада. Верх-

Ил. 1. Ружье винтовальное унтер-офицерское обр. 1805 г. Общий вид. ВИМАИВиВС, ном. № 100Ф 1/763

**Ил. 2. Ружье винтовальное унтер-офицерское обр. 1805 г.
Средняя часть. ВИМАИВиВС, ном. № 100Ф 1/763**

**Ил. 3. Ружье винтовальное унтер-офицерское обр. 1805 г.
Надпись на замке. ВИМАИВиВС, ном. № 100Ф 1/763**

**Ил. 4. Ружье винтовальное унтер-офицерское обр. 1805 г.
Надпись на затыльнике приклада. ВИМАИВиВС, ном. № 100Ф 1/763**

нее ложевое кольцо с воронкообразным приемником для шомпола и выпуклым пояском с узким фризом закреплено двумя железными

пружинными защелками; среднее кольцо с приливом для крепления антабки, нижнее ложевое кольцо с двумя поясками. Спусковая скоба с коротким передним и длинным задним концами, обрезанными под прямым углом, на спусковой скобе спереди имеется выступ с просверленным сквозным круглым отверстием. На затыльнике приклада нанесены двуглавый орел под короной и надпись «№ 3». На прикладе с правой стороны нанесен овальный штамп с надписью в две строки: «АМ // 2072». Шурупы, крепящие затыльник с задней части приклада, имеют выпуклые полусферические головки.

Шомпол железный, с утолщением в передней части, но без четко выраженной головки и без отверстия в торце.

Антабки железные: верхняя укрепена в проушине среднего ложевого кольца, нижняя – в передней части спусковой скобы (переставлена в 1809 г. или несколько позже (?), так как у заднего конца спусковой скобы в ложе имеются вставки дерева, означающие прежнее место крепление антабки).

Замок, пружины переднего ложевого кольца и спусковой крючок оксидированы в черный цвет.

Калибр 16,6 мм, ширина нарезов 4,4 мм, глубина нарезов 1,1 мм, длина ствола 952 мм, общая длина 1380 мм.

Изготовлено на Камском оружейном заводе при Ижевском железоделательном (впоследствии Ижевском оружейном заводе) в 1807 г. Поступило в музей в конце 1870-х гг. (?), впервые заинвентаризировано как музейный предмет в 1935 г.

ВИМАИВиВС, ном. № 100Ф 1/763.

Вообще говоря, судя по дате в надписи на замке, экземпляр является одним из первых ружей, изготовленных на новоустроеном оружейном заводе, подтверждением чего служит надпись на затыльнике приклада «№ 3». Надпись на замке несколько отличается по начертанию от тех, которые наносились в 1808 и в последующие годы – буквы здесь выполнены не в рукописном, а в печатном стиле. На казенной части ствола снаружи клейм нет, они нанесены на нижней образующей ствола («СА» и «Р»).

Фузея егерская обр. 1765 г. (ил. 5, 6)

Атрибуция и описание данного образца соответствует приведенным у Л.К. Маковской.⁷

На казенной части ствола прямоугольное клеймо – переплетенные рукописные буквы «FP». На замке – надпись в две строки: «Ижь //

**Ил. 5. Фузея егерская обр. 1765 г. Общий вид. ВИМАИВиВС,
ном. № 100Ф 1/325**

**Ил. 6. Фузея егерская обр. 1765 г. Средняя часть. ВИМАИВиВС,
ном. № 100Ф 1/325**

1808». На прикладе с правой стороны – овалный штамп с надписью в две строки: «АМ // 1840». На прикладе с левой стороны – прямоугольный бумажный ярлык с двухлинейной рамкой и надписью «Ч.І, № 1771».

Наконечник цевья не сохранился.

Шомпол железный, с утолщающейся конусовидной головкой без отверстия в торце и коротким участком с резьбой на тонком конце. Замок и шомпол оксидированы в черный цвет. Нижняя антабка укреплена в задней части спусковой скобы. Ложа окрашена в темно-коричневый (почти черный) цвет.

Калибр 19,5 мм, длина ствола 925 мм, общая длина 1301 мм.

ВИМАИВиВС, ном. № 100Ф 1/325.

Изготовлена на Камском оружейном заводе при Ижевском железодельательном (впоследствии Ижевском оружейном заводе) в 1808 г. Поступила в музей в 1873 г. из Ижевского оружейного завода⁸.

Штуцер егерский обр. 1798 г. (ил. 7–10)

Атрибуция и описание данного образца соответствует приведенным у Л.К. Маковской⁹.

**Ил. 7. Штуцер егерский обр. 1798 г. Общий вид. ВИМАИВиВС,
ном. № 1/769**

**Ил. 8. Штуцер егерский обр. 1798 г. Средняя часть. ВИМАИВиВС,
ном. № 1/769**

**Ил. 9. Штуцер егерский
обр. 1798 г. Клеймо
на казенной части ствола.
ВИМАИВиВС,
ном. № 1/769**

**Ил. 10. Штуцер егерский обр. 1798 г.
Надпись на замке. ВИМАИВиВС,
ном. № 1/769**

На казенной части ствола прямоугольное клеймо – переплетенные рукописные буквы «FP». На замочной доске – надпись в две строки: «Ижъ // 1808». На прикладе с правой стороны – овальный штамп с надписью в две строки: «AM // 2077». На прикладе с правой стороны – прямоугольный бумажный ярлык с двухлинейной рамкой и надписью «Ч.І, № 2218». На курке следы оксидировки в черный цвет (?).

Шомпол железный, с латунной утолщенной головкой в форме усеченного конуса, на торце головки полусферическое углубление. Ложа окрашена в коричневый цвет.

ВИМАИВиВС, ном. № 100Ф 1/769.

Изготовлен на Камском оружейном заводе при Ижевском железоделательном (впоследствии Ижевском оружейном заводе) в 1808 г. Поступил в музей в 1873 г. из Ижевского оружейного завода¹⁰.

Атрибуция указанного ниже предмета вызвала определенные трудности. Дело в том, что, например, в классическом труде В.Г. Федорова «Вооружение русской армии за XIX столетие» о нем не упоминается вообще. В фондах ВИМАИВиВС имеется два аналогичных образца, но тульской работы, датированных 1806 г. Согласно Указу об основании нового оружейного завода, ставшего впоследствии Ижевским, военный министр обязывался предоставить состоящие на тот момент на вооружении и в производстве образцы¹¹. Завод только организовывался и, естественно, никаких опытных работ по оружию вести не мог, его задача была качественно и за одинаковую с Тулой и Сестрорецком цену делать то вооружение, которое было уже принято. Путеводной ниточкой послужила надпись на стволе тульских экземпляров: «У:ЦЕС:ПОЛКА:№». Следовательно, данный образец может быть только кавалерийским карабином, состоявшим на вооружении как минимум уланских полков. Карабин на вооружении улан появляется по Табели мундирным, амуничным и оружейным вещам согласно Штату уланских полков от 26 сентября 1803 г.¹² в одном ряду со штуцером кавалерийским, который впоследствии обозначается как «Штуцер кавалерийский обр. 1803 г.». Значит, наш образец можно предположительно атрибутировать как

Карабин кавалерийский обр.1803 г. (?) (ил. 11, 12)

Ствол железный, круглый, в казенной части с фризами. Канал ствола гладкий. Затравочное отверстие просверлено. На казенной части ствола вырезано клеймо – переплетенные рукописные буквы «FP».

**Ил. 11. Карбин кавалерийский обр. 1803 г. (?). Общий вид.
ВИМАИВиВС, ном. № 100Ф 1/690**

**Ил. 12. Карбин кавалерийский обр. 1803 г. (?). Средняя часть.
ВИМАИВиВС, ном. № 100Ф 1/690**

Прицельные приспособления состоят из латунной овальной мушки, закрепленной на верхней части образующей ствола на расстоянии 66 мм от дульного среза, и прорези на хвостовике казенного винта.

Замок кремневый батарейный. На замочной доске надпись в две строки: «Ижъ // 1808».

Ложа деревянная, березовая, с цевьем во всю длину ствола, длинной шейкой и коротким прикладом, тонирована в темно-коричневый цвет. Прибор ложи латунный, состоит из ложевого кольца, двух круглых латунных шомпольных трубочек, спусковой скобы с фигурными концами, затыльника приклада с фигурным верхним концом и накладки под замочные винты в виде змейки. Затыльник приклада крепится к задней части приклада шурупами с выпуклыми полусферическими головками и прямым шлицем. На затыльнике приклада сверху нанесен двуглавый орел под императорской короной. На прикладе справа нанесен овальный штамп с надписью в две строки: «АМ // 1887».

С левой стороны карабина находится железный погон с кольцом, который крепится сплошной обоймой, дополнительно скрепляющей ствол с ложей, замочным винтом и штырем, вбитым в ложе.

Шомпол железный, круглый, с головкой в виде шляпки.
Калибр 15,6 мм, длина ствола 630 мм, общая длина 1004 мм.
ВИМАИВиВС, ном. № 100Ф 1/690.

Изготовлен на Камском оружейном заводе при Ижевском железо-делательном (впоследствии Ижевском оружейном заводе) в 1808 г. Поступил в музей до 1883 г.¹³

Ружье пехотное обр. 1805 г. (ил. 13, 14)

Конструкция и внешний вид практически полностью соответствует ранее описанному унтер-офицерскому винтовальному ружью обр. 1805 г., за исключением канала ствола, который в пехотном ружье выполнен гладким.

На казенной части ствола вырезано клеймо – переплетенные рукописные буквы «FP». На замочной доске – надпись в две строки: «Ижъ // 1808». На затыльнике приклада выбито казенное клеймо – двуглавый орел под короной. На прикладе с правой стороны – прямоугольный бумажный ярлык с двухлинейной рамкой и надписью «Ч.І, № 1770». Ствол, замок и шомпол оксидированы в черный цвет.

**Ил. 13. Ружье пехотное обр. 1805 г. Общий вид.
ВИМАИВиВС, ном. № 1/672**

**Ил. 14. Ружье пехотное обр. 1805 г. Средняя часть.
ВИМАИВиВС, ном. № 1/672**

Нижняя антабка укреплена на прикладе снизу, у длинного конца спусковой скобы.

Калибр 16,6 мм, длина ствола 953 мм, общая длина 1380 мм.

ВИМАИВиВС, ном. № 100Ф 1/672.

Изготовлено на Камском оружейном заводе при Ижевском железнодорожном (впоследствии Ижевском оружейном заводе) в 1808 г. Поступило в музей в 1873 г. из Ижевского оружейного завода.¹⁴

Штуцер егерский обр. 1805 г. (ил. 15, 16)

Ствол железный, восьмигранный. Канал ствола нарезной, с 8 полукруглыми в плане нарезами. С правой стороны ствола, у дульного среза, укреплен трубчатый прилив, оканчивающийся полукруглым упором для крепления штыка, в приливе имеется винт-фиксатор штыка. На хвостовике казенного винта два полуцилиндрических выступа, разделенных узкой прорезью. На казенной части ствола нанесено клеймо – переплетенные рукописные буквы «FP».

Ил. 15. Штуцер пехотный обр. 1805 г. Общий вид. ВИМАИВиВС, ном. № 1/768

Ил. 16. Штуцер пехотный обр. 1805 г. Средняя часть. ВИМАИВиВС, ном. № 1/768

Прицельные приспособления состоят из полукруглой вставной латунной мушки на верхней грани у дульного среза ствола и открытого прицела – вставного целика с двумя планками, постоянной и откидной, установленного на верхней грани ствола на расстоянии 151 мм от казенного среза.

Замок кремневый, с предохранителем курка – крючком-«собачкой». Огниво с продольной канавкой. Пороховая полка слева и спереди с высоким бортиком. На замочной доске нанесена надпись в две строки: «Ижъ // 1808».

Ложа деревянная, березовая (?), с закрытой шомпольной дорожкой и прикладом со щекой, окрашена в черный цвет. В прикладе имеется хранилище для оружейной принадлежности. Прибор латунный, состоит из ложевых полукольца и кольца, спусковой скобы, накладки под замочные винты и затыльника приклада. Дульное ложевое полукольцо с полукруглым выступом внизу, имеющим поперечное сквозное отверстие для антабки, закреплено двумя зацепами, расположенными на боковых гранях ствола. Среднее ложевое кольцо крепится пружинной защелкой снизу. Спусковая скоба с коротким передним и длинным задним концами, обрезанными под прямым углом, на спусковой скобе спереди имеется выступ с просверленным сквозным круглым отверстием. На затыльнике приклада выбито казенное клеймо – двуглавый орел под короной. На прикладе: слева – прямоугольный бумажный ярлык с двухлинейной рамкой и надписью «Ч.І, № 1772», справа – нанесен овальный штамп с надписью в две строки: «АМ // 2970».

Шомпол железный, крепится при помощи шарнира («цепочки»), закрепленного в дульной части ствола на боковых гранях.

Верхняя антабка не сохранилась, нижняя антабка железная, проволочная, укрепена на прикладе снизу у заднего конца спусковой скобы.

Железные детали (кроме антабки) оксидированы в черный цвет.

Калибр 17,2 мм, ширина нарезов 2,2 мм, глубина нарезов 1,6 мм, длина ствола 744 мм, общая длина 1170 мм.

ВИМАИВиВС, ном. № 100Ф 1/768.

Изготовлен на Камском оружейном заводе при Ижевском железоделательном (впоследствии Ижевском оружейном заводе) в 1808 г. Поступил в музей в 1873 г. из Ижевского оружейного завода.¹⁵

Наличие на штуцере обр.1805 г. хвостовика казенного винта с полумоноцилиндрическими выступами и прорезью между ними преследо-

вало, по-видимому, две цели: достигалась определенная стандартизация по деталям с пехотным и унтер-офицерским ружьями, а также при утере основного прицела оставалась возможность использовать указанный хвостовик при прицеливании.

Все образцы, выпущенные в 1808 г., имеют на казенной части ствола одинаковое клеймо (см. ил. 9). По нашему предположению, это клеймо ставилось главным оружейным мастером завода Фридрихом Поппе, приглашенным лично А.Ф. Дерябиным¹⁶. Этого клейма нет на имеющемся в коллекции ружье, выпущенном в 1807 г., что позволяет с определенной долей уверенности считать годом начала работы Ф. Поппе на Урале именно 1808 г.

Ружье пехотное обр. 1808 г. (ил. 17–21)

Образец многократно описывался в литературе, поэтому позволим себе ограничиться упоминанием клейм, надписей и характерных особенностей данного предмета.

На казенной части ствола нанесено клеймо: «стрела, стоящая на круге». На замочной доске нанесена надпись в две строки: «Ижъ //

Ил. 17. Ружье пехотное обр. 1808 г. Общий вид. ВИМАИВиВС, инв. № 1/365

Ил. 18. Ружье пехотное обр. 1808 г. Средняя часть. ВИМАИВиВС, инв. № 1/365

**1808 г. Клеймо
на казенной части ствола.
ВИМАИВиВС,
инв. № 1/365**

**Ил. 20. Ружье пехотное обр. 1808 г.
Надпись на замке. ВИМАИВиВС,
инв. № 1/365**

**Ил. 21. Ружье пехотное обр. 1808 г.
Клеймо на спусковой скобе.
ВИМАИВиВС, инв. № 1/365**

1809». На ложевых кольцах (верхнее кольцо не сохранилось), передней части спускового колена, спусковой личинке и затыльнике приклада нанесены клейма: «стрела с литерами «FP» в наконечнике». На затыльнике приклада сверху – двуглавый орел под императорской короной. На прикладе справа – овалный штамп с надписью в две строки: «АМ // 1619».

Ложа тонирована морилкой в коричневый цвет.

ВИМАИВиВС, ном. № 100Ф 1/365.

Изготовлено на Камском оружейном заводе при Ижевском железоделательном (впоследствии Ижевском оружейном заводе) в 1809 г. Поступило в музей до 1935 г.

Клеймо на частях прибора ложи, предположительно, ставилось главным оружейным мастером Ф. Поппе, подобное начертание данного клейма прослеживается на ижевских ружьях вплоть до 1817–1818 гг.

Итак, закончено рассмотрение небольшой, но достаточно интересной коллекции оружия первых трех лет существования Ижевс-

кого оружейного завода. Учитывая, что в 1807 г. уральцы выпустили всего 7 ружей, 5 пистолетов и 6 солдатских тесаков, а в следующем году 25 ружей, 14 пистолетов и 6 тесаков¹⁷, данное собрание состоит из весьма редких экземпляров. Еще раз подтвердилось мнение Л.К. Маковской о продолжении выпуска егерских фузей обр. 1765 г. (фузея эта – истинный долгожитель: сорок лет в ряду выпускаемых образцов, да еще поставленная на производство на новом заводе, при том, что остальное пехотное оружие менялось и переделывалось неоднократно). Кажется, удалось найти еще один штатный образец – карабин кавалерийский обр. 1803 г. (?), практически не оставивший никаких следов в литературе: никто бы не стал заниматься на новом заводе образцом, не входящим в систему вооружения. Ружья и штуцер обр. 1805 г. также небезынтересны в том плане, что в таком виде они и должны были быть поставлены в массовое производство (которого, к сожалению, не состоялось) – пехотное и унтер-офицерское ружья, судя по штыковым целикам, должны были иметь вполне обычные штыки с коленчатой прорезью в трубке, в отличие от сестрорецких изысков с Т-образным приливом на стволе и штыковой трубкой с пружиной, более легких и скорых в обращении, но явно и более дорогих в производстве. Даже вполне обычные егерский штуцер обр. 1798 г. и пехотное ружье обр. 1808 г. дают определенную пищу для размышлений: первый о том, что павловские штуцера продолжали не только числиться на вооружении, но и производиться, и снимать их с производства еще не собирались, а второе – что ружья обр. 1808 г. довольно быстро прошли период постановки на производство даже в отдаленном от Сестрорецкого завода и Тулы уральском предприятии.

¹ Полное собрание законов Российской Империи. Собрание I. Т. XXIX. СПб., 1830. С. 1020–1024. № 22464.

² Соловьев А.М. В память столетнего основания Ижевского оружейного завода. 1807 г. 10 июня – 1907 г. 10 июня. Ижевск. 1907. С. 3, 4, 9.

³ Там же. С. 13.

⁴ Там же. С. 15–16.

⁵ Полное собрание законов Российской Империи. Собрание I. Т. XXX. СПб., 1830. С. 654–656. № 23318.

⁶ Атрибуция ружей и штуцера обр. 1805 г. производилась по статье: Горегляд П.В., Ломакин Н.В., Маковская Л.К. Неизвестная коллекция оружия образца 1805 года // Сборник исследований и материалов Военно-исторического

музея артиллерии, инженерных войск и войск связи. СПб., 2010. Вып. IX. С. 152–170.

⁷ Маковская Л.К. Ручное огнестрельное оружие русской армии конца XIV–XVIII веков. Определитель. М., 1992. С. 36, 120.

⁸ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 22. Оп. 111. Д. 3. Л. 66 об. – 67.

⁹ Маковская Л.К. Указ. соч. С. 74, 185, 186.

¹⁰ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 22. Оп. 111. Д. 3. Л. 247 об. – 248.

¹¹ Полное собрание законов Российской Империи. Собрание I. Т. XXIX. С. 1022–1023.

¹² Там же. Т. XLIII. Ч. 2. С. 286, 294, 319.

¹³ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 22. Оп. 111. Д. 6. Л. 12 об. – 13.

¹⁴ Там же. Д. 3. Л. 65 об. – 67.

¹⁵ Там же. Л. 66 об. – 67 об.

¹⁶ Соловьев А.М. Указ. соч. С. 13.

¹⁷ Родионов Н.А. История оружейного производства в Удмуртии (XIX–XXI вв.) Ижевск, 2009. С. 28.

А.М. Лукашевич (Минск, Беларусь)

РОССИЙСКОЕ СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ И РАЗВЕРТЫВАНИЕ ВОЙСК НА ЗАПАДНОМ НАПРАВЛЕНИИ (НОЯБРЬ 1796 – ЯНВАРЬ 1799 г.)

СМЕНА ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОГО КУРСА. В конце своей жизни императрица Екатерина II, разобравшись с «польскими делами», всерьез рассматривала возможность вступления Российской империи в войну против революционной Франции. В 1796 г., по настоянию союзников, она планировала выставить в помощь Австрии и Англии 60-тысячную армию под командованием А.В. Суворова. Сформированные для этого три корпуса под командованием В.Х. Дерфельдена, А.В. Суворова и Б.П. Ласси получили приказ собраться возле Брест-Литовска и готовиться к выступлению за границу¹.

В свою очередь, Венский двор даже предложил план предстоящей кампании. Обе армии (российская и австрийская) должны были по отдельности собраться на Рейне: одна (под начальством российского генерала, 60 тыс. российских войск, 10 тыс. эмигрантов принца Л.-Ф. Конде и до 30 тыс. германских войск, всего до 100 тыс. человек) – между Майнцем и Кобленцем; вторая (австрийские войска) – между Базелем и Мангеймом. Для согласования подробностей похода в Санкт-Петербург был направлен австрийский генерал маркиз И.Г. фон Шателер. Однако из-за разногласий между союзниками эта операция так и не состоялась.

После смерти Екатерины II император Павел I отказался от участия в европейских конфликтах. Новый монарх заявил, что «теперь нет ни малейшей нужды России помышлять о распространении своих границ, поелику она и без того довольно уже и предовольно обширна <...>, вследствие того хочет он все содержать на военной

ноге, но при всем том жить в мире и спокойствии»². Павел I сообщил союзникам, что он намерен со всеми сохранять мир и доброе согласие.

Монарх отменил рекрутский набор 1796 г. Российская эскадра, находившаяся в Великобритании и крейсировавшая в Северном море, получила приказ вернуться в свои порты. Император Павел I также прекратил закавказскую войну: он вернул корпус В. Зубова из Персидского похода и отменил строительство крепостей на границе с Персией³.

Период российского нейтралитета в европейских делах продолжался с ноября 1796 г. по январь 1798 г. В это время Павел I не стремился к конфронтации с Францией и был готов к компромиссу. Отчасти эта позиция объяснялась и состоянием военных дел в Европе.

Российское оперативное планирование. Однако активная политика Франции в Средиземноморье и на Балканах, захват Мальты, принадлежавшей ордену иоаннитов, покровительство над которым Павел I объявил в 1797 г., вынудила его ввязаться в европейскую войну.

Предвидя столкновение с Францией, император не исключал, что на ее стороне могут выступить Швеция, Пруссия и Османская империя. «Предвижу я войну, – писал он, – она будет по наущению с Франциею, которая соединила с собою прусаков, шведов и турок, и как скоро одна начнет, то и все против неизбежно»⁴. Поэтому Павел I начал тайную подготовку к предстоящей войне.

Понимая, что воевать на нескольких фронтах у России нет сил, монарх считал необходимым обезопасить, в первую очередь, северные рубежи. Свои мысли по этому поводу он изложил в недатированной записке «О местоположении Финляндии, способах оборонительной войны, о размещении войск и флота для обороны Лифляндии и Эстляндии»⁵.

В записке раскрывались российские военные планы в случае войны со Швецией. Первоначально планировались оборонительные действия. «Для настоящей войны полагаю в предмете лишь только оборонительной, пока обстоятельства сами не дадут возможности к наступательной», – говорилось в записке. Поэтому при д. Валера (в 1,5 милях от Давыдова к Фридрихсгаму) предполагалось собрать усиленный корпус, «где бы оной положением своим упреждал действия неприятеля»⁶.

4 января 1798 г. император назначил генерала от инфантерии М.И. Голенищева-Кутузова «командующим сухопутными войсками

в Финляндии» (имелась в виду российская часть Финляндии)⁷. Ему поручалось привести российские войска у шведской границы в полную боевую готовность, не демонстрируя при этом враждебности.

В дальнейшем Павел I не исключал наступательных действий против Швеции и оборонительных мероприятий в отношении Пруссии и Османской империи, что нашло отражение в его собственноручной недатированной записке. Хранящаяся в Российском государственном военно-историческом архиве, она озаглавлена как «Собственноручная записка императора Павла I, с планами операций против Швеции»⁸. Исходя из содержания документа и упомянутых в нем военачальников, он был составлен в начале января 1798 г.

«Для шведов план мой сделан под № 1, – писал монарх, – к которому прибавлю экспедицию из двух полков из Углича и Ярославля, одного сводного гранодерского батальона и драгунского полку из Торжка к Петрозаводску, и корпуса всей гвардии к содействию вышеперечисленному плану. План против пруссаков под № 2. Противу турок полагаю я всю Днестровскую дивизию, между Хотина и Бендер искать неприятеля в поле. Крымской корпус усиленной гарнизоны с линии остается в Крыму, а Кавказской идет к Анапе, оставляя гарнизоны ближние по границе от Персии. Флот в море, и гребной вдоль берегов. Магазины в Юрбурге, на Нареве и в Брест-Литовску, в Каменце, в Рошкове, Тересполье, для флотилий в Одессе»⁹.

Наиболее подробно в записке был разработан план военных действий против Швеции, на случай, «если бы что оказалось по поводу шведских обстоятельств». С этой целью планировалось собрать четыре корпуса. Первый (главный) возле Мемеля, второй – около Санкт-Петербурга, третий – около Нейшлота, четвертый – возле Олонца¹⁰.

Главная задача в предстоящей войне возлагалась на корпус генерала от инфантерии М.И. Голенищева-Кутузова¹¹ (10 батальонов пехоты и 3 эскадрона кавалерии¹²), который сосредоточивался возле Мемеля (магазин в Саполе). Этот корпус должен был высадиться на побережье Швеции и наступать на Тавастгуст.

Корпус генерал-лейтенанта графа Ф.Ф. Буксгевдена (7 пехотных батальонов и 2 эскадрона кавалерии¹³) сосредоточивался возле Санкт-Петербурга и там же формировал свой магазин. Этот корпус должен был прикрывать Фридрихсгам, удерживая неприятеля, пока корпус М.И. Кутузова не продвинется к Тавастгусту, затем – идти вперед, к Малкирее. Действия корпуса Ф.Ф. Буксгевдена должен

был поддерживать флот с шестью батальонами графа И.К. Эльмпта. Затем корпуса Ф.Ф. Буксгевдена и М.И. Голенищева-Кутузова должны действовать вместе¹⁴.

Корпус генерал-майора В.Н. Чичерина (6 пехотных батальонов¹⁵) сосредоточивался возле Нейшлота и там же учреждал свой магазин. Он должен был, по возможности, сделать покушение к Сент-Михелю, стараясь установить связь с корпусом М.И. Голенищева-Кутузова. В дальнейшем ему ставилась задача обеспечивать «зад и правую сторону операции». В случае неудачи разрешалось «ретироваться» к ближайшему корпусу, а если будет необходимость – то действовать вместе¹⁶.

Корпус генерал-лейтенанта Л.Л. Беннигсена (6 пехотных батальонов, 5 кавалерийских эскадронов¹⁷), собирался возле Рандовы (Олонца) с магазином в Олонце. Этот корпус должен был выйти из Рандовы в обход Ладожского озера, закрыть Сердоболь и выйти в Шведскую Карелию. Затем ему ставилась задача поскорее занять Купио и «связать себя задом действующих от Нейшлота и от Рауцена» корпусов¹⁸.

В ходе операции сухопутным войскам должны были оказывать содействие архангельская эскадра и Балтийский корабельный и гребной флоты. Их задачи Павел I изложил в трех документах: «Частном плане о действиях Городоархангельской эскадры»¹⁹, «Частном плане операций Балтийского линейного флота»²⁰ и «Генеральном плане по флотской части противу Швеции»²¹.

Что касается планов действий на других театрах войны, то они были намечены лишь в общих чертах. В частности, в случае войны с Пруссией император планировал с помощью парусного и гребного флотов «учинить покушение на Кенигсберг и Данциг»²².

Такое скупое описание возможных действий объясняется желанием Павла I склонить Пруссию к вступлению в антифранцузскую коалицию. Однако, несмотря на короткое потепление в российско-пруссских взаимоотношениях, которое произошло после вступления 16 ноября 1797 г. на трон Фридриха Вильгельма III, Берлин по-прежнему занимал нейтральную позицию²³.

В случае войны с Турцией главная задача отводилась Черноморскому линейному флоту. Он должен «стараться сойтиться с неприятельским [флотом] и дать баталию; а потом прикрыть берега Крыма». Гребной флот, взяв из Херсона четыре батальона, должен помогать операции корпуса генерала М.В. Каховского: подвозить про-

виант и осадную артиллерию. При этом сухопутные войска должны были действовать по одной из двух главных операционных линий: первой – между реками Днестр и Прут и второй – между реками Прут и Серет²⁴.

Обострение международной обстановки в течение 1798 г. привело к тому, что Павел I принял решение выступить на стороне антифранцузской коалиции и отдал приказ о сосредоточении войск на западной границе. Часть из них должна была готовиться к походу против Франции, а вторая – прикрывать границу с Пруссией. При этом уклончивая позиция Берлина не оставляла Санкт-Петербургу вариантов, как рассматривать Пруссию в качестве потенциального врага. Поэтому в первой половине 1798 г. Павел I составил «Записку расположения постов разных корпусов армии Его Императорского Величества от Литвы до Владимира»²⁵. В этом документе монарх определил вероятные районы сосредоточения на западной границе войск трех дивизий (инспекций) и казачьего корпуса, а также провиантских запасов для них.

Лифляндская дивизия сосредоточивалась между реками Вилия и Меречь (магазины для нее учреждались возле Янова, Вульки и на р. Меречанке); Литовская – располагалась между Гродно, Индурами и Свислочью (магазины в Гродно, Мостах, Белице, Слониме и верховьях Нарева); Смоленская – в районе Брест-Литовска (магазины в Бресте, Кобрине и Высоко-Литовске). В районе белорусского Полесья, между Пинском, Слуцком, Давид-Городком и Домбровицей дислоцировался «резервный корпус донских казаков» (в этих же городах учреждались и провиантские магазины)²⁶. Наконец, на Волыни, в районе Владимира располагался корпус принца Л.-Ф. Конде (Л.-Ф. де Бурбон принц Конде)²⁷. Магазины для него учреждались в Тучине, Луцке и Ковеле²⁸.

Стратегическое развертывание войск. Во второй половине 1798 г. оформилась 2-я антифранцузская коалиция в составе России, Австрии, Великобритании, Османской империи и Неаполитанского королевства. Павел I начал подготовку к отправке войск на европейский театр военных действий. Первоначально российский монарх обещал Австрии 16-тысячный вспомогательный корпус. Затем число войск, предназначенных для действий за границей, выросло до 72 тысяч: 11-тысячный корпус предназначался в помощь королю Неаполитанскому, и еще 45 тысяч – для совместных действий с прусскими войсками (если Берлин вступит в союз)²⁹.

В июле 1798 г. возле Брест-Литовска начал собираться корпус генерала от инфантерии А.Г. Розенберга. В его состав назначалось 24 батальона пехоты из Смоленской и Литовской инспекций и 6 донских казачьих полков (общая численность более 20 тыс. человек)³⁰. Когда эти войска собрались, Павел I поручил генерал-лейтенанту барону А.А. Аракчееву произвести смотр корпусу³¹. Войска были в отличном состоянии, и 15 сентября всем начальникам император объявил монаршее «благоволение и признательность за основание порядка службы и приведение оной в желаемое совершенство»³².

В августе 1798 г. Павел I предписал А.Г. Розенбергу быть в полной готовности к выступлению в поход в случае получения известий из Вены о разрыве отношений между Австрией и Францией. Войскам поручалось, не ожидая новых повелений, перейти через границу и «следовать на соединение с австрийскою армиею куда со стороны Римско-Императорского военного начальства положено будет». Вопросы путевого довольствия войск, заготовления запасов и облегчения марша А.Г. Розенберг должен был согласовать с комиссаром, назначенным от австрийского правительства. При этом следовало соблюдать «выгоды русских войск»³³.

С августа 1798 г. корпус А.Г. Розенберга находился в полной готовности к походу, однако его выступление было задержано по вине австрийцев. Хотя Венский двор просил Павла I ускорить отправку российских войск, он пытался уклониться от взятых на себя обязательств по равноправному их обеспечению провиантом и фуражом. Поэтому 12 сентября император приказал Розенбергу распустить войска и расположить их по квартирам до тех пор, пока не получит от австрийской стороны удовлетворительного решения³⁴. 18 сентября 1798 г. А.Г. Розенберг выполнил этот приказ. И только через 6 недель, когда недоразумения были устранены, генерал получил приказ снова собрать корпус и выступить в поход. Разделенные на две колонны по два отделения (под командованием генерал-лейтенантов С.Л. Львова и Я.И. Повало-Швейковского), войска корпуса в течение 13–20 октября перешли Буг и взяли курс на Люблин. В январе 1799 г. они были уже на Дунае³⁵.

В это время другие корпуса, назначенные к выступлению за границу, еще только готовились к походу. Их состав был определен только 18 декабря 1798 г.

В помощь королю Неаполитанскому назначались войска под командованием генерал-лейтенанта И.И. Германа. Они включали 8 ба-

тальонов пехоты из Днестровской инспекции, пионерную роту и 2 казачьих полка (всего до 9 тыс. человек). Затем к ним присоединили три сводных гренадерских батальона (3 тыс. человек) под командованием генерал-майора князя Д.М. Волконского 3-го, предназначенных для гарнизона Мальты. Корпусу И.И. Германа первоначально предписывалось следовать в Далмацию (через Молдавию, Валахию и Боснию). Оттуда войска планировалось перевезти в южную Италию на неаполитанских кораблях. Однако из-за непроходимости дорог и разлива рек в зимнее время войска И.И. Германа до весны остались на зимних квартирах возле Днестра (штаб-квартира – в Каменце-Подольском)³⁶.

Третий, 45-тысячный корпус, предназначенный для действий в Германии совместно с прусскими войсками, также начал собираться в декабре 1798 г. в Брест-Литовске. Первоначально им командовал генерал от инфантерии князь С.Ф. Голицын, но уже 27 января 1799 г. он получил приказ сдать войска генералу от кавалерии Ф.М. Нумсону. В состав корпуса назначалось 28 батальонов пехоты, 7 полков кавалерии и 4 казачьих полка из Лифляндской, Литовской, Смоленской и Московской инспекций (общая численность до 37 700 человек)³⁷.

Всего в трех корпусах, назначенных для действий за границей, было 63 батальона пехоты, 7 полков регулярной кавалерии и 12 казачьих полков (общая численность до 70 тыс. человек).

Кроме того, к походу были готовы и все остальные войска, расположенные на западной границе. Из них было образовано две армии. Первая армия генерала от инфантерии Б.П. Ласси, составленная из войск Лифляндской, Литовской и Смоленской инспекций, насчитывала 43 пехотных батальона, 15 полков регулярной кавалерии, 6 казачьих полков и 178 орудий (общая численность 47 871 человек)³⁸. Эта армия, с главной квартирой в Гродно, располагалась от Балтийского моря до Брест-Литовска. Она состояла из двух корпусов: правого – под командованием генерала от инфантерии Х.И. Бенкендорфа и левого – под непосредственным начальством Б.П. Ласси. К левому крылу первой армии с 14 января 1799 г. примыкал корпус принца Л.-Ф. Конде, состоявший из 3 пехотных и 2 конных полков (общая численность 7 тыс. человек)³⁹.

Вторая армия генерала от инфантерии графа И.В. Гудовича, составленная 14 января 1799 г. из войск Украинской и Днестровской инспекций, насчитывала 39 батальонов пехоты, 11 полков регулярной кавалерии, 4 казачьих полка при 180 орудиях (общая числен-

ность – 36 097 человек). Эта армия располагалась от Брест-Литовска до Днестра (главная квартира в Каменце-Подольском). Она также состояла из двух корпусов: правого – под командованием графа И.В. Гудовича и левого – под начальством генерала от кавалерии И.И. Михельсона. По Днестру был расположен особый корпус генерал-лейтенанта барона Шюца. Он состоял из 6 батальонов пехоты и 1 гусарского полка при 20 орудиях (общая численность – 4 548 человек)⁴⁰.

Итак, помимо корпусов, назначенных для действий за границей, на западной границе было расположено 94 батальона пехоты, 29 полков регулярной кавалерии, 12 казачьих полков, при 318 полевых орудиях (около 100 тыс. человек). Обе армии с двумя отдельными корпусами были расположены от Балтийского до Черного моря и должны были сохранять непрерывную связь между собой. По мере выступления назначенных за границу корпусов оставшиеся за ними войска должны были незамедлительно заступать их места. Армия Б.П. Ласси назначалась «подкреплять», при необходимости, выступившие за границу корпуса или идти на помощь союзным державам. Армия И.В. Гудовича, в зависимости от обстоятельств, должна была действовать в связи с первой армией или перейти Днестр и вместе с корпусом Шюца идти на помощь Турции для подавления восстания виддинского паши Пасван-Оглу⁴¹.

Кроме казачьих полков, вошедших в состав корпусов и армий, в окрестностях Пинска оставалось еще 14 донских полков под непосредственным командованием атамана Войска Донского генерал-лейтенанта В.П. Орлова. Еще 5 февраля 1798 г. он получил предписание «держат 22 полка в исправной готовности к выступлению по первому повелению»⁴². 6 мая 1798 г. В.П. Орлов выступил во главе этих полков к Пинску. На Полесье, не участвуя в боевых действиях, большинство полков пробыло около двух лет. Только шесть полков во главе с походным атаманом полковником А.К. Денисовым 6-м были направлены в армию графа А.В. Суворова-Рымникского и впоследствии участвовали в Итальянском и Швейцарском походах⁴³.

18 августа 1798 г., объясняя бездействие казаков, Павел I писал В.П. Орлову: «Вас же с войском берегу на случай чего-либо решительного противу французов, не раздробляя, дабы удар сильнее им сделать»⁴⁴. 12 декабря 1798 г. монарх предписал В.П. Орлову выступить с полками к Брест-Литовску, протянуть кордон оттуда до Немана и состоять под главным начальством генерала Б.П. Ласси. Однако

уже 18 января 1799 г. Павел I приказал атаману соединить свое войско, «оставя только при некоторых местах необходимо нужное число людей, так чтобы в случае движения армии, оное войско всегда действовало соединенными силами»⁴⁵. В таком положении казачий корпус находился до апреля 1800 г.

Наконец, 14 января 1799 г. все оставшиеся в Московской инспекции войска составили особую третью резервную армию, которая была подчинена генерал-фельдмаршалу графу И.П. Салтыкову. Войска Санкт-Петербургской инспекции и гвардия тогда же были названы четвертой резервной армией, под командованием наследника великого князя Александра Павловича. В тот же день начальникам Таврической и Кавказской инспекций генералам М.В. Каховскому и Ф.И. Киселеву приказывалось к лету 1799 г. собрать в удобные пункты все полки, за исключением гарнизонных. Войска Финляндской инспекции, расположенные на границе со Швецией, давно находились в боевой готовности. Все вместе эти войска насчитывали более 153 тыс. человек⁴⁶.

Таким образом, разработанные в январе 1798 г. Павлом I планы предусматривали активные действия российских войск на северном и южном флангах западного театра войны. Это должно было, по замыслам монарха, вывести Швецию и Турцию из вероятной коалиции с Францией. В то же время ведение активных действий против Пруссии – традиционного союзника России в борьбе с революционной Францией – не планировалось, что было связано с намерением Павла I привлечь официальный Берлин на свою сторону. В целом оперативная подготовка к вероятной войне на западном направлении в 1797–1798 гг. осуществлялась импровизированно и, зачастую, по противоположным направлениям.

К январю 1799 г. российские войска, предназначенные для действий против французов на суше, были разделены на четыре корпуса (А.Г. Розенберга, И.И. Германа, Ф.М. Нумсена, Л.-Ф. Конде), и насчитывали около 65 тыс. человек. В феврале 1799 г., когда начались военные действия, только корпус А.Г. Розенберга находился вблизи театра войны. Однако и он располагался по квартирам в окрестностях Кремса. Остальные корпуса еще не переходили границу. Кроме того, вдоль западных пределов России были расположены в полной готовности к походу две армии (Б.П. Ласси и И.В. Гудовича) и два корпуса (В.П. Орлова и Шюца), общей численностью до 100 тыс. человек. Всего же на военное положение

(кроме гарнизонных полков и войск Оренбургской и Сибирской инспекций) в России было переведено более 150 тыс. человек.

¹ Милютин Д. История войны 1799 года между Россией и Францией в царствование императора Павла I. 2-е изд.: В 3 т. СПб., 1857. Т. III. Приложения. С. 43–45.

² Болотов А.Т. Памятник протекших времен, или Краткие исторические записки о бывших происшествиях и носившихся в народе слухах <1796 г.> // Записки очевидца. Воспоминания. Дневники. Письма / Издание подготовил М.И. Вострышев. М., 1989. С. 177; Милютин Д. История войны 1799 года. Т. I. С. 10–11.

³ Милютин Д. История войны 1799 года. Т. I. С. 11.

⁴ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 846. Оп. 16. Д. 313. Л. 3.

⁵ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 305. Л. 1–4.

⁶ Там же. Л. 1.

⁷ Троицкий Н.А. Фельдмаршал Кутузов. Мифы и факты. М., 2002. С. 77.

⁸ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 313. Л. 3–27.

⁹ Там же. Л. 3–4.

¹⁰ Там же. Л. 4–6.

¹¹ Там же. Л. 7.

¹² Там же. Л. 9.

¹³ Там же. Л. 12.

¹⁴ Там же. Л. 10.

¹⁵ Там же. Л. 15.

¹⁶ Там же. Л. 13.

¹⁷ Там же. Л. 18.

¹⁸ Там же. Л. 16.

¹⁹ Там же. Л. 19–20.

²⁰ Там же. Л. 21–24.

²¹ Там же. Л. 25–26 об.

²² Там же. Л. 26 об.

²³ Троицкий Н.А. Фельдмаршал Кутузов. Мифы и факты. С. 77; Муньков Н.П. Кутузов-дипломат. М., 1962. С. 42–46.

²⁴ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 313. Л. 26 об.–27.

²⁵ Там же. Л. 29–30 об.

²⁶ Там же.

²⁷ См.: Васильев А.А. Корпус принца Конде в Российской империи (1798–1799 гг.) // Франция и Россия в начале XIX столетия. Сборник. М.: ГИМ, 2004. Режим доступа: <http://statehistory.ru/4563/Korpus-printsa-Konde-v-Rossiyskoy-imperii--1798-1799-gg-/>. Дата доступа: 30.12.2016.

²⁸ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Л. 29–30 об.

²⁹ Милютин Д. История войны 1799 года. Т. I. С. 82.

³⁰ Там же. Т. I. С. 82; Т. III. С. 91.

³¹ Из записок Ф.Я. Мирковича // Русский архив. 1890. № 3. С. 395.

³² Милютин Д. История войны 1799 года. Т. I. С. 92; Т. III. С. 91–92.

³³ Там же. Т. I. С. 83–84; Т. III. С. 92–94.

- ³⁴ Там же. Т. I. С. 85; Т. III. С. 94.
- ³⁵ Там же. Т. I. С. 86; Т. III. С. 94–95.
- ³⁶ Там же. Т. I. С. 89–90; Т. III. С. 97.
- ³⁷ Там же. Т. I. С. 90; Т. III. С. 98.
- ³⁸ Там же. Т. I. С. 90; Т. III. С. 99.
- ³⁹ Там же. Т. I. С. 90–91; Васильев А.А. Корпус принца Конде в Российской империи (1798–1799 гг.).
- ⁴⁰ Милютин Д. История войны 1799 года. Т. I. С. 91; Т. III. С. 99–100.
- ⁴¹ Там же. Т. I. С. 91; Т. III. С. 100–101.
- ⁴² Сапожников А.И. Император Павел I и донская казачья старшина // Новый часовой. СПб., 1999. № 8–9. С. 14.
- ⁴³ Там же. С. 14–15.
- ⁴⁴ Милютин Д. История войны 1799 года. Т. I. С. 92; Сапожников А.И. Император Павел I и донская казачья старшина. С. 14.
- ⁴⁵ Милютин Д. История войны 1799 года. Т. I. С. 92.
- ⁴⁶ Там же. Т. I. С. 92, 170–171; Т. III. С. 101.

В.Е. Лукин (Санкт-Петербург)

ЕВГЕНИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ БЕРКАЛОВ. ЖИЗНЬ И СУДЬБА АРТИЛЛЕРИСТА

В 1943 г. на одном из заседаний Государственного Комитета Обороны (ГКО) СССР обсуждались вопросы противотанковой артиллерии, которые требовали срочного решения. Летом 1943 г. Красная армия столкнулась с проблемой боеприпасов для противотанковой артиллерии. Нужны были новые подкалиберные снаряды. Военачальники никак не могли подыскать для этой работы нужного человека. И тут И.В. Сталин, обладавший хорошей памятью, вдруг сказал: «А вот инженер-артиллерист Беркалов – очень толковый человек, он подходит для этой работы»¹. Кем и каким в жизни был Евгений Александрович Беркалов, рассказывается в данной статье.

Евгений Александрович Беркалов – советский ученый-артиллерист, генерал-лейтенант инженерно-артиллерийской службы, профессор, доктор технических наук, родился 4 января 1878 г. на Кавказе в г. Гори, в семье подполковника российской армии, происходившего из дворян.

В 1895 г. он окончил Воронежский кадетский корпус и поступил в Михайловское артиллерийское училище, из которого 8 августа 1898 г. был выпущен подпоручиком в Кавказскую резервную артиллерийскую бригаду, расквартированную в Пятигорске.

23 мая 1903 г. Е.А. Беркалова производят в штабс-капитаны пешей артиллерии, а 1 июня, после окончания Михайловской артиллерийской академии, переводят в Морское ведомство штабс-капитаном по Адмиралтейству.

В 1904 г. он окончил Артиллерийский офицерский класс в Кронштадте, а 1 августа 1905 г. был причислен к Корпусу морской артиллерии (КМА).

26 сентября 1905 г., с назначения капитана Е.А. Беркалова членом Комиссии морских артиллерийских опытов (КМАО) на Морской артиллерийский полигон (МАП), начинается его научная деятельность в области российского и советского артиллерийского вооружения и боеприпасов.

С 6 декабря 1908 г. он подполковник КМА, а с 1910 г. – помощник председателя КМАО и одновременно преподаватель теории стрельбы на море в Артиллерийском офицерском классе.

С 1911 г. Е.А. Беркалов, которому 10 апреля был присвоен чин полковника КМА, исполняет дела помощника Главного инспектора морской артиллерии, а с 10 мая 1912 г. он член Особого комитета по организации прибрежной обороны

8 июля 1913 г. Е.А. Беркалов был назначен старшим помощником Главного инспектора морской артиллерии и начальником Артиллерийского отдела Главного управления кораблестроения (АО ГУК), а 6 декабря этого же года его производят в чин генерал-майора Корпуса морской артиллерии, на тот момент это был самый молодой генерал Морского ведомства. Фактически он возглавил всю техническую политику Морского министерства в отношении разработки новых образцов артиллерийского вооружения и боеприпасов для российского флота.

Эффективность работ, выполняемых под руководством Е.А. Беркалова, в тот период была очень высокой. Так, он добился повышения дальности до 30 %, усиления фугасной мощности снаряда в пять раз, повышения бронебойной мощи снаряда. Евгений Александрович принимал участие в баллистическом решении и разработке стволов новых орудий вплоть до калибра 406 мм, взрывателей к фугасным и бронебойным снарядам, гальванических и ударных зарядных трубок, специальных снарядов подводного действия. В 1911 и 1913 гг. он ездил в командировку во Францию и Англию.

Е.А. Беркалов занимался также проблематикой тяжелой морской артиллерии в период ее наиболее бурного развития с 1908 по 1921 гг. и сыграл выдающуюся роль в разработке наступательных и оборонительных характеристик проекта «линкора 1914 года» с 16-дюймовой артиллерией. Зимой 1914 г. он произвел расчеты «противостояния броневых преград различной толщины действию тяжелых снарядов нового типа», что было положено Морским Генеральным штабом (МГШ) в основу распределения толщин бронирования в заданиях на проектирование новых линкоров. С января 1914 г. он руководил раз-

работкой 16-дюймового орудия и снарядов для него. В марте 1914 г. Е.А. Беркалов – председатель комиссии по разработке типа бронирования для «линкора 1915 года» и один из инициаторов строительства «опытовых отсеков».

В марте 1917 г., сразу после Февральской революции генерал-майор Корпуса морской артиллерии Е.А. Беркалов был назначен председателем Комиссии морских артиллерийских опытов и начальником Морского артиллерийского полигона (МАП) на Ржевке. Октябрьский переворот застал его далеко от Петрограда. В середине октября он выехал в командировку и вернулся обратно только 6 ноября 1917 г. Вот как Е.А. Беркалов писал об этой командировке в своем рапорте: «Для должного исполнения возложенного на меня поручения по приисканию места для Морского полигона на случай его эвакуации мне пришлось за время моей командировки объездить прилегающие к городам, в коих я был, окрестности до 30 верст в ту и другую сторону, причем пришлось израсходовать на наем экипажей для сего сто семьдесят пять рублей, из коих сто рублей уплачено мной кучеру Холодцову в Феодосии, расписку коего в получении означенной суммы при сем представляю, на остальные же 75 рублей, израсходованных в других местах, счетов мне получить не представилось возможным. Докладывая об этом, прошу распоряжения о возврате мне означенных 175 рублей в возмещение мной расхода»².

С 1918 г. Е.А. Беркалов служит молодой Республике Советов. Под его руководством в марте 1918 г. было испытано 14-дюймовое опытное орудие, на котором осуществлялись опыты по сверхдальней стрельбе. Под влиянием успеха опытов стрельбы подкалиберными снарядами Беркалов выдвинул и обосновал в начале 20-х гг. XX в. идею перехода в линкорах будущего к калибру артиллерии 18 дюймов, что при стрельбе 12-дюймовыми и 14-дюймовыми снарядами обеспечивало им значительное возрастание дальности и увеличение бронепробиваемости.

За изобретение, «позволяющее стрелять на дальние расстояния и увеличивающее скорость движения снарядов», а проще говоря, за изобретение подкалиберного снаряда, Е.А. Беркалов получил от Совета Народных Комиссаров премию в размере 50 тысяч рублей, с которой, правда, произошла неприятная история, но об этом несколько позже.

А пока следует рассказать, в чем же заключался принцип действия подкалиберного снаряда. Когда имеешь дело с изобретением, при-

ходится начинать с прописных истин. Первая: чем больше пушка, тем больше снаряд. Вторая: чем больше пушка, тем больше силы она сообщает снаряду при выстреле. И третья: чем больше снаряд, тем больше силы надо затратить, чтобы его доставить к месту назначения. А это значит, что наступает момент, когда дальности полета снаряда и силе его удара в корабельную броню сама природа ставит преграду. Ибо чем больше пушка, тем массивнее будут снаряды к ней, и вся ее сила уйдет на то, чтобы эту болванку дотащить до цели. И выход здесь очевиден: надо маленьким снарядом стрелять из большой пушки. Но чтобы из пушки главного калибра стрелять малым снарядом – такое трудно себе представить. Газы-то, газы – как же они не прорвутся? А оказалось все очень просто. Ставим снаряд на поддон, перекрывающий весь калибр, надеваем колпачок – и стреляем. Потом поддон отвалится, колпачок слетит, и снаряд останется голенький. А можно, как показали опыты, и всю одежду оставить на снаряде – она не мешает. Вот вкратце в чем заключалась суть этого изобретения.

В ноябре 1918 г. «за разработку новых типов снарядов (в том числе и подкалиберного. – В. Л.), взрывателей, дистанционных трубок и прочего оснащения артиллерии» военный инженер-технолог Е.А. Беркалов, по представлению начальника Главного управления кораблестроения Алексея Петровича Угрюмова, получил денежную премию в размере 50 тысяч рублей. Это было приурочено еще и к его сорокалетию. Однако в июне 1919 г. исполнительный комитет Пороховского районного Совета рабочих и солдатских депутатов г. Петрограда постановил обложить его единовременным чрезвычайным революционным налогом в 40 тысяч рублей. Но Беркалов не мог уплатить этот налог, так как прошло уже полгода, и деньги за это время были уже им истрачены. Тогда от отчаяния, а ему за неуплату налога грозил арест и заключение в тюрьму, посылает в Москву в Кремль телеграмму, где была и такая фраза: «Освободите меня от угрожающих мне последствий своеобразного толкования моего имущественного положения»³.

17 июня 1919 г. телеграмму в Москве получил заведующий Научно-техническим отделом ВСНХ Николай Петрович Горбунов. Решив обратиться по этому вопросу с письмом прямо к Владимиру Ильичу Ленину, он пишет: «Местный районный Совдеп, как видно из телеграммы, взыскивает с Беркалова полученную и истраченную им сумму в качестве чрезвычайного налога, превращая этим меру по-

ощрения выдающихся заслуг перед государством в меру наказания за изобретательскую деятельность, в данном случае ничем не оправдываемую...»⁴. В. И. Ленин был возмущен историей с Е.А. Беркаловым, но за одним случаем увидел целое. Мало снять недоимку с одного человека, надо сделать так, чтобы и впредь не возникало таких историй.

30 июня 1919 г. на заседании Совнаркома был принят «Декрет об изобретениях», в нем излагались детали оформления и рассмотрения заявок на изобретения. Очень важная поправка была внесена в третий пункт декрета: «Изобретения, признанные полезными, являются достоянием РСФСР или по соглашению с изобретателем, или, в случае не состоявшегося соглашения, принудительно за особое вознаграждение, не подлежащее налоговому обложению»⁵.

А через два дня в Петроград ушла правительственная телеграмма: «Петроград, Пороховской район, Совдеп, копия – Петроград, Морской полигон, Беркалову. Разъясните вашему финотделу недопустимость взыскания чрезвычайного налога с полученной Беркаловым от Совета Народных Комиссаров особой премии 50 000 рублей за выдающееся изобретение. Декрет, освобождающий подобные премии от обложения, принят Советом Народных Комиссаров и публикуется. Предсовнаркома Ленин»⁶. Е.А. Беркалов, огражденный столь авторитетным документом от несправедливых нападков, продолжал и дальше трудиться на благо советской России.

В годы Гражданской войны при наступлении войск генерала Н.Н. Юденича Евгений Александрович содействовал обороне Петрограда средствами, имеющимися на МАП, вооружая орудиями железнодорожные платформы. В дни Кронштадтского мятежа в 1921 г. на МАП были организованы снаряжение 12-дюймовых снарядов и изготовление зарядов к ним для подачи на форт «Красная Горка» с целью обстрела Кронштадта.

В 1921 г. инженер-технолог (такое он теперь имел звание) Е.А. Беркалов организовал кафедру проектирования снарядов в Военно-морской академии и руководил ею. Там же в 1922 г. он стал доктором технических наук (по совокупности научных трудов) и профессором.

Несмотря на трудное для республики время, на МАП под руководством Е.А. Беркалова производились научно-испытательные опыты. Сам Евгений Александрович занимался вопросами поиска и испытаний наиболее выгодной баллистической формы снарядов,

изысканиями в области сопротивляемости броневому корабельного набора поражению снарядами, а также решением вопросов сверхдальнобойной стрельбы.

До 1925 г. Е. А. Беркалов начальник МАП, а с 1926 г., после слияния Морского и Главного артиллерийского полигонов, он начальник Научно-испытательного артиллерийского полигона РККА и председатель Опытной артиллерийской комиссии полигона. Объединение ГАП и МАП произошло после их посещения летом 1925 г. Наркомвоенмором М.В. Фрунзе, это было следствием его военной реформы. Это объединение было первым, но как оказалось впоследствии, далеко не последним.

В научном плане в этот период, Беркалову пришлось заниматься и вопросами дальнейшего развития мощности сухопутной артиллерии для увеличения ее дальности путем разработки новых снарядов для 3-дюймовой пушки.

С 1918 по 1927 г. Е.А. Беркалов являлся также членом Комиссии особых артиллерийских опытов (КОСАТОП) и автором ряда научных трудов по артиллерии. В 1928 г. он был в служебной командировке во Франции и США.

В 1930 г. Е.А. Беркалов назначается заместителем начальника вновь созданного Артиллерийского научно-исследовательского института (АНИИ) РККА. Там он занимался вопросами артиллерийской стрельбы по танкам, перехода к выпуску 45-мм противотанковых пушек. Принимал Евгений Александрович участие и в разработке реактивных пушек, а также средств для борьбы с самолетами. В вопросах сверхдальнобойной стрельбы Беркалов предложил использовать стволы с особой нарезкой.

За заслуги в области разработки новых технических средств вооруженной борьбы Е.А. Беркалов был награжден: в 1932 г. – орденом Красной Звезды (знак ордена № 101), а в 1935 г. – орденом Ленина (знак ордена № 1180)⁷. Приказом Народного Комиссара Обороны СССР № 2412 от 23 ноября 1935 года, в соответствии с постановлением ЦИК и СНК СССР от 22 сентября 1935 г. «О введении персональных военных званий начальствующего состава РККА» ему было присвоено воинское звание «дивинженер»⁸.

В 1937 г. он был назначен председателем Комиссии по артиллерийскому вооружению проектируемых кораблей Военно-морского флота СССР.

9 февраля 1938 г. дивинженер Е.А. Беркалов был арестован в Ленинграде. Во время ареста его жена Тамара Тозони-Беркалова пыталась защитить мужа, заявив, что не отпустит его одного. На это чекисты ответили ей: «Не волнуйся, у нас есть ордер и на твой арест, так что собирайся и ты!»⁹

На предварительном следствии Евгений Александрович под физическим и морально-психологическим давлением следователей вынужден был показать, что он в течение ряда лет состоял в антисоветской офицерской организации РОВС и был связан с ее руководителями генералами А.П. Кутеповым и А.К. Миллером, по заданию которых занимался шпионажем и вредительством в артиллерии РККА. Началом этой антисоветской деятельности Беркалов обозначил 1928 год, когда он ездил в командировку за границу.

В следственном деле Е.А. Беркалова было указано, что в 1928 г. его вовлек в контрреволюционную офицерскую организацию некий Пелль (Пелль Георгий Николаевич, председатель артиллерийской секции Научно-технического комитета Морских сил РККА), с ним Беркалов ездил в командировку во Францию. Будучи тогда в Париже, Евгений Александрович якобы установил связь с заграничным бюро РОВС. А по приезду в СССР он, выполняя задание зарубежного центра, стал проводить работу по созданию контрреволюционных офицерских организаций. Признал он также, что осуществлял вредительство в области артиллерийского вооружения Красной армии. В этом плане он «изобличался» показаниями арестованных «врагов народа»: Затурского, Захарова, Кушакевича, Круссера, Упорникова. С этими людьми Беркалову были даны очные ставки.

А вот что писал о «вредительской деятельности» Е.А. Беркалова его сослуживец по АНИИ военинженер 2 ранга И.С. Бурмистров, будущий генерал-майор инженерно-артиллерийской службы: «Необходимо сделать общие замечания в отношении вредительской деятельности Беркалова. В бытность его заместителем начальника Артиллерийского научно-исследовательского института РККА в период с 1930 года и до его ареста в 1938 году, этот горе-специалист и вредитель дезорганизовал и развалил работу АНИИ. Институт был оторван от промышленности, была потеряна деловая связь с научными учреждениями и с войсковыми частями РККА. Молодые кадры инженеров, честно работающих в деле артиллерийского вооружения РККА, были умышленно оторваны от выполнения наиболее важных и актуальных задач, разрешение которых поручалось неподготовлен-

ным лицам, с тем, чтобы можно было с меньшим риском проводить вредительскую деятельность. Решения по важнейшим вопросам в большинстве случаев принимались на узких совещаниях вредителей (Заходер, Беркалов, Юловский, Железняков и др.), а если когда и выносились вопросы на широкие совещания, то это носило формальный характер, «как снег на голову» – люди идут на совещание и спрашивают: “о чем сегодня будет разговор”»¹⁰.

На следствии Е.А. Беркалову припомнили и то, что его сын Евгений и младший брат Сергей – белогвардейцы, эмигрировавшие во Францию. С сыном, служившим во французском флоте, Евгений Александрович встречался в Париже в 1928 г., будучи в служебной командировке во Франции. Это был сын от первого брака. С первой женой Александрой Евгеньевной Е.А. Беркалов расстался в 1920-х гг., но брак их был расторгнут только уже после его смерти, в середине 1950-х гг. В этом браке у них родилось двое детей, сын Евгений (1902 г. р.) и дочь Людмила (1904 г. р.). В 15 лет сын Евгений поступил в Морской кадетский корпус, который был открыт в Севастополе 1 октября 1916 г. и просуществовал всего несколько месяцев. Летом 1917 г. распоряжением Временного правительства он был закрыт. В октябре 1919 г. в Севастополе вновь был открыт Морской корпус. Основное ядро нового набора составили кадеты сухопутных кадетских корпусов, что вызвало определенное недовольство в среде «старых моряков». Бывшие кадеты и гардемаринны Петроградского морского училища и Севастопольского морского кадетского корпуса в своем большинстве служили на кораблях Черноморского флота, и к командованию никто не обратился с предложением об откомандировании кадет для учебы. Морской корпус просуществовал в Севастополе с 1919 по 1921 г. Гардемарин Морского корпуса Евгений Беркалов младший вступил добровольцем в Вооруженные Силы Юга России (ВСЮР) и эвакуировался из Крыма вместе с войсками барона П.Н. Врангеля. На 24 июня 1921 г. он находился в составе Морского корпуса в Бизерте. 19 ноября 1922 г. корабельный гардемарин Е. Беркалов окончил Морской корпус. В эмиграции во Франции он продолжил обучение на геолога в Страсбурге, а затем вернулся в Тунис, в 1938–1948 гг. жил и работал в Тунисе, в 1978 г. Е.Е. Беркалов обосновался в Вильфранше (Франция). С матерью и сестрой, которые остались в советской России, он так больше никогда и не увиделся.

Такой же нелегкой оказалась жизнь на чужбине и младшего брата Е.А. Беркалова Сергея Александровича, полковника по Адми-

ралтейству. В 1909 г. он штабс-капитан артиллерийской бригады. С 1918 по 1921 г. служил в ВСЮР. Был назначен Главным интендантом белого Черноморского флота с присвоением чина генерал-майора по Адмиралтейству. К лету 1921 г. С.А. Беркалов перебрался в Константинополь (Сан-Стефано). В 1931–1938 гг. жил в эмиграции в Тулоне, где возглавлял кружок служивших в российском флоте и в Морском ведомстве. 8 декабря 1962 г. С.А. Беркалов умер в Сен-Клер во Франции. Такие вот русские судьбы.

На предварительном следствии Е.А. Беркалов признал себя виновным, но затем он от своих «признательных» показаний отказался, заявив, что участником РОВС никогда не был, а данные им ранее показания сфабрикованы следователем Дубровиным.

Но это не облегчило участь Е.А. Беркалова, и 30 мая 1940 г. Военная коллегия «за принадлежность к антисоветской контрреволюционной организации» приговорила его к 10 годам лишения свободы с отбыванием наказания в исправительно-трудовых лагерях.

Пострадала и жена Е.А. Беркалова Тамара Вячеславовна Тозони (14 марта 1900 г. – 24 апреля 1977 г.) Это была вторая жена Евгения Александровича, которая была моложе его на 23 года. Она подверглась аресту одновременно с мужем. Под следствием Т.В. Тозони находилась один год и восемь месяцев, подвергаясь угрозам, шантажу, оскорблениям. 10 марта 1938 г. под таким воздействием она подписала протокол допроса, где утверждалось, что Т.В. Тозони сотрудничала с разведкой Эстонии. 19 октября 1939 г. она за недоказанностью вины была освобождена из тюрьмы. После освобождения Тамара Вячеславовна жила в Ленинграде. В 1940 г. ей дважды удалось получить свидание с мужем, 12 января и 17 августа.

С 1938 по 1940 г. Е.А. Беркалов находился в заключении в СКБ НКВД СССР в Болшево, на сортировочном пункте, откуда людей направляли в конструкторские бюро различных профилей, там он возглавил группу по артиллерийскому вооружению и боеприпасам (группа Беркалова).

В 1941–1943 гг. Е.А. Беркалов трудится в Особом техническом бюро (ОТБ-172), которое затем было переименовано в Особое конструкторское бюро (ОКБ-172), находившемся в Перми (с 1940 по 1957 г. – Молотов). В ОТБ (ОКБ)-172 было спроектировано несколько десятков артиллерийских систем. Поступили на вооружение и были запущены в серийное производство 45-мм противотанковая пушка М-43 образца 1942 г., 76-мм полковая пушка ОБ-43, 130-мм

двухорудийная башенная установка Б-2 ЛМ (ею оснащались знаменитый лидер «Ташкент», эсминцы проектов 30 К и 30 бис, а также один эсминец проекта 7). Для речных мониторов на базе Б-2 ЛМ были созданы установки Б-2 ЛМТ.

Коллектив бюро разработал также 152-мм установку МУ-2, которая предназначалась для береговых и железнодорожных батарей, уникальную 356-мм железнодорожную установку ТП-1 и 500-мм гаубицу ТГ-1.

Работая в этой шарашке, Е.А. Беркалов занимался вопросами проектирования 203-мм гаубицы, 100-мм зенитной пушки, внутренней и внешней баллистикой этих орудий и их боевой эффективностью.

Период работы Е.А. Беркалова в шарашке А.И. Солженицын упоминает в своем романе «В круге первом». Вот что он о нем пишет:

«– Вы фамилию такую – Беркалов, слышали?

– Что? Беркалов? Нет.

– Ну, как же! Беркалов – старый артиллерийский инженер, изобретатель этих, знаете, пушек БС-3, замечательные пушки, у них начальная скорость сумасшедшая. Так вот Беркалов так же в воскресенье, так же на шарашке сидел и штопал носки. А включено радио. “Беркалову, генерал-лейтенанту, Сталинскую премию первой степени”. А он до ареста всего генерал-майор был. Да. Ну, что ж, носки заштопал, стал на электроплитке оладьи жарить. Вошел надзиратель, накрыл, плитку незаконную отнял, на трое суток карцера составил рапорт начальнику тюрьмы. А начальник тюрьмы сам бежит как мальчик: “Беркалов! С вещами! В Кремль! Калинин вызывает!”... Такие вот русские судьбы...»¹¹ В жизни, наверное, все было не совсем так, но, тем не менее, Солженицын про Беркалова в лагере слышал, а вот были ли они лично знакомы и встречались ли, свидетельств этому нет.

В тюрьме Е.А. Беркалов провел почти пять лет. 25 июня 1943 г. его досрочно освободили со снятием судимости, а вот реабилитировали только лишь 18 августа 1956 г. Его жена Тамара Вячеславовна Тозони позже рассказывала, что Евгений Александрович после освобождения более двух месяцев почти все свободное от работы время лежал на кровати, на спине и часто шепотом повторял одно и то же: «Нельзя доверять новым людям»¹².

26 июня 1943 г. Е.А. Беркалова восстановили на службе в Красной армии, и 1 июля того же года ему было присвоено воинское звание «генерал-лейтенант инженерно-артиллерийской службы»¹³. В даль-

нейшем он служил на ответственных должностях в Главном артиллерийском управлении (ГАУ). С июня 1950 г. Е.А. Беркалов – заместитель начальника Артиллерийского научно-исследовательского института Советской армии.

Е.А. Беркалов был автором множества научных трудов, вот только некоторые из них: «Броня и ее сопротивляемость пробиванию артиллерийскими снарядами» (1933); «Доклад и справка по работам в области экстрадальнобойности» (1932); «Зависимость потери энергии при пробивании брони от величины энергии удара» (1933); «Определение МОЖ снижения самолета противника при стрельбе в воздушном бою» (1934); «Определение эффективности вооружения» (1935); «Проектирование морских артиллерийских снарядов» (1931); «Различные способы решения задачи достижения экстрадальной стрельбы из артиллерийских систем» (1932); служебные записки «Об усовершенствовании ДРП-4 и о бронебойных и полубронебойных снарядах», «Теоретическое исследование по определению относительной эффективности артиллерийского вооружения различными орудиями» (1934), «Формула живучести орудий» (1935).

Е.А. Беркалов был награжден орденами и медалями Российской империи: Святой Анны 3 степени, Святого Станислава 2 степени, Святой Анны 2 степени, Святого Владимира 3 степени, Святого Станислава 1 степени, серебряной медалью «В память царствования императора Александра III (1896), светло-бронзовой медалью «В память 300-летия Дома Романовых (1913), светло-бронзовой медалью «В память 200-летия морского сражения при Гангуте» (1915) и наградами СССР: двумя орденами Ленина, орденом Красного Знамени, двумя орденами Красной Звезды и медалями.

После освобождения из тюрьмы Е.А. Беркалов жил и работал в Москве. 12 декабря 1952 г. он скончался в Кремлевской больнице и был похоронен на Введенском кладбище.

Вот такой непростой, но насыщенный интересными событиями жизненный путь прошел Евгений Александрович Беркалов, выдающийся русский и советский артиллерийский конструктор, человек с нелегкой судьбой, до конца остававшийся верным сыном и патриотом своей Родины.

¹ Швилкин Б.Н. Генерал из круга первого // Литературная газета, 2002.

² РГА ВМФ. Ф. 423. Оп. 1. Д. 968. Л. 365.

³ Львов Л. Особая премия // Изобретатель и рационализатор. 1970. № 4. С. 5.

⁴ Там же, с. 7.

⁵ Там же, с. 5.

⁶ Там же, с. 7.

⁷ Черушев Н.С. Из ГУЛАГа в бой. М.: Вече, 2006. С. 458.

⁸ Там же. С. 456.

⁹ Швилкин Б.Н. Генерал из круга первого.

¹⁰ Архив СПб. испытательного полигона МО РФ. Рукопись.

¹¹ Солженицын А.И. В круге первом. Т. 1. М.: Новый мир, 1990. С. 73.

¹² Швилкин Б.Н. Генерал из круга первого.

¹³ Черушев Н.С. Из ГУЛАГа в бой. С. 460.

Антоний Мазяж (Ополье, Польша)

ПОЛЬСКИЕ ВОЕННЫЕ БЕЖЕНЦЫ С ТЕРРИТОРИИ ГАЛИЦИИ (1914-1918)

ВОСТОЧНЫЙ ФРОНТ Первой мировой войны характеризовался значительной динамичностью военных действий. Наступления, контрудары, контратаки проводились на большей части галицких земель. Военные столкновения в этой местности начались с успехов русской армии, которая вследствие так называемой Галицийской битвы (18 августа – 11 сентября 1914 г.) заняла Львов и приблизилась к Кракову. Тяжелые бои продолжались за крепость Перемышль. 2 мая 1915 г. из-под Тарнова и Горлиц началось немецко-австрийское наступление, в результате которого был отбит Львов (22 июня 1915 г.). В русских руках остались восточные уезды Галиции. Попытки русских возвратиться на ранее занятые территории не увенчались успехом, некоторые результаты принесло наступление генерала Алексея Брусилова (началось 4 июня 1916 г.). После тяжелых боев русские армии заняли Черновцы, Броды, Бучач, Коломью, Станиславов. Предпринимаемые осенью 1916 г. усилия передвинуть линию фронта далее на запад остались без эффекта. Успехом стало занятие Луцка в июле 1917 г., однако очередные русские атаки быстро захлебнулись. Вследствие начатого 19 июля 1917 г. немецко-австрийского наступления русские войска были вытеснены из Галиции и Буковины. В первой половине 1918 г. немцы продвинулись далее на восток, к Луганску и Ростову, также заняли Крым¹.

Не известный ранее в истории размах военных действий вызвал огромные общественно-социальные последствия. Массы людей, спасая жизнь, были вынуждены оставить свои жилища. Уже первые появившиеся информации о вспыхнувшей войне склонили тысячи людей (главным образом евреев) к бегству из приграничных тер-

риторий. Зажиточные женщины с детьми, служащие, учителя, промышленники уезжали во внутренние области монархии Габсбургов. Штатские люди становились жертвами как солдат отходящих армий (обе стороны применяли принцип выжженной земли), так и победителей. В ситуации продолжавшихся бесчинств военных бегство казалось самым благоразумным выходом. Счастливы использовали железнодорожный транспорт; большинство уходило пешком, с небольшими тележками². Искали убежища в соседних уездах, однако вместе с приближением линии фронта надо было бежать все дальше на запад. В конце концов, австрийские власти указали на Чехию, Моравию, Австрию как территории, где беженцы должны были найти пристанище. Волна последних нахлынула в большие города: Вену (200 тыс.), Прагу (только поляков 20 тыс.), Брно³. Некоторые местности прямо захлебывались от количества мигрантов. В шеститысячных венгерских Градищах (Uherské Hradiště) оказалось около 37 тыс. беженцев с востока⁴. Другие города были менее гостеприимными. Тренчин не предоставил никакой помощи, также и в других венгерских и немецких городах «беженцы испытали много неприятностей. Притеснения стали нормальным явлением»⁵.

Искали мира вдаль от сражений, происходивших на фронте, помещики, служащие, галицкая интеллигенция. Убегали бедные и зажиточные, поляки и русины, чаще всего евреи⁶. Этим последних, кроме погромов, склоняло к бегству объявленное предстоящее уравнение юридического статуса евреев Галиции с одноплеменниками из русских земель, означавшее утрату большинства прав⁷. Опустели деревни и города, например, в Коломые и Бродах оставалось едва несколько тысяч жителей. Десятки тысяч людей оставили Львов, преимущественно из-за паники и истерии. На их место прибыло еще больше беженцев из меньших городов и сел, находящихся на востоке. Эвакуированы были жители местностей, разрушенных во время подготовки к обороне, например, в непосредственной близости от Кракова или крепости Перемышль⁸. Бежали от сопровождающих войну жестокостей главным образом женщины и дети. Мужчины оставались, чтобы защищать имущество. Когда после перемещения линии фронта оказывалось, что уже было нечего беречь, они тоже уходили на запад⁹. Все были убеждены, что их скитания продлятся неделю–две, в действительности они продолжались иногда годами. Мытарство разлучало семьи. «В диком беспорядке и безумной панике мы покидали родные стены. Как после взрыва, рвались семей-

ные связи, дружбы, деловые отношения <...>, одни, ничего не зная о других, с большим трудом ищут друг друга, часто напрасно»¹⁰. Оценочные данные говорят о 450 тыс. людей из Галиции и Буковины, которые только в первой фазе войны искали убежища в западных регионах монархии Габсбургов. С течением временем (зима 1914/15) их число удвоилось¹¹. Сотни тысяч прошли через Чехию и Моравию (350 тыс. по мнению чешских чиновников)¹².

В первом периоде войны беженцы могли рассчитывать на сочувствие жителей империи и помощь общественных благотворительных организаций¹³. Однако затягивающееся их пребывание приводило к тому, что щедрость ослабевала. В то же время государственные органы не выработали системы помощи, поэтому после возврата некоторых местностей, утраченных в 1914 г., австрийские власти решили, что беженцы из 20 западно-галицких уездов могут (читай: должны) возвращаться в свои дома. Обещали им бесплатный железнодорожный проезд и выдачу пособий в следующем месяце, с условием, что обратная поездка будет предпринята немедленно¹⁴. Среди возвращающихся тогда в Краков было нескольких тысяч беженцев (главным образом женщин и детей), помещенных в хоценских бараках (см. ниже)¹⁵. Все их имущество помещалось в узелке, при этом большинство еще ждало скитания на пути к местам жительства. Большие города Галиции, такие как Краков и Львов, пугала перспектива прибытия нескольких десятков тысяч беженцев, поэтому здесь начали высказываться, что до времени успокоения военной ситуации «не следует оказывать нажима на скитальцев, и надо оставить им свободу остаться в теперешнем месте пребывания», т. е. на территории Австрии и Чехии¹⁶. Многим галичанам действительно было некуда возвращаться.

После австрийского контрнаступления в мае 1915 г. провели оценочный расчет материальных потерь. Сожжены были Горлицы, Снятын, Гусятин, Залещики, Радивилонь и много других городов. В соответствии с общим мнением, наиболее пострадали сельские местности и имения. По данным комиссии, оценивающей масштаб потерь и разрушений, в середине 1916 г. в 60 (из 82) уездах Галиции было уничтожено почти 70 тыс. домостроений, война со своей разрушительной силой достигла 116 городов и 1323 сел. Полностью было разрушено 15 костелов и 33 церкви, десятки иных были повреждены¹⁷. Потери урожая составили 50–75 %. Подобные же потери коснулись живого инвентаря, реквизируемого обеими воюющими сто-

ронами (например, в Подгаецком уезде – 90 %). Крестьяне лишились рабочего инвентаря. Означало это упадок сельского хозяйства, т. е., приближалось и то, к чему он ведет – голод. Некоторые местности напоминали пустыню – земля была сожжена, перепажана шанцами и воронками от взрывов снарядов, от многих сел остались только пепелища¹⁸. На линии Станиславов-Коломыя-Черновцы «людские усадьбы почти все предстают в печальном виде»¹⁹. Вдоль трактов лежали брошенные в панике мебель, одежда, инвентарь. С сожалением констатировали, что источником разорения были не только солдаты, но также окрестное население. Для ограничения грабежей объявили о смертной казни для мародеров²⁰.

Еще не успели вернуться домой беженцы 1914 г., как после начала большого наступления Брусилова (летом 1916 г.) на запад отправилась очередная волна беженцев. Всюду господствовал хаос – на трактах сливались потоки возвращающихся скитальцев с теми, которых война только что выгнала из дома. Вереницы беженцев сталкивались с многочисленными обозами, длинными колоннами раненых солдат и пленных. Бегство считалось крайним выходом из создавшегося положения. Якобы были такие, которые во время обстрела работали в поле и развешивали стирку²¹. Многие, имея опыт первой эвакуации, когда им пришлось возвращаться в разоренные домохозяйства, предпочитали остаться на месте²². Другие уходили, когда только слышали: «Москали идут!». Рассказы о насилии, пожарах и гражданских жертвах войны рассеивали сомнения²³. Спешили эвакуироваться жители городов, ранее несколько раз занимаемых воюющими сторонами (например, Заболотова). Выбора не оставляло также австрийское командование, которое из «административно-военных» соображений приказывало штатским эвакуироваться в западные районы империи²⁴. Возможно, опасались измены местного населения, обвиняемого в этом в 1914 г.²⁵ Основываясь на полученном ранее опыте, власти старались организовать эвакуацию гражданского населения. Уверяли, что армия своевременно передаст информацию об угрозе прорыва фронта. Газета «Nowa Reforma» убеждала, что край настолько хорошо подготовлен к эвакуации, что враг в занятых местностях не найдет даже зерна на поле²⁶. Очевидно, не все разделяли эту точку зрения, часто изобличались организационный беспорядок, хаос и недостаток поддержки для беженцев²⁷.

Для многих последствия бегства были более трагичными, чем решение остаться дома²⁸. Дриту беженцев охотно представляла прес-

са, занимающая прорусские позиции. Ужасал недостаток сведений о судьбе самых близких. В смятении паковали только самое важное, в том числе забирали живой инвентарь, потому что «крестьянин без этого не двинется с места. Случалось, что крестьянка забывала забрать ребенка из хаты – о теленке она не забывала никогда»²⁹. Кто-то вез с собой камни жерновов, лишнюю рухлядь. Некоторые в панике забирали иконы, оставляя пищевые припасы. Были такие, которые убегали в неизвестность прямо с поля, так как были. «Все шло без надлежащей цели, шло в мир, куда глаза глядят»³⁰. В середине 1916 г. более 63 тыс. семей было бездомными, а число сирот превысило 100 тыс.³¹

Ввиду перенаселения местностей в непосредственных тылах фронта было принято решение, в соответствии с которым пособия для беженцев (одна крона ежедневно на человека, со временем увеличенная до двух крон) должны были выплачивать исключительно тем, кто находился западнее реки Сян³². Одновременно направляющимся в западные регионы империи лицам обещали бесплатный транспорт, пищу и одежду, медицинскую помощь, расквартирование на частных квартирах³³. Представители австрийских властей гордились своей политикой в отношении эвакуированных, и даже противопоставляли ее практике немецких союзников, которые не заботились о гражданском населении, живущем в прифронтовых районах³⁴.

Австрийские власти, предвидя недоброжелательное отношение населения Чехии, Моравии, Австрии, Венгрии к беженцам с востока, приняли решение о строительстве лагерей, состоящих из барачков³⁵. В 1916 г. из около 150 тыс. эвакуированных, находящихся в Чехии, 10 тыс. поместили в лагерях (в то время численность беженцев на территории империи была около 750 тыс.). Самые крупные были организованы в 1915 г. в Хоцени (Пардубицкий край), Гмюнде (Нижняя Австрия, лагерь для русинов), Киёве (нем. Gaуа в Моравии, лагерь для евреев). Решение, которое должно было стать временным, оказалось долгосрочным, хотя почти сразу было встречено волной критики, вызванной ужасными гигиеническими условиями, плохим состоянием барачков, проблемами с питанием и недостаточным медицинским обеспечением. Распространялась в них деморализация³⁶. Менее информированные описывали лагерь как вид исправительных колоний. Появлялись мнения, что система барачков возникла единственно с целью изолирования беженцев от остального общества, чтобы не распространяли они пораженческие вести о ситуации в прифронтовых районах³⁷.

Критические замечания об условиях, господствующих в Хоцене (в феврале 1916 г. разразилась там продолжавшаяся полтора года эпидемия тифа), достигли, в том числе, эрцгерцога Карла Стефана Габсбурга (1860–1933). В феврале 1917 г. прибыл он туда инкогнито, чтобы лично проверить известия о трагической ситуации. Наибольшее внимание уделил детям и больным, удивление вызвал его длительный визит в барак для больных сыпным тифом. Когда же был узнан, беженцы чаще всего просили у него позволения на отпущение из лагеря³⁸. Наиболее красноречиво о господствующих там условиях свидетельствовало более пяти тысяч могил³⁹.

Польские политики и деятели благотворительных организаций также имели достаточно критическое мнение о функционировании лагерей. Их целью стала ликвидация барачных и оказание помощи в более гуманной и эффективной форме, например, рассредоточение меньшими группами в западных территориальных общинах империи. Ужасающие условия способствовали тому, что жители барачных соглашались на каждое альтернативное решение. Таким было предложение переселения в расположенную высоко в горах местность Гусверк в Штирии, безусловно, являющуюся привлекательным местом для посещения туристами, но не для бедных военных скитальцев. Полагаясь на уверения о прекрасных жилищных условиях, переехало туда более 500 человек из Хоценского лагеря. Оказалось, однако, что на месте нет достаточного количества жилья, хромало продовольственное снабжение, а отношение немцев к мигрантам было еще хуже, чем чехов⁴⁰.

Наблюдатели констатировали, что находящиеся в лагерях и в городах попадали в лучшую ситуацию в сравнении с беженцами, оказавшимися в провинции, – там были они лишены поддержки государственных служащих и общественных комитетов⁴¹. Низкое правительственное пособие не было в состоянии обеспечить даже того минимума, какой имели люди, находящиеся в барачных лагерях.

В августе 1916 г. около 3 тыс. поляков (по преимуществу галицких крестьян), заключенных в хоценских бараках, перевезли в Прагу⁴². Очередную группу направили в июне 1917 г. Писал о них бенедиктинец о. Клеменс Домбровский: «Перед воротами одного из домов я уже издали заметил известный тип «упрхликов», серые, нищие и грязные фигуры с грозными и измученными лицами... Под стенами было набросано немного соломы, однако большая их часть должна была спать на голом настиле. Среди этой соломы, среди узлов ки-

шли дети, подростки, взрослые. Детям было запрещено выходить, чтобы они не пропали в большом городе»⁴³. Диаметрально иную картину происходящего пропагандировали власти. На венской выставке «Военная помощь» экспонировались улыбающиеся лица молодых женщин, приводились большие числа относительно предоставляемой помощи⁴⁴. Критики правительственных действий замечали, что почти половина из более миллиона беженцев не обращалась за получением государственной дотации. Чиновники не могли определить объем помощи, предоставляемый частными лицами. Упомянутые выше правительственные пособия для беженцев не были в состоянии покрыть огромных нужд⁴⁵. Наибольшее количество получающих помощь обратилось в соответствующие учреждения в 1915 г. Среди более полумиллиона лиц, получающих пособие, поляки составляли почти 170 тыс., в 1917 г. было их уже только 22 тыс. В Праге государственное пособие получало около 3 тыс. польских мигрантов, очередные 6 тыс. были членами семей галицких служащих. Подчеркивалось, что эффективность акции помощи может гарантировать только близкое сотрудничество публичных органов с благотворителями, лучше ориентировавшимися в отношении существующих потребностей⁴⁶.

Одной из самых важных организаций, оказывавших помощь жертвам войны, в том числе беженцам, был основанный и управляемый краковским епископом князем Адамом Сапегой (1867–1951) Княжеско-епископский комитет помощи жертвам войны (КЕК)⁴⁷. Комитет имел свои отделения в большинстве галицийских городов, многих других центрах Австро-Венгрии и Царства Польского. Особой заботой старался охватить несовершеннолетних беженцев. В 1916 г. под опекой комитета должно было находиться 17 тыс. детей⁴⁸. Епископ интересовался условиями, царящими в лагере в Хоцене, направлял туда своих посланников: ксендза Л. Каспшика, затем Софию Попель и Камиллу Холоневскую⁴⁹. Эффектом их действий была передача транспорта сгущенного молока. Благодаря стараниям о. Домбровского подобный груз был доставлен также в Прагу⁵⁰.

Повсеместно были слышны жалобы беженцев на пассивность венских властей, в том числе польских политических кругов. Тем более ценили тех, кто в помощь скитальцам вкладывал все сердце. К ним принадлежали делегаты гр. Сигизмунд Лясоцкий и Рудольф Галл, также Леон Билинский (министр финансов, одновременно председатель Польской фракции в Государственном Совете) – ини-

циатор возникновения Комитета мигрантов из Галиции и Буковины⁵¹. Несомненно, заслужили благодарность деятели Швейцарского генерального комитета помощи жертвам войны в Польше (так называемый Вевейский комитет) Генрика Сенкевича, Красного Креста, Польского союза женщин-католичек, Комитета эвакуированных уездных советов (с Феликсом Гневошем во главе)⁵². Плодотворную работу выполнял венский Центральный комитет моральной опеки⁵³, а также Комитет польских мигрантов в Праге и тамошняя Конференция дам общества св. Викентия де Поля⁵⁴.

Помощь, организованная благотворительными организациями для галицких беженцев, была тем более важна, что все отчетливее была видна грубость и бессердечность государственных служащих в отношении эмигрантов⁵⁵. Равнодушие, а с течением времени даже враждебность проявляли жители Чехии, Австрии, Венгрии. Наиболее охотно они избавились бы вообще от мигрантов, воспринимаемых ими как воры, труссы, бездельники (в результате общественного давления Вену закрыли для приезжих уже 10 декабря 1914 г.)⁵⁶. Местные жители никак не реагировали, проходя мимо истощенных женщин и детей. «Непричесанные, грязные, заспанные малютки, часто очень плохо одетые, трясущиеся от холода в утренней прохладе, испуганно посматривают на неведомые им большие дома, дивятся, ежась. Младшие плачут или прячутся боязливо в полотняных фургонах. Старшие, более храбрые, бегут возле возов или погоняют единственное богатство матушки: несчастную коровку»⁵⁷. Без помощи КЕК и государственных пособий тысячи людей были бы обречены на голодную смерть⁵⁸.

Нарастающие проблемы военных будней все сильнее отражались на судьбе польских беженцев. Распространялись заболевания брюшным тифом и туберкулезом, а значит, показатели смертности, особенно среди детей, стремительно росли. Отчаявшиеся решались на кражи и даже самоубийства. Газета «Zgoda» писала, что беженцы, «после танталовых мук», предпочитали возвращаться в родные края, даже если продолжались там бои, и скрываться в лесах, чем оставаться на чужой земле. Возвращение было, однако, рискованным. «Там, где села были эвакуированы, не осталось совсем ничего. Там и господин, и крестьянин ровня в одной доле: оба бездомные бедолаги... Среди полей там и тут кое-где блуждает корова или бредет отчаявшаяся женщина»⁵⁹. По городам скитались потерянные дети. Сломленные люди впадали в апатию.

В 1916 г. депутат гр. Сигизмунд Лясоцкий и министр Леон Билинский добивались перевозки галицких беженцев на земли Малой Польши. Больные и увечные должны были попасть в Освенцим, где находились бараки для мигрантов⁶⁰. По этому делу МВД издало распоряжение 30 ноября⁶¹. Указаны в нем были западно-галицкие уезды, в которых эвакуированные и мигранты могли искать убежища⁶². Подобным образом, как в 1915 г., представители этих уездов достаточно быстро выявили, что по истечении нескольких лет войны они не в состоянии эффективно предоставить помощь скитальцам из Галиции. Объяснялось это количеством стекающихся беженцев, угрозой эпидемий, неприспособленностью условий к тем ожиданиям, которые имели крестьяне. Отмечали также, что военными скитальцами были главным образом русины, что означало бы их перевозку на восточные территории; спрашивали при этом о причинах пассивности украинских политиков в деле организации помощи для своих соотечественников, а равно вспоминали об объеме украинской помощи, предоставляемой польским мигрантам⁶³. Обиду возвращающихся вызывал запрет забирать большее количество продовольствия⁶⁴. Многие из тех, кто вернулся, нашли пепелища домов, поэтому мыкались в шалашах или брошенных солдатами стрелковых окопах. В таких условиях распространялись эпидемические болезни⁶⁵. Кровавая жатва умножалась из-за голода. Не доставлялись обещанные транспорты с продовольствием и одеждой, не хватало строительных материалов, вследствие чего появились голоса, что уже лучше было бы возвращаться в хоценские бараки⁶⁶. Несомненно, в самой трудной ситуации оказались жители восточных уездов Галиции, контролируемых взбунтовавшимися русскими солдатами⁶⁷.

Судьба галицких беженцев вписывается в драму Великой войны, как до 1939 г. называли на западе Первую мировую. Большая часть из них не понимала причин своей неволи – не была это их война, при этом они несравненно больше страдали, чем в это же время штатские Австрии или России, живущие вдали от фронта. Возвращение скитальцев не означало конца геенны. Возвращающиеся попадали в эпицентр польско-украинской борьбы и Польско-русской войны 1919–1921 гг. Должно было пройти еще достаточно долгое время, пока смогли они в своих домохозяйствах восстановить состояние, сравнимое с довоенным.

- ¹ Zgórnjak M. 1914–1918. Studia i szkice z dziejów I wojny światowej. Kraków, 1987. C. 118–186; Pajewski J. Pierwsza wojna światowa 1914–1918. Warszawa, 1998; Front wschodni I wojny światowej: studia z dziejów militarnych i polityczno-społecznych / Red. M. Baczkowski, K. Ruszała. Kraków, 2013; Olejko A. Karpacka wojna trzech cesarzy. Z działań wojennych I wojny światowej na lądzie i w powietrzu. Rzeszów, 2013; Hadley T. Der Osten im Jahre 1914/1915 aus der Sicht der Deutschen // Schlachtfeld Galizien. Wien, 2016. C. 115–132.
- ² Rychłowski K. Z przeżyć wojennego wychodźcy // Księga pamiątkowa i adresowa wygnańców wojennych z Galicji i Bukowiny 1914–1915, Cz. 1: Lwów. Wiedeń, 1915. C. 4; Ottawa-Rogalska Z. Lwy spod ratusza słuchają muzyki. Wspomnienia o Helenie Ottawowej. Wrocław-Warszawa-Kraków-Gdańsk-Lódź, 1987. C. 49; Sapieżyna Z. My i nasze Siedliska. Kraków, 2004. C. 241.
- ³ Taborski R. Polacy w Wiedniu. Wrocław-Warszawa-Kraków, 1992. C. 167; Bienkowski W. Polacy w Wiedniu w latach pierwszej wojny światowej (działalność społeczno-polityczna i kulturalno-oświatowa) // „Studia Historyczne”. 1992. Z. 3. C. 352–361; Rędziński K. Szkolnictwo galicyjskie na uchodźstwie wojennym (1914–1918). Częstochowa, 2008. C. 12–85; Měšťan A. Polacy w Pradze // Kraków i Praga – dwie stolice Europy Środkowej / Red. J. Purchla. Kraków, 2002. C. 149–183; Maziarz A. Komitet Uchodźców Polskich w Pradze (1916–1918) // Leksykon Polaków w Republice Czeskiej i Republice Słowackiej, T. III / Red. Z. Jasiński, B. Cimała, Opole 2014, C. 189–194.
- ⁴ Los wychodźców z Galicji // „Naprzód”. № 202 or 23.07.1916.
- ⁵ Lasocki Z. Polacy w austriackich obozach barakowych dla uchodźców i internowanych. Kraków, 1929. C. 117.
- ⁶ Białynia Chołodecki J. Lwów w czasie okupacji rosyjskiej (3 września 1914–22 czerwca 1915). Lwów, 1930. C. 5, 85; Dąbski J. Wojna i ludzie. Wspomnienia z lat 1914–1915. Fragmenty. Warszawa, 1968. C. 83; Jasiński Z., Rędziński K. Polscy uchodźcy i polskie szkoły w Czechach i na Morawach w czasie I wojny światowej. Opole, 1995. C. 8; An-Ski Sz. Tragedia Żydów galicyjskich w czasie I wojny światowej. Изд. К. Majus, С. Стеpień. Przemyśl, 2010.
- ⁷ Przysiecki F. Rządy rosyjskie w Galicji wschodniej. Piotrków, 1915. C. 50; Achmatowicz A. Polityka Rosji w kwestii polskiej w pierwszym roku Wielkiej Wojny 1914–1915. Warszawa, 2003. C. 366.
- ⁸ Ewakuacja Krakowa // „Nowa Reforma”. № 510 or 12.11.1914; Archiwum Benedyktynów w Lubiniu (далее: ABL), Wspomnienia z wojny 1914–1918 pisane w Pradze czeskiej przez p. Laure Wygrzewalską w 1916 roku, C. 3; Forstner F. Twierdza Przemyśl. Warszawa, 2000. C. 95.
- ⁹ Przyplwy i odplwy uchodźców // „Nowa Reforma”. № 372 or 12.08.1917.
- ¹⁰ Księga pamiątkowa i adresowa.... C. V; Kramarz H. Samorząd Lwowa w czasie pierwszej wojny światowej i jego rola w życiu miasta. Kraków, 1994. C. 36.
- ¹¹ Uchodźstwo w cyfrach // „Głos Narodu”. № 689 or 22.12.1915; Šedivý I. Češi, české a Velká Válka 1914–1918. Praha, 2001. C. 265.
- ¹² Zbiegowie polscy z Galicji // „Kurier Warszawski”. № 93 or 3.04.1915.
- ¹³ Lityński M. Z dni grozy i walki o wolność 1914–1915. Lwów, 1928. C. 85.
- ¹⁴ Odroczenie powrotu do Lwowa // „Głos Narodu”. № 703 or 29.12.1915. См.: Sapieżyna M. My i nasze.... C. 262.

¹⁵ Powrót uchodźców // „Głos Narodu”. № 613 от 23.11.1915; Wśród uchodźców // „Naprzód”. № 430 от 5.12.1915; Powrót uchodźców // „Głos Narodu”. № 685 от 21.12.1915.

¹⁶ W sprawie powrotu tułaczów // „Nowa Reforma”. № 621 от 8.12.1915; См. Kramarz H. Samorząd... С. 67.

¹⁷ В заключительных месяцах войны (август 1918 г.) количество поврежденных и разрушенных зданий оценивалось в более полмиллиона, а общая сумма ущерба Галиции в результате войны – на более 3 млрд. крон. Zniszczona Galicja // „Naprzód”. № 186 от 25.08.1918; Kargol T. Odbudowa Galicji ze zniszczeń wojennych w latach 1914–1918. Kraków, 2012. С. 44; Przeniosło M. Rady opiekuńcze w Galicji 1919–1921. Kielce, 2014. С. 13.

¹⁸ Szlakiem zniszczenia // „Czas”. № 384 от 21.08.1917; Potocki A. Ruiny i zgłiszcza // „Głos Narodu”. № 204 от 29.08.1917; Martwe pola // „Goniec Warszawski”. № 80 от 17.06.1918.

¹⁹ Spustoszenia wojenne // „Głos Narodu”. № 543 от 4.11.1916.

²⁰ Procesy o rabunki za w czasie inwazji rosyjskiej // „Nowa Reforma”. № 463 от 13.09.1915.

²¹ Molnar F. Galicja 1914–1915. Warszawa, 2012. С. 122.

²² O pomoc dla wracających uchodźców // „Głos Narodu”. № 600 от 18.11.1915.

²³ Archiwum Kurii Metropolitalnej w Krakowie (далее: АКМК). Teki Sapieżyńskie (далее: TS). Д. VI/6, Письмо кс. Й. Врыбля к еп. А. Сапегу от 17.12.1914; Przysiecki F. Rządy... С. 15; Sapieżyna M. My i nasze... С. 242. См. Olejko A. Karpacka... С. 499, там сообщения о преступлениях казачков над гражданским населением.

²⁴ «Армия любит быть сама на месте, где выставляет пушки». Molnar F. Galicja... С. 122.

²⁵ См.: Witos W. Moje wspomnienia. Warszawa, 1988, С. 332.

²⁶ Ewakuacja we wschodniej Galicji // „Nowa Reforma”. № 466 от 16.09.1916; „Pester Lloyd” o ewentualnej ewakuacji Lwowa // „Głos Narodu”. № 377 от 5.08.1916.

²⁷ Pomoc dla ewakuowanych // „Czas”. № 615 от 6.12.1916.

²⁸ Rychłowski K. Z przeżyć wojennego wychodźcy // Księga pamiątkowa i adresowa... С. 4; Jasiński Z., Rędziński K. Polscy uchodźcy... С. 30.

²⁹ Ewakuacja we wschodniej Galicji // „Nowa Reforma”. № 466 от 16.09.1916.

³⁰ Intender A.W. Wielka wojna 1914–1915. Wiedeń, 1915. С. 70; Grabski W., Żabko-Potopowicz A. Polska w czasie Wielkiej Wojny (1914–1918). Т. 2: Historia społeczna. Warszawa, 1932. С. 176.

³¹ Archiwum Akt Nowych w Warszawie. Centralna Agencja Polska w Lozannie. Д. 60. Сводка Яна Марса; 100.000 sierot w Galicji // „Naprzód”. № 342 от 13.12.1916.

³² Восточнее Сяна скиталось по крайней мере 30 тыс. лиц, лишенных перспективы поддержки со стороны государства. Los uchodźców z Galicji wschodniej // „Kurier Poznański”. № 57 от 11.03.1917.

³³ Pomoc dla ewakuowanych // „Głos Narodu”. № 576 от 7.12.1916.

³⁴ W sprawie uchodźców wojennych // „Nowa Reforma”. № 480 от 17.10.1917.

³⁵ См.: Protest opawskiej rady gminnej przeciw osiedlaniu uchodźców galicyjskich. „Kurier Poznański”. № 23 от 30.01.1917. Беженцы объявлялись причиной роста цен на продукты питания, распространения болезней. «Всякие страдания и тяготы войны сносило верное императору немецкое население без ропота. Однако нашествие беженцев, представляющее собой нестерпимую чуму, может вывести из равновесия и это насе-

ление». Niemcy przeciw uchodźcom, „Kurier Poznański” // № 149 от 5.07.1917; Lasocki Z. Polacy... С. 117.

³⁶ Pomieszczenie uchodźców // „Nowa Reforma”. № 542 от 27.10.1916.

³⁷ W sprawie uchodźców wojennych // „Nowa Reforma”. № 480 от 17.10.1917; Tajemnice baraków // „Głos Narodu”. № 15 от 18.01.1918.

³⁸ АКМК. ТS. Д. VI/12, Письмо Л. Каспржика к еп. А. Сапегу от 19.12.1914; Arcyks. Karol Stefan w Choceniu // „Głos Narodu”. № 57 от 8.03.1917.

³⁹ Echo tragedii choceńskiej, „Nowa Reforma”, № 38 от 22.01.1915; Lasocki Z. Polacy... С. 11. Всего через лагерь в Хочене прошло более 80 тыс. мигрантов.

⁴⁰ Dola tułacza // „Głos Narodu”. № 473 от 27.09.1916; Dola uchodźców // „Głos Narodu”. № 126 от 30.05.1917.

⁴¹ Zbiegowie polscy от Галиции // „Kurier Warszawski”. № 93 от 3.04.1915.

⁴² Z życia polskiego w Pradze // „Głos Narodu”. № 28 от 1.02.1917.

⁴³ ABL, Dąbrowski K. Z Wielkiej Wojny 28.VI.1914 – 21.V.1919. Wspomnienia o polskich uchodźcach w Pradze czeskiej i indziej. С. 121.

⁴⁴ Только в барачные лагеря должно было попасть более 300 тыс. сеников, 324 тыс. одеял, 587 тыс. сорочек, 188 тыс. пар ботинок на общую сумму более 11 млн. крон. Z wystawy „pomocy wojennej” // „Głos Narodu”. № 15 от 10.01.1916; Bilans wychodźstwa // „Czas”. № 16 от 10.01.1916.

⁴⁵ ABL, Письмо о. К. Домбровского к ген. С. Шептыцкому от 18.07.1917. Dąbrowski K. Z Wielkiej... С. 47; Podwyższenie zapomóg dla uchodźców, „Naprzód”, № 348 от 19.12.1916; Lasocki Z. Polacy... С. 6; Grabski W., Żabko-Potopowicz A. Polska... С. 179; Jasiński Z., Rędziński K. Polscy uchodźcy... С. 15. См. Opieka rządowa nad uchodźcami // „Czas”. № 662 от 22.12.1915.

⁴⁶ Dla uchodźców. Okólnik do wszystkich Wydziałów Powiatowych i magistratów miast Lwowa i Krakowa // „Czas”. № 646 от 27.12.1916.

⁴⁷ Memoriał Episkopatu o uchodźcach // „Nowa Reforma”. № 498 от 3.10.1916; Trzy lata działalności KBK. Sprawozdanie Książęco-Biskupiego Komitetu Pomocy dla Dotkniętych Klęską Wojny za lata 1915–1917, Kraków, 1918, С. 84 и сл.; А. Вациński, Działalność charytatywna Adama Stefana Sapiehy do roku 1918 // Księga Sapieżyńska / Ред. J. Wolny. Т. I. Kraków, 1982. С. 270; Wróbel W. Troska Biskupa Adama Sapiehy o wysiedlonych i uchodźców w latach 1914–1916. Kraków, 1999, С. 29 и сл.

⁴⁸ Opieka nad dziećmi ewakuowanymi // „Głos Narodu”. № 583 от 15.12.1916. Пылкое обращение о помощи этим детям направила выдающаяся общественная и культурно-просветительская деятельность поэтесса Антонина Махчинская (1837–1919). Dla dzieci ewakuowanych // „Głos Narodu”. № 14 от 17.01.1917. См.: Synowiec A. Pomoc humanitarna Komitetu Adama Sapiehy dla polskich dzieci w czasie I wojny światowej // „Studia Historyczne”. 2003. Т. 3–4. С. 330.

⁴⁹ Т.К., Bilans ewakuacji // „Głos Narodu”. № 585 от 16.12.1916.

⁵⁰ ABL. Д. 35, Materiały do życia o. Klemensa Dąbrowskiego, Письмо БКБ к о. К. Домбровского от 13.04.[1917]; Z życia polskiego w Pradze // „Głos Narodu”. № 28 от 1.02.1917; Grabski W., Żabko-Potopowicz A. Polska... С. 169; Trzy lata działalności... С. 88–89.

⁵¹ Biliński L. Wspomnienia i dokumenty 1846–1919. Т. I. Warszawa, 1924. С. 318; Taborski R. Polacy... С. 168.

⁵² АКМК. ТS. Д. VI/23, Письмо Г. Сенкевича к еп. А. Сапеге от 27.01.1915; Komitet Wydziałów ewakuowanych Rad powiatowych // „Głos Narodu”. № 523 от 24.10.1916; Pługawko D. Sienkiewicz w Szwajcarii. Z dziejów akcji ratunkowej dla Polski w czasie

Pierwszej wojny światowej. Poznań, 1986. С. 58 и сл.

⁵³ Górski A. Słowo wstępne // Sprawozdanie Centralnego Komitetu Opieki Moralnej dla wychodźców z Galicji. Wiedeń, 1915. С. 11.

⁵⁴ Dąbrowski K. Z Wielkiej... С. 40 и сл.; Maziarz A. Komitet Uchodźców Polskich w Pradze (1916–1918) // Leksykon Polaków... С. 189–194.

⁵⁵ АКМК. ТS. Д. VI/119, Письмо кс. А. Пезовича к еп. А. Сапеге от 26.09.1916; Dola ewakuowanych // „Głos Narodu”. № 57 от 8.03.1917; Sz., W obronie uchodźców // „Nowa Reforma”. № 148 от 29.03.1917. Еще хуже относились к бельгийским эмигрантам, которые искали убежища во Франции и Англии.

⁵⁶ О Polakach i drożyznie w Wiedniu // „Kurier Poznański”. № 240 от 19.10.1915; Wydalenie galicyjskich uchodźców от Budapesztu // „Nowa Reforma”. № 452 от 30.09.1917; Lasocki Z. Polacy... С. 114; Inlender A.W. Wielka wojna... С. 71.

⁵⁷ Ego, Wychodźcy // „Głos Narodu”. № 420 от 29.08.1916.

⁵⁸ Zaopatrzenie uchodźców w odzież i obuwie // „Głos Narodu”. № 48 от 27.02.1918.

⁵⁹ Wschodnia Galicja po inwazji // „Głos Narodu”. № 237 от 9.10.1917.

⁶⁰ Lasocki Z. Uchodźcy // „Głos Narodu”. № 593 от 28.12.1916; Dola tułacza // „Głos Narodu”. № 374 от 3.08.1916.

⁶¹ Более ранние распоряжения были объявлены 1.02.1916 г., см.: Państwowa opieka nad wychodźcami wojennymi // „Głos Narodu”. № 54 от 3.03.1917.

⁶² Sprawa ewakuowanych i uchodźców. О czym przesiedlani wiedzieć powinni // „Kurier Lwowski”. № 18 от 20.01.1917. Такой выход продвигал также КБК, см.: АКМК. ТS. Д. VI/131, Письмо кс. Ф. Вуйчика к еп. А. Сапеге от 20.02.1917.

⁶³ Tragedia powrotu uchodźców, „Kurier Codzienny”. № 182 от 21.07.1917.

⁶⁴ Rewizja pakunków powracających от uchodźstwa // „Głos Narodu”. № 22 от 26.01.1918.

⁶⁵ Więckowska E. Komitet Sapieżyński w walce z chorobami zakaźnymi 1914–1918. Wrocław, 1997. С. 79.

⁶⁶ Skazani // „Czas”. № 584 от 19.12.1917; Tragiczny los uchodźców ze wschodniej Galicji // „Nowa Reforma”. № 411 от 18.09.1918.

⁶⁷ Guzczow o gwałtach rosyjskich // „Głos Narodu”. № 193 от 16.08.1917.

А.А. Мартынов (Санкт-Петербург)

РЕЛИКВИИ БОЕВОЙ СЛАВЫ: АНДРЕЙ АНИСИМОВИЧ БЕЛЫЙ

В ЗАЛЕ «История войск связи 1941–1945 гг.» Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи экспонируется телефонный аппарат УНА-Ф-42, образца 1942 г., заводской № 179495, с которым воевал связист Герой Советского Союза Андрей Анисимович Белый (ил. 1).

А.А. Белый родился 17 июня 1922 г. в деревне Новинки Калинковичского района Гомельской области Белоруссии, в семье крестьянина. Жизнь не баловала Андрея. В раннем возрасте он потерял родителей. Помощи ждать было неоткуда, он и его малолетние братья

и сестры перебивались, как могли, пока их не взяли на попечение.

Окончив семилетнюю школу, Андрей поступил на курсы учителей начальных классов и стал преподавать в своем родном селе.

10 апреля 1941 г. его призвали в армию и направили в Сталинградское военное училище связи.

**Ил. 1. Аппарат телефонный УНАФ-42
Героя Советского Союза А.А. Белого**

Ил. 2. Младший лейтенант А.А. Белый

Началась Великая Отечественная война. Фронт нуждался в командных кадрах, поэтому срок обучения в училище был сокращен, и, получив звание младшего лейтенанта, Андрей Белый в декабре 1941 г. направляется командиром взвода связи 685-го стрелкового полка Краснознаменной 193-й стрелковой дивизии 27-го стрелкового корпуса 65-й армии Центрального фронта (ил. 2).

Во время Сталинградской битвы подчиненные Андрея Анисимовича прокладывали кабельные линии ползком и перебежками, под пулеметным огнем и бомбежкой, среди горя-

щих зданий. И везде командир взвода служил примером для них. Несколько раз Белый был ранен, но всегда, подлечившись, возвращался в строй. После Сталинграда он обеспечивал связь в Курской битве. В октябре 1943 г. А. Белый был принят в ряды Коммунистической партии. Красноармейская газета «В бой» в этот день опубликовала статью, в которой писалось: «Коммунистом стал мужественный командир взвода тов. Белый. В одном из боев его ранило, но он отказался пойти на медицинский пункт и до конца сражения оставался на боевом посту».

В октябре 1943 г. 685-й стрелковый полк вышел к Днепру в районе пос. Лоева Гомельской области. 14 октября перед А. Белым была поставлена задача по подготовке техники связи и личного состава взвода к форсированию реки и обеспечению связи. Под руководством Белого личный состав взвода двое суток отрабатывал быструю посадку и укладку имущества связи на переправочные средства, тренировался по прокладке кабеля в воде. Одновременно с тренировками конопатили лодки и сбивали плоты для переправы.

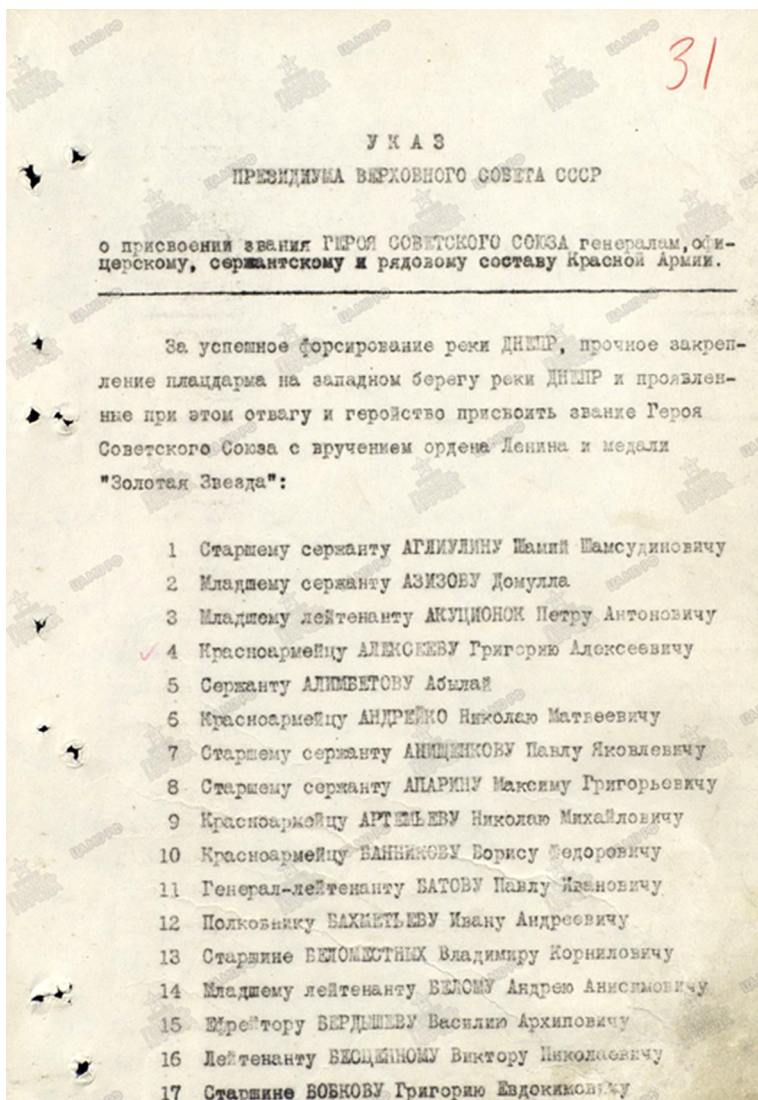
В ночь на 16 октября 1943 г. младший лейтенант Белый получил задачу установить и поддерживать связь с ротами, захватившими плацдарм на берегу Днепра в районе Лоева.

На рассвете 16 октября подразделения полка начали форсирование. Фашисты открыли огонь из пулеметов и минометов, когда личный состав на самодельных плотках и лодках прошел половину пути. Разбитые в щепы лодки исчезали под водой, увлекая за собой раненых и убитых красноармейцев. Живые бойцы, оказавшись в воде, все равно плыли вперед, а достигнув берега, вступали в бой с врагом.

Лодка, где с пятью бойцами-телефонистами переправлялся младший лейтенант А. Белый, получила пробоину. Андрей своей ладонью закрыл пробоину, поэтому не струя, а только маленькие ручейки сочились на дно лодки. Лодка достигла берега, и бойцы выскочили из лодки на берег, на ходу разматывая кабель. В связи с тем, что командир десантников был убит, Белый взял командование ими на себя и возглавил наступление. В результате решительного действия наших бойцов фашисты были вынуждены отступить. Воспользовавшись этим, батальон переправился через Днепр и расширил плацдарм.

Вечером и ночью гитлеровцы несколько раз предпринимали попытку атаковать батальон, пытаясь сбросить его в реку. Но советские солдаты отбили все атаки. Днем 17 октября немцы все же прорвались на правом фланге. В 200–300 метрах от места прорыва находился наблюдательный пункт батальона, на котором в это время находился А. Белый и семь воинов-связистов. «Белый, – обратился к командиру взвода комбат, – оставь Лифенцова у коммутатора, а с остальными удержи немцев минут на 10–20. Тем временем и подкрепление подойдет».

«За мной, бегом, приготовить оружие и гранаты к бою», – отдал команду Андрей, и шесть бойцов во главе с командиром побежали к видневшимся неподалеку кустам. Не успели наши бойцы окопаться, как перед ними появилось два взвода фашистов, которые шли в полный рост, непрерывно строча из автоматов. Подпустив их на 20–30 метров, связисты открыли уничтожающий огонь. Через несколько минут все гитлеровцы были уничтожены, но и связисты понесли потери: один солдат был убит и один ранен. Вскоре фашисты возобновили атаку. Еще десяток врагов уничтожено. Бой принял еще более ожесточенный характер. Патроны у наших бойцов на исходе. Тогда Белый отдал команду бить врага одиночными прицельными выстрелами. Противник открыл минометный огонь. Но связисты не дрогну-

Ил. 3. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 30 октября 1943 г. о присвоении звания Героя Советского Союза генералам, офицерскому, сержантскому и рядовому составу Красной Армии

ли, стояли насмерть и задержали врага. Подоспевшие к месту боя солдаты батальона увидели раненных, истекающих кровью связистов и более сорока трупов фашистов. Младший лейтенант Белый был тяжело ранен в живот. В госпитале он узнал, что Родина высоко оценила его подвиг. 30 октября 1943 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР за образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с немецко-фашистскими захватчиками

Ил. 4. Герой Советского Союза подполковник Андрей Анисимович Белый. 1967 г.

и проявленные при этом мужество и героизм младшему лейтенанту Белому Андрею Анисимовичу присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда» (ил. 3).

Закончилась война. А.А. Белый продолжил службу в рядах Советской армии на различных командных должностях и был уволен в запас в звании полковника, в должности заместителя начальника связи танковой дивизии Прикарпатского военного округа в 1968 г. (ил. 4). После окончания службы жил и работал в г. Лобня Московской области. Решением Совета депутатов г.Лобня от 29 мая 2008 г. №112/48 Андрею Анисимовичу Белому – участнику Великой Отечественной войны, Герою Советского Союза за большой вклад в патриотическое воспитание подрастающего поколения было присвоено звание «Почетный гражданин города Лобня».

Андрея Анисимовича Белого уже нет в живых, как и многих героев Великой Отечественной войны, но мы делаем и будем делать все, чтобы память о них осталась с нами и перешла потомкам. Наши деды и отцы одержали победу над врагом, а мы должны победить забвение.

Награды А.А. Белого

«Золотая Звезда» Героя Советского Союза (1943, № 1537), Орден Ленина (1943), Орден Отечественной войны I степени (1985), Медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», Юбилейная медаль «Двадцать лет Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», Юбилейная медаль «Тридцать лет Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», Юбилейная медаль «Сорок лет Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» и др.

Галошин Н.П., Ляшенко А.Ф., Пашко Ф.Е. и др. Связисты – Герои Советского Союза. Кн. 1. Л.: ВИМАИВ и ВС, 1982. С. 33–35.

История военной связи Российской армии. Т. 4. Военная связь во втором периоде Великой Отечественной войны. СПб., 1999. С. 367–397.

Навечно в сердце народном. 3-е изд., доп. и испр. Минск, 1984. С. 53–54.

Плесцов К.М. Люди высокого подвига. М., 1962. С. 207.

Б.В. Мезгорский (Санкт-Петербург)

БОЙ ПРИ ДОБРОМ 1708 г.: НОВЫЕ ИСТОЧНИКИ

СОБРАНИЕ РУКОПИСНЫХ КАРТ, планов и чертежей Петра I в Библиотеке Российской академии наук представляет несомненный интерес для исследователей петровской военной истории. Среди прочих в коллекции есть карта с легендой на немецком языке. И хотя авторство и заглавие ее не указаны, подписанные топонимы и дата в заголовке картуша не оставляют сомнения в том, какое именно сражение отражено в документе. Попытка найти место этого источника в историографии привела, как часто бывает, к более глубокому изучению самого события и поиску новых источников о нем.

Бой, произошедший между русскими и шведскими войсками 30 августа (10 сентября) 1708 г. на территории Великого княжества Литовского недалеко от границы с Россией нельзя назвать неизвестным. В русской историографии он, как правило, привязан к названию реки Черная Напа (иногда Натопа) либо к названию села Доброе. В шведской традиции он известен по пункту Малятичи. Описание боя оперативно появилось в «Ведомостях»¹ и потом отложилось во всех главных текстах петровской военной истории, например, в «Книге марсовой», в «Поденной записке». Он увековечен на медальоне из серии барельефов к проекту триумфальной колонны Растрелли. При всем при этом Доброе по размаху действий и по достигнутому результату, а главное – по сравнению с последовавшими вскоре драматичными событиями конца 1708 – первой половины 1709 г., в ряду памятных дат петровской военной истории относится к событиям отнюдь не первого уровня. А такие бои, хоть и вполне известные, оставляют пространство для новых исследований и для выявления новых источников, каковым мы и посвятим статью.

Для Петра это было нерядовое событие, о котором он поспешил рассказать своим соратникам. Его письмо от 30 августа², т. е. в день сражения, сообщало новость о победе. На следующий день рассылались детали. В письмо Ромодановскому от 31 августа³ Петр включил перечень участвовавших в бою полков с их потерями; комментируя этот документ, царь подчеркивал, что врученный ему полк (т. е. Преображенский) «паче других дело исполнял». О том, что «больше всех попотел наш полк», Петр писал и Екатерине.

Император, очевидно, был впечатлен видом большого пехотного сражения. Екатерине он писал: «Правда, что я, как начал служить, такой игрушки не видал»⁴. Ф.М. Апраксину: «я как и почал служить, такова огня и порядочного действия от наших солдат не слышал и не видал [дай Боже впредь так]. И такова в сей войне король Швецкой ни от кого сам не видал. Боже не отыми милость свою от нас впредь»⁵. Произведенное впечатление объясняется тем, что царь за восемь лет войны не имел возможности наблюдать крупное полевое сражение. При осадах и штурмах он присутствовал неоднократно; был даже в бою на лодках. Но полевых столкновений русской и шведской пехоты было немного, и Доброе стало первым, в котором Петр был если не непосредственным участником, то очевидцем. Лесной и Полтавы в послужном списке царя-полководца на тот момент еще не было.

Долгое время отечественные историки, рассматривая Доброе, ограничивались трактовками официальных петровских реляций, иногда прибегая к шведским описаниям. Гудим-Левкович в своем обзоре кампании 1708 г. довольно критично оценил планирование, реализацию и итоги боя при Добром⁶. Юнаков, свою очередь, критиковал Гудим-Левковича за использование якобы недостоверных шведских данных Адлерфельда и подчеркивал, что бой 30 августа был первым наступательным боем русской армии, который отличали скрытный подход к противнику, выделение общего резерва, внезапная и энергичная атака, упорный бой, несмотря на непредвиденные осложнения, и своевременный отход⁷.

Достаточно подробный обзор отечественных источников по теме боя, как опубликованных, так и тех, что отложились в РГАДА, дан в комментариях к восьмому тому «Писем и бумаг Петра Великого»⁸. Описание боя сделали в своих трудах и современные исследователи. А.В. Беспалов в «Битвах Северной войны» упоминает о наличии в русском отряде шести орудий и о захвате трех шведских пушек – источник этих сведений нам пока обнаружить не удалось⁹. А.В. Арта-

монов в работе, посвященной Полтаве и предшествующим событиям, уделяет бою несколько абзацев, с привлечением Адлерфельда и данных о потерянном имуществе из РГАДА¹⁰.

Среди источников, которые повествуют о ходе боя, первое место занимает официальная реляция, опубликованная в «Журнале или поденной записке», а также в «Книге марсовой»¹¹. Легенда к плану боя в «Книге марсовой» сообщает некоторые детали, которые не отмечены более ни в одном известном письменном источнике, включая и саму реляцию в «Книге марсовой». Из восьми командированных батальонов Голицын повел в атаку пять, а еще три батальона были оставлены у переправы в резерве. На правом фланге пехоты Голицына уже расстроенных шведов генерал-майора Рооса атаковал «шквадрон» князя Меншикова. Уточняется, что у Пфлуга было 6 полков кавалерии (в других источниках говорится про 30 эскадронов)¹².

Командовавший русским отрядом князь М.М. Голицын в своей автобиографии «Экстракт о службах»¹³ новых подробностей не сообщает, кроме того, что под его началом в бою находился бригадир Айгустов.

Известный мемуарист петровской эпохи князь Б.И. Куракин в деле лично не участвовал, но, будучи подполковником Л.-Гв. Семеновского полка, видимо, имел о бое сведения из первых рук (в отряде находился один батальон семеновцев). Он оставил описание боя, в котором подчеркнул трудность переправы, успех над частью шведских сил и отступление с немалыми потерями. «Перебравшись перед светом ту реку, и так трудную переправу, что шли по груди в воде; а сумы у всех солдат на головах были привязаны, и били на неприятеля, где с первого огню два баталиона неприятельских на месте застали и в обоз вошли. Но потом сам король шведской, пришед с кавалериею на сикурс, отбил, и уже с потеряннем не малого нумера войск Его Величества отошли»¹⁴.

К шведским источникам по рассматриваемому сражению относятся работы двух известных историографов Карла и записки генерал-квартирмейстера Акселя Гилленкрока (Юленкрока), который отметил: «Неприятель, пользуясь туманом, неожиданно атаковал полк полковника Букваля (Buckvall), который только что хотел разойтись по своим палаткам и в начале нападения потерпел большой урон, пока солдаты не взяли за оружие. Когда же подоспели на помощь прочие полки, неприятель, оттесненный к болоту, потерял много убитых»¹⁵. Нордберг довольно подробно описывает бой со шведс-

кой стороны¹⁶. Адлерфельд, помимо перечисления состава отряда Рооса (Остроготский кавалерийский, Вестроготский, Нерке-Вермландский, Вестерботтенский и Йончепингский пехотные полки), сообщает любопытные детали о русских, отсутствующие в русских источниках. Переправа через топь была построена из фашии и «матов» (плетней) из переплетенных небольших деревьев. При отступлении, отбиваясь от шведских атак, русские построились в «длинное каре». При том, что построение «батальон де каре» предписывалось петровскими наставлениями, упоминаний о фактическом его применении русской пехотой в годы войны довольно мало, и это одно из них. Отступление русских обратно через болото Адлерфельд описывает как бегство, в ходе которого многие утонули либо завязли в болоте и были убиты прикладами мушкетов; один шведский солдат бросился в болото, настиг и убил русского офицера, который уносил два захваченных шведских знамени¹⁷.

Потери сторон хорошо отразились в источниках обеих сторон. В публичной реляции – опубликованном в «Ведомостях» письме царя царевичу Алексею – русские потери оценены в 375 человек убитых и раненых. Однако подробный документ «Табель сколко было пехоты на бою против шведов с генералом-маеором Голицыным и что из того числа побито и ранено и в полон взято»¹⁸ сообщает, что 375 – это только число убитых и пропавших без вести. Потери же ранеными в восьми батальонах пехоты составили еще 1192 рядовых, урядника и офицера, включая бригадира Айгустова. Фактическую численность батальонов ни до, ни после боя документ не указывает.

Образное выражение Петра о том, что его полк «более всех попотел», подразумевало, что потери Преображенского батальона были самыми большими среди всех восьми батальонов. Согласно «Табели», преображенцы потеряли 312 нижних чинов и офицеров ранеными (в том числе майор и четыре капитана, т. е. командиры всех рот батальона!), 45 убитых и 73 «не явившихся» (итого 118, что составило треть от убитых и пропавших без вести во всем отряде). Семеновский полк потерял 195 ранеными, 61 убитыми и пропавшими, Ингерманландский – 208 и 10 соответственно. Прочие армейские батальоны потеряли ранеными от 65 до 113, убитыми и не явившимися – от 20 до 49 человек.

Стороны, как обычно, преувеличивали потери противника. По свежим следам Петр в своих письмах от 31 августа сообщал, что «трупом с три тысячи положили, кроме раненых». В реляции, опубли-

ликованной в «Поденной записке» и в «Книге марсовой», шведские потери оценены как более 2000 убитых и столько же раненых. Адлерфельд называет шведские потери 261 убитых и 750 раненых, что делает потери сторон сопоставимыми. Потери русских, «по их собственному признанию», шведы оценили в 600 человек убитыми и более тысячи ранеными. Среди убитых названы некие знатные русские офицеры (князь Dolgoruki, полковник Campen, майор Wogekowski); кто на самом деле имелся в виду – еще предстоит выяснить по отечественным источникам.

В связи с тяжелыми потерями при Добром личный состав гвардии пополнили выбранными рядовыми из армейских полков¹⁹. Для пользования раненых в сражении в Смоленск были затребованы лекари²⁰. С потерями личного состава связан ряд документов об утраченном в бою имуществе Преображенского полка. В частности, в переписке Петра с Ф.Ю. Ромодановским среди предметов обмундирования, снаряжения и вооружения упоминаются гренадерские шапки и сумы. Это означает, что в составе отряда Голицына были не только фузилерные роты Преображенского полка в шляпах, но и чины гренадерской роты в своих форменных шапках²¹.

Российские источники в качестве трофеев перечисляют шесть шведских знамен. С высокой долей вероятности знамена эти принадлежали Йончепингскому пехотному полку, который более других пострадал во время русской атаки. В историографии иногда встречается упоминание о трех взятых пушках. О них пишет Бутурлин²² со ссылкой на письмо Петра к царевичу от 31 августа; однако это письмо, опубликованное в «Ведомостях», о пушках умалчивает. Вслед за Бутурлиным пушки упоминают Чичерин и Бобровский в своих историях Лейб-гвардии Преображенского полка и Беспалов. Откуда взялись данные о захваченных шведских пушках, пока установить не удалось; в известных нам письмах Петра говорится лишь «знамена и протчая побрали». В целом, характер местности – а батальоны Голицына преодолели две реки и болото – скорее всего, не позволял тащить с собой артиллерийские орудия – ни свои, ни трофейные.

К неопубликованным и малоизвестным материалам относится созданная генералом Аллартом «История Петра I». В целом этот источник имеет неоднозначную ценность; некоторые события, к которым автор не имел отношения, описаны поверхностно и с очевидными погрешностями. Но те операции, в которых Алларт принимал непосредственное участие, описаны с достаточной достовер-

ностью. В частности, генерал сообщает некоторые подробности дня 30 августа 1708 г. Например, наглядно показано, почему кавалерия Пфлуга не смогла принять участие в деле – сам драгунский генерал с двумя головными эскадронами завяз в болоте так, что с трудом смог выбраться обратно. Из текста следует, что драгуны Пфлуга подчинялись Алларту и что Алларт обеспечивал прикрытие пехотой и артиллерией отряду Пфлуга, на случай, если шведы бы преследовали его на русском берегу.

«Генерал-лейтенант князь Голицын отправлен с 3000 ч. гвардии, которой на те 4 полка так счастливо напал, что один полк совсем розбил, а другие ретировались к своему лагеру чрез реку Напу, которую они перешли с великою трудностию, и по самые груди инфантерия водою брела, что увидя, король швецкой тот час отправил к ним несколько людей на помощь, аднакож они тою посылкою опоздали; в тож время от корпуса от господина генерала Галларта отправлен был генерал лейтенант Флюг с 2000 конницы за реку Напу, и чтоб он с правого крыла те 4 неприятельских полка атаковал, аднакож за помянутым болотом в котором он, генерал лейтенант Флюг с двумя шквадронами так трудился, что с великим трудом едва мог из него выйти. К томуж еще была великая мгла или туман, да и сам он в том болоте едва совсем не загряз, а как тот туман минулся, то увидел он что шведы исвоего лагеря выходить уже начали, тогда он ретировался по одну малую деревню и пред тою деревнею остановился, что увидя, шведы також остановились, а генерал Галларт на тои переправе что на реке Напе не токмо редут приказал зделать, но еще и 4 багалиона с 8 пушками туда отправил под командою брегадира Дюка [Бука. – Б. М.] и лесом закрытца им приказал, а где лесу не было, велел закрытца рогатками в таком намерении, что ежели неприятель за генералом лейтенантом будет гнатца до той переправы, чтоб они его принудили показать спину, аднакож, как упомянуто, и чтоб ему под тою деревнею стоять было невозможно, которая толко в 1000 шагах пред той инфантерию была»²³. (Отметим, что Алларт и реляция в «Книге марсовой» называют Голицына генерал-лейтенантом, но этот чин был ему пожалован за Лесную месяцем позже).

В Кабинете Петра Великого в РГАДА хранится экспликация к плану боя – «Изображение... победе над свейскими 5 полками, учинившейся 30 дня августа 1708 года»; однако чертеж при документе отсутствует²⁴. Похоже, именно этот чертеж хранится в Библиотеке Петра в отделе рукописей Библиотеки Российской академии наук²⁵.

Подписи на чертеже сделаны на немецком языке, и легенда практически совпадает с русским переводом из РГАДА, который содержит литеры А до I. На немецком чертеже под литерой Н обозначен отряд генерал-лейтенанта Пфлуга, а в русском документе этот пункт пропущен. Командир атакующего отряда М.М. Голицын назван генерал-майором, что свидетельствует о создании карты в пределах месяца со дня сражения. Показаны многие населенные пункты по правому берегу р. Сож к югу от г. Мстиславля, переправы через реки, овраги, леса, полевые укрепления русской армии, шведский лагерь, направления движения отрядов. Единственной видимой погрешностью карты представляются перепутанные местами названия рек Черная и Белая Напа – на современных картах Белая течет севернее Черной. Как рассматриваемая карта соотносится с планами сражения в историографии?

План сражения, опубликованный в «Книге марсовой», сильно упрощен: ориентирован на юг; показывает лишь один рукав реки, а не два; монастырь показан на правом русском фланге, хотя он находился на левом. Схема, опубликованная Масловским²⁶, при сравнении с выявленной нами картой демонстрирует ряд разночтений. На ней перепутаны местами позиции Шереметева и Алларта; неверно показано место предполагавшегося наступления 30 эскадронов Пфлуга: не обозначены населенные пункты, переправы и элементы рельефа, показанные на карте из ОР БАН. План боя, опубликованный Гудим-Левковичем, по сведениям Юнакова основан на некоем плане, находившемся в Военно-Учетном Архиве Главного Штаба; в целом он достаточно подробно показывает расположение войск, однако также помещает Пфлуга на правый фланг Голицына, что противоречит карте БАН и тексту «Книги марсовой». Наиболее близок к карте из БАН план боя в работе Тельпуховского²⁷, перепечатанный Беспаловым; на нем так же показаны переправы, многие населенные пункты, расположение дивизий и отрядов. Добавлены дороги, отсутствующие в карте БАН, однако в целом топография более схематична, и план Тельпуховского охватывает не такой обширный район.

Таким образом, карта из ОР БАН является самой подробной и достоверной картой сражения при Добром и сообщает множество деталей, опущенных либо искаженных в упрощенных схемах, опубликованных в работах XIX–XX вв. Учитывая, что район Доброго был незадолго до сражения подробно исследован генералом Аллартом (о выгоде позиции у Белой Напы Алларт сообщал Я.В. Брюсу

в письмах от 19 и 20 августа 1708 г.²⁸), можно предположить, что карта была создана самим генералом либо под его руководством.

Внимательный взгляд на давно известные источники и привлечение новых материалов – истории Алларта и, возможно, его же карты – позволили уточнить ход боя. Вместе с тем, открытыми остаются некоторые существенные вопросы. Какие именно батальоны полков (по номерам или по командирам) были в отряде Голицына? Какие три из этих восьми батальонов оставались в резерве? Какая часть прикрывала отступление отряда, когда на подмогу Роосу пришел король Карл? Какие полки входили в драгунский отряд Пфлуга? Какие полки пехоты по приказу Алларта должны были прикрывать отход драгун Пфлуга?

Ответы на эти вопросы постараемся получить из свидетельств солдат и офицеров – непосредственных участников боя. Опубликованный К.В. Татарниковым массив записанных в 1720–1721 гг. «сказок» офицеров полевых и гарнизонных частей дает нам возможность узнать, кто отметил свое участие в бое при Добром, в составе какого полка и в каком чине, а также могут ли они сообщить об этой акции новые подробности. Для начала пройдем по восьми полкам, которые перечислены Петром в упомянутом выше документе «Табель сколько было пехоты на бою против шведов ...».

Лейб-гвардии Преображенский полк. Среди авторов сказок выявлено 16 человек, которые отметили, что в 1708 г. являлись чинами Преображенского полка и были при Добром²⁹; из них трое рядовых были ранены. Павел Павлович Жемчужников «под местечком Добрым ранен в голову ж картечью и рука левая перебита пулею навывлет». Рядовой Петр Гаврилович Кашкаров получил ранение в поясницу (причем месяцем позже при Лесной у него была «пробита грудь»). Рядовой Григорий Кузьмич Ширяев («рука и нога пробиты») сообщает, что позднее участвовал в бою «под Рашевкою, где убит лейб-гвардии майор Бартенев». Известно, что в бою при Рашевке 19 февраля 1709 г. сражались 2-й и 4-й батальоны преображенцев, причем Бартенев был смертельно ранен во главе 4-го батальона³⁰. Это позволяет допустить, что при Добром сражался один из двух указанных батальонов. Следует оговориться, что допущение оправданно при условии, что Ширяев с августа 1708 по февраль 1709 г. продолжал служить в одной и той же роте и что в отряд Голицына вошел штатный батальон Преображенского полка, а не сборный из рот разных батальонов.

Лейб-гвардии Семеновский полк. Из 19 человек, бывших при Добром³¹, Герасим Ларионович Барыков являлся адъютантом Голицына; рядовой Григорий Иванович Тихменев был ранен, а рядовой Иван Иванович Левшин (при Лесной, т. е. месяцем позднее Доброго, он служил в 6-й роте капитана А.А. Волкова) сообщил, что «под Добрым, когда баталия была, стояли в сикурстве», т. е. его батальон в деле не участвовал. Это сужает выбор до 1-го (роты 1–4) и 3-го (роты 9–12) батальонов (с учетом тех же оговорок).

Ингерманландский пехотный полк представлен 24 авторами сказок³², включая подполковника Ивана Яковлевича Дупре, который написал, что был ранен в бою. Ранение подполковника подтверждается и «Табелью». Рядовой Феклист Ефимович Лубнин вспомнил, как «на баталии под Добрым несколько тысяч побили», а в 1709 г. после ранения при Лесной вернулся «по-прежнему в тое ж первую роту». Это дает повод предположить, с оговорками, что в отряд Голицына при Добром был командирован 1-й батальон полка.

Астраханский пехотный полк – восемь сказок³³, не сообщающих каких-либо подробностей, кроме того, что прапорщик Глеб Кириллович Игнатьев был ранен.

Гренадерский полк в «Табели» не конкретизирован. Об участии в деле 30 августа заявили: гренадерского Алларта полка адъютант Андрей Иванович Беклемишев, капитан гренадерского полка (ставшего позднее полком Ласси) Матвей Богословский, подпоручик гренадерского полка дивизии Репнина (тоже полк Ласси) Иван Андреевич Мясоедов и поручик Филипп Максимович Куковский³⁴. Последний заявил: «Добринской баталии при гранодерском баталионе был в команде при <...> Голицыне, и на оной баталии ранен, прострелен в ногу правую пулею. <...> И в 709-м году на генеральной баталии Полтавской был при гранодерском полку при господине полковнике Петре Петровиче Леси». Сводные гренадерские части на тот момент носили временный характер и формировались из гренадерских рот пехотных полков; они назывались по имени полковника либо по имени командира дивизии.

Киевский пехотный полк в «Табели» назван «Фельдмаршаловым», так как его шефом был Б.П. Шереметев. При Добром в нем служили 18 человек, оставивших сказки³⁵. В их числе двое были ранены (каптенармус Савин Кандратьев и подпоручик Степан Харитонович Взимков. Еще двое уточнили свое местонахождение в тот день: подпрапорщик Андрей Степанович Мухин «под Добрым в резерве

был», поручик Василий Михайлович Антонов «под Добрым местечком в шанцах за рекою был»; т. е. они не находились в батальоне, ходившем на шведский берег.

Шлиссельбургский пехотный полк – 11 человек³⁶, из коих поручик Григорий Михайлович Свечин «ранен в правую ногу», а полковой лекарь Ян Христофорович Партезиус (Barthisius) записал: «был под Добрым, и раненых после оной акции от Шлиссельбургского одного баталиону 117 человек в лечении было». Число раненых практически совпадает с данными «Табели» (113 человек).

Нарвский пехотный полк: 14 человек³⁷. Трое указали, что во время баталии находились в полевых укреплениях (очевидно, показанных на карте БАН на северном берегу Белой Напы), и, следовательно, не входили в отряд Голицына (прапорщик Иев Никитич Звягин «при Добром в редутах под командою господина подполковника Сукина», подпоручик Гаврила Сергеевич Белавин «при баталии в редутах», сержант Кузьма Подкуров «был в транжементях»). Девятеро не сообщили никаких подробностей, но как минимум двое точно участвовали. Поручик Павел Павлович Бернер был ранен, а подпоручик Алексей Иванович Кушников сообщил важную деталь: «в 708-м году на Добринской баталии в полку при пятой роте под командою господина бригадира Айгуст[ов]а был». Это может означать, что в отряде Голицына часть батальонов, включая 2-й батальон Нарвского полка, была подчинена Савве Айгустову. Нарвский, судя по «Табели», понес наименьшие потери в отряде – 65 раненых и 29 убитых и пропавших; однако бригадир был ранен, а майор – видимо, командир батальона – убит.

Вслед за восемью полками, чье участие в бою подтверждено «Табелью», сказки называют еще ряд пехотных частей.

Белгородский пехотный полк – 12 солдат и офицеров указали, что были при Добром³⁸. Командиром этого полка был участник боя Айгустов, но сам полк, судя по отсутствию уточнений в сказках, скорее всего, непосредственно в бою на шведском берегу не участвовал. Возможно также, что какая-то команда от полка сопровождала бригадира.

Великолукский пехотный полк – 12 человек³⁹, причем двое указывают на участие в бою непосредственно в составе отряда Голицына (Прокофий Петрович Гуларев «командрован был под неприятеля под Добрым в команде господина <...> Голицына, и пожалован я из кап-ралов в сержанты», солдат Семен Чеботарев «в 708-м году был <...>

при местечке Добром в команде господина бригадира Айгустова на штурме»).

Псковский – десять чинов⁴⁰. Нижегородский – семь⁴¹. Новгородский – трое⁴², причем, согласно показаниям солдата Ивана Купряновича Сухотина, «были под Добрым, как шведский корпус стоял через переправу, и против неприятеля делали батареи, и во оных батареях были». То есть полк оставался на русских позициях и в бою Голицына не участвовал. При этом поручик Григорий Михайлович Сонин записал «были командрованы под Добрым с господином <...> Голицыным».

Тобольский – один капитан-поручик⁴³. Каргопольский – один подпоручик⁴⁴; (этот пехотный полк, полковника Стрекалова, в 1708 г. был придан полевой артиллерии). Бутырский пехотный полк – один солдат⁴⁵.

Московский пехотный полк – поручик Степан Петрович Асанов «был на баталии против шведов в команде <...> Голицына»⁴⁶. Сибирский – капитан Петр Федорович Трескин «командован был с полковником Буком под Добрым»⁴⁷. Вологодский – четыре человека, и каждый из них сообщает о важной и новой для нас детали⁴⁸. Поручик Федор Герасимович Тамановский «при местечке Добром был в партии с полковником Буком во время баталии, как была баталия у генерала <...> Голицына»; подпоручик Григорий Кузьмич Гурьев: «под местечком Добрым и стояли об реку [с] шведскою армиею, и как была баталия при помянутом месте, командован я был с полковником Буком в сикурс к господину генералу-поручику Флюку»; поручик Иван Афанасьевич Бочаров «в командовании с полковником Буком в партии под Добрым был»; сержант Варлам Савельев «под Добрым с господином бригадиром Буком был на сикурс». Очевидно, что имеется в виду упомянутый в рукописи Алларта бригадир Бук («Дюк»), который с четырьмя батальонами и восемью пушками обеспечивал тыл драгун Пфлуга. На карте БАН под литерой К обозначена позиция двух полков, причем, в соответствии с текстом Алларта, она «закрыта лесом».

Обратимся к сказкам представителей конных частей. Лейб-шквадрон. Об участии этой отборной драгунской части (другое название, использованное одним из офицеров – Генеральный шквадрон) князя Меншикова сообщают 16 человек⁴⁹. Унтер-офицер Григорий Максимович Белабаршевский записал, что «с господином генералом <...> Голицыным на баталии был под Добрым, как ходили на шведский

корпус чрез болота), таким образом подтверждая данные экспликации к плану из «Книги марсовой» – о том, что Лейб-шквадрон сопровождал отряд Голицына. Драгун Иван Семенович Готовцев уточнил, что «под Добрым ходили пехотой». Интересная подробность, видимо, свидетельствующая, что переправа, предпринятая Голицыным, была не под силу кавалерии, и драгуны Лейб-шквадрона участвовали в операции в пешем строю.

Сибирский драгунский полк – девять человек, один из которых, вахмистр Андрей Иванович Осеев сообщил, что был «под Добрым с генералом Флюком»⁵⁰. Вятский драгунский полк – 26 человек⁵¹, из которых подполковник Иван Михайлович Греков и ряд других офицеров подчеркнули, что были «на баталии под Добрым с господином генералом-поручиком Флюком»; прапорщик Михаила Федорович Камынин был ранен пулей в левую руку. Ростовский драгунский полк – девять человек⁵², из них трое сообщили, что были на баталии с генералом Пфлугом, а прапорщик Федор Петрович Тамурин уточнил, что «во время Добринской баталии в командровании бригадира Везбах». При том, что драгуны в бою участия так и не приняли, возможно, они оказались в зоне огня; капрал Прокофий Семенович Шептицкий «в 708 году был на баталии под местечком Добрым, и ранен, и за оною раню отпущен был к Москве <...> и был в Москве по 717 год». Смоленского драгунского полка – девять человек, из которых драгун Афанасий Иванов сын Полшин указал на принадлежность к отряду Пфлуга, а полковнику Федору Гавриловичу Чекину было «указано править за бригадира в бригаде <...> Флюка»⁵³. Азовского драгунского полка – три человека⁵⁴, причем поручик Юрий Федорович Еропкин, видимо, по ошибке назвал свой полк пехотным и перепутал дату сражения: «под Добрым августа в 17 день с <...> Голицыным». Невского драгунского полка – восемь человек записали, что были при Добром, из них капрал Родион Дорофеевич Аргамаков «был на баталии под Добрым, и ранен, и за оную рану пожалован из капралов в вахмистры»⁵⁵. Московский драгунский полк – пять человек⁵⁶, причем grenadier Василий Ульянович Аминев отметил принадлежность полка к бригаде Ренне («под местечком Добрым был в команде с господином генералом Реном»). Белозерского драгунского полка – два офицера, и оба сообщили, что были под Добрым с генералом Ренне⁵⁷. Владимирский драгунский полк – один поручик, указавший, что был в команде генерала Ренне⁵⁸. Троицкий драгунский полк – двое; драгун Алексей Андреевич Раманов

записал, что был под Добрым с генералом Ренне⁵⁹. Казанский драгунский полк – двое, капитан и драгун⁶⁰. Нижегородский драгунский полк – двое, прапорщик и драгун⁶¹. Архангелогородского драгунского полка – шесть человек⁶²; поручик Василий Иванович Маслов записал, что был под Добрым «в команде» Голицына. Ингерманландского драгунского полка – один драгун⁶³. При князе А.Д. Меншикове при Добром были волонтер Александр Петрович Салтыков, генерал-адъютант Андрей Яковлевич Лицкий и два денщика⁶⁴. Служивший в полевой артиллерии сержант Михайла Васильевич Казанцев был под Добрым с Я.В. Брюсом⁶⁵.

Офицерские сказки как источник требуют осторожного подхода. Во-первых, ветераны могли чего-то не запомнить и что-то перепутать за давностью лет; во-вторых, на их показания могли повлиять показания сослуживцев – когда сказанное одним повторялось другими, не обязательно при этом соответствуя реальному боевому пути офицера. В-третьих, «был при Добром» для одних означало личное участие в переправе, атаке и отступлении отряда Голицына, а для других за той же формулировкой могло скрываться присутствие в армии в день сражения и наблюдение за ним из-за реки. Указание, что автор сказки «был в команде Голицына», по-видимому, часто лишь отражало общеизвестный факт, что М.М. Голицын в тот день командовал отряженными для атаки войсками, и не может служить однозначным свидетельством фактической принадлежности к отряду. В таких условиях о более высоком уровне достоверности сказок говорят уточняющие детали, вроде факта ранения автора или других обстоятельств боя. Чем больше упоминаний в одном полку, тем выше вероятность, что полк действительно принимал участие в бою.

Проведенная работа позволила сделать ряд выводов, которые до сих пор в историографии не озвучивались:

- с высокой вероятностью отступление отряда прикрывал батальон Преображенского полка, понесший наибольшие потери и включивший в себя grenader;

- бригадир Савва Айгустов имел в своей команде 2-й батальон Нарвского полка;

- в бою на какой-то его стадии принимали участие чины Великолуцкого и Белгородского пехотных полков, не упомянутых в «Табели»;

- позиции с полевыми укреплениями по северному берегу р. Белой Напы занимали пехотные полки Новгородский, Псковский и Нижегородский;

– поддержку отряда Голицына в бою на шведском берегу обеспечил Лейб-шквадрон, причем возможно, что эта драгунская часть была спешена;

– в отряд Пфлуга силой 30 эскадронов или 6 полков входили драгунские полки Вятский, Ростовский, Сибирский, Смоленский;

– драгунская бригада Ренне включала полки Московский, Белозерский, Владимирский, Троицкий;

– поддержку завязших в болоте эскадронов генерал-лейтенанта Пфлуга обеспечивал по приказу генерала Алларта бригадир Бук с Вологодским и Сибирским пехотными полками.

Таким образом, стали известны новые подробности этого первого наступательного боя русской армии в присутствии самого Петра. Такие аспекты, как структура отряда Голицына и принципы его формирования предстоит уточнить в ходе дальнейших исследований.

¹ Ведомости. № 11. 4 сентября 1708 г. С. 1–3.

² Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 8. М.; Л., 1948. С. 106.

³ Там же. С. 108, 109.

⁴ Там же. С. 110.

⁵ Там же. С. 111.

⁶ Гудим-Левкович П.К. Историческое развитие вооруженных сил в России до 1708 г. СПб., 1875. С. 154–157.

⁷ Юнаков Н.Л. Северная война. Кампания 1708–1709 гг. Военные действия на левом берегу Днепра (июль–октябрь 1708 г.) // Труды ИРИО. Т. 2. С. 71–74.

⁸ Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 8. М.; Л., 1948. Вып. 2. С. 627–635.

⁹ Беспалов А.В. Битвы Северной войны. М.: Рейтар, 2005. С. 120–122.

¹⁰ Артамонов В.А. Полтавское сражение. Глава 3.3. Бои при Добром, Бели и Раевке [Электронный ресурс] <<http://zapadrus.su/bibli/geobib/poltava/915-kniga-v-artamonova-poltavskoe-srazhenie-glavy-iii-i-iv.html?start=2>> (15.01.2017).

¹¹ Книга марсова или воинских дел от войск царского величества российских. СПб., 1766. С. 59–60; Журнал или поденная записка Петра Великого. СПб., 1770. Ч. 1. С. 163–164.

¹² Книга марсова. С. [58]. План № 6 «Акция под Добрым».

¹³ Сборник военно-исторических материалов. Вып. 1. СПб., 1892. С. 317.

¹⁴ Куракин Б.И. Русско-шведская война. Записки. 1700–1710 // Архив кн. Ф.А. Куракина. Кн. 1. СПб., 1890. С. 312.

¹⁵ Gyllenkrok A. Memoir des schwedischen Generallieutenants Baron Axel Gyllenkrok uber die Feldzuge des Konigs Karl XII. 1708–1709 // Östreichische militärische Zeitschrift. Wien, 1842. Н. 1-3. S. 46; Гилленкрок А. Сказание о выступлении его величества короля Карла XII из Саксонии и о том, что во время похода к Полтаве, при осаде ее и после случилось. [Пер. с нем., введение и примеч. Я. Турунова] // Военный журнал. 1844. № 6. С. 36.

- ¹⁶ Nordberg J.A. Histoire de Charles XII, Roi de Suede. T. 2. Haye, 1748. P. 230–232.
- ¹⁷ Adlerfeld G. The military history of Charles XII. King of Sweden, written by the express order of his Majesty, by M. Gustavus Adlerfeld. Vol. 3. London, 1740. P. 37–39.
- ¹⁸ Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 8. С. 109, 636–638.
- ¹⁹ Там же. С. 345.
- ²⁰ Там же. С. 638.
- ²¹ Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 8. М.; Л., 1948. Вып. 1. С. 156; Вып. 2. С. 716. См. также: Артамонов В.А. Полтавское сражение. Глава 3.3. Бои при Добром, Бели и Раевке. <<http://zapadrus.su/bibli/geobib/poltava/915-kniga-v-a-artamonova-poltavskoe-srazhenie-glavy-iii-i-iv.html?start=2>> Со ссылкой на: РГАДА. Каб. ПВ. Отд. 2. Кн. 8. Л. 811–814, 828, 832 об.
- ²² Бутурлин Д. Военная история походов россиян в XVIII столетии. СПб., 1820. Ч. 1. Т. 2. С. 198.
- ²³ ОР РНБ. Ф. 885 (Эрмитажное собрание). Д. 314. Алларг. История Петра I. Л. 70 об. – 71.
- ²⁴ Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 8. С. 630.
- ²⁵ ОР БАН. Fo 266. Карты, планы, чертежи Петра I. Т. 3. Л. 71.
- ²⁶ Масловский Д.Ф. Записки по истории военного искусства в России. Вып. 1. (1683–1762). СПб., 1891. С. 124–125.
- ²⁷ Тельпуховский Б.С. Северная война 1700–1721. М., 1946. С. 65.
- ²⁸ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. 1. Д. 38. Л. 411; Масловский. Записки. Приложения. С. 33–34.
- ²⁹ Офицерские сказки первой четверти XVIII века. Полевая армия. Сб. документов / Сост. К.В. Татарников. М., 2015. Т. 1. С. 1163; Т. 2. С. 1544, 2009, 2020, 2095, 2161, 2264, 2266, 2390; Офицерские сказки первой четверти XVIII века. Гарнизонные войска. Сб. документов / Сост. К.В. Татарников. М., 2016. Т. 1. С. 459, 461; Т. 2. С. 1128, 1131, 1212, 1217, 1513.
- ³⁰ Труды РВИО. Т. 3. С. 95; Гистория Свейской войны. Вып. 2. С. 437.
- ³¹ Офицерские сказки. Полевая армия. Т. 1. С. 706, 1133, 1266, 1339; Т. 2. 1364, 1441, 1456, 1870, 1891, 2019, 2026, 2046; Офицерские сказки. Гарнизонные войска. Т. 1. С. 539.
- ³² Офицерские сказки. Полевая армия. Т. 1. С. 30, 1081; Т. 2. 1608, 1614, 1618, 1625, 1626, 1631, 1633, 1635, 1636, 1639; Офицерские сказки. Гарнизонные войска. Т. 1. С. 742, 745, 759, 776, 782, 817, 820, 831, 837, 846, 849, 853.
- ³³ Офицерские сказки. Полевая армия. Т. 1. С. 515, 941, 1261, 1271, 1278, 1315; Т. 2. 2038; Офицерские сказки. Гарнизонные войска. Т. 1. С. 120, 375.
- ³⁴ Офицерские сказки. Полевая армия. Т. 1. С. 1146, 1335; Т. 2. С. 2179; Офицерские сказки. Гарнизонные войска. Т. 1. С. 835.
- ³⁵ Офицерские сказки. Полевая армия. Т. 1. С. 297; Т. 2. 1508, 1549, 1585, 1690, 1691, 1693, 1695, 1710, 1711, 1716, 2006, 2108, 2122, 2123, 2244, 2323, 2336.
- ³⁶ Офицерские сказки. Полевая армия. Т. 1. С. 670, 1127; Т. 2. С. 1941, 2355, 2357, 2360, 2371, 2373, 2378, 2386, 2387.
- ³⁷ Офицерские сказки. Полевая армия. Т. 1. С. 1131, 1302, 1341; Т. 2. С. 1543, 1842, 1847, 1849, 1853, 1856, 1860, 1872, 1998, 2014, 2347.
- ³⁸ Офицерские сказки. Полевая армия. Т. 1. С. 1288, 1290, 1291, 1300, 1309, 1314, 1318, 1320, 1321; Т. 2. 2001; Офицерские сказки. Гарнизонные войска. Т. 1. С. 870.
- ³⁹ Офицерские сказки. Полевая армия. Т. 2. С. 1359, 1360, 1369, 1371, 1373–1375, 1383, 1384, 1386, 1413, 1563.

- ⁴⁰ Офицерские сказки. Полевая армия. Т. 2. С. 2043, 2050, 2052, 2055, 2058, 2059, 2062, 2064, 2171; Офицерские сказки. Гарнизонные войска. Т. 1. С. 781.
- ⁴¹ Офицерские сказки. Полевая армия. Т. 2. С. 1942, 1949, 1963, 1976, 1983, 1985; Офицерские сказки. Гарнизонные войска. Т. 1. С. 753.
- ⁴² Офицерские сказки. Полевая армия. Т. 2. С. 1460, 2025; Офицерские сказки. Гарнизонные войска. Т. 1. С. 902.
- ⁴³ Офицерские сказки. Полевая армия. Т. 1. С. 1149.
- ⁴⁴ Офицерские сказки. Полевая армия. Т. 2. С. 2329.
- ⁴⁵ Офицерские сказки. Полевая армия. Т. 1. С. 1316.
- ⁴⁶ Офицерские сказки. Полевая армия. Т. 2. С. 1561.
- ⁴⁷ Офицерские сказки. Полевая армия. Т. 2. С. 2174.
- ⁴⁸ Офицерские сказки. Полевая армия. Т. 2. С. 1407, 1408, 1422, 1424.
- ⁴⁹ Офицерские сказки. Полевая армия. Т. 1. С. 72, 180, 624, 740, 880, 890, 912, 931, 982, 1042, 768; Т. 2. С. 1914; Офицерские сказки. Гарнизонные войска. Т. 1. С. 472, 739; Т. 2. С. 967, 1324.
- ⁵⁰ Офицерские сказки. Полевая армия. Т. 1. С. 112, 133, 851, 856, 857, 859, 865; Офицерские сказки. Гарнизонные войска. Т. 1. С. 865.
- ⁵¹ Офицерские сказки. Полевая армия. Т. 1. С. 118, 128, 129, 142, 289, 292, 293, 298–300, 302, 304, 305, 306, 308, 309, 311, 314, 315, 317–319, 832; Т. 2. С. 1523; Офицерские сказки. Гарнизонные войска. Т. 1. С. 584; Т. 2. С. 1290.
- ⁵² Офицерские сказки. Полевая армия. Т. 1. С. 70, 133, 193, 570, 963, 979, 1055, 1080; Т. 2. С. 1731; Офицерские сказки. Гарнизонные войска. Т. 2. С. 1453.
- ⁵³ Офицерские сказки. Полевая армия. Т. 1. С. 40, 633, 667, 672, 690, 886, 1166; Т. 2. С. 1792.
- ⁵⁴ Офицерские сказки. Полевая армия. Т. 1. С. 145, 873, 943.
- ⁵⁵ Офицерские сказки. Полевая армия. Т. 1. С. 147, 579, 580, 587, 588, 966; Офицерские сказки. Гарнизонные войска. Т. 2. С. 1173.
- ⁵⁶ Офицерские сказки. Полевая армия. Т. 1. С. 125, 691, 846; Т. 2. С. 1927, 2304.
- ⁵⁷ Офицерские сказки. Полевая армия. Т. 1. С. 339, 341.
- ⁵⁸ Офицерские сказки. Полевая армия. Т. 2. С. 2289.
- ⁵⁹ Офицерские сказки. Полевая армия. Т. 1. С. 942; Т. 2. С. 1966.
- ⁶⁰ Офицерские сказки. Полевая армия. Т. 1. С. 352; Офицерские сказки. Гарнизонные войска. Т. 1. С. 364.
- ⁶¹ Офицерские сказки. Полевая армия. Т. 1. С. 665; Офицерские сказки. Гарнизонные войска. Т. 1. С. 478.
- ⁶² Офицерские сказки. Полевая армия. Т. 1. С. 174, 187, 228, 724, 824; Офицерские сказки. Гарнизонные войска. Т. 2. С. 1237.
- ⁶³ Офицерские сказки. Полевая армия. Т. 1. С. 334.
- ⁶⁴ Офицерские сказки. Полевая армия. Т. 1. С. 221, 473; Офицерские сказки. Гарнизонные войска. Т. 1. С. 168, 367, 430.
- ⁶⁵ Офицерские сказки. Полевая армия. Т. 2. С. 1956.

С.С. Мизунов (Санкт-Петербург)

КРЕПОСТНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО В БАЛТИЙСКОМ РЕГИОНЕ НА ПРИМЕРЕ НАРВЫ, АРЕНСБУРГА И ПЕРНОВА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

РАССМОТРЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ обороноспособности западных рубежей Российской империи в первой половине XIX в. имеет важное научное значение при изучении ряда вопросов, связанных как с историей Прибалтийского региона, так и с военной историей Российской империи.

Географическое положение как западных, так и прибалтийских губерний делало их стратегически важным форпостом империи. Система оборонительных укреплений от Финляндии до Польши имела одну важнейшую задачу – защитить столицу России.

Прибалтийский регион являлся важным звеном этой цепи. Сложная и противоречивая этнокультурная и управленческая ситуация здесь сложилась под влиянием ряда важных факторов, к которым несомненно следует отнести и вопрос о крепостном строительстве в период царствования Николая Первого. Именно в этот период произошли наиболее значимые изменения, имевшие важное стратегическое значение для развития региона вплоть до строительства перед Первой мировой войной Морской крепости императора Петра Великого.

Не касаясь подробно общих особенностей законодательной политики в прибалтийских и западных губерниях Российской империи в рассматриваемый период¹, сфокусируем внимание данной статьи на истории крепостей Северо-Запада Российской империи на примере трех цитаделей, находившихся на территории современной Эстонской Республики: Аренсбург, Нарва и Пернов. Отметим лишь, что, несмотря на принятое в историографии раздельное изучение истории собственно западных и прибалтийских губерний России имперского

периода, не следует резко противопоставлять имперскую политику в регионе, протянувшемуся по территории современных Литвы, Белоруссии и центральной Украины, происходившему на территориях современного латвийского и эстонского побережья Балтики. Так или иначе, включенные в состав Российской империи, эти территории имели много сходных черт в управлении. Это выразилось в первую очередь в том, что они продолжали сохранять действие присущих им законов и законодательных обычаев, принятых ранее. Под видом отмены законодательства, предшествовавшего в регионе Российскому, основные законодательные нормы прежних эпох были скопированы российскими законодателями. В Западном крае эта работа по ряду причин не была доведена до логического завершения, а в Прибалтийском генерал-губернаторстве был принят Свод Законов Остзейских губерний.

Судьба прибалтийских фортификационных сооружений в эпоху Николая I предопределила дальнейшие шаги по модернизации крепостного хозяйства на территории современных Белоруссии, Литвы и Польши. Последствия этой политики имели важнейшее значение для развития региона в целом до момента распада Российской империи.²

Отличительными чертами в судьбе крепостей Пернова, Арнсбурга и Нарвы в рассматриваемый период является отсутствие вовлеченности их в военные конфликты и общее моральное устаревание. В отличие от восемнадцатого столетия, когда упоминаемые крепости всерьез рассматривались в виде форпостов на пути к столице, в XIX в. их стратегическое значение стало постепенно снижаться. Оговоримся, что наиболее серьезную роль в регионе вплоть до Крымской войны сохраняла Ревельская крепость, но мы сознательно не рассматриваем ее историю в данный период, ибо она приняла косвенное участие в боевых действиях в период Крымской войны, три же рассмотренные нами крепости подобным испытаниям не подверглись.

Все изучаемые крепости изначально являлись орденскими замками времен Ливонской войны, что косвенно заметно в эстонском названии данного вида фортификационных сооружений – *ordulinnus* (орденский замок).

Важно отметить существенный момент, связанный с административным подчинением городов, в которых были расположены данные крепости. Город Нарва на всем протяжении существования

в границах Российской империи являлся составной частью Санкт-Петербургской губернии, но не Эстляндской. Примечательно также, что в период царствования Павла I Нарва специальным указом не относилась ни к какой губернии, занимая исключительное положение. Павел также вернул городам Прибалтийского края утраченные ими в предыдущее царствование законодательные права и особенности (в частности, в городах региона вновь появились гильдии и цехи. При этом ментально Нарва была ближе именно к губернии Эстляндской. Вопрос о подчинении Нарвы остро дискутировался в 1860 г. (за несколько лет до упразднения Нарвской крепости) в Министерстве внутренних дел. Эстляндский губернатор Суворов предлагал включить Нарву с предместьями (среди них особенно выделялись Ивангород и Гунгенбург) в состав Эстляндской губернии и тем самым соединить ее на карте в единое целое с исторически более близкой для нее областью – Эстляндией³. Однако возобладали мнение графа Блудова о том, что в этих предместьях (особенно в Ивангороде) проживает преимущественно русское население, которое не дорожит особыми правами Нарвы, пожалованными ей на основании шведских привилегий и сохранявшими действие на территории Российской империи. Этот пример косвенно доказывает, что в законодательном плане Нарва все же рассматривалась имперскими властями как часть своеобразного «остзейского мира» в границах российской Прибалтики.

Двойственность административно-территориального положения Нарвы, с одной стороны, и особенностей действовавшего на ее территории законодательства, с другой, привела и к особому положению Нарвской крепости в ряду соседей по региону.

В военном смысле Пернов и Арнсбург изначально подчинялись Лифляндскому округу, и лишь Нарва относилась к Петербургскому, что было следствием нахождения Нарвы в составе Санкт-Петербургской губернии.

С учетом вышеописанных административных особенностей Нарвы в первой половине XIX в. получила дополнительное развитие и Нарвская крепость, которая, по сути, с начала XVIII в. перестала выполнять свою прямую, оборонительную функцию.

В отсутствие реальной военной угрозы в регионе деятельность Нарвской цитадели ограничивалась вопросами перманентного жизнеобеспечения и поддержания боеспособности крепости на случай, если нападение все же произойдет. Следует также отметить, что

в период существования Российской империи два крепостных хозяйства – в Ивангороде и Нарве – по сути представляли собой единое целое.

Анализ переписки крепостной артиллерии в Нарве в этот период ярко показывает характер озабоченности командования вопросами строительства на территории цитадели⁴. Постоянно идет речь о замене гнилых пушечных сараев новыми каменными. Этот перманентный характер ремонтных работ в цитадели не должен навести на мысль о пустой трате денежных средств на содержание крепости, ибо власть отчетливо осознавала необходимость поддержания ее боеспособности. Так, в частности, был поднят вопрос о «неисправлении в Нарвской крепости Ивангородских башен».⁵ Планировалось перенести порох в восемь башен на территории Ивангородской крепости, но в связи с их давним запустением и наличием свободного места собственно в Нарвской цитадели это решение не было приведено в жизнь.

Из архивных документов видно, что Нарвскую крепость на протяжении всего царствования Николая I старались активно модернизировать. Веяния времени выразились, в частности, в повелении императора, состоявшемся в 1845 г. Отныне запрещалось строить на территории Нарвской крепости деревянные дома, при постройке или перестройке каменных строений стало необходимо придерживаться готического стиля, «дабы сохранить и применяться сколь можно более древности существующих там зданий».⁶

Судя по объемам переписки о деятельности Нарвской крепости и ее разноплановости, можно сделать вывод о большем значении ее для имперской власти в сравнении с двумя другими ведущими крепостями данного региона, сохранявшими значение во второй четверти XIX в. – Перновом и Аренсбургом. Именно это обстоятельство сыграло важную роль в сохранении крепости до начала 1860-х гг. в боеспособном состоянии. Административно крепость прекратила свое существование вместе с Ревельской, после чего закончилась история крепостей Прибалтийского региона, начавшаяся еще в Средние века.

Отсутствие военной угрозы для региона непосредственно в 1830-е гг. заставило по-новому расставить акценты имперской политики в крепостном строительстве Прибалтийского края и направить основные силы и средства на модернизацию укреплений Ревеля, где начиная с 1810-х гг. расширилась площадь крепости за счет

территории, ранее занятой представителями местного еврейского населения, а в 1830-е гг. была построена Батарейная тюрьма, остававшаяся главным пенитенциарным учреждением в городе до конца существования Российской империи (закрыта в 1995 г. и до этого была самой большой в Таллине).

В Аренсбурге и Пернове в данный период были проведены работы по срытию большей части укреплений в связи с их объективной ненужностью. Стратегическое значение потеряла не только Перновская крепость, на берегу Перновского (Пярнуского) залива, но и находившаяся на острове Эзель (Сааремаа) Аренсбургская крепость, несомненно, главный стратегический объект на Моонзундских островах на момент описываемых событий.

В частности, документы архива ВИМАИВиВС указывают на продажу чугуна по рублю за пуд из имущества бывшей крепости в Аренсбурге. Крепость здесь была упразднена в 1834 г., и все годное артиллерийское имущество было передано действующим крепостям, негодное же попытались продать на аукционных торгах. Желающих купить непригодные чугунные пушки, снаряды и колеса не нашлось, и чугун был «сдан для хранения в гражданское ведомство». ⁷ Продать его предлагалось прямо на острове Эзель, ввиду затратности на перевозку на материк. А в случае продажи чугуна уже на материке предполагалось продать его уже за 1 рубль 50 копеек за пуд. Причем подобные продажи негодного чугуна не были экстраординарным событием для действовавших крепостей Северо-Запада империи. На страницах процитированного документа в качестве сравнения приводится информация о подобных продажах в Кронштадте, Выборге, Вильне, Ревеле, Риге, Динамюнде, Вильманстранде и Пернове ⁸.

Вопрос вызывает продажа чугуна из Аренсбурга в Пернов, при том, что и в Пернове крепость была ликвидирована за ненадобностью уже в 1835 г. Личный состав из Аренсбурга были также изначально переведен именно в Пернов и уже после упразднения там крепости – в Новогеоргиевск (так с 1834 г. стала называться польская крепость Модлин). Все это может указывать на непоследовательность в действиях имперской администрации. Мы склоняемся к версии о том, что в ходе протекавшей в этот момент быстрой модернизации Ревельской крепости постепенно приходило осознание необходимости уничтожения рассматриваемых крепостей. Все же именно Ревель считался главным форпостом на пути к Санкт-Петербургу, и поэтому этой крепости придавалось ведущее значение в Остзейском регионе.

Притом стратегическая роль Ревеля во второй четверти XIX в. значительно возросла в сравнении с двумя крепостями в окрестностях Риги, что нашло свое отражение в успешной модернизации береговых батарей на Ревельском заливе и впоследствии помогло отразить нападение английского флота в Крымскую войну.

В самой Перновской крепости, которая к 1835 г. была исключена из числа штатных, начался процесс уничтожения ее остатков. Городские власти приняли на себя управление крепостными верками и казенными военными зданиями без обязательства осуществлять текущий ремонт этих построек, и вместе с тем на них легла обязанность предотвращать разрушение бывшей крепости и ее разорение местными жителями. Река Пернова (Пярну) в 1836 г. была соединена с крепостным каналом, однако благоустройство мостов через него стоило городу значительных сумм, по заверениям магистрата. Наличие крепостных сооружений лишало город значительных площадей под застройку частным сектором. Но при этом с западной и южной стороны крепостные верки выполняли функцию защиты Пернова от наводнений. Вместе с тем в случае сноса остатков укреплений город расширялся в два раза. Надобность в дальнейшем существовании верков была отвергнута городскими властями ввиду их постепенного разрушения. Наиболее пригодные для использования здания на территории бывшей крепости перестраивались под гражданские нужды, более того, сохранявший торговое значение Пернов остро нуждался в новых территориях. Наличие крепостных сооружений объективно мешало реализации проекта соединения Чудского озера с Балтийским морем через систему Феллинских озер⁹.

Ожесточенные споры магистрата и инженерного департамента Военного министерства показывают неуверенность представителей последнего в необходимости полного уничтожения крепости. Они считали необходимым сохранить крепостные верки для возможного приведения крепости в боевую готовность в будущем. На этом основании городскому магистрату на первых порах было отказано в полном сносе остатков крепости. Через четверть века, в 1859 г., комитет по защите берегов Балтийского моря поддержал ходатайство тогдашнего Прибалтийского губернатора Александра Аркадьевича Суворова о сносе верков Перновской крепости и мостов около въездных ворот в крепость. Мнение Суворова было основано на том, что крепость не была задействована в боевых действиях на Балтийском театре военных действий в Крымскую войну и фактическая не-

обходимость в ней отпала.¹⁰ Уже в эпоху следующего царствования (в 1864 г.) был окончательно разработан проект полного срытия крепостных укреплений, и на это были выделены необходимые финансовые средства. Необходимо заметить, что деньги на снос последней части крепости были выручены от сдачи в наем домов, выстроенных на месте, освободившемся после завершения первой части работ по сносу крепости. Но и здесь город столкнулся с трудностями по части ширины улиц на месте бывших крепостных стен. Они были меньше 10 саженей шириной, что противоречило действовавшему тогда Строительному уставу. Предлагалось их расширить с 4 до 6 саженей, но в итоге было принято решение не расширять их вовсе. Ширина более 6 саженей могла помешать компактной застройке улиц на месте бывших укреплений. Однако, эти улицы не играли серьезной роли в городском сообщении и остались без расширений и существенных перестроек. Итоги этих решений предопределили внешний вид старой части Пярну и по сей день.

В эпоху после Польского возмущения 1830–1831 гг. основным стратегическим направлением на западных рубежах Российской империи стала Польша и часть современных Белоруссии и Латвии (с крепостями Брест-Литовск, Бобруйск и Динабург). Большинство этих крепостей или были заложены, или продолжали активно отстраиваться в 1830-е гг. Приморское же направление крепостного строительства в Балтийском регионе в этот период стало жертвой постепенного смещения акцентов в сторону Литвы и Польши, где оно продолжалось до падения монархии в России намного более серьезными темпами, нежели на берегах Балтийского моря. После начала милютинской военной реформы последние крепости в регионе (Нарва и Ревель) прекратили свое существование.

Стоит заметить, что в связи с практически полным уничтожением Перновской крепости, частичным сносом и уничтожением (на протяжении всего XIX в.) укреплений в Ревеле (Таллине) и практически полным разрушением Нарвы в годы Второй мировой войны именно Арнсбургская крепость является единственной в регионе, которая сохранилась до XXI в. практически в первозданном виде.

Понимание особенностей крепостного строительства позволяет лучше понять градостроительные традиции Прибалтийского края Российской империи, а также оценить важнейшую роль в деле защиты Санкт-Петербурга. Наиболее активно эта функция выполнялась в восемнадцатом столетии. С началом сепаратистских выступлений

в литовских губерниях и Царстве Польском в 1830-е гг. основная часть сооружений, защищающих западные границы, была перенесена именно туда, во многом в ущерб Прибалтийскому региону. Но уже перед Первой мировой войной вернулась к жизни идея о ведущей стратегической роли балтийских городов. Первая половина XIX в. стала важнейшей вехой в крепостном строительстве на западе империи, и недооценивать этот во многом спокойный период истории Прибалтики ни в коем случае нельзя.

¹ Нольде А.Э. Очерки истории кодификации местных законов при графе Сперанском. Вып. 2. СПб.: Сенатская типография, 1913.

² РГИА. Ф. 1286. Оп. 17. Д. 986. Л. 77, 78.

³ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 3. Оп. Крепостная. Д. 3669.

⁴ Там же. Л. 4, 4 об.

⁵ Там же.

⁶ РГИА. Ф. 1287. Оп. 31. Д. 1037. Л. 1.

⁷ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 5. Оп. 4. Д. 78.

⁸ Отметим здесь принципиальную разницу между двумя близко расположенными крепостями в Риге: Рижская цитадель – в пределах Старой Риги, а Дюнамюнде – на берегу Рижского залива в районе нынешнего района Болдерая.

⁹ РГИА. Ф. 1287. Оп. 39. Д. 1275. Л. 1–3.

¹⁰ Там же. Л. 19–21 об.

Д.Ю. Милосердов (Москва)

ЛОХАР – МИФЫ И РЕАЛЬНОСТЬ

ОДНИМ ИЗ ЛЮБОПЫТНЫХ АРТЕФАКТОВ, который принято считать предметом вооружения из Афганистана, является лохар (lohar). Это мнение утвердилось в западных оружейведческом и антикварном сообществах (а следом и в российских) благодаря Дж.К. Стоуну. В своем «Глоссарии оружия и доспехов...», впервые изданном в 1934 г., он пишет о данном предмете следующее: «Лохар. Небольшой клевец (кирка), использующийся вместо меча в племени Банохи (Banochie)¹, народа Хайбер. Каждый мужчина изготавливает его самостоятельно и украшает рукоять серебром и латунью. Каждый экземпляр по-своему индивидуален из-за этого, но в то же время все они похожи друг на друга²». Также в «Глоссарии» приводится изображение предмета, который принято сейчас называть «лохар», с подписью: «Лохар, народ банохи³. Полностью стальной, но рукоять покрыта латунью. Рукоять и одна сторона клинка украшены серебром. Общий размер – 40 см⁴».

Сложно себе представить целое племя, где каждый мужчина является кузнецом, способным изготовить лохар, и более того, владеет навыками ювелира и способен декорировать этот предмет в технике всечки и гравировки. Кроме Стоуна, слово «лохар» ни в каких источниках не соотносится с предметом нашего обсуждения. Единственное значение слова «лохар», встречающееся в литературе XIX в., это – кузнец⁵. Современные авторы уточняют, что лохар – это профессиональная каста кузнецов, получившая свое название от слова «лоха» (loha), на хинди обозначающего железо⁶. Нам неизвестно, на каком основании Стоун связал касту профессиональных кузнецов с реально существующими в Афганистане предметами, но так как

этот термин используется с 1934 г., мы считаем правомочным использовать это название и далее.

Что же представляет из себя «лохар», который описал Стоун? Его размер варьирует от 30 до 45 см. «Основная» часть, выполненная из стали, имеет Г-образную форму. Роль «верхней перекладки» выполняет плоский в сечении «клинок», с незначительно выгнутым утолщенным обухом и слабовогнутым лезвием. Место соединения утолщено. Стальное четырехгранное в сечении «древко» переходит в рукоять, в форме усеченного конуса, в которой фиксируется всадным способом (хвостовик расклепан) с более широкой стороны. Рукоять выполнена из кости или дерева. Сверху и снизу она закрыта колпачками из латуни или, реже, меди. Костяные и металлические детали рукояти могут быть покрыты примитивной гравировкой (если использовалась кость, то поверх штрихов гравировки часто наносилась красная мастика). Стальные детали рукояти и клинка практически всегда украшены примитивной чеканкой и гравировкой, а в некоторых случаях всецело латунью, медью или серебром (а иногда и всеми вышеуказанными металлами) (ил. 1).

Ил. 1. Лохар, который описал Стоун

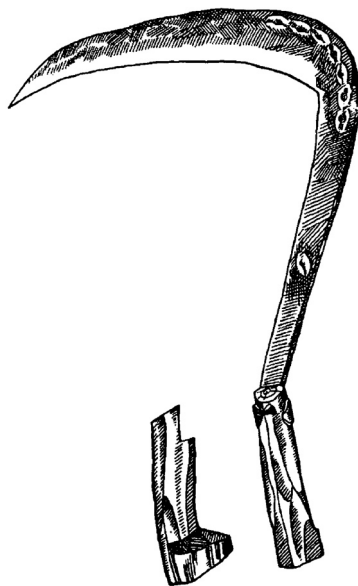
К сожалению, в оружейведческой литературе лохар, кроме как у вышеупомянутого Стоуна, больше не упоминается. Неизвестны также изображения конца XIX – начала XX вв. жителей Афганистана с лохарами. Попытки выяснить о нем что-то у информантов из Афганистана дали две версии. Согласно первой версии (от западных коллекционеров и исследователей восточного оружия), лохар не имеет никакого отношения к оружию. В Афганистане этот предмет назы-

вается куланг (koolang) и якобы используется для того, чтобы откалывать лед и сахар. Лед продается на рынках в огромных блоках, от которых необходимо отделять куски меньшего размера. Сахар ранее продавался в головках, которые тоже как-то необходимо было разделять. Мы считаем эту версию несостоятельной, потому что топорики для сахара и льда в данном регионе выглядят иначе⁷, что подтверждается сообщениями от местных жителей.

Согласно второй версии, продемонстрированный афганцам (таджикского происхождения) вышеописанный лохар единодушно был назван ими – даас (daas *داس*) и опознан как сельскохозяйственное орудие. Эта версия показалась нам более реальной, и мы решили изучить вопрос в этом направлении. Судя по всему «даас» – это искаженное таджикское «дос». Это слово имеет отношение к сельскохозяйственным орудиям. Орудием жатвы у узбеков является серп, называемый у узбеков – «урок» или «урак»⁸, а у таджиков «дос» или «дост»⁹. Подобные серпы отличаются от привычного «русского серпа» меньшей изогнутостью дуги, гладким лезвием без зубцов, расположенным почти под прямым углом к рукояти¹⁰. Подобные серпы достаточно широко распространены в Центральной Азии и описаны многими исследователями и в разных ее районах¹¹. Например, на территории современной Киргизии бытовал аналогичный серп под названием орок¹². Не был обойден вниманием и Афганистан. «Орудия труда, употребляемые афганцами, относятся к типам, широко распространенным в Передней и Средней Азии и Северной Индии... Серп афганцы называют – лор»¹³. Для нас наиболее интересным является то, что все вышеназванные серпы, отличающиеся друг от друга названиями, по своему внешнему виду и материалам, используемым при изготовлении, практически идентичны. И очень похожи на рассматриваемый нами лохар. Изогнутый железный клинок с внутренней заточкой переходит в узкое железное предручье (шейку серпа), к которому снизу крепится деревянная рукоять, круглая в сечении¹⁴. Мы считаем, что описанный у Стоуна «лохар» – это обычный серп, традиционно используемый афганцами и называемый ими – лор (lor)¹⁵ (ил. 2). Кстати, вполне возможно, что термин «лохар», возник в связи с тем, что слово «лор», обозначающее серп, было неправильно услышано или записано и попало к Стоуну в искаженном виде.

Серпы, будучи сходны по форме, часто отличались размером: «По своему назначению серпы у таджиков Афганистана подразделялись на серпы для жатвы различных трав – “дос-и кадрав”, серп для жатвы

хлебов – “дос-и гандумдарави”, серп для отрезания ветвей деревьев...»¹⁶. При этом важным моментом является незначительный размер клинка серпа в XIX – начале XX в. (10–15 см), связанный с высокой стоимостью железа¹⁷. Не менее важным моментом является то, что серп у народов Центральной Азии не только сельскохозяйственный инструмент, но и сакральный предмет, использующийся в различных обрядах. Например, при первом выгоне скота из хлебов под порог клали серп или, если его не было, топор, чтобы у животных «душа была крепче железа»¹⁸. Во время одного из обрядов Бобои Декхон (покровитель земледелия) призывал благословение духа-покровителя на нового земледельца и передавал мальчику в руки серп¹⁹. Также известен танец с серпами, воспроизводящий процесс жатвы, который исполняли исключительно мужчины²⁰, и танец «Аиста», исполняемый женщинами и также связанный с культом плодородия²¹. В некоторых районах серп использовали для перерезания пуповины у новорожденного²². Серп считался надежной защитой от злых духов²³.

Ил. 2. Серп, традиционно используемый афганцами и называемый ими – лор (lor)

По аналогии с вышеупомянутыми серпами, мы считаем, что изначально лохары, описанные Стоуном, использовались в качестве серпов для жатвы. Крупные образцы и были – серпами. Появление богато декорированных образцов небольшого размера, с рукоятями из кости, малопригодных для своей основной функции – срезания стеблей, скорее всего, объясняется тем, что эти предметы в семьях использовались во время различных обрядов. А в повседневное время служили украшением жилища. Что, кстати, объясняет, почему они декорированы только с одной стороны, а с другой – гладкие (ил. 3).

Использовались ли лохары в качестве оружия? Безусловно. Этому есть ряд свидетельств. Например, в долине Банну среди местных

Ил. 3. Лохары, описанные Стоуном, декорированы только с одной стороны, а с другой – гладкие

жителей бытовала поговорка: «Для настоящего мужчины серп – это афганский нож»²⁴, в которой серп прямо ассоциируется с ножом. Судя по всему, серпы были не только криминальным оружием²⁵, но и оружием для внутриплеменных поединков, при решении бытовых конфликтов, о чем пишет Белью²⁶, а также применялись в сражениях между племенами (мужчины из Талла и вазиры), когда серп использовался наравне с клинковым оружием (мечом)²⁷.

Кроме лохара, описанного Стоуном, известен вариант складного лохара²⁸ (ил. 4). Выглядит он следующим образом. Общий размер 35–40 см, «клинка» 17–20 см. Мощная рукоятка аналогична рукояти афганского ножа чуры. Она состоит из двух костяных и роговых, а часто чередующихся наборных щечек и расширяется на конце небольшими «ушами», которые часто декорированы циркульным орнаментом.

Верхняя треть рукояти выполнена из латуни. Через латунные детали проходит штифт, который фиксирует в подвижном положении среднюю деталь конструкции, аналогичную «шей-

Ил. 4. Складной лохар

ке» серпа и выполненную из двух железных полос, декорированных сверху идентичными железным по форме латунными накладками, декорированными циркульным орнаментом. Клинок более мощный, чем у «нескладных» лохаров, описанных Стоуном, украшен геометрическим орнаментом, выполненным латунной насечкой. В месте перехода «шейки» серпа в «клинок» также установлен штифт, обеспечивающий относительную подвижность клинка. Благодаря этим штифтам лохар складывается в три раза, и его размер уменьшается до 24 см (ил. 5). При этом одним движением кисти лохар можно «открыть». В

Ил. 5. Складной лохар, сложенный в три раза

районе «ушей» и в месте перехода «шейки» в «клинок» находятся фиксирующие элементы, позволяющие после открытия зафиксировать складной лохар в форме типичного серпа (ил. 6).

Ил. 6. Складной лохар, зафиксированный в форме обычного серпа

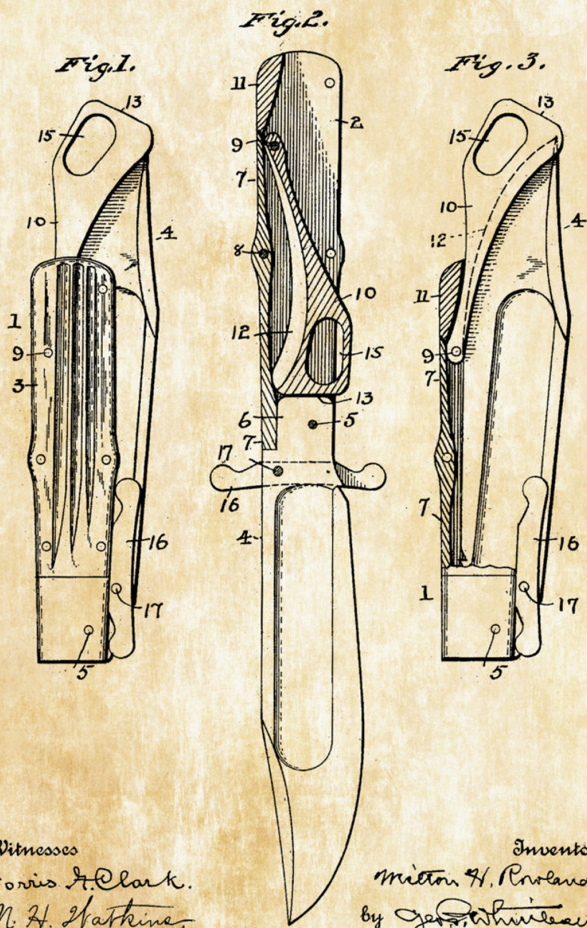
Мы считаем, что складной лохар «появился» в начале XX в., потому что механизм, аналогичный используемому при складывании и раскладывании этого лохара, был запатентован для складных ножей

United States Patent Office

No. 728,416.

PATENTED MAY 19, 1903.

M. H. ROWLAND.
HUNTING KNIFE.

Ил. 7. Механизм складного ножа, запатентованный в 1903 г. в патентном бюро США, аналогичный механизму складных лохаров

в 1903 г. в патентном бюро США²⁹ (ил. 7). В Афганистане известны складные ножи с аналогичным механизмом, вероятнее всего, копирующие английские образцы. Появление подобных складных ножей и складных лохаров в Афганистане, скорее всего, было своеобразным ответом на запрет на ношение оружия, введенного англичанами еще в 1879 г.: «Ношение любого вида оружия запрещено. Любой, кого обнаружат вооруженным в населенных пунктах, будет приговорен к смертной казни через повешание»³⁰. Афганцы, задержанные с оружием в руках, расстреливались и вешались без суда и следствия³¹. Казалось бы, традиционный серп, форму которого повторяет лохар, является сельскохозяйственным инструментом и не должен рассматриваться как оружие. Тем не менее, еще в 1871 г. англичане в Индии приравнивали многие сельскохозяйственные инструменты к оружию, отмечая, что орудия труда используются для нанесения травм и убийства³². А в начале XX в. они вообще были внесены в «Перечень закона об оружии», в котором приводился список оружия, запрещенного к ношению³³.

Складные ножи с фиксирующимся клинком и складные лохары, благодаря небольшому размеру в сложенном состоянии, позволяли незаметно спрятать их в одежде. Надо отметить, что помимо фиксации лохара, после его раскрытия в форме серпа, клинок можно развернуть еще больше. В таком случае клинок, «шейка» и рукоять находятся практически на одной оси, и лохар увеличивается в размерах до 50 см (ил. 8). В таком положении клинком лохара можно

Ил. 8. Лохар, раскрытый так, что он соотносится по размеру с длинноклиновым оружием

наносить секущие удары. По нашему мнению, это позволяло его владельцу успешно защититься от противника, вооруженного хайбером или даже длинноклиновым оружием.

Подводя итог нашему небольшому исследованию, мы считаем, что, опираясь на литературные источники и косвенные факты, можно утверждать, что лохар (он же лор, он же даас) в Афганистане и

Северной Индии в конце XIX – начале XX в. широко использовался в качестве сельскохозяйственного орудия (серпа), а также в качестве ритуального предмета и оружия. В качестве холодного оружия он получил дальнейшее развитие – как предмет с индивидуальным дизайном и как основа для конструктивных новаций (скаладной лохар).

¹ Судя по всему, речь идет о народности «банучи» (Banuci, Bannuchi), относящейся к пуштунам и населяющей ныне Банну в провинции Хайбер-Пахтунхва в Пакистане.

² Stone G.C. A Glossary of the Construction, Decoration and Use of Arms and Armor in All Countries and in All Times. New York, 1961. P. 419.

³ Thorburn S.S. Bannu: or Our Afghan frontier. London, 1876. P. 16–17.

⁴ Stone G.C. A Glossary... P. 418.

⁵ Etherington W. The Student's Grammar of the Hindī Language. Benares, 1873. P. 40; Forbes D. A dictionary, Hindustani and English, accompanied by a reversed dictionary, English and Hindustani. London, 1866. P. 653; Inglis J. Tent Life in Tigerland: With which is Incorporated Sport and Work on the Nepaul Frontier, Being Twelve Years' Sporting Reminiscences of a Pioneer Planter in an Indian Frontier District. London, 1892. P. 500–501.

⁶ Chandhoke S.K. Nature and Structure of Rural Habitations. New Dehli, 1990. P. 99; Singh K.S. People of India: Rajasthan. Mumbai, P. 2, XXXVIII, Vol. 1998. P. 589.

⁷ Allan J., Gilmour B. Persian Steel: The Tanavoli Collection. New York, 2000. P. 97.

⁸ Бродовский М.И. Заметки о земледелии в Самаркандском районе // Русский Туркестан. Сборник, изданный по поводу Политехнической выставки. Вып. 2. Статьи по этнографии, технике, сельскому хозяйству, естественной истории / Под ред. В.Н. Троцкого. М., 1872. С. 245.

⁹ Семенов А.А. Этнографические очерки Заревшанских гор, Каратегина и Дарваза. М., 1903. С. 52, 63; Фирштейн Л.А. Земледельческие орудия таджиков и узбеков // Традиционная культура народов Передней и Средней Азии. Сборник Музея антропологии и этнографии. Л., 1970. Т. 26. С. 174; Мухиддинов И. Сельскохозяйственные орудия таджиков Ишакшимского района Горно-Бадахшанской автономной области Таджикской ССР (Горон, Ишакшим, Вахан) // Советская Этнография. 1971. № 1. С. 96.

¹⁰ Фирштейн Л.А. Земледельческие орудия таджиков и узбеков. С. 176.

¹¹ Olufsen O. The Emir of Bokhara And His Country // Journeys and Studies in Bokhara. London, 1911. P. 493.

¹² Антипина К.И. Особенности материальной культуры и прикладного искусства южных киргизов. По материалам, собранным в южной части Ошской области Киргизской ССР. Фрунзе, 1962. С. 133–134.

¹³ Loewenthal I. Is the Pushto a Semitic language // Journal of the Asiatic Society of Bengal. № IV. Calcutta, 1861. P. 327; Прошин Н.И. (отв.ред.) Зарубежная Азия. Общий обзор. Юго-Западная Азия. М., 1979. С. 104–105.

¹⁴ Фирштейн Л.А. Земледельческие орудия таджиков и узбеков. С. 175.

¹⁵ Bellew H.C. A Dictionary of the Pukkhito or Pukshito Language, in which the words are traced to their sources in the Indian and Persian languages. Lahore: Rai Sahib M. Gulab Singh & sons, 1901. P. 145.

¹⁶ Махмадшоев Р. Таджики Афганистана в новое время. Очерки истории, хозяйства и материальной культуры. Душанбе: Дониш, 2001. С. 69.

- ¹⁷ Мухиддинов И. Жатва и связанные с ней обряды в Вахане и Ишкашиме (XIX – начало XX века) // Советская Этнография. 1971. № 5. С. 120.
- ¹⁸ История материальной культуры Узбекистана. Т. 23. Ташкент: Фан, 1990. С. 203.
- ¹⁹ Пещерева Е.М. Гончарное производство Средней Азии // Труды Института этнографии, нов. сер. Т. 42, М.; Л., 1959. С. 130.
- ²⁰ Нурджанов Н. Традиционный театр таджиков: В двух томах. Душанбе: Дизайн-студия «Мир путешествий», 2002. Т. 1. С. 258.
- ²¹ Там же. С. 216.
- ²² Кислов Н.А. Семья и брак у таджиков (По материалам конца XIX в. – начала XX в.). М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1959. С. 51.
- ²³ Мурадов О. Представления о дэвах у таджиков средней части долины Заревшана // Советская Этнография. 1973. № 1. С. 149.
- ²⁴ Thorburn S.S. Bannu; or our Afghan frontier. London, 1876. P. 243.
- ²⁵ Annual Report. The Post Office of India. 1904–1905. Calcutta, 1905. P. 14.
- ²⁶ Bellew H. W. Journal of a Political Mission to Afghanistan is an account of a mission undertaken by Henry Burnett Lumsden, a British officer in the Indian army, to Kandahar, Afghanistan, in 1857. London: Smith, Elder and co., 1862. P. 261; Currie F. The Indian Criminal Codes. London, 1872. P. 236.
- ²⁷ Paget W. H. A Record of the Expeditions Undertaken Against the North-West Frontier tribes. Calcutta, 1874. P. 280.
- ²⁸ Tirri A. C. Islamic Weapons: Maghrib to Moghul. USA, 2004. P. 247.
- ²⁹ № 728.416. PATENTED MAY 19, 1903.1 M. H. ROWLAND. HUNTING KNIFE.
- ³⁰ Adamec L.W. The A to Z of Afghan Wars, Revolutions and Insurgencies. Scarecrow Press, 2010. P. 283.
- ³¹ Халфин Н. А. Провал британской агрессии в Афганистане (XIX в. – начало XX в.). М.: Издательство социально-экономической литературы, 1959.
- ³² Chevers N. Medical Jurisprudence in India // The Calcutta Review. Vol. LII. Calcutta, 1871. P. 40.
- ³³ Chatterjee R. The Modern Review. № 12. Calcutta, 1912. P. 62.

Д.Ю. Милосердов (Москва)

ОСТЕОЛОГИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ РУКОЯТЕЙ КЛИНКОВОГО ОРУЖИЯ XIX–XX веков. В АФГАНИСТАНЕ И СРЕДНЕЙ АЗИИ

ОПУБЛИКОВАННАЯ В 2012 г. в сборнике конференции «Война и оружие» статья, посвященная определению остеологического материала, использовавшегося при изготовлении рукоятей клинкового оружия Индо-Иранского региона¹, показала значительный интерес работников музеев и частных коллекционеров к вопросам, затронутым в статье. В связи с актуальностью данной работы мы решили продолжить начатую тему, сконцентрировавшись на регионе, который в статье 2012 г. был рассмотрен, на наш взгляд, недостаточно, а именно: на Афганистане и Средней Азии.

Оружие этого региона само по себе мало изучено, представляя определенную «terra incognita». Постепенно эта ситуация меняется в лучшую сторону, но задачи музейного сотрудника, а тем более частного коллекционера, бывают не столь глубоки и требуют лишь корректного описания экспоната и его атрибуции. И если мы говорим о клинковом оружии, то немаловажным является идентификация материала рукояти. Порой это знание помогает точно определить, где был изготовлен, а возможно и бытовал, тот или иной предмет.

В отличие от прошлой статьи, в которой мы шли от общего, а именно от остеологических материалов, в этой работе мы решили пойти непосредственно от самих предметов. В статье рассматриваются разные образцы традиционного оружия и остеологические материалы, использованные при изготовлении их рукоятей.

Типичное длинноклинковое оружие Афганистана и Средней Азии, при изготовлении рукоятей которого используются остеологические материалы – шамширы и шашки² (ил. 1).

Ил. 1. Шашка и шамшир из Афганистана

Клинок афганской шашки однолезвийный, с фальшлезвием, слабо изогнут, не широкий. Ближе к обуху может быть выражен один тонкий или широкий дол, идущий до фальшлезвия. Ближе к пяте на клинке часто можно обнаружить клейма арсенала в Кабуле «Машин Хана». Две накладки, приклепанные к широкому хвостовику тремя стальными заклепками, под которые подложены серебряные или железные шайбы, занимают две трети от рукоятки. Навершие рукояти образуют маленькие изящные «уши». Верхняя треть рукояти металлическая, чаще железная, а иногда серебряная, напаяна на хвостовик или приварена кузнечной сваркой. По спинке и брюшку могут проходить стальные накладки-пояски. Рукоять утапливается в обтянутые кожей деревянные ножны так, что наверху остается только навершие рукояти³.

Необходимо отметить, что при изготовлении афганских шашек остеологические материалы использовались, судя по известным нам экземплярам этого оружия, не так часто. Большинство известных нам шашек из Афганистана комплектовалось деревянными рукоятками⁴. Тем не менее, рукояти некоторых афганских шашек изготавливались как из кости, так и из рога. Нам известны единичные экземпляры, рукояти которых выполнены из спрессованного рога полорогих⁵, как на кавказских кинжалах⁶, моржовой⁷ и слоновой кости, а также из трубчатых костей копытных животных.

Шамшир – сабля иранского происхождения⁸. Надо отметить, что шамширом в Персии и Афганистане называли и называют любое длинноклинковое оружие, в том числе и с прямым клинком. Но мы в своей статье будем рассматривать «классический» шамшир конца XVIII – начала XX в., так как большинство исследователей, музейных работников и коллекционеров сталкиваются в основном с шамширами, относящимися именно к этому периоду. Клинок этой

сабли узкий, обычно достаточно длинный и имеет значительную кривизну. В сечении он линзовидный или плоский. Елмани чаще всего нет. Рукоять прямая, с загибом под мизинцем, направленным в сторону лезвия и позволяющим лучше удерживать саблю (угол «загиба» порядка 90 градусов). Состоит из двух костяных или, реже, роговых накладок, приклепанных простыми заклепками к хвостовику. Накладки из кости традиционно ставились так, чтобы пульпа моржового клыка была повернута наружу. Со стороны навершия рукояти накладки дополнительно фиксируются стальным колпачком, а со стороны клинка – стальным простым прямым перекрестьем⁹.

На шамширах из Афганистана, в отличие от шашек, реже встречаются рукояти из дерева. Судя по всему, те шамширы, которые изготавливались в этой части Центральной Азии, комплектовались рукоятями из рога полорогих или из трубчатой кости. Также в Афганистане бытовали шамширы из Персии с рукоятями из слоновой¹⁰ и моржовой¹¹ (которая ценилась в Иране¹²) кости. Рукояти вышеназванного длинноклинового оружия в Афганистане монтировались одинаково – из двух гладких накладок, приклепанных к хвостовику.

Типичным холодным оружием Афганистана можно считать хайберы (хайберские ножи) (рис. 2). Занимая промежуточное положе-

Ил. 2. Хайбер из Афганистана

ние между длинно- и короткоклинковым оружием, хайберы представляют отдельную группу оружия. Это оружие обладает тяжелым прямым, Т-образным в сечении клинком значительной длины, со значительно расширяющимся к рукояти лезвием, так что часто нижняя часть лезвия играет роль гарды. Обух чаще всего прямой, невыделанный. Видимо, функциональность их была так высока, что после вторжения афганцев в Индию эти ножи-гесаки прижились и в Северной Индии, где можно встретить богато украшенные образцы. Ножны конические, деревянные и обтянутые кожей или тканью,

часто с длинным металлическим наконечником, декорированным выступающими гранями-«ребрами». Рукоять утапливается в ножны почти на две трети, так что видно только навершие¹³. Накладки рукоятей хайберов изготавливались из рога полорогих с насечками¹⁴ (ритмически повторяемые штрихи или линии, очень редко без них)¹⁵ или слоновой кости (без насечек)¹⁶. В качестве исключения использовалась моржовая кость¹⁷ или трубчатые кости копытных (в редких случаях и, вероятно, на поздних образцах).

Короткоклинковое оружие Афганистана – это каруды, пеш-кабзы и чуры. Каруд – боевой нож, с прямым клинком (хотя может быть с очень незначительным изгибом), Т-образным в сечении. Обух обычно прямой, иногда изящно украшен резьбой. Длинный, массивный и толстый клинок, плавно сбегающий к рукояти, в паре сантиметров от нее резко расширяющийся. Рукоять, которая по самое навершие «садится» в ножны, часто очень массивная, выполнена из двух щечек, в «афганском» варианте в основном роговых (из рога полорогих) с насечками¹⁸. Хотя встречались каруды с рукоятями из моржовой¹⁹ и слоновой кости²⁰, что подтверждается многочисленными фотографиями конца XIX в. Причем такие рукояти могли быть как образованы накладками, так и «моноклитными» (из одного куска кости). Из трубчатой кости копытных изготавливали накладки для рукояти.

Пеш-кабз – боевой нож, который в Афганистане встречался, судя по изученным иллюстративным источникам, музейным и частным коллекциям, крайне редко. Клинок пеш-кабза чаще всего с Т-образным обухом, очень узким острием, иногда обладающий полуторной заточкой. Часто встречаются клинки с линзовидным кончиком острия. Лезвие под острым углом к обуху расширяется к рукояти и у самой рукояти резко расширяется по дуге (выражен двойной изгиб). Рукоять из двух накладных щечек, чаще всего из кости, реже из рога полорогих²¹.

Ил. 3. Чура из Афганистана

Чура — небольшой нож с прямым, Т-образным в сечении клинком, напоминающий уменьшенный каруд (ил. 3). Обух прямой, иногда грубо украшенный у рукояти растительными или геометрическими орнаментами. Клинок, плавно сбегающий к рукояти, а в паре сантиметров от нее резко расширяется. Таким образом, при колющем ударе рука не соскользнет на клинок. Рукоять всегда состоит из костяных или роговых, а часто чередующихся наборных щечек, расширяется на конце небольшими «ушами». Рукоять оказывается погружена в деревянные ножны, обклеенные кожей или обложенные прочеканенным металлом, именно по эти «уши»²². В крайне редких случаях рукоять может быть выполнена из моржовой или слоновой кости (но это скорее исключение). У подавляющего же большинства чур она изготовлена из трубчатых костей копытных и (или) рога полорогих.

Шашки Средней Азии можно сгруппировать по центрам производства и по форме клинка. В данной статье мы остановимся на втором варианте. Среднеазиатские шашки бывают прямыми и изогнутыми. Известный востоковед Александр Александрович Семенов писал следующее: «Холодное оружие Средней Азии – кривые шашки (клыч, шамшир) и почти прямые (шоп, шоб)...»²³. Кривые среднеазиатские шашки мы относим к «бухарским»²⁴. Хотя надо отметить, что это довольно условная градация. Известны и бухарские шашки со слабоискривленным клинком. У них характерная рукоять из двух мощных накладок, выполненных из дерева или рога полорогих и приклепанных к хвостовику тремя–пятью, обычно крупными, заклепками²⁵. Рукояти известных нам кокандских шашек выполнены из накладок моржовой кости, для закрепления которых обычно используются четыре–пять небольших заклепок²⁶, расположенных особым образом (ил. 4). Опубликованных хивинских шашек, к сожалению, мало. А с использованием остеологических материалов на рукояти нам известна всего одна шашка, роговые накладки которой крепятся тремя заклепками²⁷.

К короткоклинковому оружию Средней Азии можно отнести: ханжар, кард, пеш-кабз, каруд²⁸ (ил. 5) и пчак²⁹ (ил. 6). Первые четыре типа ножей чаще всего имеют персидское происхождение (клинки и основной материал рукоятей). Отнести их к Средней Азии позволяют особенности декора ножен и рукоятей. Типично использование чеканного золота или позолоченного серебра, драгоценных и полудрагоценных камней (в особенности бирюзы). Пчак – традиционный

Ил. 4. Шашка из Средней Азии и монтаж ее рукояти

Ил. 5. Формы короткоклинкового оружия, бытовавшие в Средней Азии

нож Средней Азии характерной формы³⁰. Рукояти короткоклинкового оружия Средней Азии изготавливали из слоновой или моржовой³¹ кости, рога полорогих³² и даже рога носорога³³. У недорогих образ-

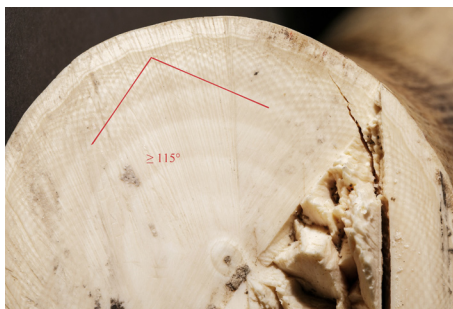

Ил. 6. Пчак из Средней Азии

цов могли быть рукояти из трубчатой кости. Количество заклепок на рукоятях, образованных двумя накладками, варьировалось от трех до пяти.

Краткая характеристика остеологических материалов, использовавшихся при изготовлении клинкового оружия в регионе.

Слоновая кость. Отличить изделия из бивней слонов от других костных материалов достаточно легко, так как бивень имеет характерную текстуру. Дентин (твердая часть зуба) слоновой кости пронизан множеством тончайших каналов, которые тянутся от основания к верхушке в продольном направлении в виде плавных спиралей, завернутых против часовой стрелки. Это видно на поперечном срезе бивня. Такой рисунок характерен только для слоновой кости, и если он присутствует, ее идентификация не вызывает затруднений. Кроме того, дентин бивня слона имеет микроструктуру в виде тонких линий, пересекающихся друг с другом под тупым углом. В биологии такая структура получила название «линий Шрегера» или «углов Рециуса». Она обеспечивает высокую механическую прочность конструкции бивня и хорошо видна на поперечном срезе бивня. Линии Шрегера на слоновой кости имеют угол $\geq 115^\circ$ (ил. 7). При этом

Ил. 7. Линии Шрегера на слоновой «кости»

в изделии слоновая кость смотрится однородной, так как имеет мелкозернистую структуру.

Моржовая кость. Клык моржа по цвету напоминает слоновую кость. Но, в отличие от бивней хоботных, клыки моржа имеют неоднородную структуру. На овальном торцевом срезе клыка можно различить несколько слоев. Тонкий слой плотной белой эмали, затем однородный дентин и внутри – ячеисто-кристаллическая желтоватая пульпа (внутренняя часть зуба). Пульпа проходит на большую глубину внутри клыка. Она отличается твердостью и одновременно хрупкостью. В ней нередко есть скрытые трещины. Наиболее важным отличительным признаком является именно пульпа, благодаря

Ил. 8. Структура моржовой «кости», где в центре хорошо видна пульпа

которой легко отличить рукояти, для изготовления которых использовались моржовые клыки, от рукоятей, изготовленных из слоновьих бивней (ил. 8).

Трубчатые кости копытных. Трубчатая кость называется так не случайно. Относительно плотными у нее являются только эпифизы – «головки кости», а в области диафиза – «тела кости» – внутри нее имеется полость,

костная стенка которой ограничена компактным веществом. Именно материал костной стенки диафиза и идет на изготовление различных изделий. Трубчатые кости пронизаны каналами, расположенными, в основном, вдоль тела трубчатой кости, через которые при жизни животного проходят нервы и кровеносные сосуды. При полировке кости эти каналы начинают выглядеть как штрихи, чаще всего темного цвета, так как в них при бытовании предмета попадала грязь. По этому признаку трубчатую кость легко отличить от слоновой кости (ил. 9).

Рог носорога. Рог носорога – это не рог в биологическом понимании, а слипшаяся масса кератинизированного эпидермиса. Больше всего он похож на слоистое образование, как будто состоящее из склеенных волос. Однако по своей структуре рог носорога ближе всего к роговой части копыт и ногтей. Именно поэтому он достаточно плотен и не слонится после обработки. Эта масса хорошо поддается резбе и полировке. Изначально рог носорога – черный, на ощупь и визуально – шероховат, особенно ближе к основанию. После полировки он приобретает приятный светло-коричневый, иногда с медово-карамельным оттенком цвет. Помимо этого, если полировка тщательная, то создается эффект незначительной прозрачности. Если рог пилить поперек, то получится структура, напоминающая микроскопические пчелиные соты или апельсиновую корку. Структуру поперечного среза можно представить по фотографии основания спиленного рога носорога. Если же пилить вдоль, то будут хорошо заметны ороговевшие кератиновые волокна – «волоски» (ил. 10), которые на самом деле являются микроскопическими «трубочками» с отверстием по всей длине. В некоторых случаях,

Ил. 9. Характерный признак рукоятей из трубчатой кости – мелкие «черточки» на месте проходивших кровеносных сосудов и нервов

Ил. 10. Структура рога носорога

если полировка тщательная, то создается эффект незначительной прозрачности. Если рог пилить поперек, то получится структура, напоминающая микроскопические пчелиные соты или апельсиновую корку. Структуру поперечного среза можно представить по фотографии основания спиленного рога носорога. Если же пилить вдоль, то будут хорошо заметны ороговевшие кератиновые волокна – «волоски» (ил. 10), которые на самом деле являются микроскопическими «трубочками» с отверстием по всей длине. В некоторых случаях,

возможно, при незначительной полировке рог остается темным, но структура «апельсиновой корки» все равно будет прослеживаться, позволяя идентифицировать материал рукоятки. Эти текстурные признаки позволят легко отличить рукояти, изготовленные из рога носорога, от прочего рогового материала.

Рог полорогих. Рог – это костный стержень, покрытый роговым чехлом, который растет вместе с костным стержнем от основания рога, с годами покрываясь новыми слоями рогового вещества. Этим объясняется его слоистая структура. Довольно тонкий у основания, роговой чехол постепенно утолщается, образуя на вершине очень плотный, так называемый монолитный конец. Роговой чехол, из которого удален костный стержень, мастера обычно называют просто рогом. Рисунок рога очень разнообразен, хотя и имеет мягкие, приглушенные цвета с постепенным переходом от черного к почти белому. Роговая масса полупрозрачна. Рог полорогих имеет тонковолокнистую структуру, отличающую его от рога носорога. При полировке приобретает стекловидный блеск. На старых экспонатах, изготовленных путем прессования, рог может расслаиваться.

Надеемся, что данные материалы помогут при идентификации и наиболее полной атрибуции клинкового оружия Средней Азии и Афганистана.

¹ Милосердов Д.Ю. Остеологические материалы рукоятей клинкового оружия XIX–XX веков в Индоиранском регионе и на сопредельных территориях // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Труды Третьей международной научно-практической конференции. Ч. II. СПб.: ВИМАИВиВС, 2012. С. 322–331.

² Милосердов Д.Ю. Холодное оружие Афганистана конца XVII – начала XX веков. Обзор // Консервация, реставрация и реконструкция памятников военной истории. Вып. 7. Труды Шестой международной научно-практической конференции. СПб.: ВИМАИВиВС, 2011. С. 130–134.

³ Милосердов Д.Ю. К вопросу о типологии афганских «уставных» шашек // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Труды Шестой международной научно-практической конференции. Ч. III. СПб.: ВИМАИВиВС, 2012. С. 148–149.

⁴ Скраливецкий Е.Б., Ефимов Ю.Г., Образцов В.Н. Восточное оружие в частных коллекциях. СПб.: Русская коллекция, 2013. С. 82; Милосердов Д.Ю. К вопросу о типологии афганских «уставных» шашек. С. 150, 152.

⁵ Милосердов Д.Ю. К вопросу о типологии афганских «уставных» шашек. С. 148.

⁶ Федоров П.Я. Выделка костяных и роговых изделий. СПб., 1903. С. 8–11.

⁷ Милосердов Д.Ю. Афганская шашка // Мир оружия: История, герои, коллекции. Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию Первой мировой войны. Тула, 2015. С. 137.

- ⁸ Stone G.C. A Glossary of the Construction, Decoration and Use of Arms and Armor in All Countries and in All Times. New York, 1961. P. 550; Jacob A. Les Armes Blanches Du Monde Islamique. Paris, 1985. P. 156.
- ⁹ Милосердов Д.Ю. Типология рукоятей сабли шамшир. Определение региональности шамширов при помощи формы и остеологических материалов рукояти // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Труды Седьмой международной научно-практической конференции. Ч. III. СПб.: ВИМАИВиВС, 2016. С. 370.
- ¹⁰ Иванов А.А. Ювелирные изделия Востока. Коллекция Особой кладовой отдела Востока Государственного Эрмитажа. Древний, средневековый периоды. М.: Искусство, 1984. С. 156–157; Образцов В.Н. Оружие Востока в собрании Эрмитажа. СПб.: Эрмитаж, 2015. С. 95.
- ¹¹ Elgood R. Arms and Armour: At The Jaipur Court (The Royal Collection). New Dehli, 2015. P. 122.
- ¹² Хождение купца Федота Котова в Персию. М.: Изд-во вост. литературы, 1958. С. 8. Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией. Т. 11. СПб., 1892. С. 58; Курц Б.Г. Сочинение Кильбургера о русской торговле в царствование Алексея Михайловича // Сборник студенческого историко-этнографического кружка при Университете святого Владимира / Под руководством проф. М.В. Довнар-Запольского. Вып. 6. Киев, 2015. С. 112.
- ¹³ Милосердов Д.Ю. К вопросу об «уставных куберах» в конце XIX – начале XX веков в Афганистане // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Труды Третьей международной научно-практической конференции. Ч. III. СПб.: ВИМАИВиВС, 2013. С. 238–239.
- ¹⁴ Анисимова М.А. Оружие Востока XV – первой половины XX века. Из собрания ВИМАИВиВС. СПб.: Атлант, 2013. С. 290–291.
- ¹⁵ Скраливецкий Е.Б., Ефимов Ю.Г., Образцов В.Н. Восточное оружие в частных коллекциях. С. 194–195.
- ¹⁶ Фрегер А. Оружие и доспехи из частной коллекции / Под ред. А. Щекотова. Стрелец, 2013. С. 10–11; Скраливецкий Е.Б., Ефимов Ю.Г., Образцов В.Н. Восточное оружие в частных коллекциях. С. 108; Hales R. Islamic and Oriental Arms and Armour: A Lifetime's Passion. England, 2013. P. 160.
- ¹⁷ Lord Egerton of Tatton. Indian and Oriental Arms and Armour. Mineola, 2002 (first published 1880). P. 141.
- ¹⁸ Милосердов Д.Ю. К вопросу о правомочности термина «каруд» // Историческое оружиеведение. 2015. № 2. С. 93–94.
- ¹⁹ Zeller Rudolf und Rohrer Ernst F. Orientalische Sammlung Henri Moser-Charlottenfels: Beschreibender Katalog der Waffen-sammlung. Bern, 1955. P. 387.
- ²⁰ Там же. P. 388.
- ²¹ Милосердов Д.Ю. К вопросу о правомочности термина «каруд». С. 93.
- ²² Милосердов Д.Ю. Холодное оружие Афганистана конца XVII – начала XX веков. С. 137.
- ²³ Семенов А.А. Два слова о ковке среднеазиатского оружия // Живая старина. Вып. 2–3, отд. 1–2. СПб., 1909. С. 153.
- ²⁴ Olufsen O. The Emir of Bokhara And His Country // Journeys and Studies in Bokhara. London, 1911. P. 476.
- ²⁵ Flindt T. Nineteenth-century Arms from Bukhara, in Islamic Arms and Armour / ed. by R. Elgood. London, 1979. P. 25.

²⁶ Денисова М.М., Портнов М.Э., Денисов Е.Н. Русское оружие. Краткий определитель русского боевого оружия XI–XIX веков. М., 1953. С. 153, Табл. XLI.

²⁷ Художественное оружие из собрания Государственного Эрмитажа. Каталог выставки. СПб.: Славия, 2010. С. 97 (№ 164).

²⁸ Лютов А.М. Холодное оружие в собрании Российского Этнографического музея. СПб., 2006. С. 192–194, 196, 197, 206, 207, 212, 214–216; Анисимова М.А. Оружие Востока XV – первой половины XX века. С. 265–267, 271–273.

²⁹ Лютов А.М. Холодное оружие в собрании Российского Этнографического музея. С. 198; Pinchot O.S. Arms of the Paladins, Fine Eastern Weapons from the Richard R. Wagner Jr. Collection, Mowbray Publishing, 2014. P. 38.

³⁰ Flindt T. Nineteenth-century Arms from Bukhara, in Islamic Arms and Armour. P. 24–25.

³¹ Лютов А.М. Холодное оружие в собрании Российского Этнографического музея. С. 192.

³² Анисимова М.А. Оружие Востока XV – первой половины XX века. С. 268, 270.

³³ Образцов Вс.Н. Оружие Востока в собрании Эрмитажа. СПб.: Эрмитаж, 2015. С. 168.

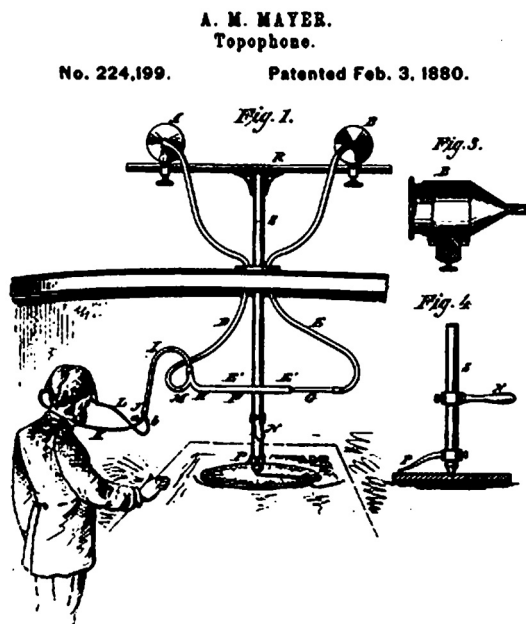
Ю.А. Мионов (г. Ардатов, Мордовия)

РАЗВИТИЕ АКУСТИЧЕСКИХ ПРИБОРОВ ВОЗДУШНОЙ РАЗВЕДКИ ПВО

В ЗАЛЕ Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (ВИМАИВиВС) имеется экспонат, привлекающий к себе внимание необычностью форм (ил. 1). Это аку-

Ил. 1. Тяжелый звукоулавливатель ЗТ-4. ВИМАИВиВС

Ил. 2. Топофон профессора А.М. Майера

рожков усилить звук. Рупор был изобретен в 1670 г. англичанином С. Морландом. Со временем рупор (с нидерландского «кричать») – труба в виде усеченного конуса, предназначенного для направленной передачи или приема звука – стал использоваться в граммофонах, врачебной практике, клаксонах. Естественная способность человека слышать двумя ушами и при этом определять направление на источник звука привлекла внимание изобретателей. В 1880 г. профессор А.М. Майер в Америке запатентовал топофон (ил. 2). Этот прибор предполагалось использовать для определения направления на источник звука в условиях недостаточной видимости. Но практического применения он не получил.

Во время Первой мировой войны 1914–1918 гг. над полями сражений активно стали использоваться воздушные средства: самолеты, дирижабли, воздушные шары. Если в начальный период войны во всех воюющих государствах насчитывалось до 800 самолетов, то в конце войны их было уже более 10 000 штук. Для поражения воз-

тический прибор воздушной разведки ПВО – тяжелый звукоулавливатель ЗТ-4. Информационная табличка поясняет, что он предназначен для обнаружения самолетов противника, наводки зрительных приборов или прожекторов, обеспечения стрельбы из зенитных орудий по ненаблюдаемой цели. В статье сделана попытка восполнить информацию о забытой военной технологии.

Тысячи лет назад была известна способность раковин и

душных целей стали применять полевые орудия и пулеметы, создавать орудия для зенитной стрельбы. Небольшая скорость воздушных целей позволяла и по звуку, издаваемому ими, и визуально наблюдать их в условиях нормальной видимости и вести по ним огонь. Ночью же и в условиях недостаточной видимости применяли прожекторы. Поэтому появилась необходимость в разработке приспособлений, дающих возможность обнаружения воздушных целей ночью или в условиях плохой видимости. В связи с тем, что самолеты и дирижабли издают непрерывный звук, стали разрабатывать приборы, которые способны его улавливать. Их назвали звукоулавливателями. Звукоулавливатель, позволяющий определить место источника звука, называется акустическим пеленгатором.

В основу определения направления на невидимый самолет положена физиологическая способность человеческих ушей определять направление на источник звука (так называемый бинауральный эффект). Он проявляется в том, что когда слушач слышит звук самолета, то этот звук находится то в одном, то в другом ухе. Если слышимость в обоих ушах одинакова, то создается впечатление затылочного равновесия. В этом случае перпендикулярная линия к базе ушей направлена на источник звука. Очевидно, что если увеличить базу приема звука, то точность направления на его источник увеличится. Для концентрации звука можно использовать рупор.

Во французской армии в 1915 г. лейтенант Лабруст изготовил прибор под названием артиллерийский наводчик. Аппарат состоял из двух небольших рупоров, закрепленных на расстоянии три метра друг от друга на деревянном бруске и соединенных резиновыми трубками с ушами наблюдателя. Аналогичный аппарат применялся и в германской армии.

Французы в 1915 г. сконструировали прибор телеметр. Он представлял собой звукоулавливатели с ячейковыми звукоприемниками. Каждый звукоприемник состоял из 14 пирамидальных рупоров.

Англичане, а затем и французы в 1915 г. разработали прибор для определения угла места цели – так называемый ситометр. Французские ситометры профессора Перрена отличались от английских приемником звука. Он состоял из 36 небольших рупоров. Такие приемники называются мирафонами.

Первый звукоулавливатель, позволяющий определить азимут и угол места воздушной цели, сконструировал в 1915 г. профессор Перрен. Дальность обнаружения прибором дирижаблей составляла до 8 километров с точностью 1 градус по азимуту и высоте.

Управление французского военного телеграфа строило акустические гониометры. Точность их работы – как и приборов профессора Перрена.

Приемники французского профессора Саньяка позволяли отслеживать дирижабли на расстоянии в 13 километров с ошибкой в 14 градусов по азимуту и высоте.

После Первой мировой войны во Франции разработками звукопеленгаторов занялась фирма Барбье-Бенар-Тюрен (ББТ). Звукоулавливатели ББТ представляли собой усовершенствованные приборы профессора Перрена военного образца. Его мираифон имел только 6 рупоров. К 1925 г. фирма разработала следующие приборы:

- уранофон – один мираифон, дальность обнаружения цели 15–20 км;
- ситометр (для определения угла места и азимута) – два мираифона по 4 рупора в каждом;
- телеситометр – 4 мираифона по 6 рупорных ячеек;
- телеситометр-ураноскоп, оборудованный зрительной трубой; записывает автоматически путь воздушной цели; можно управлять прожектором (ил. 3).

Ил. 3. Французский звукоулавливатель фирмы ББТ

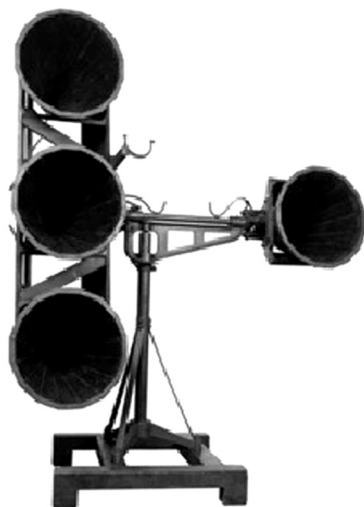
В 1932–1933 гг. фирма ББТ изготовила новые звукоулавливатели. Их отличал прежде всего звукоприемник в виде параболоида, как и в фирме Герца. Все звукоулавливатели имеют вертикальную и горизонтальную ось вращения, и поэтому на лимбах можно сразу определять азимут и угол места цели. Все звукоулавливатели снабжались автоматическим корректором ввода поправок.

В Англии после катастрофической бомбежки Лондона ночью немецким цепеллином-дирижаблем проанализировали возможность защиты страны от воздушного нападения и разработали способы обнаружения приближающихся вражеских самолетов и дирижаблей по звуку их моторов. Осенью 1916 г. подполковник А. Роулинсон

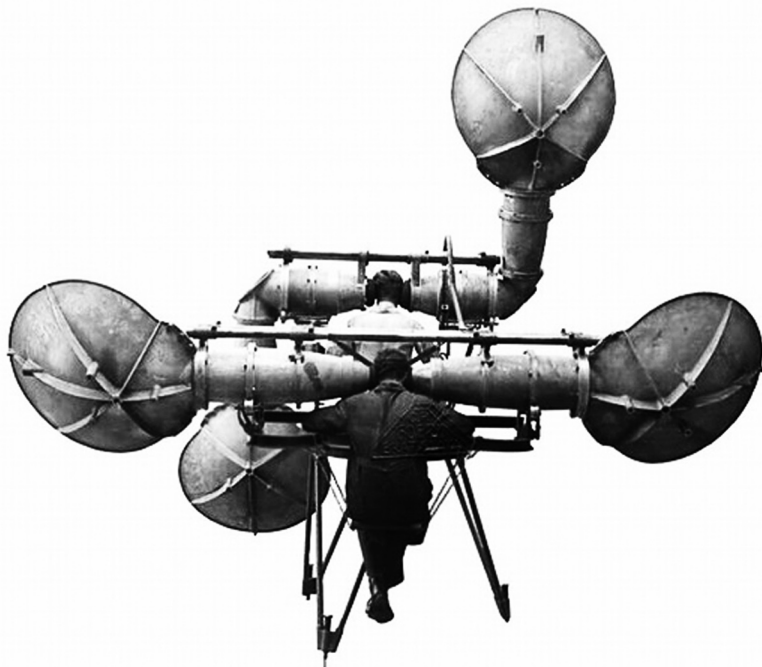
изготовил прибор для обнаружения воздушных целей. Он состоял из двух рупоров от граммофонов, закрепленных на деревянном бруске, и двух резиновых трубок, которые вставлялись в уши слушающего. Брус с рупорами вращался по центру. В дальнейшем были изготовлены различные усовершенствованные приборы звукоулавливания.

Англичане Барр и Струд разработали в 1917 г. свой звукоулавливатель (ил. 4). Его акустическая часть состоит из 4 конических рупоров длиной по 61 см и диаметром входа 51 см. Высота прибора 182 см. Прибор разборный. Переносится в ящике. База между рупорами: горизонтальными – 153 см, вертикальными – 127 см. Дальность действия прибора 8–10 км. Точность определения углов – 0–30 д.у. Прибор усиливал звук в 6–7 раз. В 1924 г. модернизирован. Снабжен механическим корректором для введения поправок.

В Германии после Первой мировой войны, начиная с 1922 г., доктор Макс Маулер (Германия) и профессор Хашек (Чехословакия) в фирме Герца вели исследования по разработке для звукоулавливате-

Ил. 4. Английский звукоулавливатель Барра и Струда

Ил. 5. Германский звукоулавливатель Герца

ля эффективной антенны. В результате изучения форм ушной раковины летучих мышей была найдена форма звукоприемника в виде параболоида вращения, рассеченного плоскостью, наклонной к оси параболоида. Затем они стали подыскивать форму эффективного звукопровода. Результатом их исследований стало принятие звукопровода в виде эллипсоида вращения. Фирма Герца начала изготовление звукоискателей, используя исследования своих сотрудников.

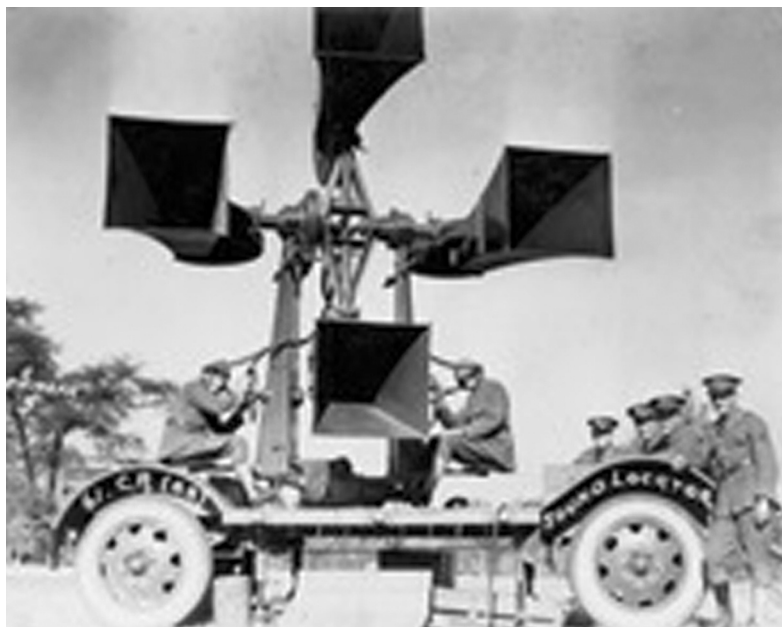
Звукоулавливатели Герца появились в 1924 г. Они работают на принципе интенсивностей звука и являются одними из лучших (ил. 5). Акустическая система аппарата состоит из слуховой системы угла места цели и системы азимута. Диаметр параболоидов около одного метра. Обслуживают систему 3 человека: два слухача и один корректировщик. Угол поиска – 150 градусов. Дальность обнаружения самолета – до 12 км. Угловая ошибка – 10–15 делений угломера. Вес – 1500 кг. Время сборки комплекта – 2 часа. После испытаний звукоулавливателей Герца в 1932 г. фирма разработала и построила следующие приборы:

Ил. 6. Германский звукоулавливатель «Эласкоп»

- стационарные на тумбе: вес 900 кг, дальность обнаружения 12–16 км, база горизонтальная 350 см, вертикальная 140 см;
- тяжелые полевые на тумбе, закрепленные на передвижной платформе;
- облегченные полевые на треноге: вес 600 кг, дальность обнаружения 10–15 км, расчет 5 человек;
- легкие полевые: 4 параболоида диаметром 70 см, вес 300 кг, дальность обнаружения 8–12 км, база горизонтальная 250 см, вертикальная 150 см;
- окопные: 4 параболоида диаметром 40 см и 4 эллипсоида по 80 см; вес 50 кг, дальность обнаружения 5–7 км; база горизонтальная 200 см, вертикальная 130 см, в каждом расчете два слухача и один наблюдатель.

Фирма «Электроакустик» (Германия) разработала звукоулавливатель «Эласкоп» (ил. 6). Горизонтальная и вертикальная базы 136 см. Длина рупора 4 м, форма рупора экспонентная. Высота 310 см. Вес 950 кг. Дальность обнаружения 5–22 км. Точность наведения по углам – 0–30 д.у. Усиление рупора – 80 раз.

Ил. 7. Звукоулавливатель «Сперри»

Фирма «Сперри» (Америка) в 1921 г. провела большую экспериментальную работу по изучению акустической части звукоулавливателя. В результате был разработан и построен четырехрупорный звукоулавливатель (ил. 7). Материал рупоров – листовое железо, обшитое досками. Длина рупоров 7 м. Величина базы 250 см. Смонтирован на шасси автомобиля или прицепа. Дальность обнаружения 10–12 км. Рупоры усиливали сигнал до 73 раз. К 1929 г. фирма разработала и построила новые звукоулавливатели. Звукоулавливатель имеет автоматический корректор¹.

Уже в конце Первой мировой войны во всех ведущих ее государствах на вооружении находились звукоулавливатели различных конструкций, которые позволяли вести непрерывное наблюдение за воздушным противником. Так, в Лондоне противовоздушную оборону обеспечивали 250 звукоулавливателей. ПВО Парижа 1917–1918 гг. в большей мере обязана звукоулавливателям в деле отражения немецких самолетов и дирижаблей.

В России акустические приборы начали изучаться и осваиваться после окончания Гражданской войны. До этого противовоздушная

оборона осуществлялась: днем – обнаружением воздушных целей оптическими приборами и слухом; ночью – освещением прожекторами и уничтожением самолетами или зенитными орудиями.

Весной 1921 г. при научно-техническом отделе (НТО) ВСНХ была образована комиссия особых опытов по звуковой разведке «Комзвук». В связи с тем, что служащий НТО инженер А.И. Ширский предлагал для целей звуковой разведки свое изобретение – миллисекундомер, он и стал научным руководителем «Комзвука». Члены комиссии от ВСНХ – С.А. Изенбек, профессора Н.Н. Андреев, Зернов, Боголюбов, Тихонов, Шафров, Дурляхов, Н.А. Синьков, Блохин, А.В. Евтюхов. До 1922 г. комиссия не имела практических результатов. Прибор Ширского позволял засекал артиллерийские орудия только до двух километров. Изобретателям звукометрических приборов Н.А. Бенуа и И.А. Елкснису отказали в рассмотрении их предложений. Летом 1922 г. при «Комзвук» были созданы краткосрочные курсы для состава артчастей Московского ВО. В июне 1922 г. «Комзвук» был распущен, и на его базе по инициативе профессора Зернова и инженеров А.И. Ширского и Ю.Б. Флаксермана для научно-технических работ по теории и практике звукометрии была организована акустическая лаборатория ГОФТИ НТО ВСНХ, возглавляемая профессором В.И. Романовым. В феврале 1925 г. акустическая лаборатория вошла в состав отдела слабых токов и акустики при Государственном экспериментальном электротехническом институте (ГЭЭИ), переименованном в 1927 г. в ВЭИ².

К вопросам противоздушной обороны (ПВО) в СССР обратились в период военной реформы 1924–1925 гг. В войсках на вооружении находились 76-мм зенитные пушки, стрельба из которых велась с использованием таблиц и графиков. Но военная техника в мире ушла далеко вперед. Самолеты стали летать быстрее и выше. На глазок попасть в такую цель было невозможно.

В 1923–1924 гг. акустическая лаборатория ГЭЭИ получила заказ на проведение работ по изучению и разработке акустических приборов воздушной разведки от особой секции технического комитета Военно-технического управления (ВТУ) РККА. В марте 1926 г. акустической лаборатории было предложено сконструировать звукоулавливатель Герца окопного типа. К этому времени в Евпатории на полигоне зенитной артиллерии ГАУ сосредоточили все приборы акустической разведки, приобретенные за границей, с целью их испытания. Так как параболоиды и эллипсоиды, применяемые в

звукоулавливателе Герца, были трудны в изготовлении, применили систему конических рупоров. В ГЭЭИ был разработан рупорный звукоулавливатель конструкции ОЗА-1. К марту 1929 г. акустическая лаборатория насчитывала 39 сотрудников на площади института в 19 комнатах.

Работа в ВТУ РККА по проблемам акустического улавливания воздушных целей началась в 1925 г. Всю работу вел НИИТ полигона ВТУ, где был создан акустический кабинет. В первый период (1925–1927) изучалась иностранная литература и ставились опыты. Было переведено свыше 10 статей и описаний приборов. Это позволило получить представление о сути этого дела. Отбирались и тренировались слухачи для работы на приборах. Разрабатывалась методика испытаний звукоулавливателей.

Во второй период (1927–1929) испытывались большой и малый звукоулавливатели фирмы ББТ, звукоулавливатели ГЭЭИ, Герца, Барра и Струда, угломерные приборы НИИТП, угольные и тепловые микрофоны. В этот же период разработана и испытана электрическая схема для приема сигналов слухачами, изготавливались и испытывались различной формы рупоры для поиска наиболее эффективной формы, сконструирован и построен звукоулавливатель ОЗП-1 с двумя системами синхронной передачи.

Оказалось, что слухачи требуют особого отбора. На подготовку слухача требуется один год.

При испытаниях звукоулавливатель фирмы ББТ показал следующие возможности: точность пеленгации неподвижного источника звука 0,5 градуса; подвижного –1–4 градуса, дальность обнаружения самолета: днем 10–12 км, ночью 12–14 км.

Макет четырехрупорного звукоуловителя ГЭЭИ был выполнен очень примитивно. При испытаниях по неподвижному источнику звука показал 1 градус ошибки и дальность обнаружения самолета до 10 км.

Угломерные приборы НИИТП, используемые слухачами без всяких приспособлений, показали возможность определения воздушной цели с ошибкой по азимуту 2 градуса, а по высоте 3–5 градуса.

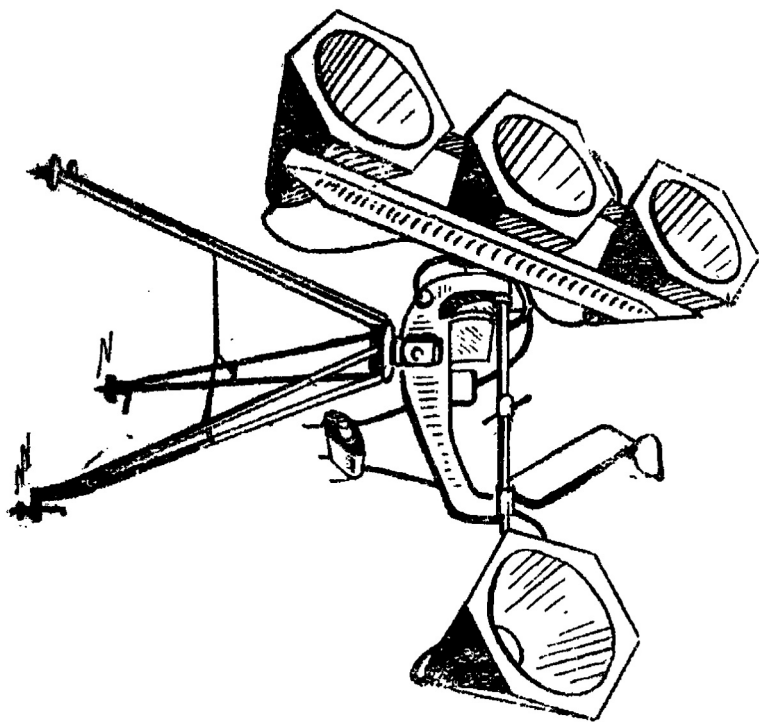
Звукоулавливатель Барра и Струда при испытаниях показал возможность обнаружения неподвижного источника звука с ошибкой по азимуту 0,6 градуса; по самолету 1,5 градуса. Дальность обнаружения самолета 10–15 км. Очень простой и дешевый.

Звукоулавливатель ОЗП-1 был построен с января по август 1928 г. акустическим кабинетом НИИТП. В сентябре был отправлен в Ева-

торию на полигон зенитной артиллерии для испытаний, а в феврале 1929 г. возвращен в НИИТП. Прибор размещался на двухколесной тележке. Расчетная точность по азимуту 0,2 градуса, по углу места 0,2 градуса. Прибор имеет два типа приемников звука – сотовые и рупорные, синхронную передачу данных на прожектор.

С 22 по 25 марта 1929 г. в Москве работала 1-я конференция Всесоюзного научного исследовательского комитета по звукоулавливанию. В ее работе приняли активное участие представители ВТУ РККА, артуправления РККА, Всесоюзного электротехнического института (ВЭИ), НТК УВМС, разведуправления штаба РККА, НИИМ, МГУ, ГФТИ. На конференции был сделан вывод, что современная борьба с самолетами невозможна без развития средств звукоулавливания. Эти средства получили свое развитие во всех ведущих государствах, особенно в Америке. В докладе представителя разведуправления штаба РККА была доведена информация о звукоулавливающей технике ведущих капиталистических государств. Было сказано о разработке и принятии на вооружение американской армии в 1928 г. трехрупорного звукоулавливателя М2. Американские зенитки имеют возможность поражения воздушных целей на высоте 10 км и на дальности 14 км. При этом автоматически вводятся поправки, уточняющие наводку прожектора или зенитного орудия. В сообщениях было отмечено использование для стабилизации гироскопов. Подчеркнуто, что с момента начала поиска отводится 15 секунд времени на освещение самолета прожектором и 18 секунд на открытие огня после освещения. Число звукоулавливателей должно быть один на два зенитных прожектора. На конференции был принят пятилетний план и объем работ по развитию звукоулавливания в СССР. Также было принято решение конструировать звукоулавливатель типа Барра и Струда³.

В октябре 1929 г. в техническом комитете ВТУ УС РККА были рассмотрены технические условия на звукоулавливатель ЗП-2. Председатель комитета Федосенко отметил, что НИИТП был дан заказ на постройку нескольких экземпляров звукоулавливателя по образцу Барра-Струда-2, построенному ГТРФРИ. Образец передали в отдельный электротехнический батальон при НИИТП. При этом выяснилось, что в конструкцию придется вводить ряд изменений, которые и являются техническими требованиями на звукоулавливатель ЗП-2 НИИТ полигона. ЗП-2 (звукоулавливатель-пеленгатор, тип 2) был принят на вооружение. Его технические данные: горизонтальная база 160 см, вертикальная 130 см, вес комплекта с ящиком 208 кг,

Ил. 8. Звукоулавливатель ЗП-2

подготовка к работе 5 мин., дальность обнаружения самолета 8–10 км, точность пеленгации самолета 0–30 д. у. Комплект перевозится на 1,5-тонном автомобиле. Расчет 5 человек. Прибор работает совместно с прожектором. Для введения поправок он укомплектован таблицами поправок на движение цели⁴ (ил. 8).

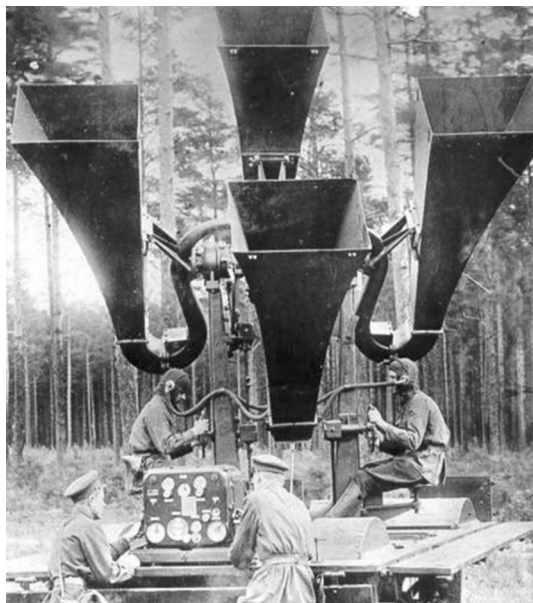
В апреле 1932 г. Совнарком принял постановление № 516/120 сс «О состоянии и развитии противовоздушной и противохимической обороны СССР в 1932 году», в котором был сделан вывод, что поступающие на вооружение средства ПВО не соответствуют требованиям современности. В штабе РККА было создано управление, ведавшее вопросами ПВО.

Нужны были новые пушки, прожекторы, новые системы обнаружения и наведения. Для решения этих вопросов в Москве было начато строительство специальных заводов со сроком завершения

строительства в конце 1932 г. Завод точного электромашиностроения (ЗАТЭМ) в Москве планировался для постройки новейших приборов ПВО и уже в 1933 г. должен был выпустить 400 ПУАЗО «Сперри» и 200 звукоулавливателей типа ЗТ-4. Одновременно строился завод, на котором планировалось изготовить в 1933 г. 400 зенитных прожекторов.

Для создания собственной базы производства было принято решение осваивать и перенимать опыт зарубежных фирм, ушедших далеко вперед. Для этого за границу посылались специалисты, изучавшие опыт работы над соответствующим образцом техники. В 1934 г. на фирму «Сперри» в США убыла группа специалистов из СССР. С этим предприятием Россия имела контакты еще с 1910 г. Это была ведущая фирма в мире в вопросах гироскопии, звукоулавливания, телемеханики. Предполагалось закупить комплекты приборов «Сперри» и ПУАЗО.

Полученные образцы техники и опыт их производства позволили освоить на заводе № 205 (так стал именоваться завод ЗАТЭМ) систему С-2 «Прожзвук-IV».

Ил. 9. Боевая работа расчета звукоулавливателя ЗТ-4

В 1937 г. был изготовлен 21 комплект «Прожзвук-IV», а в 1938 г. – 71 комплект⁵.

Система «Прожектор–звук» позволяла с помощью звукоулавливателей, управляемых номерами расчета – слухачами, обнаруживать самолет по его звуку, вводить автоматически поправки на отклонение его места нахождения и по системам синхронной связи наводить прожектор в место находде-

ния самолета. По команде «луч» прожектор включался, и самолет попадал в луч прожектора. После освещения самолета он как цель передавался прожекторам-сопроводителям, а расчет начинал поиск новой воздушной цели (ил. 9).

Существовали следующие системы «Прожзвук»:

Прожзвук «Сперри» и «Прожзвук-1». Включает в комплект: прожектор 3-15-3 на автомобиле; звукопеленгатор ЗТ-3 или «Сперри» на прицепе; пост управления ПЖ-1 (коробка + тренога + 4 кабеля); корректор «Сперри» 1929 г. Войсковые испытания данной системы были проведены в 1931 г. В ней прожектор связывался системой синхронной связи со звукопеленгатором.

«Прожзвук-2». В комплект включены: прожектор 3-15-4А на автомобиле, звукопеленгатор ЗТ-3 на прицепе, пост управления ПЖ-2 (компаратор + контроллер + тренога, 5 кабелей). Войсковые испытания проведены в 1934 г.

«Прожзвук-2А». В комплекте: прожектор 3-15-4А на автомобиле, звукопеленгатор ЗТ-4А на прицепе, пост управления ПЖ-2. Войсковые испытания проведены в 1935 г. На вооружение принята в 1937 г.

«Прожзвук-4». В комплект входят: прожектор 3-15-4Б на автомобиле ЗИС-12, звукопеленгатор ЗТ-5 на автомобиле, пост управления ПЖ-2 (компаратор + контроллер + тренога, 5 кабелей). На вооружение принята в 1939 г.

«Прожзвук-5». В комплект входит: прожектор ПО-15-8

Ил. 10. Боевая работа расчета звукоулавливателя ЗТ-5 на ЗИС-6

на автомобиле ЗИС-6, звукопеленгатор ЗТ-5 на автомобиле ЗИС-6, пост управления ПЖ-2 (компаратор + контроллер + тренога, 5 кабелей). На вооружение принята в 1939 г.⁶

В составе расчета системы «Прожзвук» 11 номеров (ил. 10).

Технические данные «Прожзвук-4» и «Прожзвук-5»: комплект размещается на двух автомобилях, вес автомобиля с комплектом ЗТ-5 6 т; высота в рабочем положении 5,5 м, горизонтальная база рупоров 2,8 м, вертикальная база 2,6 м, длина рупора 4 м, дальность обнаружения самолета 10–12 км, точность наводки 0–04 д. у., точность корректора 0–15 д. у., точность синхронизма 0–18 д. у. Время на развертывание 12–15 мин. Вес автомобиля с прожектором 6 т, вес прожектора 1000 кг, дальность освещения цели 1–8 км, время на развертывание 9 мин., время свертывания 13 мин⁷.

Системы «Прожзвук» применялись активно в ПВО до конца войны и впоследствии были заменены на радиолокаторы, которые по всем показателям превосходили звукоулавливатели.

¹ Головин Н.Я. Акустические артиллерийские приборы. М., 1940. С. 17–21, 232, 246, 250.

² Архив ВИМАИВиВС. Ф. 6р. Оп. 1. Д. 1534. С. 38, 269.

³ Там же. С. 156–158.

⁴ Никитин Г.А. Звукоулавливатели и зенитные прожекторы. Л.: Военная артиллерийская академия, 1944. С. 53–55, 58–66.

⁵ Шокин А.А. Александр Иванович Шокин. Портрет на фоне эпохи. Очерки истории российской электроники. Вып. 6. М.: Техносфера, 2014. С. 125–132.

⁶ РГВА. Ф. 4. Оп. 18. Д. 48. С. 21; Д. 57. С. 23.

⁷ Описание звукоулавливателя ЗТ-5 в системах Прожзвук-4 и Прожзвук-5. ГАУ КА. С. 7–8.

А.В. Михайлов, В.В. Птицын, Г.В. Малахов (Тула)

ИЗ ИСТОРИИ РЕВОЛЬВЕРА СИСТЕМЫ НАГАНА (НАУЧНЫЕ РАБОТЫ ПО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЮ ТЕХНОЛОГИЙ ПРОИЗВОДСТВА)

В 1895 г. был принят на вооружение российской армии револьвер системы Леона Нагана калибра 7,62 мм. Он был достаточно прост по конструкции, надежен, неприхотлив в эксплуатации. Предполагалось, что производство револьвера не вызовет затруднений при его изготовлении машинным способом. В 1898 г. была завершена подготовка производства нагана на Императорском Тульском оружейном заводе¹.

Действительно, обработка деталей, по крайней мере, черновая, производилась на станках, однако имелся достаточно большой объем ручных операций.

Например, в технологических процессах обработки осей и шпилек записано: «обточка на токарном (или револьверном) станке, зачистка личным напильником». При обработке и сборке элементов рамки применялись операции: «фрезерование мерной фрезой, слесарная зачистка наждачным полотном», «нарезание резьбы гребенкой, калибровка ручными метчиками через кондуктор», «правка шпилек после установки с помощью кондуктора и ручного молотка». Отверстия в большинстве деталей после сверления на станках обрабатывались «ручными развертками».

Осуществление согласованных движений всего механизма револьвера: взвод, спуск курка, поворот и смещение барабана вдоль оси – производится деталями весьма сложной формы. Для их обработки применялись как методы машинной обработки – «фрезерование фасонной фрезой», так и ручной – «опиливание вручную по слесарному кондуктору». Последняя операция была трудоемкой и требовала высокой квалификации рабочего,

так как допуски на ответственные размеры этих деталей устанавливались 0,07–0,08 мм.

Лимитирующими операциями технологического процесса изготовления револьвера были сборка и отладка. Эти операции были продолжительными по времени и выполнялись высококвалифицированными сборщиками. Технология Тульского оружейного завода (ТОЗ) содержала до 30–40 % малопроизводительных ручных слесарно-отделочных работ.

Сборка револьвера производилась следующим образом. Перед началом сборки калибром проверялась соосность ствола с каморами барабана. Эта операция осуществлялась до постановки на место спускового крючка. В случае если калибр не проходил через ствол и камору одновременно, подбирался другой барабан. Затем в барабан вставлялись учебные патроны и путем автоматической стрельбы проверялась взводимость курка. Невзвод курка мог вызываться проворотом или недovorотом барабана, а также при утыкании патрона в патронник и торец ствола, прежде чем казенник окончательно дошлет барабан.

Для устранения этих проблем производился подбор барабана, курка и спускового крючка. При этом приходилось собирать и разбирать револьвер (иногда неоднократно), что требовало значительного времени. Следует отметить, что при отлаженном технологическом процессе изготовления деталей револьвера подбор барабана, спускового крючка или курка присутствовал всегда, однако случаев неподбора практически не наблюдалось².

Однако, в списке характерных неисправностей, вызывающих задержку при стрельбе из револьвера, указанных в наставлении по стрелковому делу, говорится, что если «курок взводится (нажимом на спицу) на боевой взвод с большим затруднением, или не удерживается на боевом взводе», или происходит «заклинение барабана при постановке на боевой взвод», то одной из причин этого может быть неправильная подборка спускового крючка³.

Следовательно, несмотря на тщательную отладку на заводе, в воинских частях оказывалось некоторое количество револьверов, при стрельбе из которых возникали задержки, вызванные погрешностями заводской сборки.

Если в мирное время нареканий на качество револьвера практически не было, то в военное время процент брака на производстве повышался. Так было в Первую мировую, Гражданскую и Великую Отечественную войны.

Качество сборки нагана держалось исключительно на высокой квалификации слесарей-сборщиков, которых во время войн не хватало.

К примеру, при переводе производства револьвера из Тулы в Ижевск в 1942 г. сильно сказался недостаток квалифицированных кадров, в особенности сборщиков.

На заводе № 622 (бывшем заводе № 74), где было размещено револьверное производство, только начиналось освоение производства пистолета ТТ обр. 1933 г. К тому же при изготовлении и в отладке револьвер оказался более сложным изделием, чем пистолет. Дефекты выявлялись в самом конце технологического процесса, после сборки, а иногда даже после испытания револьвера. Конструкторы и технологи ижевского предприятия провели огромную работу по анализу собираемости револьвера и отработке технологии сборки, пока не достигли приемлемого уровня качества продукции⁴.

Проблема повышения качества производства стрелкового оружия, в том числе и револьвера, оказалась настолько важной, что для ее решения потребовались специальные исследования НИИ-13 Наркомата вооружений. Исследования проводились в 1943–1944 гг. Анализировалась точность обработки и сборки револьвера системы Нагана на ТОЗе и на заводе № 622⁵ и точность обработки 437 размеров деталей девяти стрелковых систем на группе предприятий⁶.

Исследования позволили сделать заключение о том, что фактическая точность выполнения размеров значительно грубее чертежного допуска.

На ТОЗе производство револьверов системы Нагана продолжалось до 1945 г., но проблемы сборки оставались прежними. В связи с этим были проведены новые комплексные, более глубокие исследования, в которых подвергался анализу как процесс проектирования, так и процесс изготовления деталей и сборки револьвера.

Опыты на производстве производились в условиях стабилизировавшегося технологического процесса. По плану исследований были измерены детали, взятые из сборочного цеха, принятые аппаратом ОТК. Исследованиям подвергались размеры 26 наименований при общем количестве промеров на все размеры 17 000. Детали брались небольшими партиями по 50–100 штук и в разные сроки. В среднем количество промеров на размер от 400 до 600. Измерялись элементы рамки револьвера, отдельные размеры барабана, подвижной трубки, оси барабана, ползуна, курка и спускового крючка.

Анализ размеров показал, что допуски большинства ответственных размеров не соответствуют заданным чертежами деталей. Оказалось, что конструкторские бюро и отделы стремились обезопасить себя за счет назначения меньших допусков. Производство же, не в состоянии обеспечить жесткие допуски, самостоятельно их расширяло, стихийно нащупывая пределы возможного расширения.

Следует отметить, что конструкторы знали о расширении цехами чертежных допусков, но рассуждали так: «Какой допуск цехам не дай, они все равно в него не уложатся. Дашь две сотых – они будут укладываться в четыре. Дашь четыре – они захватят все десять...». То есть, на значительное самопроизвольное расширение допусков смотрели как на некоторое неизбежное явление.

Было установлено, что контролеры на свой страх и риск часто пропускали на сборку бракованные детали в качестве годных, если им казалось, что размеры лишь немного выходят за границы полей допусков. Особенно часто это наблюдалось, когда в сборочном цехе не хватало деталей.

Если такие детали не возвращались со сборки, контролеры пропускали детали с все более расширяющимися допусками. При этом считали себя вправе принимать эти детали в пределах самовольно расширенных допусков. К тому же наблюдался слабый контроль над состоянием калибров в эксплуатации. Часто работали калибрами, изношенными сверх нормы.

Такие нарушения приводили к тому, что чертеж преставал быть законом для его создателей – конструкторов, технологов, проектирующих технологический процесс, и контролеров, следящих за качеством готовой продукции.

Анализ конструкторской документации показал, что номинальные размеры деталей и допуски на их изготовление назначались, исходя из расчета размерных цепей на полную взаимозаменяемость (метод, обеспечивающий полную взаимозаменяемость деталей). Оказалось, что при этом методе расчета может иметь место утыкание патрона в патронник и торец ствола, прежде чем казенник окончательно дошлет барабан. То есть, возможно явление невзвода курка при стрельбе. Причина – неточность обработки деталей.

Расчет тех же размерных цепей на неполную взаимозаменяемость показал, что допуски на размеры могут быть значительно расширены. Тем самым ликвидируется утыкание патрона и подбор деталей. Этот метод допускает наличие брака на сборке не более 0,26 %.

Такой незначительный объем брака в револьверном производстве достаточно легко может устраняться подбором деталей или их доработкой при сборке и отладке. Стихийное же расширение допусков производством приводило к большому объему пригоночных работ при сборке и отладке.

По результатам этих исследований были сделаны следующие выводы.

1. Для устранения произвольности изменения размеров их расчеты должны вестись по методу неполной взаимозаменяемости (теоретико-вероятностным методом).

2. Контролерам необходимо запретить пользоваться калибрами, изношенными сверх установленного предела. Все контролеры должны быть хорошо обучены правильному пользованию калибрами. С контролерами должна вестись повседневная «воспитательная работа», чтобы приучить их браковать детали, строго сообразуясь с показаниями калибра.

3. Необходимо ужесточить контроль над настройкой станков.⁷

Следует отметить, что серьезные научные разработки в области взаимозаменяемости деталей машин и механизмов в 1930–1940 гг. только начинались. Поэтому в практике заводских конструкторов разрабатываемые учеными новые методы расчета размеров и размерных цепей могли не применяться, в том числе из-за сопротивления производства новшествам.

Исследованиями в области размерного анализа стрелкового оружия и в том числе револьвера системы Нагана в 1945 г. занимались сотрудники Тульского механического института (ТМИ) под руководством А.И. Гейликман (первая женщина в ТМИ, защитившая диссертацию кандидата технических наук в области прогрессивных методов расчета размерных цепей). Ее теоретические и практические разработки в области взаимозаменяемости и технических измерений способствовали повышению технологического уровня ТОЗа и многих других оборонных предприятий и научно-исследовательских организаций г. Тулы.

Результаты вышеперечисленных исследований позволяют сделать вывод о том, что револьвер системы Нагана, в силу простоты конструкции относительно автоматических систем стрелкового оружия, послужил объектом для отработки прогрессивных методов расчета размеров и размерных цепей и внедрения их в оружейное производство.

¹ Пинк И.Б. Проблема выбора образца боевого личного стрелкового оружия в России в конце XIX века // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Труды Четвертой Международной научно-практической конференции. Ч. IV. СПб.: ВИМАИВиВС, 2013. С. 14.

² Гейликман А.И. Расчет некоторых размерных цепей на базе теории вероятностей. Дисс. ... канд. техн. наук. Тула, 1948. С. 201–204.

³ Наставление по стрелковому делу /НСД-38/. Револьвер обр. 1895 г. и пистолет обр. 1933 г. Воениздат, 1940. С. 30–31.

⁴ М. Драгунов От «Нагана» до «Грача». История пистолетного производства в Ижевске // Калашников. Оружие, боеприпасы, снаряжение. 2002. № 3. С. 5.

⁵ Отчет НИИ-13. Расчет некоторых узлов револьвера на максимум и минимум. 1943 г.

⁶ Отчет НИИ-13. Разработка методов размерных расчетов на базе теории вероятности применительно к производству стрелкового автоматического оружия. 1944 г.

⁷ Гейликман А.И. Расчет некоторых размерных цепей на базе теории вероятностей. С. 239–245.

С.В. Михайлов (Санкт-Петербург)

**ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ, ИСПЫТАНИЙ
И ПРОИЗВОДСТВА ПЕРВОГО СОВЕТСКОГО
ПИСТОЛЕТА-ПУЛЕМЕТА ТОКАРЕВА
ПОД ПАТРОН НАГАН (ОБР. 1927 Г.) (ППТ-27).
ВЫБОР ЕДИНОГО ПИСТОЛЕТНОГО ПАТРОНА
ДЛЯ САМОЗАРЯДНЫХ ПИСТОЛЕТОВ
И ПИСТОЛЕТОВ-ПУЛЕМЕТОВ**

ПИСТОЛЕТ-ПУЛЕМЕТ ТОКАРЕВА под патрон Нагана, разработанный им в 1927 г., безусловно заслуживает особого внимания при исследовании темы разработки, испытания и производства данного вида оружия в Советском Союзе.

Во-первых, являясь первым, он в то же время сочетал в себе конструктивные решения, присущие не пистолетам-пулеметам (ПП), а, например, самозарядным винтовкам (такое, как курковый ударно-спусковой механизм (УСМ)), и в то же время простоту устройства, когда механизм прост, понятен и удобен в обращении.

Во-вторых, ППТ-27 в существенной мере задал направление развития ПП в СССР и повлиял на развитие ПП Дегтярева и Шпагина. И хотя эта связь не явна, но, по моему мнению, она, очевидно, следует из хода разработки и испытаний ПП.

В-третьих, ППТ-27, вслед за автоматом Федорова, имел секторный магазин, предвосхитивший аналогичные магазины ППД, ППШ и ППС.

В-четвертых, на основе ППТ-27 можно было создать ПП под патрон Маузера 7,63 мм, и предпосылки к этому были. Патрон Маузера за счет своей длины и конусности наиболее подходит для автоматического и самозарядного оружия, а неудачи с проектированием Токаревым ПП под данный патрон можно более отнести к слишком большому количеству идей и схем, которые Токарев претворил в

жизнь, в то время, как каждую из этих схем надо было дорабатывать и находить им ниши применения, так как по своим тактико-техническим характеристикам (ТТХ) они соответствовали тому, что сейчас называется «Персональное оружие самообороны». Но это были совершенно другие модели, а прямой переделки ППТ-27 под патрон 7,63 мм Маузер не было.

В том, как создавался и производился ППТ-27, в полной мере отразились такие реалии времени как большие сроки испытаний и изготовления, а также несовершенство производственной базы оружейных заводов.

Отправной точкой в исследовании была информация из книги Д.Н. Болотина «Советское стрелковое оружие за 50 лет» следующего содержания: *«Рассматривая результаты испытаний, Артиллерийский комитет (АртКом) отмечал в журнале от 31 декабря 1927 г., что образец Токарева при меньшем весе имеет почти в 2,5 раза более длинный ствол, чем образец Фольмера, благодаря чему он выгодно отличается своими баллистическими данными. Длина прицельной линии пистолета-пулемета Токарева почти в два раза больше, чем в системе Фольмера. Более удачной у советского образца была признана система питания...»*

Ил. 1. Образец самозарядного карабина Токарева под патрон Нагана, 1928 г., № 3. Отличается от испытываемого в 1927 г. отсутствием автоогня, но дает представление о габаритах первых ППТ

Ил. 2. Пистолет-пулемет Фольмера. Это самая близкая иллюстрация того образца, что испытывался совместно с ППТ

“Результаты произведенных опытов, – говорилось в постановлении Артиллерийского комитета, – показали, что: 1. Пистолет-пулемет (автоматический карабин) т. Токарева [см. ил. 1. – С. М.] как по конструкции, так и по баллистическим свойствам превосходит таковой же системы Фольмера. [см. ил. 2. – С. М.]. 2. Пистолет-пулемет Токарева по своим конструктивным и баллистическим данным представляет интерес и заслуживает более широкого войскового испытания”»¹.

Естественно, информация о стволе, в 2,5 раза более длинном, вызвала вопрос: о каких именно ПП Токарева и Фольмера идет речь? Ведь известно, что ствол пистолета-пулемета Токарева под патрон Нагана (ППТ-27) имеет длину ствола 330 мм (нарезная часть 293 мм)².

Ознакомление с материалами испытаний, проведенных в 1927 г., показало следующее:

«Рапорт Научно-испытательного оружейного полигона (НИОП) от 24.11.1927 г., № 33с/1129», и оформленный на его основе «Журнал Артиллерийского Комитета (ЖАК) от 31.12.1927 г., № 1055с»³:

«На основании предписания АртКома АУ УС РККА от 5–го ноября с/г. за № -53503/12р31с На НИО Полигоне 15–19 ноября 1927 года комиссией... испытаны стрельбой автоматический карабин инж. Токарева и пистолет-пулемет Фольмера. Испытание заключалось в рассмотрении конструкции испытуемого оружия и стрельбе на кучность и на пробивное действие автоматического карабина Токарева».

Конструктивные данные:

Измерения	Автоматический карабин	Пистолет-пулемет Фольмера
Вес всей системы	3002 г*	3892 г*
Вес без магазина	2798 г	3567 г
Вес магазина	102 г	325 г
Длина всей системы	99,5 см	83,7 см
Толщина у затвора	4,4 см	4,1 см
У затылка приклада	4,1 см	4,3 см
Длина ствола	48,25 см	19,9 см
Нарезной части	44,41 см	18,01 см
Длина прицельной линии	62,5 см	38 см
Высота мушки над осью ствола	19,46 мм	25,14 мм
Высота прорези постоянного прицела	23,78 мм	29,20 мм
Количество деталей при полной разборке	60–(57)	40 + 6 м
Количество деталей для чистки	8	5

* – Вес авт. карабина Токарева с двумя магазинами, ПП Фольмера – с одним.

**Стрельба на дистанции 100, 200, 400, 700 и 1000 шагов.
(Длина шага – 0,7 м)**

Оружие, дистанция (в шагах)	Вид огня и количество патронов	Положение стрелка	Попало пуль	Радиус r50 %	Радиус R100 %
Автоматический карабин Токарева, 100.	Одиночными, 20 патронов	С упора, с подручного станка	20	5,6	13,9
Автоматический карабин Токарева, 100.	Группками по 4–5 патронов, 20 патронов	С упора, с подручного станка	20	19,7	45,3
Автоматический карабин Токарева, 200.	Одиночными, 20 патронов	С упора	20	11,4	33,2
Автоматический карабин Токарева, 200.	Группками, 20 патронов	С упора	20	47,7	149
Пистолет-пулемет Фольмера, 200.	Одиночными, 20 патронов	С упора	20	16,5	30
Пистолет-пулемет Фольмера, 200.	Группками, 20 патронов	С упора	20	27	58
Автоматический карабин Токарева, 400.	Одиночными, 20 патронов	С упора	20	32,5	91
Автоматический карабин Токарева, 400.	Группками, 20 патронов	С упора	20	43	118
Пистолет-пулемет Фольмера, 400.	Одиночными, 20 патронов	С упора	19	44	85
Пистолет-пулемет Фольмера, 400.	Группками, 20 патронов	С упора	20	37	108
Автоматический карабин Токарева, 700.	Одиночными, 40 патронов	С упора	32	74	209
Автоматический карабин Токарева, 1000.	Одиночными, 40 патронов	С упора	5	-	-

«Пробитие, стрельба велась на 200 шагов, (12 патронов):

1, 2 и 3-ю доски пробили все 12 пуль.

4-ю – пробил 8 пуль, застряло – 4.

5-ю – пробил 4, застряло 3, отскочило – 1.

6-ю – пробил 0, застряло 1 и отскочило – 3.

При стрельбе на 700 шагов – пуля пробивает 1,5-дюймовую доску.

При стрельбе на 1000 шагов – пуля пробивает 0,5-дюймовую доску и застревает в поставленной сзади дюймовой доске».

Т. е. в ноябре 1927 г. проводились не полные испытания нового оружия, а ознакомление с первым образцом данного вида оружия, произведенного в СССР, и сравнение его с одним из образцов зарубежного оружия типа «пистолет-пулемет».

Кроме приведенных выше выводов необходимо привести следующие:

«– Способ питания патронами у ПП [Токарева] – из плоского магазина, прикрытого рукояткой, более удобен, чем из круглого магазина, вынесенного вперед – у ПП Фольмера.

– Применение револьверных патронов револьвера Нагана удачно разрешит вопрос снабжения боеприпасами – не требует устанавливать производство нового патрона.

– Пистолет-пулемет Токарева по своим конструктивным и баллистическим данным представляет интерес и заслуживает более широкого войскового испытания, однако размеры его несколько велики (длина), почему необходимо выяснить, насколько можно было бы уменьшить длину ствола этого оружия, не ухудшая значительно баллистических свойств его, для чего следует: 1) Поручить НИОПу получить ПП Токарева из АртКома и произвести из него стрельбы на кучность боя и пробивное действие на 200, 400 и 700 шагов со стволом, обрезанным на 10 см и на 20 см, причем каждый раз при подрезке ствола следует соответствующим образом обрезать ложу и ставить на конец ствола мушку. 2) Поручить тов. Токареву и ТОЗ изготовить по образцу, полученному с Полигона (с укороченным стволом) 5 экз. пистолетов-пулеметов Токарева под револьверный патрон, приняв меры к устранению задержек от утыканий патрона и введя в конструкцию ПП пружину ударника».

Примечания автора: Обращаю особое внимание на то, что представленный Токаревым образец имел ствол длиной 48,25 см и совершенно справедливо назывался не пистолетом-пулеметом, а автоматическим карабином. И то, что у данного вида оружия был предусмотрен режим автоматического огня, расширяло его возможности, а именно: вести одиночный прицельный огонь на дальние дистанции и, при необходимости, вести автоматический огонь накоротке, для создания большой плотности огня. Одиночный огонь на дистанции 200 шагов с кучностью R50 % 11,4 см

(R100 % 33,2 см) и пробитие трех штук дюймовых досок – вполне убедительный довод. Т. е. патрон Нагана прекрасно работал в длинноствольном оружии. То, что Токарев сделал ствол именно такой длины, говорит о том, что он пытался «вытянуть» максимум из патрона.

Также конструктивное превосходство заключалось в курковом ударно-спусковом механизме и в том, что стрельба велась при закрытом затворе, что давало большую кучность при одиночном огне.

Задержки в стрельбе

«Задержки при стрельбе происходили главным образом от утыкания патронов, в среднем по одной задержке на каждый магазин»⁴.

А между тем в «Описании...» говорится: «Патрон пистолета-пулемета отличается от патрона для револьвера обр. 1895 г. (сист. Наган) лишь тем, что имеет обжатое дульце гильзы для беспрепятственной подачи при автоматической стрельбе»⁵.

Для прояснения ситуации необходимо дать отдельное разъяснение: фактически ни в 1927, ни в 1930 гг. (в январе на совещании и в июле на сравнительных испытаниях), когда происходили задержки, ни о каком обжиме (завальцовке) гильзы не шло речи. Стрельба велась стандартными патронами Наган, а данный патрон имеет весьма незначительный обжим, который служит только для входа дульца гильзы в ствол нагана. Диаметр дульца 7,49 мм. И понятно, что нормальная подача такого патрона весьма затруднена.

Поэтому встречающаяся в публикациях о ППТ-27 связка информации «применялся патрон с завальцованной дульной частью» с «при стрельбе имелись утыкания патрона» зачастую может создать неверное представление о том, что стрельба велась обжатыми патронами, и при этом были задержки.

А фактически – решение об изменении патрона для устранения утыканий было принято значительно позже – в ноябре 1930 г.

И все известные найденные патроны для ППТ-27 имеют маркировку «Т 32». Т. е. произведено на Тульском патронном заводе (ТПЗ) в 1932 г. (ил. 3).

Также, в январе–мае 1928 г. проходят испытания пистолетов Прилуцкого и Коровина и сравнение их с пистолетом Вальтера.

В результатах данных испытаний есть указание на выбор типа патрона для пистолета (ЖАК от 07.07.1928 г. № 465с): «Одновремен-

Ил. 3. Патроны Нагана, обжаты для использования в ППТ-27

но с сим должен быть разрешен в срочном порядке вопрос о калибре и патроне для пистолета. Со своей стороны 5-я Секция считает, что калибр 7,65 мм является достаточным, не вызывая в то же время увеличения веса пистолета, связанного с переходом на больший калибр. Патрон должен быть достаточно убойным, и в этом отношении патрон типа Маузер (длинный) калибр 7,63 мм будет удовлетворять своему назначению. Этот патрон будет подходить также и к пистолет-пулемету, т.к. баллистические качества его (кучность боя и пробивное действие) будут вполне приемлемыми для производства действительного огня до 800–1000 шагов (560–700 м. – С. М.). Окончательное решение этого вопроса должно исходить от Штаба РККА»⁶.

И как результат – начальнику Штаба РККА направляется ЖАК № 465с-28 г, с просьбой в сопроводительном письме «дать заключение... о калибре и патроне для пистолета и пистолета-пулемета»⁷.

Ответ начальника штаба РККА Ефимова направляется начальнику снабжений РККА и начальнику Управления УС РККА в июле 1928 г.:

«При разрешении вопроса о калибре и патроне для автоматического пистолета и пистолета-пулемета необходимо исходить

из двух основных требований: 1) максимального облегчения новых образцов оружия, что может быть осуществлено лишь при меньшем калибре и 2) необходимости унификации калибров ручного оружия в РККА, с целью облегчения производства и снабжения патронами.

Единый калибр автоматического пистолета и пистолета-пулемета в 7,63 мм при соответствующем патроне (длинный – типа Маузер) будет вполне удовлетворять современным требованиям в отношении облегчения оружия, снабжения патронами, получения необходимой дальности и кучности боя, пробивного действия и убийности.

Поэтому Штаб РККА вполне присоединяется к постановлению Арткома (ЖАК № 465/с) о калибре и патроне для автоматического пистолета и пистолета-пулемета»⁸.

Результатом данных решений стало распоряжение АУ от 10.08.1928 г., № 52514/9р30, разосланное:

«Начальнику мобилизационно-планового управления ВСНХ.

Правлению Оружейно-пулеметного Треста.

Правлению Патронно-трубочного треста.

Директору Тульских Оружейных заводов.

Директору Завода Тульского патронного.

Начальнику НИОПа.

В сношении от 31.07.1928 г., за № 38859с, Штаб РККА сообщил, что он вполне присоединяется к постановлению Арткома, изложенному в Журнале от 07.07.1928 г., за № 465с. В отношении калибра и патрона для автоматических пистолетов и пистолет-пулеметов.

Таким образом нужно считать окончательно решенным вопрос. Что для этого оружия выбран патрон пистолета Маузера (длинный) калибра 7,63 мм.

В целях точного совпадения калибра этого патрона с существующей винтовкой (единство поверочного инструмента), АртКом считает, что при изготовлении у нас таких патронов и оружия должен быть принят калибр 7,62 мм.

В виду изложенного, сообщается Оружейно-Пулеметному Тресту для зависящих распоряжений следующее:

1) Если окажется возможным, изготавливаемые в настоящее время на ТОЗе пять штук пистолет-пулеметов системы Токарева – должны быть приспособлены под упомянутый патрон (заказ № АО 1430).

2) Проектируемые и разрабатываемые на ТОЗе образцы пистолет-пулеметов должны изготавливаться не под калибр 0,351, а под упомянутый выше патрон Маузер для калибра 7,62 мм.

3) Пистолет Прилуцкого, на который предложен заказ в 1928-29 году, также должен быть соответственным образом изменен для стрельбы патроном Маузера и должен изготавливаться исключительно под данный патрон.

АртКом кроме того просит Тресты дать в спешном порядке следующие опытные заказы за счет АртКома:

А) ТОЗу – на изготовление еще пяти штук ПП Токарева под патрон Маузера.

Б) Заводу Тульскому Патронному – изготовление 10 тыс. шт. пистолетных 7,62 мм патронов по типу патрона Маузера (длинный); Завод прежде всего должен в скорейшем времени составить рабочий чертеж этого патрона и прислать его на утверждение в АртКом.

Пом. Председателя АртКома (Руппенейт) Управделами АртКома (Григорьев)»⁹.

Таким образом, испытания ППТ-27 привели к существенной подвижке в разработке ПП и принятии патрона по типу Маузера калибра 7,62 мм.

Как я указал выше, несмотря на распоряжение АртКома прямой переделки ППТ-27 под патрон Маузера не было, и в 1929–1930 гг., до испытаний комиссией Грушецкого, было промежуточное испытание под патрон Маузера ПП трех конструкторов: Токарева, Дегтярева и Коровина. Но от Токарева были представлены совершенно другие модели, совершенно отличающиеся от ППТ-27 (ил. 4 и 5).

Ил. 4. ППТ, обр. 1929 г., № 3, так называемый «длинный». Один из образцов, проходивших испытания в 1929–1930 гг.

Ил. 5. ППТ, обр. 1929 г., так называемый «короткий».
Один из образцов, проходивших испытания в 1929–1930 гг.

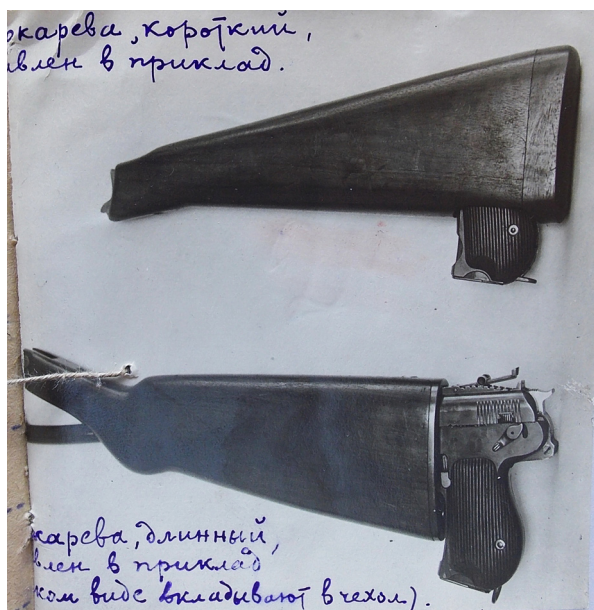
Образцы ПП Токарева с кобурами-прикладками и чехлами
(ил. 6–9).

Ил. 6. ППТ «короткий» с кобурой-прикладком

Ил. 7. ППТ – «короткий» и «длинный» с прикрепленными прикладами. У «длинного» приклад прикреплен оптимальным образом, без качки и расшатывания узла соединения

Ил. 8. ППТ – «короткий» и «длинный», вставленные в приклады. У «короткого» приклад полностью повторяет двойную функцию, как и у Маузера С96

Ил. 9. ППТ «длинный», вставленный в приклад и помещенный в чехол Самозарядные карабины Коровина (ил. 10, 11).

Ил. 10. Самозарядные карабины Коровина. Отличие только в длине ствола, что и нашло отражение в выводах комиссии (некоторое удивление)

Ил. 11. Карабин Коровина и чехол для него. Для помещения в чехол необходимо отомкнуть магазин, для которого предусмотрен карман

Что послужило началом разработки ППТ-27?

Во всех источниках приводится единственная формулировка – «инициативная разработка». И, к огромному сожалению, нет достоверных (первичных) источников для того, чтобы сделать однозначный вывод о том, как именно Токарев начал разработку своего автоматического карабина.

Имеется интересный документ, выпущенный в период между маем 1928 и 1930 гг. в виде справки по новым видам вооружений, в которой говорится следующее¹⁰:

«Пункт 12:

1) *Сущность вопроса – Выработка образца автоматического оружия под патрон пистолетного типа, дающего возможность вести огонь на дистанциях до 500-600.*

2) *Когда и кем даны задания – ЖАК № 1290 – 1926 г. (в справке напечатано 1090, и красными чернилами исправлена цифра «0» на «2»; найти данный документ не удалось. – С. М.).*

3) *Когда и кому поручено выполнение – 1) ТОЗу 05.01.1926 г.; 2) Токареву 05.02.1298 г., (инициативная выработка).*

4) *Затруднения при выполнении – Недостаточное оборудование Конструкторского Бюро ТОЗа.*

5) *Фактическое время выполнения – 1) Не закончен; 2) Не закончен.*

6) *Испытание – 1) Еще не было; 2) В ноябре 1927 г., ЖАК № 1055 – 27 г.*

7) *Представление к утверждению – (прочерк)».*

Данный документ, наряду с предоставлением ценной информации, вызывает вопросы к последовательности событий. Если ЖАК № 1290 – 1926 г. был выслан на ТОЗ 05.01.1926 г., то маловероятно, что Токарев не знал его содержания, так как задания на разработку оружия всегда давались всем конструкторам, работающим по теме. И тогда разработка автоматического карабина не была инициативной.

Предположение, что ЖАК был отправлен адресно (например, Коровину), с указанием не доводить его содержание до Токарева – еще менее вероятно.

Так же совершенно не логично испытание в 1927 г. готового автоматического карабина и «поручение Токареву» в 1928 г.

А если выработка была инициативной, то должна содержаться запись в виде «Токарев – инициативная выработка в 1926–1927 гг.».

Тем более, с учетом нижеприведенной информации по рассмотрению ПП Рейнметалл в 1925 г., скорее всего, идея разработки ПП уже существовала.

Таким образом, вопрос о том, была ли разработка ППТ-27 инициативной или на этот счет имелось какое-либо распоряжение – остается открытым.

Но то, что это был первый опыт создания и производства оружия такого типа (опытной партии для войсковых испытаний) – бесспорно.

Фактически же рассмотрение ПП как нового вида оружия началось в 1925 году.

Предыстория создания пистолетов-пулеметов в СССР

В архиве ВИМАИВиВС хранится дело «Пулеметы Дрейзе, Дегтярева и др.», в котором есть интересные документы, появившиеся после рассмотрения моделей станкового и ручного пулеметов и пистолета-пулемета, причем все рассмотренные модели названы «Дрейзе». Вполне возможно, что поэтому и возникла ошибка с названием данного пистолета-пулемета на испытаниях в 1930 г. комиссией под управлением В.Ф. Грушецкого.

По результатам рассмотрения были сформулированы «Общие требования и технические условия на автоматическое оружие сист.

Дрейзе». Надпись 5-й секции АртКома от 30.11.1925 г., № 1339, за подписью начальника Артиллерийского управления РККА Дыбенко¹¹:

«1. Общие требования, коим должен удовлетворять образец пистолета-пулемета.

А. Конструктивные данные.

- а) Охлаждение воздушное.*
- б) Приклад или приспособление для упора в плечо при стрельбе, желательна подгибающееся при носке для портативности.*
- в) Заряжание из прочного магазина не менее 25 патронами.*
- г) Вес пистолета-пулемета не более 4 кг.*
- д) Простота устройства, допускающая быструю сборку и разборку пистолета-пулемета без особых приспособлений.*
- ж) Быстрое и простое устранение задержек, причем работа по устранению задержек должна быть безопасна для пулеметчиков при нагретом стволе.*

з) Взаимозаменяемость частей.

Б. Баллистические данные.

а) Действительность огня.

При стрельбе на 200 шагов автоматическим огнем радиус круга лучшей половины пуль не должен превосходить 20 см при начальной скорости не менее чем 340 м/с.

б) Скорострельность до 75–100 выстрелов в минуту при условии прицельной стрельбы.

в) Темп стрельбы 400–500 выстрелов в минуту.

г) Система должна допускать возможность выпустить подряд непрерывным огнем до 200 патронов без самовоспламенения патронов и до 300 выстрелов без срыва пуль с нарезов. Система должна быть под 9 мм пистолетный патрон, дающий начальную скорость до 340 м/с, нарезка прицела на расстояние до 800 шагов (в рукописном черновике число «800» исправлено на «600», но в напечатанный текст вошло 800. – С. М.), с делениями через 100 шагов.

Все детальные построительные чертежи пистолетов-пулеметов и лекал к ним должны быть представлены дополнительно. Все необходимые поверочные лекала для приема пистолетов-пулеметов должны быть изготовлены заводом заблаговременно до сдачи первой партии пистолетов-пулеметов.

Изготовление первой партии пистолетов-пулеметов должно вестись согласно прилагаемых при сем временных технических условий,

причем, в случае, если бы при первоначальных испытаниях выяснилась необходимость детальных изменений в конструкции некоторых частей пистолета-пулемета, то в технических условиях могут быть внесены соответствующие изменения и дополнения».

Также в данном деле есть документ, который в некоторой степени позволяет судить о том, что предполагалось производство пистолетов-пулеметов по образцу так называемых «Дрейзе» (т. е. прямое копирование)¹²:

«Технические условия на прием пистолетов-пулеметов системы Дрейзе.

1) Пистолеты-пулеметы должны быть изготовлены по образцу, испытанному в сентябре с.г. на Опытном Ружейно-стрелковом полигоне за исключением: деления на прицеле должны быть нанесены в сотнях шагов от 100–800 ш.

2) Все части пистолетов-пулеметов, а также магазины для патронов должны быть взаимозаменяемыми.

3) Заказанные пистолеты-пулеметы сдаются партиями, размер коих устанавливается АУ по соглашению с заводом. Способы изготовления и материалы в каждой сдаваемой партии должны быть одинаковы.

4) Все представленные к приему экземпляры пистолетов-пулеметов подвергаются осмотру и испытанию стрельбой.

5) Экземпляры, в которых при осмотре будут обнаружены какие-либо неисправности или случайные повреждения, должны быть исправлены или заменены новыми за счет завода.

6) Испытания стрельбой назначаются для проверки действия механизма, прочности механизма и ствола и взаимозаменяемости частей.

7) Правильность действия механизма в каждом экземпляре проверяется стрельбой вполне исправными патронами, причем производится 10 выстрелов одиночным огнем и выпускается 1 магазин (16 патронов) непрерывным автоматическим огнем.

Всякая неправильность в действии механизма или поломка при одиночных выстрелах влечет за собой возвращение соответствующего экземпляра пистолета-пулемета заводу для исправления.

При стрельбе автоматическим огнем не должно быть ни поломок, ни задержек в стрельбе, не зависящих от патрона. При невыполнении изложенного, пистолет-пулемет возвращается заводу для исправления.

Если при автоматической стрельбе произойдет хотя одна поломка или задержка, не зависящая от патрона, то из этого же экземпляра ПП должно быть выпущено автоматическом непрерывным огнем еще два полных магазина, причем, на эту серию не должно быть также никаких поломок и задержек, не зависящих от патрона.

В случае появления задержек ПП возвращается заводу для осмотра и исправления. Исправленные экземпляры допускаются к вторичному испытанию механизма стрельбой, но испытание это должно быть проведено за счет завода».

В данном документе далее описываются испытания на кучность стрельбы, требования к качеству запасных стволов, взаимозаменяемости деталей, а также испытания на живучесть ПП при настреле 10 тыс. выстрелов.

Т. е. уже в 1925 г. при рассмотрении всего одного образца ПП было принято принципиальное решение о разработке и производстве данного вида оружия в СССР, а также предусмотрен «запасной» вариант копирования иностранного образца.

Испытания пистолетов-пулеметов в 1930 году

В 1930 г. комиссией под управлением В.Ф. Грушецкого были проведены более широкие испытания пистолетов и пистолетов-пулеметов. Испытания проводились согласно приказу заместителя председателя Реввоенсовета СССР И.Е. Уборевича от 14.07.1930 г., № 106/40¹³.

Перечень ПП и краткая характеристика:

1. ППТ-27. Калибр/патрон – 7,62-мм Наган. Ствол 325 мм.
2. ПП Токарева. 7,63-мм Маузер. Два образца со стволом 228 мм.
3. ПП Дегтярева. 7,63-мм Маузер. Ствол 270 мм. Имеет неподвижный ствол и полусвободный затвор. Переводчик типа огня. Неоднократные поперечные разрывы гильз.
4. Пистолет-карабин (ПК) Коровина. 7,63-мм Маузер. Не имеет автоматического огня. Два образца – с постоянным прикладом (ствол 295 мм) и с приставным (ствол 135 мм).
5. ПП Дрейзе (Рейнметалл). 9-мм Парабеллум.
6. ПП Томпсона. 11,43-мм Кольт.
7. ПП Бергмана. 9-мм Парабеллум. Не имеет одиночного огня и снабжен улиточной формы магазином. Снят с испытаний в связи с крайне неудовлетворительной работой (не подавал патроны).

Программа испытаний пистолетов и пистолетов-пулеметов¹⁴

1. Меткость на 50, 100, 200 и 300 м.

2. Пробивная способность на 25, 50, 100, 200, 500, 800 и 1000 м.
3. Останавливающее действие.
4. Безотказность.
5. Безотказность с запылением.
6. Начальная скорость.
7. Веса пули и заряда.
8. Живая сила.
9. Вес системы.
10. Габариты.
11. Простота устройства, разборка и сборка.
12. Производственные вопросы.

Результаты стрельб на кучность боя¹⁵

	Наименование системы / Патрон	На 50 м				На 100м				На 200 м	
		Одиночный огонь		Автоматич., группками		Одиночный огонь		Автоматич., группками		Одиночный огонь	
		R50	R100	R50	R100	R50	R100	R50	R100	R50	R100
1	Токарев, Наган 7,62 мм	4,9	15,2	18,8	31,2	9,7	22	26,6	39,5	*	*
2	Токарев, Маузер, 7,63 мм	4,9	16,3	14,9	53,6	13,2	42,7	16	55,5**		
3	Дегтярев, Маузер, 7,63 мм	-	-	11,6	23,7						
4	Коровин, Маузер, 7,63 мм с постоянным прикладом	4,1	11,2	-	-	9,4	26,4	-	-	16,7	47,8
5	То же с приставным прикладом	9,6	34,4	-	-	26	47,5	-	-	***	***
6	Дрейзе, Парабеллум 9 мм ****	5,7	12,8	4,7	10,6	6,9	16,8	8,6	19,8	18,9	39,9
7	Томпсон, Кольт 11,43 мм ****	5,6	13,4	8,2	43,7	10,5	23,5	17,4	36,5	19,9	46,7

* – На 200 и 300 метров стрельба не велась, вследствие недостаточной меткости пистолета на дистанции свыше 100 метров (при

пристрелке одиночным огнем на 200 м в щит 2 х 2 м попало 2 пули из 20).

** – В мишень попали 10 пуль из 20. При стрельбе на 200 м – ничтожная меткость при стрельбе одиночным огнем.

*** – На 200 м при стрельбе в щит 2 х 2 м в щит попала 1 пуля из 20, после чего пистолет был снят с испытаний из-за ничтожной меткости.

**** – Стрельба из ПП Рейнметалл и Томпсон – велась также на 200 и 300 м.

ПП Рейнметалл – автоматическим огнем, на дистанции 200 м в щит 2 х 2 м попало в среднем 14 пуль. При стрельбе на 300 м одиночным огнем R50 – 35,9 см, R100 – 83,1 см. В щит попало в среднем 6 пуль. При стрельбе на 300 м автоматическим огнем по группе 16 боевых мишеней в рост, двумя сериями по 40 пуль – пораженных фигур 9–10, попаданий 18–19.

ПП Томпсон – на дистанции 200 м автоматическим огнем по поясной мишени из 20 пуль в среднем 7 попаданий. При стрельбе на 300 м по группе из 16 фигурных мишеней в рост, двумя сериями по 40 пуль – пораженных фигур 4, попаданий 6–7.

На большие дистанции пистолет не испытывался вследствие недостаточной меткости.

Таблица весовых и линейных данных¹⁶

№ п/п	Наименование	Калибр, патрон	Емкость магазина	Вес, г		Наружные размеры, мм			Длина, мм		Частей Для чистки / полная войсковая разборка
				Незаряженного	Заряженного	Длина с прикладом	Высота	Толщина	Ствола	Прицельной линии	
1	ПП Токарева	7,62 мм, Наган	21	2451	2781	800	165	75	325	420	8/60
2	ПП Токарева. № 3	7,63 мм, Маузер	22	2240	2440	645	160	35	228	272	8/58
3	ПП Токарева. № 4	7,63 мм, Маузер	22	2120	2240	645	160	35	228	272	8/65
4	ПП Дегтярева, дисковый магазин	7,63 мм, Маузер	42	3325	3768	748	165	153*	270	353	9/57

5	ПК Коровина с постоянным прикладом	7,63 мм, Маузер	25	2747	3004	815	182	40	295	435	8/68
6	ПК Коровина с приставным прикладом	7,63 мм, Маузер	10	1865	1968	670	145	30	135	237	9/77
7	Дрейзе (Рейнметалл)	9 мм, Парабеллум	32	4401	4791	814	125	95	200	426	5/59
8	Томпсон	45 мм, Кольт	21	3844	4283	820	197	45	265	522,5	9/60

Таблица результатов стрельб на определение начальных скоростей и живой силы¹⁷

№ п/п	Наименование	Марка патрона и калибр	V _{12,5} м/с	V ₀ м/с	P _{12,5} кг/м	P ₀ кг/м
1.	Дрейзе, 9 мм	Парабеллум, DWM	359,7	364,4	52,9	53,9
2.	Томпсон, 11,43 мм	REM-UMC 45 ACP	243,7	246,8	45,4	46,2
3.	Токарева под Нагановский патрон	Патрон «Наган»	281,0	284,7	26,9	27,4
4.	Коровин 7,63	Патрон Маузера, GECO	459,9	465,7	59,3	60,8

Выводы комиссии об испытании pistols-пулеметов¹⁸

«Из анализа результатов испытаний видно, что большинство предъявленных к испытанию pistols-пулеметов своему назначению не удовлетворяют, либо по надежности действия, либо по меткости. Единственными образцами, успешно выдержавшими испытания можно считать ПП «Дрейзе» (весьма сходный по внешнему виду с ПП «Бергмана») и ПП «Томпсона». По надежности действия и безопасности Томпсон стоит несколько выше Дрейзе, значительно уступая ему по меткости и кучности боя и удобству в обращении. Поэтому лучшим образом комиссия считает ПП «Дрейзе», представляющий достаточную серьезное и грозное оружие на дистанции до 300 м включительно.

Заключение:

Причины неудовлетворительности результатов испытаний ПП отечественного изготовления нужно искать, помимо ненадежност-

ти в работе механизмов, в следующем: использование для пистолета пулемета патрона высокой силы (патрон «Маузера» кал. 7,63 мм.) обуславливает очень значительную отдачу, которая подбрасывает пистолет при автоматической стрельбе и нарушает правильность прицельной линии; этот же патрон обуславливает и высокий темп стрельбы (выше 1000 выстрелов в минуту), что еще больше усугубляет этот недостаток и создает, кроме того, перед глазами стрелка легкую дымовую завесу, скрывающую от него цель. Небольшой же заданный вес для этих пистолетов-пулеметов (2,5 клгр.) и отсутствие специальных тормозов для замедления и ослабления отдачи не позволяет устранить основного недостатка наших пистолетов-пулеметов – ничтожной меткости и кучности.

Поэтому комиссия считает, что удовлетворительные результаты при неподвижном стволе могут быть получены лишь либо при применении специального тормоза для устранения отдачи, либо при принятии для пистолета-пулемета достаточно солидного веса, не менее 4 клгр., что мы и видим у пистолета-пулемета «Дрейзе» (4,4 клгр.). Возможно, что при выборе для пистолета-пулемета системы с подвижным стволом отдачу удастся сделать незначительной и при меньшем весе системы. Одновременно комиссия полагает, что патрон типа 9 мм Борхард-Люгера будет наиболее подходящим и к пистолету-пулемету, так же как и к малому пистолету».

После проведенных испытаний были сформулированы требования к пистолету-пулемету¹⁹:

«Пистолет-пулемет или точнее, карабин-пулемет под пистолетный патрон должен удовлетворять следующим требованиям:

1. В отношении кучности – R100 с упора на 300 метров одиночным огнем из 20 пуль не должен быть больше 65 см, автоматическим огнем на ту же дистанцию не менее 50 % пуль при стрельбе короткими очередями (3–5 патронов) должны укладываться в поясную мишень. Прицельная дальность – до 500 метров.

2. Темп стрельбы – не более 500 выстрелов в минуту.

3. Магазин – не дисковый, может быть слева или снизу, на 25–30 патронов.

4. Вес – при неподвижном стволе не более 3,5 кг.

5. Наличие переводчика на одиночный и автоматический огонь, легко и быстро переводимого и надежно действующего. Наличие надежного предохранителя, запирающего затвор.

6. Габарит – без выступающих частей, за исключением магазина.
7. Приклад – постоянный карабинного типа.
8. Калибр – 9 мм, под патрон типа Борхард-Люгер.
9. Прицел должен быть нарезан на дистанции до 500 м, начиная от 100 метров через 100 метров. Форма прицельных приспособлений та же, что и для малых пистолетов, желательны более грубые (толстые) прицельные приспособления.
10. Пистолет-пулемет должен быть простым и удобным в разборке и сборке и допускать легкое массовое производство».

Заключение Комиссии о патроне

«Переходя к вопросу о патроне, комиссия считает патрон Маузера калибра 7,63 мм недостаточно удобным по следующим соображениям:

1. Большой заряд при относительно легкой пуле, что, обеспечивая высокую начальную скорость и большую настильность, в то же время значительно повышает отдачу системы по сравнению с системами под другие патроны (например патрон Парабеллума 9 мм). Последнее обстоятельство очень затрудняет конструирование как малых пистолетов в пределах определенного заданного веса, так, в особенности, и конструирование малых пистолетов и пистолетов-пулеметов под единый патрон (так же в пределах заданного веса), так как при большой отдаче, сильно сотрясающей всю систему при автоматическом огне, сохранение прицельной линии невозможно и меткость получается ничтожной, что и подтвердилось при испытании отечественных пистолетов-пулеметов под патрон Маузера 7,63 мм, о чем речь будет ниже.

2. Кроме того, этот патрон представляет в производстве большие трудности, благодаря бутылочной форме, что также усложняет и производство патронника. С другой стороны, калибр пули дает возможность использовать имеющиеся уже на вооружении 3-х линейные стволы, то упрощает и стандартизирует производство.

При сравнении характеристик патрон Маузера 7,63 мм и патрона Парабеллума 9 мм видно, что патрон Маузера, имея заряд на 50 % больше, чем заряд у патрона Парабеллума, и пулю легче на 48 %, дает начальную скорость на 25 % больше, чем патрон Парабеллума, имея примерно одинаковое с ним пробивное действие. В то же время, благодаря меньшему калибру, его убойность нужно считать значительно уступающей убойности патрона Парабеллума

9 мм. Просматривая вооружение иностранных армий, видно, что почти во всех зарубежных странах калибр пистолетов принят от 9 мм и больше. В то же время благодаря меньшему заряду отдача системы под патрон Парабеллума следует считать меньше, при данном весе пистолета.

Поэтому комиссия считает патрон типа Парабеллум 9 мм более подходящим для принятия на вооружение, тем более, что никаких существенных переделок системы пистолетов Токарева, замена ствола на ствол большего калибра, по заявлению конструктора, не потребует. Патроны НАГАН 7,62 мм, Парабеллума 7,65 мм и Кольта П,43 мм комиссия считает для принятия на вооружение менее подходящими».

Особое мнение члена комиссии тов. СЕРЕДИНА²⁰

По системе вооружения пехоты мы должны иметь два типа оружия под ЕДИНЬИЙ ПИСТОЛЕТНЫЙ ПАТРОН кал. 7,62 мм: автоматический пистолет (малый) и пистолет-пулемет (большой пистолет).

Такое решение, несмотря на различие боевого применения автоматического пистолета и пистолета-пулемета, диктуется требованиями тактики, техники и экономики; а именно: иметь оружие наименьшего возможного калибра и веса патрона (пули), который бы при достаточной мощности действия, особенно убийности, как на близких дистанциях (меньших 50 м), так и на дистанциях ближнего боя, т. е. порядка 300–500 метров – давал возможность конструировать более легкое, подвижное, удобное в обращении, надежное в действии и дешевое оружие, с использованием для его массового производства существующей основной технической базы, особенно для изготовления стволов.

Выполнение такого требования – дело нелегкое, однако, как показывает опыт работы наших конструкторских бюро, вполне возможное, так как мы вплотную подошли к разрешению вопроса по конструированию автоматического пистолета и пистолета-пулемета под патрон «Маузера» кал. 7,63 мм, который удовлетворяет требованиям поражения противника (в смысле убийности) на всех дистанциях от 25 до 500 метров.

При оценке существующих требований и разработке новых требований на конструирование автоматического пистолета и пистолета-пулемета в комиссии получились разногласия по следующим основным вопросам: калибр, патрон (пуля), вес и кучность боя ору-

жия, производственно-технические и экономические возможности.

1. Автоматический пистолет.

Теоретически автоматический пистолет как оружие самообороны должен иметь пулю большого калибра и веса, имеющую значительную ударную силу и способность дать сильное ранящее действие, т. е. вывести человека из строя, даже при попадании в неубойное место, при стрельбе на дистанции 25–30 метров.

Эта задача должна разрешаться наилучшим образом калибром порядка 11,5 мм и выше при весе пули около 14–15 г («Кольт», «Веблей» и «Скотт»).

Практически же при стрельбе на убойность животных (лошади и быки) при попадании пуль в неубойное место большой разницы в ранящем действии между калибром в 11,43 мм («Кольт»); 9,0 мм и 7,65 мм («Парабеллюм»); 7,63 мм («Токарев» – под патрон «Маузера») и 7,62 мм («Наган») – не наблюдалось.

Наоборот, смертельное ранение животных следовало лишь после попадания в убойное место: из пистолета «Кольта» – 11,43 мм (по лошади), после 3-го выстрела; из пистолета (Парабеллюм) – 9,0 мм (по быку) после пяти выстрелов и дополнительно двух выстрелов из пистолета «Кольта», причем лишь второй выстрел оказался смертельным.

В то же время лишь при одном попадании в убойное место из пистолета «Токарева» (под патрон «Маузера» – 7,63 мм) и револьвера «Наган» – 7,62 мм животное (бык) одинаково получало смертельное ранение и свалилось на землю.

Следовательно, практически большой калибр и тяжелая пуля не дают значительных преимуществ в отношении убойности, так как все зависит от места и характера попадания: пуля малого калибра и веса может вывести человека из строя скорее, пронизывая насквозь жизненные органы человека, нежели пуля большого калибра и веса с так называемой «останавливающей силой», которая не дает еще гарантии, что человек, не получивший смертельного ранения, не может нанести поражения своему противнику.

Разумеется, что между убойностью человека и животного (лошадь, бык) имеется какая-то разница и что вопрос убойности требует дальнейшего исследования, однако, несомненно, что надежно вывести человека из строя, т. е. чтобы он не мог нанести своему противнику поражения, будучи уже раненым – возможно толь-

ко при попадании в убойное место одинаково, как для пистолета крупного калибра (тяжелой пулей), так и из малого калибра (легкой пулей), причем этом отношении патрон «Маузера», как имеющий значительную живую силу (около 47 клгр.-мтр.), является более мощным по сравнению с патронами калибров того же порядка и во всяком случае не уступает патрону типа «Парабеллум» калибром 9,0 мм.

Поэтому с точки зрения убойности нет надобности идти по пути конструирования автоматического пистолета крупного калибра, так как это лишь увеличит его вес и сделает более громоздким (особенно, принимая во внимание необходимый запас патронов) и менее удобным для боевого применения.

Пистолет системы «Токарева» (под патрон «Маузера» – 7,63 мм) весом в 812 грм., с пустым магазином, вполне удовлетворяет требованиям, предъявляемым к современным автоматическим пистолетам при условии незначительных усовершенствований, указанных в акте, и некоторого улучшения кучности боя (полученная кучность боя уже не плохая), что вполне по силам нашим конструкторам и может быть выполнено гораздо быстрее, нежели конструирование пистолета под новый калибр и патрон.

Доработка пистолета «Токарева» облегчается еще и тем обстоятельством, что мы уже имеем почти налаженное производство патронов системы «Маузера» с плакированными томпаком пулями, которые дали при испытании стрельбой на НИОПе лучшие результаты по кучности боя, нежели те же патроны германского изготовления.

Кроме того, принятие патрона калибра 7,63 мм дает возможность пользоваться нашими винтовочными стволами, что чрезвычайно важно с производственно-технической и экономической точек зрения, так как в этом случае не потребуются дополнительных затрат на установку сложного и дорого стоящего оборудования.

2. Пистолет-пулемет.

Требование единого калибра с основным вооружением пехоты и единого патрона с автоматическим пистолетом особенно важно при конструировании и производстве пистолета-пулемета.

Этот тип оружия ближнего боя, стреляющего теми же патронами, что и автоматический пистолет, кроме достаточной убойности должен обладать еще и большей начальной скоростью, про-

бивной способностью и дальностью полезного действия до 300–500 метров.

Эти требования как раз и могут быть выполнены патроном «Маузера» – 7,63 мм, лучше нежели другим патроном (в частности патроном «Парабеллюм»), так как он при достаточной поперечной нагрузке пули (12 грм. на кв. см) имеет значительно большую скорость (свыше 400 м/с), что чрезвычайно важно в ближнем бою в смысле настильности пули.

Естественно, что мощный патрон «Маузера» потребует увеличения веса пистолета-пулемета до 3,5 кгм., (с пустым магазином), так как при весе 2,5 кгм. (без магазина), вследствие отдачи, понижается меткость оружия, хотя последняя в этом типе оружия ближнего боя, предназначенного для массового огня, главным образом, при самообороне (отбитие атаки, налета кавалерии, при внезапном столкновении с противником и т. д.) на дистанциях 100–300 метров, не играет такого большого значения, как в автоматическом пистолете, так как в этом случае поражение противника будет достигаться, преимущественно, за счет количества выпущенного металла, а не за счет отдельных метких выстрелов.

Говорить о преимуществах в этом отношении пистолета-пулемета системы «Дрейзе» – 9,0 мм не приходится, так как он весит около 4,5 кгр. и, следовательно, более устойчив при стрельбе за счет значительного утяжеления, хотя отдача при стрельбе патроном «Парабеллюм» не меньшая, нежели при стрельбе патроном «Маузера», следовательно, при увеличении веса конструируемого нами пистолета-пулемета до 3,5 кгр., с пустым магазином (и при соответствующем подборе длины ствола), мы получим достаточно портативное, устойчивое и меткое оружие, не уступающее пистолету-пулемету «Дрейзе».

3. Общий вывод.

Переход на новый калибр и патрон в настоящее время, когда мы в значительной степени разрешили вопрос по конструированию автоматического пистолета, вплотную подошли к разрешению проблемы создания пистолета-пулемета и почти осуществили производство патрона системы «Маузера», – отодвинет вопрос доработки обоих типов оружия и патронов к нему, а также установки массового производства по крайней мере на один лишний год, между тем как в этом нет особой надобности.

По моему мнению, необходимо:

1) *теперь же дать заказ на изготовление не менее 50 штук пистолетов системы «Токарева» под патрон «Маузера» – 7,63 мм, со сроком изготовления не более 6–8 месяцев, для широкого войскового испытания;*

2) *Продолжать доработку пистолета-пулемета под тот же патрон по требованиям, приложенным к акту (с увеличением его веса до 3,5 клгр., с пустым магазином), за исключением требований в отношении кучности и меткости боя, которое необходимо пересмотреть в 6-й секции НТК АУ с привлечением НИОПа, так как они взяты лишь на основании одного опыта стрельбы в комиссии и поэтому недостаточно основательны;*

3) *Поручить НИОПу вести исследование в области убойности оружия самообороны и ближнего боя, а также в области вопросов, влияющих на улучшение кучности и меткости боя этого оружия (ствол: его длина, крутизна, количество и направление нарезов, наивыгоднейший вес и отдача оружия, прицельное приспособление, ударно-спусковой механизм и проч.)*

Пом. начальника СЕКТОРА II-го Управления Штаба РККА (Середин)».

Решение о серийном заказе ППТ-27

В докладе Председателю РВС за подписью Уборевича написано (от 01.02.1931 г., № 5/8057сс)²¹:

«О разрешении серийного заказа на 7,62 мм пистолет-пулемета сист. Токарева» (ил. 12):

«Испытан на Полигоне и продемонстрирован Комиссии РВСС 7,62-мм пистолет-пулемет Токарева под патрон Нагана.

Вес 2,8 кг, магазин на 21 патрон. Темп стрельбы около 700 выстрелов в минуту. Патрон Нагана с обжатými или обрезанными

Ил. 12. ППТ-27. Имеет номер 476, что позволяет судить о том, что опытная партия в 500 штук была изготовлена близко к намеченному числу

дутьцами дает при стрельбе удовлетворительные результаты, при обычном патроне – с задержками.

По баллистическим данным патрона надежная стрельба до 300 м.

Для внедрения в войска тактики применения пистолетов-пулеметов и широкого их испытания с целью выявления необходимости такого оружия и направления дальнейшей разработки в 1931 году предположен заказ на 500 шт. пистолетов-пулеметов сист. Токарева.

Прошу разрешить заказ.

Зам. Председателя РВС СССР и Начальник Вооружений Уборевич».

Как видим, кроме одной неточности (о темпе стрельбы в 700 выстр./мин.), фактическая сторона испытаний передана точно, вплоть до задержек при стрельбе штатными нагановскими патронами.

И первый раз информация о модификации патрона встречается в Протоколе № 2/80д387с/оп НИОПа от 6.11.1930 г., о том, что «на НИОПе было произведено опробование стрельбой из пистолета-карабина Токарева патрон к револьверу «Наган», со следующими в них изменениями:

А) дульца гильзы укорочены на 9–10 мм;

Б) выступление пули из гильзы (сделана опилка дульца гильзы) 6–7 мм.

При опробовании стрельбой было выпущено 81 патрон автоматическим и одиночным огнем. Пистолет работал вполне исправно. Задержек по вине патрона не было. Но были задержки вследствие неправильного снаряжения магазина, т. е. очередной патрон закраиной своей шляпки захватывал за закраину шляпки нижнего патрона и продвигаться вперед не мог»²².

Далее оформляется Мнение НТК АУ от 23 декабря 1930 г., № 337с, и звучит оно так: «заказать партию патронов Наган в 50'000 шт., из них 25'000 шт. с укороченной гильзой по образцу измененных НИОПом и 25'000 штук с обжимом дульца гильзы в патронах».

И чтобы полностью описать ситуацию с выбором патрона Нагана для первого советского ПП, надо лишь указать, что на тот момент данный патрон был единственным выпускавшимся револьверным, а пистолетные не выпускались совсем. Даже испытания в 1929–1930 гг., в которых испытывались пистолеты-пулеметы Токарева

(№ 3 и 4), Дегтярева и пистолет-карабин Коровина (имевший только режим одиночного огня), – данные ПП опробовались в стрельбе патронами 7,63 Маузер фирмы DMW. И даже в «Описании 7,62-мм пистолета-пулемета образца 1934 г. (индекс 56-А-133)», (известного нам как ППД-34), выпущенного в 1936 г., говорится: «*Пистолет-пулемет сконструирован под пистолетный патрон 7,62 мм калибра (типа «Маузер»)*»²³.

И только в «Руководстве службы. Пистолет-пулемет обр. 1940 года» говорится: «*Для стрельбы из пистолета-пулемета применяется пистолетный патрон 7,62-мм калибра*»²⁴. Примерно с этого времени данное название и становится официальным.

А идея (короткая гильза патрона Наган) также могла возникнуть в связи с тем, что один из самозарядных пистолетов Коровина (на испытаниях 1930 г.) был под патрон Наган с укороченной гильзой. Хотя, справедливости ради, надо вспомнить, что патроны Нагана, как в варианте с укороченной гильзой, так и в варианте, когда пуля выглядывает из гильзы полной длины, уже были известны в России как боеприпасы к различным револьверам до революции, а также в послевоенный период производились охотничьи патроны на базе патрона Нагана – калибров 5,6 и 6,5 мм, с обжатым дульцем.

Особенности конструкции пистолета-пулемета Токарева

К особенностям конструкции ППТ-27 можно отнести следующее:

1. Карабинная компоновка. Несмотря на кажущуюся очевидность такого решения, все же на тот момент далеко не все ПП имели вид карабина и оптимальное расположение частей. Например, у ПП Фольмера, с которым и сравнивался ППТ-27, магазин располагался перед передней рукояткой.

2. Постановка на затворную задержку происходит в две стадии: 1) после выброса гильзы последнего патрона, затвор (выступом в нижней части (ил. 13)),

Ил. 13. Затвор на затворной задержке. Выступ на нижней части зеркала служит для зацепа за подаватель магазина

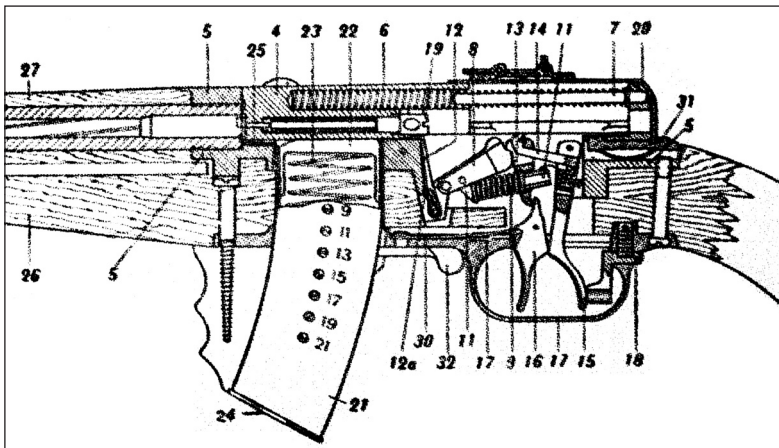
двигаясь вперед, сцепляется с подавателем магазина. Для этого на выступе подавателя сзади имеется прорезь (паз) в который входит выступ на нижней части зеркала затвора; 2) рукой затвор отводится немного назад, и затворная задержка поднимается, фиксируя затвор в данном положении. Таким образом Токареву удалось избежать усложнения конструкции магазина и механизма ПП, как это было сделано в пистолете-карабине Коровина. Но за это пришлось «заплатить» высокую цену, а именно: для того чтобы затвор своим выступом мог зацепиться за подаватель, губки магазина имели вырезы в своей задней части (см. п. 3 «Недостатки конструкции»).

3. В задней стенке коробки имеется отверстие для прохода шомпола при чистке ствола с казенной части, чем устранялась опасность истирания дульного среза.

4. В конструкции ствольной коробки, для подачи патрона в патронник, применена специальная горка подачи патрона, названная «лоток».

5. Ударник, расположенный в канале затвора, зафиксирован в нем возвратной пружиной. Для этого в задней части ударника имеется «флажок» закругленной формы, который входит в выточку с внутренней стороны затвора и опирается на возвратную пружину.

6. В данном автоматическом карабине и ПП Токарев применил курковый УСМ весьма интересной конструкции (ил. 14), близкой по своей основной схеме к УСМ самозарядных винтовок образца 1938

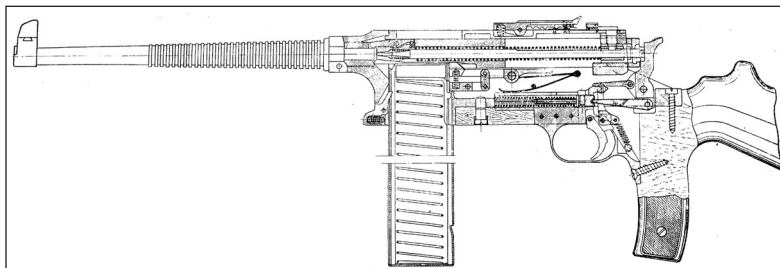

Ил. 14. Схема устройства ППТ-27

и 1940 гг. (СВТ-38, СВТ-40), но с поправкой на то, что вид огня задавался не переводчиком, а нажатием на разные спуски. Во взведенном положении курок удерживается шепталом, причем боевая пружина одновременно давит и на курок и на шептало и – 1) давление на шептало максимально, а на курок минимально и находится вблизи «мертвой точки»; 2) при нажатии на спусковой крючок происходит нажим на шептало и донагнетание боевой пружины; 3) шептало отпускает курок, и при этом слегка усиливается нажим на курок и отход от «мертвой точки»; 4) при постановке на предохранитель, при котором невозможен сдвиг назад спускового крючка, невозможен и сдвиг шептала, и курок прочно удерживается от срыва; выстрел невозможен; 5) отличие от УСМ СВТ-40 состоит в том, что у СВТ-40 направляющий стержень боевой пружины служит также разобщителем, а в ППТ-27 разобщителем служит головка спусковой тяги. Хотя, возможно, что дело в терминологии, которая изменилась со временем.

Согласно дневнику Токарева, разработку данного УСМ он начал в 1916 г.

Для сравнения показан механизм ПП Коровина (ил. 15).

Ил. 15. Схема устройства карабина Коровина

Выдержка из «Описания ППТ-27»²⁵:

«Боевая пружина (23) (по нумерации «Описания») – спиральная – помещается на направляющем стержне боевой пружины (24). Передний конец пружины опирается на венчик у вилки направляющего стержня, а задний на шептало. Пружина, будучи сжата между венчиком стержня и шепталом при взведенном курке, стремится послать курок вперед и с другой стороны заставляет шептало захватывать курок на боевой взвод.

Направляющий стержень боевой пружины (24) служит для передачи давления пружины на курок. Стержень имеет вилку, опирающуюся на шпильку курка, и венчик для опора пружины. Самый стержень к концу с боков плоско снят и входит этим концом в овальное отверстие в шептале (28).

Шептало (28) служит для удержания курка на боевом взводе. Шептало расположено в заднем окне ствольной коробки и своими цапфами помещается в завитках коробки.

В верхней части шептало имеет два захвата, которыми оно захватывает курок за боевой взвод, и между ними перемычку, за которую в свою очередь захватывает спусковая тяга (29). Между захватами имеется окно прямоугольной формы для прохода зацепа спусковой тяги, а ниже окно овальной формы для помещения конца направляющего стержня боевой пружины и выборка для упора заднего конца боевой пружины. На нижний закругленный конец шептала надавливает автоматический спуск при непрерывной стрельбе.

Спусковая тяга (29) служит для отвода шептала и разъединения его с боевым взводом.

Спусковая тяга соединяется с **одиночным спуском (31)** при помощи **шпильки спусковой тяги (30)**, расположенной между ушками одиночного спуска; своим зацепом тяга захватывает за перемычку шептала. Зацеп тяги имеет два зареза, из них нижний служит для отвода шептала назад, а верхний, более глубокий, для помещения в нем перемычки шептала при надавливании на головку зацепа нижним гребнем затвора. Верхний более глубокий зарез дает возможность верхней части шептала податься вперед и его захватом заскочить за боевой взвод курка вне зависимости от того, нажат ли или отпущен одиночный спуск. Таким образом, головка зацепа тяги выполняет роль разобщителя спускового механизма.

В нижней задней части спусковая тяга имеет стаканчик, в котором помещается один конец спусковой пружины (32)»

Выдержка из «Наставления по СВТ-40»²⁶:

«33. Направляющий стержень служит для направления боевой пружины и размыкания спусковой тяги с коромыслом» (в данном случае коромыслом названа деталь, которая у ППТ-27 названа шепталом, и в случае СВТ-40 «шептало» – часть коромысла. – С. М.).

Недостатки конструкции пистолета-пулемета Токарева

1. Отсутствие замедлителя стрельбы, что давало темп стрельбы 1100–1200 выст./мин. Именно поэтому при стрельбе короткими оче-

**Ил. 16. Магазин к ППТ-27.
На подавателе имеется паз,
в который должен упереться
затвор после израсходования
патронов**

рядами (группками) длина очереди – 4–5 выстрелов. Меньше просто невозможно «отсечь».

2. Форма магазина, которая не препятствовала зацеплению закраин гильз, что приводило к задержкам даже при стрельбе специально подготовленными патронами.

3. Губки магазина имели незамкнутый сзади контур с задней стенкой, из-за чего мог происходить зажим закраины патрона между ребром губки и закраиной нижерасположенного патрона, что увеличивало возможность задержки в стрельбе, а также уменьшало прочность губок. Но это является следствием алгоритма действия затворной задержки (ил. 16).

4. В конструкции крышки магазина был применен ненадежный способ фиксации. В отличие от других известных на тот момент магазинов, фиксация которых производилась пластинчатой пружиной, в магазине к ППТ-27 пружинила сама крышка, а зацеп за заднюю стенку магазина производился выступом на крышке.

5. В связи с малой партией выпущенных ППТ-27 магазины изготавливались полукустарным способом и имели невысокое качество. В образцах ППТ-27, хранящихся в ВИМАИВиВС, имеет место комплектование магазинами от других ППТ-27. При этом магазины не подходят к ПП. Т. е. нет взаимозаменяемости. Например, при постановке магазина на задержку магазина (42) его верхняя часть не позволяет затвору сдвинуться вперед.

Загадка ППТ-27

Магазин ППТ-27 рассчитан на 21 патрон, и первый патрон располагается справа, но маркировка наличия патронов на стенке магазина указывает 21-й патрон слева. И это имеется на всех магазинах как в длинноствольной модели 1928 г., так и в ППТ-27, произведенных в 1931–1932 гг. опытной партией.

Войсковые испытания ППТ-27 в 1933 году

В 1931–1932 гг. была произведена партия ППТ-27 в количестве 500 шт. Они проходили испытания в войсковых частях, в результате в октябре 1933 г. были оформлены «Вопросники о работе 7,62-мм пистолета-пулемета системы Токарева под патрон НАГАН в войсковых частях РККА за летний период 1932 г.»²⁷:

«Вопрос № 1: Безотказность в работе:

А) поломка частей и каких, отдельно при стрельбе, разборке и сборке.

Ответ: Из 6 шт. пулеметов при разборке у одного № 272 обнаружено: сорвана резьба хвостового винта. У пулемета № 356 при стрельбе соскакивает кольцо ствольной накладки.

Б) Характер задержек.

Ответ: У 4-х пулеметов при стрельбе происходят задержки: А) неподача патрон. Б) неотражение и не экстрактирование гильзы и утыкание патрон в лоток.

Вопрос № 2: Удобство перезаряжания и практическая скорострельность.

Ответ: Перезаряжание удовлетворительное, практическая скорострельность стрельбы не измерена ввиду отсутствия патрон в настоящее время.

Вопрос № 3: Целесообразность помещения запасного магазина в прикладе.

Ответ: Вполне целесообразно.

Вопрос № 4: Удобство прицельных приспособлений. А) защита мушки. Б) удобство пользования прицелом открытой прорезью и диоптрами. В) надежность работы откидных целиков.

Ответ: Защита мушки хорошая. Пользование диоптром неудобно, считаю лучшим пользоваться или одним постоянным диоптром или прорезью, соответственно изменяя высоту прицела другим способом. Откидные целики работают удовлетворительно.

Вопрос № 5: Удобство пользования двумя отдельными спусками для одиночного и автоматического огня, не представляет ли более удобным иметь один спусковой крючок и переводчик?

Ответ: При стрельбе стрелок может путаться в спуске, а потому считаю, удобно было бы иметь один спуск и перевод для вида огня.

Вопрос № 6: Удобство полной и неполной разборки, указанных в описании пистолета-пулемета.

Ответ: Разборка как полная и в особенности неполная вполне удобны.

Вопрос № 7: Удобство пользования шомполом, составляющим одно целое с протиркой.

Ответ: Цельный шомпол с протиркой считаю удобным.

Вопрос № 8: Удобство стрельбы, носки и возки ПП при плечевом ремне, расположенным сбоку.

Ответ: Испытания на удобство ремня не производились.

Нач. боепитания (Пашутин)».

Аналогичный вопросник, полученный из Бронетанковой школы им. Фрунзе:

*«1. А) При стрельбе, разборке и сборке – Поломок не было.
Б) Задержек не обнаружено.*

2. Устройство удовлетворительное, скорострельность автоматическая очень высокая, необходимо снизить. При автоматической стрельбе в силу больших темпов стрелок теряет цель, ствол отводится вверх, сокращает темп стрельбы.

3. Необходимо оставить в прикладе [магазин].

4. Прицельные приспособления удобные. А) защита мушки достаточная. Б) затруднительно, при переставлении или переходе. В) надежность практическая (оставить такой).

5. Удобно иметь один спусковой крючок и переводчик для автоматического огня.

6. К разборке как полной и неполной больших затруднений нет – удовлетворяет.

7. [Шомпол] Необходимо составной с запасной протиркой.

8. Носка [ПП] удобная, возка тоже, стрельбе ремень не мешает, и хотя бы ремень был снизу, ремнем удержат нельзя отход ствола вверх при автоматической стрельбе, даже срывает с упора.

Нач. Тех. Части (Долгополов). Нач. Боепитания (Селиверстов)».

От Рязанской пехотной школы в ноябре 1933 г. поступило донесение о том, что не удалось провести испытания 7,62-мм пистолета-пулемета системы Токарева под патрон Наган в связи с поздним получением ПП и окончанием лагерного периода.

На этом войсковые испытания ППТ-27 завершились, и на 1933 г. были запланированы войсковые испытания ПП Дегтярева, из чего можно предположить, что какие-то образцы уже имелись. Предполагалось испытать 10 штук в ЛВО, в Отдельном батальоне специального назначения, и 15 штук в МВО, в Мехбригаде им. Калинина.

Мнение специалистов о перспективе боевого использования ПП

Во многих источниках указывалась позиция военных специалистов по отношению к ПП, а именно: крайне низкое мнение о данном виде оружия, но не расширявается, кто, когда и по какому поводу это сказал.

Согласно докладу постоянного члена 5-й секции Артиллерийского комитета т. Смирнского, по результатам его участия на Стрелковом конгрессе в Эрфурте и стрелковом соревновании в г. Касселе, 21.10.1926 г.: *«По заданию АртКома на основании предложения Инженерного отдела мною было произведено в Дурляхе испытание пистолета-пулемета системы Бергмана. Пистолет-пулемет представляет небольшой карабин длиной около аршина, работающего патронами Парабеллюма или Маузера (пистолета). Патроны подаются из вставленного с левой стороны прямого магазина, вмещающего 50 патронов. Вес пистолета около 4,5 кг. Затвор пистолета весьма прост и состоит из 4-х частей: пружины, ударника, затыльника и личинки. Весь же пистолет состоит из следующих крупных частей: ствола, кожуха, передней шайбы, спускового штыря с пружиной, спускового крючка и защелки для магазина. При испытании стрельбою на 100 метров при стрельбе группками в лист писчей бумаги, из серии в 20 выстрелов получилось в среднем 10 попаданий, т.е. 50 %, что надлежит признать хорошим результатом. Что касается непрерывной стрельбы, то эта система, как и все вообще автоматические системы, такому огню неприспособленные, давала малую меткость (всего одно–два попадания из серии в 20 выстрелов).*

ЗАКЛЮЧЕНИЕ: Для вооружения частей РККА подобный пулемет-пистолет мало применим, так как, будучи сконструирован под

пистолетный патрон Маузер или Парабеллюма, не имеет достаточной дальности прямого выстрела. Однако, вследствие достаточной портативности и легкости, а также удобства переснарядки, этот пистолет-пулемет может иметь применение в органах ГПУ Милиции и различных органах, где часты встречи одного человека с группой бандитов не на большом, а на близком расстоянии. Между прочим, один экземпляр пистолета-пулемета приобретен представителем московского Угрозыска т. Майчинским и будет отвезен в Москву. Стоимость пистолета Бергмана около 220 руб.»²⁸.

Да, сейчас, со всем багажом знаний об истории развития стрелкового оружия, такое мнение кажется чрезвычайно ошибочным, но ПП не обладали дальнобойностью винтовок и пулеметов и не могли впрямую конкурировать с ними. И невозможно было объективно оценить ПП без изменения тактики пехотных подразделений и отношения каждого отдельного солдата как к самому оружию, так и к стрелковой подготовке.

ППТ-27 в кинематографе

Несмотря на малую партию, которой был выпущен ППТ-27, он оставил свой след и в кинематографе.

В частности, на Ташкентской киностудии художественных фильмов в 1942 и 1943 гг. были сняты боевые киносборники (БКС).

В 1942 г. БКС № 11 «В кольце ненависти», три новеллы: «Пауки», «Сто второй километр» и «Карьера лейтенанта Гоппа». Все три новеллы повествуют о боевой деятельности партизанского отряда под командованием товарища К.

ППТ-27 присутствует и в качестве оружия немцев, и как оружие партизан.

БКС 1943 г. «Родные берега», в который входили две новеллы: «3 гвардейца» и «Пропавший без вести». Вторая рассказывает о том, как торпедный катер, потеряв топливо и радиосвязь, вынужден пристать к берегу. Экипаж катера, вступив в бой с немцами, отбил бочку топлива и необходимую деталь для радиопередатчика.

ППТ-27 показан в руках немецкого солдата.

За предоставленную информацию благодарю Андрея Васина (ник AVSniff).

¹ Болотин Д.Н. Советское стрелковое оружие за 50 лет. Каталог. Л., 1967. С. 185.

² Описание 7,62-мм пистолета-пулемета сист. Токарева под патрон НАГАН, М., Издво Артиллерийского управления РККА, 1932. С. 6.

- ³ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 6р. Оп. 1. Д. 1140. Револьвер «Наган», пистолет Коровина, Прилуцкого, пистолет-пулемет «Токарева» и выбор пистолетного патрона типа «Маузер». Л. 5–9.
- ⁴ Болотин Д.Н. Советское стрелковое оружие за 50 лет. С. 184.
- ⁵ Описание 7,62-мм пистолета-пулемета сист. Токарева под патрон НАГАН. С. 6.
- ⁶ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 6р. Оп. 1. Д. 1140. Л. 67.
- ⁷ Там же. Л. 84.
- ⁸ Там же. Л. 92.
- ⁹ Там же. Л. 93, 93 об.
- ¹⁰ Там же. Д. 1536. «Общие вопросы по вооружению». Л. 461.
- ¹¹ Там же. Д. 1511. «Пулеметы Дрейзе, Дегтярева и др.». Л. 10, 10 об.
- ¹² Там же. Л. 28, 28 об., 29.
- ¹³ Там же. Д. 486. «Материалы по испытанию пистолетов Токарева, Прилуцкого, Маузера, Вальтера, Парабеллном, Браунинга, Кольт, Кольт-Браунинг, Коровина и ПП Токарева, Дрейзе, Томпсон, Бергмана». Л. 53.
- ¹⁴ Там же. Л. 62.
- ¹⁵ Там же. Л. 46.
- ¹⁶ Там же. Л. 47.
- ¹⁷ Там же. Л. 51.
- ¹⁸ Там же. Л. 24, 25.
- ¹⁹ Там же. Л. 49.
- ²⁰ Там же. Л. 27–30.
- ²¹ Там же. Д. 368. «Доклады, постановления РВС и переписка о введении на вооружение новых образцов вооружения», Л. 82–84.
- ²² Там же. Д. 410. «Копии Журналов по VI секции НТК АУ РККА (протоколы и документы полигонных испытаний). Л. 242.
- ²³ Описание 7,62-мм ПИСТОЛЕТА-ПУЛЕМЕТА образца 1934 г., индекс 56-А-133. М.: Государственное Военное издательство НКО СССР, 1936. С. 3.
- ²⁴ Руководство службы. Пистолет-пулемет обр. 1940 года. М.: Воениздат НКО СССР, 1941. С. 53.
- ²⁵ Описание 7,62-мм пистолета-пулемета сист. Токарева под патрон НАГАН. С. 15–18.
- ²⁶ Наставление по стрелковому делу (НСД-38). Самозарядная винтовка обр. 1940 г. М.: Воениздат НКО СССР, 1940. С. 26.
- ²⁷ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 6р. Оп. 1. Д. 898. «Войсковые испытания (отчеты и программы испытаний)». Л. 139, 140, 140 об., 143, 146, 146 об., 177, 177 об., 181.
- ²⁸ Там же. Д. 1334. «Общие вопросы по стрелковому оружию, изготовление и испытание стальных касок». Л. 13, 13 об.

А.М. Молочников (Санкт-Петербург)

СМОЛЕНСКАЯ АРТИЛЛЕРИЯ В 1609 ГОДУ

ИЗУЧЕНИЕ РУССКОЙ АРТИЛЛЕРИИ XVI–XVII вв. значительно продвинулось в последние годы, однако ряд вопросов по-прежнему изучен недостаточно хорошо¹. Это относится, в том числе, и к истории Смоленской обороны 1609–1611 гг. До сих пор сведения об орудиях смоленской крепости не приведены в соответствие с известными сведениями о русской артиллерии. При этом говорить о неполноте источников не приходится. Опись орудий в начале обороны дошла до нас хотя и не полностью, но достаточно подробно. Мы имеем сведения о 25 из 38 башен с указаниями на длину орудий, их весовой калибр, количество и тип ядер. Эти сведения содержатся в одной описи, но были поделены на разные свитки и потому опубликованы в два приема: сначала В.М. Соловьевым, а потом Ю.В. Готье². Следует отметить, что свиток Готье, по-видимому, был подвергнут переклеиванию, возможно, уже в дни обороны: фрагменты были скреплены с некоторым нарушением порядка, а вместо описи Молоховских ворот в самом начале свитка был подклеен другой документ: более подробная память дворянским головам от 28 августа 1609 г.³ В результате артиллерия Молоховских ворот известна нам по более подробному формуляру, но в то же время по этой памяти неверно была датирована и вся опись. Ее относят к 28 августу, тогда как по составу дворянских голов она была составлена в середине сентября 1609 г., в то время, когда большая часть гарнизона была переведена за стены крепости для обороны деревянного острога⁴. Артиллерия в это время оставалась на стенах, но практически не действовала; только когда острог бы сожжен и было решено обо-

ронять каменные стены, артиллерия заработала в полную мощь. Таким образом, опись была составлена перед самым началом боевого применения смоленских орудий.

На допросе у поляков воевода Шеин сообщил, что в крепости было «100 орудий больших и малых и 170 гаковниц», причем эти сведения, по словам воеводы, относились к началу осады⁵. В сохранившемся фрагменте описи мы имеем сведения о 159 орудиях; в их числе было 88 затинных пищалей и 71 орудие другого типа. Мы можем проверить показания воеводы примерным расчетом. Если на 25 башнях было 159 орудий, то на 38 башнях по тому же расчету их могло быть примерно 242 ($25/159 = 38/242 = 0,16$). По тому же расчету у нас получается 134 гаковницы ($25/88 = 38/134 = 0,28$) и 108 орудий других типов ($25/71 = 38/108 = 0,35$). Таким образом, Шеин назвал большее число орудий, чем мы могли бы получить методом экстраполяции, однако только в случае с затинными пищалами мы видим преувеличение воеводских показаний в сравнении с расчетами, а количество других орудий указано даже меньше, чем можно примерно рассчитать. Вероятно, на башнях приднепровской стороны, о которых не сохранилось сведений, и на некоторых западных башнях было сравнительно немного больших орудий, но большее количество затинных пищалей. М.Б. Шеин был не во всем искренен на допросе у поляков, однако его показания об артиллерии можно считать достаточно достоверными. У воеводы не было нужды скрывать сведения об орудиях, которые и без того достались неприятелю, и тем самым навлекать на себя дополнительные подозрения.

Итак, опись донесла до нас сведения о значительном количестве смоленских орудий, и на ее основе можно построить классификацию. За основу мы берем такие показатели, как название, весовой калибр и длину. Был еще такой показатель, как количество ядер, однако он по разным причинам мог варьироваться у орудий одного типа. В настоящее время удалось выявить 21 тип смоленских орудий в 1609 г. (таблица 1).

В таблице не учтены некоторые единичные образцы орудий, однако в ней переданы основные классы смоленской артиллерии в 1609 г.

Итак, какие орудия защищали Смоленск?

Мелкокалиберные орудия: пищали затинные и сороковые располагались на каждой башне крепости. **Затинные пищали** или га-

Таблица 1.

Смоленская артиллерия в 1609 г.			
№	Название	Длина	Кол-во Весовой калибр
1	Пищалей затинных		88 0,5
2	Пищалей сороковых		29 1
3	Пищаль семипядная	1,33	1 1
4	Пищаль семипядная	1,33	1 2
5	«Лев» вильянский меньшой		1 2,5
6	Пушка дорогубужская	1,14	1 3
7	Пушка московская		1 4
8	Пищаль девятипядная	1,71	6 4
9	Пищаль полуторная (литовская или смоленская)	2,85	5 4
10	Тюфяк медный с торелью	0,38	3 4,5
11	Пищаль полуторная (московская)	2,85	13 6
12	Полоцкая пищаль		1 6
13	«Свиток»		1 6
14	«Лев» вильянский		1 6
15	Пищаль полуторная	2,85	1 7
16	Пушка семипядная	1,33	1 7
17	«Лев» вильянский большой	4,32	1 8
18	Пушка косые грани с двумя головами	1,14	1 10
19	Пушка семипядная	1,33	1 10
20	«Собака»		1 10
21	Ругодивская пищаль	4,32	1 12
	Итого:		159

ковницы представляли особую группу в русской артиллерии. Не случайно воевода Шеин особенно выделил их при допросе. В описи их свойства не обозначены, но из других источников мы знаем, что они стреляли небольшими ядрами до полуфунта и были снабжены специальным крюком (гаком). Такие пищали обслуживали не пушкари, а их менее опытные подмастерья – затинщики. Иногда в качестве затинщиков выступали безымянные посадские люди из городского ополчения⁶. Но чаще всего это были молодые ученики пушкарей. В некоторых случаях можно отметить семейную преемственность. Так, пушкарь Павел Дегтярь обслуживал большую полоцкую пищаль, а Дегтярев Елизар Павлович – затинную пищаль в подошвенном бою на одной из круглых башен⁷. **Сороковыми пищальями** в источниках называли многоствольные орудия. Скорее всего, в Смоленске их специально соединяли в одном ложе из однотипных стволов. Во всяком случае, в 1609 г. «сороки» были самыми распространенными пища-

лями после гаковниц – по описи было 29 орудий. В позднейшей описи Смоленска 1667 г. нет сведений о сороковых пищалях⁸ (их еще называли органами и шутихами)⁹. К сожалению, мы не имеем точных данных о конструкции подобной пищали. В описи 1609 г. «сороки» представлены как однотипные орудия калибром в 1 фунт («гривенку»), стреляющие железными ядрами, причем к такой пищали полагался комплект из 600 ядер (вдвое больше обычного комплекта); у некоторых таких пищалей могло быть 400 или 300 ядер, но это не было нормой и можно отнести к недокомплекту. К сожалению, опись 1609 г. ничего не говорит о количестве стволов, соединенных в одном орудии. Это вообще характерно для ранних описей артиллерии. В писцовых описаниях русских городов XVI в. также упоминаются сороковые пищали без указания количества стволов¹⁰. В Разрядной книге похода 1577 г. сороковые пищали встречаются в ливонских крепостях, причем в одном случае (в городе Голбине) две пищали были необычной длины: 12 и 10 пядей¹¹; но также нет сведений о количестве стволов.

К орудиям мелкого калибра следует относить одну из двух смоленских **семипядных пищалей** (1, 33 метра). Она была калибром в 1 фунт, к ней полагался комплект из 300 железных ядер¹². Эти пищали, по-видимому, относятся к так называемым «волконейкам» (фальконетам). В описи 1667 г. в Смоленске отмечено несколько медных фальконетов работы Якова (Джиакомо) Фрязина 1497–1498 г.¹³ Однако эти фальконеты имели ядра весом в полфунта и к тому же встречались довольно часто, чего нельзя сказать о семипядных пищалях 1609 г. Вопрос о том, когда в Смоленск попали пищали Якова Фрязина, остается открытым. Другая семипядная пищаль была калибром 2 фунта, и к ней было 600 железных ядер¹⁴. Обе пищали располагались на башнях, примыкающих к Молоховским воротам.

Напротив, шесть **девятипядных пищалей** (1,71 метра) по своему калибру (4 фунта) были близки к смоленским полуторным пищалям. К каждой такой пищали полагалось 300 железных ядер. Это были, по-видимому, типовые, но не очень распространенные орудия. Их старались расставить на важных участках, например, на Копытецких и на Елененских воротах, на угловой Богословской башне¹⁵.

Полуторные пищали были довольно распространенным типом орудий в Московском государстве. Полуторными они назывались из-за длины ствола: 15 пядей, или 285 см¹⁶. В Смоленске были представлены орудия трех калибров: в 4, 6 и 7 фунтов. Орудия в 4 фунта

упоминаются в описи как «**пищаль полуторная смоленская**» (2), «**пищаль полуторная литовская**» (1) и просто «пищаль полуторная» (2). Однако и смоленские пищали, и литовская, равно как и еще одна из четырехфунтовых имели общую особенность: к ним прилагалось 600 железных ядер, то есть, двойной комплект. К одной четырехфунтовой полуторной пищали прилагалось 300 железных ядер, однако это, возможно, был недокомплект. В целом, литовские и смоленские полуторные пищали относились к одному типу орудий местного производства. Напротив, **пищаль полуторная московская** была на третьем месте по распространенности – всего в описи упомянуто 13 таких орудий, к ним полагался комплект в 300 железных ядер. По-видимому, орудие было типовым. В 1667 г. в Смоленске было несколько полуторных пищалей схожего калибра, сделанных мастером Богданом, и одна полуторная пищаль Андрея Чохова; эти орудия были выполнены в 1567–1568 гг.¹⁷ Возможно, именно тогда Смоленск был укомплектован однотипными орудиями. В описи 1609 г. также встречается уникальная полуторная пищаль калибром в 7 фунтов. К ней полагался стандартный комплект в 300 железных ядер¹⁸. Сведения об этой пищали требуют особой проверки по рукописи, однако не исключено, что мы имеем дело с орудием Пятого (ученика мастера Богдана)¹⁹, либо с орудием 1594 г. от Федора Савельева (ученика Андрея Чохова)²⁰.

Особая роль в системе обороны была у **больших именных и затинных пищалей**. В настоящее время мы имеем сведения о семи таких орудиях: полоцкой пищали, пищали «Свиток», трех пищалях «Лев» из Вильяна, пищали «Собака» и ругодивской пищали. Такие орудия ставились либо на ворота, либо на угловые башни, реже – на ближайшую башню к воротам. Обычай изготавливать индивидуальные пищали со своим именем обычно связывают с крупнокалиберными орудиями. Однако в Смоленске не все из указанных орудий имели крупный калибр. У **полоцкой пищали** был калибр в 6 фунтов, как и у Московской полуторной, поэтому не совсем ясно, можно ли относить ее к орудиям индивидуального образца? Полоцкая пищаль стояла в верхнем бою в зубцах на первой круглой башне от Еленских ворот, и с ней работал пищальник Павел Дегтярь без помощника из затинщиков²¹.

К индивидуальным орудиям безусловно относилась пищаль «Свиток». Она стояла в среднем бою Копытецких ворот, и к ней был приставлен не только пушкарь (Иван Дубовников), но поддатень из

затинщиков²². И хотя ее калибр также указан в 6 фунтов, несомненно, что это было достаточно крупное орудие. Возможно, данная пищаль имеет отношение к «Свитку» 1590 г. работы Степана Дубинина.

Три пищали «Лев» были трофейными из Вильяна (Феллина), то есть, скорее всего, захвачены в 1560 г. Вероятно, все три орудия олицетворяли собой по замыслу автора львиное семейство. Самый большой вильянский «Лев» калибром в 8 фунтов железными ядрами стоял в верхнем бою на Молоховских воротах, а рядом с ним – «меньшой» «Лев» калибром в 3,5 фунта (к нему полагалось 600 ядер). У большого «Льва» служили пушкарь Матвей Горчаков и поддатень Афанасий Распопин из затинщиков²³. На ближайшей круглой башне располагался средний «Лев» калибром 6 фунтов. Про него сказано, что он был две сажени (около 4, 32 метра) и стоял «на станку, на колесах»²⁴.

Самые большие пищали в Смоленске стояли на угловых башнях: Лучинской и Богословской. На Лучинской башне – пищаль «Собака» калибром в 10 фунтов.²⁵ Интересно, что в Ливонском походе участвовали две пищали – «Собака» и Лисица», калибром по 10 фунтов²⁶. А в 1667 г. в Смоленске на той же Лучинской башне (уже ставшей называться «Веселуха») стояла... пищаль «Лисица» работы Андрея Чохова²⁷ калибром в 12 гривенок. Впоследствии эта «Лисица» была захвачена под Нарвой и была зафиксирована в альбоме Феллота²⁸. Сложно сказать, как эти пищали соотносились, были ли это все одни орудия или дубликаты, и не перепутали ли «Собаку» и «Лисицу» в описи 1609 г.? Но одно несомненно: пищаль «Собака», участвовавшая в Смоленской обороне, представляла собой одно из орудий Андрея Чохова.

Ругодивская пищаль, стоявшая на Богословской башне, была самым крупным известным орудием Смоленска в 1609–1611 гг. Вероятно, она была привезена как трофей из Нарвы. Ее длина составляла 4,32 метра, калибр – 12 фунтов²⁹. Она была удобно расположена – в верхнем бою угловой круглой башни – и обладала хорошим радиусом обстрела. В польских источниках отмечено, что именно с Богословской башни королевскому лагерю причинялся наибольший вред и именно против нее были поставлены батареи неприятеля³⁰. И полоцкая, и ругодивская пищали, а также большая вильянская пищаль «Лев» были взяты «со взруба», с уточнениями: «от казенного двора от верхних зеленых погребов», «из-под навесу»³¹. Вероятно, на этом «взрубе» хранились трофейные орудия.

Кроме пищалей в Смоленске было три тюфяка и пять пушек. Тюфяками называли небольшие конусовидные орудия, стрелявшие каменными ядрами или дробом. У смоленских тюфяков была торель, а калибр их составлял 4,5 фунта³². Две пушки – дорогобужская и московская – были сравнительно небольшими орудиями калибром 3 и 4 фунта соответственно³³. Зато одна семипядная пушка стреляла каменными ядрами в 7 фунтов, а еще две – семипядная и шестипядная – ядрами по 10 фунтов³⁴. У этих пушек было довольно необычное назначение – они ставились прямо в воротах и, вероятно, должны были быть использованы против ворвавшегося в крепость войска.

Как пищали, так и пушки в Смоленске были относительно небольшого калибра, по сравнению с тем, что известно о московской полковой артиллерии. Однако артиллерии было достаточно для обороны крепости. Изучение орудий смоленской крепости далеко от завершения, но уже сейчас можно отметить, что их расстановка подчинялась определенному порядку, благодаря чему их можно было использовать с большой эффективностью.

¹ Кирпичников А.Н. 1) Русская средневековая артиллерия: О единообразии в изготовлении орудий и их классификации // Археология, история, нумизматика, этнография Восточной Европы. СПб., 2004. С. 202–227; 2) Описная книга пушек и пищалей как источник по истории средневековой русской артиллерии // Сборник исследований и материалов Артиллерийского исторического музея. Вып. 4. Л., 1959. С. 265–285; Лобин А.Н. 1) Русская артиллерия в царствование Ивана Грозного [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. 2012. Специальный выпуск I. Русская армия в эпоху царя Ивана IV Грозного: материалы научной дискуссии к 455-летию начала Ливонской войны. Ч. I. Статьи. С. 104–158 <http://www.milhist.info/2012/12/15/lobin_1> (15.12.2012); 2) К вопросу о составе русской артиллерии в битве под Венденом 21–22 октября 1578 г. // Война и оружие: Новые исследования и материалы. Материалы Шестой Международной научно-практической конференции 13–15 мая 2015 г. СПб., 2015. Ч. III. С. 85–96; 3) Новые данные об орудиях «чоховской школы» конца XVI – начала XVII вв. // Война и оружие: Новые исследования и материалы. Труды Пятой международной научно-практической конференции 14–16 мая 2014 г. СПб., 2014. Ч. III. С. 55–69; 4) Производство русской артиллерии на Пушечном дворе в 1584–1645 гг. [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. 2016. Специальный выпуск VI. Русский «бог войны»: исследования и источники по истории отечественной артиллерии. Ч. II. С. 97–157 <http://www.milhist.info/2016/02/09/lobin_7> (09.02.2016).

² Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 2. СПб., 1842. С. 311–312; Памятники обороны Смоленска 1609–1611 годов / Под ред. Ю.В. Готье. М., 1912. С. 140–147.

³ Памятники обороны Смоленска. С. 140–141.

- ⁴ Там же. С. 151–158.
- ⁵ Флоря Б.Н. Польско-литовская интервенция и русское общество. М., 2004. С. 111. (Цитата из источника дана в комментарии.)
- ⁶ Памятники обороны Смоленска. С. 145–147; Акты исторические. Т. 2. С. 311–312.
- ⁷ Там же. С. 140–144.
- ⁸ Опись Смоленску приему пушкарского головы Прохора Шубина // Дополнения к актам историческим. Т. 5. СПб., 1853. С. 294–310.
- ⁹ Лобин А.Н. Русская артиллерия в царствование Ивана Грозного. С. 121.
- ¹⁰ Города России XVI века. Материалы писцовых описаний / Изд-е подг. Е.Б. Французовой. М., 2002.
- ¹¹ Разрядная книга 1475–1606. Т. 2. М., 1982. С. 529.
- ¹² Памятники обороны Смоленска. С. 142.
- ¹³ Опись Смоленску приему пушкарского головы Прохора Шубина. С. 294–310.
- ¹⁴ Памятники обороны Смоленска. С. 141.
- ¹⁵ Там же. С. 142, 143, 145; Акты исторические. Т. 2. С. 311, 312.
- ¹⁶ См.: Лобин А.Н. Русская артиллерия в царствование Ивана Грозного. С. 125.
- ¹⁷ Опись Смоленску приему пушкарского головы Прохора Шубина. С. 300–305.
- ¹⁸ Памятники обороны Смоленска. С. 146.
- ¹⁹ Опись Смоленску приему пушкарского головы Прохора Шубина. С. 302.
- ²⁰ Там же. С. 302; Лобин А.Н. Новые данные об орудиях «чоховской школы» конца XVI – начала XVII вв. С. 65.
- ²¹ Памятники обороны Смоленска. С. 146.
- ²² Там же. С. 143.
- ²³ Там же. С. 147.
- ²⁴ Там же. С. 142.
- ²⁵ Там же. С. 147.
- ²⁶ Разрядная книга 1475–1606. Т. 2. С. 465.
- ²⁷ Опись Смоленску приему пушкарского головы Прохора Шубина. С. 295.
- ²⁸ Лобин А.Н. Новые данные об орудиях Чоховской школы. С. 58–59.
- ²⁹ Акты исторические. Т. 2. С. 311.
- ³⁰ См.: Поход его королевского величества в Москву [Россию] 1609 года // Русская историческая библиотека. Т. 1. СПб., 1872. Стб. 462.
- ³¹ Памятники обороны Смоленска. С. 146, 147; Акты исторические. Т. 2. С. 311.
- ³² Памятники обороны Смоленска. С. 141, 145; Акты исторические. Т. 2. С. 311.
- ³³ Памятники обороны Смоленска. С. 143, 145.
- ³⁴ Там же. С. 145, 147.

В.А. Мосунов (Санкт-Петербург)

НЕОСУЩЕСТВЛЕННЫЕ НАСТУПАТЕЛЬНЫЕ ОПЕРАЦИИ 18-й АРМИИ ГРУППЫ АРМИЙ «СЕВЕР» ПОД ЛЕНИНГРАДОМ В 1941–1943 годах

В ДАННОЙ РАБОТЕ автор ставил себе задачу дать краткий обзор планов наступательных операций войск группы армий (ГА) «Север» под Ленинградом после того как противник 24 сентября 1941 г. вынужден был перейти к обороне на фронте южнее и западнее города. Здесь не будут рассматриваться вопросы планирования и осуществления наступления войск 16-й армии на Волхов, Тихвин и Малую Вишеру или вопросы участия ГА «Север» в наступлении на Москву. Также отдельные эпизоды планирования операции «Nordlicht» было решено не рассматривать, так как часть этой работы автор уже проделал в свое время. Что касается операций против Ораниенбаумского плацдарма, то их планирование в 1942–1943 гг. упоминается лишь в связи с более крупными событиями. Одним из немногих вопросов, который так и не удалось прояснить, было планирование использования химического оружия под Ленинградом.

Источниковая база данной работы – это документы оперативных отделов ГА «Север», 11-й, 16-й и 18-й армий. Только сравнительно небольшая часть из них ранее изучалась отечественными исследователями.

Что касается решения немецкого командования приступить к блокаде Ленинграда¹, то здесь надо отметить следующие моменты. Одна из традиционных точек зрения на ситуацию под Ленинградом осенью 1941 г. подразумевает отказ немецкого командования от каких-либо активных наступательных действий именно против Ленинграда после того, как из состава ГА «Север» вывели 4-ю танковую группу. Действительно, вплоть до последнего времени даже простых

упоминаний о том, какие реально планы готовило немецкое командование после стабилизации фронта под Ленинградом, было немного, и в основном они были известны из вторичных источников.

Исключение составлял лишь переведенный дневник командующего ГА «Север» Вильгельма фон Лееба². Однако те записи, которые в итоге были опубликованы и в дальнейшем переведены на русский язык Юрием Лебедевым, представляют собой лишь небольшую часть тех многочисленных свидетельств, которые оставила нам история.

Создается впечатление, что многие исследователи остаются как будто зачарованными директивой Гитлера от 6 сентября и вопросом судьбы населения Ленинграда. Но если внимательно изучить литературу, то картина получается несколько более сложной. Немецкие ученые в четвертом томе коллективного труда «Германия во Второй мировой войне» упоминают о том, что 18-я армия должна была провести, как минимум, еще одну наступательную операцию. Однако они лишь касаются этого вопроса, говоря только о том, что предложение Лееба о наступлении на Ораниенбаумский плацдарм было отменено Гитлером из-за опасности больших потерь³. Правда, потом они утверждают, что к этой идее все же вернулись уже в ноябре.

Более того, если внимательно подойти к изучению дивизионной историографии, то становится ясно, что противник все же планировал наступательные операции. Так, планировалось снова попытаться захватить Пулковские высоты. Об этом известно из истории 269-й пехотной дивизии⁴, которая входила в состав L армейского корпуса. А в истории еще одной дивизии, 121-й пехотной из соседнего XXVIII армейского корпуса, прямо приводятся выписки из приказа, где говорится о том, что корпус должен захватить Колпино. Сама дивизия имела задачу взятия Московской Славянки⁵.

Более того, если мы попытаемся сделать какой-то определенный вывод из того, чем закончилось наступление немецких войск на Ленинград в сентябре 1941 г., то получится, что войска, входившие в ГА «Север», не смогли выполнить часть задач, которые были обозначены в приказе на окружение Ленинграда от 29 августа 1941 г.⁶. Это был второй из числа приказов по ГА, где ставились задачи на окружение города. Потом их будет еще два, но нумероваться они будут именно с приказа от 29 августа. В этом приказе обозначался рубеж окружения Ленинграда по линии, проходящей через южные пригороды: Урицк, Пулково, Детское Село (Пушкин), а далее по Ижоре и вдоль берега Невы до Шлиссельбурга. На правом берегу Невы планирова-

лось создать плацдарм (это так и не удалось сделать). В случае, если это было возможно, немецкое командование планировало выйти на ближний рубеж окружения по восточным пригородам Ленинграда на правом берегу Невы. В приказе четко обозначались задачи всех войсковых объединений ГА «Север», а удар на соединение с финнами тогда являлся отдельной задачей, которая первоначально была поставлена перед 4-й танковой группой. Как известно, выполнить часть поставленных задач в сентябре 1941 г. немецкие войска не смогли. Немцам не удалось уничтожить 8-ю армию Ленинградского фронта, часть южного берега Финского залива оставалась под контролем ее сил и частей береговой обороны Краснознаменного Балтийского флота. Войскам 42-й армии Ленинградского фронта удалось удерживать Пулковские высоты, немцы не смогли взять Колпино и захватить плацдарм на правом берегу Невы.

Перед 18-й армией стояла задача еще сильнее сжать кольцо окружения вокруг Ленинграда, чтобы иметь возможность разрушать его огнем артиллерии. Хотя командующий 18-й армией Георг фон Кюхлер имел четкое указание от Вильгельма фон Лееба не вести наступление на сам город и прекратить подготовку к его занятию или использованию его ресурсов, документы свидетельствуют, что немецкие командиры отнюдь не собирались оставаться статичными наблюдателями участи Ленинграда. Вот одно из таких свидетельств. В журнале боевых действий 18-й армии 23 сентября 1941 г. вопрос дальнейшего наступления обсуждался как раз с командирами дивизий XXVIII корпуса. Командир 121-й пехотной дивизии в этом обсуждении прямо говорит о том, что кольцо вокруг Ленинграда должно быть сжато так, чтобы дивизионная артиллерия могла «работать» по городу. На некоторое время этим планам было суждено было остаться только пожеланиями. 24 сентября резко ухудшившаяся обстановка на участке 16-й армии южнее Ладоги вынудила немецкое командование на некоторое время приостановить активные действия у Ленинграда. Однако вскоре к этому вопросу вернуться на самом высоком уровне.

Имели ли эти предложения и мнения какое-то решающее значение для судьбы окруженного города? Действительно, в тот момент получалось так, что во многом судьба Ленинграда решалась отнюдь не на участке 18-й армии. Все зависело от того, смогут ли войска Красной армии быстро прорвать блокаду или от того, насколько возможным будет дальнейшее снабжение города через Ладожское озеро.

Но потеря Пулковских высот и Колпина могла серьезно осложнить ситуацию. И теперь пора сказать о том, как эти планы изменялись и почему их так и не воплотили в жизнь.

Чем располагала 18-я армия под Ленинградом? Участок от берега Финского залива до Невы у Ивановских порогов занимали пять пехотных дивизий L и XXVIII армейских корпусов. Часть берега Финского залива от Урицка до Петергофа и часть западного фаса Ораниенбаумского плацдарма занимал XXXVIII армейский корпус. В его составе было две пехотные дивизии и боевая группа на основе батальона сопровождения Гитлера. Западнее него находились еще две дивизии XXVI армейского корпуса.

Надо еще добавить и то, что продолжение наступательных действий против Ленинграда в октябре 1941 г. было четко обозначено еще в приказе по ГА от 28 сентября 1941 г.⁷ Там говорилось о возможных наступательных действиях войск ГА. В числе задач находились: плотное окружение Ленинграда; уничтожение 8-й армии западнее Петергофа; переправа через Неву и соединение с финнами западнее Ладожского озера; уничтожение войск Красной армии южнее Ладожского озера.

Нас с вами пока будут интересовать первые два пункта. В приказе признавалось, что немецкая артиллерия испытывает серьезные трудности при обстреле города. Поэтому 18-я армия должна была использовать любую возможность для продвижения на север. Это резко бы усилило обстрелы города. Весьма показательна ситуация с дневником Лееба. Дело в том, что там, в сносках, приводится этот приказ, так как выписка из него попала еще и в журнал боевых действий оперативного отдела ГА «Север»⁸. И редактор немецкого издания сделал комментарий к оценке ситуации, представленной в дневнике. В итоге интереснейшее свидетельство, доступное теперь любому заинтересованному читателю, осталось практически без внимания русских исследователей.

Как этот приказ выглядел в преломлении самого штаба 18-й армии? Приказ по 18-й армии от 4 октября 1941 г. ставил войскам следующие задачи: «Армия вместе с ее восточной группой готовит продолжение наступления на Петербург; с центральной группой – продолжение наступления на врага на южном побережье Финского залива»⁹.

Если быть более конкретным, то под восточной группой 18-й армии в приказе понимались L и XXVIII армейские корпуса. Их зада-

чи были взаимосвязаны. L армейский корпус должен был захватить Пулковские высоты. Его войска ждали дополнительного приказа, чтобы снова попытаться штурмовать эту ключевую позицию к югу от Ленинграда. Только после этого XXVIII армейский корпус должен был захватить Колпино.

Два оставшихся корпуса 18-й армии не должны были сидеть без дела. XXXVI и XXXVIII корпуса должны были подготовиться к еще одному наступлению. Его целью должно было стать уничтожение 8-й армии и ликвидация образовавшегося на южном побережье Финского залива плацдарма.

Таким образом, планы были. Но почему они не осуществились?

Уже к 5 октября 1941 г. стало ясно, что ситуация с боеприпасами в армии складывается отнюдь не блестящая. В этот день оперативный отдел 18-й армии разослал по командирам армейских корпусов довольно интересный приказ. В нем говорилось о сокращении расхода боеприпасов при отражении атак. Хотя подчеркивалось, что это делается не из-за недостатка боеприпасов, а в связи с тактическими соображениями, это был весьма тревожный симптом.

О том, что боеприпасов для артиллерии начинает не хватать, было известно уже в сентябре, когда Кюхлер и его штаб оказались перед перспективой осады города. К 1 октября ни один из корпусов 18-й армии не имел 100 % обеспеченности боеприпасами для артиллерии. У XXVIII армейского корпуса эта цифра упала до 47 % снарядов для основных полевых 105-мм гаубиц. XXXVIII армейский корпус, закончивший свое наступление позже всех, 24 сентября 1941 г., был в похожем положении. Ситуация постепенно улучшалась, но медленно. Не лучше обстояло дело и с боеприпасами армейской артиллерии и артиллерии РГК. Немцы прекрасно понимали, на основе того опыта, что был получен ранее, что перед ними не только простые полевые укрепления. В спешке построенные укрепленные районы вокруг Ленинграда сыграли свою роль. Поэтому в планирование возможных наступательных операций изначально закладывался большой расход боеприпасов.

Большие потери немецкой пехоты привели к тому, что в армии недостаток личного состава достигал 28 000 человек даже с учетом полученного пополнения. Общая численность личного состава пехотных дивизий армии при этом достигала 160 000 человек. И здесь речь идет о численности тех, кто получал паек. Поэтому не случайным решением немецкого командования был отказ от повторного

штурма Пулковских высот в начале октября 1941 г. Это наступление I армейского корпуса потребовало бы значительного количества боеприпасов. А их не было. Достаточно сказать, что даже к 12 октября расход снарядов немецкой тяжелой артиллерии должен был составить: 15-см пушки могли выпустить по 200 снарядов на батарею; 21-см пушки – 150 снарядов; 24-см пушки – по 60 снарядов¹⁰.

Однако оставался еще один пункт плана – задача по уничтожению 8-й армии. В приказе по ГА от 9 октября у 18-й армии осталась задача по ее уничтожению¹¹. Это позволило бы немцам прочно запереть советский флот в Кронштадте. Из документов становится известно, что сама операция была запланирована на конец октября. В ней должны были участвовать части двух армейских корпусов – XXVI и XXXVIII. Согласно приказу по 18-й армии, возникшему 14 октября, два корпуса должны были сначала захватить восточную часть плацдарма. После этого должно было последовать наступление с целью захвата порта Ораниенбаум. Операции против Пулкова и Колпина были отложены на более позднее время. В случае с Ораниенбаумским плацдармом, штаб XXXVIII корпуса докладывал, что может перейти к наступлению уже 29 числа.

Здесь, как это обычно бывает, сразу же появлялось много «но». И главная проблема была в недостатке сил. Пока под Петергоф ожидалось прибытие свежей 212-й пехотной дивизии. 22 октября штаб 18-й армии представил свои замечания по ходу предстоящих операций¹². В значительной степени немцы опасались сильного удара с целью прорыва блокады и хотели сберечь силы для его отражения. Но от самой операции Кюхлер и его штаб отказываться не собирались. Особо ими отмечалось, что 8-я армия вряд ли сможет оказать сильное сопротивление. Но немецкие командиры всерьез опасались того, что советская береговая артиллерия сможет им помешать. Для борьбы с советскими береговыми батареями (а это, в первую очередь форт «Красная горка») предлагалось использовать различные образцы железнодорожной артиллерии. В том числе речь шла о французской 520-мм гаубице, которая в итоге оказалась орудием самого крупного калибра, применявшимся под Ленинградом. Но для борьбы с советской береговой артиллерией она была бесполезна – дальность стрельбы не позволяла ей эффективно обстреливать «Красную горку». Видимо, этот документ попал на стол к Леебу как раз перед его разговором с А. Гитлером, который состоялся 27 октября¹³. В тот день Гитлер все же решил отказаться от проведения наступления,

сославшись на возможности советской береговой артиллерии. Таким образом, само существование береговых батарей на южном берегу Финского залива давало гипотетическую возможность удержания участка земли у Ораниенбаума. До определенного момента, пока у немцев не оказались бы в наличии свободные силы ударной авиации и они бы не получили в свои руки инициативу.

Пока же ситуация была несколько двойственной. Хотя решение А. Гитлера оказалось довольно серьезной ошибкой, считать, что он тогда, в октябре 1941 г., в очередной раз помешал генералам вермахта выиграть войну, нельзя. Все несколько сложнее. Дело в том, что успех немецкого наступления на Тихвин и Волхов мог привести к голодной катастрофе в Ленинграде и без активных действий 18-й армии. Тогда вопрос существования Ораниенбаумского плацдарма и наличия флота в Кронштадте решился бы без активных действий 18-й армии.

Что касается наступления 16-й армии, то в советской историографии оно трактуется как попытка полного окружения Ленинграда и соединения с финнами¹⁴. Однако, исходя из сохранившейся переписки штаба ГА «Север» и ОКХ, получается, что противник ставил себе более масштабную задачу. Она заключалась в том, чтобы нанести советским войскам на Северо-Западном направлении поражение, сравнимое по масштабам с разгромом Юго-Западного фронта. И войска ГА «Север» должны были действовать в тесном взаимодействии с соседом, ГА «Центр». Конечно, идея отрезать Ленинград окончательно также существовала, и уже во время наступления 16-й армии на Волховстрой к ней вернулись, но она не являлась главной. Само наступление, как известно, завершилось для войск 16-й армии крупной неудачей и отходом к р. Волхов.

Снова к идеям провести наступление под Ленинградом вернулись в декабре 1941 г. Тогда, 23 декабря 1941 г., поступил в штаб ГА приказ Верховного командования Вооруженных сил. В этом приказе ставилась задача провести наступление с целью прервать сообщение Ленинграда с Большой землей. Идея заключалась в том, чтобы силами танковой дивизии выйти на западный берег Ладожского озера¹⁵. Однако в тот момент потеря инициативы и начало советского наступления на Северо-Западном направлении заставили командование ГА «Север» отказаться от каких-либо попыток наступления. Более того, известно, что на самом высшем уровне, в штабе ГА «Север», обсуждался вопрос об отходе 18-й армии на линию Псков–Нарва и

об оставлении Южного Приладожья. Вопрос об отходе из Южного Приладожья был поставлен перед штабом 18-й армии командиром XXVIII армейского корпуса Гербертом Лохом¹⁶. И этот вопрос обсуждался одновременно с полученным сверху распоряжением готовиться к наступлению на западное побережье Ладожского озера. Идея отхода войск 18-й армии была высказана командующим ГА Вильгельмом фон Леебом, но его здесь не поддержал сам командующий 18-й армии¹⁷.

Одним из малоизвестных фактов является поступление в штаб ГА «Север» 11 февраля 1942 г. распоряжения ОКХ о том, что штаб ГА должен донести наверх о возможности дальнейшего сжатия кольца вокруг Ленинграда¹⁸. Это случилось в самый разгар боев на Любанском направлении, когда войска Волховского фронта смогли уже не только прорвать оборону, но и поставить под угрозу основные пути снабжения 18-й армии. Но в самый разгар кризиса штаб 18-й армии должен был еще и представить соображения по поводу возможного наступления на Ленинград.

Через день, 12 февраля, на свет появилось распоряжение ОКХ о ведении боевых действий на Восточном фронте. Там, в пункте, касающемся задач ГА «Север», указывалось, что ее войска должны готовиться к операции по захвату островов Финского залива, а после предоставления необходимых сведений группа армий получит приказ о дальнейших действиях по осаде Ленинграда¹⁹. Ответ из штаба ГА «Север» был следующим: операция возможна, но только после того, как разрешится ситуация южнее и севернее озера Ильмень. 14 февраля штаб 18-й армии представил примерный план операции. Суть его заключалась в том, что войска армии должны были выполнить те задачи, которые были поставлены еще в приказе на окружение Ленинграда № 1. Правда, до воплощения этого плана в жизнь дело дошло гораздо позже.

Директива ОКВ № 41, появившаяся 5 апреля 1942 г., подтвердила задачу овладения Ленинградом²⁰. Новый этап планирования наступательных операций под Ленинградом начался уже с конца весны 1942 г., еще до появления Директивы ОКХ от 21 июля 1942 г. В ночь на 28 мая в штаб ГА «Север» поступил приказ ОКХ. Из него следовало, что в июле 1942 г. произойдет усиление артиллерии 18-й армии²¹. Именно это распоряжение ОКХ положило начало значительному качественному и количественному усилению артиллерии 18-й армии под Ленинградом. Среди прибывающих орудий были 80-см пушка

«Дора», мортиры калибром 30,5, 35,5, 40 и 42 см. Надо заметить, что решение о переброске этих орудий, которые в тот момент еще находились в составе 11-й армии, было принято до того момента, когда 11-я армия начала последний штурм Севастополя в июне 1942 г.

Прибывающая группировка артиллерии была предназначена для захвата Ораниенбаумского плацдарма. Рекогносцировка позиций для артиллерии проводилась в течение июня. Значительная часть указанных дивизионов и батарей была все еще задействована под Севастополем. И еще до начала третьего штурма Севастополя немецкое верховное командование нашло применение этой очень мощной артиллерийской группировке. Операция против Ораниенбаумского плацдарма получила названия «Bettelstab» («Беттельштаб»), что в переводе с немецкого означает «Посох нищего». От этой операции отказались в пользу того, чтобы решить вопрос с Ленинградом. Под Ленинград начали перебрасывать и управления армейских корпусов 11-й армии, и ее сам ее штаб, а также артиллерийское командование, офицеры которого ранее занимались планированием артиллерийского наступления во время третьего штурма Севастополя.

Как называлась наступательная операция 11-й армии под Ленинградом? Окончательное ее наименование, исходя из известных на данный момент немецких документов, было все же «Georg» («Георг»). Мы не будем подробно останавливаться на этом плане. Тут надо отметить еще несколько немаловажных вещей. Во-первых, прямо во время подготовки к операции «Георг» была запланирована наступательная операция 16-й армии у Рамушевского коридора. Операция была проведена и вошла в историю под названием «Michael» («Михаэль»). Ее начало пришлось как раз на самый конец Синявинской операции. Часть сил для этой операции выделяла 18-я армия. Переброшенная с юга артиллерия в значительной степени была задействована во время контрнаступления войск 11-й армии, когда ее дивизии смогли окружить войска 2-й Ударной армии в Южном Приладожье.

Еще один момент заключается в том, что уже после окончания Синявинской операции немецкое командование продолжило планировать наступательные операции против Ленинграда. 15 октября 1942 г. появился новый приказ штаба 11-й армии о подготовке операции «Георг»²².

23 октября штаб 11-й армии отдает Оперативный приказ № 2, или приказ о операции «Feuerzauber» («Фейерцаубер»). В нем говори-

лось, что операция «Георг» проводиться не будет. Теперь вся операция сводилась к тому, что войска L армейского корпуса должны были захватить Пулковские высоты. Именно эта операция получила название «Feuerzauber».

Через несколько дней, 28 октября, появилось еще два приказа. LIV армейский корпус 11-й армии получил приказ готовиться к операции «Walkuere» («Валькирия»). Его основной задачей был захват Колпина. XXX армейский корпус в этот же день получил приказ готовиться к операции «Wintermaerchen» («Зимняя сказка»). В ходе нее войска корпуса должны были форсировать Неву. Начать свое наступление корпус должен был после захвата района Колпина. Буквально через несколько дней штаб 11-й армии вынужден был покинуть участок фронта под Ленинградом. Его перекидывали на южный фланг ГА «Север», в стык с ГА «Центр», для проведения наступательной операции на флангах двух групп армий. Целью этой операции был захват города Торопца. Для ее проведения из-под Ленинграда и с участка 18-й армии снималась часть сил, в том числе и 12-я танковая дивизия и 291-я пехотная дивизия. В то же самое время и 16-я армия готовила еще одно наступление.

Операции против Ленинграда не были отменены. 9 ноября командующий ГА «Север» посещал участок L армейского корпуса, а также выслушал доклад командующего 18-й армии, который как раз говорил о планировавшихся наступательных операциях²³.

Что касается обеспечения артиллерии боеприпасами, то они поступали медленно. Видимо, это в значительной степени и решило судьбу планировавшихся операций. Вместе с серьезными проблемами, связанными с состоянием орудий и тем, что на фронте 18-й армии продолжались активные боевые действия, было решено если не отказаться, то отложить наступление на неопределенный срок.

Часть артиллерии уже начали выводить из-под Ленинграда. Так, самое крупное орудие, 80-см пушку «Дора», скорее всего, должны были увезти в ноябре. Известно, что 13 ноября штаб 18-й армии попросил отправить ее на территорию рейха²⁴. А часть прибывших орудий начали сосредотачивать там, где была наибольшая вероятность большого советского наступления.

Видимо, значительную роль в том, что наступление было в итоге отложено на неопределенный срок, сыграло и то, что началось советское наступление под Сталинградом и против войск ГА «Центр» на Ржевском выступе. Также ожидалось наступление против Раму-

шевского коридора, поэтому из состава 18-й армии на этот участок в срочном порядке перебрасывалось две пехотные дивизии. В перспективе это привело к сильному ослаблению немецкой группировки под Ленинградом. Хотя 18-я армия получила несколько полевых дивизий люфтваффе, их появление не могло компенсировать потери более закаленных в бою и лучше подготовленных соединений.

В итоге все же наступление отложили на неопределенное время. Когда 12 января началась операция по прорыву Ленинграда, 18-я армия попала в такое положение, когда речь о каком-либо наступлении уже не шла. Надо было удерживать линию обороны. И на всем советско-германском фронте войска вермахта оказались в состоянии тяжелого кризиса.

Однако уже к концу периода советского наступления, 13 марта 1943 г., на свет появился оперативный приказ ставки Гитлера за № 5, где говорилось о том, что во второй половине лета предполагается провести операцию против Ленинграда²⁵. Этот пункт в приказе не должен вызывать удивление. Пожалуй, лишь ГА «Север» пережила кризисную ситуацию января–марта 1943 г. с относительно небольшими потерями. Немцам удалось эвакуировать Демянский плацдарм, что сразу позволило создать известный запас прочности для всего участка ГА, от Холма на юге до Ленинграда на севере. Группа армий сохранила свою сильнейшую артиллерийскую группировку, и хотя она все же понесла достаточно значительные потери, это не шло ни в какое сравнение с катастрофой под Сталинградом.

После появления приказа Гитлера и завершения последних боев, 18 апреля 1943 г., штаб ГА в оценке ситуации предложил уничтожить советские войска западнее Волхова, а затем перейти к наступлению для выхода на южное побережье Ладожского озера и к захвату Ленинграда. В дальнейшем этот замысел лег в основу плана будущей операции²⁶. Правда, первоначально в оценке ситуации месяцем, когда предполагалось начать наступление, назначался июль. Уже потом, начало операции планировалось не ранее 1 августа 1943 г.²⁷, а подготовку к ее проведению штаб ГА «Север» приказал начать 20 мая 1943 г. К 1 июня наброски плана должны были быть предоставлены в штаб ГА. В мае численность 18-й армии была восстановлена после зимних боев до уровня 1 января 1943 г. Однако существовала серьезная проблема: рассчитывать на серьезную поддержку со стороны и переброску дополнительных сил было нельзя. Готовилась операция «Цитадель». А после провала наступления войск ГА «Центр» и

«Юг» и начала большого советского наступления ситуация начала складываться таким образом, что немецкие войска под Ленинградом оказались в положении исключительно обороняющейся стороны. Провал немецкой стратегии летом 1943 г. означал и отказ от крупных операций на Северо-Западе. Соблазнительно было бы думать, что значительный эффект для отмены планов наступления имело еще и наступление войск Ленинградского и Волховского фронтов, однако, судя по доступным сейчас немецким документам, это далеко не так.

Таким образом, изученные на данный момент документы позволяют сделать ряд выводов. Неудача с попыткой окружить город плотным кольцом в сентябре 1941 г. заставила командование противника искать возможность дальнейшего наступления в более отдаленной перспективе. Из доступных документов становится понятно, что даже в самое напряженное время верховное командование вооруженных сил нацистской Германии надеялось на то, что оно сможет провести операцию по окончательному окружению Ленинграда. Каждый раз, планируя очередную кампанию против Советского Союза, немецкое верховное командование выделяло решение проблемы Ленинграда в отдельную задачу. Общий провал немецкой стратегии на Восточном фронте и потеря стратегической инициативы заставили немцев полностью отказаться от планов наступления на Северо-Западе и начать подготовку к отводу войск на укрепленные позиции.

¹ Подробнее о том, как менялись планы немецкого командования и принимались решения см.: Clink E. The war against the Soviet Union until the turn 1941/1942 // *Germany and the Second World War*. Vol. IV. Attack on the Soviet Union / Ed. by Horst Boog. Oxford, 1998. P. 631–653.

² Ленинградский «блицкриг». На основе военных дневников высших офицеров вермахта генерал-фельдмаршала Вильгельма Риттера фон Лееба и генерал-полковника Франца Гальдера. 1941–1942 / Пер. с нем. Ю.М. Лебедева. М., 2011.

³ Clink E. Op. cit. P. 650.

⁴ Roemhild R. *Geschichte der 269. Infanterie-Division*. Dorheim, 1967. S. 162.

⁵ *Geschichte der 121. ostpreußischen Infanterie-Division 1940–1945* // Selbstverlag. Münster; Berlin; Frankfurt, 1970. S. 61.

⁶ NARA. T. 313. R. 330. Fr. 8611720.

⁷ NARA. T. 312. R. 548. Fr. 8151712.

⁸ См.: Ленинградский «блицкриг». С. 288–289; NARA. T. 311. R. 53. Fr. 7065381.

⁹ NARA. T. 312. R. 793. Fr. 8446884.

¹⁰ NARA. T. 312. R. 794. Fr. 8448165.

¹¹ Там же. Fr. 8448657.

¹² Там же. Fr. 8448897.

- ¹³ Ленинградский «блицкриг». С. 326–328.
- ¹⁴ Алексеенков А.Е и др. Ленинград в борьбе месяц за месяцем. 1941–1944. СПб., 1994. С. 54; Битва за Ленинград / Под ред. С.П. Платонова. М., 1964. С. 105.
- ¹⁵ NARA. Т. 312. R. 799. Fr. 8454476.
- ¹⁶ Ленинградский «блицкриг». С. 417.
- ¹⁷ NARA. Т. 312. R. 805. Fr. 8461110.
- ¹⁸ NARA. Т. 311. R. 75. Fr. 7098007.
- ¹⁹ Дашичев В.И. Банкротство стратегии германского фашизма. Т. 2. М., 1973. С. 317.
- ²⁰ Там же. С. 321.
- ²¹ NARA. Т. 311. R. 55. Fr. 7068013.
- ²² NARA. Т. 314. R. 828. Fr. 751.
- ²³ NARA. Т. 311. R. 56. Fr. 7069031.
- ²⁴ Там же. Fr. 7069046.
- ²⁵ Дашичев В.И. Банкротство стратегии германского фашизма. С. 400.
- ²⁶ NARA. Т. 312. R. 918. Fr. 9102660; Ковальчук В.М. Дорога Победы осажденного Ленинграда. Л., 1984. С. 121.
- ²⁷ NARA. Т. 312. R. 918. Fr. 9102715.

В.Ю. Мурылев, В.А. Соколов (Саратов)

ВКЛАД САРАТОВСКОГО ВОЕННО-МЕДИЦИНСКОГО ФАКУЛЬТЕТА ВТОРОГО НАБОРА (1951–1958) В РАЗВИТИЕ АВИАЦИОННОЙ И КОСМИЧЕСКОЙ МЕДИЦИНЫ

ЛЮДИ, увлекающиеся историей космонавтики, знают, что место приземления первого космонавта планеты находится в Саратовской области, что Ю.А. Гагарин впервые поднялся в небо в Саратовском аэроклубе, что первый отряд космонавтов некоторое время размещался и проводил тренировки недалеко от Саратова в городе Энгельсе; но мало кто знает о существовании в Саратове в 1951–1958 гг. военно-медицинского факультета. В этой статье мы расскажем об этом факультете, о его вкладе в развитие авиационной и космической медицины в нашей стране и о тех людях, которые передавали свой богатый послевоенный опыт его слушателям.

Военно-медицинский факультет при Саратовском мединституте был создан в 1939 году. После Великой Отечественной войны на время прекратил свое существование. Но бурное развитие авиации в послевоенные годы, появление реактивных самолетов поставили перед медицинской службой новые сложные задачи по обеспечению полетов. Требовалось большое количество хорошо подготовленных авиационных врачей. Поэтому в середине 1951 г. согласно приказу Военного министра СССР № 2342-1/20 от 6.07.1951 г. вновь создается военно-медицинский факультет при Саратовском мединституте (ил. 1). Факультету определялась задача первичной подготовки военных врачей авиации ВС СССР. Для решения этой задачи была создана профилирующая кафедра авиационной медицины, а на всех остальных кафедрах, участвующих в обучении слушателей, предусматривалась соответствующая специальная подготовка.

В очень сжатые сроки командование и коллектив всех кафедр факультета разработали учебные программы и учебно-методические

Ил. 1. Саратов, улица Горького, 1. В этом здании размещался военно-медицинский факультет

материалы, создали необходимую материальную базу для набора и обучения слушателей.

Весь период существования (с 1951 по 1958 гг.) факультетом командовал опытный организатор и воспитатель, требовательный начальник полковник медицинской службы П.И. Кактыш. Он участник финской и Великой Отечественной войн, был ранен, награжден тремя орденами Красной Звезды, орденом Красного Знамени, многими медалями.

Руководящий состав управления и профессорско-преподавательский состав кафедр имели значительный опыт службы в армии, большинство прошли школу Великой Отечественной войны, возглавляя в действующей армии различные медицинские коллективы. Особо хотелось бы отметить работу офицеров управления и кафедр А.И. Борисова, Н.С. Полякова, А.В. Жаворонкова, П.В. Плаксина, М.К. Тимофеева, начальников курсов Ф.Г. Кузьмина, Л.В. Калагина, Г.М. Петрова, Н.Н. Морова. Обучение слушателей осуществляли преподаватели с высшим уровнем клинической и научной подготовки, видные специалисты своих направлений. Свой опыт и знания передавали слушателям доктора медицинских наук профессора Т.Я. Арьев, В.А. Буков, К.И. Пикин, А.И. Франкфурт, кандидаты медицинских наук П.И. Копошилко, М.Г. Корецкий, А.Г. Шишов, Н.А. Россоловский, Я.Н. Родин, М.И. Лыткин, И.И. Антонов, С.И. Белов, Т.П. Гугель-Морозова и др.

В обучении слушателей факультета принимали участие опытные коллективы многих кафедр Саратовского медицинского института, возглавляемые докторами медицинских наук профессорами Н.И. Голубевым, Е.Ю. Махлиным, И.П. Кутаниным, Г.А. Захаровой, И.Ф. Воробьевым, А.Ф. Ухиным. Большое внимание факультету уделял ректор института профессор И.М. Поповьян. Были решены непростые вопросы размещения кафедр, создания общежития для слушателей, получения и размещения техники и специального оборудования.

Следует особо отметить, что изучение всех дисциплин на кафедрах факультета и мединститута, участвующих в обучении слушателей, предусматривало профильное – «авиационное» освещение учебного материала. Особенности течения и лечения заболеваний у летного состава, травматизма при аварийных ситуациях, вопросы врачебно-летней экспертизы непременно выделялись при изучении клинических дисциплин. Клиническая подготовка слушателей проводилась на базе гарнизонного госпиталя, городских больниц и поликлиник. Так, например, на базе второй городской больницы была создана кафедра военно-полевой хирургии; с момента формирования ею руководил профессор Т.Я. Арьев. С его именем неразрывно связано начало истории развития комбустиологии в Саратове, а в дальнейшем он возглавил первую в стране кафедру термических поражений Военно-медицинской академии им. С.М. Кирова.

Исключительно большое значение в деле подготовки авиационных врачей имело хорошо организованное лагерное проведение полевых занятий. Расположенный недалеко от действующего военного аэродрома (в поселке Сокол) полевой госпиталь факультета позволял быстро приобщать вчерашних студентов к военным порядкам, реально освоить войсковой быт в полевых условиях, провести занятия по изучению оружия, быстро сплотить слушательский коллектив. На базе Саратовского аэроклуба, где как раз в те годы учился летать первый космонавт земли Ю.А. Гагарин, действовала парашютная секция, где многие слушатели факультета совершили свои первые парашютные прыжки.

Но, к сожалению, в соответствии с директивой Главного штаба Сухопутных войск № ОШ/5/24457 от 15.07.1957 г. военно-медицинский факультет при Саратовском медицинском институте 1 августа 1958 г. был расформирован в связи с сокращением Вооруженных Сил СССР.

За этот период существования факультета было сделано 7 выпусков, подготовлено около 1400 врачей.

Большинство выпускников факультета добросовестно служили в Вооруженных Силах, внесли существенный вклад в совершенствование медицины, в становление и развитие авиакосмической медицины. Специфика подготовки выпускников определила тот факт, что основные руководящие должности медицинской службы в военно-воздушных силах и противовоздушной обороны страны долгие годы занимали выпускники факультета. Генералы медицинской службы Э.А. Нечаев (член-корреспондент РАМН, профессор, генерал-полковник медицинской службы, с 1989 по 1993 г. начальник ГВМУ МО СССР; с 1993 по 1995 г. министр здравоохранения РФ), И.В. Синопальников, С.А. Бугров, В.А. Пономаренко, Г.М. Прохоров, Г.М. Хоровец, Н.А. Осипов являются гордостью факультета. Большое число его выпускников умело руководили медицинскими службами воздушных армий, госпиталями, санаториями, лабораториями авиационной медицины.

Становление и развитие космической медицины, создание Центра подготовки космонавтов, отбор и подготовка космонавтов также неразрывно связаны с деятельностью выпускников факультета.

Выпускник 1952 г. Герой Советского Союза летчик-космонавт Василий Григорьевич Лазарев служил авиационным врачом в частях ВВС. В 1954 г. закончил ускоренные курсы подготовки летчика-истребителя (всего было подготовлено 14 летчиков-врачей), а затем прошел подготовку в отряде космонавтов. 27–29 сентября 1973 г. совместно с О.Г. Макаровым он совершил полет на космическом корабле «Союз-12». В апреле 1975 г. на корабле «Союз-18» – суборбитальный полет, который через 21 минуту после запуска был прерван из-за возникшей аварийной ситуации.

Долгое время медицинское управление центра подготовки космонавтов возглавлял выпускник факультета кандидат медицинских наук И.А. Скиба.

Непродолжительный по времени период существования военно-медицинского факультета при Саратовском мединституте имел, тем не менее, большое значение для улучшения работы медицинской службы в войсках, послужил ценной основой для последующей подготовки авиационных врачей в различных учебных заведениях.

Боченков А.А. и др. Из истории развития отечественной авиационной и космической медицины. Л.: АН СССР, 1989. 128 с.

Авиационная медицина / Под ред. Н.М. Рудного, П.В. Васильева и С.А. Гозулова. М.: Медицина, 1986. 560 с.

Военно-медицинский факультет при Саратовском ордена Трудового Красного Знамени медицинском институте. Исторический формуляр. Саратов: ВМедФ, 1980. 217 с.

К.М. Крылов. Тувий Яковлевич Арьев (к 100-летию со дня рождения) // Вестник хирургии имени И.И. Грекова. 2008. Т. 167. № 3. С. 94–95.

Дорогобед В.С. Профессиональное долголетие летного состава. Саратов: ВМедФ, 1991. С. 29–31.

М.А. Несин (Санкт-Петербург)

К ПРОБЛЕМЕ ЛОГИСТИКИ КУЛИКОВА ПОЛЯ

КУЛИКОВСКАЯ БИТВА, бесспорно, принадлежит к числу известнейших средневековых баталий с участием русских войск. И, возможно, недаром столь малопопулярная в историографии вплоть до самого последнего времени проблематика как логистика русских средневековых войск берет свое начало именно с изучения этого сражения. Имеющиеся в научном обороте сведения о Куликовской битве – далеко не исчерпывающие и не всегда надежные. Неудивительно, что у исследователей издавна возникало желание расширить границы познания за счет различных косвенных соображений. До последней четверти XX в. ученые доверяли разноречивым сведениям нарративных источников об участии в бою русских войск численностью будто бы свыше 100 000 человек.

В 1980 году – году 600-летия Куликовской битвы – в двух разных московских журналах вышли статьи двух различных авторов, посвященные истории данной кампании. По занятному совпадению, авторы данных работ – Д.Н. Зенин и Ф.Ф. Шахмагонов, независимо друг от друга одновременно задались вопросом об обозе войска Дмитрия Донского и в итоге пришли к выводу, что численность русских войск была значительно меньшей, чем указано в нарративных источниках¹. Также в работе Ф.Ф. Шахмагонова констатировалось, что на относительно небольшом пространстве в устье р. Непрядвы, где, как в то время предполагали, было место битвы, не могла разместиться гигантская армия с обозами². Стоит заметить, что оба автора строили свои доводы не на основе свидетельств источников о той битве, в них про обозы не сообщается. В основе их построений лежало убеждение, что войска двигались стройной колонной и везли

с собой большой обоз с припасами, достаточными для питания всадников и коней на протяжении всей кампании (или, по крайней мере, по пути до Куликова поля). Однако исследователи впервые попытались критически подойти к разноречивым нарративным данным о численности войск и задались вопросом о характере их снабжения. В том же году в Ленинграде вышла монография А.Н. Кирпичникова о Куликовской битве. Ученый отметил, что на небольшом пространстве (определяемом в 10 км²) не могло развернуться русское войско свыше 45 тысяч человек³.

Таким образом, еще в 1980 г. ученые попытались пересмотреть численность Куликовской битвы на основе соображений о снабжении войска и размерах предполагаемого поля боя. Затем эти подходы получили свое дальнейшее развитие. Этому поспособствовали предпринятые ближе к концу XX в. в районе впадения р. Непрядвы в Дон исследования палеоботаников и палеопочвоведов. В результате, согласно заключению А.П. Александровского, выяснилось, что в Средневековье левая сторона реки густо заросла лесами, а битва могла быть только на правой, южной стороне, где были небольшие открытые пространства длиной до 2–3 км, шириной – менее 14. При этом ученый осторожно заметил, что такое тесное поле боя «может служить основанием для корректировки масштабов самой битвы»⁴. В 2005 г. проводившие там археологические исследования М.И. Гоняный и О.В. Двуреченский заявили, что на таком участке могло разместиться лишь «от пяти до десяти тысяч как с той, так и с другой стороны»⁵.

В 2016 г. вышли работы В.В. Пенского, посвященные логистике русских войск позднего Средневековья. На основе материалов о кампаниях XVI в.⁶ ученый приходит к выводу, что русские войска обеспечивались обозами, перевозившими большие запасы провизии и корма для коней. И на «станах» каждый воин и конь получали определенный нормами выдачи паек. По мнению исследователя, в указанный период существовали «нормы сутодач и провианта». Однако историк распространил свои выводы и на предшествующий период, начиная с Куликовской битвы 8 сентября 1380 г. В интервью Л.Б. Усыскину для журнала «Гефтер», посвященном логистике Куликова поля, В.В. Пенской, исходя из вычисленных им нормативов, сообщил, что можно примерно высчитать размер обоза войск московского князя Дмитрия Ивановича в Куликовской битве. Автор «оценил, исходя из логистических проблем, которые нужно было ре-

шать московскому князю, численность его войска по верхней планке семь–восемь тысяч всадников максимум»⁷. В то же время стоит заметить, что его выводы также во многом основаны на неверной интерпретации текста сказания о Мамаевом побоище, которое приписывает Дмитрию Ивановичу запрет убивать рязанцев, однако не было запрета грабить их, но так, чтоб волос не упал с головы рязанца – «да аще кто поидеть по Рязанской земли, тоже не коснися ни единому власу»⁸. Даже если считать, что эти слова, вложенные составителем позднего художественного произведения в уста князя, в самом деле имели место, в них нет запрета кормиться за счет рязанцев. Кроме того, исследователь неправ, полагая, что войска Дмитрия Ивановича должны были везти с собой в обозе в августе–сентябре на Дон запасы сена для своих лошадей, равно как и большие запасы овса. Согласно сообщению средневекового путешественника Ибн Батутты, степи и лесостепи Днепро-Донского междуречья кормили коней своими природными ресурсами: «никто не отпускает (особого) корму скотине, ни султан, ни другие. Особенность этой степи (заключается в том), что растения ее заступают скоту место ячменя; такой особенности нет у других стран».⁹ Касаясь вопроса определения численности русского войска по размерам поля боя, В.В. Пенской резюмирует, что вычисленная им «небольшая армия вполне помещается на том поле, где сражение традиционно локализуют»¹⁰. С другой стороны, в последние годы вышли работы С.Н. Азбелева¹¹, который также полагает, что на таком небольшом участке не могло разместиться отмеченное в нарративах огромное войско, свыше 100 000 человек. Но вместо переоценки численности войск он призывает искать новое место битвы в верховьях реки, где, по его мнению, в старину имелись более крупные открытые участки. Несложно заметить, что С.Н. Азбелев, равно как и его оппоненты, так же фактически исходит из расчета, что на одном поле будто бы встало сразу все войско. Тем самым он напрямую связывает численность армии с размером поля. Не совсем ясно, как при этих расчетах учитывается русский засадный полк, который, как обычно считается, участвовал в битве, притаившись в лесу или за лесом (данные авторы не отрицают его присутствия). А ведь если признавать наличие засадного полка, то можно допустить, что он был сравнительно велик. Известно, что те источники, в которых он фигурирует, именно ему приписывают разгром татар (разбивших перед этим прочие русские полки).

Впрочем, справедливости ради, надо заметить, что в историографии был высказан и альтернативный взгляд. По словам А.В. Журавеля, одетый в доспехи воин способен биться около 2 минут подряд. То есть, битвы того времени представляли собой системы отдельных «суймов» сменявших друг друга отрядов¹². Таким образом, в бою были задействовано отнюдь не большинство воинов одновременно. И тем самым, по мнению ученого, в Куликовской битве и на небольшом пространстве в низовьях Непрядвы могло участвовать 150 000 русских воинов, только не сразу, а по очереди. Более того, именно такое количество бойцов требовалось для того, чтобы продолжать бой в течение указанных в источниках нескольких часов.

Выводы Журавеля недавно немного оспорил С.Н. Азбелев¹³, указав, что на Куликовом поле помимо богато вооруженных профессиональных воинов могли быть ополченцы с более легким вооружением, а кроме того, уставшие войны могли отдохнуть, и затем вновь вступить в «суйм». Но это не опровергает главного вывода оппонента о бесперспективности высчитать размер войска, исходя из топографии поля боя, и наносит существенный удар по аргументации самого С.Н. Азбелева. Ведь тот, по верному замечанию В.В. Пенского, предлагает альтернативную концепцию места битвы, руководствуясь тезисом о технической невозможности нарративных сотен тысяч бойцов разместиться на относительно небольшом пространстве в устье Непрядвы¹⁴. Впрочем, нужно заметить, что А.В. Журавель явно исходит из представления, что весь многочасовой бой был рукопашным, когда неприятели все время были друг другу вплотную. А это не подтверждается показаниями источников. Не стоит исключать, что бой русских и татар выглядел, как его описывал сто лет спустя немецкий историк А. Кранц. Согласно его утверждению, они отнюдь не стояли друг против друга большим войском, а по обычаям обоих этих народов выскакивали вперед, метали друг в друга копья и вновь отскакивали.¹⁵ Если это было так, то тогда версия об отдельных двухминутных суймах оказывается несостоятельной: ведь так можно было биться в течение длительного времени, не уступая места отдохнувшим в очереди свежим силам.

Что нам сообщают источники об обозах средневекового войска, месте боя и расположении поля войска? Недавно мы показали, что даже в XV – начале XVI в. вычисленные В.В. Пенским логистические нормативы нередко не соблюдались, русские войска в ряде случаев ходили вообще без обозов¹⁶. В этой связи попытки высчитать

размер обозы не только на Куликовом поле, но и в других кампаниях до начала XVI в. оказываются непродуктивными (к приведенным в статье примерам можно добавить скорость передвижения великокняжеского отряда воеводы Ивана III П.Ф. Челядина, который с утра 30 июля 1472 г. до вечера 31 проскакал около 150 км от Москвы до левого берега Оки напротив тогдашнего Алексина, что исключает возможность использования гужевого обоза)¹⁷. Так же по крайней мере до конца 1470-х гг. русские войска не брали с собой больших запасов провианта, даже в том случае, если с ними шел сам великий князь, и привычно пополняли свои запасы за счет окрестного населения. Более того, иногда у тех же москвичей на этой почве случались затруднения. Перед битвой с ордынцами на р. Пьяне многие воины разбрелись поживиться за счет окрестного населения и оказались не готовы отразить отпор татар. При этом хронист сетует на неосторожность москвичей, а не на то, что надо было заранее, перед выездом, основательнее запастись продуктами¹⁸. Едва ли это было связано со стремлением умолчать о легкомыслии московских властей. Просто традиции брать с собой большие запасы в Москве не сложилось даже к XV в. В 1467 г. москвичам пришлось возвращаться из-под Казани из-за бескормицы. Великокняжеский летописец пишет, что осень была студеная и дождливая, и не стало доставать корма, а христиане в постные дни мясо ели (значит, дело было в Филиппов пост, длившийся с 15 ноября до 25 декабря). Их кони мерли от голода¹⁹. Что касается самих людей, то они, по-видимому, в массе своей оставались в живых, хотя по Типографской летописи они ели конину, т. е. своих остававшихся в живых коней²⁰. Вот это и имел в виду великокняжеский хронист, отмечая, что христиане нарушали пост, ели мясо! Да еще конское. Любопытно, что, согласно великокняжеской летописи, многие побросали доспехи – очевидно, в связи с тем, что их теперь просто не на чем везти²¹. Великий князь не стал взыскивать за это со своих воинов и воевод. Ни Стрига-Оболенский, ни Патрикеев не утратили его доверия. А Холмский и вовсе в 1471 г. станет одним из самых главных и славнейших великокняжеских полководцев. В те времена (и позднее) бескормица считалась уважительным поводом отложить военный поход русских войск, а московские войска в XV в. обычно не брали больших запасов провианта и фуража, рассчитанных на многодневный, а тем более многонедельный поход, и для них было вполне естественным ходить «по корм», в «зажитье», добывать это у окрестного населения²². (В данном случае весьма показательно

вышеуказанное замечание летописца, что из-за холода и дождей не стало корма и у людей, и у коней. Совершенно очевидно, что здесь не может идти речь о подножном корме, годном разве что коням в пищу. Несомненно, речь шла о том, что у окрестного населения погибла часть урожая, и войско Ивана III не могло у них в достаточном количестве забрать провианта для себя, а также корма и фуража для коней. А привычку русских войск к такому способу пополнения своих припасов официальный московский хронист считал обычной и не нуждавшейся в пояснениях. Но в тот раз на пути у воинства встала непогода, сгубившая у крестьян урожай, на который оно претендовало.) Но если даже в XV в. в московском войске не было традиции регулярно запасаться большим количеством провизии и корма для коней на многонедельные походы, то насколько обоснованы суждения об обычаях брать с собой большие обозы в предшествующем, XIV столетии? А попытки оценить размер тогдашнего войска по обозам тем более представляются нерелевантными.

Что касается поля боя, то ныне его, как сказано выше, зачастую локализируют в районе устья р. Непрядвы, руководствуясь летописными свидетельствами о его расположении на «усть Непрядвы». И, опираясь на наблюдения палеопочвоведов и палеоботаников, полагают, что бои проходили на сравнительно небольшом участке шириной менее 1 км, а длиной не более 3. При этом в последнее время при уточнения места битвы учитываются результаты проведенных там археологических изысканий – обнаруженные фрагменты доспехов и оружия домосковского периода связывают именно с событиями Куликовской битвы. Даже тот же С.Н. Азбелев, опираясь на данный археологический материал, полагает, что какая-то итоговая фаза боя, в ходе преследования отступавших татар, происходила в низовьях Непрядвы²³.

Альтернативного мнения о месте битвы придерживается С.Н. Азбелев, полагающий, что она была в истоке Непрядвы, где, по его утверждению, могла разместиться армия в сотни тысяч человек. Ссылаясь на многозначность значения слова «устье» в Средневековье, он настаивает, что «усть Непрядвы» надо понимать как район ее истока. Однако его выводы покоятся на шатких основаниях. Прежде всего – некритическом восприятии нарративных данных о численности средневековых войск, в случае с Куликовской битвой весьма разноречивых: к примеру, составитель Никоновской летописи вообще запутался в своих оценках, сообщая то о 200, то о 400 тысячах русских

воинов, вышедших биться с татарами)²⁴. Вместе с тем, современным исследователям надо быть весьма осторожными с подобными цифрами. П.В. Лукин привел ряд примеров, когда средневековые хронисты давали фантастические данные о численности войск (причем, иногда сами начинали путаться в своих показаниях) и даже порой применяли так называемую «обманчивую точность», нарочно приводя не круглые цифры для придания своим сведениям более серьезного вида²⁵. Современные исследователи Московской Руси также отмечают, что нарративные сведения о численности войск Московского государства нередко далеки от действительности²⁶. Поэтому едва ли следует некритически доверять разноречивым нарративным свидетельствам о численности войск на Куликовом поле, а тем более строить на их основе концепцию о месте сражения. К сожалению, точные подсчеты численности войска на Куликовом поле осуществить сложно²⁷. Даже представляя себе состав земель²⁸, жители которых приняли участие в битве, мы не имеем надежных данных о численности городских ополчений, которые даже в той же Москве до конца XIV в. считались обычными участниками войн наряду с профессиональным служилым войском. (В 1389 г. великий московский князь Дмитрий Донской в договоре с Владимиром Андреевичем Серпуховским постановил: «а московьсага рать, хто ходил с воеводами, те и нонеч(а) с воеводами, а наж ихь не приимати». Но при том, Дмитрий ограничивал служилое сословие от пополнения выходцами из торгово-ремесленного городского населения: «а гости, и суконниковь, и городьскихь люд(и)и блюсти ны с одиного, а въ службу ихь не приимати»²⁹.) Но это, конечно, не значит, что для уточнения примерной численности русских войск на Куликовом поле надо слепо верить нарративным данным. Кстати, утверждение С.Н. Азбелева о наличии в Средневековье в верховьях Непрядвы больших открытых пространств им фактически не обосновывается. Сам исследователь резонно отметил, что палеоботанические изыскания проводились только в низовьях реки³⁰. А там просторных открытых участков в средневековых слоях не обнаружили. И невозможно гарантировать, что в Средневековье в верховьях реки имелись большие открытые участки, чем в низовьях. Кроме того, опираясь на многозначность слова «устье» в Средневековье, сам С.Н. Азбелев учитывает только одно его значение – исток реки. А ведь было и другое, привычное нам – место впадения, которое тоже употреблялось в средневековых источниках³¹. Уместно привести пару сравнительно известных

и весьма наглядных примеров, относящихся к территории Санкт-Петербурга. Так, в 1300 г. шведы поставили крепость Ландскорону на «усть Охты»³² – у впадения ее в Неву, там же, в нижнем течении Невы потом было русское поселение «Невское устье»³³. Можно упомянуть и пару сюжетов из истории Новгородской области. Летом 1471 г. войска московского князя Ивана III стояли в «устье» р. Шелонь, у ее впадения в оз. Ильмень³⁴. В 1477 г. Иван III велел прибыть псковичам в срок на «устье» р. Шелонь, к Ильмень озеру³⁵.

Так же было и в случае с устьем Непрядвы. Ведь если принять трактовку С.Н. Азбелева, то не ясно, почему источники, созданные при жизни ветеранов Куликовской битвы, связывают сражение с Доном, а не с Упой (берущей начало недалеко от истока Непрядвы) или Окой, которая от верховьев Непрядвы протекает не на много дальше, чем Дон. Так, например, составленные в Северо-Восточной Руси краткая и пространная летописные повести о Куликовской битве называют ее не иначе как «Донским» побоищем и «побоищем на Дону»³⁶. Краткая повесть впервые дошла до нас в составе Свода митрополита Киприана 1408 г., а Пространная – Новгородско-Софийского свода 1418 г. В «Задонщине», составленной на рубеже XIV–XV вв., место битвы локализуется «у быстрого Дона, на поле Куликове», «у Дона великого»³⁷ Другое дело, что в этой повести, древнейший сохранившийся список которой, Кирилло-Белозерский, был написан уже в конце XV в, не исключены поздние вставки, как, например, отмеченный О.В. Шиндлером термин «калантарь», актуальный, по замечанию исследователя, именно для второй половины XV в.³⁸ Однако, к «Дону» относит место Куликовской битвы и новгородский синодик Борисоглебской церкви, составленный при людях, помнивших живых ветеранов. Ныне участие новгородцев в Куликовской битве можно считать доказанным фактом³⁹. Из множества источников, привлеченных С.Н. Азбелевым, заслуживают серьезного внимания сведения вышеупомянутого знаменитого скорбного новгородского синодика Борисоглебской церкви о павших на Дону новгородских ратниках, а также свидетельства немецких источников о неких русских, ограбленных литовцами по пути с Куликова поля. Если бы среди пострадавших были бойцы Северо-Восточной Руси, этот инцидент, несомненно, нашел бы отражение в тамошнем летописании. Речь, безусловно, идет о новгородцах. Что касается синодика, то к аргументации С.Н. Азбелева нужно добавить то обстоятельство, что перечисление войн, в которых новгородцы несли

потери, заканчивается не просто сражением под Русой 1456 г. В источнике сообщается, что новгородцы пострадали при Василии II как в «Новгороде», так и «на Руси» (т. е., в Московской земле. – *М. Н.*)⁴⁰. Перед нами характерное именно для времен новгородской независимости употребление названия Руси в узком смысле, как синонима Низовской, Северо-Восточной Руси, в данном случае, несомненно, Московского княжества, куда Василий Темный после боя под Русой отправил пленных новгородских бояр. Таким образом, интересующий нас перечень боев, где пали новгородцы, относится ко временам внуков участников Мамаева побоища, помнящих живых ветеранов⁴¹. В Новгороде также битву привязывали к Дону.

Участие в битве с ордынцами новгородцев было, по-видимому, оговорено в Москве еще весной, во время пребывания у Дмитрия Ивановича новгородского посольства: в новгородском списке пространной повести о Куликовской битве рассказ повествование начинается именно с рассказа про поездку в Москву этой делегации, в прочих списках эта вставка отсутствует⁴².

Таким образом, источники, составленные при жизни участников Куликовской битвы или людей, лично помнивших их, весьма определенно связывают место битвы именно с районом устья Непрядвы.

А там даже на правой, южной стороне реки не было больших открытых пространств. И хотя составленный вскоре после сражения новгородский летописный рассказ, а также независимые от него краткая и пространная летописная повести в качестве места битвы упоминают поле «чисто» у устья Непрядвы⁴³, это, конечно, стоит связывать не с его реальными просторами, а с тем, что в то время на фоне других, густо заросших лесом берегов Непрядвы и Дона⁴⁴, эти небольшие открытые участки зримо выделялись.

Немногочисленные, но любопытные археологические находки⁴⁵ предметов вооружения и фрагментов, обнаруженные в том районе, также склоняют к выводу, что, по крайней мере, какая-то часть битвы проходила именно на том небольшом пространстве к югу от реки, где ее обычно локализуют. Там были найдены фрагменты кольчуги и панцирная пластина, датируемые X – первой половиной XV в. и XIII – первой половиной XV в., т. е, их весьма затруднительно отнести к проходившему здесь русско-крымскому сражению 1541 г. На том же самом участке, отмеченном археологами под № 22, который исследователи связывают с местом побоища, были найдены наконецники сулицы и двух бронебойных копий, верхняя датировка ко-

торых также относится к XV в. Поскольку эти предметы, в отличие от найденных в районе Куликова поля наконечников копий-рогатин⁴⁶ (или даже наконечников стрел. – *М. Н.*), нельзя связать с охотничьей деятельностью, они, несомненно, имеют отношение к воинскому снаряжению, а до XV в. в тех местах из военных действий была лишь Куликовская битва, то их логичнее связывать именно с ней.

В то же время, в источниках нет информации, что расположение русских войск ограничивалось одним участком. К сожалению, у нас мало надежных данных о построении русских войск на поле боя. Наиболее подробные сведения о построении и тактике русских войск содержатся в таких поздних и неоднозначных памятниках, как «Сказание о Мамаевом побоище», Никоновская летопись и Новгородская летопись по списку Дубровского, где сказано о делении войск на пять полков и участии в битве особого засадного полка. Как известно, именно на базе этих сведений издавна строится привычная со школьной скамьи хрестоматийная схема Куликовской битвы. При этом, деление войск на пять полков исследователи обоснованно считают сомнительным для XIV в. и характерным для второй половины XV–XVI вв.⁴⁷, но известие о засадном полку, отсутствовавшее в более ранних источниках, почему-то, за редчайшим исключением,⁴⁸ некритически воспринимается в качестве достоверного свидетельства⁴⁹. В пространной летописной повести, созданной при жизни участников Куликовской битвы, сообщается о делении русского войска на Сторожевой и Большой полки. Сторожевой полк (в котором поначалу находился сам Дмитрий Иванович) первый начал бой с передовыми отрядами татар князя Теляка. Потом Дмитрий отъехал в Большой полк, «изряди полки», и лишь затем в битву вступили основные силы русских и ордынцев⁵⁰.

Другое дело, что в источниках, созданных при жизни участников Куликовской битвы, содержится любопытная информация, свидетельствующая о том, что войска стояли вовсе не кучно на одной поляне, и бои шли, в том числе, за ее пределами. В новгородском летописном рассказе, составленном вскоре после битвы, сообщается, что первый этап боя был неудачен, «москвичи-небывальцы», т. е. новички в ратном деле – побежали от татар⁵¹. Но Дмитрий Иванович с Владимиром Серпуховским выступил (видно, из какого-то другого места) со свежими силами и прогнал татар. Что, впрочем, летописцем как удачный удар из засады отнюдь не расценивается. Вероятно, это не было запланированной военной хитростью. Просто разные

полки стояли в разных местах и не одновременно участвовали в бою. Новгородский хронист мог при этом нарочно высмеять москвичей. Для Новгорода участие в Куликовской битве не было предметом гордости – новгородские летописи не упоминают новгородцев среди участников боя. Новгород не привык воевать с ордынцами. Зато платил им дань, которая в случае поражения русских войск могла только увеличиться. А победа московского князя никем не могла быть заранее гарантирована, тем более, что в Новгороде знали о недавнем поражении москвичей в битве с ордынцами на р. Пьяне. Вероятно, весной 1380 г. новгородским делегатам пришлось обещать московскому князю участвовать в московско-ордынской войне, чтобы тот простил им недавний набег ушкуйников на московские города и принятие к себе на службу литовского князя Юрия Наримунтовича, союзника московского недруга Ягайла⁵². Но ведь схожая информация про «небывальцев» (в тех же выражениях) содержится в независимых источниках, в частности, в среднерусской пространной летописной повести о Куликовской битве⁵³ (причем уже после рассказа об участии в бою Сторожевого полка, ближе к концу сражения). В Задонщине подробно сообщается о гибели русских воинов и воевод, после чего Дмитрий Иванович с Владимиром Серпуховским вступили в бой и обратили в бегство татар⁵⁴. В Пространной летописной повести о Куликовской битве сказано, что русские перед боем расположились на территории в 10 верст⁵⁵. Едва ли это простое художественное преувеличение. В краткой и пространной летописной повестях говорится, что русские гнали ордынцев до р. Мечи⁵⁶ (Красивая Меча). Между тем, данная река от района устья Непрядвы находится на расстоянии более чем 45 км по прямой. Бой, по словам пространной летописной повести, шел с 6-го до до 9-го часа дня и закончился в 9-м часу⁵⁷. А поскольку в походных условиях время, видимо, определяли на глаз по солнцу, а в том регионе в сентябре светает около 7 часов утра, то бой закончился, вероятно, приблизительно после 15 часов. Допустимо предположить, что какая-то часть боя была ближе к среднему течению Непрядвы, в районе поселка Михайловского, откуда между двумя реками самое короткое расстояние, около 30 км по прямой. Там-то, вероятно, и проходило преследование, ибо только там до Красивой Мечи можно было успеть доехать на конях до глубокой ночи. (Едва ли стоит согласиться с А.В. Журавелем, что в источниках название реки Мечи названо ошибочно, с ней перепутана иная река⁵⁸. За всю историю русского летописания достоверно известны

случаи, когда летописец указывал ошибочное название местности, но всегда давал ей созвучное наименование – «между берег» вместо «между Бурегами»⁵⁹, или путал р. Полисть с р. Полой при описании вторжения в г. Русу в 1471 г. новгородской судовой рати⁶⁰. Но ведь никакие иные реки с названием, похожим на «Мечу», поблизости от Непрядвы в Дон не впадают.) И, наконец, в новгородском летописном рассказе, краткой и пространной летописных повестях прямо сказано, что в ходе боя (еще до погони до Мечи) часть татар погибла от «оружия», а часть – утонула в реке⁶¹. Река указана без названия, но поскольку поле боя в этих источниках привязано к Непрядве: «поле чисто на усть Непрядвы реки»⁶², судя по контексту рассказов, подразумевается она. А локализуемое исследователями место битвы лежит к югу от нее, и не доходит ни до нее, ни до Дона. Это также означает, что боевые действия велись не только на маленькой территории к югу от Непрядвы, но и за ее пределами, у самой реки.

Таким образом, применяемые с 1980 г. подходы по определению численности войск в Куликовской битве по размеру поля боя или количеству обоза оказываются непродуктивными. Мы можем судить лишь о том, что бои шли к югу от Непрядвы, в районе ее впадения в Дон. Какие-то столкновения, скорее всего, происходили на том небольшом участке, который чаще всего считают местом битвы. Но бои шли также за его пределами. Надежных сведений о построении и тактике московских войск мы почти не имеем. Но по данным летописных рассказов, созданных при жизни ветеранов битвы, видно, что все русские войска не стояли скученно на одной поляне.

¹ Зенин Д.Н. Не числом, а умением // Техника – молодежи. 1980. № 9. С. 10–11; Шахмагонов Ф.Ф. Куликовская битва русского народа: опыт реставрации исторических событий // Бригантину: сб. рассказов о путешествиях, поисках, открытиях. М., 1980. С. 11–13.

² Шахмагонов Ф.Ф. Куликовская битва русского народа. С. 12.

³ Кирпичников А.Н. Куликовская битва. Л., 1980. С. 64–65.

⁴ Александровский А.Л. Палеопочвенные исследования на Куликовом поле // Куликово поле: Материалы и исследования. М., 1990. С. 60–70.

⁵ Чеботарев А. В поисках Куликова поля (датированная 15-м августа 2005 г. беседа с руководителями Верхне-Донской археологической экспедиции Государственного исторического музея) // Нескучный сад. М., 2005. № 4 (15). С. 94–101.

⁶ См. например: Пенской В.В. «...И запас пасли на всю зиму до весны»: логистика в войнах Русского государства эпохи позднего Средневековья – раннего Нового времени [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. 2016. Т. 8. С. 85–106. <http://www.milhist.info/2016/03/31/penskoj_8> (31.03. 2016).

- ⁷ Пенской В.В. Логистика Куликова поля. Пейзаж до битвы: первая тотальная мобилизация или добродетельное хозяйствование? [электронный ресурс] <<http://gefeter.ru/archive/18788>> (01. 6. 2016).
- ⁸ Цит. по: Воинские повести Древней Руси. Л., 1975. С. 216.
- ⁹ Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. СПб., 1884. Т. 1. Извлечения из сочинений арабских. С. 282.
- ¹⁰ Пенской В.В. Логистика Куликова поля.
- ¹¹ Азбелев С.Н. 1) География сражения на Куликовом поле // Древняя Русь: вопросы медиевистики. 2013. Вып. № 4. С. 12–20; 2) К вопросу о месте и дате Куликовской битвы // Древняя Русь: вопросы медиевистики. 2013. Вып. 3. С. 145–151; 3) Куликовская битва по летописным данным // Исторический формат. 2016. № 1. С. 73–109; 4) Место сражения на Куликовом поле по летописным данным // Древняя Русь: вопросы медиевистики. 2013. Вып. 3. С. 23–29.
- ¹² Журавель А.В. «Аки молния в день дождя». Кн. 1. Куликовская битва и ее след в истории. М., 2010. С. 357.
- ¹³ Азбелев С.Н. Куликовская битва по летописным данным. С. 78–79.
- ¹⁴ Пенской В.В. «...И запас пасли на всю зиму до весны». С. 100.
- ¹⁵ Krantz A. Vandaliae. Nanoviae, 1619. С. 207. Выражаю благодарность А.Г. Панкратову за это замечание.
- ¹⁶ Несин М.А. Из истории логистики русских войск в XV – начале XVI в. (отзыв на работу Пенского В.В. «...И запас пасли на всю зиму до весны»: логистика в войнах Русского государства эпохи позднего Средневековья – раннего Нового времени») [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. 2016. Т. 8. С. 134–166. <http://www.milhist.info/2016/04/27/nesin_7> (27.04.2016). См. также работу А.В. Зорина с интересными выводами о суточных пайках и рационе воинов в Московской Руси (Зорин А.В. Проблема средневековой логистики на Руси (отзыв на работу Пенского В.В. «...И запас пасли на всю зиму до весны»: логистика в войнах Русского государства эпохи позднего Средневековья – раннего Нового времени») и Несина М.А. «Из истории логистики русских войск в XV – начале XVI в.») [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. 2016. Т. 8. С. 310–346. <http://www.milhist.info/2016/06/24/zorin_1> (24.06.2016).
- ¹⁷ Несин М.А. Участие касимовского царевича Данияра в военных походах великокняжеских войск 1471 и 1472 // Средневековые тюрско-татарские государства. 2016. № 8. С. 21–22.
- ¹⁸ Воинские повести древней Руси. С. 150–151.
- ¹⁹ Полное собрание русских летописей (далее – ПСРЛ). Т. 26. М.; Л., 1959. С. 223; Т. 27. М.; Л., 1962. С. 126.
- ²⁰ ПСРЛ. Т. 24. М., 2000. С. 183.
- ²¹ ПСРЛ. Т. 26. С. 223; Т. 27. С. 126.
- ²² Несин М.А. Из истории логистики русских войск в XV – начале XVI в.
- ²³ Азбелев С.Н. География сражения на Куликовом поле. С. 19.
- ²⁴ ПСРЛ. Т. 11. М., 2000. С. 54–56, 65. С.Н. Азбелев полагает, что 400 000 в исходном тексте относилось к общей численности войск с обеих сторон (Азбелев С.Н. Куликовская битва по летописным данным. С. 96). Но это предположение никаких фактических обоснований не имеет. Автор подкрепляет его разве что собственной гипотетической реконструкцией протографа.
- ²⁵ Лукин П.В. Новгородское веча. М.: Индрик, 2014. С. 455–460.

- ²⁶ См. статьи А.Н. Лобина, М.М. Крома, В.В. Пенского, О.А. Курбатова и материалы дискуссии в сб: *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2009. Вып. 1. С. 45–149.
- ²⁷ Те, что проводились, весьма приблизительны и разноречивы: (Разин Е.А. История военного искусства. Т. 2. СПб., 1994. С. 27; Пенской В.В. О численности войска Дмитрия Ивановича на Куликовом поле // *Военное дело Золотой Орды: проблемы и перспективы изучения*. Казань, 2011. С. 157–161).
- ²⁸ Горский А.А. Москва и Орда. М., 2005. С. 97–99.
- ²⁹ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XV и XVI вв. М.; Л., 1950. С. 31; Несин М.А. Ответ на замечания Быкова А.В., изложенные в статье «Отзыв на статью О.В. Шиндлера “Смена доспешной моды на Руси во второй половине XV в.”» и отзыв на статью Шиндлера О.В. «Смена доспешной моды на Руси во второй половине XV в.» [Электронный ресурс] // *История военного дела: исследования и источники*. 2016. Специальный выпуск 5. Стояние на реке Угре 1480–2015. Ч. 2. С. 618. <http://www.milhist.info/2016/10/28/nesin_9> (28.10.2016).
- ³⁰ Азбелев С.Н. География сражения на Куликовом поле. С. 18.
- ³¹ Несин М.А. Из истории логистики русских войск в XV – начале XVI в. С. 156.
- ³² ПСРЛ. Т. 3. М., 2000. С. 91.
- ³³ Сорокин П.Е. Ландскрона, Невское устье, Ниеншанц. 700 лет поселению на Неве. СПб., 2001.
- ³⁴ Несин М.А. О локализации места Шелонской битвы и иных боевых действий московско-новгородской войны 1471 года // *Война и оружие. Новые исследования и материалы*. Труды VII Международной научно-практической конференции. 2016 г. СПб., 2016. С. 146.
- ³⁵ Несин М.А. Из истории логистики русских войск в XV – начале XVI в. С. 138–139.
- ³⁶ ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. М., 2000. С. 310, 324.; Т. 6. Вып. 1. М., 2000. Стб. 455, 469; Т. 18. М., 2007. С. 129, 130.
- ³⁷ *Воинские повести Древней Руси*. С. 167.
- ³⁸ Шиндлер О.В. Смена доспешной моды на Руси во второй половине XV в. [Электронный ресурс] // *История военного дела: исследования и источники*. 2015. Специальный выпуск 5. Стояние на реке Угре 1480–2015. Ч. 1. С. 84, 85 <http://www.milhist.info/2015/08/18/schindler_2> (18.08.2015).
- ³⁹ Азбелев С.Н. Участие новгородцев в Куликовской битве // *Чело*. 2006. № 1 С. 73–78; Несин М.А. Новгородские житые люди в XV в. и их участие в войнах и внешней политике Великого Новгорода в XV в. Ч. 1. От рубежа XIV–XV вв. до второй половины 1471 г. [Электронный ресурс] // *История военного дела: Исследования и источники*. 2016. Т. VIII. С. 253–257. <http://www.milhist.info/2016/06/08/nesin_8> (08.06.2016).
- ⁴⁰ Шляпкин И.А. Синодик 1552–1560 гг. новгородской Борисоглебской церкви // *Сб. Новгородского общества любителей древности*. 1911. № 5. С. 6–7.
- ⁴¹ Трудно в этой связи согласиться с гипотезой Г.Е. Дубровина, согласно которой поминать павших земляков в Куликовской битве стали исключительно под влиянием прусско-плотницкого «промосковского крыла» боярства, лживо приписывавшего Новгороду участие в сей исторической баталии (Дубровин Г.Е. Легенды об участии новгородцев в Куликовской битве и прусско-плотницкое крыло «московской партии» Новгорода во второй половине XV в. // *Новгородский исторический сборник*. СПб., 2005. Вып. 10 (20). С. 82–93). Эта афера была бы очень рискованна: многие новгородцы того времени лично помнили дедов – участников военных походов времен Дмитрия Донского. А в Борисоглебской церкви могли оказаться не только прomosковски

настроенные бояре. И если бы Новгород на самом деле в Куликовской битве не участвовал, то священников, поминавших павших в ней новгородцев, легко можно было уличить в ошибке (Несин М.А. Новгородские житьи люди в XV в. и их участие в войнах и внешней политике Великого Новгорода в XV в. С. 293–294).

⁴² ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. С. 310.

⁴³ ПСРЛ. Т. 3. С. 376; Т. 4. Ч. 1. С. 318; Т. 6. Вып. 1. Стб. 463; Т. 18. С. 129.

⁴⁴ О растительности на противоположном берегу р. Дон см: Александровский А.Л. Палеопочвенные исследования на Куликовом поле. С. 70.

⁴⁵ Реликвии Донского побоища. М., 2008.

⁴⁶ О возможности их охотничьего, а не боевого применения, писал Ю.В. Звягин (Звягин Ю.В. Загадки Куликова поля. М., 2012. С. 271.).

⁴⁷ Бегунов Ю.К. Об исторической основе «Сказания о Мамаевом побоище» // «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. М.; Л., 1966. С.492–494; Кучкин В. А. 1) Победа на Куликовом поле // Вопросы истории. 1980. Вып. 8. С. 7; 2) Дмитрий Донской и Сергей Радонежский в канун Куликовской битвы // Церковь, общество и государство в феодальной России. М., 1990. С. 109–113; Горский А.А. Москва и Орда // Там же. С. 97–98; Моисеев Д.А. К вопросу о построении русских войск на Куликовом поле // Вестник СПбГУ. 2007. Вып. 1. Серия 2. История. С. 3–7. Даже Ю.В. Селезнев, допускающий возможность наличия на Куликовом поле 5 полков и 1 засадного, до второй половины XV в. не находит таких прецедентов, а в битве на Воже (1378) и на Ливзянке (1442/1443) отмечает деление войск всего лишь на 3 полка (Селезнев Ю.В. Уникальные сведения Новгородской IV летописи по списку Дубровского и расстановка войск великого князя Дмитрия на Куликовом поле // Новгородика-2008. Ч. 1. В. Новгород, 2009. С.185–189).

⁴⁸ Разве что Д.А. Моисеев отметил, что выражение «засадный полк» не характерно для XIV в. (Моисеев Д.А. К вопросу о построении русских войск на Куликовом поле. С. 5). Но автор сосредоточился лишь на терминологическом аспекте, воздержавшись от четкой оценки степени достоверности рассказа о засадной рати.

⁴⁹ Например, Ю.Г. Алексеев в качестве аксиомы указывает на наличие засадного маневра русских войск на Куликовом поле (Алексеев Ю.Г. Походы русских войск при Иване III. СПб., 2009. С. 386).

⁵⁰ ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. С. 319; Т. 6. Вып. 1. Стб. 465.

⁵¹ ПСРЛ. Т. 3. С. 376–377.

⁵² Несин М.А. Новгородские житьи люди в XV в. С. 247–309.

⁵³ ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. С. 319–320; Т. 6. Вып. 1. Стб. 465.

⁵⁴ Воинские повести древней Руси. С. 164–166.

⁵⁵ ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. С. 319; Т. 6. Вып. 1. Стб. 464.

⁵⁶ ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. С. 321; Т. 6. Вып. 1. Стб. 466; Т. 18. С. 130.

⁵⁷ ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. С. 319–320; Т. 6. Вып. 1. Стб. 464–465.

⁵⁸ Журавель А.В. «Аки молния в день дождя». Кн. 1. С. 99.

⁵⁹ Янин В.Л. Средневековый Новгород. М., 2000. С. 390; Несин М.А. О локализации места Шелонской битвы и иных боевых действий московско-новгородской войны 1471 года. С. 146.

⁶⁰ ПСРЛ. Т. 26. М.; Л., 1959. С. 237. Эта ошибка московского хрониста вызвала в историографии дискуссию. С.М. Соловьев считал, что бой с ней был не в Русе, а восточнее, на р. Поле (Соловьев С.М. История России с древнейших времен. СПб., 1896. Кн. 1. С. 361.). Однако, ученый не принял во внимание независимое свидетельство

новгородского хрониста о прибытии рати в Русу (ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. С. 446). А.К. Байов предположил, что в древности р. Полисть, на которой находится город, называлась Полой (Баиовъ А.К. Шелонская операция царя Иоанна III Васильевича и Шелонская битва в 1471 году 14 июля. Пг., 1915. С. 50–51). Однако, писцовая книга конца XV в. упоминает в Русе р. Полисть (Писцовые книги Новгородской земли. М., 1999. Т. 1. С. 135–137). Наконец, С.Ф. Платонов предположил, что Руса в то время помимо города включала в себя округу до р. Пола (Платонов С.Ф. Руса // Дела и дни. Исторический журнал. Пг., 1920. Кн. 1. С. 1–5). Но это не так: даже сражение под Русой 1456 г., бывшее у самого краю города, локализовано в источниках за городом (ПСРЛ. СПб., 1851. Т. 5. 271–272; Т. 23. СПб., 1910. С. 156; Т. 4. Ч. 1. С. 455, 464.). А в рассказе новгородского летописания огорода у церкви Св. Ильи оказываются загородными – от них москвичи и татары поскакали в «Русу» (ПСРЛ. Т. 16. М., 2000. Стб. 196), несмотря на то, что сама церковь находилась в городе и другой стороной выходила на Рогачевскую ул. – главную улицу одноименного городского района. Таким образом, новгородская судовая рать прибыла в Русу, просто московский хронист неверно назвал реку.

⁶¹ ПСРЛ. Т. 3. С. 376; Т. 4. Ч. 1. С. 321; Т. 6. Вып. 1. Стб. 466; Т. 18. С. 130.

⁶² ПСРЛ. Т. 3. С. 376; Т. 4. Ч. 1. С. 318; Т. 6. Вып. 1. Стб. 463; Т. 18. С. 129.

А.В. Николаев (Москва), И.Н. Петрухин (Тула)

К ВОПРОСУ О БОЕВЫХ НАГОЛОВЬЯХ ПЕХОТЫ СВЯЩЕННОЙ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XVI ВЕКА*

ПЕРВАЯ ТРЕТЬ XVI столетия – время, когда Священная Римская империя вновь предприняла попытку усилить свое влияние в Европе. Не последнюю роль в этом сыграли представители династии Габсбургов – Максимилиан I (король Германии с 1486 г., император с 1507 по 1519 г.) и его внук и преемник Карл V (правил с 1519 по 1556 г.). При последнем владении Габсбургов расширились настолько, что на территории Священной Римской империи «никогда не заходило солнце». Стремясь отстоять и упрочить свои позиции, Священная Римская империя приняла активное участие в ряде военных кампаний. Одной из главных в тот период для нее стали «Итальянские войны» (1494–1559), где благодаря участию многих противоборствующих и союзных сторон происходило взаимопроникновение военных традиций, шло формирование и совершенствование комплекса наступательного и защитного вооружения, которое наряду с тактикой и выучкой давало возможность одерживать вверх над противником. При этом стал учитываться и такой важный факт, как все возрастающее количество пехоты и ее активные действия на полях сражений, что для предыдущего периода было не столь характерно. В этом контексте стоит особенно отметить получивших широкую известность и признанных лучшей наемной пехотой не только Священной Римской империи, но и всего общеевропейского региона немецких ландскнехтов. Созданная в середине 80-х гг. XV в. Максимилианом I «по образу и подобию» швейцарских батальев, уже

* Пользуясь возможностью, хотим поблагодарить за помощь и консультации при подготовке публикации И.Н. Иванова и А.В. Стрельченко.

в начале следующего века благодаря своим боевым качествам немецкая пехота превзошла швейцарскую и практически целое столетие пользовалась заслуженным спросом среди нанимателей.

Традиционно в оружейведении вопрос о формах и тенденциях в развитии боевых наголовий, входящих в комплекс защитного вооружения пехотинцев, обычно рассматривается глобально в общеевропейском контексте, без учета региональных и эксплуатационных особенностей. Тогда как на шлемы пехоты обозначенного периода, в первую очередь немецкой, следует обратить отдельное внимание, в связи с функциональной адаптацией ряда конструктивных решений, сформировавшихся, видимо, в среде именно профессиональной наемной пехоты.

В представленном ниже обзоре мы попытаемся разобраться в вопросе атрибуции типов шлемов, возможно, использовавшихся в пехоте первой трети XVI в. Для этого обратимся не только к вещественному материалу, но и к синхронным или близким по времени изобразительным источникам, персонифицированным предметам защитного вооружения, изготовленным в указанный период времени, а также к археологическим находкам, отнесенным к описываемому временному отрезку. Для обозначения видов наголовий мы будем вынуждены использовать терминологию и наименования, традиционно принятые в современном оружейведении, хотя и не всегда отражающие региональные и национальные особенности данного вопроса.

Первый возможный тип боевого наголовья – так называемый «**черепник**» (*нем.* «Hirnhaube», *ит.* «Cervelliera», «Celatina»).

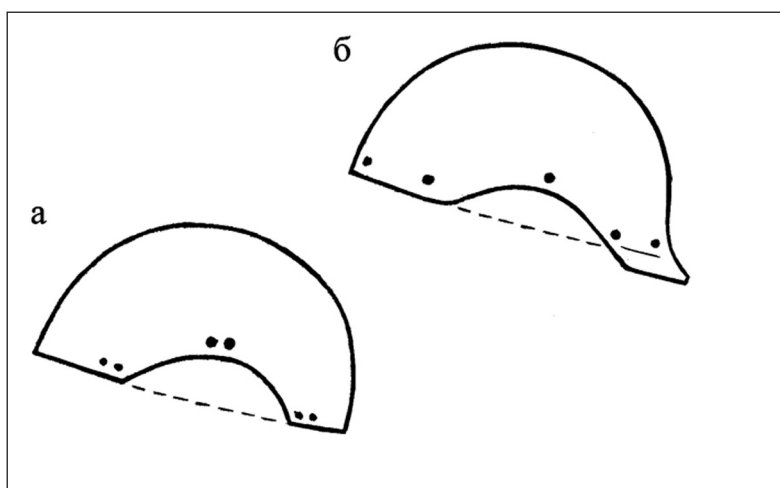
До настоящего времени сохранилось несколько рисунков самого начала XVI в., выполненных инженером и ландскнехтом Паулем Дольнштейном (1470–1513), участником осады нидерландского города Монтфорт и Датско-шведской войны 1501–1512 гг. Рисунки Дольнштейна достаточно просты, но вместе с тем выполнены с хорошей детализацией элементов вооружения. На ряде изображений мы видим ландскнехтов в простых полусферических шлемах с вырезами для ушных раковин и без, некоторые с чуть вытянутым краем в затылочной части.¹ Стоит здесь упомянуть и выполненный в 1521 г. Урсом Графом (1485–1529) рисунок «Поле боя», хранящийся в Музее Искусств в Базеле (Kunstmuseum Basel, инв. U.X.91),² один из рисунков 1524 г. «Швейцарцы в сражении» Ганса Гольбейна младшего (1498–1543) из Художественной галереи Альбертина в Вене (Grafische Sammlung der Albertina, инв. 17243)³ и датируемую 1530 г.

гравюру на дереве, выпущенную издательским домом Неккеров (Джобс Неккер, 1485–1548, Давид Неккер, 1530–1587), на которой изображен ландскнехтский офицер в боевом наголовье подобного типа.⁴ Также стоит упомянуть датируемую 1533 г. картину «Осада Алезии» Мельхиора Фазелена (1495–1538) из экспозиции Старой Пинакотеки в Мюнхене (Alte Pinakothek, инв. 686).⁵

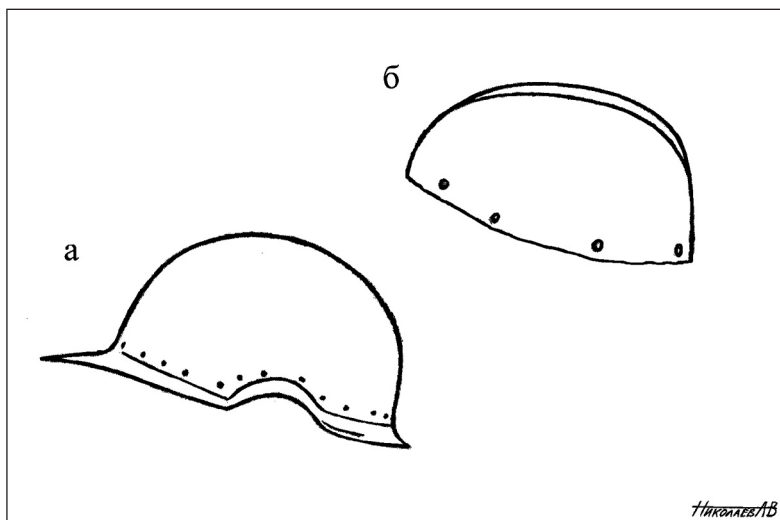
В атрибуции описываемого типа шлемов может помочь и находка 1873 г., когда в песчаной отмели вблизи Будапешта была найдена носовая часть корабля. В ней сохранилось 56 единиц предметов защитного и наступательного вооружения, в том числе, три экземпляра черепников. На двух из них поставлены клейма города Нюрнберга. Настоящее место хранения части находок – Военный музей Венгрии (Magyar Nemzeti Muzeum) в Будапеште. Исследователи связывают находку с рядом безуспешных осад захваченного в 1529 г. войсками Сулеймана I Великолепного (правил с 1520 по 1566 г.) города Буды войсками Габсбургов в 1530 или 1540–1542 гг.⁶

Также в данном контексте стоит отметить экспонирующиеся в Королевской Оружейной (Royal Armouries) в Лидсе части от пехотных доспехов немецкого типа, так называемой «алеманской заклепки» (almain rivet), в том числе и черепники (RA, инв. IV.276, IV.277). Вполне возможно, детали защитного вооружения являются остатками от 2000 полных комплектов, которые через посредничество флорентийского торговца Гвидо Портинари в 1512 г. закупил английский король Генрих VIII (правил с 1509 по 1547 г.), планировавший высадку войск во Франции.⁷

На рассмотренном материале мы видим, что черепник – небольшой шлем простой полусферической формы. Черепники исследуемого временного периода могли иметь с боков различной глубины вырез под ушные раковины, несколько смещенный к затылочной части, что оправдано малыми размерами шлема и удобством в эксплуатации (BM, инв. 1961, 0202.29)⁸ (ил. 1а). Судя по изобразительным источникам, ушные раковины воина могли защищаться небольшими металлическими пластинами, прикрепленными к верхней грани выреза или приклепанными с боков к подбородочному ремню (KB, инв. U.X.91, GSA, инв. 17243). Также особенностью некоторых образцов был несколько вытянутый нижний край затылочной части (RA, инв. IV.276)⁹ (ил. 1б). Черепники почти никогда не имели продольного ребра (гребня) по центру тульи. С приходом моды на так называемый «максимилиановский доспех» поверхность шлема

Ил. 1: а. «Черепник», нач. XVI в. British Museum, инв. 1961, 0202.29;
б. «Черепник», 1500–1530 гг. Royal Armouries, инв. IV.276

Ил. 2: а. «Черепник», 1500–1530 гг. Royal Armouries, инв. IV.277;
б. «Черепник», Museum of New Mexico, инв.(?), 1-я пол. XVI в.

могла канелироваться в теменной и затылочной частях (одна из находок под Будапештом).¹⁰

В коллекции Королевской Оружейной в Лидсе (инв. IV.277)¹¹ хранится уникальный экземпляр черепника, выкованный целиком из одного листа, с отогнутыми под прямым углом краями по всему периметру, над ушными вырезами и козырьком в лобовой части (ил. 2а). Подобные особенности конструкции сближают данный экземпляр со следующим рассматриваемым типом наголовий.

Небезынтересным для рассматриваемой темы может быть черепник из берлинского Музея немецкой истории (Deutsches Historisches Museum, инв. W617).¹² Шлем изначально меньшего объема расширен при помощи создания округлого отверстия в теменной области, пропила от него к краю в затылочной части и приклепанной изнутри металлической полосой-проставкой.

Возможно, часть черепников изготавливалась из других типов шлемов, как правило, уже устаревшей конструкции или не пригодных по своим характеристикам для нужд пехоты. Например, в ходе раскопок в Нью-Мексико (США) в 1952 г. обнаружен черепник с хорошо выраженным центральным гребнем трапециевидного сечения.¹³ Скорее всего, находка является верхней частью купола салада, превращенного в черепник (ил. 2б). Примеры аналогично переделанных саладов хранятся в коллекциях ряда европейских музеев, в частности, в Национальном Историческом музее в Афинах (National Historical Museum, инв. B54 и B55) и др.

Таким образом, черепники описываемого периода – шлемы простой геометрии, но тем не менее достаточно вариабельные в своей группе. Судя по изобразительным источникам, могли использоваться как рядовыми пехотинцами, так и командирами различного ранга. Шлемы этого типа не выходят из употребления до середины XVII в., в основном уже как защита скрытого ношения под головным убором.¹⁴

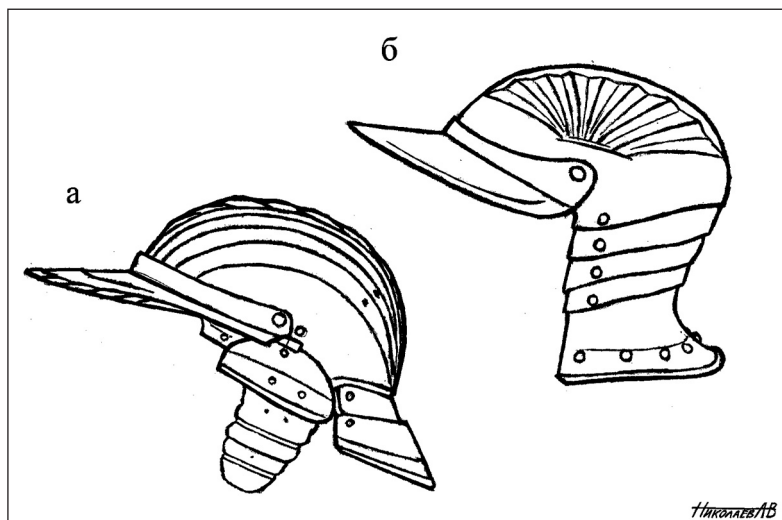
Второй возможный тип боевого наголовья – так называемая «каска» или **«бургиньот»** (нем. «Sturmhaube», ит. «Caschetto», «Borgognotta»).

Примеры подобных наголовий мы можем видеть на упоминавшейся ранее картине «Осада Алезии» (АР, инв. 686), на картине 1530-х гг. (возможно, позднее) неизвестного живописца «Битва при Павии» из Королевской коллекции в замке Виндзор (Royal Collection, инв. 405792)¹⁵ и на гравюре № 4 серии «Ландскнехты на марше» 1535 г.

авторства Эрхарда Шона (1491–1542) из Музея герцога Антона Ульриха в Брауншвейге (Herzog Anton Ulrich Museum, инв. 1828).¹⁶

В отделе оружия венского Музея истории искусств (Kunsthistorisches Museum) храниться комплект полевых доспехов Конрада фон Бемельберга (1494–1567), изготовленный около 1535 г. мастером из Ландсхута Вольфгангом Гроссшеделем (1517–1566), в комплект которого входит и легкий шлем с козырьком и небольшим назатыльником (инв. А376).¹⁷ Аналогичные по конструкции наголовья можно увидеть в коллекциях Музея армии в Париже (Musée de l'Armée, инв. Н37), Баварского музея армии в Ингольштадте (Bayerischen Armeemuseums, инв. А247) и др. Также близкий по типу экземпляр, вероятно, изготовленный на основе купольной части итальянского шлема середины XV в. типа «арме»,¹⁸ хранится в Швейцарском национальном музее в Цюрихе (Schweizerisches Landesmuseum).¹⁹

Данный вид наголовья (ил.3а) в своей основе имеет общую форму купола с описанными ранее шлемами – простая полусфера, но с небольшим гребнем по центру или без него (АР, инв. 686). Поверхность могла быть как гладкой (КНМ, инв. А376, SL, инв. 1.171.345), так и канелироваться в верхней части, чаще всего параллельными

Ил. 3: а. «Каска», 1520-е гг. Bayerisches Armeemuseum, инв. А247;
 б. «Бургиньот».Гвидобальдо да Монтефельтро, ок. 1505 г.
 Wallace Collection, инв. А89

гребню ребрами (АМ, инв. 11501, ВА, инв. А247). Подобные наголовья снабжались отдельно выполненной деталью – козырьком округлой формы, как правило, подвижным (НАМ, инв. 1828). Также обязательной и характерной чертой конструкции шлема является небольшой назатыльник, практически не уходящий за плоскость края тульи шлема или опускающийся чуть ниже (АР, инв. 686). Назатыльник выполнялся одной деталью с куполом шлема (МА, инв. Н37)²⁰ или как отдельный подвижный элемент, состоящий из одного или двух сегментов (АМ, инв. 11501, ВА, инв. А247, SL, инв. 1.171.345). Ушные раковины закрывались небольшими пластинами различной конфигурации (АМ, инв. 11501, ВА, инв. А247, SL, инв. 1.171.345). Таким образом, шлем фактически являлся черепником, снабженным дополнительными защитными элементами.

На художественных источниках первой трети XVI в. с батальными сценами типологически схожие шлемы почти всегда изображены на солдатах, также снаряженных и другими элементами защитного вооружения различной комплектации (АР, инв. 686, НАМ, инв. 1828). Таким образом, в зависимости от наличия и технологии декорирования, а также общего качества изготовления рассматриваемый тип наголовий мог являться элементом защитного снаряжения командного состава разного ранга, трабантов-военачальников и хорошо вооруженных пехотинцев-«допельсолднеров» (солдат с удвоенным жалованием).

Подобные шлемы практически выходят из употребления уже к середине XVI в. Хотя есть и исключения – шлем из Военного музея в Стамбуле (АМ, инв. 11501) адаптирован в рейтарскую каску монтажом к лобной части купола характерной для XVII столетия предличной защиты вилообразной формы.

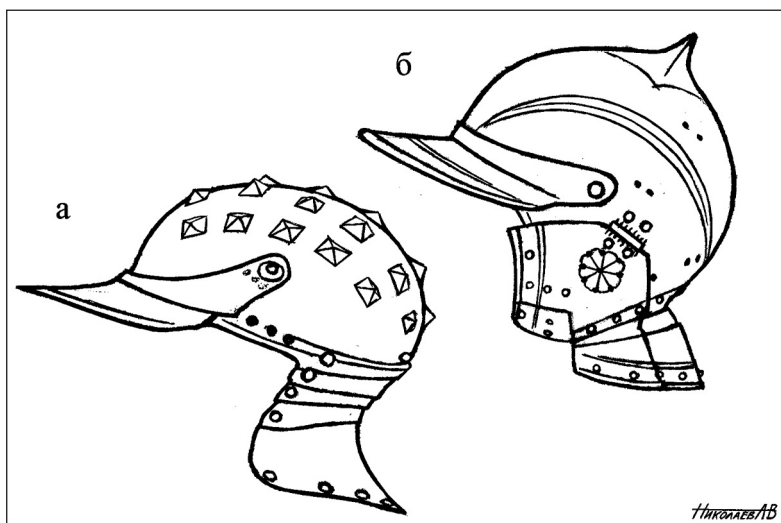
Третий вид боевого наголовья, также традиционно называемый «**бургиньот**» (нем. «Sturmhaube», ит. «Borgognotta», «Caschetto»), но тем не менее отличающийся от рассмотренного выше.

Подобные наголовья мы уже можем видеть на созданном в 70-х гг. XV столетия живописном полотне «Триумф Камилуса» неизвестного итальянского мастера из собрания Национальной галереи искусств в Вашингтоне (National Gallery of Art, инв. 1939.1.153)²¹, на картине 1530-х гг. неизвестного живописца «Битва при Павии» (РС, инв. 405792) и на гравюрах № 7 и № 9 из серии «Ландскнехты на марше» Эрхарда Шона (НАМ, инв. 1828).

Также стоит отметить и замечательный образец полевого доспеха, изготовленный в мастерской Миссалья для Франческо Мариин

делла Ровере (1490–1538), экспонирующийся во флорентийском Национальном музее Барджелло (Museo Nazionale Del Bargello, инв. М756).²² Аналогичные образцы в комплекте с полевыми доспехами хранятся в арсенале бывшего имперского замка Хурбург в Тироле (Schloss Churburg, инв. S79, инв. S80).²³ Подобный тип наголовий, скорее всего, явился результатом конструктивного поиска северо-итальянских доспешных мастерских в конце XV в. Судя по клеймам, аналогичные произведенным в итальянских мастерских шлемам к 20-м гг. XVI в. начинают производиться и немецкими мастерами-доспешниками.²⁴ Рассматриваемые шлемы представлены в коллекциях ведущих музеев Европы и Америки: лондонских Британском музее (British Museum) и Коллекции Уоллеса (Wallace Collection), Музее Фитцвильямса в Кэмбридже (Fitzwilliam Museum), Арсенале замка Хурбург в итальянском Тироле (Schloss Churburg), Музее искусств Метрополитен в Нью-Йорке (Metropolitan Museum of Art), Музее искусств в Кливленде (Cleveland Museum of Art), Музее истории искусств в Вене (Kunsthistorisches Museum) и др.

В основе данного типа шлема полусферическая купольная часть, как с небольшим центральным гребнем, так и без. К концу 1-й трети XVI столетия гребень несколько увеличивается в размерах, но тем не менее остается достаточно небольшим по сравнению с огромными гребнями у бургиньотов конца XVI и начала XVII вв. Многие ранние образцы усилены в верхней части купола шлема ребрами в виде «гармошки», перпендикулярными центральному гребню (WC, инв. А89, СМ, инв. 1916.1642) или нанесенными методом чеканки различными геометрическими элементами (MNB, инв. М756, FM, инв. НЕМ.М.78-1933²⁵) и (или) украшены гравировкой (WC, инв. А89). Позднее крупный геометрический декор на купольной части шлемов встречается все реже. К 30-м гг. XVI в. геометрия купольной части шлемов становится более разнообразной – появляются образцы сфероконической или более сложной грушевидной формы (КНМ, инв. А376) (ил. 46). Описываемый тип шлема снаряжался, как правило, развитым козырьком полукруглой формы с большим выносом, как с лицевой, так и в височных областях. Позднее боковая часть козырька несколько уменьшилась в размерах. Чаще всего козырек подвижный – на двух боковых заклепках. Все ранние образцы этого типа наголовий имеют анатомичную сегментную деталь, защищающую целиком нижнюю часть затылка и всю шею до плеч и состоящую из четырех горизонтальных пластин (WC, инв. А89, ВМ, инв. 1881,

Ил. 4: а. «Бургиньот» Франческо Марии делья Ровере, ок. 1515 г. Museo Nazionale Del Bargello, инв. М756; б. «Бургиньот» Конрада фон Бемельберга, ок. 1535 г. Kunsthistorisches Museum, инв. А376

0802.37, SC, инв. S79, инв. S80). Последняя пластина значительно крупнее рядовых и равномерно изогнута наружу или имеет только отогнутый нижний край (ил. 3б, 4а). К 30-м гг. XVI в. за счет более развитой затылочной части купола шлема и укрупнения шейных пластин их количество сокращается до одной–двух (КНМ, инв. А376, ММ, инв. 2015.304²⁶) (ил. 4б). Ранние экземпляры шлемов или не укомплектовывались отдельной деталью для защиты ушной раковины (WC, инв. А89, SC, инв. S79, инв. S80, НАМ, инв. 1828), судя по всему, обходясь только лишь усиленным с боков металлическими пластинами подбородочным ремнем (ил. 3б), или имели небольшую деталь в форме раковины мидии (СМ, инв. 1916.1642),²⁷ либо трапециевидной формы. К сожалению, на большинстве дошедших до наших дней наголовий они утрачены, но остались отверстия для их крепления (ил. 4а). К 30-м гг. XVI века эта деталь все увеличивалась, пока не превратилась в развитые нащечники (ил. 4б), полностью охватывающие голову с боков и доходящие до низа челюсти²⁸ (КНМ, инв. А376, ММ, инв. 2015.304). Таким образом, если ранние образцы подобных шлемов фактически еще являлись черепниками

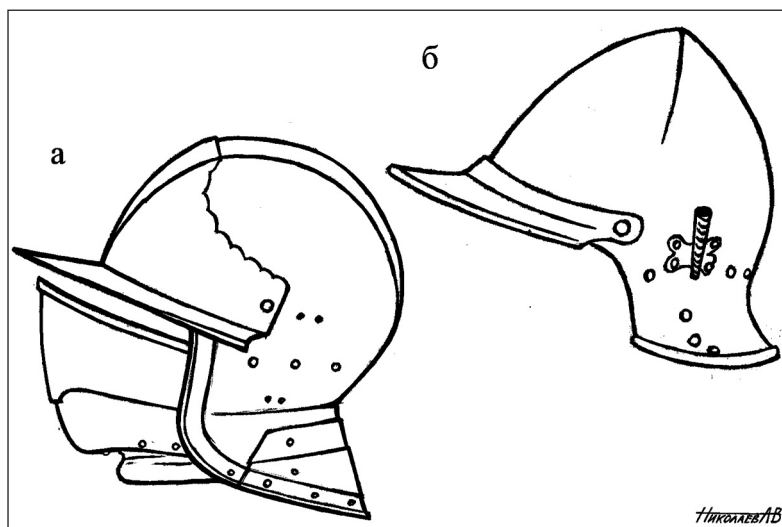
с дополнительными защитными элементами (MNB, инв. M756, WC, инв. A89 и т. п.), то к 30-м гг. XVI столетия они уже эволюционировали в самостоятельный вид боевых наголовий.

Анализируя датировки изобразительных источников первой трети XVI в. (GSA, инв. 17243, AP, инв. 686, HAM, инв. 1828 и др.), возможно предположить, что данный тип шлема именно пехотинцами практически не использовался до конца 1520-х гг. Стоит отметить, что «бургиньоты» с датами изготовления в 1530-х гг. и характерными прогрессивными нововведениями в конструкции, как правило, были изготовлены лучшими мастерами-доспешниками своего времени для представителей высшего руководства и для среднего и младшего офицерского состава, а тем более простых пехотинцев были попросту недоступны. Судя по данным о персонифицированных владельцах, в зависимости от степени и технологии декорирования, а также общего качества изготовления, рассматриваемый тип наголовий в описываемый период мог являться элементом защитного снаряжения командного состава разного ранга, а с 30-х гг. XVI столетия – трабантов-военачальников и хорошо вооруженных пехотинцев первых линий боевых построений. Реальное отставание во внедрении наголовий новейших конструкций в более широкие армейские слои обычно составляло до 20–30 лет.

Тем не менее шлемы этого типа продолжали свое эволюционное развитие на всем протяжении XVI в. и получили широкое распространение во всем западноевропейском регионе, став одним из самых массовых и многофункциональных наголовий своего времени. Шлем использовался как пехотой, так и легкой кавалерией, а некоторые его разновидности, позднее трансформировавшись в рейтарскую каску, дожили до конца XVII в.

И последним из рассматриваемых видов шлемов, который мог использоваться в пехотных подразделениях, является шлем типа «**салад**» (нем. «Schaller», ит. «Celata»).

Наиболее ярким примером шлема этого типа служит наголовье доспеха, изготовленного в конце 20-х или начале 30-х гг. XVI в. молодым инсбрукским мастером Михаэлем Витцем (ок. 1510–1588) для одного из ландскнехтских командиров Франциска фон Кастелальта (ок. 1488–1555), принимавшего участие практически во всех знаковых сражениях начала XVI столетия – при Винченце в 1513 г., при Бикокке в 1522 г., при Павии в 1525 г. и др. (КНМ, инв. A352).²⁹ На доспехе шлем представлен в комплекте с предличной защитой –

Ил. 5: а. «Салад» Франциска фон Кастелальта с козырьком и предличной защитой – «бевором», конца 1520-х гг. Kunsthistorisches Museum, инв. А352; б. «Салад» Якоба фон Эмбса, 1500-е гг. Kunsthistorisches Museum, инв. А190.

бевором, заходящим под лицевой вырез шлема (ил. 5а). Подобной конструкции наголовье, скорее всего, не могло использоваться как шлем тяжелой кавалерии. Наконечник копья, попавший в любую зону лицевой части шлема, совершенно не мог бы соскользнуть и уйти в сторону, что привело бы к более чем фатальным последствиям для владельца.

Из аналогичных наголовий следует упомянуть покрытый бархатом шлем (ил. 5б) из защитного комплекса погибшего в битве при Равенне полковника Якоба фон Эмбса (КНМ, инв. А190).³⁰ По крайней мере, еще два салада с козырьком хранятся в мадридской Королевской оружейной палате (Armeria Reale). Один из них ранее составлял комплект (АР, инв. А277(?))³¹ с полевым доспехом Хуана де Альданы, капитана, пленившего в битве при Павии в 1525 г. французского короля Франциска I (правил с 1515 по 1547 г.) и доступен в современной экспозиции музея. Другой – как часть одного из доспехов (АР, инв. А16)³² сына Максимилиана I Филиппа Красивого (1478–1506), герцога бургундского и короля Кастилии. Как и в случае с доспехом Франциска фон Кастелальта, салат дополнен

бевором, заходящим под боковины шлема. Также в один ряд с перечисленными встает шлем работы знаменитого аугсбургского мастера Кольмана Хельмшмидта (1471–1532), изготовленный в 1520-х гг. (WC, инв. А105). Характерными особенностями, кроме накладного декоративного украшения с чеканкой на лобной части, является изготовленный одной деталью с куполом шлема козырек, сам купол без центрального гребня, защищающий шею «хвост», выполненный из двух сегментов, и затылочная часть с вычеканенным декором, повторяющим рисунок раковины мидии.³³

Из примеров в изобразительных источниках стоит назвать упоминавшееся ранее полотно неизвестного итальянского мастера второй половины XV в. «Триумф Камилуса» (NGA, инв. 1939.1.153) и картину «Осада Алезии» (AP, инв. 686), на которых, возможно, изображены аналогичные шлемы.

Рассматриваемый тип наголовья являлся уже несколько архаичным для первой трети XVI в. Основой для шлемов этого типа послужили салады различной, но тем не менее типичной конфигурации – со сферической купольной частью (ил. 5а) и центральным трапециевидным либо конусовидным в сечении гребнем или с тупой сфероконической формы (ил. 5б). Боковые части шлема полностью закрывали часть головы до височных областей включительно и опускались ниже ушной раковины. Довольно развитый козырек округлой формы мог быть жестко прикреплен к лобной части шлема или быть подвижным (ил. 5б). Также козырек мог быть выполненным одной деталью с дополнительной налобной пластиной (ил. 5а) или с самим шлемом.

Принимая во внимание достоверную персонификацию владельцев почти всех саладов этого типа, хранящихся в музейных коллекциях, возможно предположить, что подобные шлемы составляли комплекты с полевыми доспехами, принадлежащими исключительно лицам из высшего командного состава. Наголовья этого типа, скорее всего, появились в конце XV в. и вышли из употребления после 30-х гг. XVI столетия из-за относительной громоздкости по сравнению с предыдущим рассмотренным типом наголовий и более сложного технологически процесса изготовления. Тем не менее, в Королевской Оружейной в Лидсе хранится открытый итальянский салат XV в. (RA, инв. I V.8)³⁴ с приклепанным козырьком характерной для XVII в. заостренной формы. Скорее всего, он был адаптирован для нужд легкой кавалерии в период гражданской

войны 1642–1648 гг. (в современном варианте экспонируется без козырька).

В представленном обзоре предпринята попытка анализа боевых наголовий первой трети XVI в., которые могли являться частью снаряжения солдат пехотных подразделений, включая как и рядовой состав, офицеров различного ранга, так и высший командный состав. Надеемся, что статья послужит прологом для более детального и подробного исследования каждого из видов шлемов в отдельности.

Принятые в публикации сокращения названий музеев:

AM – Военный музей, Стамбул (Askeri Muze)

AP – Старая пинакотекка, Мюнхен (Alte Pinakothek)

AR – Королевская оружейная палата, Мадрид (Armeria Reale)

BA – Баварский музей армии, Ингольштадт (Bayerisches Armeemuseum)

BM – Британский музей, Лондон (British Museum)

CM – Музей искусств, Кливленд (Cleveland Museum of Art)

FM – Музей Фитцвильямса, Кембридж (Fitzwilliam Museum)

GSA – Художественная галерея Альбертина, Вена (Grafische Sammlung der Albertina)

HAM – Музей герцога Антона Ульриха, Брауншвейг (Herzog Anton Ulrich Museum)

KB – Музей искусств, Базель (Kunstmuseum Basel)

KHM – Музей истории искусств, Вена (Kunsthistorisches Museum)

MA – Музей армии, Париж (Musée de l'Armée)

MM – Музей искусств Метрополитен, Нью-Йорк (Metropolitan Museum of Art)

MNB – Национальный музей Барджелло, Флоренция (Museo Nazionale Del Bargello)

NGA – Национальная галерея искусств, Вашингтон (National Gallery of Art)

RA – Королевская Оружейная, Лидс (Royal Armouries)

RC – Королевская Коллекция, Виндзор (Royal Collection)

SC – Арсенал замка Хурбург, Тироль (Schloss Churburg)

SL – Швейцарский национальный музей, Цюрих (Schweizerisches Landesmuseum)

WC – Коллекция Уоллеса, Лондон (Wallace Collection)

- ¹ Dihle H. Das Kriegstagenbuch Eines Deutschen Landsknechts um Die Wende Des 15. Jahrhunderts. Zeitschrift für Historische Waffen- und Kostümkunde. Neue Folge Band 3. (12)–7. (33.) Jahrgang. Heft 1. 1929. S. 1–11.
- ² sammlungonline.kunstmuseumbasel.ch/, Kunstmuseum Basel, Kupferstichkabinett, Amerbach-Kabinett, Inv. U.X.91
- ³ [sammlungenonline.albertina.at/?query=Inventarnummer=\[17243\]&showtype=record](http://sammlungenonline.albertina.at/?query=Inventarnummer=[17243]&showtype=record)
- ⁴ Blair C. European Armour circa 1066 to circa 1700. B.T. Batsford Ltd 1979. S. 118.
- ⁵ www.bildindex.de/document/obj00060006?part=8
- ⁶ Kovacs S. Tibor. Die Waffen aus Der Kopaszi-Sandbank. Folia Archaeologica XLIII, 1994. S. 251–278.
- ⁷ Blair C. Op cit. S. 118–119.
- ⁸ www.britishmuseum.org/research/collection_online/collection_object_details/collection_image_gallery.aspx?partid=1&assetid=19894001&objectid=76957
- ⁹ collections.royalarmouries.org/object/rac-object-15579
- ¹⁰ Kovacs S. T. Op cit. S. 255.
- ¹¹ collections.royalarmouries.org/object/rac-object-15584
- ¹² Müller H., Kunter F. Europäische Helme aus der Sammlung des Museums für Deutsche Geschichte. Militärverlag, 1984. S. 131, 256–257.
- ¹³ Harold L.P. The Helmet Found at San Gabriel del Yunque, New Mexico // The Journal of The Arms & Armour Society. Vol. I. 1953–1955. S. 183–185.
- ¹⁴ Бехайм В. Энциклопедия Оружия. СПб., 1995. С. 51–52.
- ¹⁵ www.royalcollection.org.uk/collection/405792/the-battle-of-pavia
- ¹⁶ www.virtuelles-kupferstichkabinett.de/?id=e-schoen-wb3-0008
- ¹⁷ Gamber O., Beaufort C. Hofjagd und Rüstkammer. Katalog der Leibrüstkammer II teil. Der Zeitraum von 1530 bis 1560. Bramante Editrice, 1990. S. 64–65, Abb. 22; Beaufort C., Pfaffenbichler M. Meisterwerke der Hofjagd- und Rüstkammer. Skira Editore, 2005. S. 33–34.
- ¹⁸ Robinson H. R. “A Converted Helmet and Some Early Barbute and Armets”. The Journal of The Arms & Armour Society. Vol. I. 1953–1955. S.35–37.
- ¹⁹ Gessler E.A. Schweizerisches Landesmuseum. Führer Durch die Waffensammlung. Graphische Werkstätten H.R. Sauerländer & Co. Aarau, 1928. S. 64–65. Taf. 23.
- ²⁰ Karcheski W.J., Richardson T. The Medieval Armour from Rhodes. The Trustees of the Armouries and the Higgins Army Museum. 2002. S. 18–19.
- ²¹ www.nga.gov/content/ngaweb/Collection/art-object-page.294.html
- ²² Boccia L.G., Coelho E.T. L’Arte Dell’Armatura in Italia. Bramante Editrice, 1967. S. 208–211, 218–219, 227–228; Boccia L.G., Rossi F., Morin M. Armi e Armature Lombarde. Electa Editrice, 1980. S. 110.
- ²³ Trapp O. The Armoury of The Castle of Churburg. Magnus Edizioni, 1995. S. 122–123, 127. Taf. LXIX; Scalini M. The Armoury of The Castle of Churburg. Magnus Edizioni, 1996. S. 119–121, 294, 295.
- ²⁴ Hessink’s Auctions. Historic Arms & Armour. 27 January 2007, Kavel 1063.
- ²⁵ Eaves I. Catalogue of European Armour at The Fitzwilliam Museum. The Boydell Press, 2002. S. 188–189.
- ²⁶ www.metmuseum.org/art/collection/search/685229
- ²⁷ Gilchrist H. I. A Catalogue of the Collection of Arms & Armor presented to The Cleveland Museum of Art by Mr. and Mrs. John Long Severance. 1916–1923. S. 44–45, Pl. VIII.

²⁸ Gamber O., Beaufort C. Hofjagd und Rüstkammer. Katalog der Leibrüstammer II teil. Der Zeitraum von 1530 bis 1560. Bramante Editrice, 1990. S. 69. Abb. 21.

²⁹ Бехайм В. Энциклопедия Оружия. С. 45–46; Scalini Mario. The Armoury of The Castle of Churburg. Magnus Edizioni, 1996. S. 144.

³⁰ Boheim W. Kunsthistorische Sammlungen des Allerhöchsten Kaiserhauses Waffensammlung. J.Löwy, K.u.K. Hofphotograph Kunst- und Verlags-Anstalt. Wien, 1894–1898. S. 2, Taf. III; Scalini Mario. The Armoury of The Castle of Churburg. Magnus Edizioni, 1996. S. 119, 123.

³¹ Calvert A.F. Spanish Arms and Armour Being a Historical and Descriptive Account of The Royal Armoury of Madrid. John Lane Company, 1907. Pl. 7.

³² Calvert A. F. Op. cit. S. 67–68, Pl. 15b.

³³ Mann J. Wallace Collection Catalogues. European Arms and Armour. Vol. I. Armour. London, 1962. S. 110–111. Pl. 61; Capwell T., Edge D., Warren J. Masterpieces of European Arms and Armour in The Wallace Collection. London, 2011. S. 92.

³⁴ collections.royalarmouries.org/object/rac-object-1522

С.Л. Новиченко (Санкт-Петербург)

СТАЛИНГРАД: НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИНЖЕНЕРНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ

ПРЕЖДЕ ЧЕМ ВЕСТИ РЕЧЬ об инженерном обеспечении боевых действий в Сталинграде с 14 сентября 1942 г. по 2 февраля 1943 г., следует напомнить, что бои здесь проходили в уникальных условиях: действия оборонявших город войск были крайне затруднены из-за его специфического географического и топографического положения. Сталинград как объект «обороны-штурма» представлял узкую (от 2 до 5 км) полосу длиной в 60 км от р. Сухая Мечетка до Красногвардейска и по сложившейся структуре разделялся на три части: северную – до завода «Красный Октябрь», центральную – от «Красного Октября» до Купоросного и южную – от Купоросного, включая Красноармейский район. Планировка: узкие прямоугольные кварталы с длинными прямыми продольными и узкими поперечными улицами. Это облегчало обороняющимся устройство баррикад и организацию огня, но и противнику позволяло вести сквозной обстрел, затрудняя маневр обороняющимся. На западе, перед городом находились небольшие высоты, а непосредственно в город врзалось много оврагов (балок), что давало преимущество противнику в наблюдении и скрытом накоплении войск.¹

Полоса обороны 62-й армии представляла собой узкую полосу в 25 км по фронту и в глубину от 200 м до 2 км, расположенную на высоком правом берегу Волги.² В составе инженерных войск армии, кроме войсковых саперов, использовались 326-й и 327-й армейские инженерные батальоны и 47-я отдельная рота минирования. На усиление армии фронт выделил 44-й и 107-й понтонные батальоны, 119-й армейский инженерный батальон, 212-й и 216-й батальоны инженерных заграждений 43-й инженерной бригады специального

назначения и 1896-й саперный батальон.³ Начальником инженерных войск армии был полковник Г.И. Тупичев, а с октября 1942 г. – подполковник В.М. Ткаченко.⁴

Командование фронта и армии особое внимание уделяло инженерному укреплению позиций. Был издан приказ командующего Сталинградским фронтом № 088/оп от 1 октября 1942 г., в котором, в частности, говорилось: «в плане работ предусмотреть приспособление к обороне целых населенных пунктов, отдельных кварталов, перекрестков улиц и зданий в качестве узлов сопротивления и опорных пунктов»⁵.

Ярким примером создания и боевой деятельности опорного пункта является «Дом Павлова» – четырехэтажное здание, имевшее серьезное тактическое значение в обороне 42-го стрелкового полка (сп) (командир полковник И.П. Елин) 13-й гвардейской стрелковой дивизии (сд) в течение 58 дней (28 сентября – 28 ноября 1942 г.), во многом благодаря продуманной системе обороны. Так, в самом доме для каждого пулемета имелись огневые позиции, усиленные подпорками и накатниками для предохранения от завала в случае обрушения стен. В стенах, в заложенных кирпичом окнах, были проделаны амбразуры для ведения огня кочующих автоматчиков и стрелков. Все подступы к дому были заминированы, вокруг дома были натянуты проволочные заграждения, а со стороны площади 9-го Января установлен 20-килограммовый фугас. Кроме того, три огневые позиции для ручного, станкового пулеметов и противотанкового ружья были вынесены за пределы дома, и к ним были проделаны ходы сообщения и стометровый ход к основным позициям полка⁶.

Установка мин в городских условиях была затруднена, в частности, из-за асфальтового покрытия. Поэтому в полосе обороны 120-го сп в районе завода «Красный Октябрь» мины на танкоопасных направлениях ставили внаброс, а для маскировки, в лучшем случае, их присыпали мусором. Для того, чтобы противник не мог их обезвредить, стрелковым подразделениям приходилось прикрывать их огнем, особенно ночью. Всего за время обороны в городе, даже при остром недостатке в инженерных боевых припасах, саперы установили свыше 17 тыс. мин, устроили около 11 км проволочных заграждений, 82 камнемета, 180 надолбов, 165 противотанковых ежей и построили 39 баррикад. Плотность минирования в октябре составляла около 800 противотанковых и 650 противопехотных мин на 1 км фронта. По-

вышение плотности минирования явилось очень важным фактором в срыве многочисленных атак противника.

Инженерные войска принимали активное участие в приспособлении зданий к обороне, в строительстве огневых точек, убежищ, блиндажей и отрывке окопов. Всего за период обороны в городе было сделано около 2500 различных окопов, 200 дзотов, 37 железобетонных и броневых колпаков, около 450 блиндажей и убежищ и приспособлено к обороне 186 зданий⁷.

Согласно нашим исследованиям, впервые подземные коммуникации города были использованы в военных целях противником. В ночь с 1 на 2 октября группа из 100 инициативных солдат 295-й немецкой дивизии, усиленная минометами, через канализацию пробралась за позицию 13-й гвардейской сд (командир дивизии генерал-майор А.И. Родимцев) к югу от Мамаева кургана. Только при помощи стремительной контратаки солдат Родимцева удалось залатать эту брешь.⁸ В дальнейшем подземные коммуникации использовались для проникновения в тыл противника обеими сторонами.

При обороне города дважды был осуществлен подрыв опорного пункта обороны противника с помощью минной галереи. Первый – в полосе обороны 65-й сд в районе южнее завода «Баррикады», где взрыв бензинового бака, вызвавший смятение во вражеских войсках, позволил нашим штурмовым группам захватить важный в тактическом отношении район. Работу по прокладке 28-метровой минной галереи вели саперы 48-го отдельного саперного батальона (командир батальона капитан А.А. Артрудов) в тяжелых, пропитанных мазутом грунтах. Инициатором работ стал дивизионный инженер Д.А. Заболотский⁹.

Второй – в полосе обороны 13-й гв. сд. Здесь был взорван подвал северного крыла Дома железнодорожников на Пензенской улице, где находился вражеский опорный пункт противника и его гарнизон. Причем в подвале южной части, откуда началась отрывка 42-метровой галереи, находились подразделения 42-го гв. сп. Саперы 8-го дивизионного гвардейского саперного батальона (командир капитан Н.М. Барышенский) работали круглосуточно в три смены. К 24 часам 9 ноября все было подготовлено к взрыву: под дом был заложен сосредоточенный заряд взрывчатых веществ (ВВ). В 2 часа 10 ноября был произведен взрыв электрическим способом. На месте взрыва образовалась воронка диаметром 30 м. Силой взрыва боковые и поперечные стены дома, занятого противником, были разру-

шены. План атаки разработал дивизионный инженер подполковник И.И. Тувский¹⁰.

Большую пользу обороняющимся войскам принесла инженерная разведка в тылу противника. Она велась в основном войсковыми саперами, и лишь только частично для этих целей выделялись подразделения из состава армейских или фронтовых частей. Только за период оборонительных боев непосредственно в городе саперы разведчики группы Горохова¹¹ сделали более 30 выходов в тыл противника. Они добыли не только важные разведывательные данные, но и установили несколько сотен противотанковых мин, взорвали два склада взрывчатых веществ, шесть крупных емкостей с запасом воды и железнодорожное полотно на 16 участках¹².

При создании обороны Сталинграда применялись различного рода сюрпризы, для чего использовались заряды ВВ, фугасные огнеметы, камнеметы. Последние устанавливались на улицах, в местах возможного большого скопления пехоты противника. Приведение в действие фугасов и камнеметов осуществлялось дежурными наблюдателями посредством проволоки, протянутой от взрывателя к наблюдательному пункту. В задачу дежурных наблюдателей входило при приближении пехоты противника на расстояние 70–80 м от заряда выдернуть чеку взрывателя натяжением проволоки и произвести направленный взрыв. Успешное применение камнемета было отмечено 23 октября, при наступлении на 120-й сп 79-й пехотной дивизии противника. Градом булыжника была накрыта незащищенная вражеская пехота, которая была вынуждена залечь за немецкими танками, остановившимися перед противотанковыми минами¹³.

С помощью ВВ осуществлялась минирование в тылу врага не только военных объектов с целью нарушения коммуникаций и огневых сооружений в укрепленных районах, но и с целью развития минобоязни, чему способствовало засорение минами, и в том числе минами замедленного действия (МЗД) мест размещения противника. Суть операций состояла в том, что минеры-охотники группами в 2–3 человека проникали в ближайшие тылы противника, скрытно устанавливали мины-сюрпризы и МЗД в блиндажах, укрытиях, ходах сообщения и на тропинках.

Прием минирования на минобоязнь осуществлялся в основном минерами-охотниками 212-го батальона инженерных заграждений 43-й отдельной инженерной бригады специального назначения в полосе обороны 62-й армии. В связи с тем, что начальник инженерных

войск 62-й армии генерал-майор Косенко не проявлял достаточно внимания к действиям минер-охотников 212-го батальона инженерных заграждений, дивизионные инженеры или командиры дивизий (генерал-майор Родимцев, генерал-майор Гурьев) определяли участки обороны полков для проведения минирования на минобоязнь.

Группы для проведения операций организовывались командирами батальона (роты) исключительно на принципах добровольности. Персональный подбор членов групп целиком доверялся старшему группы. Последнее имело весьма большое значение, так как это создавало уверенность команды друг в друге и в успешном проведении вылазки. Обычно старший группы подбирал себе людей, проверенных им в предыдущих операциях, однако для обучения большего количества минер-охотников командир батальона (роты) придавал в группу к двум опытным минерам одного новичка. Численный состав группы состоял из 3–4 человек, так как сами условия работы не требовали большего числа людей: когда двое или трое ставят мины, то один из них ведет наблюдение.

Вооружение группы обычно состояло из личного оружия (большей частью автоматического) и 2–4 гранат «Ф-1» – этот тип гранат минеры-охотники предпочитали всем остальным. Группа с собой обычно брала 3–4 мины ПИД-6 (ПМД-7) или 1–2 ПОМЗ на каждого, 1–2 полностью оснащенных ящика МЗД-1 и 4–5 МУВ с таким же количеством толовых шашек на группу. Иногда минеры брали с собой ЯМ-5, по одной на человека или ТМ-35, так как последние более удобны и безопасны. Из продуктов питания группе выдавался сухой суточный паек и дополнительно, за счет резервов батальона, по 100–200 г масла, или сала, или жареного (вареного) мяса. Водка, как правило, выдавалась по возвращении группы с операции.

Перед проведением операции минеры-охотники через бойцов и наблюдателей подробно знакомились с обстановкой, местностью и уточняли информацию, полученную от разведывательных органов подразделений, в полосе которых намечалась операция, ведя круглосуточное посменное наблюдение в течение 1–2 суток. Наблюдение велось с целью уточнения объекта минирования, определения путей движения к объекту и поведения противника (путей его передвижения, режима дня и ночи, расположения огневых точек, смен и питания гарнизона). В результате неоднократно минеры-охотники проникали в тыл противника на участке, ранее считавшемся «непроходимым». Например, это сделала группа ми-

нер-охотников во главе с сержантом Ремизовым в полосе обороны 1043-го сп 284-й сд¹⁴.

Для того чтобы установленные мины были незамеченными, неожиданными для противника, группе минер-охотников только на обратном пути, вдали от мест минирования, разрешалось уничтожать противника в случае встречи с ним. Если же группа минер-охотников была замечена в начале своего продвижения к объекту, то она навязывала бой при выгодных условиях и отходила. Так, группа старшины Репина не раз забрасывала гранатами заметивших их врагов, уничтожая их и даже забирая трофеи.

Наиболее уцелевшие от разрушения укрытия и помещения минировались МЗД со сроком замедления 2–3 суток. Причем, чаще всего срок срабатывания мин приурочивался к активным действиям наших подразделений. Кроме того, у объекта, заминированного МЗД, мины-сюрпризы не ставились, чтобы не отпугнуть противника от объекта. Учитывалось также территориальное расположение объекта минирования. Так, в объектах, расположенных у противника, ставились неизвлекаемые мины; в объектах, расположенных на нейтральной полосе, устанавливались МЗД со сроком замедления 15–20 дней, неизвлекаемость не применяли¹⁵.

Главное внимание при установке мин обращалось на их маскировку. Они устанавливались под дощатый настил на полу блиндажа, под проволочный или деревянный решетчатый мат перед входом или утапливались в грязь на дне хода сообщения. При установке на тропинках мин-сюрпризов натяжного действия в качестве нити натяжения использовались обрывки проводов связи.

Наиболее удачным примером маскировки считается установка ПМД-6 под перину на лежанке жилого блиндажа группой старшего сержанта Стаценко из трех человек. При проведении операции обязанности в группе распределялись следующим образом: Костенко вел наблюдение у входа в блиндаж. Стаценко и Батуринов находились в первой половине блиндажа. Батуринов минировал, Стаценко ему помогал, держа наготове гранаты и ведя наблюдение за дверью, ведущей во вторую половину блиндажа, где разговаривали немцы¹⁶.

Возможность осуществления такого приема минирования диктовалась специфичностью боя в условиях города. Так, стесненность боевых действий и весьма малые расстояния между воюющими сторонами позволяли надежно определить места для минирования, что обеспечивало эффективное воздействие на противника даже при

установке незначительного количества мин. Кроме того, развалины домов позволяли нашим минерам скрытно подбираться к противнику и весьма легко маскировать установленные мины.

Таким образом, инженерное обеспечение боевых действий в условиях Сталинграда имело ряд особенностей. Так, управляемые минные поля обладали повышенной плотностью минирования – 800 мин на 1 км фронта. Кроме того, подрыв их и фугасов чаще всего осуществлялся с помощью проволоки, а не электрическим способом. При использовании такого древнего способа ведения боевых действий, как подрыв оборонительных сооружений противника с помощью подкопа, он был осуществлен лишь в части дома, занятой противником. В уцелевшей части дома находились советские подразделения. В ходе обороны города также активно применялись различного рода сюрпризы, для чего использовались не только заряды взрывчатых веществ и фугасные огнеметы, но камнеметы. Кроме того, с помощью ВВ осуществлялось минирование в тылу врага не только военных объектов с целью нарушения коммуникаций противника и его огневых сооружений в укрепленных районах, но и с целью развития минобоязни.

¹ Былинин С. Сталинградская битва: Стратегическая оборона (17 июля 1942 г. – 18 ноября 1943 г.). М.: Экспрент, 2004. С. 33.

² Сталинградская битва: полная хроника – 200 дней и ночей / [А.В. Сульдин]. М.: АСТ, 2013. С. 61.

³ Бирюков П.И. Инженерное обеспечение битвы за Сталинград // Инженерные войска Советской Армии в битве на Волге: (Учебное пособие) / Воен.-инж. акад. им. В.В. Куйбышева. М.: Б.и., 1963. С. 14.

⁴ Горлов В.П. Инженерные войска в оборонительном сражении под Сталинградом // Инженерное обеспечение оборонительных операций Советской Армии в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Сборник / Воен.-науч. об-во при ЦДКА им. М.В. Фрунзе. Воен.-инж. секция. М.: Б.и., 1970. С. 101.

⁵ Куманев Г.А. Сталинградская битва (краткий воен.-ист. очерк, док-ты, материалы). М.: МППА БИМПА, 2007. С. 489.

⁶ Самсонов А.М. Сталинградская битва. М.: Наука, 1968. С. 265.

⁷ Бирюков П.И. Указ. соч. С. 14.

⁸ Уолш С. Вторая Мировая война. Сталинградская битва. Кипящий котел. М.: АСТ, 2014. С. 99.

⁹ Цирлин А.Д. Советские инженерные войска. М.: Изд-во ДОСААФ, 1965. С. 25.

¹⁰ Павлов В.В. Мифы и реальность. СПб; М: Нева; Олма-пресс, 2003. С. 109.

¹¹ Северная группа С.Ф. Горохова была создана 28 августа 1942 г. В нее вошли 124-я отдельная стрелковая бригада, 149-я стрелковая бригада, 99-я танковая бригада, 282-й

полк 10-й дивизии НКВД, отдельный стрелковый ремонтно-восстановительный батальон, истребительный батальон Тракторозаводского района Сталинграда, 32-й батальон морской пехоты Волжской военной флотилии.

¹² Горлов В.П. Указ. соч. С. 103.

¹³ Шаров М.В. Инженерное обеспечение боевых действий стрелкового полка в городе Сталинграде // Инженерные войска Советской Армии в битве на Волге: (Учебное пособие) /Воен.-инж. акад. им. В.В. Куйбышева. М.: Б.и., 1963. С. 34.

¹⁴ Инженерно-документальный фонд ВИМАИВиВС. № А-9362-2. Л. 5.

¹⁵ Там же. Л. 7.

¹⁶ Там же. Л. 3.

В.Р. Новоселов (Москва)

МЕМОРИАЛЬНЫЙ ПАЛАШ – СВИДЕТЕЛЬ СРАЖЕНИЯ ПРИ ГОХШТЕДТЕ

ЗАДАЧА КАЖДОГО ИССЛЕДОВАТЕЛЯ в области оружия – получить максимум информации об изучаемом памятнике. Конструкция и декор оружия, техники его изготовления, производственные и пробирные клейма позволяют в большинстве случаев более или менее точно определить время и место его создания, типологию, иногда – имя мастера оружейника. Большая удача, если исследуемый памятник имеет документированную историю (провенанс), отражен в изобразительном материале (фотографии, живопись, рисунки и т. д.), известен по письменным источникам. Иногда на оружии имеются владельческие надписи, гербы и вензели, позволяющие установить имя владельца. И, пожалуй, к очень редким случаям можно отнести наличие на оружии мемориальных надписей, содержащих данные о бытовании памятника, связанных с ним исторических событиях. Одному такому памятнику из собрания Музеев Московского Кремля мы и посвящаем этот небольшой текст.

Речь идет о палаше инв. № Ор-4373 (ил. 1). Общая длина – 96 см. Клинок стальной, кованый, прямой, линзовидный в сечении, обоюдоострый, его длина – 84,5 см, ширина у пяты – 3,7 см. Пята не выражена. От основания клинка с обеих сторон примерно на треть его длины выбрано по два дола. Внутри долов вырезаны сквозные чере-

Ил. 1. Палаш инв. № Ор-4373, общий вид

Ил. 2. Надпись «IN TOLETO» в долах клинка

дующиеся вытянутые и круглые прорезы, в промежутках между которыми выбита дублируемая латинская надпись: «IN TOLETO 1474» («В Толедо, 1474») (ил. 2). Вокруг долов и между ними прорезаны желобки, у завершения которых вырезан фигурный крест. Вокруг креста вытравлен растительный орнамент, над которым расположена травленная плохо читаемая надпись на немецком языке (предположительно верхнем средненемецком), приблизительная транскрипция:

“Talard Der Stolze Harr[t?] zu Höchstatt Thette Kratzen,
 Er glaubt er hett Unß schan Alsambt in Seinen Bratzen,
 Er Liesse in der Eyl in Frankreich die Post Lauffen,
 In Dessen er gleich Drauff wurd gworffen übern hau[en?].
 Sein Meiste Officir wurden alda [gefangen?]
 Im ists nicht Umb [...]ten besser g[a]ngen
 Destwegen schaw Mich an, Darbey bin Ich gewessen,
 Damit Daß nicht vergist thue Öffter dis[es] [L]ess[en]” (ил. 3, 4).

Эфес (ил. 5, 6) состоит из рукояти и гарды. Рукоять деревянная, обклеена черным ящером (кожей акулы). Спинка рукояти покрыта гладкой пластиной из медного сплава, переходящей в навершие с пуговицей заклепки хвостовика на вершине. Низ пластины крепится к рукояти винтом. С внешней стороны на рукояти расположены

Ил. 3. Надпись, вытравленная на внутренней стороне клинка

Ил. 4. Надпись (продолжение), вытравленная на внешней стороне клинка

Ил. 5. Эфес палаша

Ил. 6. Эфес палаша и верхняя часть клинка с внутренней стороны

четыре полусферических заклепки из медного сплава. Гарда из медного сплава, литая, состоит из соединенной с навершием средней защитной дужки, под прямым углом переходящей в крестовину с перекрестьем, отходящей от средней дужки плавно расширяющейся защитной раковины с внешней стороны и приваренного к перекрестью защитного кольца для большого пальца руки с внутренней. Защитная раковина гладкая, в ее центре рельефный ромб с каймой по краям. Конец крестовины выполнен в форме балясины. Все металлические детали эфеса вызолочены. С внешней стороны на крестовине выбит миниатюрный номер «29» (ил. 7).

Ил. 7. Миниатюрный номер, выбитый на гарде эфеса

В течение XVIII в. до 1796 г. палаш состоял в ведении Обер-егермейстерской канцелярии. Ранее, в описи 1737 г. он описан среди палашей, привезенных из Москвы¹. До этого палаш находился в Преображенском дворце и отмечен в реестре 1733 г. в качестве кортика, как и все палаша этого же типа: «Кортик эфес мед-

ной, гриф ящеровой полоса резная, без ножен»². Порядок описания палаша в реестре соответствует выбитому на его эфесе миниатюрному номеру. В 1810 г. в составе Санкт-Петербургской Императорской Рюст-камеры он был передан в Оружейную палату. При поступлении, в передаточной описи Рюст-камеры, палаш был записан среди немецких палашей³. В опубликованной в 1885 г. Описи Московской Оружейной палаты палаш был записан как палаш драгунский под № 5721 и датирован эпохой Петра I, его клинок был определен составителем описи Л.П. Яковлевым как испанский⁴. В музейном инвентаре палаш записан в качестве русского, клинок которого изготовлен в Германии. Атрибуция клинка как изготовленного в Германии, Золингене впервые была сделана в 1930 г. В.В. Арендтом, определившим клинок как немецкую подделку под испанскую работу середины XVII в.⁵

Эфес соответствует типам офицерских кавалерийских палашей конца XVII – первой трети XVIII в., имевшим хождение в Дании и Германии. Судя по надписи, вырезанной в долах клинка, клинок изготовлен в Толедо, чему соответствует и характерная для испанских мастеров манера исполнения сквозных прорезей в сильной части клинка, выполненная, однако, несколько грубо для испанской работы. Дата «1474», указанная там же, явно является ложной (ил. 8), и клинок изготовлен много позже конца XV в. Обращает на себя и написание названия города Толедо – «TOLETO»: на сохранившихся в испанских собраниях памятниках с хорошо известным провенансом – клинках толедских оружейников XVI–XVII вв. такое написание не встречается, наиболее распространенная форма написания: «EN TOLEDO»⁶. Такие ложные даты, равно как имитация испанских

Ил. 8. Ложная дата на клинке

клейм, надписей, прорезей на клинке и элементов оформления оружия, были характерны для немецких мастеров. Надпись, вытравленная на клинке, позволяет нам говорить о том, что данный экземпляр является редким образцом памятного, мемориального оружия, относящегося в начале XVIII в.

Травленная надпись на клинке сильно потерта. Возможно, именно поэтому ни при подготовке Л.П. Яковлевым к публикации описи холодного оружия, ни в более позднее время надпись ни разу не воспроизводилась и не переводилась. Современная макросъемка позволила почти полностью восстановить текст надписи, перевод которой совсем недавно был сделан сотрудником Музеев Московского Кремля В.А. Таубером:

«Гордый Талар ждал у Хехштедта того сражения,
Он думал, что мы все уже в его руках,
Он спешно отправил во Францию послание,
В котором [сражении] его планы тотчас же были нарушены.
Его старшие офицеры были все там взяты в плен,
Дела у него [...] не пошли лучше,
Поэтому смотри на меня, я при этом был,
Для того чтобы ты этого не забыл, чаще читай эту надпись».

Сражение, речь о котором идет в надписи – это битва при Гохштедте, произошедшая 13 августа 1704 г. в ходе за войны за Испанское наследство. В этой битве объединенные силы двух французских армий под командованием маршалов Камилля д'Отена де ла Боме, герцога де Таллара, маршала Жан-Гаспара Фердинанда де Марсена и армии курфюрста Баварии Максимилиана II Эммануила были разбиты войсками англичан и Священной Римской империи под командованием генерал-капитана Джона Черчилля, герцога

Мальборо и принца Евгения Савойского. Отсутствие общего командования франко-баварских сил, разрозненность их действий привели к тяжелому поражению. Маршал Таллар со своими войсками был вынужден капитулировать и попал в плен. Всего же в этом сражении убитыми, ранеными и попавшими в плен французы потеряли 38 тыс. человек.⁷

Мемориальная надпись на клинке явно рисует нам картину сражения глазами участника, действовавшего в составе войск принца Евгения Савойского. Во-первых, англичане никогда не называли это сражение по названию селения Гохштедт: они всегда называли его сражением при Бленхейме – по названию другого близлежащего населенного пункта. Сам герцог Мальборо в честь этой победы назвал свой дворец Бленхеймским. К тому же именно на фланге Евгения Савойского сражение сперва было удачным для французов, которым удалось отразить все настойчивые атаки его кавалерии. Стоит обратить внимание на упоминаемые в надписи подробности: о сдаче Таллара вместе со своими высшими офицерами, а также сведения о письме, посланном маршалом Талларом накануне сражения своему королю, что является достоверным фактом⁸. Заказчик надписи, безусловно, был участником событий, и при этом достаточно хорошо осведомленным о подробностях. Вероятнее всего, заказчиком надписи на этом палаше был участник сражения, кавалерист, что следует из самого типа оружия. У него были основания так гордиться участием в этом сражении: именно кавалерия союзников сыграла ключевую роль в победе над французами. Победа далась нелегко, конница Мальборо и Евгения Савойского столкнулась с яростным сопротивлением, ее атаки несколько раз были отбиты, сражение шло с переменным успехом, пока герцог Мальборо не смог, перегруппировав свои силы и используя резервы, нанести решающий удар. Именно кавалерии союзников принадлежала также честь пленения маршала Таллара и его штаба⁹. Он не обязательно должен был быть немцем: среди солдат объединенной армии союзников были и гессенцы, фламандцы, пруссаки, австрийцы и т. д. Сам тип палаша был распространен как в Германии, так и в Дании, а в войсках Евгения Савойского сражалось немало наемников-датчан¹⁰. Но надпись, текст которой мастер явно наносил по образцу, предоставленному заказчиком, выполнена именно на немецком языке. Объяснима и гордость участника этой битвы: это сражение положило конец мифу о непобедимости французских

войск короля Людовика XIV, его результат был катастрофичен для всей французской военной кампании.

Из всего вышеизложенного мы можем сделать вывод о том, что сам палаш был изготовлен до сражения при Гохштедте, т. е. до 1704 г., а травленная надпись была нанесена на клинок близкое время спустя после сражения. Вероятнее всего, клинок палаша был изготовлен в Германии во второй половине XVII в., а надпись на нем была вытравлена после сражения при Гохштедте в 1704 г. Эфес был изготовлен и смонтирован с клинком в Германии и Дании (первое вероятнее) в конце XVII – начале XVIII в.

Остается открытым вопрос, как именно этот палаш мог оказаться в России. Из того, что он к 1733 г. находился в собрании оружия Преображенского дворца, нельзя исключать, что он поступил туда именно как мемориальное оружие, ценность которого осознавалась владельцем. Мы можем предполагать, что это оружие могло принадлежать Петру I, хотя доказать это с уверенностью можно только в случае обнаружения описи оружия Преображенского дворца, составленной при жизни императора или сразу после его смерти. Нельзя исключать самых разных вариантов: например, палаш мог быть подарен Петру I одним из военачальников, участвовавших в сражении – в Европе существовала такая традиция посылки к иноземным дворам реляций о победе вместе с какими-нибудь трофеями из числа захваченных на поле боя. Сам Петр I после своей победы при Полтаве таким образом дарил шпаги сдавшихся в плен шведских офицеров не только своим ближайшим соратникам, но иностранным дипломатам¹¹. Другой возможный вариант – палаш мог принадлежать одному из кавалеристов, участвовавших в сражении при Гохштедте, а потом попавшего в Россию в составе войск шведского короля Карла XII и утратившего в бою или при пленении свое ценное оружие.

Не менее вероятным нам представляется вариант, что палаш был подарен Петру I датским или немецким участником сражения в период Северной войны: датские и немецкие офицеры-ветераны были как в армиях союзников Петра I – Дании, Саксонии, Ганновера и Пруссии, так и в самой русской армии. Такое мемориальное оружие – явная гордость владельца – была даром, достойным царя-воителя, самолично сражавшегося на поле боя и знавшего цену как побед, так и поражений.

- ¹ ОРГПФ ММК. Ф. 1. Оп. 1. № 132. Книги описные ружью Ея Императорского Величества, которые по смерти ружейного мастера Ягана Иллинга описывано при обер ягере Беме... 1737 года.... Л. 42 об. № 28.
- ² РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. № 1464. Дело об осмотре в разных местах всякого оружия. 1733 г. Л. 30 об.
- ³ Там же. Д. 1258. Опись Рюст-камеры. Л. 73 об. № 7 «(палаш) эфес медной золоченой гладкой, гриф ящеровой черной, на нем четыре гвоздика медных золоченых, полоса без позолоты, сквозь резная, без ножен», – это описание полностью скопировано с записи в описи Иллинга 1737 г.
- ⁴ Опись Московской Оружейной палаты. Ч. IV. Кн. III. Холодное оружие. М., 1885. С. 103, № 5721.
- ⁵ ОРГПФ ММК. Ф. 20. Оп. 1930. Д. 14. Заметки к уточнению описи Ор. палаты о клинках Золингенской работы нач. XVII в. Л. 2.
- ⁶ Catalogo Historico-descriptivo de la Real Armeria de Madrid. Madrid. 1898. Cat. № G. 49, G. 55, G. 73, G. 80, G. 85, G. 91, G. 98, G. 100, G. 105, G. 106, G. 111, G. 113 – G. 115, G. 118 – G. 122; Museo-Armeria de D. Jose Estruch y Cumella. Barcelona. 1896. № 303, 308, 313, 314, 316, 516, 673, 711. Только в одном случае, на рапире-газе XVII в. № 306 встречается подпись «PETRUS IN TOLETA», но, возможно, что и в этом случае мы имеем дело с немецкой имитацией испанской подписи.
- ⁷ Histoire militaire de la France. Т. 1. Des origins a 1715. Paris, 1992. P. 532.
- ⁸ Barnett C. Marlborough, Wordsworth Edition Limited, 1999. P. 109.
- ⁹ Денисон Дж. История конницы. Т. I. М., 2001. С. 263–267.
- ¹⁰ Свечин А.А. Эволюция военного искусства. Т. I. М.; Л., 1927. С. 63.
- ¹¹ Дуров В.А. Русское наградное оружие. М., 2010. С. 13.

Н.А. Оводков, Р.Н. Чумак (Санкт-Петербург)

**ВИНТОВКИ МАСТЕРА ИГНАТОВИЧА:
К ИСТОРИИ РАЗРАБОТКИ И ИСПЫТАНИЙ
4,2-лин. ПЕРЕДЕЛОЧНЫХ МАГАЗИННЫХ
ВИНТОВОК СИСТЕМЫ БЕРДАНА-ИГНАТОВИЧА
РАЗЛИЧНЫХ МОДЕЛЕЙ В 1884–1888 ГОДАХ**

В 70-80-е гг. XIX в. в основных европейских странах начался процесс перевооружения армий магазинными винтовками под дымный порох. Во Франции с 1878 по 1884 г. на вооружение поступили две магазинные винтовки, в Италии была принята 10,4-мм магазинная винтовка системы Веттерли-Витали обр. 1887 г., в Австро-Венгрии – 11-мм винтовка системы Манлихера обр. 1886 г., в Дании – 11-мм винтовка системы Бомон-Витали.

Россия также не осталась в стороне от этих процессов, но ход создания аналогичного оружия пошел своеобразным образом. Комиссия офицерской стрелковой школы выбрала два пути достижения требуемого результата:

1. создание переделочной магазинной винтовки на базе штатной однозарядной 4,2-лин. винтовки обр. 1870 г.;
2. создание оригинальной, вновь разработанной конструкции магазинной винтовки.

Первоначально специалисты комиссии и большинство участников работ ориентировались в основном на разработку переделочных винтовок. Этот путь существенно сэкономил время и денежные затраты на проведение опытных работ и изготовление готового оружия, так как для этого требовалось только доработать винтовки, находившиеся в войсках, и начать перевооружение уже во второй половине 1880-х гг. Второй путь – путь создания оригинальных конструкций винтовок – был редким явлением в среде отечественных оружейни-

ков, поскольку требовал от конструкторов высокой квалификации и сопровождался большим количеством трудностей, поскольку необходимо было разрабатывать весь комплекс механизмов винтовки, а не только магазин, что требовало немалых затрат времени и денежных расходов. Однако этот путь обещал возможность разработки винтовки современного типа, избавленной от недостатков базового образца переделочной винтовки, и придания новому образцу современных боевых характеристик и надежности.

Работы по созданию магазинных винтовок под патроны с дымным порохом продолжались в России до 1888 г., когда их были вынуждены прекратить из-за необходимости разработки новых малокалиберных винтовок под патроны с бездымным порохом. До этого времени в стране было разработано несколько вариантов магазинных винтовок. Лучшими из них являлись винтовки оружейного мастера инструментального отдела Санкт-Петербургского патронного завода Игнатовича (переделочная) и капитана С.И. Мосина (оригинальная).

Несмотря на то, что винтовка Игнатовича – наиболее перспективная из переделочных 4,2-лин. магазинных винтовок – не поступила на вооружение армии, знание особенностей ее конструкции позволяет понять ход конструкторской мысли создавшего ее оружейника. На примере модельного ряда магазинных винтовок, разработанных Игнатовичем, авторы настоящей статьи проследили характер требований к оружию, предъявлявшихся армией в 1880-х гг., а также общий уровень русской школы проектирования оружия второй половины XIX в.

В отечественной историографии винтовки системы Игнатовича упоминались как в дореволюционный, так и в советский и постсоветский периоды. Впервые основные моменты испытаний винтовок различных моделей данной системы были изложены в дореволюционном периодическом издании «Оружейный сборник», в серии статей Н.И. Юрлова под названием «Обзор опытов, предшествовавших перевооружению нашей армии 3-х лин. винтовками обр. 1891 г.»¹.

В советский период винтовки Игнатовича кратко упомянул В.Е. Маркевич в своем труде «Ручное огнестрельное оружие», а также В.В. и Вал. В. Мавродины в работе «Из истории отечественного оружия (русская винтовка)»². В последней работе приводится не совсем корректное описание самого магазина винтовки Игнатовича, а также характеристика модельного ряда разработанных им

винтовок. Самое раннее изображение магазина Игнатовича (первой модели) схематично изображено в труде Роя Мэркота 1989 г., посвященном американскому оружейнику Х. Бердану и его конструкторской деятельности.³ Постсоветский период не изобилует опубликованными материалами по истории разработки магазинных винтовок Игнатовича, за исключением крупной статьи И. Клишина в журнале «Оружие», в которой имеется фотография винтовки с магазином ранней модели, а также ее краткое описание⁴. В этой статье также обнаружена неточность в характеристике количества разработанных Игнатовичем моделей магазинов.

На данный момент в собрании Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи выявлено три различные конструкции винтовок, разработанные мастером Игнатовичем. Первая модель магазина для переделки однозарядной винтовки обр. 1870 г. в магазинную была создана им в 1884 г. и прошла испытания в апреле того же года. Магазин Игнатовича модели 1884 г. вмещал в себя девять патронов. Интересно, что он, как и магазины, разработанные многими другими русскими конструкторами в 1880 гг., не являлся магазином в полном смысле этого слова. Он мог лишь обеспечить доставку патрона из некоей емкости того или иного устройства к ствольной коробке и вбросить его перед затвором, но удержания патрона на линии досылания не обеспечивал. Доставка патрона к затвору производилась с помощью специального механизма, приводимого в действие затвором. Такое конструктивное решение, позволявшее интегрировать в конструкцию винтовки устройство питания патронами без коренных ее переделок, имело ряд важных недостатков. Во-первых, характер действия механизмов подачи патрона значительно зависел от энергичности работы стрелка с затвором, требуя в этом действии от него однообразности, в противном случае возможен был отказ в подаче патрона или поломка механизма. Во-вторых – и это главное – в винтовках с такими магазинами после доставки патрона в ствольную коробку невозможно исключить его выпадение с линии досылания в период, предшествующий досылке, что делает невозможным заряжание винтовки в перевернутом положении или на больших углах возвышения. По сути, такие устройства питания оружия патронами были разновидностью механизированных ускорителей заряжания вне зависимости от сложности конструкции. Тем не менее, авторы сочли корректным оставить в тексте настоящей статьи название этих устройств питания оружия патронами – «магазин»,

как традиционно сложившееся. Ниже приведены описания винтовок обр. 1870 г. с установленными на них магазинами Игнатовича и особенности функционирования их механизмов питания.

4,2-лин. магазинная передельчатая винтовка системы Бердана-Игнатовича модели 1884 года

Ускоритель заряжания емкостью на девять патронов. Расположение патронов линейное, в два яруса. Подача патронов осуществляется через левую стенку ствольной коробки рычажным механизмом, действующим от затвора (ил. 1).

Ил. 1. 4,2-лин. магазинная передельчатая винтовка системы Бердана-Игнатовича модели 1884 г. (общий вид), инв. № ВИМАИВиВС 05/391, зав. № 93609

Магазин Игнатовича модели 1884 г. представлял собой двухъярусный длинный металлический пенал, прикрепленный на левую сторону ствольной коробки винтовки. Магазин заполняется патронами, «вводимыми по одному в отверстие нижнего яруса, находящееся на заднем его конце, и опораживается сквозь окно, сделанное в левой стенке ствольной коробки. Движение патронов в магазине, а равно и перемещение их в ствольную коробку происходит автоматически, в связи с движениями затвора»⁵ (ил. 2).

Патроны вводятся в магазин один за другим, до тех пор, пока в магазине не окажутся пять патронов. «Потом четыре раза выдвигают

Ил. 2. Магазин модели 1884 г. емкостью девять патронов (вид изнутри)

затвор и задвигают его, подобно тому, как это делают при стрельбе, после чего, завернув рукоятку затвора, вводят в нижний ярус магазина рукой же еще четыре патрона, затем, не вполне выдвинув затвор, возможно ввести один патрон в патронник, и тогда ружье будет заряжено десятью патронами»⁶. Во внутренней конструкции механизма предусмотрены зубцы, которые двигают патроны на нижнем ярусе вперед, а на верхнем ярусе назад, по направлению к затвору, «причем передний патрон нижнего яруса автоматически же переходит в верхний ярус с помощью особого пружинного приспособления»⁷.

Магазин Игнатовича модели 1884 г. испытывался специалистами комиссии до июля 1884 г.⁸. В процессе испытаний винтовка действовала исправно при однозарядной стрельбе с наполненным магазином. При многозарядной стрельбе «магазин был наполняем и опоражниваем стрельбою шесть раз, причем два раза вводили и десятый патрон в патронник, а в 4 очереди выпущено было лишь по 9 патронов. На все 56 выстрелов было три остановки»⁹. Причин задержек оказалось несколько: выпадение патрона из нижнего яруса при наклоне винтовки вверх, некачественно изготовленная пружина верхнего яруса, сильный прорыв пороховых газов при стрельбе пропиленными патронами. Также хотелось бы отметить, что подобные разработанному Игнатовичем магазину ускорители заряжания в виде металлических коробок в большинстве случаев не доходили до войсковых испытаний, особенно после опытов на сопротивление ударам и падениям. Их стенки зачастую получали вмятины при ударах и падениях, что мгновенно парализовывало действие магазина. До войсковых испытаний ускоритель заряжания системы Игнатовича модели 1884 г. допущен не был, его дальнейшее изучение также было прекращено.

Осенью 1885 г. Игнатович предоставил на рассмотрение комиссии намного более компактную, но менее емкую модель магазина емкостью четыре патрона.

4,2-лин. магазинная переделочная винтовка системы Бердана-Игнатовича модели 1885 года

Магазин боковой, постоянно-приставной, однорядный, емкостью 4 патрона (ил. 3а, б).

Магазин данной модели представлял плоскую коробку обтекаемой формы, закрепленную на левой стороне ствольной коробки винтовки. Наполнение магазина патронами происходило через отверстие в левой стенке ствольной коробки (ил. 4).

Ил. 3 а. 4,2-лин. магазинная передельочная винтовка системы Бердана-Игнатовича модели 1885 г. (общий вид), инв. № ВИМАИВиВС 5/284, зав. № 95355

Ил. 3 б. Магазин емкостью четыре патрона (вид сверху), надпись «Магазин Игнатовича», клеймо ИОПЗ – Инструментальный отдел Патронного завода, 1885 г.

Ил. 4. Вид сбоку винтовки без установленного магазина

В магазине находится пружина, которая поднимает вложенные в него патроны. Пружина может быть отключена и фиксируется в нижнем положении нажатием клинообразной пластинки, часть которой, с плоскостью для нажатия пальцем, находится с задней торцевой части корпуса ускорителя (ил. 5). После наполнения магазина патронами, оттянув указанную пластинку на себя, стрелок включает пружину магазина, которая фиксирует вложенные в него патроны

Ил. 5. Внутренний вид магазина емкостью четыре патрона; поджимная пружина в отключенном состоянии

Ил. 6. Внутренний вид магазина емкостью четыре патрона; поджимная пружина включена

(ил. 6). Подача патронов из магазина в ствольную коробку осуществляется с помощью рычага на оси, закрепленного в ствольной коробке. Рычаг взаимодействует с затвором посредством пятки, «которая входит в особый паз, выбранный в затворе, и таким образом рычаг сцепляется с последним»¹⁰. Конструкция магазина имеет возможность включать и выключать его механизм, прекращая подачу патронов, и использовать винтовку как однозарядную. Магазин включается и выключается с помощью разобщителя, имеющего вид тонкой пластинки,двигающейся в вертикальной плоскости и перекрывающей окно выдачи патронов в ствольной коробке (ил. 7). Разобщитель управляется с помощью рычага с

Ил. 7. Разобщитель включен, в таком состоянии установленный магазин будет неактивен

упором для нажатия пальцем, находящимся на верхней внешней плоскости корпуса магазина.

В процессе испытания стрельбой из винтовки с ускорителем заряжания Игнатовича на четыре патрона все механизмы действовали исправно, в том числе при стрельбе патронами с продольными пропилами гильзы. Далее последовали испытания стрельбой патронами с поперечными пропилами под закраиной, в результате которых «в ружье повреждений не было, но глаз стрелка пострадал. При третьем выстреле, когда пропил был направлен вниз и магазин открыт, пороховыми газами отодвинуло магазин влево, приблизительно на 1 линию; верхняя стенка согнулась и дала трещину. Вследствие того, что магазинная коробка отошла влево, пятка рычага вышла из паза затвора, отчего прекратилась подача патронов из магазина, и затвор перестал выниматься из ствольной коробки»¹¹.

Признав конструкцию магазина Игнатовича модели 1885 г., а также его функционирование при стрельбе удовлетворительными, специалисты комиссии, тем не менее, решили прекратить его испытания. Причин было несколько. Во-первых, на испытаниях присутствовал прорыв пороховых газов, но этот недостаток «мог бы быть устранен утолщением стенок коробки»¹². Во-вторых, емкости магазина на четыре патрона явно было недостаточно для успешных действий солдата во время боя. Однозарядная стрельба из такой винтовки смотрелась предпочтительнее использования магазина по причине экономии времени на зарядание¹³.

В конце 1886 г. Игнатович представил специалистам комиссии третью модель своего магазина, вмещавшую десять патронов, располагавшихся двумя вертикальными рядами по пять патронов в каждом.

Винтовка с новым ускорителем успешно выдержала испытания на прочность при стрельбе патронами с пропиленными гильзами, если не считать, что «в ней получилась только поверхностная продольная трещина в ложе непосредственно за магазином».¹⁴ Также испытательной комиссией было обнаружено, что «нижняя, выступающая из-под ложи часть магазина делала ружье неудобным для носки на левом плече, и солдат скоро утомлялся».¹⁵ Специалисты комиссии положительно оценили решение Игнатовича сделать «в левой угловой грани коробки сквозное отверстие, соединенное с желобком, расположенным над задним обрезом ствола»¹⁶. По их мнению, таким образом был устроен свободный выход для пороховых газов, направляющихся к затвору, и именно поэтому винтовка успешно прошла испытания на прочность.

По итогам испытаний винтовки Игнатовичу был предоставлен список рекомендаций для разработки усовершенствованной модели магазина, среди которых были: изменить разобщитель для исключения самопроизвольного поворачивания во время стрельбы; испробовать несколько другую систему крепления магазинной коробки к ложе; модифицировать детали для правильной подачи патронов без задержек; уменьшить емкость магазина до восьми патронов¹⁷.

К сожалению, винтовка с магазином Игнатовича модели 1886 г. на десять патронов отсутствует в коллекции Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи. В то же время, в коллекции музея сохранилась винтовка с магазином Игнатовича емкостью на восемь патронов, разработанная в том же 1886 г. Данная модель магазина имеет конструктивные особенности, сходные с описанной выше предшествующей моделью. Эту усовершенствованную модель магазина емкостью 8 патронов Игнатович представил в комиссию по испытанию магазинных ружей в конце декабря 1886 г.

4,2-лин. магазинная переделочная винтовка системы Бердана-Игнатовича модели 1886 года

Магазин боковой, постоянно-приставной, двухрядный, емкостью на 8 патронов.

Так же, как и в модели 1885 г., в конструкции предусмотрено включение и отключение питания патронами из ускорителя, а также включение и выключение поджигающей патроны пружины (ил. 8 а, б).

Ил. 8 а. 4,2-лин. магазинная переделочная винтовка системы Бердана-Игнатовича модели 1886 г. (общий вид), инв. № ВИМАИВиВС 5/283, зав. № 11060

Ил. 8 б. 4,2-лин. магазинная переделочная винтовка системы Бердана-Игнатовича модели 1886 г., магазин с прорезями в корпусе для изучения внутреннего устройства (общий вид), инв. № ВИМАИВиВС 5/285, зав. № 7983

Ил. 9. Вид сбоку; вырез в ложе с левой стороны винтовки

Магазин располагается на левой стороне винтовки и крепится к ложе и ствольной коробке винтами (ил. 9). Патроны помещаются в устройстве двумя вертикальными рядами по четыре патрона в каждом и подаются к затвору сквозь окно в ствольной коробке. Роль подавателя выполняет рычаг (металлическая «ложка»), который в зависимости от движения затвора движется в горизонтальной плоскости. Ложка взаимодействует с затвором через головку рычажка, закрепленного на гребне затвора. При открывании затвора, будучи в опущенном положении, рычажок своей головкой взаимодействует

с задней частью ложки, тем самым заставляя ее двигаться в горизонтальной плоскости вправо, выталкивая патрон из устройства в ствольную коробку винтовки. Важной особенностью магазина Игнатовича модели 1886 г. и его отличием от магазинов предыдущих моделей является то, что он обеспечивал досылку патрона в патронник при любом положении оружия (ил. 10).

Чтобы наполнить магазин патронами, необходимо опустить вниз пружины, располагающиеся в нижней части магазинной коробки (по одной пружине на каждый ряд патронов) (ил. 11). Делается это с по-

Ил. 10. Вид внутренней части ствольной коробки и наполненного патронами магазина; на снимке видна ложка, удерживающая патроны от выпадения при стрельбе лежа на спине или на боку

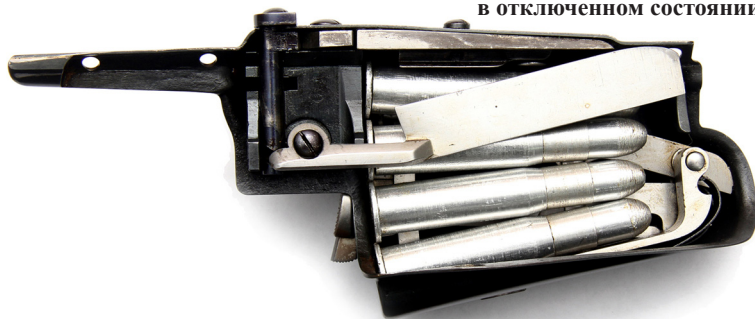

Ил. 11. Внутренний вид магазина емкостью восемь патронов; поджимная пружина в отключенном состоянии

Ил. 12. Вид на головку засова поджимной пружины

Ил. 13. Внутренний вид заполненного магазина емкостью восемь патронов; в конструкцию этого магазина входит разобщитель (в модели 1885 г. разобщитель входит в конструкцию ствольной коробки), на снимке магазин находится в отключенном состоянии

Ил. 14. Вид на рукоятку разобщителя

мощью специального засова, головка которого выдается из задней стенки корпуса (ил. 12). В устройстве также имеется разобщитель, служащий для включения и отключения подачи патронов. Разобщитель имеет вид пластины, двигающейся в вертикальной плоскости (ил. 13). Пластина приводится в действие вручную, с помощью рукоятки, расположенной на задней верхней плоскости корпуса (ил. 14).

При начале стрельбы из винтовки с магазином Игнатовича ложка под действием затвора выталкивает вправо верхние патроны с обоих рядов, при этом в ствольную коробку подается только один патрон из правого ряда (см. ил. 10). За следующим циклом заряжания из магазина вновь сдвигаются вправо два верхних патрона, правый из которых выталкивает в ствольную коробку патрон, оставшийся в ней от первого заряжания, и занимает его место. Первые 4 цикла – расходуются патроны из левого ряда, после его опорожнения начинают подаваться патроны из правого ряда до их полного израсходования.

Специалисты комиссии сразу же приступили к подробному изучению винтовки и ее испытаниям. «Из этой винтовки было опорожнено стрельбою 346 магазинов и произведено 706 выстрелов, а всего с магазинами было сделано 3474 выстрелов. Кроме того, винтовка была испытана на прочность (стрельбою подпиленными патронами без внутренней чашечки), на удар штыком в чучело, на оржавление и на запыливание, и все эти испытания винтовка выдержала вполне удовлетворительно»¹⁸.

В процессе первых испытаний магазина этой модели специалисты комиссии вновь указали Игнатовичу на необходимые изменения в конструкции, а именно: уменьшить выдвигание пуль у патронов в магазине от 40 однозарядных выстрелов, избавиться от опаздывания патрона шляпкой при их подаче из магазина, исключить самопроизвольное перемещение вперед магазинной задвижки от отдачи при выстреле.¹⁹ Игнатович выполнил все эти требования, представив усовершенствованную модель магазина.

Эта модель ускорителя заряжания выдерживала все испытания удовлетворительно, поэтому как перспективная была включена в полную программу испытаний: на влияние низкой температуры на действие магазинного механизма, на взаимодействие с патронами в толстой осалке, на сопротивление сильному запыливанию, на сопротивление ржавчине.

Последний опыт продемонстрировал высокую сопротивляемость магазина Игнатовича затрудненным условиям эксплуатации, а именно то, что «при значительной и притом сухой ржавчине, покрывающей части магазинного механизма, подача патронов из магазина перестает быть правильной и сопряжена с замедлениями, но для восстановления исправного действия механизма достаточно смазать его маслом, не отнимая магазин от ружья»²⁰.

Уже в 1887 г. после успешного прохождения магазином Игнатовича последней модели испытаний в комиссии было решено изготовить еще четыре образцовых магазина, которые оказались не такими уж и «образцовыми» в сравнении с магазином, испытывавшимся ранее: обнаружилось опаздывание патронов шляпкой или пулей, полная неподача патронов из магазина. В марте 1887 г. винтовки с магазинами Игнатовича вновь подвергли испытаниям, когда «из каждой винтовки было произведено: 265 однозарядных выстрелов и 1400 из магазина, а всего из каждой винтовки сделано 1665 выстрелов».²¹ Хочется отметить, что в процессе и этого этапа испытаний магазин действовал исправно при большом количестве выстрелов, даже при условии того, что винтовка не подвергалась чистке.

Следующим этапом стало изготовление 25 штук магазинов Игнатовича этой модели для более широких испытаний. Члены комиссии считали, что если и это испытание подтвердит качество конструкции магазина, то будет необходимо изготовить их еще 200–300 штук и подготовить для испытаний в войсках. По мнению комиссии, сделать это было бы желательно к концу лета 1887 г., переделку винтовок и изготовление магазинов предполагалось организовать на Сестрорецком оружейном заводе. Это было исполнено, и для установки магазинов две винтовки были посланы на Сестрорецкий оружейный завод. В процессе изучения архивных документов по теме был выявлен необычный факт: оружейный мастер комиссии Геснер предложил в качестве пробного варианта для уменьшения веса винтовки с ускорителем заряжания спилить чугунные затыльники (?). Непонятно, о чем шла речь, ведь в винтовке обр. 1870 г. нет чугунного затыльника.

По итогам всех испытаний комиссия признала конструкцию магазина Игнатовича достойной и посчитала необходимым провести его войсковые испытания, для которых изготовить серию переделочных винтовок. Первоначально планировалось 2000–3000 штук пехотных винтовок и 150–200 драгунских, затем остановились на 200–300 винтовках общего количества. Переделка 300 штук винтовок обошлась бы казне в 10 517 рублей при изготовлении ручным способом и 8655 рублей при машинном способе изготовления²².

Перед изготовлением партии винтовок для войсковых испытаний магазин Игнатовича модели 1886 г. неожиданно был полностью раскритикован генерал-майором Вельтищевым,²³ который являлся членом оружейного отдела Артиллерийского комитета ГАУ. Генерал-

майор В.А. Вельтищев считал, что ложа винтовки Игнатовича была ослаблена глубоким вырезом для установки магазина (см. ил. 9), а также магазин сложен в использовании солдатом. Однако магазины, разработанные Вельтищевым, сами не отличались совершенной конструкцией. Они были громоздки и ненадежны в работе по сравнению с магазином Игнатовича модели 1886 г. Кроме того, магазины Вельтищева имели сложный порядок включения и выключения подающего механизма – солдат в пылу боя мог попросту забыть о правилах совместного использования затвора, задвижки пружины и разобшителя. «В виду описанных случайностей по мнению Генерал-Майора Вельтищева делается не возможным зарядание магазина во время боя»²⁴. Можно предположить, что выпад В.А. Вельтищева против разработки Игнатовича объяснялся желанием убрать с дороги конкурента. Однако после подробного изучения магазинов Вельтищева стало очевидно, что по совершенству конструкции он намного уступал магазину Игнатовича. Из-за этого, вероятно, члены комиссии снизили количество винтовок с магазинами Вельтищева, планируемых к изготовлению для войсковых испытаний, до 25 штук.

В конце июня 1887 г. на Сестрорецкий оружейный завод были доставлены два экземпляра чертежей, две винтовки с магазинами Игнатовича модели 1886 г. После этого рабочие приступили к изготовлению 25 магазинов по цене 1280 рублей за всю работу. В ноябре 1887 г. все 25 винтовок были готовы. 23 из них поступили в лейб-гвардии Егерский полк, среди них была «еще одна 4,2-лин. винтовка системы Игнатовича позднейшей выделки. В этой последней винтовке были сделаны некоторые улучшения, предложенные изобретателем для обозначения правильного передвижения передателя, а также для облегчения вынимания перегородки магазина при разборке его»²⁵.

По итогам испытаний оказалось, что винтовки системы Бердана-Игнатовича показали себя с лучшей стороны и не вызвали практически никаких нареканий, за исключением того, что ствол сильно нагревался после длительной стрельбы (это устранялось добавлением ствольной накладки). Несмотря на общее положительное впечатление, имели место быть в некоторых случаях косая подача патронов, отказ в подаче первого патрона из магазина, а также проблема с экстракцией гильз. «В заключении своем также комиссия высказала, что винтовки системы Игнатовича очень хороши и значительно превосходят винтовки Мосина главным образом по простоте и прочности

устройства механизма, так что сборка и разборка его легка и проста, а в измененном последнем образце она еще более упрощена»²⁶.

Дальнейшие действия происходили по старой схеме, а именно: винтовки возвращали на Сестрорецкий оружейный завод и переделывали, взяв за образцовую винтовку ту самую модель позднейшей выделки, о которой говорилось выше. Именно в ней были сделаны все последние усовершенствования, введенные Игнатовичем. Результатом ее испытаний оказалось полное отсутствие каких-либо нареканий комиссии в отношении магазинного устройства.

1887 г. стал переломным для действий Комиссии по испытанию магазинных винтовок. Годом ранее, в 1886 г., во Франции была принята на вооружение магазинная винтовка системы Лебеля под патрон калибра 8 мм и пироксилиновый бездымный порох. Курс на разработку такого оружия был взят и в России, но переделать штатные винтовки системы Бердана, уменьшив калибр ствола и приспособив под использование пороха большой мощности, было невозможно. Такие попытки были. Например, французский изобретатель Е. Александр²⁷ переделал винтовку Бердана обр. 1870 г., уменьшив калибр путем лейнирования ствола. Результат оказался плачевным – узел запираания винтовки не держал нагрузку выстрела значительно более мощным патроном. Аналогичные результаты получились и у винтовок других конструкторов, которые попытались создать такое оружие на базе конструкции винтовок под дымный порох. В итоге единственным и правильным путем, на который и встала комиссия, стал путь поиска новой и оригинальной системы магазинной винтовки для перевооружения русской армии. Начинать все работы «с нуля» не требовалось, ведь путь создания магазинных винтовок оригинальной конструкции специалисты комиссии предусматривали еще в начале 1880-х и рассматривали множество таких образцов. В 1887 г. наиболее перспективной являлась оригинальная конструкция магазинной винтовки системы капитана С.И. Мосина.

Несмотря на существование оригинальной системы Мосина, которую поначалу предполагалось переделать под патрон уменьшенного калибра с бездымным порохом, вплоть до 1888 г. комиссия продолжала рассматривать переделочные системы, в том числе и магазинную винтовку системы Бердана-Игнатовича уменьшенного калибра. Однако испытание этой винтовки вскоре прекратилось, так как при стрельбе ожидаемо произошла деформация затвора, и его невозможно было открыть из-за «образования на щели его заусеницы

от ударов муфты ударника»²⁸.

В ходе исследования авторам удалось представить весь модельный ряд магазинов, сконструированных оружейником Игнатовичем:

- модель 1884 г. емкостью девять патронов,
- модель 1885 г. емкостью четыре патрона,
- модель 1886 г. емкостью десять патронов (двухрядный),
- модель 1886 г. емкостью восемь патронов (двухрядный),
- модель 1888 г. под патроны уменьшенного калибра (3,15-лин.)

емкостью восемь патронов.

Среди модельного ряда магазинов можно выделить претендента на принятие на вооружение русской армии – модель 1886 г. емкостью восемь патронов. Действительно, после войсковых испытаний в 1887 г., которые винтовка прошла успешно, оставалось немного времени до того как она должна была быть принята на вооружение.

Но когда работы по созданию 4-лин. переделочной магазинной винтовки стали давать приемлемые результаты, в 1886 году в Европе произошло событие, в корне перевернувшее ход работ по созданию аналогичного оружия в России и вскоре принудившее заняться разработкой новой и оригинальной конструкции магазинной винтовки. В этом году во Франции была принята на вооружение 8-мм магазинная винтовка Лебеля с подствольным магазином и патроном с бездымным порохом. Баллистические свойства этой винтовки оказались настолько совершенными, что заставили оружейных специалистов всего мира, и в том числе русских, направить свои усилия на разработку аналогичного оружия.

В итоге в 1887 г., в связи с появлением бездымного пороха и начала перевооружения армий передовых стран винтовками уменьшенного калибра с серединными магазинами пачечного типа, переделочная система Бердана-Игнатовича сразу и безнадежно устарела. Можно предположить, если бы данная система магазина успешно прошла испытания на несколько лет раньше (не позднее 1885 г.), она была бы принята на вооружение русской армии. Магазин Игнатовича имел все необходимые качества для этого: удобство в заряжании и обращении, высокую надежность, большую емкость. Более того, магазин Игнатовича модели 1886 г. был технически намного совершеннее не только своего конкурента – прикладного магазина системы С.И. Мосина, но и подствольного магазина Кропачека, принятого для переделочных винтовок Гра, новых 8-мм винтовок Лебеля во Франции и имевшего широкое распространение в винтовках других

стран мира.

Ситуация, которая произошла с магазином Игнатовича, говорит о том, что его изобретатель не предугадал резкого ускорения развития оружейной техники и не создал технического задела для успешного участия в разработке оружия следующего поколения. В данном случае С.И. Мосина можно считать более дальновидным оружейником. Ведь он изначально разрабатывал абсолютно новую магазинную винтовку, которая хоть и прошла испытаний на фоне удачной переделочной конструкции Игнатовича, но дала Мосину опыт создания оригинальной конструкции оружия в целом, который он использовал в 1888 г. при разработке новой винтовки, способной успешно использовать мощные патроны уменьшенного калибра с бездымным порохом. В отличие от Мосина, Игнатович, специализировавшийся на разработке только магазинов к серийной 4,2-лин. винтовке, создать новый образец винтовки не смог. В итоге С.И. Мосин разработал совершенную 3-лин. винтовку, в 1891 г. принятую на вооружение русской армии, а переделочные винтовки Игнатовича навсегда остались в музейном собрании как пример несвоевременности появления удачной разработки.

¹ Юрлов Н.И. Обзор опытов, предшествовавших перевооружению нашей армии 3-х лин. винтовками обр. 1891 г. // Оружейный сборник. 1900. № 1. С. 6; 1900. № 2. С. 30; 1900. № 3. С. 35–40; 1900. № 4. С. 11–21; 1901, № 2. С. 21–28; 1901, № 3. С. 33–36.

² Мавродин В.В., Мавродин Вал. В. Из истории отечественного оружия (Русская винтовка). Л.: изд-во Ленинградского ун-та, 1984. С. 89.

³ Marcot Roy M. Nigam Berdan. Dallas, 1989. P. 273.

⁴ Клишин И. Стремление к скорострельности // Оружие. 2016. № 10. С. 1–3, 48–59.

⁵ Архив ВИМАИВиВС. Ф.4. Оп. 39/6. Д. 116. Л. 299 об.

⁶ Там же. Л. 300 об.

⁷ Там же. Л. 299 об.

⁸ Там же. Л. 299–305.

⁹ Юрлов Н.И. Образ опытов, предшествовавших перевооружению нашей армии 3-х лин. винтовками обр. 1891 г. // Оружейный сборник. 1900. № 1. Отд. I. С. 7.

¹⁰ Там же. № 2. С. 31.

¹¹ Там же.

¹² Там же. С. 32.

¹³ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 6. Оп. 39/6. Д. 116. Л. 502.

¹⁴ Юрлов Н.И. Обзор опытов, предшествовавших перевооружению нашей армии 3-х лин. винтовками обр. 1891 г. // Оружейный сборник. 1900. № 3. С. 38.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

- ¹⁷ Там же. С. 39–40.
- ¹⁸ Архив ВИМАИВиВС. Ф.6. Оп. 5/2. Д. 973. Л. 257.
- ¹⁹ Юрлов Н.И. Обзор опытов, предшествовавших перевооружению нашей армии 3-х лин. винтовками обр. 1891 г. // Оружейный сборник. 1900. № 4. С. 12.
- ²⁰ Там же. С. 15.
- ²¹ Архив ВИМАИВиВС. Ф.6. Оп. 5/2. Д. 973. Л. 257 об.
- ²² Там же. Л. 288 об.
- ²³ Оводков Н.А. Конструкторская деятельность В.А. Вельтищева в 1871–1886 гг.: опытные переделочные винтовки системы Бердана-Вельтищева моделей 1870-х–1880-х годов // Военная история России XIX–XX веков. Материалы IX Международной военно-исторической конференции 25–26 ноября 2016 года. СПб., 2016. С. 44–61.
- ²⁴ Юрлов Н.И. Обзор опытов, предшествовавших перевооружению нашей армии 3-х лин. винтовками обр. 1891 г. // Оружейный сборник. 1900. № 4. С. 21.
- ²⁵ Юрлов Н.И. Обзор опытов, предшествовавших перевооружению нашей армии 3-х лин. винтовками обр. 1891 г. // Оружейный сборник. 1901. № 2. С. 22.
- ²⁶ Там же. С. 25.
- ²⁷ Оводков Н.А. Предложение иностранца: к истории разработки и испытаний 4,2-линейных переделочных магазинных винтовок системы Бердана-Александра различных моделей в 1883–1886 годах в России и Франции // История Офицерской Стрелковой Школы. 1826–1917. Сборник статей и докладов (по материалам конференции 4 ноября 2016 г.). СПб.: Любавич, 2016. С. 49–59.
- ²⁸ Юрлов Н.И. Обзор опытов, предшествовавших перевооружению нашей армии 3-х лин. винтовками обр. 1891 г. // Оружейный сборник. 1901. № 3. С. 35.

Andreas Ohlsson (Stockholm)

HELGE PALMCRAANTZ AND THE SWEDISH MACHINE GUN

This article is about the Swedish machine gun which was invented by Engineer Helge Palmcrantz at the end of 19th century. He also designed other machine guns with different number of barrels, often referred in English sources as “The Nordenfelt Machine Gun”.

The period was dominated by many other Swedish inventors. On a collection of stamps published in 1976 Helge Palmcrantz was picked out as one of a few, such as the telephone inventor Lars-Magnus Ericsson although Palmcrantz is not as well remembered today as Ericsson or Gustaf de Laval. The latter was inventor of dairy machinery and steam turbines. John Ericsson made success with the iron-hulled steamship USS Monitor and the progress of the propeller design. As a matter of fact very few Swedes recognize Palmcrantz’s name. In 1880 a brand new factory opened at the site *Karlsvik* in Stockholm. *Aktiebolaget Palmcrantz & Co* manufactured different types of Helge Palmcrantz’s machine guns, out of which the particular Swedish machine gun model of 1875 was one. This article will focus on discussing the guns produced in this facility. Under what circumstances were these weapons produced? Other issue such as the use of the weapons in battles and conflicts is also discussed.

A prototype of the Palmcrantz machine gun was displayed in the rebuilt and reopened permanent exhibition at the Army Museum in Stockholm in 2014. This project was inspired by a lack of knowledge about the newly displayed object. It felt quite unsatisfying having an item on display without a sufficient back ground history. My research has developed into a book project and the main aim is to examine this deadly weapon, its prototype and tell the socio-political history of a Swedish machine gun. I will further plot the effort of how Swedish inventors and entrepreneurs in

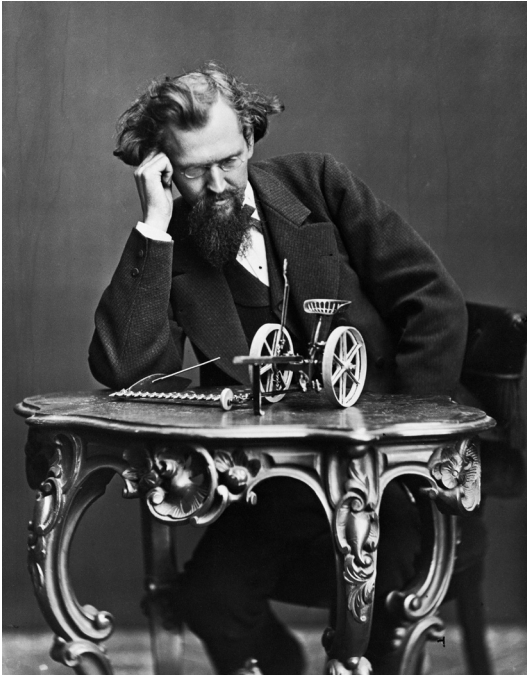

Illustration 1: Copyright Stockholm City Museum

the late 1800s manufactured and sold this exquisite machine gun. In the conclusion of this article I will elaborate on the question whether the machine gun of the 1870s was indeed the start of Sweden's modern era of arms trade. The sources are based on archive documents, Army museum collection and newspaper articles.

The inventor of the Swedish machine gun was a young Swedish civil engineer born in 1842, Helge Palmcrantz, who from 1877 successfully cooperated with

the more famous entrepreneur and inventor Thorsten Nordenfelt, also a Swede but stationed in London. His company "The Nordenfelt Guns & Ammunition Co Ltd" had its office right next to one of his greatest rivals Benjamin Hotchkiss, inventor of the famous machine guns produced later on in France. It must have been challenging having a competitor just next door. Also the Stockholm factory owner Theodor Winborg was an important person in the beginning. He took Palmcrantz under his wings and both believed an invested in the young engineer's ideas. Palmcrantz married Winborg's sister Susanna in 1874. All at once the two professionals became brothers in law.

Palmcrantz & Co 1880

In the Stockholm factory at *Karlsvik*, one of the largest manufacturing facilities in the Sweden, 321 workers produced machine guns and mowers, another of his inventions.¹ Originally the factory started as a weaving

Illustration 2: Copyright National Museum of Science and Technology, Stockholm

millbut reopened with Palmcrantz himself as the foreman and Winborg owner of the new weapon factory.

A small railway led to the small dock by the water where the guns and products could be shipped to other parts of the country. As an example the guns were sent from Stockholm to Gothenburg before they were sent off to London. The workers had modern equipment and worked between 7 a.m. and 7 p.m. The work was heavy and the noise from the machines was loud. Close to the facilities were houses with small gardens for the workers. The neat surroundings were very uncommon in that sense; especially since most parts of the rest of the city were dirty and poor. Some of the employees later on developed their own ideas, such as Rudolf Kjellman who also produced a machine gun in 1910, although automatic.

Helge Palmcrantz made several prototypes out of which two are preserved in the Army Museum collections in Stockholm. One of them, a machine gun with 10 barrels centred on its axis from 1872, is on display at the museum's second floor.²

The gun was inspired by an American machine gun from the previous decade. The Gatling Gun was invented in the 1860s, introduced during the American Civil War and was quite similar to Palmcrantz's early prototype. What was new was the increased efficiency and performance of the

Illustration 3: Photo: Army Museum, Stockholm, AM 36705

Palmrantz weapon. The prototype was hand operated with a crank and firing around 300 rounds per minute. The gun was an experimental version probably trialled in Norway in October 1872 by the Swedish-Norwegian Artillery Commission.³ Norway was forced into a union with Sweden in 1814 and consequently had a joint commission in artillery matters until the union dissolved in 1905. In this test Palmcrantz competed with Ludvig Nobel. Ludvig was the brother of the Swedish dynamite inventor Alfred Nobel, who also developed machine guns in Saint Petersburg. The Ludvig Nobel gun did not stand the trials which Palmcrantz won and could continue with his development of the machine gun. Some of the Nobel machine guns are on the other hand still on display at the National Museum of Military History in Sofia.

The ten barreled Swedish machine gun

One year later Palmcrantz patented the Swedish Machine Gun model of 1875 with ten barrels positioned in a flat row side by side. In shooting trials it competed with some of the world's greatest machine guns at the time. It was one of the most advanced when it came to getting as much firepower as possible out of multi-barrelled guns. This model was Sweden's first adopted machine gun and it was hand operated with a lever. It was sometimes called a volley gun because of the multi barrelled hand operated construction and some might disagree in calling it a machine gun. In those days these weapons were often called mitraille uses, originally a French term. Mitraille had the same meaning as grapeshot.

Illustration 4: Copyright Army Museum, Stockholm, AM 36748

The model of 1875 was a part of the defence at Swedish fortresses as position artillery to prevent enemies attacking from the moats. A few of the guns were also positioned on ships of the Swedish navy. If no interruptions occurred it fired over 400 rounds per minute, quite unusual at the time. In a certain British trial in 1882 it fired 3 000 rounds in three minutes and three seconds without interruptions.⁴

The main problem in using machine guns during these years was both to decide in what situations the weapons should be used and also how to make them function during hard circumstances, without malfunctions and devastating interruptions in battle. The machine guns were introduced both in the 1860's American Civil War and also during the later Franco-Prussian War without any major instant progress in the development of warfare. The guns proved themselves efficient in battle much later. Due to the domestic trials the Swedish army did not purchase many of the

1875 weapons. In total they ordered around 20 of them but still was a bit uncertain of how and where to use the new invention.⁵ The machine gun on the other hand interested other great powers such as France and Great Britain. There was still no major interest in the US directly after the American Civil War. Europe was the expanding market, probably depending on imperialistic goals shown in an example later.

Nordenfelt's letters

Thorsten Nordenfelt and Helge Palmcrantz corresponded frequently during their period of co-operation. Until now I have studied 120 letters written by Nordenfelt in London and sent to Palmcrantz in Stockholm from late 1870s.

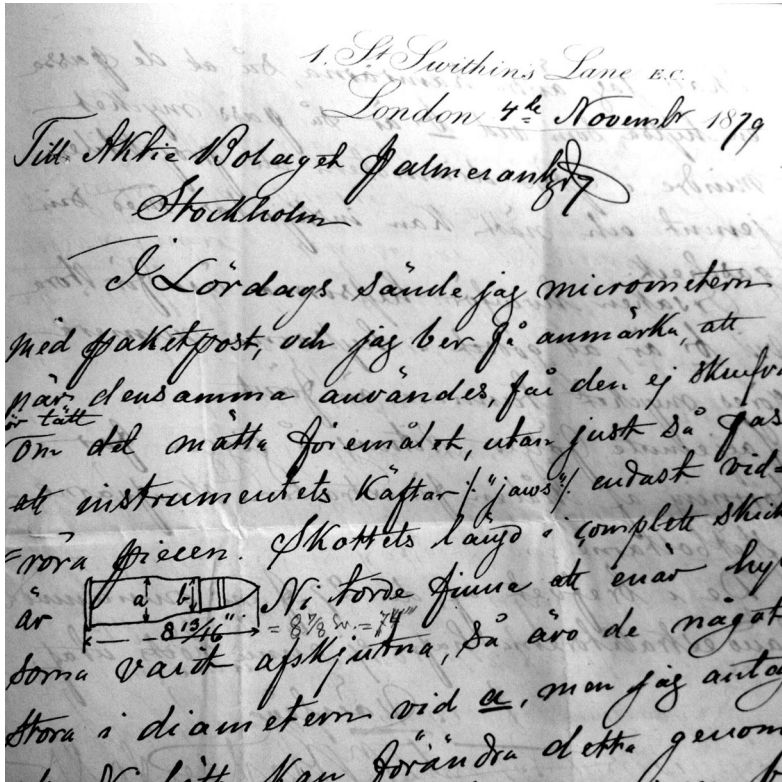

Illustration 5: Copyright National Museum of Science and Technology, Stockholm

All are archived at the National Museum of Science and Technology in Stockholm. Unfortunately we can only see what Nordenfelt wrote to Palmcrantz and not the other way around. The whereabouts of Palmcrantz's letters are still unknown. However Nordenfelt obviously answers to a set of invisible questions and gives Palmcrantz input on how to improve the inventions. In another example Nordenfelt sent barrels and other manufacturing parts to Stockholm where the machine guns were put together. The Nordenfelt letters demonstrate that the development of the machine guns was a co-operation between the two and not only a work of Palmcrantz's genius mind. In most articles and literature about these particular machine guns, authors usually call them "The Nordenfelt gun" and tend to forget Palmcrantz's fundamental contributions. According to the letters Nordenfelt also had many ideas of how to elaborate a better product. In some letters he is very angry with Palmcrantz and argues that he focuses too much on managing the Factory and spends too little time as a developer of new magnificent inventions.⁶ Nordenfelt further described shooting trials in different places in Europe, sometimes taking place after a lunch along with a glass of champagne. He travelled to distant locations promoting Palmcrantz's machine guns. In the trials bullets clattered for endless hours, sometimes with insignificant and expensive results. The writer showed in expletives what he thought of the lingering British machine gun orders. Nordenfelt also wrote about occasions like when he was giving his coat to the now old competitor Gatling during a very cold day on the damp test site. It seemed to be important for him to give the impression of being a gentleman after all.

Death of an engineer

We sometimes tend to forget that there are people who have constructed and built these horrible weapons. What do we know about them? Palmcrantz was not only a gun or mower constructor; he also designed other things like a calculator for subtraction, heating systems for hospitals, bridges and musical instruments. To my surprise I also found over thousands of pages of poetry in the archives written by Palmcrantz. He loved music and cared for his workers. Suddenly something very unexpectedly happened short after the huge factory in Stockholm just had opened. Only half a year later Helge Palmcrantz got ill. He suffered from major problems with inflammatory bowel disease and was in bed for almost a week after that and then, he died only 38 years old on November 22 in 1880.⁷ This of course led to serious challenges for the factory. The engineering

industry was left without its creative force all at once. According to one of his fellow engineers Gustaf de Laval, Sweden had lost a brilliant mind and a person who gave the nation hope for the future.⁸ This makes one consider the machine gun as an excellent device for creating a Swedish national spirit.

4-barreled machine gun

After the death of Helge Palmcrantz, Nordenfelt was the selling promoter of the machine gun products and he also bought the factory in 1886 and changed the name to Stockholms Vapenfabrik. A hand operated 4-barrelled machine gun in calibre 25,4 mm was sold to other countries, especially the United Kingdom and was also adopted in Italy. In 1884 it was estimated that the United Kingdom had 565 Palmcrantz/Nordenfelt machine guns in its navy.⁹ These guns were not only products of the Stockholm factory but they were also partly produced in the Nordenfelt facilities in Enfield outside of London. Barrels were sent from London to Stockholm and the rest of the machine gun was moulded and completed. It was not only first of all the armies that were interested in the machine gun product. The new and fast torpedo boats were perfect targets for this efficient weapon. The 4-barreled machine gun 25,4 mm bullet was hard and of solid steel that could penetrate the hull of the vessels. In the Army museum collections in Stockholm we have an example of how steel plates look like after having been penetrated by steel bullets. More countries were interested in this piece of new weapon. Even Sweden's long term archenemy Russia bought the machine guns in 1878 and later on also Turkey. In old photographs one can see how Admiral Mehmed Pasha of the Ottoman Empire is posing beside his multiple-barreled Nordenfelt machine gun.

Submarine armament

Nordenfelt also constructed Sweden's first submarine and the second one was built in the UK and later sold to the Ottoman Empire. The machinery of the first submarine was actually built at Palmcrantz & Co in 1883 and the rest of the vessel was itself manufactured at Bolinders factory just a couple of hundred meters from there.

The second Nordenfelt submarine was equipped with a smaller 2-barrelled Nordenfelt machine gun. In this picture from 1887 from Istanbul, also the machine gun can be seen on the top of the submarine "Abdül Hamid". The 2-barreled machine gun differed in type of mechanism from

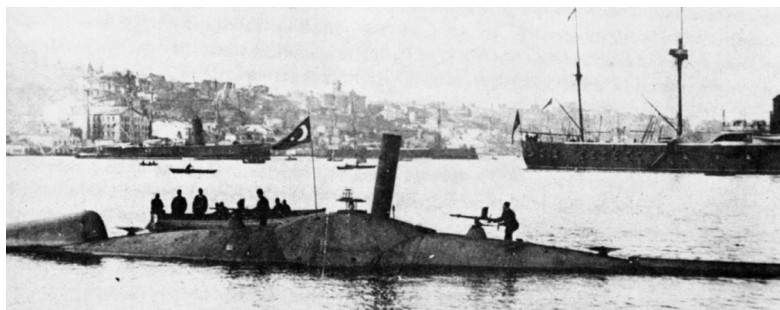

Illustration 6: [Public domain], via Wikimedia Commons

the other Palmcrantz machine guns but on the other hand had the similar design and calibre.

Nordenfält in 1888 went further into the gun business and fused his company with the famous automatic machine gun inventor Hiram Maxim. Nordenfält was soon to be outmanoeuvred from the company and fired in 1890. He later returned to Sweden and lived his last years in relative poverty compared to the luxurious life he had lived earlier in London. He died in 1920.¹⁰ One of his former employees declared that during his years in the United Kingdom Nordenfält was called “The little king of London”.¹¹

The production

How many machine guns did Palmcrantz & Co manufacture in total? We have no certain figures in detail. One of the most important documents found at the National Museum of Science and Technology stated that in 1886 the company produced 423 machine guns and 700 mowers in total. That gave total sales numbers of 1,3 million SEK (134 000 euros). However, already within a decade the 10-barreled Swedish machine gun was driven out of competition by other machine guns. The particular Swedish Machine Gun was out of production already in 1886.¹²

During this specific era the Swedish arms trade changed in structure. In the 1850s it was based on selling mainly ammunition, cannons, mortars and bombs. In the 1880s this changed rapidly to export small arms and in 1884 it stood for 83 % of the weapons export from Sweden.¹³ Palmcrantz’s inventions were a part of this change and process. This was a restart of Swedish arms trade concerning selling small arms.

We are now going to take a closer look at some of the battles in which the Palmcrantz machine gun was of importance especially for Imperial colonial powers of the late 19th century.

Illustration 7: Copyright Army Museum, Stockholm

Palmerantz machine guns in battles

After Egyptian riots in Alexandria in 1882 the British Empire answered with violence and in July 11-13 aimed their weapons at the city. Especially the battleship HMS Invincible with its several Palmerantz/Nordenfelt machine guns was of importance in the attacking of the forts of Adda and Mex which were destroyed.¹⁴ As a result to the harsh response the UK could keep Egypt under its influence (and later a formal protectorate) until 1922. In the battle of Shangani in 1893, during the First Matabele war in what now is Zimbabwe, the Palmerantz/Nordenfelt machine guns were used again.

The guns also had a small part in Europe's colonization of Africa in the late 1800's. This effort would most probably have taken much longer time without these guns. The opponents in Ndebele Kingdom just had sticks, spears and old rifles. In this depiction a Nordenfelt gun is mowing down Africans in a devastating battle where the British South Africa Company killed over 1 500 Zulu warriors firstly with their Maxim, but also with the Palmerantz machine guns. Only 4 people on the British side were reported dead.¹⁵ Clearly the history of the machine gun is about immense suffering and blood shed on behalf of those who lost the war.

Illustration 8: Depiction Richard Caton Woodville, Jr. [Public domain], via Wikimedia Commons

Machine gun block and the legacy

In the Swedish context the machine guns were an important part of the manufacturing industry and the local development in a nation slowly rising from poverty. The facilities in Stockholm had a major impact in the local settlement, stretching several hundred meters from what now is a quite busy part of the central city close to the water. In the early 20th century the factory was closed and soon new buildings erased all tracks of past activities. The only memory left from the old gun factory today is the street sign of Kvarteretkulsprutan, Machine gun block. The cultural landscape has today disappeared and fallen into oblivion.

Even so there are still traces of the Palmcrantz machine guns. The guns were used in UK, France, Italy, Spain and Austria-Hungary to mention a few European countries. They are still on display in museums in Australia, the Netherlands, Sudan, Turkey and the USA.

Alfred Nobel's legacy is well known and also his testimony that led to the Nobel Prize. His quite destructive invention, the dynamite, resulted in an effort to promote science for the future of mankind. On Helge Palmcrantz tombstone outside Stockholm we see how he wanted to be remembered and what was his legacy. The Swedish inscription reads "Inventor of the Swedish Machine Gun". It presents a distant echo of a new era in

Sweden's arms trade. And a small trace of his ambitions that were ended at a much too early date.

Conclusion

Most English speaking readers know of the old Swedish machine guns as "The Nordenfelt Gun". Now the inventor Helge Palmcrantz is introduced in the development of the guns. Military arms trade has a long history in Sweden, stretching back to the 17th Century. Without a doubt the Palmcrantz and Nordenfelt machine guns was a boost for the export of Swedish small arms in the late 19th century. Between the years 1875 to 1889 the Palmcrantz & Co/Stockholms Vapenfabrik manufactured weapons valued at 8 636 000 SEK (892 000 euros). The facilities had as much as 321 workers in 1881 and 193 modern machines.¹⁶ Thanks to the recently found documentation from the archives at National Museum of Science and Technology and Royal Institute of Technology (KTH) we can see how many people who worked in this company and in numbers what they produced. As a result of the export we still see the weapons on display at museums worldwide. Not only were they used on test sites but also in battles in for example Matabeleland and against Alexandria. During a few years the Swedish machine guns was one of the most advanced ways of getting as much firepower as possible out of multi-barreled weapons. We must also remember that Sweden was one of the poorest countries in Europe in the late 1800's and nearly one fifth of the population, 1,3 million Swedes immigrated to the United States until the beginning of the 20th century. These inventions were therefore of importance. Not only did they make the engineers rich but more importantly they also gave common people work and self-confidence in a country that many wanted to abandon.

Sources

Royal Institute of Technology Archives, Stockholm
National Museum of Science and Technology Archives, Stockholm
Riksarkivet (RA), Kammarkollegiets Årsberättelser, Serie 4, 1815-1890
Artilleri-Tidskrift, Stockholm 1877
Aftonbladet 1872-11-06
Åbo Posten 1882-07-19

Bibliography

Chinn, George M. *The Machine Gun – History, Evolution and Development of Manual, Automatic, and Airborne Repeating Weapons*, Washington 1951

Ferguson, Niall, *Empire: the rise and demise of the British world order and the lessons for global power*, New York 2004

Longstaff, Major F.V., *The book of the Machine Gun*, London 1917

Svenskt biografiskt lexikon, band 27, Stockholm 1991, band 28, Stockholm 1994

¹ Redogörelse för ett i national ekonomiskt syfte för et a get be sök vid Aktiebolaget Palmcrantz & Co:s verkstad i Karlsvik 1881, MS5a X, Manuscript collection, Royal Institute of Technology Archives.

² Army Museum collection Stockholm, AM 36705.

³ Aftonbladet 1872-11-06.

⁴ George M. Chinn, *The Machine Gun – History, Evolution and Development of Manual, Automatic, and Airborne Repeating Weapons*, Washington 1951, p. 110.

⁵ Verksamheten vid styckebruk, faktorier, artilleriverkstäder m.m. för kronans räkning 1875 och 1876. *Artilleri-Tidskrift* (1877), pp. 47-50, here 47 and 49.

⁶ Volume E1:39 November 1879, Helge Palmcrantz Archives, National Museum of Science and Technology Archives.

⁷ Svenskt biografiskt lexikon, Band 28, Stockholm 1994, p. 595.

⁸ Volume F1:1.04, undated, Letter to Carl Viktor Murén, Thorsten Nordenfelt Archives, National Museum of Science and Technology Archives.

⁹ Major F.V. Longstaff, *The book of the Machine Gun*, London 1917, p. 33.

¹⁰ Svenskt biografiskt lexikon, Band 27, Stockholm 1991, p. 229.

¹¹ Volume F1:1.06. Om Nordenfelts undervattensbåtar, 1924-08-01, Thorsten Nordenfelt Archives, National Museum of Science and Technology Archives.

¹² Volume F1:2, Palmcrantz & Co förår 1886, Helge Palmcrantz Archives, National Museum of Science and Technology Archives.

¹³ Riksarkivet (RA), Kammarkollegiets Årsberättelser, Serie 4, 1881-1884.

¹⁴ Åbo Posten 1882-07-19.

¹⁵ Niall Ferguson, *Empire: the rise and demise of the British world order and the lessons for global power*, New York 2004, p. 188.

¹⁶ Serie MS5a X, Redogörelse för ett be sök vid Stockholms Vapenfabrik 1890, Manuscript collection, Royal Institute of Technology Archives.

А.В. Орлов (Санкт-Петербург)

ЧАСТНАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ И ОБОРОННАЯ ИНДУСТРИЯ РОССИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

РОЛЬ ЧАСТНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ в работе на оборону России не имеет пока ясной и вполне многосторонней оценки. Десятки частных заводов и фабрик оказались вовлечены в работу на оборону Империи. Простой перечень их труда и успехов наталкивает на мысль о сравнении и обобщении их деятельности. Нам известна более или менее работа казенных заводов. Между тем, в то время многократно дебатировался вопрос о частном и казенном в деле государственной обороны и в промышленной политике. Не в теории, а на практике оказались задействованы лучшие предприятия и подавляющее большинство таких, которые не имели до войны опыта и связей с оборонным производством. Этот вопрос слишком важен и заметен, чтобы оставлять его без внимания.

Можно по-разному оценивать общий итог борьбы России в Первой мировой войне 1914–1918 гг. К примеру:

- Россия терпела военные поражения и «устала» от войны;
- Россия не могла продолжать войну из-за политического кризиса и революции;
- Россия проиграла войну в результате экономического краха и «саморазрушения» в промышленном отношении.

В любом из этих случаев встает вопрос о длительности войны как одной из причин общероссийского кризиса и даже краха старой империи. Или, так сказать, что стало решающей причиной фактического бессилия империи продолжать войну: экономический кризис или политический взрыв и крах старого режима? Но и при такой постановке вопроса мы «добираемся» до проблемы военной промышленности, то есть до неизбежности специального рассмотрения и

оценки положения таковой. Насколько Россия была сильна и индустриально способна вести борьбу? Какие перспективы у нее были в этом измерении, не смешивая их с остальными и не игнорируя других факторов?

В довоенное время частная промышленность в планах Военного министерства, а еще точнее говоря, в планах самого же ГАУ занимала скорее вынужденное место. ГАУ особенно не желало зависимости от крупных производителей, таких, например, как Общество Путиловских заводов (ОПЗ). Война изменила все прежние отношения и фактическое положение дел.

Систематизация сведений о частной промышленности лучше всего показывает нам уровень ее исторического понимания в России. Кроме того, мы очень мало и крайне случайно, т. е. поверхностно знаем связь казенных заводов с частными поставщиками и производителями и собственно самих частных производителей между собою. Многие детали мы узнаем, например, из весьма подробных отчетов Центрального военно-промышленного комитета, в которых как раз проблемы частной промышленности выводятся на первый план и многократно цитируются на примерах.

Важно не российский капитализм реабилитировать, а российский труд. Именно труд в его широком понимании и разнообразии. Частный труд на оборону можно уважать не менее труда казенных заводов и верфей. А в некоторых случаях даже более казенного, во-первых, понимая его трудности, во-вторых, признавая эти трудности, а не замалчивая их. Понять российскую частную промышленность и ее положение, а не только интересы, мы должны, и нам придется. Иначе мы не разглядим очень важного и совершенно необходимого в нашей истории.

Вопрос не в том, на мой взгляд, чтобы признать за частной промышленностью что-то новое, когда немало сказано и сегодня о ее роли. Вопрос в том, какова эта роль. Всего лишь противопоставлять частную промышленность казенной в оборонной сфере будет явно ошибочно. И, видимо, так же несправедливо и неверно было бы ставить одну из них выше или ниже другой. Мне представляется важным установить: 1) соотношение той и другой, какое формировалось в России с учетом опыта войны; 2) насколько тогда, в 1914–1917 гг. ведомства и правительство меняли свое отношение и взгляды на частную промышленность, и даже меняли ли; 3) какие выводы делались в отношении казенной военной промышленности, особенно на послевоенную перспективу.

То, что часто совершенно уходит от нашего внимания – это расширение или новое содержание частных заводов, которые уже специализировались в работах на оборону и вступили в войну не как новички, а как предприятия, известные своими прежними отношениями с оборонными ведомствами: Главным артиллерийским управлением (ГАУ) и Главным инженерным управлением (ГИУ, затем ГВТУ). К таковым относятся в первую очередь Новый шрапнельный завод Общества Путиловских заводов (ОПЗ), завод Русского Общества изготовления снарядов и военных припасов (РОИС), Шлиссельбургский завод Русского Общества выделки и продажи пороха, Тульский меднопрокатный и патронный завод, Петроградский механический и литейный (бывший «Вулкан»), завод Общества П.В. Барановского с его строящимся во Владимирской губернии пороховым отделением, новый завод Общества «Сименс и Гальске» в Нижнем Новгороде. Все снарядные частные заводы Петербурга или отделения заводов со снарядной специализацией в 1914–1916 гг. либо расширяют свою деятельность, либо открывают у себя новые производства: гранатное, минное, проволочное, взрывателей, трубчатое (дистанционные трубки), гильзовое. Вообще в производстве боеприпасов частная промышленность абсолютно превосходила казенную, в несколько раз больше выпуская, чем заводы ГАУ, Горного департамента и Морского министерства. Но целый ряд отраслей выходил за пределы казенных производств, оставаясь уделом, а не привилегией именно частной промышленности. Кабельное производство, инженерно-подрывное, телефонно-телеграфное, двигателестроительное, химическое, обозное, изоляционное, ящичное... Metallургия, этот важнейший источник всего артиллерийского производства, в большинстве представляла собой именно частных производителей. Расширение мартеновского производства и производство специальных сплавов и стали сосредотачивалось, как и прежде, до войны, на заводах Юга России (синдикат «Продамета»). Эти же заводы теперь получали особенное значение, потому что их географическое расположение было наиболее рациональным с точки зрения транспортной и стратегической удаленности от театра военных действий. Именно сюда, на Юг (Украину и Донецкий промышленный район) нацеливались в своей деятельности важнейшие казенные и частные производители.

География формирования частной промышленности заметно отличалась от географии казенной военной промышленности, хотя

это различие при первом взгляде мало заметно, именно в оборонной индустрии. Например, Московский промышленный район не имел до войны заметного военно-индустриального значения. Но военное время открывает совершенно неожиданные стороны частной промышленности. Центральный (Московский) промышленный район выдвигается как совершенно новый центр многоотраслевой промышленности именно в связи с перераспределением оборонных отраслей, таких как индустрия боеприпасов, производство взрывчатых веществ, электротехника и приборостроение, автомобилестроение, двигателестроение, авиационная промышленность, инженерное оборудование и обочно-вещевая индустрия.

Для частной промышленности в годы войны решающее значение приобретали именно оборонные заказы, так как они формировали не только производственную деятельность, но и перспективы развития ряда предприятий, в особенности тех, которые были специализированы главным образом на выполнении военных заказов.

Если взять примеры отраслей, хотя бы наиболее необходимых, о которых нет и сегодня вразумительного представления, в сравнении и полноте, мы увидим не только положение оборонных ведомств, но и фактические меры, учреждающие целые отрасли нового в стране промышленного дела.

Автомобилестроение, тракторостроение, двигателестроение. На Петроградской союзной конференции в январе 1917 г. военный министр сообщил, что «до войны автомобильной промышленности в России не существовало, в настоящее же время устраивается 5 заводов, когда все эти заводы будут окончательно готовы, они будут снабжать армию значительным количеством автомобилей»¹. Это заводы Товарищества «Дюфлон, Константинович и К^о», Московского акционерного общества П. Ильина², Русский автомобильный завод П.И. Пузырева в Петрограде³, Товарищество на паях «Московский автомобильный завод» (АМО) Кузнецова и Рябушинских, АО механических передвижений и производств В.А. Лебедева, автомобильный завод в Ярославле, Русско-Балтийский вагонный завод в Москве (автомобильное отделение), завод «Акса́й» в Нахичевани-на-Дону, завод «Русский Рено» в Рыбинске⁴, завод «Сальмсон» в Москве. Названные предприятия являлись производителями как авиамоторов, так и автомобильных двигателей. Крупный машиностроительный завод Товарищества «Гельферих-Саде» в Харькове просил в марте 1916 г. ссуду на 15 лет «для постановки изготовления 80-сильных

тракторов, начиная с лета текущего года»⁵. Завод, по его заявлению, имел «большие связи с Англией и Америкой, облегчающие ему получение машинных частей и материалов из заграницы»⁶. Он изготовлял для ГАУ взрыватели и ручные гранаты, а специализировался на производстве сельскохозяйственных машин и малых нефтяных двигателей.

Главное военно-техническое управление (ГВТУ) лишь намечало построить собственный ведомственный автомобильный завод и завод «военных самоходов» при содействии Британского акционерного общества инженеров Сибири.

Мы видим те же частные предприятия получающими новые авансы (ноябрь 1917 г.) для организации ремонта автомобилей: АО автомобилей «Русский Рено» в Рыбинске и Муроме, «Матиа» в Бердянске, «Акса» в Нахичевани-на-Дону и «Борман, Шведе и К^о» в Александровске⁷. Надо, однако, учитывать, что сдача готовых автомобилей по контрактам, заключенным с заводами, должна была начаться с марта 1917 г., а окончиться к 1 августа 1918 г. Однако и эти сроки едва ли могли быть выдержаны, если учесть огромную потребность в оборудовании новых заводов и организации соответствующей ремонтно-автомобильной базы.

Воздухоплавание. Авиамоторостроение. Приборостроение. Конструкционные материалы. Изготовители аэропланов – заводы АО «Дукс» Ю.А. Меллера, АО воздухоплавания В.А. Лебедева, мастерская Слюсаренко, «Моска», Товарищества С.С. Щетинина, аэропланостроительный завод А. Анатра в Одессе, Крымский аэропланый завод В.Ф. Адамченко, завод Московского АО «П. Ильин».

Первое Российское Товарищество воздухоплавания «С.С. Щетинин и К^о» имело завод в Петрограде и строило аэропланостроительное отделение в Ярославле, кроме того, в Петрограде обозный и артиллерийский отделы¹³. Магнето в авиационных авиадвигателях – исключительно особая специализация, которой были заняты завод Электромеханических сооружений Товарищества бывш. «Дюфлон, Константинович и К^о» в Петрограде и завод компании «Зингер» в Подольске.

Авиационные моторы делали московские заводы: «Товарищество Мотор», «Общество моторов Гном и Рон»⁸. И только в сентябре 1917 г. мы встречаем упоминание о строящемся казенном Херсонском аэроплано- и моторостроительном заводе⁹. При этом недостаток моторов чрезвычайно тормозил всю отрасль в России. На заседании

Особого Совещания по обороне 25 мая 1916 г. начальник ГВТУ генерал-лейтенант Г.Г. Милеант докладывал, что «недостатки авиационной техники проистекают из общей нашей технической отсталости в смысле недостаточности средств производства и нехватки специалистов. Аппаратов у нас достаточно, но в моторах испытывается острая нужда: Ставка требует 3.800 моторов, между тем как оба вновь сооружаемых моторных завода дадут лишь 400 машин, от союзных же государств мы получаем лишь весьма малое число моторов»¹⁰. В отличие от автомобилестроения, авиационной отрасли внимание стало уделяться с еще большим опозданием, лишь с началом 1916 г. Авиационная промышленность России в это время формируется все отчетливее с главным центром в Москве, где концентрируются и производства, и научно-опытная база.

Противохимическая защита производилась на заводах «Противогаз» и «Респиратор» в Петрограде, переданных в ведение Центрального военно-промышленного комитета (ЦВПК) «как наиболее гибкой общественной организации, умеющей поставить дело на должную высоту. Названный комитет блестяще выполнил порученное ему дело – заводы прекрасно оборудованы» исполняли заказы на противогазные маски князя Авилова¹¹. ЦВПК заказал 5 млн штук противогазов (масок Зелинского) заводам «Респиратор» и «Противогаз»; еще 2 млн противогазов Зелинского-Куманта было заказано 5 мая 1917 г. Главному Комитету Всероссийского Земского Союза.

Хозяйственный обоз, телефонные и телеграфные двуколки почти всецело поставлялись частными заводами (Петроградский вагоностроительный завод, АО Русско-Балтийского вагонного завода, Товарищество «Блюменфельд и К^о» в Казани, АО Р.Т. Эльворти в Елисаветграде).

Непромокаемые ткани, резиновые ленты, резиновый раствор поступали от заводов «Богатырь» в Москве, «Треугольник» в Петрограде, «Проводник» и АО «Каучук» в Риге. Поставки резиновых изделий были совершенной монополией частных и очень крупных производителей. Товарищество Российско-Американской резиновой мануфактуры (ТРАМ) «Треугольник» многие годы специализировалось в поставках артиллерийских буферов для артиллерии, перед войной развернуло производство резиновых автомобильных шин, змейковых азростатов, изоляционных проводов и множества продукции по обслуживанию заказов ГАУ, ГВТУ и ГИУ. Стоимость этих заказов, взятая даже выборочно, впечатляет: в фев-

рале 1916 г. фирме «Треугольник» заказано змейковых аэростатов на 2 145 000 руб., в марте 1916 г. дан заказ на пневматические шины (пневматические и сплошные автомобильные, мотоциклетные и самокатные) на срок пять месяцев стоимостью 9 250 000 руб.¹². Заметим что это заказы только одного лишь оборонного ведомства, еще далеко не полного года, и только на эти изделия, хотя их ассортимент был куда разнообразнее (резиновая обувь, шланги, газгольдеры, водолазные костюмы).

ЦВПК взялся оборудовать **подковно-шипные заводы**. Военное министерство конфисковало крупнейший в России машинный подковно-шипный завод Посселя в Петрограде¹⁴.

Понтонно-моторное имущество и судовые моторы заказывались на частных заводах в Финляндии (Абосское железо-мануфактурное общество, Вазауский моторный завод «Сарин и Пальви», Общество «Русенлев» в Бьернеборге, АО «Август Эклев» в Борго, завод «Лахтиноеми и Тайпеле» в Баркаузе, общество Финляндского легкого пароходства. Кроме этих 4 заводов в Финляндии 6 заводов выполняли заказы по данной отрасли в России¹⁵.

Электротехническая промышленность. Секвестированный для ГВТУ электротехнический и механический завод К. Лоренца в Петрограде германского подданного Треплина существенно укрепил производственную базу мастерских Офицерской электротехнической школы¹⁶. И уже совершенно преобладали в электротехнике фирмы «Сименс и Гальске» и «Сименс Шуккерт». Весьма интересна история электроизмерительного завода «Бип» в Петрограде (Соединенные электромеханические заводы измерительных приборов «Бип»)¹⁷. Крупнейшими поставщиками оставались в своей области заводы «Всеобщей Компании электричества» и «Динамо», выстроивший в Москве, кроме того, специальный завод взрывателей. Фирма «Физик-механик и оптик И. Горячев» «впервые установила в России производство аппаратов Цейсса, которые до сего времени выписывались из Германии», – говорилось в заседании Подготовительной комиссии по общим вопросам 24 марта 1916 г.¹⁸. Речь шла о заказе 100 светосигнальных аппаратов Цейсса.

Такая важная и растущая в своем значении отрасль как **средства связи** едва ли не на 80 % оставалась уделом именно частной промышленности. Радиотелеграфия и телефония оказывались в руках частных производителей. АО «Л.М. Эриксон и К^о», электромеханический завод «Н.К. Гейслер», «Сименс и Гальске» (все в Петрограде)

являлись ведущими производителями телефонно-телеграфного имущества, «Всеобщая Русская Компания радиотелеграфа, радиотелефона и электрических измерительных приборов» (основана в июне 1915 г.) поставляла монопольно конденсаторы для электрических запалов к фугасам¹⁹. Полевые и крепостные радиостанции, а также волномеры и приемные переносные станции изготовлял завод Русского Общества беспроволочного телефона и телеграфа (РОБТиТ) и завод «Сименс и Гальске»; последний первым изготовил автомобильную радиостанцию. Радиотелеграфный завод Морского министерства, единственный в отрасли казенный завод, не мог идти в сравнение с этими частными производителями.

Химическая промышленность: компоненты для производства взрывчатых веществ. Отравляющие вещества. Настоящая революция произошла в производстве взрывчатых веществ, точнее, исходных материалов: серной и азотной кислот, бензола, толуола, которые и послужили расширению производства взрывчатых веществ – тротила и тринитротолуола. Огромная заслуга в этом, и едва ли не полная, частных производителей. Заводы Юга России здесь опять-таки сыграли решающую и, так сказать, готовую или «приготовленную» роль, так как потребовали лишь расширения. Для понимания проблемы скажу, что обеспечение фронта взрывчатыми веществами удовлетворялось заводами Империи, в первую очередь, конечно, казенными, лишь на четверть общей потребности, и более половины всех взрывчатых веществ было получено не в России, а приобретено в Америке, на заводах Дюпона. Но можно лишь спросить, что делала бы российская армия без этих срочных и чрезвычайных поставок как внутри России, так и из-за границы? Как вообще можно было продолжать войну, не будь этих усилий и поступлений? Еще в 1915 году, в феврале было отмечено, что не имеет смысла готовить снарядов более того, чем возможно будет их заправить порохом, мелинитом, тротилом. Но как было изменить положение за несколько недель или даже месяцев, если для решения проблемы требовались сроки от полугода до 1,5 лет, и это только для удовлетворения текущей потребности, не считая тех нужд, которые только росли?!

Точно так же можно сказать, что нельзя было обойтись без колес и автомобилей, шин и рессор, телефона и кабеля, минометов и прожекторов, понтонных средств. Армия с одними снарядами без грузовиков и подвоза, без сильной артиллерии и артиллерии подвижной обойтись не могла. За все эти недостатки армия платила только кровью и только позиционной обороной, потому что совершенно лише-

на была возможности перейти к результативной борьбе и глубокому наступлению.

Интересно отметить, что, например, в «Сведения о поставках главнейших предметов» ГАУ в 1917 г. совершенно не входят ни средства связи, ни обоз, ни автотранспорт, ни оптика, хотя бы и в интересах артиллерии, а не инженерного и интендантского ведомств. Мы видим перед собой работу оружейных, патронных, орудийных заводов, арсеналов ГАУ и Морского ведомства и Горного департамента, совсем выборочно – снаряжательных заводов. Но ведь отчеты ГАУ и обзоры этого управления служат на сегодня главными документальными свидетельствами работы военной промышленности Империи в 1914–1917 гг., на которых основываются и работы, и даже взгляды отечественных историков, столь редких у нас в области именно истории промышленности, а не истории оружия. Но обратим внимание на количественный показатель даже в этом весьма ограниченном источнике. 58 частных производителей против 23 казенных. И при этом одна Организация генерал-лейтенанта С.Н. Ванкова объединяла свыше 300 снарядных заводов и изготовителей снарядных частей и взрывателей, хотя в ведомостях ГАУ она числится как одна единица производства. К частным производителям фактически отнесен и Путиловский завод.²⁰ Распределение заказов между казенными и частными заводами говорит вполне в пользу заметно большей нагрузки частных заводов в количественном отношении, пусть это еще и не означало, что частные заводы более успевали в сравнении с казенными. Но это же свидетельствует о совершенной недостаточности казенных производителей, загруженных до предела и не успевающих в выполнении своих заданий. Снарядная индустрия более, чем какая-либо другая в это время иллюстрирует совершенно недостаточное положение казенных производителей, не говоря уже о производстве стали, цветных металлов и механических средств, таких как штампование, производство взрывателей, снаряжение и массовое производство снарядных корпусов. В производстве артиллерийских орудий один только Путиловский завод, временно секвестрированный, давал их большую часть, в особенности тяжелой артиллерии. ГАУ чрезвычайно остро нуждалось в заводах по производству снарядов крупных калибров, 48-лин. гаубичных, 6-дм, 8-дм, 42-лин. И в этом деле расчеты ведомства падали на новые заводы, как, например: АО Северо-Западных металлургических, механических и судостроительных заводов, бывш. «Беккера и К^о» в Таганроге, Русско-Балтий-

ский, Богословского горного общества, Лысьвенский графа Шувалова, Исетский Н.Ф и С.Ф. Злоказовых на Урале, а также на традиционные Брянский, Путиловский, Русского Общества изготовления снарядов, Сормовский, Г.А. Лесснера («Пермские механические заводы»), Петроградский механический и литейный. Новой специальностью с начала 1916 г. для многих частных заводов становится производство мин и бомб для минометов и бомбометов. Назывались в числе крупных: машиностроительный завод «Айваз», изготовляющий первым из заводов в России головные ударные трубки 13 Г. М. З.; АО гильзовых, трубочных и механических заводов – производитель щитобойных (бронебойных) пуль, АО «Русский Мотор», производитель минных корпусов по заказам ГУК Морского министерства, толуоловые заводы в Баку Русского АО «Нефтегаз» и Бакинского ВПК, заводы «Сименс-Шукерт» и «Айваз» в Петрограде и завод Русского АО «Динамо» в Москве, работающие по заказам на взрыватели 3 Г. Т., Московская электротехническая фабрика по заказам на капсульные втулки, Московский трубочный завод Л.А. Михельсона на поставку головных ударных трубок образца 1915 г.²¹. Ударные детонаторные трубки по заказам Организации генерал-майора С.Н. Ванкова исполнялись московскими заводами «Ф. Гакенталь» (арматурный), «Зингер» (производитель швейных машин), «Ф. Швабе» (оптико-приборостроение)²². Сравнительно крупным производителем 47-мм мин Лихонина было АО «Перун», о котором сообщалось «в виду важности его для нужд обороны»²³. Совершенно особое значение для Морского министерства имел такой производитель пироксилина и пороха, как Шлиссельбургский пороховой завод Русского Общества для выделки и продажи пороха, который перерабатывал пироксилин, толуол и поставлял пикриновую кислоту. Или взять, например, план Морского ведомства (Совет управления делами казенных заводов Морского министерства) занять под гильзовое производство территорию и средства Паратовского завода Бенуа, на Волге близ Казани. Туда же планировалось перевезти и гильзовый отдел казенного Ижорского завода²⁴. Точно так же оптическая мастерская Обуховского завода должна была перебазироваться на территорию секвестрированного Царицынского оружейного завода, из Петрограда в Царицын.

Приобретение такого завода, как «Томас Фирт» в Риге, который скорее под предлогом эвакуации был куплен в целях казенных заводов, также говорит об острой потребности специальных заводов

в продукции, которая совершенно или почти совершенно не могла быть удовлетворена средствами казны. Завод «Томас Фирт» выпускал инструментальную сталь и напильники (оборудование распределено на заводы Пермский, Златоустовский и Ижевский оружейный), кроме того, бронебойные снаряды в интересах флота.

В приборостроении более всего неясности, так как систематизированных и осмысленных исследований в этом направлении у нас в историографии так и не появилось. Приходится апеллировать к единичным и разрозненным примерам. В Петрограде выпуск тахометров наладила у себя фирма «Производство точных измерительных приборов, инженеров Грюна и Каплана»²⁵.

Из Варшавы были эвакуировано оборудование крупных проволочных заводов. Эвакуация проходила в основном в Москву и Екатеринослав. Эти заводы были, вероятно, наиболее сильными в России, судя по отношению к ним ГВТУ и частных производителей. Но кроме передачи такого оборудования в руки ЦВПК, Екатеринославского ВПК и еще нескольких заводов, это же оборудование проектировалось использовать для «организации казенной проволочно-тянульной мастерской»²⁶.

Канатное производство в интересах ГВТУ и Морского ведомства было сосредоточено на крупнейшем частном заводе в Петрограде – Товариществе канатной фабрики «И. Гот», а также Невской канатной фабрике.

Когда возражают или могут возразить, что частные заводы получали со стороны ведомств множество нареканий за нарушение всяких сроков поставок, и их реальный вклад не может соответствовать объему заказанных предметов, то не замечают, во-первых, невозможность опираться на одни казенные заводы из-за недостатка их мощности; во-вторых, то обстоятельство, которое в действительности и тормозило выполнение заказов в подавляющем большинстве случаев, а именно: недостаток материалов, оборудования, топлива и даже рабочей силы, не говоря уже о дефиците квалифицированных специалистов и рабочих. Вопрос об эвакуации промышленности и разгрузке Петрограда также не был гипотетическим и постоянно «висел» над правительством и ведомствами. Но успех эвакуации зависел от готовых или близких к готовности производственных площадок внутри России, в глубине страны. Наконец, немалое значение имел секвестр (временное отчуждение) ведомствами в своих интересах готовых частных производителей,

особо ценных или давно себя зарекомендовавших как стратегически важные .

Мы назвали далеко не всех производителей из числа частных предприятий, но перечислили некоторые и наиболее заметные.

Очень характерными, на наш взгляд, являются суждения представителей промышленных и ученых кругов о положении химической индустрии Империи. Вот, например, учредители «Русского Акционерного Общества возрождения химико-фармацевтических производств» в России 13 июля 1915 г. сообщали военному министру: «Произведенные нами со своими сотрудниками работы и обследования показали, что более чем на 70 % всей отрасли химико-фармацевтической промышленности и торговли в нашем отечестве находится в немецких руках или руках их сообщников»²⁷. При всем сказанном, другой автор, надворный советник В.П. Крымов в письме 20 июля 1915 г. тому же министру сообщал: «Упущен год войны. Упущено, к сожалению, два месяца разговоров, но дальше, казалось бы, нельзя ждать ни минуты. Деньги на это должны быть прежде всего»²⁸. Речь шла о постановке массового производства бензола и толуола из каменноугольных смол, а также из бензина и нефти, о постройке новых заводов для производства серной и азотной кислоты и расширении имеющихся. Весь этот промышленный подвиг лег в основном и преимущественно на плечи множества частных заводов. Только теперь, с середины 1915 г. в России получила развитие отрасль, которая, по сути, спасала ее от позорного разгрома и тяжелейшей зависимости от одних только союзных поставок из Америки и Британии. Организаторы «Русского общества постройки и эксплуатации коксовальных заводов» подсчитали, что для реализации программы понадобится строительство 1600 рекуперационных печей для улавливания смолы и аммиака, строительство которых не может быть закончено ранее лета 1917 г., не говоря о финансовых затратах²⁹. Стоимость такого строительства определялась в 40 млн руб. и требовала подключения к финансированию главнейших коммерческих банков страны как дополнительных гарантов успеха. Но при всем этом подчеркивалось, что «вести постройку возможно лишь при финансовом воспособлении казны». Собрание Химического отдела ЦВПК (на заседании 2 июля 1915 г.) пришло к выводу, что «новые печи возможно оканчивать и пускать в ход, начиная с середины 1917 года и кончая серединой

1918 года. Срок постройки бензоловой фабрики при готовых печах с рекуперацией 6–8 месяцев»³⁰.

Например, серную кислоту на декабрь 1916 г. производил 41 завод, но только 2 из них были казенными³¹; азотную кислоту – 39 заводов, из них казенных 3. При этом многие частные заводы по своей мощности часто заметно превосходили казенные. Производство жидкого хлора (удушливые вещества) взяли на себя заводы «Электрон» в Славянске и «Любимов и Сольвэ» в Лисичанске (Юг России, Украина)³². Крупнейший производитель – фирма «Павел Беккель» приняла заказ на поставку хлоро-сернистого углерода и смеси хлористого мышьяка и синильной кислоты. При этом «Ливенгофское Общество» брало на себя изготовление сернистого углерода, а Общество «Перун» – приготовление цианистого натрия, исходных материалов для производства фирмы «Павел Беккель», которая, кроме того, «принимает на себя устройство мастерских для наполнения снарядов, бомб и баллонов»³³. Эти удушливые средства поступали для наполнения снарядов и бомб Дюмезиля. К этим же поставкам ГАУ подключало Российское Акционерное Общество химической промышленности в 1914 г.

В отношении недостающих предметов снабжения армии и фронта мы можем задать таким вопросом: могла ли частная промышленность, раз она была достаточно многоотраслевой, в сравнении с казенной, удовлетворить нужды военного времени, без того, чтобы прибегать оборонным ведомствам (ГАУ и ГВТУ в особенности) к огромным, поистине фантастическим заграничным заказам?

Весьма бросается в глаза, что заграничные заказы получили столь ненормально значительное место. Но остается невыясненным вопрос: почему давали за границу столь обширные и значительные заказы? По каким причинам отказывали предложениям внутри страны, и со стороны частной промышленности в первую и даже в главную очередь?

Можно утверждать, отвечая на этот вопрос, так: во-первых, ГАУ хорошо понимало или было в этом слишком уверено, что никакая частная промышленность в России не сумеет выполнить сверх уже полученного и распределенного, во-вторых, заграничные заказы давались в таких объемах, какие предопределяли ожидания Военного министерства и его планы. В-третьих, и всегда, это фактор времени, фактор спешности.

До войны многие годы экономически, и в промышленном отношении более всего, Россия оставалась глубоко зависимой от иност-

ранной продукции во множестве отраслей, начиная от металлургии и станкостроения и кончая самым широким ассортиментом приборостроения, точного оборудования, компонентов производства в химии и специальных отраслях или подотраслях. Совершенно естественно, что такое положение нельзя было изменить ни в один год, ни в два, ни даже более лет. Но это было только одной стороной проблемы.

Вторая оказывалась не менее сложной и чувствительной – финансирование.

Наконец, третья, тесно связанная с двумя первыми: способность развернуть в короткие (сверхкороткие, в условиях военного времени) сроки массовое производство в таких размерах, чтобы оно способно было хотя бы в более чем половинном объеме (условно говоря), удовлетворять тот огромный вообще и крайне колебательный спрос на промышленные изделия военной специфики.

Снарядная индустрия демонстрирует нам соотношение производств. 3-дм шрапнели изготовлялись на 6 казенных и 13 частных заводах. Сдали с января по май 1917 г. включительно: частные заводы – 2 459 985 шрапнелей, казенные – 891 024. 3-дм гранат горных и полевых при общей потребности с 1 января по 1 мая 1917 г. 6 860 000 снарядов было изготовлено заводами за этот период 2 656 636 шт. (19 частных заводов без Организации Ванкова), Организацией Ванкова – 3 100 559 шт., казенными заводами (Адмиралтейским, Балтийским, Пермским) – 233 191 шт.³⁴

Из отчета Центрального военно-промышленного комитета (ЦВПК) за первые полгода его деятельности (вторая половина 1915 г и начало 1916 г.) мы узнаем важные детали. «В первые месяцы войны, – говорится в отчете, – на предложения ряда заводов поставлять те или иные предметы боевого снабжения, Ведомства во многих случаях отвечали отказом, ибо им были нужны предметы немедленно, а не через полгода и год. И то, что легко было выполнить в начале войны, т. е. начать оборудование новых заводов, пришлось исполнять много спустя, когда заграничные рынки были частью уже использованы нашими союзниками и врагами, а с другой стороны, начались затруднения с транспортом и недостатком сырых материалов внутри страны, а некоторых и за границей.

У нас до сих пор не дают себе отчета, что промышленное предприятие нельзя создать и переоборудовать ни в месяц, ни в два. Из-за этого непонимания вытекал ряд нападков на русскую промышленность, на ее отсталость и приверженность к казенным и заграничным заказам.

Необходимо было в корне бороться против этих неправильных посылок, ибо только при планомерных заказах, рассчитанных на много вперед, возможно получить правильные результаты»³⁵. Отмечается, между прочим, 25 февраля 1916 г. «представителям Центрального Комитета пришлось в целом ряде выступлений развивать и обосновывать значение частной промышленности в деле обороны страны. Вступая в войну, мы имели сравнительно довольно значительные запасы, но совершенно не имели промышленности, которая могла бы восстанавливать истраченное. В этом отношении мы шли по пути, диаметрально противоположному нашим противникам»³⁶. Значит ли это, что такую «промышленность» надо было создавать теперь? Ответ очевиден, да. Далее в отчете, вполне напоминающем и аналитическую записку, говорится: «Казенная промышленность всегда была и будет приспособленной к исполнению определенных предметов, **а техника борьбы требует подвижности, изобретательности и легкости расширения, которой не может быть у казенной промышленности.** С этой точки зрения центр тяжести обороны должен лежать в частной промышленности, и если нельзя возражать против казенных заводов для некоторых предметов, наиболее важных в обороне, то следует озаботиться о насаждении производства тех же предметов производства частной промышленностью. **Для обеспечения обороны необходимо планомерно насаждать частную промышленность как в мирное, так и в военное время»**³⁷.

Дело, однако, заключало в себе далеко не одну сторону теории. Если мы только взглянем на отраслевой характер развития оборонной индустрии Империи, мы поймем, насколько важна проблема. И здесь мы сразу столкнемся с целым набором вопросов, которые в совокупности своей глубоко и кардинально меняют многие устоявшиеся представления и о военной промышленности, как мы ее традиционно понимаем, и о возможностях самой же экономики России. Речь, подчеркну лишь, идет вовсе не об «обеспечении» или «снабжении» фронта и армии средствами обороны, а о сфере производства, промышленности и ее работе. Широко известна роль едва ли не одного лишь Путиловского завода, пережившего еще и секвестр, и только в отдельных и весьма разрозненных случаях мы можем судить о вкладе многих и разных частных производителей в дело производства средств обороны страны. Известно также, что внушительной была роль частной промышленности наравне с казенной в военном судостроении всех классов судов, в области снарядного

производства для армии и флота, а также в отраслях связи, автомобилестроения и воздухоплавания.

Обратим внимание на то, какие вообще отрасли производства были признаны стратегически особо ценными. В июле 1917 г. Особое Совещание по обороне решало круг «заводов и фабрик, кои будут Особым Совещанием по обороне отнесены к разряду исключительно важных. Действие этих правил распространяется на следующие категории предприятий: 1) заводы, изготовляющие аэропланы, авиационные двигатели и принадлежности авиационного имущества; 2) заводы, изготовляющие, применяющие и хранящие взрывчатые вещества и порох, а равно и снаряжательные заводы и склады; 3) заводы, изготовляющие противогазные респираторы»³⁸.

Для такого времени, каким была мировая война для России, требовалась полная и тотальная мобилизация средств и ресурсов, а для промышленности – военно-промышленная мобилизация. Эта мобилизация стала труднейшей политической и экономической проблемой. Ее надо было решать в комплексе, и с учетом возможностей казенной промышленности, и, еще более, с расчетом на частную индустрию, которая была гораздо шире и многоплановее казенного сектора производства. С одной стороны, ГАУ понимало, что чудес не будет, что частная промышленность потребует больших затрат, и совершенно не известно, сумеют ли эти затраты себя оправдать в смысле отдачи, т. е. роста производства в таких объемах, какие требовались. Не менее важна была и срочность производства. С этой точки зрения можно понять мотивы ГАУ, не желавшего слишком поощрять частную промышленность, не готовую ни к каким действиям для ближайшего результата. Для ГАУ как ответственного учреждения необходимо было максимально загрузить казенные заводы и дать широкие заказы за границу, для выполнения недостающих «заготовлений». Что оно и сделало, например, силами Особой Распорядительной Комиссии по артиллерийской части (ОРКАЧ). И видно из переписки, насколько ОРКАЧ была озабочена усилением казенных заводов. В то же время ОРКАЧ действовала под влиянием компетенции и взглядов членов Арткома. Не было речи о промышленной мобилизации в ее широком смысле, не было и органа, озабоченного широкой постановкой вопроса. Почему? Потому, что до тех пор, пока русская армия наступала на Восточном фронте и пока имела успех, можно было и строить расчет на «естественный ход» принятых решений. Тем более, что ГАУ было самым прочным образом убеж-

дено в необходимости заграничных заказов как политики решения недостающего. Но эту же политику можно назвать не «близорукой», а политикой необходимости. Иначе говоря, оценка частной промышленности была не столько позитивной и перспективной, сколько отрицательной в смысле необходимости ее «развития с нуля». В обстановке мая и лета 1915 г., когда русская армия начала Великое отступление, частная промышленность приобрела новый вес и обсуждение. Кризис вооружений открылся со всей его неприглядностью и стал вопросом политического обсуждения и даже общественного разбирательства. Можно сказать, что именно политическая и общественно-политическая обстановка дала толчок переменам, которые, правда, назревали и помимо того.

Известный план А.А. Маниковского, выдвинутый летом 1916 г., план широкого казенного заводостроительства, показывает нам старую тенденцию в новых условиях в политике в области военно-промышленного строительства. А именно – «насаждать» ведомственные казенные заводы, замещая ими зависимость от частной промышленности, которая предлагала однородные услуги. Но и до этого плана тенденция укрупнять и усиливать казенные заводы как вынужденная мера совершенно очевидна. Для казенной промышленности это означало только одно: усилить ее за счет оборудования незадействованной частной. Поэтому ГАУ и не было заинтересовано в развертывании новой частной промышленности для обороны. Во-первых, по мнению ГАУ, ни к чему «не готовой» промышленности, во-вторых, выступающей конкурентом для казенной в случае дачи ей заказов. Нам надо признать эту борьбу как борьбу не только за оборудование, но и за оборонные заказы, как форму финансирования промышленности, той или другой ее принадлежности.

Можно сказать, что проблема российской промышленности была отнюдь не в длительности войны, которая непредсказуемо затянулась, а поэтому «изнурила» Россию. Проблема эта была гораздо глубже и больнее: она была в слабости заводов и промышленности страны. И эта слабость и попытки ее преодоления являются решающим вопросом нашего внимания и изучения.

С другой стороны, означает ли, что общее поражение России в 1917 г. было результатом ошибок и просчетов в военно-промышленной мобилизации страны в первый и самый перспективный период с сентября 1914 по май 1915 г.? Можно ведь расценивать именно этот период как время «упущенных возможностей». И, казалось бы,

такой взгляд не может быть сомнительным. Лишь с одной оговоркой. Складывается совершенно отчетливое впечатление, что и ГАУ, и военное министерство в целом не были тогда в состоянии оценить надвигающуюся катастрофу (снарядную, в первую очередь). Или же, напротив, очень даже понимали серьезность и опасность положения, но не могли ничего предложить сверхординарного, чтобы хотя бы приступить к капитальным переменам.

Чем можно объяснить такие совершенно противоположные проявления? На наш взгляд, тем, что надеялись на военную конъюнктуру и время, что Германия и ее союзники выдохнутся или, наконец, будут сломлены. На этом фоне ожидалось и планировалось, что Россия сумеет накопить необходимые средства для борьбы, решающей исход войны. Но совершенно очевидно было и то, что в условиях всеобщих недостатков в вооружении и техническом обеспечении армии в военном министерстве не могли и мечтать о стратегической инициативе и активности, пока не выдохнется главный противник – Германия.

Отраслевой характер развития военной промышленности для России совсем не однороден, исходя из двух соотношений: 1) сложность производства и технологическая емкость; 2) участие казенных производителей в тех отраслях, которые являлись и наиболее гражданскими в своей основной продукции (кожевенное производство, перевозочные средства, вспомогательные средства, ремонт и обслуживание, химическое производство, общая металлургия, транспортное машиностроение, приборостроение, инженерное дело, судоремонт и судовое оборудование). Например, такая отрасль, как автомобилестроение, авторемонт и автотехобслуживание. Куда отнести такую категорию производства, в сугубо гражданскую или военную и гражданскую? Как классифицировать такое двойственное положение? Тем более в годы войны, когда грань между гражданской продукцией и военной сильно стерлась.

Мы можем привести примеры именно такого отраслевого соотношения. Причем отраслей, относимых не к второстепенным, а к стратегическим. Например, моторостроение (авиационное и автомобильное), воздухоплавание, проволочное производство, средства военной связи, станкостроение, корабельное оснащение и бытовое обустройство судов, обозное имущество. Но, кроме того, производство снарядных взрывателей, снарядов крупных калибров, технической резины, ламповое, гильзовое, бомбометов, мин, серной и азотной кислоты, взрывчатых веществ, подрывного имущества, ка-

бельных проводников, пулеметных станков и щитов, колес, понтонного имущества, изоляционных материалов и пр. Металлургия, и в частности производство цветных металлов (медь, цинк, латунь, бронза, свинец, алюминий, сурьма), развивались частной инициативой. Все огромные и разнообразные интендантские поставки, санитарные принадлежности и организация фронтового обслуживания были предметом общественного содействия и частной инициативы. Казна оплачивала эти потоки снабжения и обслуживания, но вовсе не казенные предприятия и силы создавали и организовывали названные производства и обслуживание. Естественно вставал вопрос: раз казна не берется за такое производство, оставляя его за частными производителями, то необходимость финансирования подобных отраслей встает наравне по крайней мере с казенными заводами, если даже не в первую очередь, в зависимости от изменившихся потребностей фронта и ведомств. И в этом отношении Военному министерству и ГАУ приходилось самим просить перед ОСОГ новые кредиты и распределять заказы в пользу частных производителей.

Сырьевая недостаточность российской промышленности в таких вопросах, как специальные чугуны (ферросплавы) и стали, а также в цветных металлах (алюминий, цинк в слитках, латунь, олово в прутках, мельхиор и свинец), имела еще одну сторону промышленной слабости. Малосортность российской металлургии для специальных целей давала себя знать в разного рода дефицитах металлопродукции. Вот сортамент наиболее требуемой стали, подлежащей заказам за границей: сталь инструментальная, сталь листовая, проволочная, хромо-никелевая, рессорная, быстрорежущая, белопружинная, сталь серебрянка³⁹. В марте 1916 г. заседание Подготовительной Комиссии по общим вопросам специально обсуждало вопрос о положении частной промышленности в связи с нехваткой металлов и заграничного снабжения для металлообрабатывающих заводов. Положение было признано близким к критическому, особенно в отношении снабжения заграничными металлами, поставок «красного и белого», т. е. меди и, кроме того, свинца⁴⁰. Показателем недостатка специальной стали может служить и производство стальных касок для солдат. Этим производством было занято в России 19 частных заводов, без участия казенных⁴¹. Весьма большой интерес в этой связи представляет записка правления Невьянского Горнопромышленного Общества (на Урале) в мае 1916 г. с предложением открыть в России этим обще-

ством «завод инструментальной квалифицированной, специальных качеств, сортовой стали для инструментов и фасонных отливок такой мощности, чтобы позволить нашему государству совершенно отказать от заказов за границей... в каком бы количестве это ни понадобилось»⁴². При этом предприятие сообщало в Особое Совещание и Морское министерство о высокой степени готовности к организации и оборудованию подобного завода. Перечисленные в записке специальности сообщают нам о действительных дефицитах заводского дела в Империи: завод предлагал установить производство сортов инструментальной, хромовой, хромоникелевой, вольфрамовой, марганцевой стали, а также готовые изделия из таковой (метчики, плашки, фрезера, сверла, развертки, фасонные и нормальные резцы, центральные инструменты оправки, резцодержатели, проверочный инструмент, а равно и отливки из специальной стали). Интересно отметить и то, что «все оборудование» для вновь строящегося завода Невьянское общество «выбрало и купило на лучших американских и английских заводах («Герберт», «Гарвин», «Акмэ», «Праг и Витней», «Цинциннати», «Чемпион Браун и Шарпи» и других)»⁴³.

Война совершенно по-иному поставила вопрос о географическом перераспределении военной промышленности в империи. Это было связано далеко не только с тем, что угроза Петрограду с его огромными оборонными заводами заставляла искать выход в новой промышленной географии. «Проблема Петрограда» корнями уходила в довоенные годы и вообще имела длинную историю. Существование вопроса заключалось в необходимости промышленной разгрузки столицы от переизобилия стратегически важных отраслей специальной артиллерийской промышленности. Частной петроградской промышленности это касалось не менее, чем казенных заводов ГАУ, однако перебазирование столь большого количества крупных предприятий, персонала и рабочих вызывало огромные трудности и затраты. Тем более в условиях военного времени. Кроме того, проблема ставилась теперь неизмеримо шире: эвакуация на новые места заводов Варшавы, Риги, Ревеля, эвакуация предприятий в Москву, на Юг (Украину), Донбасс и в Поволжье (Самара, Саратов), а также на север страны (Рыбинск). Это означало новое формирование военной промышленности, причем и новое географическое размещение ряда казенных заводов, намечаемых к строительству и обоснованных соображениями как довоенными, так и опытом войны. И для казенной, и для частной промышленности вопрос нового размещения затрагивал

государственное финансирование. Такие проблемы нельзя и невозможно было решить ни в краткие сроки войны, ни одними только переездами и новой организацией отдельных отраслей. Помимо фактора времени требовалась целая разработанная программа мер и долгосрочной политики, а ее не было. Хаос войны для России заключался в том, что ведомства и вся страна жили ожиданием конца этой войны. Можно сказать, что для военного руководства было важно «продержаться», продержаться и удержать фронт войны до ее окончания. Это, конечно, подразумевало обеспечение фронта и армии, но лишь в пределах оборонительной войны, которая только и мыслилась после катастрофы мая 1915 г.

Подводя итоги, можем сказать, что развитие военной промышленности в России в годы войны претерпело очень значительные перемены. Частная промышленность демонстрировала и в России общую с другими европейскими странами тенденцию к росту и повышение удельного веса. Как и в странах Западной Европы, в России росли тенденции к появлению своих Круппов и Веккерсов. Кардинальное отличие, однако, заключалось в том, что в правящих и военных кругах отношение к частной промышленности едва ли менялось, оно оставалось прежним и вполне негативным.

Очевидно, это противоречие между ведомствами военными: ГАУ, ГВТУ и Морским министерством (ГУК), с одной стороны, и Министерством финансов и Государственным Контролем, которые не желали поощрять рост частной промышленности из соображений, вообще далеких от вопросов оборонной индустрии. Эта чисто «финансовая политика», конечно, входила в противоречие с военно-промышленной и даже общегосударственной экономической потребностью. Но было ли вполне обоснованно и безупречно настаивать именно на таком подходе к военно-промышленному строительству, какой исповедовали контролирующие бюджетные ведомства, всеми силами пытаясь урезать статьи оборонных расходов? Ведь в конечном счете от этого курса страдали не только интересы «дела обороны», но и возникали другого рода последствия. Оборонным ведомствам так или иначе приходилось составлять собственную программу удовлетворения нужд, которая должна была опираться на такую производственную базу, как отечественные предприятия, за неимением которых приходилось проектировать строительство казенных специализированных заводов.

Понятно, конечно, чего добивались контролирующие ведомства, сдерживая всеми силами «дополнительное» финансирование. Они

подталкивали решение вопроса к привлечению опять же частного капитала, и иностранного в первую очередь. Это и было продолжение по сути старой довоенной политики в области военной промышленности. При таком образе мышления невозможно было уверенно планировать новое и изменить прежнюю политику. При всем этом военные условия уже в 1915 г. диктовали необходимость и неизбежность пересмотра общей политики в области военно-промышленного строительства, не только в связи с собственным же опытом, но и глядя на противника – Германию и союзников России по Антанте.

Проблема массового производства и необходимость расширения внутреннего производства вели, однако, к постановке таких задач промышленной политики оборонных ведомств, которые неизбежно ставили вопрос о соотношении казенного и частного, размерах отраслевых производств и поддержании такого объема оборонного производства в мирные годы, которое было бы достаточно для сравнительно быстрого увеличения во время войны.

Недостаток иностранной валюты, большие сложности на пути реализации заказов за границей, длительность выполнения крупных иностранных заказов и, конечно, переплаты по ним, как считалось ведомствами, побуждали снова и снова обращаться к принципиальному вопросу, каким способом и в какие сроки выстраивать промышленную базу.

Необходимость планирования не только в области военного производства, но и в самой области военно-промышленного строительства выяснилась во всей величине. Но и промышленная политика в целом требовала теперь планирования в ряде отраслей, сопряженных с военным потреблением и военной индустрией. Иначе говоря, опыт Первой мировой войны неизбежно требовал и для России новых решений, которые объединялись бы понятием военно-промышленный комплекс.

Опыт мировой войны подталкивал оборонные, да и другие ведомства к пониманию и таких требований, как неизбежность новых форм взаимодействия и взаимоотношений казенной и частной промышленности, учреждения особого межведомственного постоянно-го органа, задачи которого касались бы рассмотрения и координации промышленной политики в интересах обороны и оборонной индустрии.

Невозможно было понимать интересы казны как сугубо бюджетно-финансовые. Промышленность и финансовая политика должны

были исходить из интересов защиты, обороны, а не только задач бюджетного накопления и бюджетного равновесия.

Проблема военно-промышленной мобилизации в России должна быть исследована и осмыслена именно через призму этого соотношения: казенное и частное. Однако, оба эти явления экономической жизни и строительства невозможно рассматривать изолированно, без связи и взаимозависимости в такое время, когда вопрос ставился о будущем целой страны и будущем народа и народов России.

¹ РГИА. Ф. 1525. Оп. 1. Д. 120. Л. 105.

² Архив ВИМАИВиВС. Ф. 13. Оп. 87/1. Д. 50. Л. 80–81.

³ Там же. Л. 84.

⁴ Там же. Д. 83. Л. 7.

⁵ Там же. Д. 52. Л. 110–112.

⁶ Там же. Л. 111.

⁷ Журналы Особого совещания по обороне государства (далее – Журналы ОСОГ). М., 1980. 8 ноября 1917 г. – 16 марта 1918 г. Т. I. С. 31.

⁸ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 13. Оп. 87/1. Д. 51. Л. 49 об. – 51, 53 об. – 55.

⁹ Журналы ОСОГ. 1917. М., 1979. Т. IV. С. 795.

¹⁰ Журналы ОСОГ. 1916. М., 1977. Т. II. № 74. 25 мая. С. 304.

¹¹ Журналы ОСОГ. 1917. М., 1979. Т. IV. С. 744, 783.

¹² Архив ВИМАИВиВС. Ф. 13. Оп. 87/1. Д. 50. Л. 118 об. – 120, 122–123.

¹³ Там же. Л. 44 об. – 45.

¹⁴ Там же. Л. 43 – 43 об., 79–80.

¹⁵ Там же. Д. 52. Л. 75 об. – 78.

¹⁶ Там же. Л. 83 об. – 85.

¹⁷ Там же. Л. 126–126 об.

¹⁸ Там же. Д. 50. Л. 93–94.

¹⁹ Там же. Д. 51. Л. 46–47.

²⁰ Там же. Д. 191. Л. 18–23.

²¹ Журналы ОСОГ. М., 1980. 8 ноября 1917 г. – 16 марта 1918 г. Т. I. С. 12, 20, 25–26, 39, 44, 46, 47, 89.

²² Там же. 1917. М., 1979. Т. IV. С. 786.

²³ Там же. С. 727.

²⁴ Там же. С. 741–742.

²⁵ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 13. Оп. 87/1. Д. 50. Л. 84; Д. 51. Л. 43 об. – 44 об.

²⁶ Там же. Д. 50. Л. 84; Д. 51. Л. 43 об.

²⁷ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 13. Оп. 87/2. Д. 11. Л. 77.

²⁸ Там же. Л. 64 об.

²⁹ Там же. Л. 81 об., 83 об.

³⁰ Там же. Л. 94.

³¹ Там же. Оп. 87/1. Д. 150. Л. 17 об. – 18, 24–25.

³² Там же. Оп. 87/2. Д. 11. Л. 23 об.

³³ Там же. Л. 30, 34 об.

³⁴ Там же. Оп. 87/1. Д. 150. Л. 14, 26 об. – 28.

³⁵ Там же. Д. 138. Л. 114.

³⁶ Там же. Л. 113 об. – 114.

³⁷ Там же. Л. 115.

³⁸ Журналы ОСОГ. 1916 г. М., 1978. Т. III. С. 587.

³⁹ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 13. Оп. 87/5. Д. 17. Л. 58 об. – 59.

⁴⁰ Там же. Оп. 87/1. Д. 51. Л. 77–78.

⁴¹ Карabanов И. История русского шлема. М.: Принтлето, 2016. С. 86, 87, 94.

⁴² Архив ВИМАИВиВС. Ф. 13. Оп. 87/2. Д. 42. Л. 21–29 об.

⁴³ Там же. Л. 23.

М.В. Оськин (Тула)

КОНЬ – ОРУЖИЕ КАВАЛЕРИСТА: РЕМОНТ КОНСКОГО СОСТАВА РУССКОЙ АРМИИ В ПЕРИОД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (1914–1917)

КНАЧАЛУ Первой мировой войны 1914–1918 гг. кавалерия считалась одним из трех основных видов Вооруженных сил, наряду с артиллерией и пехотой. Невзирая на падение роли конницы в ходе военных действий, русская кавалерия все-таки насчитывала в своих рядах десятки тысяч человек и, следовательно, должна была получать на свое вооружение главное оружие кавалериста – лошадь. Помимо того, сотни тысяч лошадей требовались для нужд артиллерии и пехоты, тыловых подразделений и обозов, офицерского состава и команд разведчиков, и проч.

Соответственно, количество лошадей в русской армии было неизменно велико, и не столько даже в коннице, сколько в обозах и тылах. Справка военного министра от 14 августа 1916 г. сообщает, что к 1 апреля 1914 г. в армии состояло 172 588 лошадей, а к 1 января 1916 г. – без Кавказской армии и гарнизонов тыла – 1 476 210¹. Десятикратное увеличение конского состава армии требовало своего постоянного пополнения, причем в зависимости от назначения, так как лошади в кавалерии, артиллерии и обозах – это не одно и то же. Всего за время Первой мировой войны через Вооруженные силы прошло не менее 5 млн лошадей, причем у населения было изъято около 30 % лошадей, пригодных для армии².

Все вопросы комплектования и пополнения армии лошадьми были сконцентрированы в Управлении по ремонту армии. Начальником этого управления в начале войны состоял генерал от кавалерии Николай Александрович Винтулов. Под ремонтированием подразумевается способ комплектования конского состава армии покупкой лошадей по средней рыночной цене. В мирное время за-

**Ил. 1. Генерал от кавалерии
Н.А. Винтулов**

купка лошадей производилась армейскими ремонтными комиссиями, которые сдавали их в запасные кавалерийские полки. И уже отсюда лошади после года обучения сдавались в ряды действующих полков, где их также какое-то время приучали к военной деятельности. Система ремонта в мирное время заключалась в следующем: ремонтная комиссия покупала лошадь возрастом 3,5 года. Эта лошадь шла в запасной кавалерийский полк, где в течение года воспитывалась и обучалась. На пятом году жизни она поступала в регулярный полк. Через год лошадь проходила экзамен, после чего окончательно отправлялась в строй. При этом в год перед экзаменом

нельзя было ставить лошадь в строй и посылать на учения с аллюрами, чтобы дать ей возможность втянуться в ту работу, что связана с деятельностью кавалерии.

Основная часть лошадей для ремонта поступала от конских заводов и конюшен. Для мирного времени этого хватало, однако государственных конезаводов в России было мало, а из частных государственная помощь оказывалась лишь донским заводам. Вдобавок, эти последние лошади, как правило, шли в казачьи подразделения – казачьи полки в регулярных кавалерийских дивизиях и казачьи дивизии. Анализируя положение дел в этой сфере, участник войны – кавалерист резюмирует, что в основном «пополнение лошадьми производилось за счет покупки лошадей у мелких коннозаводчиков ремонтными комиссиями. Эти лошади в целом были удовлетвори-

тельного качества, но оставляли все же желать много лучшего. Поэтому коневодство в России до 1914 года нельзя рассматривать как хорошо поставленное и установившееся»³. Таким образом, в военный период комплектование войск конским составом должно было столкнуться с затруднениями.

Во время войны лошади в годовой ремонт действующей армии направлялись на основании положений Военного Совета от 21 августа 1914 г., 28 мая 1915 г. и 2 июня 1916 г. Лошади ремонтного возраста – от 3,5 до 5 лет, а старше 5 лет (до 15) – полнолетние. В срочный ремонт армии покупали 3,5-летних лошадей летом, так как зимой и весной покупка была затруднительна; они должны были достигнуть 4-летнего возраста, дабы поступать в войска⁴. Лошади из ремонта передавались в действующие части после 1 июля следующего за покупкой года. Подготовка к передаче начиналась с 1 июня, и окончательное назначение времени передачи этих лошадей в действующие части устанавливалось начальником Управления по ремонту армии по сношению с подлежащими штабами округов.

Срок службы лошади составлял 10 лет, но освежение соединений было необходимо, так как в военное время пополнение убыли в конском составе войсковых частей производилось преимущественно полнолетними лошадьми, часто уже много проработавшими, что

Ил. 2. Кормежка лошади

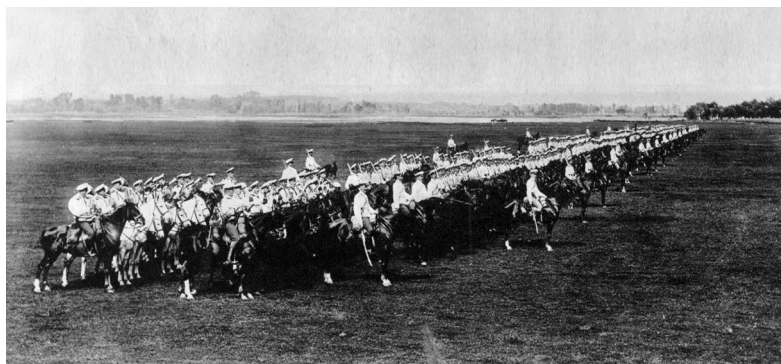
Ил. 3. Полковая конюшня

создавало накопление в частях лошадей старших возрастов. Поэтому покупка молодых лошадей от 3,5 лет в годовой ремонт должна быть своевременной, чем и занималось Управление по ремонту конского состава армии. Приобретаемые в срочную годовую потребность молодые ремонтные лошади поступали в действующие части после предварительной годовой выдержки. Следовательно, если ежегодно не будет покупаться срочный ремонт, то войска не могли бы получить ремонтных лошадей для освежения конского состава ни в том, ни в последующем году⁵.

Комплектование войск лошадьми, согласно законодательству, производилось поставкой животных от населения по военно-конской повинности, а также «собственным попечением пехотных частей по свидетельствам, выдаваемым начальниками дивизий, на отпускаемые от казны ремонтные цены». По соглашению Главного управления Генерального штаба (ГУГШ) и Управления по ремонту конского состава армии, помимо того, производилась покупка лошадей в годовой ремонт, требовалось, «чтобы годичная выдержка ремонтных лошадей кавалерии и артиллерии была произведена в запасных кавалерийских частях и особых пунктах для сосредоточения и выдержки артиллерийских ремонтных лошадей для маршевых пополнений кавалерии и артиллерии»⁶. В целом, во время войны покупка ремонтными комиссиями лошадей в годовой ремонт велась «без определенных планов», ремонтные комиссии по соглашению с коннозаводчиками

покупали лошадей в кратчайшие сроки⁷. В пункты лошадей или на покупные пункты являлись солдаты из определенной части, которым и передавались предназначенные им лошади из ремонта. В случае если кондиционных лошадей не хватало для поставки в армию по тому или иному узду, где проходил набор согласно военно-конской повинности, покупка решалась большинством голосов местной ремонтной комиссии⁸.

Наилучших лошадей для комплектования должна была получать, конечно, кавалерия. «Положение о частях кавалерийского запаса» (приказ по военному ведомству № 229 1901 г.) указывало, что в военное время при кавалерийских соединениях формируются маршевые эскадроны – 66 единиц, назначаемые для пополнения убыли людей и лошадей в действующих полках: «означенные эскадроны формируются по особому штату по расчету двух маршевых эскадронов при каждом эскадроне запасного кавалерийского полка. Сверх того, при каждом запасном эскадроне положено иметь 135 строевых и 45 нестроевых нижних чинов на случай формирования третьих маршевых эскадронов и для усиления построики обмундирования». С объявлением мобилизации началось формирование первых и вторых маршевых эскадронов, причем первые почти сразу пошли на фронт. Уже к 13 августа 1914 г., ввиду больших потерь, встала необходимость высылки на фронт вторых маршевых эскадронов. То есть, в конце августа 1914 г., дабы не оставить кавалерию без кадров, надо было формировать третьи маршевые эскадроны⁹. По данным Военного министерства, всего было сформировано 141 отделение конского запаса с

Ил. 4. Конный строй

64 тыс. лошадей, в том числе 22 отделения (7 050 лошадей) в районе действующей армии¹⁰.

При мобилизации деятельность ремонтных комиссий была временно приостановлена, и все лошади для первых, вторых и третьих маршевых эскадронов кавалерии и отделений конского запаса принимались от населения по военно-конской повинности. В связи с их малой компетентностью и большой убылью лошадей на фронте постановления Военного Совета от 21 августа, 30 октября и 20 ноября 1914 г. на Управление по ремонту армии была возложена покупка лошадей при посредстве ремонтных комиссий – не только в годовой ремонт кавалерии и артиллерии, но и сверх того – как ремонтного возраста от 3,5 до 5 лет, так и полнолетних от 5 до 15 лет по сроку 1914 года.

По заключению Винтулова, лошади 4-х и 5-х маршевых эскадронов в целом были хороши, но «сильно выделяются в худшую сторону лошади, принятые от населения по военно-конской повинности и оставленные по тем или иным причинам от предшествующих маршевых пополнений»¹¹. 5 ноября 1914 г. генерал Винтулов сообщал в Ставку: «Для обеспечения надлежащим конским составом третьих маршевых эскадронов, укомплектовываемых лошадьми по военно-конской повинности, приняты меры. Четвертые и пятые маршевые эскадроны Гвардии и армейских полков предположено обеспечить лошадьми покупкой при посредстве ремонтных комиссий взамен поставки по повинности»¹². Таким образом, осенью 1914 г. пополнение убыли и замена больных лошадей в кавалерийских полках действующей армии производилась из маршевых эскадронов, в свою очередь пополняемых поставкой лошадей от населения по военно-конской повинности.

Высочайшее повеление от 9 августа 1914 г. возлагало на Государственное коннозаводство, возглавляемое князем Николаем Борисовичем Щербатовым, «работу по рассортированию конского состава отделений конского запаса, сформированных на территории империи»¹³. О деятельности коннозаводства в этом отношении говорит телеграмма ГУГШ в Ставку Верховного командования от 15 августа 1914 г.: «дабы поднять качественный состав вторых маршевых эскадронов, по соглашению Военного министерства с Государственным коннозаводством чины последнего командированы на пункты отделений конского запаса внутри империи, где отберут лучших лошадей верхового сорта и направят их в запасные полки взамен выде-

ляемых из последних лошадей, непригодных для службы в кавалерии»¹⁴. Вдобавок, 21 августа Военный Совет разрешил купить сверх годового ремонта еще 50 % годового ремонта (4 тыс. голов) из числа лошадей, почему-либо не взятых в мобилизацию¹⁵.

11 сентября 1914 г. императором Николаем II были утверждены Правила о деятельности чинов Государственного коннозаводства в отношении конских запасов армии: «На Главное управление государственного коннозаводства возлагается ныне наблюдение за деятельностью отделений конского запаса в отношении пополнения их лошадьми и их содержания, и предложения мер, необходимых для упорядочения действий сих отделений». Проехав по фронтам, 28 сентября Щербатов рапортовал, что «теперь по всем фронтам не хватает лошадей едва ли менее 100 тыс. Пополнить это огромное число спешно можно только по военно-конской повинности». При этом следовало «парализовать коренной недостаток военно-конской повинности – принятие лошадей в войска часто негодных для службы». Щербатов предлагал три меры: платная реквизиция лошадей на театре войны; поставка по военно-конской повинности в Европейской России; закупка в Финляндии, Средней Азии и Сибири¹⁶.

В конце 1914 г. на Управление по ремонту армии была возложена покупка, при посредстве ремонтных комиссий, 31 505 лошадей для формирующихся при частях кавалерийского запаса 4-х и 5-х маршевых эскадронов; в 1915 г. для этой цели было закуплено 20 338 лошадей. К февралю 1915 г. от большинства запасных кавалерийских полков уже были отправлены третьи маршевые эскадроны и ожидалась подготовка к отправке четвертых эскадронов, у которых уже были проблемы с экипировкой (нехватка седел), а пятые эскадроны должны были вообще получить японские седла¹⁷.

Согласно решениям Военного Совета, в 1915 г. управление должно было закупить 30 тыс. лошадей для 6-х, 7-х и 8-х маршевых эскадронов, 771 лошадь для формирующихся 6-х, 7-х и 8-х команд Приморского драгунского полка и Осетинского конного дивизиона, 770 лошадей для развертывания отделения запаса Осетинского конного дивизиона в запасный эскадрон, 6 891 лошадь для вновь сформированных трех запасных эскадронов 9-го запасного кавалерийского полка с тремя маршевыми эскадронами при каждом из них, и 3 тыс. маршевых кавалерийских лошадей в потребность армий фронтов¹⁸ возрастом от 4 до 12 лет.

Ил. 5. Лейб-казаки

Ремонтные комиссии 1915 г. – Варшавская, Киевская, Одесская, Полтавская, Харьковская, Воронежская, Пензенская, Кавказская, Астраханская, Оренбургская, Западно-Задонская, Восточно-Задонская, Пермская, дополнительная Ногайская и Западносибирская¹⁹. Их деятельность была несколько облегчена тем, что в связи с отступлением русской армии из западных регионов были эвакуированы такие ведомства Государственного коннозаводства как Яновский государственный конский завод, Виленская земская конюшня, Каменец-Подольская заводская конюшня, Киевская и Лифляндская заводские конюшни²⁰.

Всего в 1915 г. Управлением по ремонту армии было куплено 61 146 лошадей + 14 595 в срочный годовой ремонт 1915 года²¹. Казалось бы, что почти 76 тыс. голов – это сравнительно немного при 1,5-миллионной численности лошадей на фронте. Однако большая часть фронтowych лошадей – это состав обозов и пехоты, для чего брались обычные крестьянские лошадки. Ведомство генерала Винтулова должно было найти для кавалерии и артиллерии лошадей получше, что стало нелегкой задачей. В ведомстве констатировали: «время войны, с почти непрерывными поставками населением ло-

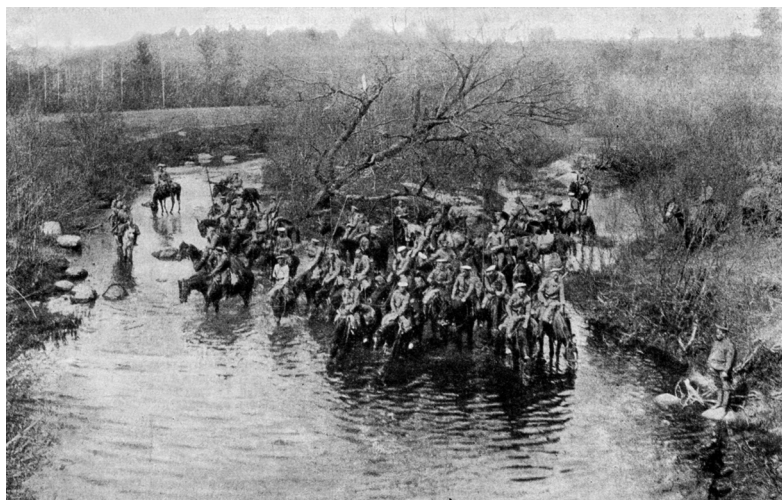
шадей то по военно-конской повинности, то по реквизиции и, наконец, продажей по вольной цене, должно сильно отразиться на коневодстве империи, благодаря выбытию большого количества маток с мелких незарегистрированных заводов, дававших много ремонтных лошадей, а на юге России и вследствие ликвидации хозяйств немецких колонистов, являвшихся в районах Харьковской и Одесской комиссий постоянными сдатчиками ремонтных лошадей в эти комиссии»²².

Если задача пополнения конским составом конницы решалась пусть и с затруднениями, но все же достаточно успешно, то поиск лошадей для артиллерии был более труден, особенно для тяжелых батарей, количество которых постоянно увеличивалось. В 1915 г. все запасные артиллерийские части включали в себя около 6 тыс. лошадей, из числа коих пополнялась убыль в конском составе действующей артиллерии. Однако, этого хватало лишь на два месяца, а потом требовалось новое пополнение²³. Наиболее крепкие и пригодные для тяжелой артиллерии лошади направлялись в 1-ю (Москва), 2-ю (Казань), 3-ю (Самару) запасные артиллерийские бригады и 1-й (Серпухов) и 2-й (Алатырь) запасные мортирные артиллерийские дивизионы. В 1916 г. для тяжелой артиллерии необходимо было закупить 29,9 тыс. лошадей²⁴.

На пунктах артиллерийского ремонта в 1914 г. лошади должны были только выдерживаться, то есть их подводили к надлежащей для фронта физической готовности. Однако в 1915 г. была поставлена новая задача – предназначенные для передачи в войска летом 1916 г. лошади должны быть вдобавок выезжены и втянуты «в предстоящую им усиленную работу». Для этого выделялись лошади старше 4 лет, а из них – «вполне сложившиеся и развившиеся»; остальные подлежали дополнительной выдержке в ремонте²⁵. Инструкция начальникам пунктов для сосредоточения и выдержки ремонтных артиллерийских лошадей была разослана 22 октября 1915 г. О выдержке лошадей указывалось, что они должны быть: «а). вполне приучены, усмирены и приучены к уборке, расчистке копыт, ковке, седловке и обамуничиванию; б). спокойно стоять на месте при влезании и седлании; в). двигаться под всадниками шагом и рысью; г). не бояться шума и местных предметов. Все лошади, за время пребывания на пунктах, должны быть приведены в полный порядок, и все жеребцы должны быть кастрированы немедленно по прибытии на пункт». Цель выдержки – «не только сбережение лошадей, но укрепление и развитие

их природных сил. Средствами для этого служит как качество и количество фуража, так и движение, чистый воздух и свет». Задачи выезда и втягивания в работу делили артиллерийских лошадей на два типа – верховые и упряжные. Относительно первых говорилось, что «следует постепенно приучать ходить под всадником и втягивать их в работу путем проездов на воздухе по грунтовым дорогам, производя таковые если не ежедневно, то непременно через день. При этом надлежит пользоваться всяким случаем для приучения лошадей к шуму, музыке, барабанному бою, стрельбе и проч.». Упряжных лошадей следовало «не только приучить к уносной орудийной запряжке, но систематично втянуть в работу; кроме того, все они должны быть приучены ходить под всадниками шагом и рысью. Для этого следует, как только период усмирения лошадей и приучения их к всаднику закончится, немедленно переходить к работе в четверочной запряжке сначала на плацу, а потом по грунтовым дорогам по местности при непреходящем условии тяги соответственного груза». Если зарядных ящиков для тренировок не имеется, то лошадей следует «запрягать в телеги, накладывая в них соответственный по тяжести груз камней или песку... два раза в неделю все упряжные лошади должны работать под седлом». Подлежали устранению такие недочеты как «дурное содержание копыт, поздняя кастрация жеребцов, отеки ног от недостатка движения, путаница в ведении описей на лошадей и бирок на них, неудовлетворительные недоузки, недостаточная привычка лошади к человеку даже на выводках»²⁶.

К осени 1915 г. было сформировано 57 отделений общего конского запаса, в том числе 23 – в Московском военном округе, 14 – в Казанском, 5 – в Омском, 10 – в Иркутском, 5 – в Туркестанском округе с общим содержанием в 22,8 тыс. лошадей. Армия же требовала 20 тыс. лошадей в месяц, а потому Управление по ремонту армии ходатайствовало о расширении количества отделений до 114 на 46,6 тыс. голов²⁷. Согласно Положению Военного Совета от 1 сентября 1915 г. в Московском, Казанском, Омском, Иркутском и Туркестанском военных округах были сформированы новые отделения общего конского запаса. К началу 1916 г. насчитывалось 75 отделений на 30 тыс. лошадей по 400 животных каждое. Назначение: «независимо лошадей, высылаемых из запасных кавалерийских частей для укомплектования конницы, подготавливать для действующей армии необходимый конский состав»²⁸. Однако и этого числа оказалось недостаточно.

Ил. 6. Эскадрон на водопое

7 апреля 1916 г. ГУГШ внесло представление в Военный Совет о том, что существующие 75 отделений общего конского запаса могут ежемесячно отправлять на фронт только 12 тыс. лошадей, что не может удовлетворить потребности, так как на 1 марта 1916 г. в армии состоит 1 420 тыс. лошадей. Нужны новые отделения и увеличение существующих, чтобы всего стало 85 отделений по 400 лошадей и 15 на 600 лошадей, общей численностью животных в 37 тыс. голов²⁹. Соответственно, увеличилось и количество ремонтных комиссий, закупавших лошадей для ремонта армии. В 1916 г. они делились на постоянно действующие: Варшавская (после эвакуации располагалась в Тирасполе), Киевская, Одесская, Полтавская, Харьковская, Воронежская, Пензенская, Кавказская (Пятигорск), Астраханская, Оренбургская, Казанская, Владимирская, Западно-Сибирская (Томск) и дополнительные: 1-я (Иркутск), 2-я (Семипалатинск), 3-я (Ташкент), 5-я (Тула), 6-я (Моршанск), 7-я (Елец), 8-я (Тамбов), 9-я (Моршанск), 10-я (Екатеринослав), 11-я (Брянск)³⁰.

Помимо закупки лошадей собственно для войск в 1916 г. ремонтные комиссии должны были закупить 14 703 лошади в годовой ремонт кавалерии и артиллерии. Депеша Управления по ремонту армии военному министру от 31 мая 1916 г. рекомендовала, в связи с перегруженностью инфраструктуры, покупать лошадей как

и в 1915 г., то есть «без определенных планов, предоставив ремонтным комиссиям использовать намеченные ими покупные пункты по соглашению с коннозаводчиками, в кратчайшие сроки, какие будут признаны возможными»³¹. Теперь уже невозможно стало соблюдать принцип насыщения разных полков кавалерийских дивизий лошадьми разной масти. Так, офицер 14-й кавалерийской дивизии, а в будущем – Маршал Советского Союза Б.М. Шапошников вспоминал: «по кавалерийским преданиям и приметам, самой крепкой породой были гнедые кони, затем шли рыжие, слабыми считались серые и караковые. Так было и у нас. Самый лучший конский состав был в 14-м уланском полку, а самый слабый – в гусарском. Казаки имели преимущественно гнедых дончаков»³². В 1916 г. такой принцип оставался только для гвардейской конницы, но и то, ввиду недостатка лошадей вороной, караковой и серой масти для гвардии, предлагалось покупать таких лошадей в возрасте 3,5 года.

6 июня 1916 г. начальник Управления по ремонту армии генерал Н.А. Винтулов разослал указания председателям ремонтных комиссий:

« – Для нужд действующей армии в самом непродолжительном времени начнут спешно формироваться в большом числе совершенно новые артиллерийские части. Укомплектование этих частей конским составом решено производить покупкой при посредстве ремонтных комиссий, и потому последним надлежит принять все зависящие от них меры к тому, чтобы покупка требующихся верховых и упряжных артиллерийских лошадей велась непрерывно и самым энергичным образом, и ни в коем случае не задерживала бы окончательных очередных формирований частей, кои будут снабжены материальной частью артиллерии и прочим положенным имуществом.

– Лошадей предполагается принимать в возрасте от 4 до 12 лет и, при особых достоинствах, ростом от двух аршин... для названных частей совершенно не должны приобретаться лошади, удовлетворяющие требованиям службе лишь в обозе... было бы желательно покупать лошадей с недоуздом и поводом.

– Из общего числа купленных упряжных лошадей Вами должны направляться: а). наиболее рослые и подходящие к полутяжеловозному сорту в частях тяжелой и мортирной артиллерии; б). плотного склада, с прочными ногами и спиной и с невысокой, правильно образованной холкой – в горные части. Причем рост их должен быть: для конно-горных от 2 до 3 вершков, а для горных – от 2 аршин до

2 аршин 1 ½ вершков; в). все прочие упряжные лошади – в частях конной и легкой артиллерии»³³.

Нехватка лошадей для кавалерии и артиллерии оказалась столь острой, что Военное министерство было вынуждено обратиться за помощью к гражданским ведомствам. Например, циркуляр МВД губернаторам от 25 августа 1916 г. сообщал на места: «Военное министерство находит необходимым, ввиду недостаточного количества лошадей, поставляемых в войска по правилам военно-конской повинности, обеспечить успешную деятельность ремонтных комиссий Управления по ремонту армии, коими ныне приобретает масса нужных армии лошадей верхового и артиллерийского сортов. Деятельность означенных комиссий признается необходимым допустить в подведомственных им районах даже и в период поставки там лошадей по военно-конской повинности, в тех сравнительно редких случаях, когда военному ведомству не представится возможным избежать одновременного назначения в этих районах и покупной операции и поставки лошадей». Для обеспечения успеха деятельности ремонтных комиссий:

«1. желательно самое широкое содействие ремонтным комиссиям Управления по ремонту армии путем оповещения населения о производящихся ими покупках лошадей, причем существующие распоряжения, запрещающие населению продавать лошадей этим комиссиям в период поставок по военно-конской повинности, должны быть отменены, так как такие распоряжения останавливают всю операцию покупки и задерживают своевременное формирование кавалерийских укомплектований и артиллерийских частей.

2. в целях устранения конкуренции и повышения цен на лошадей при одновременной покупке их ремонтными комиссиями Управления по ремонту армии и другими не подведомственными последнему комиссиями по покупке лошадей, Военное министерство находит необходимым, чтобы покупка лошадей у населения была разрешаема организациям иных, кроме военного, ведомств лишь по получении согласия на это Управления по ремонту армии.

3. председателям ремонтных комиссий Управления по ремонту армии предоставлено право снабжать особыми удостоверениями лиц, уполномоченных ими на сбор лошадей для комиссии». 17 января 1917 г. МВД уточнило этот циркуляр: «техника организации массовой покупки лошадей не позволяет заранее определить точное количество лошадей, которые могут быть куплены в той или

иной губернии. Поэтому... будет вполне достаточным, если губернаторы будут располагать лишь сведениями, каким организациям и лицам разрешена покупка в их губернии лошадей и на какой срок, не допуская вовсе покупки для армии лошадей не получившими разрешения лицами, а равно и покупки в неразрешенные сроки. Количество же лошадей, вывозимых из губернии, будет контролироваться Главным управлением Генерального штаба путем предоставления лишь определенного количества вагонов в зависимости от числа лошадей, разрешенных к покупке той или иной организации или лицу». Во исполнение требований МВД, в феврале 1917 г. губернаторы запретили вывоз лошадей из своих регионов³⁴.

К осени 1916 г. изъятие лошадей рабочего возраста из народного хозяйства стало угрожать проведению полевых работ в деревне и деятельности различных служб в городах. Чтобы точнее и справедливее распределить повинность поставок для армии, было решено отказаться от применения военно-конской повинности, и 27 октября 1916 г. император утвердил Положение о реквизиции лошадей при посредстве земских учреждений. Этим Положением комплектование войск лошадьми во время войны возлагалось на земства, для чего им передавалось право «производить реквизицию лошадей по нарядам, определяемым военным министром, по соглашению с министрами

Ил. 7. Конница перед переправой

внутренних дел и земледелия». В связи с сопротивлением населения, после революции, 9 марта 1917 г. по распоряжению военного министра реквизиция лошадей была приостановлена³⁵.

Формирование новых частей и соединений, особенно пулеметных команд Кольта, требовало для себя десятки тысяч лошадей помимо возмещения потерь. Поэтому 27 января 1917 г. генерал Винтулов сообщал ремонтным комиссиям, что «в настоящее время, для всевозможных надобностей армий фронтов, а также для удовлетворения конским составом вновь формирующихся частей войск требуется чрезвычайно большое число лошадей, которое должно быть доставлено в возможно короткие сроки. В целях успешности выполнения этой сложной задачи приобретение этих лошадей предполагается одновременно производить всеми доступными способами». Винтулов уточнял, что «настоящее крайне неблагоприятное состояние конского рынка очень часто создает чрезвычайно трудное положение ремонтных комиссий, в особенности при условии действия их исключительно в границах своего района... установить, чтобы ремонтные комиссии не стеснялись границами своих районов и приобретали лошадей надлежащих качеств, где только представится возможным...»³⁶. Иными словами, закупки конского состава Управлением по ремонту армии к моменту Февральской революции стали всеобъемлющими и распространились не только на специализированные учреждения как ранее (коневодные заводы и конюшни), но и на всю страну в целом.

Вскоре после революции встал вопрос о создании годового ремонта на перспективу. Предполагалось, что в 1918 г. война так или иначе закончится, и надлежало решить – нужен ли ремонтный молодняк для армии мирного времени после окончания войны и демобилизации армии. 15 мая 1917 г. Управление по ремонту армии запросило 7 553 549 рублей на 1917 г. для покупки 14 700 лошадей в годовой ремонт по сроку 1917 г. для кавалерии и артиллерии. Межведомственное совещание представителей Военного министерства, Министерства финансов и Государственного контроля в заседании 2 июня 1917 г. высказалось против выделения этих денег, мотивируя свой отказ следующими аргументами:

1. Штат мирного времени меньше штатов военного времени и после войны все равно «громоздкое количество лошадей представится необходимым выбраковывать и распределить или раздать населению».

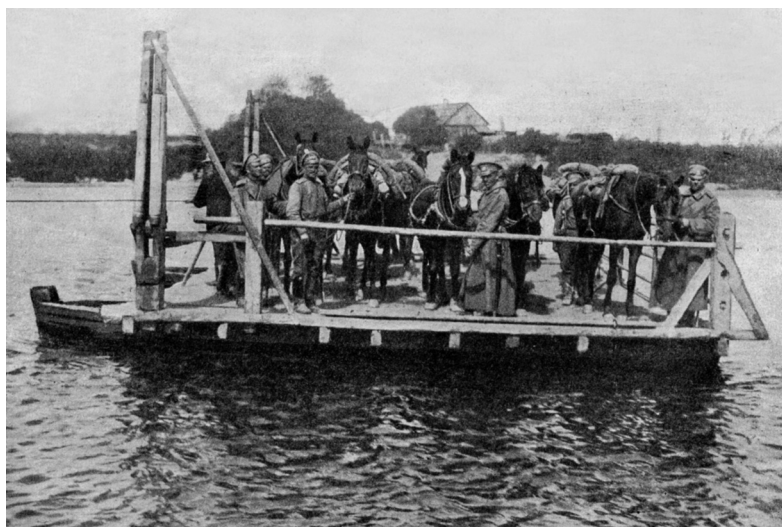
2. «Изъятие у безлошадного уже населения еще почти 15 тыс. лошадей крайне неблагоприятно отразится на полевых работах,

транспорте и вообще на экономической жизни страны. В частности пострадает, вне сомнения, и дело обеспечения армии необходимыми сельскохозяйственными продуктами».

3. «В армии ощущается значительный недостаток кормовых средств, вредно отражающийся на конском составе. Поэтому, до устранения этого недостатка, увеличение в армии числа лошадей лишь обостряет вопрос о фураже».

Военное министерство в ответ на нежелание давать эти деньги на лошадей заявило, что «лошади, подлежащие приобретению в срочный годовой ремонт кавалерии и артиллерии в 1917 г., должны считаться ремонтными срока 1917 г., а не 1918 г., так как: а). кавалерийские лошади поступят в этом же году, непосредственно с пунктов покупки, в части кавалерийского запаса, для зачисления в число ремонтных лошадей, положенных по штатам сих частей и, следовательно, не явятся сверхкомплектными в течение этого года и б). артиллерийские ремонтные лошади поступают с мест покупок в особо учрежденные для сего пункты для сосредоточения и выдержки ремонтных лошадей артиллерии, заменившие, на время текущей войны, ремонтные команды, состоявшие в артиллерийских бригадах и дивизионах». Военные справедливо указывали, что «годовой срок предварительной, до фактического поступления в действующие части, выдержки ремонтных лошадей кавалерии и артиллерии в частях кавалерийского запаса и в ремонтных командах обусловлен необходимостью правильной выездки этих молодых лошадей, не бывших еще в работе, и иногда даже не оговоренных, как, например, те, что приобретаются у астраханских и калмыцких коневодов, в целях возможно лучшей подготовки их к несению тяжелой работы, в течение продолжительного времени, не расстраиваясь в силах». Управление по ремонту армии указывало, что и после войны армия должна оставаться сильной: «в мирное время доездка молодых лошадей производится и в первый год после поступления их в действующие части, так что общая продолжительность выездки равняется двум годам. Однако в военное время, в случае крайней необходимости, лошади эти могут быть назначены в строй действующих частей гораздо раньше, месяцев через восемь после покупки, и при этом они будут не менее пригодны для боевой работы, чем полноразвитые, беспородные лошади, взятые непосредственно от населения. Но, конечно, недостаток выдержки скажется в скорейшем расстройстве сил и организма этих лошадей и в большем отходе на-

и более слабых экземпляров, что в одинаковой мере происходит и с теми полнолетними лошадьми, принятыми по обстоятельствам военного времени, которые не могли быть достаточно выдержаны и подъезжены за время нахождения их в маршевых эскадронах. Таким образом, ежегодная покупка молодых ремонтных лошадей для кавалерии и артиллерии создает запас молодых лошадей хорошего качества, дающий возможность ежегодно перечислять их в соответственные маршевые эскадроны кавалерии и маршевые команды запасных артиллерийских частей, для улучшения конского состава последних, и тем, хотя отчасти, выполнять требования о том, что при пополнении убыли лошадей в военное время число молодых лошадей, прибывающих в части, в течение годового периода, не должно быть менее числа лошадей, причитающихся в срочный годовой ремонт этих частей, дабы не задерживать в войсках очень старых лошадей, мало пригодных к работе». В завершение военные констатировали, что «вопрос покупки срочного ремонта имеет государственное значение, так как в случае отмены такового, наблюдающаяся уже в настоящее время, в связи с текущими обстоятельствами, ликвидация коневых хозяйств приобретет массовый характер, что несомненно вызовет полный упадок отечественного коневодства»³⁷.

Ил. 8. Переправа на пароме

Действительно, развитие революционного процесса в России, помимо всего прочего, имело следствием ликвидацию коневодного хозяйства страны и распределение лошадей между крестьянами. Докладная записка Главного управления Государственного коннозаводства Временному правительству от 31 июля 1917 г. просила о срочной помощи: «С марта текущего года в Главное управление Государственного коннозаводства поступают многочисленные заявления коннозаводчиков с указанием на снятие местными комитетами администрации, конюхов, рабочих и военнопленных с заводов, отмечаются случаи отнятия пастбищ и сенокосов, а также вытравливания; некоторые жалуются на отнятие земельных участков, с чем связано лишение на зиму фуража. Из некоторых местностей получены заявления о начавшемся уже расхищении ценного конского материала заводов, отобрании лошадей для военных надобностей, невзирая на предъявление удостоверений, освобождающих от конской повинности, отобрании лошадей для полевых работ, и вообще указывается на стремление ограничить право собственности коннозаводчиков на их заводской материал. Ввиду огромного значения, которое имеет в хозяйстве России частное коннозаводство, в особенности в настоящее время, когда в связи с военными обстоятельствами спрос на конский состав чрезвычайно возрос, представляется необходимым принятие самых серьезных мер к спасению частного коннозаводства». Новый глава Государственного коннозаводства Павел Александрович Стахович (с 28 июля 1915 г.) предлагал следующие меры: 1. обеспечение заводов фуражом, 2. принятие некоторых заводов «в заведывание правительства» и их содержание за счет казны, 3. «в отдельных случаях может быть признано необходимым сохранить наиболее ценные конские экземпляры путем немедленного приобретения их в казну». На все это испрашивалось 300 тыс. рублей³⁸.

Однако разрушение конного хозяйства России в 1917 г. остановить не удалось, хотя определенные усилия и предпринимались. Например, в июле 1917 г. МВД телеграфировало в регионы: «1). состав конских заводов и коневодных хозяйств никакой реквизиции и назначению к выполнению каких-либо повинностей не подлежит; 2). недопустимость насильственного снятия с работ как военнопленных, так и вольнонаемных служащих в имениях конских заводов; 3). необходимость немедленного возвращения снятых без согласия владельца имения или завода конского состава или имущества завода, а также сенокосов и скошенного сена и особенно пастбищ»³⁹. На мес-

тах создавались губернские совещания по охране конских заводов, а некоторые владельцы даже предлагали безвозмездно передать свои заводы в собственность государства, лишь бы не допустить их гибели⁴⁰. Резолюция Всероссийского съезда коннозаводчиков, коневодов и других деятелей по коннозаводству и коневодству 25–29 июня 1917 г. к Временному правительству гласила: «Все конные заводы и коневодные хозяйства являются национальным богатством России и подлежат охране государства. Вследствие этого не могут быть допущены захваты лошадей этих заводов не только населением, но также и по распоряжению волостных, уездных и других комитетов без непосредственного на то распоряжения министерства. Точно так же недопустимо снятие с конских заводов как военнопленных, так и вольнонаемных служащих; взятые же без распоряжения военнопленные должны быть немедленно возвращены»⁴¹.

К лету 1918 г. из всех бывших казенных конных заводов уцелел только Хреновский завод в селе Хреновое Бобровского уезда, где находились в том числе «наиболее ценные представители породы орловского рысака». Там же расположилось и бывшее Главное управление Государственного коннозаводства⁴². Восстанавливать систему ремонта конского состава Вооруженных Сил пришлось уже после Гражданской войны новой, советской власти.

¹ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1276. Оп. 12. Д. 1294д. Л. 4.

² Овечкин В.В. Изъятие лошадей у населения для Красной армии в годы гражданской войны // Вопросы истории. 1999. № 8. С. 114–115.

³ Баторский М. Служба конницы. М., 1925. С. 50.

⁴ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 1779. Оп. 1. Д. 349. Л. 3 об.

⁵ Там же. Л. 1 об.–2.

⁶ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 8020. Оп. 1. Д. 1150. Л. 22.

⁷ РГВИА. Ф. 1606. Оп. 2. Д. 907. Л. 41.

⁸ РГВИА. Ф. 8020. Оп. 1. Д. 676. Л. 55.

⁹ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 513. Л. 62.

¹⁰ Там же. Л. 9 об.

¹¹ РГВИА. Ф. 8020. Оп. 1. Д. 1147. Л. 29–31.

¹² РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 531. Л. 14.

¹³ Там же. Д. 513. Л. 9.

¹⁴ Там же. Л. 6.

¹⁵ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 3. Д. 1273. Л. 230.

- ¹⁶ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 513. Л. 129–130.
- ¹⁷ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 3. Д. 1297. Л. 161, 164.
- ¹⁸ РГВИА. Ф. 8020. Оп. 1. Д. 1152. Л. 1.
- ¹⁹ РГВИА. Ф. 1606. Оп. 2. Д. 907. Л. 32.
- ²⁰ РГИА. Ф. 1276. Оп. 12. Д. 1241. Л. 4.
- ²¹ РГВИА. Ф. 8020. Оп. 1. Д. 1152. Л. 5об.
- ²² Там же. Д. 1147. Л. 38.
- ²³ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 3. Д. 1346. Л. 101.
- ²⁴ РГВИА. Ф. 8020. Оп. 1. Д. 1171. Л. 26.
- ²⁵ РГВИА. Ф. 1606. Оп. 2. Д. 907. Л. 98.
- ²⁶ Там же. Л. 98–99.
- ²⁷ Там же. Оп. 3. Д. 574. Л. 148.
- ²⁸ Там же. Д. 581. Л. 35.
- ²⁹ Там же. Л. 36.
- ³⁰ РГВИА. Ф. 8020. Оп. 1. Д. 1171. Л. 61.
- ³¹ Там же. Д. 1150. Л. 107–108.
- ³² Шапошников Б.М. Воспоминания. Военно-научные труды. М., 1982. С. 212.
- ³³ РГВИА. Ф. 8020. Оп. 1. Д. 1171. Л. 17–17 об.
- ³⁴ Государственный архив Тульской области. Ф. 97. Оп. 2. Д. 1886. Л. 168–170.
- ³⁵ ГАРФ. Ф. 1797. Оп. 1. Д. 521. Л. 2, 18.
- ³⁶ РГВИА. Ф. 8020. Оп. 1. Д. 1171. Л. 102.
- ³⁷ ГАРФ. Ф. 1779. Оп. 1. Д. 349. Л. 1–5.
- ³⁸ Там же. Д. 1070. Л. 13.
- ³⁹ Государственный архив Орловской области. Ф. Р-81. Оп. 1. Д. 11. Л. 1–3.
- ⁴⁰ ГАРФ. Ф. 1779. Оп. 1. Д. 1073. Л. 2–3, 11.
- ⁴¹ РГВИА. Ф. 8020. Оп. 1. Д. 1160. Л. 9.
- ⁴² Российский государственный архив экономики. Ф. 478. Оп. 8. Д. 147. Л. 5.

В.В. Оточкин, С.В. Лопатин (Санкт-Петербург)

ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОРГАНИЗАЦИИ ФИЗИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ АРТИЛЛЕРИЙСКИХ ЧАСТЕЙ И ВОЕННО-УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ (XVIII – НАЧАЛО XX ВЕКА)

СОВРЕМЕННЫЙ ЭТАП развития Вооруженных сил Российской Федерации характеризуется усилением интереса к историческим аспектам становления обучения и подготовки офицерских кадров – боевой и ее составляющей – физической. Артиллерия как род войск во многом обеспечивала успех на полях сражений русской армии XVIII – начала XX в. Сегодня мы осознаем необходимость изучения организационных, правовых, управленческих основ становления, организации и проведения боевой и физической подготовки в артиллерийских частях и учебных заведениях России.

К XVIII в. подготовка кадров для артиллерии представляла собой сложную систему взаимосвязанных компонентов. Офицерский состав для управления артиллерийскими частями и подразделениями комплектовался путем выдвижения из подготовленных унтер-офицеров и обер-офицеров, имевших подготовку и опыт. Унтер-офицеры, командиры орудий (бомбардиры и канониры) пополнялись из числа выпускников артиллерийских школ и солдат, прослуживших некоторое время в артиллерийских частях. Помощники командиров – гантлангеры и фузилеры, рядовые номера расчетов из числа переведенных в артиллерию солдат пехотных полков или призванных рекрутов. Специалисты – мастера для изготовления боеприпасов и текущего ремонта орудий, лафетов – из выпускников артиллерийских школ. Для артиллерийских расчетов в боевой обстановке требовались не только знания материальной части, основ теории и практики стрельбы, слаженные действия расчетов орудий, но и физические качества: сила, выносливость, быстрота, ловкость.

Этапами становления артиллерийского образования в армии России можно считать следующие:

1698 г. – создание артиллерийской школы по подготовке специалистов для артиллерии и инженерных войск, положившей начало системе обучения будущих артиллеристов;

1732 г. – учреждение Сухопутного шляхетного (дворянского) кадетского корпуса – первого военно-учебного заведения общего военно-образовательного профиля, выпускавшего офицеров, в том числе в артиллерийские части;

1758 г. – объединение Объединенной Артиллерийской и Инженерной школ как этап к созданию Артиллерийского инженерного шляхетного кадетского корпуса;

1762 г. – основание Артиллерийского инженерного шляхетного кадетского корпуса как основного звена специального военно-профессионального образования;

1760–1820 гг. – расширение сети кадетских корпусов;

1820 г. – создание Михайловского артиллерийского училища;

1856 г. – создание Михайловской артиллерийской академии;

1862 г. – упразднение кадетских корпусов и преобразование их в военные гимназии, за исключением Пажеского и Финляндского кадетского корпусов, а старших классов – в военные юнкерские училища, выпускники которых выпускались и в артиллерию;

1882 г. – преобразование военных гимназий в кадетские корпуса.

Для подготовки младших офицеров для войск, в том числе, и артиллерии из детей дворян были созданы Сухопутный шляхетный (дворянский. – *В. О.*) кадетский корпус (1732), Артиллерийский Инженерный кадетский корпус (1762), артиллерийские и инженерные школы, ставшие звеном в системе военного образования России, обеспечивавшие более высокий уровень обучения будущих офицеров.

В кадетские корпуса принимали детей только дворянского происхождения, грамотных, «определенного телесного развития», что подкреплялось документами¹. В Уставе корпуса отмечалось, что воспитание «имеет целью: сделать человека здоровым и способным сносить воинские труды», гибким и крепким, «вкоренить в душе его спокойствие, твердость и неустрашимость»².

Обучение кадет не только общеобразовательным, но и военным дисциплинам – основам тактики, строевой подготовке, стрельбе – тому, что необходимо будущим офицерам в бою, закладывалось в планы обучения в кадетских корпусах.

Физическая подготовка как учебная дисциплина в программах учебных заведений того времени отсутствовала. Но присутствовали предметы обучения того времени – фехтование (шпажное дело), верховая езда, строевые экзерциции (упражнения), стрельба и танцы. Они формировали необходимые физические качества, были составляющими физического воспитания, заложенными уже в первой четверти XVIII в. Обучение верховой езде, фехтованию, владению огнестрельным оружием, действиям при орудиях, совершению маршей, а также попутные тренировки в ходе маршей и перемещений имели практическую направленность и являлись психологической составляющей физического обучения и воспитания. При отсутствии физической подготовки как учебной дисциплины в планах обучения кадетов требования к таким качествам, как сила, выносливость, быстрота, ловкость ставились на первый план. Это отмечали А.С. Булатов (1978), В.М. Крылов (1995), Н.В. Романенко, В.Н. Харламов (1997), Б.Р. Голощапов (2011), С.В. Федорин (2002), И.А. Алехин (2005), В.А. Гурковский (2005), О.А. Хазин (2005), Г.С. Деметр (2005), В.Л. Маришук, В.Л. Пашуга (2012).

Необходимость военного обучения будущих офицеров в условиях Северной войны и других войн первой половины XVIII в., знания основ тактики, артиллерии, инженерного дела, огневой подготовки, физической подготовленности была очевидна. Но артиллерийские и инженерные школы не только не давали за короткий срок достаточного военного образования для выпуска офицерами, не позволяли дать воспитанникам «военную закваску»; «оставляла желать лучшего и их физическая подготовка»³.

К середине XVIII в. Сухопутный шляхетный кадетский корпус – не в полной мере, а артиллерийские и инженерные школы не ставили перед собой или не выполняли задачи физической подготовки будущих офицеров для войск в целях решения ими задач командования подразделениями в мирное время и в боевой обстановке. Примером соединения теории и практики обучения будущих офицеров для артиллерии и инженерного корпуса следует считать такую организацию учебного процесса, когда воспитанники школ вместе с артиллерийскими полками выходили в лагерь. Летом 1756 г. в преддверии столкновения с Пруссией в Семилетней войне в лагерь были выведены все артиллерийские части и артиллеристы пехотных и кавалерийских полков. Задачей полевой практики было воспитание таких качеств, как «неустрасимость, проворство, расторопность», кото-

рые в соединении с искусством артиллериста влияют на достижение победы в бою. В преддверии участия в боевых действиях понимание этого придавало офицерам и солдатам психологическую уверенность в бою.

В основе создания в 1762 г. Артиллерийского инженерного шляхетного кадетского корпуса лежал план возглавлявшего артиллерию русской армии П.И. Шувалова, который понимал, что именно полевая практика воспитанников в период лагерных сборов, учебных стрельб и учений остается основным звеном формирования физической и психологической подготовленности будущих офицеров.

Во второй половине XVIII в. в Сухопутном и Артиллерийском инженерном кадетских корпусах изучались военные предметы: основы тактики, артиллерии и фортификации, а также предметы, связанные с формированием физических качеств: фехтование, верховая езда (особенно для офицеров конной артиллерии) и строевая подготовка с оружием, танцы (как средство развития ловкости).

Для полевых занятий и караульной службы кадетам выдавалось огнестрельное (драгунские ружья) и холодное (пехотные шпаги) оружие.

В первом десятилетии XIX в. в рамках преобразований в системе военного образования произошло переименование Сухопутного шляхетного и Артиллерийского инженерного кадетских корпусов в 1-й и 2-й кадетские корпуса, учрежден Пажеский корпус как военно-учебное заведение.

В 1836 г. был утвержден единый учебный план обучения для кадетских корпусов, где в классах младших и средних возрастов значительное время отводилось изучению языков, математике, геометрии, истории, географии, физике, химии, фехтованию, верховой езде. Военные науки изучались в старших специальных классах⁴.

Летние месяцы посвящались полевым занятиям и лагерным сборам, когда кадеты могли соотнести свои физические возможности с задачами военной службы, что потенциально избавляло офицерскую среду от лиц, непригодных к военной службе⁵. Воспитанники старших возрастов (камер-пажи и старшие кадеты) на учениях в артиллерийских подразделениях исполняли обязанности командиров орудий, закладывая психологическую готовность к командованию подразделениями. Для боевой практики получения навыков в стрельбе выделялись орудия и боеприпасы на обучение кадет стрельбе из них. В качестве примера учебного процесса в кадетских корпусах мож-

но привести подъемы по тревоге, марши, ускоренные передвижения как обязательное условие при проверках⁶.

С введением в 1859 г. «Правил для обучения гимнастике в войсках» в военно-учебных заведениях в интересах развития физических и волевых качеств, приобретения навыков, необходимых для действий в бою, кадет тренировали в освоении снарядов, в преодолении препятствий и водных преград, стрельбе, беге. Увеличение времени для физических упражнений, расширение состава и тем гимнастических упражнений и соединение их с военными дисциплинами повышали их значимость на занятиях, проводившихся в лагере.

«Наставление для обучения войск полевой гимнастике» 1879 г. закрепляет последовательность обучения, а именно: в зимний период – общий курс гимнастики и в летний – полевую гимнастику с упором на преодоление препятствий. К концу XIX в. в системе военно-учебных заведений России кадетские корпуса, восстановленные в 1882 г. из военных гимназий, сохранили свое значение для подготовки офицерских кадров российской армии.

Совершенствование военно-профессионального образования и физического обучения стало назревшей необходимостью, реализованной в создании военных школ и кадетских корпусов в первой половине и середине XVIII в.

Сухопутный шляхетный кадетский, Артиллерийский инженерный кадетский и другие кадетские корпуса включали в программы и планы обучения дисциплины, связанные с физической подготовкой. Физическая подготовленность в Артиллерийском инженерном кадетском корпусе обеспечивалась практическими занятиями и стрельбами как в повседневных занятиях в классах и рекреациях, на плацу, так и в ходе лагерных сборов.

В подготовке молодых солдат Устав Воинский 1716 г., наставления начала XVIII в., введенные Петром I, требовали, что рекрутов «надлежит непрестанно тому обучать, как в бою поступать»⁷, нацеливали на развитие физических качеств, формирование умения выполнять приемы стрельбы и штыкового боя, совершать продолжительные марши, преодолевать полевые препятствия и водные преграды⁸.

Вступление России в Семилетнюю войну 1756–1763 гг. потребовало ряда мер по повышению выучки всех категорий личного состава и командиров подразделений и частей артиллерии. Основными мероприятиями вновь назначенного командующего артиллерией

генерал-фельдцейхмейстера П.И. Шувалова по повышению боевой подготовки можно считать:

- усиление внимания к теоретической подготовке офицерского состава и младшего командного состава артиллерии;
- организацию боевой учебы артиллеристов полевой, полковой, осадной и гарнизонной артиллерии;
- полный охват одиночным обучением и практикой артиллерийских стрельб всех категорий нижних чинов, унтер-офицерского и офицерского состава как при подготовке к заграничным походам, так и при ведении армией боевых действий;
- использование возможностей перевооружения в артиллерии и боевых стрельб при поступлении в войска новых орудий для обучения и совершенствования навыков их боевого применения.

С началом подготовки армии к заграничному походу организуется вывод в лагеря полевой, осадной, полковой, в том числе, и артиллеристов гвардейских полков, и гарнизонной артиллерии. Диспозиции (наставления, инструкции. – *В. О.*) того времени определяют порядок организации лагерных сборов артиллерии от вопросов размещения войск и орудий до проведения занятий с боевой стрельбой, обязывая соответствующих артиллерийских начальников «надлежащее исполнение чинить». Диспозиции определяют количество выводимых орудий, значительно увеличенное в сравнении с прежними годами, и порядок проведения лагерных сборов, рассматривают новые подходы к методикам обучения как войск, так и артиллерийских школ, давая практику ученикам, которые привлекались на сборы. На сборы были привлечены более 300 артиллеристов, находившихся в отрыве от своих частей: при несении караульной службы и выполнении работ.

Понимая необходимость боевой учебы как таковой, командующий артиллерией П.И. Шувалов делал упор на постоянное обучение, охват практикой стрельбы не только офицеров, но и нижних чинов артиллерийских частей, обращал внимание на изучение новых орудий, поступавших в войска.

На протяжении всех военных действий в зависимости от наличия времени подготовки к боевым действиям проведение лагерных сборов артиллерии стало ежегодным. В боевую учебу включались элементы соревнования офицеров и расчетов с указанием о поощрении артиллерийских служителей за точную стрельбу, особенно тех, «которые при обучении эскерции убуят в яблоко, тем давать за

каждый раз по гривне». Предъявлялись высокие требования к подготовке офицерского состава, чтобы «артиллерийские офицеры во всякое удобное время сами, также и нижние артиллерийские служители экзерцировались действительною стрельбою из всех орудий для того, что они каждый лутче узнают, которые орудии какое действие во время сражения с неприятелем производить могут и какая дистанция им потребна для действия какими припасами, элевируя (маневрируя. – В. О.) орудием ли горизонтально»⁹.

Шувалов в приказе о проведении учебных стрельб в феврале 1758 г. писал: «Неустрасимость, проворство, расторопность так сопряжены с искусством артиллериста, как душа с телом, что одно без другого мертво, или сказать, не действительно к получению победы; положим двух равного знания артиллеристов один против другого действующих, то неустрасимый, проворный и расторопный испровергнет прежде действующее против себя орудие и сделает его безопасным для себя или повреждением лафета, или побитием знатной части действующих людей»¹⁰.

В последующие годы П.И. Шувалов вопросам обучения артиллеристов придавал не меньшее значение, чем в начальном периоде войны. В этом усматривается связь с поступлением в войска новых образцов орудий и пополнением необученным личным составом.

При проведении показательных и учебных стрельб артиллерии в действующей армии регламентируется их организация с соблюдением мер безопасности, чтобы лучше знать возможности орудий во время сражения с неприятелем, обучали подчиненных, как тренировать глазомер.

Организацией боевой подготовки по приказам Шувалова в действующей армии занимались М. Толстой, К. Нотгельфер, К. Бороздин, И. Глебов (с 1760 г.), П. Гольмер. В наставлениях Шувалова по организации боевой учебы приказано с артиллерийскими бригадами полевой артиллерии обучать артиллеристов армейских пехотных полков.

В январе 1760 г. к проведению показательных стрельб по сравнению старой и новой артиллерии привлекается весь высший командный состав армии, все артиллерийские офицеры, унтер-офицеры и даже рядовые бомбардиры (артиллеристы старшего класса, умеющие стрелять из орудий всех типов. – В. О.) с целью показа преимуществ единого рода.

В ходе войны можно было отметить три вида таких стрельб: плановые – по решению генерал-фельдцейхмейстера и начальников

артиллерии – в лагерях; показательные для сравнения новых орудий со старыми и прусскими орудиями, например, проводившиеся в Мариенвердере; стрельбы непосредственно в полках при замене 3-фунтовых пушек на единороги.

Офицерам бригад приказано, чтобы они «свои орудия до открытия кампании так исправили, чтоб ни малейшего в походе затруднения не было, да людей лучше экзерцировали». «Не только штаб- и обер-офицерам, но и унтер-офицерам дабы каждый оное знал и наизусть затвердил» и еженедельно «старшим младших экзаменовать». При освоении новых орудий одним из требований к артиллерийским офицерам было: «во всякое удобное время самим таки и нижним артиллерийским служителям экзерцировать действительной стрельбы из всех орудий». Не только офицерам, унтер-офицерам, но и рядовым артиллеристам при орудиях предписывалось при стрельбе на дальность из старых орудий и единорогов «верно примечать всех орудий выстрелы; порознь горизонтальные отклонения и сколько времени к заряданию единорогов и прочих орудий употреблено будет», что способствовало выработке уверенности в своем оружии.

Практическое обучение офицеров строилось на повышении знаний офицеров путем изучения технических характеристик орудий и результатов сравнительных стрельб артиллерии. В апреле 1759 г. внедряются наставления, «каким бы образом артиллерию в ее надвижке к действию способнейшею сделать и так практиковать, чтоб артиллеристы и определенные от полков для повозки люди, да и лошади уже к тому приобучены были».

Работы Н.Е. Бранденбурга дают возможность выделить основные направления влияния боевой подготовки на эффективность применения артиллерии и формирование психологических качеств личного состава. Анализируя действия артиллерии в успешном для русской армии сражении под Кунерсдорфом, Шувалов требует доклада, «кто именно у каких орудий были командирами офицеры или сержанты»¹¹.

П.И. Шувалов на основании рапортов командующих докладывал императрице, Конференции о действиях артиллерии в сражениях, об артиллеристах, отличившихся и проявивших в сражениях мужество, героизм, стойкость, представляя их к званиям и наградам, поощрял их сам.

Боевая подготовка частей артиллерии в преддверии и в ходе Семилетней войны 1756–1763 гг. обеспечила необходимые физические и

психологические качества, слаженность расчетов, высокий моральный дух, стойкость солдат и офицеров, став одним из важнейших условий победы русской армии в решающих сражениях.

Отмечая необходимость быстрее ввода молодых солдат в строй, «Генеральное учреждение о ежегодном сборе с государства рекрут» (1757) регламентировало порядок рекрутских наборов и требования к подготовке рекрутов, «яко не привыкших еще к службе солдат, которые с такой пользою, как старые солдаты, ни коим образом в службе употреблены быть не могут». Задачи строевой выучки молодых солдат до передачи их в полки возлагались на начальников рекрутских команд: «собранных рекрутов... обучать военной экзерциции настоящим ружьем, а где оно нет, то и деревянным, с добрым и порядочным смотрением, показывая им все темпы и приемы правильно». Физической подготовкой для рекрутов были марши к местам дислокации полков. «Рекрутами маршировать не очень скоро, но весьма умеренно», в хорошую погоду совершая переходы по 20–30 верст в сутки. «В первый год их службы ни на какие работы не употреблять», чтобы они «в помянутое годовое время во всех воинских порядках и экзерцициях, так како и старые солдаты, были приведены; в летнее время обучать их воинской экзерциции и пальбою»¹².

Затем в содержание «Генерального учреждения о ежегодном сборе в государстве рекрут» (1766) внесено важное изменение: собранных рекрут в рекрутских командах «воинской экзерциции не обучать, а приучать их единственно стоять порядочно и маршировать»¹³. «Положение о приеме рекрут, препровождении и содержании их в запасных рекрутских депо» (1808) меняло подход к первому этапу подготовки молодых солдат. Рекруты полков сводились в запасные депо, где оставались до следующего набора, получая не просто более «легкую службу», а строевую выучку, навыки обращения с оружием и стрельбы, физическую закалку и выносливость¹⁴.

С введением «Правил для обучения гимнастике в войсках» (1859), определивших цель гимнастики «в развитии у воинов физических и волевых качеств, приобретения навыков, необходимых для действий в бою»¹⁵, молодых солдат рекомендовано тренировать в преодолении водных преград, верховой езде, стрельбе, беге и в выполнении ружейных приемов. Единым был подход как для молодых солдат, так и для начального периода обучения юнкеров – будущих офицеров: лишь после подготовительных упражнений следовало освоение рядов и преодоление препятствий.

Воспоминания выдающегося конструктора стрелкового оружия В.Г. Федорова, обучавшегося в Михайловском артиллерийском училище, ярко показали значение и место физического воспитания в обучении будущих офицеров-артиллеристов: «К училищной жизни надо было привыкать: надо было вставать по звуку трубы, в четверть часа быть уже готовым. Все делать по команде; я все время был в окружении товарищей и на занятиях, и в свободное время... я не скоро смог войти в общую жизнь, в общую колею – я вспоминаю первые месяцы в училище как безусловно тяжелое для меня время. С трудом давались мне и строевые занятия, в особенности гимнастика на машинах, прыгание через кобылу – ведь в классической гимназии я не имел абсолютно никакой подготовки для всех этих упражнений.

Батарея училища была строевою частью русской армии, а поэтому вполне естественно, что обучение ее личного состава должно было быть образцовым во всех отношениях. С другой стороны, мы были будущими офицерами, а потому наше обучение должно было быть настолько высоким, чтобы мы сами могли образцово обучать вверенных нам солдат. В строевом отношении мы занимались гимнастикой на машинах и вольными движениями, маршировкой, строем, шашечными приемами; далее следовали: верховая езда, фехтование, бой на эспадронах; учения при орудиях, изучение материальной части артиллерии.

Главное внимание было обращено на гимнастические упражнения, верховую езду и бои на эспадронах – надо было достигнуть полного перерождения обучаемого. Для быстроты и отчетливости всех приемов при орудиях в видах возможности производства скорой стрельбы надо было придать юнкерам особую ловкость, а это достигалось постоянными гимнастическими упражнениями. Курсовые офицеры добивались получения наилучших результатов в занятиях на машинах, развитии мускулов на наклонной лестнице; продолжительность и непрерывность упражнений вроде бега постепенно увеличивалась, пока наш офицер не усматривал, что появляются признаки усталости.

Каждый день мы имели занятия по верховой езде. Нас приучали не только этому виду спорта в полном смысле слова, и к управлению лошадьми. Фехтование и бой были одними из наиболее интересующих нас занятий; в особенности мы любили соревнования между лучшими бойцами.

Лагерь... Сразу начинались наши строевые занятия с тем уклоном, который вызывался пребыванием в лагере: учения при орудиях

в парке в составе всей батареи, конные учения на военном поле. Карательная служба, топосъемка и венец всех занятий – практические артиллерийские стрельбы»¹⁶.

«Наставление для обучения войск полевой гимнастике» (1879) окончательно закрепило последовательность обучения: зимний период – общий курс гимнастики и летний – полевая гимнастика с упором на преодоление препятствий. Курс одиночной подготовки молодого солдата в войсках включал дисциплины: гимнастика, фехтование, стрельба, – с обучением «постепенно, спокойно, терпеливо, без угроз, а тем более без толчков»¹⁷.

«Наставление для обучения войск гимнастике» (1910), зафиксировав разделы и цели гимнастики, определило значимость качеств, необходимых в повседневной службе и боевой обстановке: гимнастика укрепляет силы человека и развивает в нем смелость, ловкость, сообразительность и уверенность в своих физических силах¹⁸.

В практику обучения вводится обязательное освоение 12 таблиц с описанием упражнений. Из них 6 – для молодых солдат. Упражнения 1-й таблицы осваиваются с молодыми солдатами в течение первого месяца занятий. Каждая из последующих – в течение двух недель, с тем, чтобы шесть таблиц были пройдены с молодыми солдатами ко времени постановки их в общий строй после четырех месяцев обучения. Важным элементом полевой гимнастики являлось обучение групповому преодолению препятствий по элементам по три человека – по пути в районы занятий или при возвращении. Затем следовало преодоление препятствий целиком по взводам и батальонам в походной амуниции – «не мешая друг другу, без суеты и лишней торопливости» через 300–400 шагов, чтобы, «преодолев одно, решаться преодолевать другое, собираясь с силами и скоростью»¹⁹.

Первая мировая война, поставив задачу быстрого ввода в строй молодого пополнения, подтвердила правильность взглядов командования русской армии на задачи боевой выучки и физической подготовленности войск. Источники того времени утверждали, что преодоление препятствий, умелое владение оружием воспитывают качества, необходимые в бою, – «быть настойчивым, смелым и дерзким, при неожиданностях не теряться»²⁰.

Подготовка кадров для артиллерии представляла собой сложную систему взаимосвязанных компонентов. Для офицеров-артиллеристов, личного состава артиллерийских расчетов в боевой обстановке требовались не только знания материальной части, основ теории

и практики стрельбы, слаженные действия расчетов орудий, но и физические качества: сила, выносливость, быстрота, ловкость. Это обеспечивала система обучения и боевой подготовки в артиллерийских частях и военно-учебных заведениях на протяжении XVIII – начала XX в.

Совершенствование физического обучения было назревшей необходимостью, реализованной в военных школах и кадетских корпусах в первой половине и середине XVIII в. Артиллерийский инженерный кадетский корпус, Михайловское артиллерийское училище, Михайловская артиллерийская академия включали в программы и планы обучения дисциплины, связанные с физическим обучением.

¹ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 52. Оп. 113. Д. 5. Л. 1–370.

² Полное собрание Законов Российской империи. Т. VIII. СПб., 1830. С. 557.

³ Бенда В.Н. Создание и развитие системы военно-учебных заведений, готовивших артиллеристов в конце XVII – 1-й половине XVIII веков // Бомбардир. Военно-историческое приложение к журналу «Вооружение. Политика. Конверсия». 2007. № 19. С. 61.

⁴ Крылов В.М. Кадетские корпуса и российские кадеты. СПб.: ВИМАИВиВС, 1998. 671 с.

⁵ Булатов А.С. История физической подготовки войск. Л., 1978. 191 с.

⁶ Жерве Н., Строев В. Исторический очерк 2-го кадетского корпуса. (1712–1912 гг.). Т. 1. СПб., 1912. 645 с.; Воробьева А.Ю. Кадетские корпуса в России в 1732–1917 гг. М.: АСТ; Астрель, 2003. 62 с.; Хазин О.А. Пажы, кадеты, юнкера: исторический очерк. М., 2006. 152 с.; Краткий исторический очерк Орловского Бахтина кадетского корпуса (1843–1893). Орел, 1893. 135 с.; Лузанов П. Сухопутный шляхетный кадетский корпус (ныне 1-й кадетский корпус). Исторический очерк. Вып. 1. СПб., 1907. 188 с.

⁷ Строевые уставы, инструкции и наставления русской армии XVIII в. Сб. материалов / Сост. К.В. Татарников. М.: Русская панорама, 2010. Т. 1. 455 с.

⁸ Булатов А.С. История физической подготовки войск. Л., 1978. 191 с.

⁹ История отечественной артиллерии. М., 1960. Т. 1. Ч. 2. Прил. 9–10. С. 246–248.

¹⁰ Архив ВИМАИВиВС. Ф. НС. Оп. 12. Д. 20. Артиллерия в Семилетней войне 1756–1762 гг. Сб. документов / Сост. З.В. Розенбецкая, И.З. Либержон. Л. 286–290; 301–304; 657–658.

¹¹ Бранденбург Н.Е. Артиллерийские детали Семилетней войны // Артиллерийский журнал. 1998. № 4. С. 294, 306; 1999. № 2. С. 117–118.

¹² Генеральное учреждение о ежегодном сборе с государства рекрут. СПб., 1757. 26 с.

¹³ Генеральное учреждение о ежегодном сборе в государстве рекрут и о порядках, какие при наборах исполнять должно. СПб., 1766. 10 с.

¹⁴ Положение о приеме рекрут, препровождении и содержании их в запасных рекрутских депо. СПб., 1808. 67 с.

¹⁵ Правила для обучения гимнастике в войсках. СПб., 1861.

¹⁶ Федоров В.Г. Записки оружейника. Рукопись. Л., 1945. Л. 1–4.

¹⁷ Наставление для обучения войск полевой гимнастике. СПб., 1880. 18 с.; Федорин С.В. Государственная система физического воспитания в русской армии и на флоте (вт. пол. XIX – 1914 г.). СПб.: ВИТУ, 2002. 375 с.

¹⁸ Наставление для обучения войск гимнастике. СПб., 1911. 234 с.

¹⁹ Там же.

²⁰ Памятка рядового. Пособие для ускоренной подготовки прибывающих в армию пополнений. СПб., 1915. 40 с.

М.К. Павлович (Москва)

ХРАНИТЕЛИ МОСКОВСКОЙ ОРУЖЕЙНОЙ ПАЛАТЫ В ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XIX ВЕКА

НА ПРОТЯЖЕНИИ ДЕВЯТНАДЦАТОГО СТОЛЕТИЯ Мастерская и Оружейная палата Московского Кремля пережили не одну серьезную реформу¹. По утвержденным указом императора Александра I от 10 марта 1806 г. «Правилам для управления Оружейной палатой» учреждение получило музейный статус. Подчинялось оно Главнначальствующему Экспедицией кремлевского строения в Москве, назначаемому непосредственно монархом². Из штатного состава были исключены мастеровые – представители различных специальностей.

В 1826 г. было образовано Министерство императорского двора, а в 1831 г. – упразднена Экспедиция кремлевского строения, функции которой были возложены на образованную Московскую Дворцовую контору. Возглавлялась Дворцовая контора Президентом³. В ее состав вошла и Московская Оружейная палата, в результате реформы превратившаяся в государственное учреждение, возглавляемое директором, в подчинении которого находились два помощника, писмоводитель, писец, экзекутор и осуществлявшие охрану музея лакеи, набравшиеся из солдат инвалидной роты, охранявшей Кремль. По новым правилам директор, также назначавшийся императором и имевший право участвовать в присутствии Московской дворцовой конторы при обсуждении вопросов по музею, и его помощники должны были быть сведущими в истории и при необходимости уметь дать пояснения посетителям палаты. В 1858 г. благодаря стремлению директора палаты А.Ф. Вельтмана к совершенствованию системы учета и хранения в музее императорским указом были утверждены правила о работе учреждения. Практически не затрагивая подчинен-

ность, штатный состав, структуру и финансирование, они устанавливали более четкий порядок размещения и хранения драгоценных предметов, опечатаывания витрин, постановки на учет новых поступлений. Иными словами, вся работа музея ставилась под более жесткий контроль, этому способствовали и проводимые раз в год «частные ревизии» палаты со стороны ее директора и «общие ревизии» представителем Московской Дворцовой конторы. Помимо этого раз в пять лет назначались и «генеральные ревизии» со стороны специальной комиссии, утверждаемой Министром императорского двора. Более подробно были прописаны обязанности руководства и сотрудников музея, а также порядок приема посетителей. В 1883 г. были приняты новые правила, не внесшие особых изменений в документ 1858 г.⁴.

В конце 1885 г. проводилась реорганизация Министерства императорского двора. Она была вызвана желанием сэкономить средства на содержание московских дворцов, а также навести порядок в управлении придворным ведомством. В результате вместо Московской дворцовой конторы было создано Московское дворцовое управление. Претерпела существенные изменения и Оружейная палата, утратившая финансовую и административную самостоятельность и вошедшая вместе со всеми сотрудниками в ведение Дворцового управления. По новому штату в ней полагались два хранителя, состоявших в довольно высоком шестом классе по табели о рангах, а должности директора и двух его помощников были ликвидированы⁵. Однако стоит отметить, что и ранее функции помощников директора являлись не административными, а практически хранительскими. Вместе с директором они отвечали за состояние сокровищ, занимались составлением описей, готовили выставки, давали объяснения посетителям, поток которых заметно вырос во второй половине XIX в.

Данное небольшое исследование посвящено именно хранителям – тем, кто организовывал и непосредственно осуществлял повседневную деятельность кремлевского музея после его реформирования. Всего с 1 января 1886 г. (даты введения нового штата) до революционных событий октября 1917 г. указанные должности занимали шесть человек. На основании уже имеющихся исследований и архивных источников мы постараемся хотя бы коротко рассказать о них. При этом необходимо добавить, что четверо хранителей (Г.Д. Филимонов, А.М. Павлинов, Ю.В. Арсеньев и В.К. Трутовский) хорошо

известны своими научными трудами, их жизнь и деятельность нашла свое отражение в статьях и других публикациях. Авторами некоторых из них являются сотрудники нашего музея. Однако биографии двоих, Н.И. Чаева и А.Е. Комаровского, практически не изучены. Поэтому в статье больше внимания уделено именно этим хранителям, ряд сведений о которых приводится автором впервые.

Возглавлявший Оружейную палату в 1879–1886 гг. Аркадий Александрович Талызин перешел на другую службу, оставшись в придворном ведомстве, а первыми хранителями, по существу руководителями музея, были назначены прежние его помощники Н.И. Чаев и Г.Д. Филимонов, проработавшие к тому времени в Кремле уже не один год. Надо сказать, что в 1850–1880-х гг. по инициативе возглавлявшего палату с 1852 по 1870 г. историка, писателя, автора популярных романов Александра Фомича Вельтмана велась беспрецедентная по своим масштабам работа по созданию научной описи всего собрания кремлевского музея. Строго систематизированные описания предметов должны были быть снабжены историческими сведениями, почерпнутыми из архивов, а также иллюстративным материалом. Составлением этого уникального по значимости труда занимались помощники директора М. Боде, И. Давыдов, архивариус Г. Филимонов и другие лица. «Составление описи на уникальное собрание оружия и знамен» было поручено Лукиану Павловичу Яковлеву, принятому в палату в 1860 г. В конце 1862 г. он выполнил работу над «Описью брони и знамен», не утратившую своей ценности и в наши дни⁶. В 1866 г. он составил опись холодного, оборонительного и огнестрельного оружия. Однако в следующем году Яковлев тяжело заболел. Вынужденный искать нового сотрудника, А.Ф. Вельтман обратился с письмом к Президенту Московской дворцовой конторы: «По случаю болезни помощника моего г. полковника Яковлева, занятия по составлению подробной описи Оружейной палаты приостановились. Так как болезнь г. Яковлева оказывается безнадежною к излечению, то по разрешению Вашего сиятельства я озабочился приисканием чиновника, способного заместить его и ответственного требуемым познаниям от помощника директора Оружейной палаты»⁷. Речь в письме шла о Николае Ивановиче Чаеве. По словам Вельтмана, тот был человеком, «специально занимающимся русской историей, имеющим сведения в археологии и палеографии, знающим французский и немецкий языки», имел большой опыт канцелярской работы⁸. Сохранившиеся в деле об определении Чаева в

Оружейную палату документы позволяют воссоздать его биографию, доселе неизвестную. Николай Иванович Чаев (1824/1825 г.р.), представитель мещанского сословия, по окончании юридического факультета Московского университета со званием действительного студента в 1852–1856 гг. служил в канцелярии Рижского военного Лифляндского генерал-губернатора в чине сначала губернского секретаря, а затем коллежского секретаря. В ноябре 1855 г. Чаев был назначен казначеем канцелярии, а с 1856 г. по январь 1857 г. служил секретарем секретного отделения канцелярии. В том же 1857 г. он был удостоен медали в память Крымской войны 1853–1856 гг., а в мае 1858 г. перешел на службу в Московский почтамт, где и был произведен в чин титулярного советника. В августе 1859 г. служил старшим учителем в училище при почтамте. Однако в связи с упразднением училища 2 июня 1864 г. был оставлен за штатом и некоторое время занимался поправлением собственного здоровья. Сохранился и аттестат Н.И. Чаева с отличной характеристикой, запрошенный из Московского почтамта.

Николай Иванович Чаев 30 октября 1867 г. был назначен на должность помощника Оружейной палаты и причислен к придворному ведомству, в то время ему было сорок лет. Состоя на службе в Кремле, он проживал в доме дворцового ведомства на Зубовском бульваре, летом выезжал с женой и воспитанницей на дачу в Сокольники, а его ежегодное жалование вместе со столовыми деньгами составляло 2000 рублей⁹.

Сведений о работе Н.И. Чаева в музее немного. Так, он – автор описаний огнестрельного оружия и предметов Конюшенной казны¹⁰. В 1881 г. при поддержке нового директора А.А. Тальзина ему было пожаловано иллюстрированное издание «Древности Российского государства» (М., 1849). Николай Иванович получил именно тот экземпляр, который пришел в относительную ветхость при его длительном использовании в работе над описаниями предметов Оружейной палаты¹¹. Еще ранее, в январе 1869 г., в музей поступила модель дворца царя Алексея Михайловича в селе Коломенском. Вскоре Николаем Ивановичем было составлено его описание, получившее одобрение начальства. По ходатайству директора А.Ф. Вельтмана оно было опубликовано тиражом 2400 экземпляров «для руководства посетителей, интересующихся моделью...». Издание было снабжено фотографическим снимком с рисунка дворца, сделанного в царствование Екатерины II Гильфордингом¹². В 1886 г. в связи с

реформой дворцового ведомства Чаев был переведен в хранители Московской Оружейной палаты. Некоторое время, до упразднения должности заведующего репертуарной частью императорских московских театров 31 мая 1887 г., он сочетал обязанности хранителя музея с нередким «откомандированием в Управление этими театрами»¹³. В апреле 1888 г. по собственному прошению в связи с серьезной болезнью Николай Иванович вышел в отставку в возрасте шестидесяти лет. Его пенсия составляла 1500 руб. в год. Он дослужился до чина статского советника, являлся кавалером российских орденов Св. Станислава 2-й степени с императорскими коронами, Св. Анны 2-й степени, Св. Владимира 3-й степени, а также австрийского ордена Франца Иосифа 2-й степени, имел несколько памятных медалей и большую серебряную медаль «за участие в приготовлениях к коронации их императорских величеств» 1882 г.¹⁴

В 1886 г. одновременно с Н.И. Чаевым хранителем Московской Оружейной палаты был назначен также занимавший на тот момент должность помощника директора Георгий Дмитриевич Филимонов. Историк, искусствовед, один из основателей Императорского Московского Археологического общества и Общества древнерусского искусства при Румянцевском музее в Москве, почетный член Общества истории и древностей российских, Георгий Дмитриевич в течение 35 лет был одним из ведущих сотрудников Оружейной палаты. Дворянин, выпускник Московского университета, уже имевший определенный опыт научной работы, в 1856 г. он был приглашен директором палаты А.Ф. Вельтманом для консультаций публике, прибывшей в Москву на коронационные торжества. В 1858 г. он был принят в музей заведующим архивом, а затем переведен на должность помощника директора, неоднократно при отсутствии директоров А.Ф. Вельмана и С.М. Соловьева (возглавлял Московскую и Оружейную палату в 1870–1879 гг.) исполнял директорские обязанности, а в 1886 г. стал одним из двух хранителей. Биография Г.Д. Филимонова хорошо известна благодаря работам сотрудника Музеев Московского Кремля Е.В. Исаевой¹⁵, построившей свои исследования на основании архивных источников, публикаций и воспоминаний современников о Георгии Дмитриевиче. Ею установлена и точная дата рождения ученого – 27 июня 1826 г. В связи с изложенным при описании его жизни и деятельности мы будем кратки, отметим лишь, что одновременно с работой в Кремле он являлся сотрудником Румянцевского музея. Ему принадлежит ряд публикаций по археологии

и русскому искусству. В 1867 г. Филимонов был организатором русского отдела на Всемирной Парижской выставке, в 1872 г. – участвовал в подготовке Политехнической выставки в Москве, посвященной двухсотлетию со дня рождения императора Петра I. Однако главным результатом его труда стало создание источниковой базы, а также составление описаний серебряных предметов и указателя клейм для уже не раз упоминавшейся нами научной описи собрания Оружейной палаты, опубликованной в 1884–1893 гг. И как знак признания его заслуг эта опись до сих пор носит название Филимоновской. Работа Георгия Дмитриевича в Кремле продолжалась вплоть до ноября 1893 г., когда он был уволен из палаты. Е.В. Исаева пишет об этом так: «Мы можем лишь предполагать, что послужило причиной увольнения столь заслуженного человека: либо частые в последние годы болезни и отлучки из Москвы для лечения, либо желание начальства «пристроить» на должность графа А.Е. Комаровского. Филимонов был буквально раздавлен этим известием. Не утешало его и то, что, учитывая долгую безупречную службу в ведомстве Министерства императорского двора, ему назначали персональную пенсию...». Однако Георгий Дмитриевич нашел в себе силы продолжить работу в Румянцевском музее и вести научно-исследовательскую деятельность. В 1898 г. он скончался в Сухуми, где находился по рекомендации врачей для поправления здоровья¹⁶.

Академик архитектуры, историк зодчества Древней Руси и Кавказа, реставратор и действительный член Императорского Московского археологического общества А.М. Павлинов был принят хранителем Московской Оружейной палаты в 1888 г., после увольнения с этой должности Н.И. Чаева. О творческой и научной деятельности этого талантливого исследователя и архитектора можно прочесть в ряде работ по истории архитектуры и архитектурной реставрации¹⁷, сведений о его службе в Оружейной палате крайне мало, поэтому наш рассказ о нем также будет кратким.

Андрей Михайлович Павлинов родился 1 октября 1852 г. в Иркутске, в семье служащих. По окончании классической гимназии г. Иркутска продолжил образование, поступив в Императорское Московское техническое училище, а затем в Императорскую академию художеств. По завершении учебы по поручению Академии художеств в 1880–1881 гг. совершил поездки по городам России с целью обмера и зарисовки памятников древнерусской архитектуры. В 1883 г. получил звание академика архитектуры за проект реставрации Спасского

собора в Чернигове, руководил реставрацией коломенского Кремля, делал проекты реставрации соборов и церквей в Полоцке, Пскове, Владимире, Ростове Великом и других городах. В 1888 г. в составе экспедиции Императорского Московского археологического общества изучал древности Кавказа.

В период службы в Московской Оружейной палате основное внимание им было уделено реставрации и исследованию архитектурных памятников Кремля – соборов Спаса на Бору, Архангельского и Успенского, а также храма Василия Блаженного на Красной площади. Он – автор проектов реставрации, а также элементов декоративного убранства для кремлевских соборов и дворцов. В 1891 г. им была выполнена серия рисунков иконостаса Благовещенского собора, предназначенная для конкурса на лучшее архитектурное решение. В 1895 г. в третьем томе «Археологических известий и заметок» вышла в свет статья ученого об Успенском соборе Московского Кремля, где он предложил проект реставрации храма.

13 ноября 1897 г. Павлинов ушел из жизни в возрасте 45 лет, не успев завершить многое из того, что планировал. Но он успел прославить свое имя многочисленными исследованиями в области средневекового зодчества, часть из них посвящена архитектуре Московского Кремля. Основной же его работой является «История русской архитектуры» (М., 1894), с восторгом воспринятая его современниками и не утратившая своего значения в наши дни.

Выходец из дворянской семьи польского происхождения граф Алексей Егорович Комаровский занял должность хранителя кремлевского музея в ноябре 1893 г. Его назначение, вероятно, являлось одной из причин одновременного отчисления из палаты Г.Д. Филимонова. Сохранившиеся в фонде дворцового отдела в РГАДА документы о назначении Комаровского проливают свет на эту историю и знакомят нас с жизнью и деятельностью графа. Открывается дело с письма Министра императорского двора графа И.И. Воронцова-Дашкова заведующему Московским дворцовым управлением А.Д. Столыпину от 20 октября 1893 г. Приведем из него отрывок: «В виду найденных ревизией беспорядков по содержанию Московской Оружейной палаты я считаю невозможным оставить далее это учреждение на ответственность действительного статского советника Филимонова, на... вследствие этого открывающуюся вакансию хранителя названной палаты является кандидатом на должность Шталмейстер

Двора Его Императорского Величества граф Алексей Егорович Комаровский»¹⁸.

Как видно из дальнейшей переписки, А.Д. Столыпин не нашел возражений против данного кандидата, который был одним из членов Комиссии Министра двора по генеральной ревизии палаты. В ноябре того же года Аркадий Дмитриевич вышел с представлением о назначении графа хранителем, попросив при этом в уважение заслуг определить Филимонову пенсию в размере полного оклада и выдать пособие на переезд с казенной квартиры. Уже 14 ноября 1893 г. в музее появился новый хранитель¹⁹. Сохранившийся в деле послужной список Комаровского²⁰ позволяет судить о его жизни и деятельности. Алексей Егорович родился в 1841 г. в богатой и знатной дворянской семье. Его родители, Егор Евграфович и Софья Владимировна, владели именьями, находившимися в Воронежской, Орловской, Тверской и Ярославской губерниях. Всего у них было 6000 десятин земли. Окончив «историко-философический факультет» Московского университета со степенью кандидата, в марте 1865 г. согласно прошению Алексей Егорович был зачислен канцелярским служителем в Департамент исполнительной полиции. Приказом по Министерству внутренних дел 22 июня 1866 г. переведен в Департамент духовных дел иностранных исповеданий помощником столоначальника. В ноябре 1868 г. произведен в чин титулярного советника. В 1870 г. произведен в коллежские асессоры, а в 1873 г. назначен советником Московского губернского правления. С 11 января 1874 г. – камер-юнкер императорского двора, с 1875 г. – надворный советник. В мае того же 1875 г. переведен на службу в Государственную канцелярию с причислением в отделение дел Государственного секретаря, а в мае 1877 г. откомандирован в санитарный отряд московского дворянства, отправлявшийся на Кавказ, в действующую армию. По возвращении, 24 мая 1878 г. произведен в коллежские советники, а в июле «за труды... во время военных действий Кабулетского отряда 11 и 12 июня 1877 г. Всемилостивейшее пожалован кавалером ордена Св. Станислава 2-й степени с мечами». В ноябре 1878 г. определен в шталмейстеры императорского двора с причислением к Государственной канцелярии, в 1880 г. уволился со службы по собственному желанию. В марте 1883 г. был командирован для участия в работе Коронационной комиссии императора Александра III и императрицы Марии Федоровны, а в июне «За усердную и весьма полезную деятельность по Коронационной комиссии» произведен в стат-

ские советники. С августа по декабрь 1883 г. являлся товарищем председателя Строительной комиссии императорского Исторического музея. В 1890 г. был назначен смотрителем императорского Московского Вдовьего дома – благотворительного заведения, существовавшего с 1803 г. до октябрьской революции. На этой должности он и находился до определения в кремлевский музей. В 1893 г. Комаровский уже имел знак Красного Креста, являлся кавалером российских орденов Св. Владимира 3-й степени, Св. Анны 2-й степени, Св. Станислава 2-й степени с мечами и ряда иностранных орденов. Документы, хранящиеся в архиве Музеев Московского Кремля, свидетельствуют о том, что он вел практически всю административную работу. На его имя направлялись документы из Министерства двора, письма из различных ведомств, а также ходатайства о посещении музея. Он же участвовал в работе по подготовке к коронации последнего российского императора Николая II. Очевидно, что второй хранитель, Андрей Михайлович Павлинов, о котором сказано выше, основное время проводил в творческих командировках и экспедициях, занимался реставрацией и изучением кремлевских архитектурных памятников, тогда как Комаровский осуществлял практическое руководство деятельностью учреждения. В 1894 г. ему была объявлена благодарность «за особое возложенное на него поручение по Министерству двора», в 1896 г. ему была пожалована медаль в память коронации Николая II. В том же году он был награжден румынским орденом Короны Большого офицерского креста. В следующем, 1897 г. – итальянским орденом Короны и австрийским орденом Франца-Иосифа²¹. Однако в начале 1898 г. генерал от инфантерии принц Александр Петрович Ольденбургский обратился с ходатайством о назначении Комаровского «управляющим Двором его высочества и ея... высочества принцессы Евгении Максимилиановны, с оставлением в должности Шталмейстера». Это ходатайство было удовлетворено, и Комаровский оставил службу в Оружейной палате²². Сведениями о его дальнейшей судьбе автор не располагает. Известно лишь, что один из его сыновей, Владимир Алексеевич, стал художником-иконописцем, а другой, Василий Алексеевич, известен как поэт «Серебряного века».

После смерти А.М. Павлинова и перехода на другое место службы А.Е. Комаровского в 1898 г. Оружейная палата вновь осталась без руководства. Ее следующими хранителями были назначены Юрий (Ге-

оргий) Арсеньев и Владимир Константинович Трутовский, о жизни и деятельности которых мы можем узнать благодаря сохранившимся архивным документам и работам ряда авторов, в числе которых сотрудники нашего музея С.В. Зверев и М.П. Голованова²³.

Юрий (Георгий) Васильевич Арсеньев родился 3 февраля 1857 г. в Москве в многодетной дворянской семье. Его путь в историческую науку не был прямым и коротким. После гимназии он поступил в Морское училище в Санкт-Петербурге, окончив которое в 1874 г., отправился служить на Балтийский флот. Но после женитьбы в 1882 г. ушел в отставку и переехал в поместье в Тульской губернии. Там он служил в земских учреждениях, одновременно занимался изучением родного края. 20 марта 1898 г. был назначен хранителем Оружейной палаты с причислением к Министерству императорского двора, получил квартиру в Кремле. На его хранении находились знамена, Конюшенная казна и оружие. В 1910 г. сопровождал экспонаты Оружейной палаты на выставку в Мюнхен, получил чин действительного статского советника. Годом ранее совместно со вторым хранителем В.К. Тутовским он подготовил и издал путеводитель по Оружейной палате, до 1917 г. выдержавший четыре издания, в каждое из которых вносились добавления и уточнения. Известный специалист в области генеалогии и геральдики, оставивший после себя более пятидесяти работ по этой тематике и читавший лекции по геральдике в Московском археологическом институте, почетным членом которого он являлся, Юрий Васильевич также автор ряда публикаций по истории Оружейной палаты и ее сокровищ²⁴. Революционные события 1917 г., воспринятые им негативно, перевернули его жизнь, как и жизнь всего населения России. Главной задачей хранителей музея в новых условиях было уберечь исторические сокровища от гибели и хищений, поэтому он не оставлял службу в палате и до самой кончины в феврале 1919 г. участвовал в заседаниях Комиссии по охране памятников искусства и старины.

Соратник Ю.В. Арсеньева по музейной хранительской работе Владимир Константинович Трутовский родился 28 февраля 1862 г. в Санкт-Петербурге, затем учился в Москве, при Лазаревском институте восточных языков²⁵. Свое обучение он продолжил в Петербурге в учебном отделении Азиатского департамента МИД и в Императорском Археологическом институте. Главной сферой его интересов была нумизматика, которой он посвятил целый ряд ра-

бот²⁶. В 1887 г. Владимир Константинович поступил на службу в Московский главный архив Министерства иностранных дел, а в 1898 г. перешел на должность хранителя Оружейной палаты, которой и отдал более 25 лет своей жизни, стремясь повысить просветительскую роль музея. Им было издано немало публикаций, посвященных истории и сокровищам палаты²⁷. После революции 1917 г. он служил в Кремле до апреля 1924 г. Во многом благодаря именно его активным действиям удалось организовать охрану исторических ценностей. Занимался он также описанием и учетом новых поступлений, направляемых в палату из московских дворцов, церквей и монастырей. После перевода музея в ведение Наркомпроса и назначения в марте 1919 г. М.С. Сергеева на должность хранителя (впоследствии заведующий музеем) он выполнял обязанности хранителя западного и восточного серебра. Состоял Трутовский и в Комиссии по охране памятников искусства и старины в Москве, стремясь сделать все возможное и невозможное для спасения исторического наследия. В 1924 г. он был исключен из штата музея и переведен в сверхштатные сотрудники. В этот период он занимался в основном преподавательской деятельностью, читал лекции по нумизматике в МГУ и Институте востоковедения²⁸. С марта 1925 г. он становится главным хранителем Этнографо-археологического музея 1-го МГУ, туда же он передал и свою обширную библиотеку. В 1930 г. вышел на пенсию, а 14 декабря 1932 г. он скончался, похоронен на Дорогомиловском кладбище²⁹.

¹ Об истории Оружейной палаты подробнее см.: Николаева А.С., Щербина Е.В. Российские императоры и Оружейная палата в 1801–1917 годах // Российские императоры и Оружейная палата. М., 2006. С. 89–102; Смирнова Е.И. Оружейная палата. XIX век // Сокровищница России. Страницы исторической биографии музеев Московского Кремля. Материалы и исследования. Вып. 14. М., 2002. С. 30–47; Петухова А.В. Музей в Кремле как государственное учреждение. Там же. С. 12–28.

² См.: О правилах управления и сохранения в порядке и целости находящихся в Мастерской и Оружейной палате древностей. 10.03.1806 // Полное собрание законов Российской империи (далее ПСЗ). Т. XXIХ. № 22054. С.133–135; Штат Мастерской и Оружейной палаты. 10.03.1806 // ПСЗ. Т. XLIX. № 22054. Ч. II. С. 62.

³ См.: О переименовании Экспедиции Кремлевского строения в Московскую Дворцовую контору, и образование оной по изданному для нее Уставу с присоединением к ведомству ея Оружейной палаты. 22.08.1831 // ПСЗ. Т. VI. Отд. 1. № 4768. С. 773–778.

⁴ См.: Петухова А.В. Указ. соч. С. 18–19; ОРПГФ Музеев Московского Кремля. Ф. 20. Оп. д.р. Д. 69.

- ⁵ См.: Там же. С. 19, 27.
- ⁶ Смирнова Е.И. Указ. соч. С.40, 46, 47.
- ⁷ РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Ч. 3. Д. 7384. Л. 1.
- ⁸ Там же. Л. 1, 1 об.
- ⁹ Там же. Л. 57.
- ¹⁰ Смирнова Е.И. Указ. соч. С. 41. Составленные им части описи были опубликованы в 1884 г.
- ¹¹ РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Д. 24146. Л. 2–6.
- ¹² Там же. Оп. 3. Ч. 3. Д. 7384. Л. 24–25; Чаев Н. Описание дворца царя Алексея Михайловича в селе Коломенском. М., 1869.
- ¹³ Там же. Д. 7384. Л. 63.
- ¹⁴ Там же. Л. 75, 76, 78 – 88 об.
- ¹⁵ См.: Н.П. [Н. Покровский]. Г.Д. Филимонов. Некролог // Памятники древней письменности и искусства. СПб., 1899. Т. 132; Исаева Е.В. 1) Георгий Дмитриевич Филимонов и Московская Оружейная палата второй половины XIX века // Художественные памятники Московского Кремля. М., 2003. С. 219, 220; 2) Георгий Дмитриевич Филимонов. Страницы жизни и творчества (1826–1898) // Филимоновские чтения. Вып. 1. М., 2004. С. 7–19.
- ¹⁶ Исаева Е.В. Георгий Дмитриевич Филимонов. С. 15.
- ¹⁷ См., например: Савельев Р.Ю. Постановка проблем русского зодчества и монументальной живописи в работах С.А. Усова (1827–1886) // Проблемы синтеза искусства и архитектуры. Вып. XXI. Л., 1985. С. 52–58; Савельев Р.Ю. Хранитель Оружейной палаты А.М. Павлинов // Московский Кремль в XIX веке. М. В печати.
- ¹⁸ РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Д. 25315. Л. 1.
- ¹⁹ Там же. Л. 2–9.
- ²⁰ Там же. Л. 18–33.
- ²¹ Там же. Л. 73.
- ²² Там же. Л. 75.
- ²³ См., например: Зверев С.В. 1) Владимир Константинович Трутовский. История жизни и творчества (1862–1932) // Международный нумизматический альманах «Монета». Вологда, 1995. Вып. 2. С. 40–68; 2) Юрий Васильевич Арсеньев – хранитель Оружейной палаты в 1898–1919 гг. // Московский Кремль в XIX веке. М. Т. 1. В печати; 3) Владимир Константинович Трутовский (1862–1932) – хранитель Оружейной палаты в 1898–1924 гг. // Московский Кремль в XIX в. Т. 1. М., В печати; Голованова М.П. Из истории музейного дела в России. Материалы к биографии хранителя Оружейной палаты Ю.В. Арсеньева // Гербовед. М., 1997. № 10; Наумов О.Н. Юрий Васильевич Арсеньев – геральдист и генеалог // Гербовед. М., 1994. № 1–2; Пчелов Е.В. Очерк истории геральдики в России // Под знаком Золотой Пчелы: Всероссийское геральдическое общество. 1991–2005. М., 2006.
- ²⁴ Арсеньев Ю.В. 1) Геральдика. Лекции, читанные в Московском Археологическом институте в 1907–1908 году. М., 1908; 2) К истории древностей Оружейной палаты. М., 1902; 3) Оружейный приказ при царе Михаиле Федоровиче: Материалы, извлеченные из архива Оружейной палаты. СПб., 1903; 4) К истории Оружейного приказа в XVII веке. СПб., 1904.
- ²⁵ Зверев С.В. Владимир Константинович Трутовский. С. 40.
- ²⁶ См., например: Каталог восточных монет Московского Румянцевского и публичного музеев // Опись нумизматической коллекции музеев. М., 1886. Вып. 3; Трутовский В.К.

Нумизматика. Вып. 1. Общее введение в нумизматику (лекции, читанные в Московском Археологическом институте в 1907/1908 академич. году). М., 1908.

²⁷ См., например: Трутовский В.К. 1) Боярин и оружничий Богдан Матвеевич Хитрово и Московская Оружейная палата // Старые годы. 1909. № 7–9. С. 345–383; 2) Патриарх Филарет и некоторые его памятники // Светильник. 1913. № 1. С. 21–39.

²⁸ Научные работники Москвы. Л., 1930. Ч. 4. С. 284.

²⁹ Зверев С.В. Владимир Константинович Трутовский. С. 44.; Лаврова О.И. Хроника музея (июнь 1925 – февр. 1926) // Отчет Этнографо-археологического музея 1 МГК. М., 1926. С. 13.

А.Г. Панкратов (Санкт-Петербург)

ОБ ОДНОМ УНИКАЛЬНОМ ОБРАЗЦЕ ЗАЩИТНОГО ВООРУЖЕНИЯ ИЗ ЭКСПОЗИЦИИ ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ АРТИЛЛЕРИИ, ИНЖЕНЕРНЫХ ВОЙСК И ВОЙСК СВЯЗИ

ЭКСПОЗИЦИЯ древнерусского защитного вооружения собрания Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (ВИМАИВиВС) содержит уникальный экспонат, относящийся к защитному снаряжению, который первоначально можно определить как пластинчатый наруч с рукавицей. Насколько известно, данное защитное приспособление никогда не подвергалось пристальному исследованию. Пути, которыми этот элемент доспеха оказался в экспозиции музея, неясны. Можно предполагать, что он был приобретен путем обмена Н.Е. Бранденбургом для расширяемой им экспозиции древнерусского оружия. Также нельзя исключить более раннего поступления данного предмета в коллекцию музея.

Экспонируемый элемент доспеха состоит из двух основных элементов: наруча, собранного из четырех пластин, и рукавицы с закрепленным на ней кольчужным полотном. В музейной описи данный предмет обозначен как «древнейшая рукавица русского ратника XV в.». Оба предмета объединены под одним инвентарным номером АИМ 136/609. Наруч предназначен для левой руки, это очевидно из расположения пряжек, держателей для ремней и кроя рукавицы (ил. 1).

Ил. 1

Оригинальность данного защитного приспособления очевидна – большинство древнерусских наручей имеют устоявшуюся типичную форму в виде двух выгнутых железных досок, снабженных навесными петлями. В более позднее время внутренняя доска (створка) иногда заменялась двумя «черевцами», соединенными обыкновенно кольчужным плетением.

Четыре пластины наруча имеют следующие размеры в длину: первая («внутренняя») с пряжками – 15,4 мм; вторая – 214 мм, снабжена двумя ассиметричными треугольными выступами; третья – 245 мм, снабжена треугольным выступом-мыском, очевидно, по примеру наручей «с локтями», немного защищая локоть; четвертая – 218 мм, снабжена держателями для ремней. Все пластины имеют практически одинаковую ширину – 44 мм в согнутом состоянии. По-видимому, они выполнены из сталистого железа, их толщина колеблется от 0,7 до 1 мм, что, очевидно, связано со способом изготовления. Для получения выгнутой формы выкроенные заготовки под пластины, вероятно, были помещены в специальную форму, – например, полукруглое углубление, возможно, ступеньку наковальни и обрабатывались серией мелких ударов узкой частью молотка («задком») для придания изгиба по вертикали. Следы от подобных ударов хорошо прослеживаются на внутренней стороне пластин наруча (ил. 2). Придание

Ил. 2

Ил. 3

пластинам изгиба по вертикали, очевидно, связано не с удобством для охватывания руки – данный изгиб повышает защитные функции пластин наруча, делая их более выпуклыми (ил. 3).

Скорее всего, следствием такого метода придания пластинам изгиба явилось множество отметин на наружной части пластин, некоторые из которых могли быть достаточно глубокими и поэтому требовали дополнительных слесарных операций. Слесарная «доводка» пластин до максимально гладкого состояния, очевидно, и обусловила некоторую разницу в толщине. Каждая из пластин наруча прекрасно орнаментирована узором, выполненным, вероятно, в технике резьбы по металлу и чеканки – фон узора прочеканен мельчайшими точечками. Там, где инструмент оказал чрезмерное давление на пластину, вследствие создания заглубленного фона возник отпечаток узора на внутренней стороне пластин. С последствиями данной операции, когда оказалось, что пластины были практически пройдены насквозь, мастер пытался справиться пайкой – некоторые части узора изнутри несут следы латунного припоя.

Орнамент, воспроизведенный на пластинах наруча, широко известен в древнерусском, византийском и центральноазиатском искусстве. Остановимся на нескольких известных древнерусских аналогиях. Наиболее известным воинским предметом, имеющим схожую стилистику узора, является включенный в известный свод А.Н. Кирпичникова шлем из с. Бабичи. Растительный орнамент, украшающий наручи, представляет аналогичную вариацию ветвистых побегов, снабженных на конце вытянутыми утолщениями – нераскрытыми бутонами и листиками-завитками. А.Н. Кирпичников связывает подобный стиль изображения на шлеме с рисунком древнерусского Евангелия из собрания Румянцевского музея в Москве (1161 г.)¹. Подобный узор также присутствует на канте щита святого воина с известного рельефа Георгиевского собора в Юрьеве-Польском.² Оформлена росписью в подобном растительном стиле, созданной в 1380 г., задняя стенка северо-западной ниши барабана церкви Спаса-Преображения на Ковалеве в Великом Новгороде³. Круг памятников, несущих изображение подобного узора, весьма широк, и мы не будем останавливаться на нем подробно.

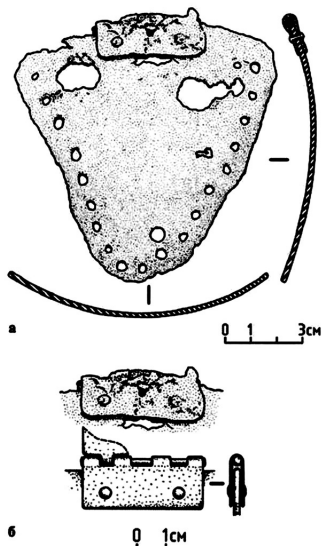
Пластины соединены между собой тремя длинными петлями, каждая из которых стандартно на одной стороне приклепана к пластинам четырьмя маленькими латунными заклепками. Таким образом, каждая петля удерживается восемью заклепками. Головки за-

клепок полушаровидные, имеют диаметр 1 мм и высоту 6 мм. Очевидно, что ножка заклепки имеет диаметр менее 1 мм. Соединение при помощи петель известно в древнерусских доспехах. Довольно длинные петли, сложенные из полосы, присутствуют на известном наплечнике из собрания Новгородского музея-заповедника, относящегося к XIV в.⁴ (ил. 4.1). Длинной петлей прикреплялась к основной части доспеха пластина оторочки, найденная в Серенске, соотносимая с временным периодом XIII–XIV вв.⁵ (ил. 4.2).

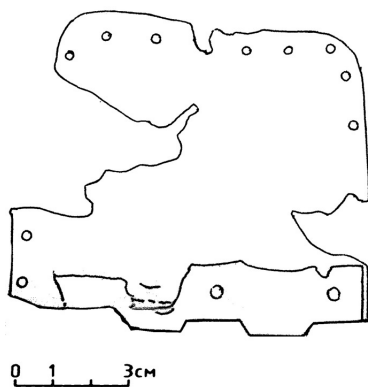
Однако, длинные петли исследуемого нами пластинчатого наруча, кажется, характерны для более позднего времени. Так, например, длинными петлями – на всю длину внутренней крышки – снабжены наручи персидского доспеха начала XVIII в. из собрания Царскосельского арсенала⁶.

Края пластин наруча выполнены в весьма оригинальной манере, а именно: декорированы небольшими зубчиками и полукруглыми выступами. Такая агрессивная, на первый взгляд, стилизация края доспеха вследствие высококлассной слесарной обработки является абсолютно гладкой на ощупь и не передает ощущения, что есть возможность получить повреждения о подобный край (ил. 5.1).

Подобный стилизованный декор встречается на древнерусских воинских вещах не часто. Вместе с тем, аналогичный стиль оформ-

Ил. 4.1

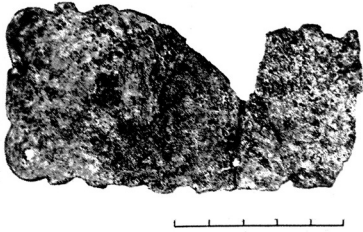
Ил. 4.2

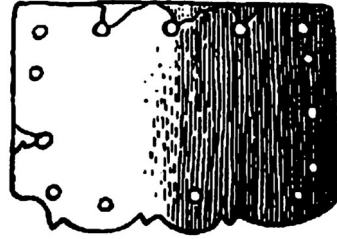
Ил. 5. 1

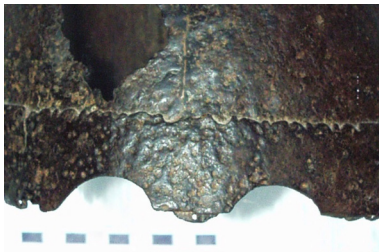
Ил. 5. 2

Ил. 5. 3

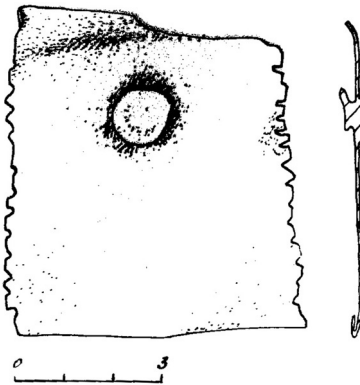
Ил. 5. 4

Ил. 5. 5

ления краев пластин в доспехах и воинских вещах, встречающихся на древнерусских территориях, все-таки известен.

Наиболее ранними воинскими предметами, демонстрирующими декор в виде зубчиков и полукружий, являются железные оковки днищ колчанов. По мнению А.Ф. Медведева, таки-

Ил. 5. 6

ми колчанами пользовались восточные славяне и мадьяры⁷ (ил. 5.2).

Полукруглые выступы и, можно предположить, остатки подобных зубчиков несет на себе крупная dospешная пластина из Минска, опубликованная А.Э. Загорульским, отнесенная им к весьма раннему временному периоду (XI в.) и определенная как часть «нарукавника» – доспеха для защиты руки от плеча до локтя⁸ (ил. 5.3).

В Смоленске при раскопках под руководством В.А. Авдусина был обнаружен фрагмент пластинчатого доспеха, в составе которого присутствовала крупная прямоугольная пластина, обыкновенно являющаяся завершением ряда. Края данной пластины оформлены в аналогичном стиле, демонстрирующем сочетания зубчиков и полукруглых выступов. находка датируется XIII–XIV вв.⁹ (ил. 5.4).

Мелкими полукруглыми и зубчиками оформлена область накладного венца над лицевой частью шлема из Екатеринослава, относящегося к XIV в.¹⁰ (ил. 5.5).

В Пскове при археологических работах под руководством С.В. Степанова на территории раскопа «Петр VI» в слоях XVI в. была обнаружена крупная прямоугольная пластина от доспеха, оформленная по краям полукруглыми зубчиками и вырезами. Судя по ее геометрическим характеристикам и массивной заклепке, она занимала центральное положение в известном виде древнерусского пластинчатого панциря – клепано-нашивном доспехе (ил. 5.6).

Вероятно, что орнамент наруча, как и краев пластин, представляет собою достаточно устойчивую художественную форму, характерную для воинского снаряжения, использующуюся на протяжении всего существования искусства Древней Руси.

Держатели пряжек и ремней исследуемого наруча также оформлены в стиле, характерном для предметов древнерусского искусства. Основная часть держателя пряжки сделана в виде «крины» и имеет завершение в виде стилизованного цветка клевера или креста. Держатели ремней и пряжек удерживаются на пластинах с помощью двух небольших заклепок, исключая возможность разворота на корпусе пластины. Ширина ремней составляла 10 мм. На одном из держателей сохранился обрывок одного ремня, изготовленного из коричневой кожи (ил. 6).

Боевая рукавица с кожаной крагой в настоящее время экспонируется, не соединенная с наручем. В экспозиции она просто помещена под наруч, никак с ним не скреплена. Это позволило усомниться в ее

изначальной принадлежности данному элементу доспеха. Однако дальнейший осмотр выявил характерные детали, указывающие на ее принадлежность данному прикрытию руки: на черной коже краги навсегда остались отпечатки пластин наруча, а треугольный выступ краги идеально подходит под острый «локоть» самой длинной

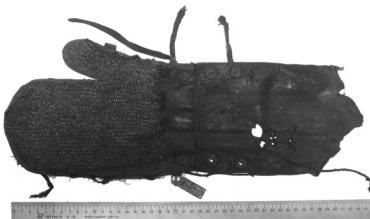

Ил. 6

пластины. Все пластины наруча несут парные или сгруппированные по три мелкие отверстия. В одном из них сохранилась нитяная пришивка. Можно не сомневаться, что рукавица с крагой крепилась к данному наручу через серию подобных отверстий посредством пришивки, утраченной с течением времени.

Крага рукавицы, представляющая из себя подкладку для наруча, выполнена, как нами уже было отмечено, из черной кожи, ее толщина не превышает 1 мм. По

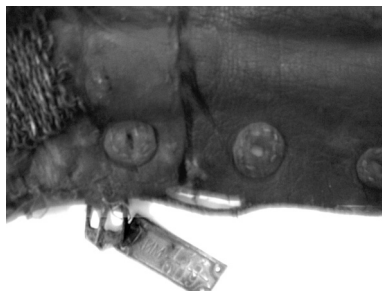
краю краги ранее был прикреплен шнур из коричневого шелка, несущий декоративную функцию, его фрагменты еще сохранились. Снаружи рукавица защищена кольчужным полотном. Оно выполнено из мельчайших кольчуж-

Ил. 7. 1

Ил. 7. 2

Ил. 7. 3

ных колечек. Диаметр кольца составляет 4–4,5 мм, толщина проволоки – 0,5 мм. Все колечки склепаны. На кожаной подоснове кольчужное полотно зафиксировано пришивкой через узкую полосу коричневой тонкой кожи, обнимающую и полотно, и рукавицу внахлест (ил. 7.1). Изнутри рукавица обшита черной хлопковой или саржевой тканью мелкого переплетения, горизонтально простеганной. К ней пришиты три шелковые петельки для удержания рукавицы на руке. Первая петля – наиболее широкая, через нее проходила ладонь. Прочие две фиксировали средний и безымянный пальцы. Существовала еще одна петля – на кончиках пальцев, в настоящее время видны следы места, где она была прикреплена (ил. 7.2). Наиболее известную аналогию составляет кольчужная рукавица с крагой-подкладкой турецких наручей Ф.И. Мстиславского, в настоящее время, по-видимому, утраченная, зарисованная в альбоме Ф.Г. Солнцева.¹¹ Крага из наруча Мстиславского также была длинной, но ее рукавица демонстрировала иной способ удержания: хотя ремни для пальцев присутствовали, ладонь, по-видимому, все-таки была закрыта тканью. Как известно из данных этнографии, некоторые кавказские наручи имеют также приспособление для защиты руки в виде рукавицы, но способ ее прикрепления к руке отличается: она приматывается к кисти руки и ладони внахлест шелковым шнуром.

Необходимо отметить, что помимо шелковой тесьмы, в которую вкладывались пальцы, рукавица фиксировалась на предплечье посредством застегивания пряжкой с ремнем, пришитыми к краге, очевидно, чуть ниже запястья. Также, кроме ремня, крага фиксировалась на предплечье шнурами из коричневого шелка или хлопка с переплетением елочкой, которых уцелело два на внутренней стороне. Места закрепления шнуров были усилены кожаными шайбами со сквозными отверстиями, пришитыми по периметру, диаметр которых составляет примерно 15 мм (ил. 7.3).

Все это полностью соответствует определению, в свое время данному боевой русской рукавице А.В. Висковатовым: «Рукавица – вырезок из кожи в виде руки. С одной стороны он покрывался панцирной или кольчужною сеткою с коваными бляхами или гвоздями, а с другой имел две тесьмы или узких ремня, из которых в один продевался большой, в другой же – остальные четыре пальца руки. Рукавицы прикреплялись к наручам с испода. У богатых такие рукавицы вкладывались еще в шелковые чехлы или нагалища и уже с ними

придelvesались к наручам»¹². Судя по описи имущества князей Голыциных, такие рукавицы иногда еще назывались «надолонками»¹³.

Специальной работы, широко освещающей типы древнерусской защиты конечностей и их генезис, в настоящее время не существует, что уже было отмечено современными исследователями.

Впервые на элементы защиты рук как на отдельную категорию защитного вооружения обратил свое внимание А.Н. Кирпичников, описавший такую знаменательную находку, как наруч из с. Сахновка¹⁴. А.Ф. Медведев, являющийся основоположником прогрессивных взглядов на генезис древнерусского пластинчатого снаряжения, развивал концепцию о существовании отдельных видов доспеха, служащих для защиты конечностей, но в своих работах слабо их атрибутировал¹⁵. На странице его очерков фрагменты защиты конечностей зачастую занимают ничем не примечательное место среди пластин корпусных доспехов¹⁶, а некоторые яркие археологические находки из их числа внятно опубликованы лишь в последнее время. Подобную неразвитость взглядов можно объяснить инерцией, заложенной еще в советское время, особенностями методологии эпохи, старавшейся придать древнерусскому вооружению большинства категорий «народный характер», практически отрицающей необходимость защиты конечностей и декларирующей удобство ограниченного набора защитного вооружения – такого как щит, кольчужная рубаха и шлем. Так, в качестве яркого примера можно привести еще более раннюю работу М.Г. Рабиновича, оправдывающую подобные взгляды, но, впрочем, точно соответствовавшую современной конъюнктуре¹⁷.

Настоящее развитие исследования, посвященные дополнительным средствам защиты в древнерусском войске, получили только в недавнее время. Крупная статья А.Н. Каменского и Ю.А. Кулешова рассматривает примеры защиты конечностей на археологических материалах Великого Новгорода, заново качественно освещая археологический материал, собранный А.Ф. Медведевым, также иллюстративно привлекая любопытный пласт евразийских находок и сообщения о малоизвестных элементах защиты конечностей из других древнерусских регионов.

Ю.А. Лупиненко и О.А. Макушников придерживаются мнения о высоком уровне ремесла древней Руси, считая, что среди панцирных пластин мастерской, найденных на территории летописного Гомия, сохранились останки не менее десятка пар двухстворчатых наручей, считая их исключительно местной продукцией¹⁸.

Необходимо отметить и противоположенные взгляды. Так, например, Н.А. Плавинский латные наручи-налокотники из Гомельской оружейной мастерской допускает принадлежащими заимствованию из арсенала монголо-татарских воинов¹⁹.

Работа А.В. Сальникова поддерживает мнение М.В. Горелика о появлении наручей в арсенале защитного вооружения народов Северного Кавказа, связывая их исключительно с монгольским (центральноазиатским) влиянием или соседней Грузии, опять же приписывая их возможное появление в Грузии «включением в систему политико-экономического контроля монголов Ирана»²⁰.

О.В. Шиндлер недавно провел специальное исследование²¹, в котором классифицировал наручи, использовавшиеся в поздне-средневековом русском войске. Все наручи из известных собраний Оружейной Палаты и собрания С.Д. Шереметьева были отнесены этим исследователем к широкому временному периоду XV–XVII вв., и еще раз отмечено восточное происхождение довольно большого количества экземпляров этого вида доспеха. Также О.В. Шиндлером были собраны все свидетельства о русских боевых рукавицах. Определенное внимание данный автор уделил категории слабо атрибутируемой в настоящее время защиты рук – так называемых «боевых зарукавий».

Что же касается специальных исследований, посвященных существованию наручей, набранных из нескольких пластин, – в отечественной историографии они отсутствуют. Широко известен набор защитного вооружения в одной из могил в Вальсгарде, упоминаемых Э. Окшоттом, состоящий из пары наголенников и наруча, собиравшихся из длинных узких пластин, и изображение всадника с золотой вазы, найденной в Нагисзентмиклосе, защищенного подобными наручами и поножами. Тем же автором представлены сведения об изображении пластинчатого манжета или наруча одного из персонажей с бронзовой пластинки шлема из захоронения в Саттон-Ху²². Недавнее грабительское разрытие на городище Козьи скалы среди прочих находок, очевидно, соответствующих впускным погребениям различных эпох, демонстрирует шинный фрагмент защиты конечности (понож?), из трех пластин, соединенных петлями. (Информация о конструкции и обстоятельствах находки любезно предоставлена Ю.А. Кулешовым.) И наконец, совсем недавно отечественная историография пополнилась единственным исследованием трехстворчатого раннесредневекового наруча из бывшего собрания

В.Я. Сатановского, соотносимого с временным периодом второй половины VIII – IX вв.²³

Стоит упомянуть воина, защищенного пластинчатыми наголенниками из узких, очевидно, железных шин, с фрески Кирилловской церкви в Киеве (XII в.)²⁴. Обозревая имеющийся материал, можно сделать вывод, что шинная защита рук, по-видимому, активно не используется в позднем Средневековье. Противопоставить что-то этому предположению могут пространные упоминания о «зарукавьях»²⁵.

Таким образом, подразумевая, что шинные комплекты защиты конечностей характерны именно для раннего Средневековья, но учитывая хорошую сохранность артефакта, стиль исполнения и декор, нет смысла подвергать сомнению датировку – XV в., присутствующую в музейной описи предмета. На наш взгляд, есть причины даже удревить ее, но, учитывая хорошую сохранность артефакта и наличие соединения при помощи длинных петель, можно предложить и несколько более позднее его происхождение. Художественное оформление может, скорее, указывать на его исполнение русскими мастерами, однако кто действительно изготовил данный образчик доспеха в столь сложной и архаичной манере, на сегодняшний день является загадкой.

Таким образом, музейный экспонат АИМ 136/609 является важным свидетельством разнообразной оснащенности воинских контингентов Древней Руси XV–XVII вв., расширяя наши представления о видах и качестве защитных средств, использовавшихся в русском позднесредневековом войске.

¹ Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие. Доспех, комплекс боевых средств IX–XIII вв. Л.: Наука, 1971. Вып. 3. С. 28.

² Там же. Таблица VIII.

³ Греков А.П. Фрески церкви Спаса-Преображения на Ковалеве. М: Искусство, 1987. С. 16.

⁴ Каменский А.Н., Кулешов Ю.А. Защита конечностей в комплексе вооружения древнерусского воина (по материалам Великого Новгорода) // Военная археология. Сборник материалов Проблемного совета «Военная археология» при Государственном Историческом музее. Вып. № 3. М.: МедиаМир; Тула: Куликово поле, 2014. С. 179. Рис. 16.

⁵ Никольская Т.Н. Военное дело в городах земли вятичей // Краткие сообщения 139. Славяно-финская археология. По материалам древнерусского Серенска. С. 39. Рис. 13.3.

- ⁶ Эрл Эгертон. Индийское и восточное оружие. От державы Маурьев до Империи Великих Моголов / Пер. с англ. И.А. Емеца. М.: ЗАО Центрполиграф, 2007. С. 92. Ил. IV.
- ⁷ Медведев А.Ф. Ручное метательное оружие. Лук и стрелы, самострел VIII–XIV вв. М.: Наука, 1966. Вып. Е1-36. С. 20, С. 127, рис. 4.
- ⁸ Загорюльский Э.М. Возникновение Минска. Минск: Изд-во БГУ им. В.И. Ленина, 1982. С. 220. Таблица XI.5.
- ⁹ Медведев А.Ф. К истории пластинчатого доспеха на Руси // СА. № 4. М.: Издательство Академии наук, 1959. С. 124, 127, рис. 2, 11. С. 132.
- ¹⁰ Жуков К.А. Русские сфероконические шлемы развитого средневековья / Воин. № 18. Самара: ООО «Братина», 2009. С. 23, рис. 10.
- ¹¹ Солнцев Ф.Г. Акварель. 1853. <http://providenie.narod.ru/01/1454.html>.
- ¹² Висковатов А.В. Историческое описание одежды и вооружения российских войск. СПб.: В.С. Балашев и К^о, 1899. Ч. 1. С. 33–34.
- ¹³ Розыскные дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках Т. IV. СПб., 1893. Столбец 124.
- ¹⁴ Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие. Доспех, комплекс боевых средств IX–XIII вв. Вып. 3. Л.: Наука, 1971. С. 20.
- ¹⁵ Труды Новгородской археологической экспедиции / Материалы и исследования по археологии СССР. № 65. Т. II. М.: Издательство Академии наук, 1959. С. 178.
- ¹⁶ Медведев А.Ф. К истории пластинчатого доспеха на Руси // СА. № 4. М.: Издательство Академии наук, 1959. С. 129.
- ¹⁷ Рабинович М.Г. Из истории русского оружия X–XV вв. // Труды института этнографии им. Миклухо-Маклая. Новая серия. Т. I. М.; Л., 1947. С. 74.
- ¹⁸ Лупиненко Ю.М., Макушиников О.А. Створчатые наручи первой половины XIII в. из летописного Гомия // Военная археология. Сборник материалов проблемного совета «Военная археология» при Государственном Историческом музее. Вып. 3. С. 184–190.
- ¹⁹ Плавінскі М.А. Узбраенне беларускіх земляў X–XIII стагоддзяў. Минск: Галіяфы, 2013. С. 86, 87.
- ²⁰ Сальников Л.В. К вопросу о присутствии наручей в защитном вооружении народов Северного Кавказа XIII–XV вв. // Историческая и социально-образовательная мысль. Т. 7. № 1, 2015.
- ²¹ Шиндлер О.В. Защита рук и ног, щиты и другие «необязательные по уложению» русские доспехи XVI века. [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. 2015. Т. VI. С. 352–403 <http://www.milhist.info/2015/04/3018/schindler_1> (30.04.2015).
- ²² Э. Окшотт. Археология оружия. От бронзового века до эпохи ренессанса. М.: Центрполиграф, 2004. С. 149–152.
- ²³ Зозуля С.С., Барышев А.В. Наручи из собрания Исторического музея // Воинские традиции в археологическом контексте: от позднего латента до позднего средневековья. Тула, 2004. С. 54–61.
- ²⁴ А. Щербаков., И. Дзысь. Ледовое побоище. М.: Экспринт, 2001. С. 22.
- ²⁵ Висковатов А.В. Историческое описание одежды и вооружения российских войск. Ч. 1. С. 33.

А.М. Пастухов (Москва)

**К ВОПРОСУ О ТИПОЛОГИИ
ИНДО-ПЕРСИДСКИХ ШЛЕМОВ.
АНАЛИЗ И СРАВНЕНИЕ ШЛЕМОВ ИЗ МУЗЕЙНЫХ
И ЧАСТНЫХ КОЛЛЕКЦИЙ
С ИКОНОГРАФИЧЕСКИМИ ИСТОЧНИКАМИ**

ОДНОЙ ИЗ ПРОБЛЕМ оружейведения как науки является то, что до настоящего времени ряд предметов вооружения, очень распространенных в музейных собраниях и частных коллекциях, не подвергался настоящему изучению, и оперирование подобными данными производится с позиций «это всем известно».

Одним из первых на эту проблему в отечественном оружейведении обратил доктор исторических наук Л.А. Бобров, опубликовав ряд статей по тем аспектам военного дела доиндустриальных обществ и их оружейведения, на которые ранее никто не обращал серьезного внимания. В Республике Казахстан аналогичные исследования проводятся доктором исторических наук А.К. Кушкумбаевым.

Есть и другие примеры обращения оружейведов в странах СНГ и за рубежом к предметам, ранее не вызывавшим научного интереса у исследователей – например, статья словацко-канадского исследователя Йайна Нормана об африканских мечах такуба с клинками европейского производства (находится в печати) или исследования английского ученого Стивена Сэлби о китайской стрельбе из лука.

На наш взгляд, это начинание следует всячески поддерживать и развивать, поскольку тем самым в научный оборот вводится огромное количество интересного и информативного материала, что позволяет исследователям более широкого профиля делать более правильные выводы, связанные с осмыслением военного дела разных стран и периодов, в своих работах.

Статьи Л.А. Боброва «Шлем “кула-худ” из “Арсенала хана Джангира”», «“Индо-персидский” шлем хана Джангира и эволюция “кула-худ” XVI–XIX вв.» и «Иранские шлемы “кула-худ” в комплексе защитного вооружения тюркских кочевников Центральной Азии XVII–XIX вв.»¹, опубликованные в 2014–2015 гг., ставят на повестку дня вопрос о типологии шлемов так называемого Индо-Персидского региона².

Безусловно, эти статьи представляют собой очередной важный этап в развитии оружейведения, но, по нашему мнению, говорить о том, что в вопросе изучения индо-персидских шлемов можно поставить точку, еще рано.

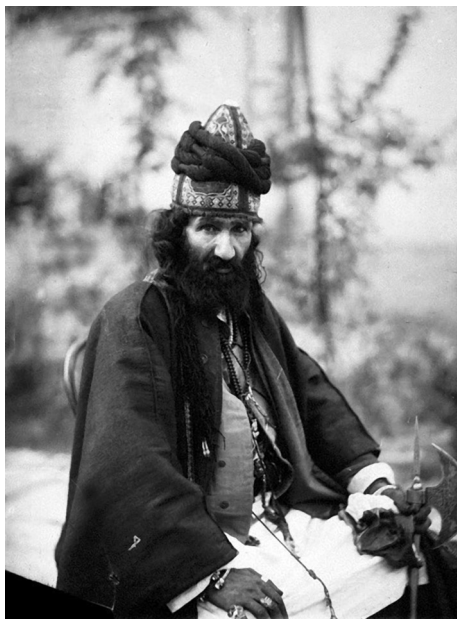
В первую очередь, как представляется нам, следует достичь определенной унификации в терминологии. Так, Л.А. Бобров применяет написание «кула-худ», что, по нашему мнению, несколько неудачно, поскольку данное слово является иранским по происхождению и состоит из двух компонентов, важных для понимания смысла термина, имеющих вполне четко зафиксированное написание в кириллической графике – «кулаххўд» (фарси دوخلاک)³.

Слово «шлем» в фарси и родственных ему языках – дари, урду, таджикском и т. п. звучит как «хўд»⁴. Согласно данным индийских исследователей Дж.Н. Панта и К.К. Шармы, слово хўд в урду обозначает шлем с полусферической тульей, как клепаной из отдельных сегментов, так и цельнокованой. Шлемы подобного типа распространены гораздо шире, чем в собственно Индо-Персидском регионе – полусферические шлемы встречаются от Кореи до Ирана в широтном направлении и от южной Сибири до южной Индии в меридиональном, а также бытовали в Бутане и Тибете.

Слово кулаххўд состоит из 2 частей – слова кулах, означающего «остроконечную шапку» или «колпак»⁵, и хўд, означающего просто «шлем». Т. е. кулаххўд обозначает шлем с тульей, своей формой напоминающей колпак. В связи с этим мы предлагаем зафиксировать четкую форму написания данного термина в русском языке как кулах-худ (ил. 1).

Для обозначения шлемов с иной формой и конструкцией тульи в иранских языках используются иные термины – тос⁶, тоскулох (букв. «шапка в виде таза»), хўд, миғфар⁷, пагари⁸, байда⁹, тарк¹⁰, кулох зирех¹¹ и т. д.

В настоящий момент, в связи с развитием иранских языков, точное значение каждого термина становится более размытым – как

Ил. 1. А. Севрюгин «Дервиш», Иран, 1901 г.

правило, происходит расширение поля значений в сторону их более широкого толкования как шлема, шапки или же головного убора вообще.

Написание искомого термина в форме кулах-худ дает читающему полное представление о типе тульи этого шлема (букв. «шлем в виде колпака») и позволяет четко выделить его среди других шлемов рассматриваемого региона¹².

Во-вторых, по нашему мнению, следует задать более четкие критерии выделения шлемов типа кулах-худ среди индийских, афганских, иранских и т. п. шлемов.

В своей статье Л.А. Бобров предлагает следующие критерии определения кулах-худа: «Классический “кула-худ” состоит из пяти основных конструктивных элементов:

1. Цельнокованная тулья полусферической (реже – низкой сфероконической) формы.
2. Навершие, состоящее из конического (реже – полусферического) “подвершия” (пластины-основания) и пиковидного острия.
3. Подвижный наносник-“стрелка”.
4. Парные трубки-втулки для плюмажа на височных сторонах тульи.
5. Кольчатая бармица “переднеазиатского типа”, снабженная специальным сегментом-налобником, прикрывающим верхнюю часть лица (как правило, лоб, в редких случаях лицо до губ)»¹³.

Дж.Н. Пант и К.К. Шарма приводят свои критерии для вычленения шлемов типа худ, подчеркивая при этом их иранское происхождение:

«В целом, для среднестатистического индийского шлема можно выделить следующие характерные признаки:

1. Куполообразная или полусферическая тулья шлема.
2. Купол шлема увенчан [плюмажем] калаги, или же пиковидным навершием.
3. Подвижный наносник.
4. 2 или более держателей плюмажа.
5. Кольчужная бармица.
6. Орнаментированный фриз¹⁴.
7. Шелковая подкладка (стеганая подкладка)¹⁵,¹⁶.

По нашему мнению, в обоих случаях вся совокупность перечисленных признаков является избыточной, поскольку в этом случае большинство шлемов Индо-Персидского региона, сохранившихся в музейных и частных коллекциях, а также запечатленных в иконографических источниках, не подпадают под определение кулах-худ, а использование определения «классический» лишь усложняет отнесение артефакта к тому или иному типу.

Главным признаком шлема кулах-худ, по нашему мнению, является наличие всего двух элементов – тульи¹⁷ сферической или сфероконической формы и навершия пиковидной формы. При этом главным определяющим требованием должен быть общий абрис шлема, напоминающий по форме колпак¹⁸.

Ил. 2. Михр Али. «Фетх Али-шах Каджар в доспехах». 1814–1815 гг. Фрагмент. Смитсоновский институт, США

Наличие наносников, втулок для плюмажа, а также форма бармицы являются, по нашему мнению, вторичными признаками.

В качестве примера можно привести парадный портрет шаха Фетх Али-шаха Каджара (1797–1834) в доспехах, принадлежащий кисти придворного художника Михр Али, созданный в 1814–1815 гг. и находящегося ныне в собрании Смитсоновского института (ил. 2), а также фрески, изображающие предков, военачальников и сподвижников основателя

Ил. 3. Фреска, изображающая предков, военачальников и сподвижников основателя династии Каджаров – Ага Мохаммад-шаха Каджара (1796–1797). Начало XIX в. Фрагмент. Дворец Солеймана, Кередж, Иран

Ил. 4. Садык-бек Афшар. «Заль под балконом Рудабы», иллюстрация к «Шах-наме», Казвин, 1576–1577 гг. Фрагмент. David Collection, Копенгаген
династии Каджаров – Ага Мохаммад-шаха Каджара (1796–1797) из

Ил. 5. «Шах Мазандерана превращается в камень». Иллюстрация к «Шах-наме», Средняя Азия, XVI в. Частное собрание
династии Каджаров – Ага Мохаммад-шаха Каджара (1796–1797) из

дворца Солеймана в городе Кередж, бывшего одной из летних резиденций кадjarских шахов (ил. 3).

Как можно видеть на данных примерах, ни один из изображенных военачальников не имеет на шлеме наносника, держатели для плюмажа располагаются достаточно произвольно, причем помимо парных плюмажей из птичьих перьев среди украшений можно видеть и третий, ювелирный плюмаж джикка (فقج) или сарпеч (چىپرس), выполненный в виде усыпанного драгоценными камнями страусового пера (ил. 2)¹⁹.

Если же взять более ранние изображения (ил. 4, 5) иранских шлемов, то можно отметить наличие всего одного держателя для плюмажа либо отсутствие плюмажа вообще. При этом изображения из среднеазиатского манускрипта «Шах-наме», исполненные в период правления династии Шейбанидов (1501–1601), в значительной степени соответствуют собственно иранским изображениям шлемов, относящихся к начальному периоду правления Кадjarов (1796–1925).

На изображениях из постафшаридского исторического сочинения «Тарих-и джахангушай Надири» Мирзы Мухаммад Мехди Астрабади²⁰ (1757) и кадjarской панегирической поэмы «Шаханшах-наме» (ил. 6), принадлежащей перу кадjarского политика и поэта Фатх Али-хану Саба (1770–1822), шлемы иранских воинов не имеют втулок для плюмажей и наносников вообще, а бармицы имеют иную форму, в отличие от типа, запечатленного Михр Али

Ил. 6. «Захват Тифлиса и разгром русских Ага Мохаммад-шахом», иллюстрация из «Шаханшах-наме» Фатх Али-хана Саба, 1810 г. Фрагмент. Собрание Британской библиотеки

на портрете шаха Фетх-Али (ил. 2).

Относительно датировок времени появления шлемов типа кулахуд вряд ли можно полностью согласиться с Л.А. Бобровым, предлагающим термин «протокула-худ» и приводящим в качестве примера иллюстрацию из так называемой «Шах-наме шаха Тахмаспа» (1520–1540-е гг.) на сюжет «Феридун идет убивать Заххака». На упомянутой миниатюре изображен воин в шлеме, значительно отличающемся от предложенных исследователем критериев²¹.

Описание шлема «протокула-худ» из статьи Л.А. Боброва гласит: «Латник на миниатюре рукописи «Шах-наме» носит сфероконический шлем, увенчанный пиковидным острием. Височные стороны шлема снабжены парными втулками, в которые вставлены пышные перья. Наносник не показан, зато имеется характерный кольчужный сегмент, прикрывающий лоб воина. Сама бармица отличается от классических образцов наличием пластинчатых наушей, вплетенных в кольчужную основу. На других изображениях, датированных XVI в., представлены альтернативные варианты оформления «протокула-худ»»²².

Нами обнаружены иллюстрации к более ранним манускриптам «Шах-наме», изображающим данный шлем в деталях (ил. 7). На

Ил. 7. «Кей Хосров идет на выручку Гударзу», иллюстрация к «Шах-наме», Лахиджан, 1494 г. David Collection, Копенгаген

изображениях из Лахиджанского манускрипта «Шах-наме», а также из миниатюры Садык-бека Афшара (1533–1610) «Заль под балконом Рудабы» становится ясно, что наносник на шлеме Феридуна с миниатюры из «Шах-наме шаха Тахмаспа» все же присутствует, а бармица в боевом положении полностью закрывает лицо и шею. Науши и наносник, а также втулки для плюмажа не являются обязательными элементами оформления всего шлема – на миниатюре из Лахиджанского манускрипта показаны разные варианты оформления данного типа шлема²³.

Признавая его относящимся к типу кулах-худ, мы сами отрицаем основные принципы выделения шлемов данного типа из общего массива материала, а вводя термин «протокулах-худ» – размываем критерии для определения шлемов кулах-худ.

Стоит отметить также, что, несмотря на наличие изображений воинов и полководцев с бармицей, как полностью открытой, оставляющей незащищенной горло воина спереди (ил. 3, 6), так и полуоткрытой, застегиваемой под подбородком (ил. 2, 5), как правило, кольчужное полотно бармицы имело достаточный размер для того, чтобы застегиваться под подбородком специальными спиралеобразными крючками-застежками²⁴. Нижний край бармицы в декоративных целях мог иметь фигурно вырезанный край. Также в декоративных целях использовались вставки в кольчужное полотно из колец, изготовленных из цветных металлов.

Ил. 8. Кулах-худ. Иран. Первая половина XIX в. Собрание Эрмитажа

Кроме того, в собрании разных музеев мира (в том числе Эрмитажа) также наличествуют шлемы Индо-Персидского региона, у которых количество втулок для плюмажа может достигать 4 (ил. 8) и которые, тем не менее, относятся как отечественными, так и иностранными исследователями к типу кулах-худ. Более того, шлемы XVIII–XIX вв. из Судана, относимые английскими исследователями к типу кулах-худ, не имеют никаких втулок для плюмажа вообще²⁵.

Помимо височных парных или асимметричных втулок для плюмажа в качестве держателя для плюмажа на место пиковидного навершия могла монтироваться дополнительная втулка, как на булатном шлеме худ XVIII в. из Северной Индии (ил. 9).

Одновременно Пант и Шарма отмечают существование шлемов индо-персидского типа с тремя (!) наносниками, обеспечивающими защиту не только носа, но и висков.

Нам удалось обнаружить фотографию только одного шлема с 3 наносниками, атрибутированного как поздний мамлюкский шлем, изготовленный в конце XVIII в. по образцу иранского кулах-худа (ил. 10). Африканское происхождение шлема подтверждается формой тульи шлема, а также конструкцией бармицы, состоящей из кольчуги, обшитой с обеих сторон тканью, в то же самое время нам не удалось установить нынешнее местонахождение данного артефакта²⁶.

В связи с этим, по всей видимости, стоит отказаться от использования слова «дериват»²⁷ для обозначения разных шлемов, имеющих те или иные признаки кулах-худа, поскольку при изготовлении шлемов кулах-худ изначально не было определено каких-либо стандар-

**Ил. 9. Шлем худ, XVIII в.
Северная Индия.
Частное собрание**

**Ил. 10. Поздний мамлюкский шлем с 3 наносниками. Конец XVIII в.
Местонахождение не установлено**

тов в конструкции и оформлении как в собственно Иране, так и в сопредельных странах.

Это еще раз приводит нас к мысли о необходимости сузить количество признаков, необходимых для определения шлема кулах-худ, до формы тульи шлема и наличия завершения пиковидной формы, а шлемы иных типов именовать в соответствии с другими названиями из индо-иранской оружейной номенклатуры, соответствующими этим типам.

В заключение стоит сказать несколько слов по поводу позднекаджарских шлемов, тулья которых украшалась головой птицы²⁸ или рогами, а также изображением солнца или головы демона, которые через их названия, предложенные Хорасани, связываются со шлемами кулах-худ – кулах-худ-и тавус и кулах-худ-и дивсар соответственно²⁹.

По мнению Хорасани, шлемы с массивными металлическими рогами и изображением морды демона появились в Иране в XVIII в., однако он не приводит каких-либо ссылок на источник своего утверждения. При этом надежно датированных XVIII в. шлемов такого типа нам не известно.

По поводу шлемов с изображением головы павлина он не указывает никаких конкретных данных, кроме общего утверждения, что «[изображения] павлина и солнца часто использовались на оружии и доспехах, а также знаменах во время празднования Мухаррама³⁰, а также при театрализованных постановках [на сюжеты из] “Шахнаме”»³¹. Таким образом, кулах-худ-и тавус относится им к театральному реквизиту для традиционных иранских театральных представлений тазийе (تازیانه).

К сожалению, нам не удалось обнаружить фотографий актеров тазийе конца XIX – начала XX в. в шлемах кулах-худ-и тавус. На всех идентифицированных нами фотографиях данного периода актеры носят стандартные иранские шлемы типа кулах-худ.

По мнению Л.А. Боброва, «отличительной особенностью так называемых «птичьих шлемов» являлось характерное завершение, выполненное в виде головы птицы на длинной шее. Боковые стороны и задняя часть купола покрывались чешуеобразными перьями, выполненными в технике гравировки, чеканки или золотой насечки по металлу. В височные трубки-втулки вставлялись пышные перьевые султаны. Плюмаж трепетал на ветру, и постороннему зрителю казалось, что металлическая птица машет крыльями»³².

В связи с этим необходимо сказать несколько слов о том, какие перья применялись для плюмажей в Иране, Афганистане и Индии в XVIII–XIX вв. В подавляющем большинстве случаев оригинальные плюмажи не сохранились, и ориентироваться приходится на данные иконографии и письменных источников³³.

Согласно иконографическим источникам, в Иране, Курдистане и Афганистане широко использовались перья павлина³⁴. При этом перо могло использоваться как практически на полную длину, так и в виде короткого фрагмента с очком. Длинные перья более характерны для изображений XVI в., а для изображений рубежа XVIII–XIX вв., а также первой половины XIX в. характерно применение короткого фрагмента павлиньего пера с очком³⁵. Для Ирана также было характерно использование страусовых перьев. И павлиньи, и страусовые перья, по данным иконографии, чаще использовались по одному–два на держатель.

По мнению Хорасани, перо из плюмажа (аблак) вражеского воина являлось важным трофеем в поединке, и победитель обычно присоединял трофей к собственному плюмажу. Утратить плюмаж таким образом считалось бесчестьем³⁶.

В Индии, согласно данным Дж.Н. Панта, К.К. Шарма и Э. Джайванта Пола, популярностью пользовались перья павлина, петуха и черной цапли³⁷. При этом Э. Джайвант Пол указывает, что сикхи предпочитали перья черной цапли³⁸, а раджпуты – павлина³⁹.

Перья вставлялись во втулку держателя и крепились при помощи золотой (золоченой?) проволоки. Высоко ценились плюмажи типа батха-калаги, для изготовления которых бралось несколько перьев и скреплялось между собой для того, чтобы составить более пышный и сложный плюмаж, нежели получаемый из одного пера⁴⁰.

По наблюдениям английского путешественника Годфри Томаса Винье (1801–1863), опубликованным в Лондоне в 1842 г., «плюмажи из перьев цапли изготавливаются во многих странах, и тут они очень востребованы, так как нельзя увидеть сикхского офицера любого ранга без одного из них (плюмажей. – А. П.) на его тюрбане; а на тюрбанах сардаров или «больших людей» перья, как правило, в нечетном количестве – между десятью и двадцатью – крепятся к трубкообразному основанию, полностью обвитому золотой проволокой или нитью или иногда богато украшенному жемчугами, изумрудами или рубинами»⁴¹.

Принимая во внимание всю совокупность данных по типам плюмажей и материалам, используемым для их изготовления и отде-

лки, можно достаточно уверенно объяснить отсутствие плюмажей на шлемах рядовых воинов на большинстве иконографических памятников начала–середины XIX в. По нашему мнению, страусовый, павлиний или сборный плюмаж, особенно украшенный золотом и драгоценными камнями, был атрибутом знатного воина или же полководца и попросту был малодоступен простому воину.

По нашим наблюдениям, как правило, максимальный внутренний диаметр втулки держателя плюмажа⁴² не превышает 4–6 мм, что позволяет плотно закрепить в нем одно большое перо с толстой остью (например, страуса или павлина), или же сборный плюмаж типа батха-калаги из нескольких перьев черной цапли с более тонкой остью⁴³.

Эффект «машущего крыла» за счет физических качеств ости перьев перечисленных видов птиц мог быть получен только при помощи очень длинного страусового или павлиньего пера, а также плюмажа типа батха-калаги. Однако такой тип плюмажа был характерен для Индии, а не для Ирана XIX в., что делает невозможным его применение на шлемах кулах-худ-и тавус, не производившихся и не употреблявшихся в Индии.

Сомнительно также применение шлемов кулах-худ-и тавус в Курдистане и Афганистане, где в первой половине XIX в. использовали плюмажи из длинных павлиньих перьев, поскольку подобные упоминания отсутствуют в письменных и иконографических источниках.

Современные иранские фотографии актеров тазийе, использующих пышные длинные плюмажи, также не фиксируют применения шлемов кулах-худ-и тавус.

Относительно же датировки и предназначения фигурных шлемов кулах-худ-и тавус и кулах-худ-и дивсар можно частично согласиться с выводом Л.А. Боброва: *«Вопрос о времени появления “птичьих шлемов” и “шлемов демонов” остается открытым* (курсив наш. – А. П.). Большинство известных экземпляров, были изготовлены во второй половине XVIII – первой половине XIX в. и использовались в ходе торжественных церемоний, парадов и празднеств»⁴⁴.

Мы полностью присоединяемся к первой части вывода Л.А. Боброва и добавляем, что достоверно датированных шлемов этого типа, изготовленных в XVIII в., нам не известно. Неизвестно также и их предназначение – поскольку нет аутентичных фотографий, зафиксировавших актеров тазийе в шлемах такого типа, то их использование

в качестве театрального реквизита остается предположительным. А так как в первой четверти XIX в. регулярная армия каджарского Ирана была перевооружена на европейский манер и активное использование доспехов прекратилось уже в 1810-е гг., то нет никаких оснований утверждать, что подобные сложные шлемы, не обладавшие никакими боевыми достоинствами, применялись зендскими⁴⁵ или каджарскими полководцами даже в качестве парадного наголовья.

Иконографически шлемы подобного типа нигде не зафиксированы. По ряду косвенных признаков можно предположить, что их начали изготавливать во второй трети XIX в. в качестве дорогих и репрезентативных сувениров для европейских специалистов и путешественников, посещавших Иран.

Так, например, в качестве одного из датирующих моментов можно использовать материал, из которого изготовлен шлем – если в качестве основного материала использована булатная сталь, то шлем с очень высокой долей вероятности изготовлен в XIX в. до 1870-х гг., так как в этот период в Иране продолжалось производство булатной стали.

Однако в случае, если шлем изготовлен из обычной стали, то, как правило, это указывает на его изготовление не ранее 1850-х гг., когда производство булата в Иране сократилось, но начался ввоз стального лома из британских колоний.

Таким образом, шлемы кулах-худ, судя по данным иконографии и предметам из музейных и частных собраний, получили свой полностью оформленный вид с относительно невысокой тульей в форме колпака дервиша, увенчанной пиковидным навершием, только в XVIII в. и продолжали бытовать в Индо-Персидском регионе и смежных областях на протяжении XIX – начала XX в. сначала как боевые шлемы, а затем – в качестве театрального реквизита для представлений тазийе в Иране, а также на территориях современного Ирака и Азербайджана.

Шлемы XVI–XVII в. имеют некоторые отличия в конструкции тульи и могут рассматриваться только как непосредственные предшественники кулах-худа.

Поэтому мы можем говорить собственно о шлемах кулах-худ исключительно в период XVIII–XX вв.

Безусловно, данная статья не может рассчитывать на окончательное освещение темы и уж тем более претендовать на бесспорные трактовки поставленной проблемы. Для более продуктивного раз-

вития этого направления в оружейоведении представляется необходимым произвести дополнительные исследования письменных и иконографических источников (например, «Тарих-и джахангушай Надири»), на страницах которых массово зафиксированы шлемы рассматриваемого типа.

Необходимо также рассмотреть и изучить особенности оформления и отделки шлемов для вычленения основных центров производства и применяемых для их изготовления материалов и технологий, о чем говорит в своей статье Л.А. Бобров. Исследования подобного рода позволят разработать основу для более надежной датировки артефактов, содержащихся в музейных и частных собраниях⁴⁶.

Данная задача представляется актуальной и перспективной в связи с повышенным интересом к военной истории при острой нехватке исследований по данному вопросу, выполненных на современном научном уровне.

¹ Бобров Л.А. 1) «Индо-персидский» шлем хана Джангира и эволюция «кула-худ» XVI–XIX вв. // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Труды Шестой Международной научно-практической конференции 13–15 мая 2015 года. СПб.: ВИМАИВиВС, 2016. Ч. I. С. 218–233; 2) Иранские шлемы «кула-худ» в комплексе защитного вооружения тюркских кочевников Центральной Азии XVII–XIX вв. // *Historia i Świat* (Седльце, Польша). 2015. № 4. С. 205–219; 3) Шлем «кула-худ» из «Арсенала хана Джангира» // Вестник НГУ. Серия: История, филология, 13. Вып. 5, Новосибирск, 2014. С. 263–270.

² Имеются в виду территории, на которых в настоящее время располагаются такие страны, как Иран, Афганистан, Пакистан, северная часть Индии и некоторые среднеазиатские республики бывшего СССР, где в прошлом был распространен язык фарси.

³ Здесь и далее термины, заимствованные в русский язык из фарси, приводятся в первый раз в соответствии с их кириллической записью в современном таджикском языке как одним из наиболее близких к фарси языков иранской группы, для облегчения дальнейших исследований в данном направлении.

⁴ В хинди для обозначения шлема используется слово топ или топа. Упоминание слова хўд в фарси в значении «шлем» встречается не позднее 1211 г. См.: Шариф Мухаммад Мансур Мубаракшах. Адаб ал-харб ва-ш-шуджаат (Книга «Правила ведения войны и мужество»). Душанбе, 1997. С. 221.

⁵ В частности, остроконечные колпаки пехлевийской знати, а в позднейшие времена – остроконечные колпаки дервишей именовались кулах. Значение этого слова «венец, корона» для перевода данного оружейного термина мы отвергаем, поскольку исторически зафиксированные венцы и короны иранских монархов не имели вида колпака. В настоящее время слово кулах в иранских языках все более приобретает значение любой шапки.

⁶ Основное значение – таз, полусферическая чашка. Используется, в том числе, для обозначения современных армейских касок.

⁷ Арабское по происхождению слово *mīḡḡar* (مِغْغِم) с исходным значением «покрывающий». Как правило, обозначает кольчужный капюшон. Слово было заимствовано в испанский язык из арабского в период Реконксты в форме *almógar* через андалусийское *almágar* и в португальский язык – в форме *almofre*. В англоязычной литературе по оружиюведению данный тип боевого наголовья более известен как *mail coif*. В Турции заимствованное из арабского языка слово *mīḡḡer* означает шлем вообще, в том числе современную армейскую каску. В Индии данным словом обозначают кольчужный капюшон или же шлем из крупных стальных пластин, соединенных между собой кольчужой.

⁸ Индийский термин. Характерный для Индии и Пакистана шлем сикхов, позволяющий надевать его на сикхский тюрбан.

⁹ Шлем с куполом яйцевидной формы, обычно носимый поверх кольчужного шлема.

¹⁰ Индийский термин. Тюрбанный шлем.

¹¹ Кольчужный капюшон с бармицей, прикрывающей все лицо. Кольчужные шлемы были очень популярны в северной части Индии.

¹² Устоявшаяся форма романизации данного термина – *kolāḡhud*, что достаточно четко отражает значение слова и позволяет расчленить его на морфемы. Зачастую, не имея представления о значении термина, многие путают шлемы кулах-худ и другие шлемы – например, худ.

¹³ См.: Бобров Л.А. Иранские шлемы «кула-худ» в комплексе защитного вооружения тюркских кочевников Центральной Азии XVII–XIX вв. С. 206–207.

¹⁴ Имеется в виду орнамент или же арабграфичная надпись, как правило, выполненная в технике насечки золотом (кофтгари), охватывающая тулью шлема по низу.

¹⁵ Немецкий исследователь иранского происхождения Манучехр Мостаг Хорасани указывает, что в Иране для этой цели обычно использовалась стеганая шапочка арагин. См.: Khorasani M.M. Arms and Armor from Iran. The Bronze Age to the End of the Qajar Period. Tubingen, 2006. P. 284.

¹⁶ См.: Pant G.N., Sharma K.K. Indian Armours in the National Museum Collection. A Catalogue. New Dehli, 2001. P. 11–12.

¹⁷ Неважно, цельнокованая или же сваренная из нескольких кусков металла – в этом мы опираемся на мнение Панта и Шармы, поскольку ряд технологических операций не может быть выполнен путем расковывания единой металлической заготовки. См.: Pant G.N., Sharma K.K. Indian Armours in the National Museum Collection. A Catalogue. P. 11–12. Данный признак (изготовление тульи из одного или нескольких кусков металла) мы не можем рассматривать как существенный, так как существуют шлемы такого типа с тульей из кожи носорога или же с двуслойной тульей (верхняя часть состоит из ажурного просечного стального листа).

¹⁸ Это достижимо двумя способами – как приданием тулье шлема сфероконической формы при определенных пропорциях, так и изготовлением наверхшия с подвершием, завершающим полусферический силуэт тульи шлема.

¹⁹ В Европе это украшение известно под названием эгретка (англ. egret, фр. aigrette).

²⁰ Мирза Мухаммад Мехди Астрабади (наиболее активен в период 1736–1759 гг.) был личным секретарем, придворным историком, а впоследствии – и главным визирем в государстве Надир-шаха Афшара.

²¹ В целом, шлем с полусферической или куполовидной тульей, кольчужной бармицей и пиковидным навершием появляется в иранско-среднеазиатском регионе не позднее, чем в XIV в., что прослеживается по многочисленным миниатюрам к «Шах-наме» периода правления Хулагуидов. Возможно, в его генезисе сыграло роль взаимодействие иранской и центральноазиатской оружейных традиций, упоминаемое у Рашида ад-Дина Хамадани в его «Джами ат-Таварих». См.: Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. III. «Рассказ тридцать третий. Об упорядочении дела мэсэс и военного снаряжения». М.; Л.: АН СССР, 1946. С. 301–303.

²² См. Бобров Л.А. Иранские шлемы «кула-худ» в комплексе защитного вооружения тюркских кочевников Центральной Азии XVII–XIX вв. С. 210.

²³ Скорее всего, в случаях со шлемами из перечисленных манускриптов «Шах-наме» мы имеем дело с переходной от цилиндроконической к сфероконической форме тюрбанного шлема. Ср. с турецким шлемом инв. № 04.3.215, а также иранским шлемом инв. № 50.87 из Метрополитен музея. Близким по абрису куполом обладает и турецкий тюрбанный шлем из Музея исламского искусства в Катаре, он также имеет пластинчатые уши, прорисованные на некоторых иранских миниатюрах, но снабжен большим пластинчатым козырьком.

²⁴ Несколько образцов подобных застежек XVIII–XIX вв. были любезно предоставлены в наше распоряжение для изучения сотрудником Музея им. Дарвина Д.Ю. Милосердовым, г. Москва.

²⁵ Одним из наиболее ранних случаев иконографической фиксации шлема, относимого английскими исследователями из Национального музея армии к типу кулах-худ, является изображение мамелюкского всадника в опубликованном в 1803 г. в Лондоне «Журнале о последней компании в Египте» Томаса Уолша. Этот шлем носит на себе заметные следы индийского влияния и, скорее всего, является непосредственным прототипом так называемых «бирмингемских шлемов», изготавливавшихся во второй половине XIX в. в Англии для войск египетского хедива.

²⁶ Страны северо-восточной Африки имели достаточно активные контакты с Ираном и Индией, обусловленные наличием многочисленных и довольно крупных колоний купцов из стран Персидского залива и Индии, проживавших в портовых городах восточного побережья Африки. В результате активных контактов можно проследить некоторое влияние индо-персидского комплекса вооружения XVI–XIX вв. на вооружение таких стран, как Занзибар, Эфиопия, Судан и Египет. Ср. с суданским шлемом, опубликованным в книге Тирри под номером 1-43, а также суданским шлемом из Национального музея армии, Лондон (NAM. 1963-10-186-1). См.: Tirri C. *Islamic and Native Weapons of Colonial Africa, 1800–1960*. USA, 2007. P. 55.

²⁷ Букв. «производное». От латинского слова *derivatum* с тем же значением. В самом лучшем случае этот термин было бы уместно применять в отношении африканских шлемов, атрибутируемых как кулах-худ (*kulah khud*), например, в Национальном музее армии, поскольку они имеют форму купола, значительно отличающуюся от формы купола прототипа.

²⁸ Манучехр Мостаг Хорасани считает изображение птицы изображением павлина, имеющим особое значение в мифологии ислама. См.: Khorasani M.M. *Persian armor in the State Hermitage Museum of Sankt-Petersburg*, 2014, электронная публикация, режим доступа <http://www.moshtaghkhorasani.com/articles/online-articles/persian-armor-in-the-state-hermitage-museum-sankt-petersburg-2014/>

- ²⁹ По нашему мнению, к шлемам типа кулах-худ-и дивсар также относятся шлемы, имеющие пиковидное навершие с подвешенным в виде головы демона с рогами и ушами. Как правило, это изделия конца XIX – начала XX в. с не очень высокими художественными и защитными достоинствами.
- ³⁰ Мухаррам (محرّم) – первый месяц по исламскому календарю, во время которого 10-го мухаррама происходят траурные шествия Ашура в честь гибели имама Хусейна ибн Али 10 октября 680 г. в сражении при Кербеле, сопровождаемые театрализованными представлениями на сюжет гибели Хусейна и его соратников.
- ³¹ См.: Khorasani M.M. Persian armor in the State Hermitage Museum of Sankt-Petersburg, 2014, электронная публикация, режим доступа <http://www.moshtaghkhorasani.com/articles/online-articles/persian-armor-in-the-state-hermitage-museum-sankt-petersburg-2014/>
- ³² См.: Бобров Л.А. Иранские шлемы «кула-худ» в комплексе защитного вооружения тюркских кочевников Центральной Азии XVII–XIX вв. С. 213.
- ³³ Наверное, единственным исключением является шлем типа худ, хранящийся в Музее Виктории и Альберта – считается, что этот шлем, захваченный английскими войсками во время осады Серингапатама в 1799 г., сохраняет оригинальный сложный плюмаж, составленный из нескольких перьев.
- ³⁴ В Курдистане также использовались плюмажи из перьев цапли, если судить по картине А.О. Орловского «Курдский кавалирист» (1819).
- ³⁵ Например, разной формы плюмажи из павлиньих перьев запечатлены на изображении афганских племенных вождей, сделанных по полевым зарисовкам лейтенанта 2-го гренадерского полка Бенгальской армии Джеймса Рэттрея (1818–1854) в 1848 г. Не исключено, что короткие плюмажи на шлеме одного из запечатленных Рэттреем вождей представляют собой разновидность джикка.
- ³⁶ См.: Khorasani M.M. Arms and Armor from Iran. The Bronze Age to the End of the Qajar Period. P. 284.
- ³⁷ См.: Pant G.N., Sharma K.K. Indian Armours in the National Museum Collection. A Catalogue. P. 11.
- ³⁸ Черная цапля (*Egretta ardesiaca*) обитает только в Восточной Африке. По всей видимости, перья этой птицы являлись важным предметом торговли между Индией и Африкой.
- ³⁹ См.: Paul Jaiwant E. “By my sword and shield”. Traditional weapon of the Indian warrior. New Dehli, 2004. P. 95.
- ⁴⁰ См.: Pant G.N., Sharma K.K. Indian Armours in the National Museum Collection. A Catalogue. P. 11.
- ⁴¹ См.: Vigne G.T. Travels in Kashmir, Ladak, Iskardo. Vol. 1. London, 1842. P. 306–307.
- ⁴² Все втулки держателей плюмажа имеют коническую форму.
- ⁴³ Автор выражает благодарность сотруднику Музея им. Дарвина Д.Ю. Милосердову за консультации по птичьим перьям.
- ⁴⁴ См.: Бобров Л.А. Иранские шлемы «кула-худ» в комплексе защитного вооружения тюркских кочевников Центральной Азии XVII–XIX вв. С. 213.
- ⁴⁵ Династия Зендов правила Ираном с 1750 по 1794 гг.
- ⁴⁶ К сожалению, при работе с материалами из частных и даже музейных собраний нам нередко приходится сталкиваться с ошибочной атрибуцией и датировкой предметов. Зачастую это обусловлено слабыми представлениями исследователей о материаловедении, также о материалах и технологиях изучаемого периода.

С.М. Пасхин (Санкт-Петербург)

СВЯЗИСТЫ ВТОРОЙ МЕХАНИЗИРОВАННОЙ БРИГАДЫ В БОЯХ У ОЗЕРА ХАСАН В 1938 ГОДУ

*Ночью черной, ночью темной –
Был приказ по фронту дан,
Завязался бой упорный
Возле озера Хасан!
Звезды в небе не светили,
Но пылала кровь огнем.
Мы не раз японцев били,
И еще не раз побьем!
С. Алимов*

ИЗУЧАЯ МАТЕРИАЛЫ об организации связи в период боев у озера Хасан, я натолкнулся на воспоминания начальника связи 2-й механизированной бригады Филиппа Петровича Ищенко, и у меня возникло желание глубже разобраться с этими материалами и написать данную статью.

В 1938 г. японскими милитаристами не были учтены уроки, которые им преподала Красная армия на КВЖД, и они вновь предприняли попытку развязать войну на Дальнем Востоке у озера Хасан (ил. 1). «29 июля около роты японских пограничников атаковали сопку Безымянную. В это время на Безымянной находился наш пограничный наряд в составе 11 человек. Завязался бой, перешедший в рукопашную схватку. 5 человек было убито, остальные были ранены. Услышав перестрелку, к месту боя выступил резерв погранотряда штыковой атакой и гранатами. Нападение было отбито. А 31 июля 1938 года два полка 19 пехотной дивизии Японии вновь вторглись на территорию СССР в районе озера Хасан и овладели высотами Заозерная и Безымянная».¹

Ил. 1. Озеро Хасан

Ил. 2. Маршал Советского Союза В.К. Блюхер

По решению Советского правительства к границе были подтянуты регулярные войска Красной армии. По указанию наркома К.Е. Ворошилова в Посыет прибыл командующий фронтом В.К. Блюхер (ил. 2). По его приказу в район боев стали подтягиваться части 32-й стрелковой дивизии (командир – полковник Н.Э. Берзарин, начальник связи – капитан Л.Н. Хмара), части и подразделения 40-й стрелковой дивизии (командир – полковник В.К. Базаров, начальник связи – майор И.Н. Горелкин) и 2-я механизированная бригада (командир – полковник А.П. Панфилов, начальник связи – капитан Ф.П. Ищенко). Все они вошли в

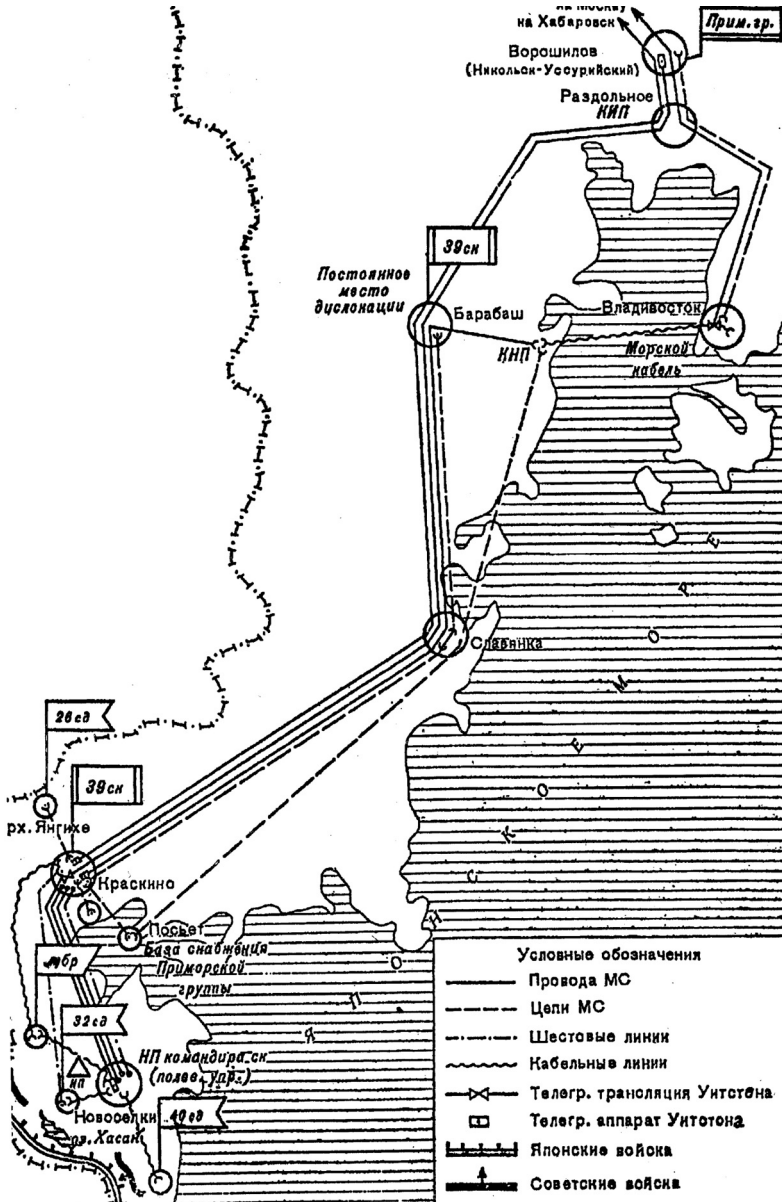
**Ил. 3. Командир 39-го стрелкового корпуса Г.М. Штерн на КП
в районе озера Хасан**

состав 39-го стрелкового корпуса (ск), командование которым принял комкор Г.М. Штерн (начальник связи – майор И.С. Келенин). Ему и была поставлена задача по разгрому вторгшегося противника в районе озера Хасан (ил. 3).

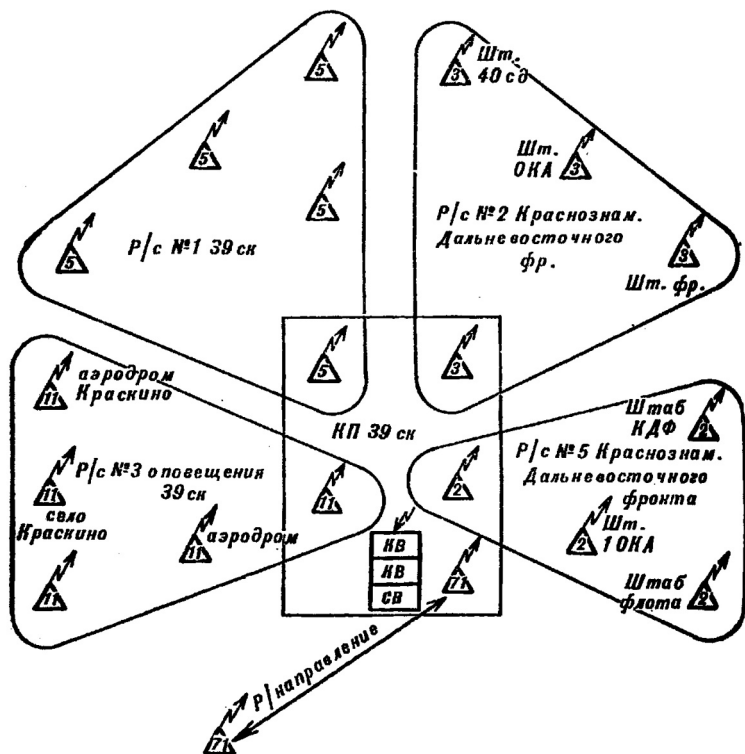
В районе озера Хасан сосредоточился 39-й ск из состава Приморской группы войск. Непосредственное участие в боях с японцами приняли 32-я и 40-я дивизии, 2-я механизированная бригада².

Основу системы связи 39-го ск составляла проводная связь (ил. 4), базировавшаяся, в основном, на постоянные воздушные линии Наркомата связи и Наркомата обороны. Радиосвязь корпуса обеспечивалась со штабом Краснознаменного Дальневосточного фронта и штабом 1-й Отдельной Краснознаменной армии по двум радиосетям Дальневосточного фронта на радиостанциях 2А и 3А. Радиосвязь с дивизиями была организована в радиосети на радиостанциях 5АК, а с 3-й механизированной бригадой – по радионаправлению на радиостанции 71ТК (ил. 5). С полками, а также с подразделениями в полках радиосвязь не использовалась. Исключение составляли танковые подразделения и части, в командирских машинах которых были танковые радиостанции.

Перейдем к воспоминаниям Филиппа Петровича Ищенко.

Ил. 4. Схема организации связи проводными средствами

Ил. 5. Схема организации связи радиосредствами

Капитан Ф.П. Ищенко в августе 1937 г. окончил Военно-электротехническую академию им. С.М. Буденного по профилю связиста танковых войск, но до конца года он и все выпускники академии ждали назначения на должность в войсках. «Эта задержка с назначениями определялась государственными мероприятиями, которые теперь характеризуются «культом личности Сталина».³

Только 6 февраля 1938 г. он прибыл в г. Ворошилов-Уссурийский (добирался на поезде 17 суток из-за снежных заносов железнодорожного полотна) и был назначен начальником связи второй механизированной бригады. Бригада (командир – полковник В.Г. Бурков) располагалась в Северном городке в 6 километрах от города Ворошилова-Уссурийского.

В бригаде на вооружении имелись следующие радиостанции: радиостанция 11-АК (для обеспечения связи с командиром 39-го сс),

радиостанции 71ТК (в каждом танке), радиостанции 5АК, средства проводной связи.

За короткий промежуток времени (около 5 месяцев до начала боевых действий) командованием бригады и начальником связи была проделана большая работа в вопросах организации связи: ежедневно проводились тренировки с оперативными работниками штаба, куда входили командир, начальник штаба и командиры частей (работа на телеграфных ключах Морзе и прием на слух на действующих радиостанциях); еженедельные занятия по изучению материальной части техники связи и правил станционно-эксплуатационной службы с этой же группой офицеров; проведение занятий с личным составом роты связи и взводов управления в частях бригады; проведение бригадных учений с организацией вопросов управления с помощью радио, проводных средств связи и посыльных (на танках, мотоциклах, автомашинах и даже на самолетах У-2 авиазвена бригады).

На «зимних квартирах», в лагерях и на учениях отрабатывались вопросы организации связи радиосредствами:

– в радиосети командира бригады. В состав радиосети входили: радиостанция 71ТК командира бригады, радиостанции 71ТК командиров 1, 2, 3-го танковых батальонов (тб) и радиостанция 5АК командира мотострелкового батальона (мсб);

– в радиосети комиссара бригады. В состав радиосети входили: радиостанция 71ТК комиссара бригады, радиостанции 71ТК комиссаров 1, 2, 3-го тб и радиостанция 5АК комиссара мсб;

– в радиосети начальника штаба бригады (с начальниками штабов батальонов);

– в радиосети начальника связи бригады (с начальниками связи батальонов);

– в радиосети начальника оперативного отделения (с начальником разведывательного батальона и подразделениями разведбатальона на радиостанциях 71ТК).

Благодаря проведению этих и других мероприятий по боевой подготовке штаб бригады был способен управлять бригадой в любых условиях боевой обстановки, средства связи находились в руках подготовленных специалистов.

В начале боевых действий японцами бригада, которая находилась в полевом лагере, по указанию вышестоящего командования была срочно выведена в места постоянной дислокации, где стала готовиться к выходу в район боевых действий. В течение двух суток на-

чальник связи бригады со своими помощниками подготовили радиоданные на месячный срок, распоряжение по связи на марш бригады. Совместно с оперативным и шифровальным отделениями были подготовлены таблица радиосигналов и кодированная карта.

От каждого танкового батальона были высланы в штаб бригады офицеры связи на радиийных танках и на мотоциклах от батальона боевого обеспечения, ремонтно-восстановительного батальона и мотострелкового батальона.

В соответствии с распоряжением по связи работа радиостанций на передачу была разрешена только с началом боевых действий, поэтому из роты связи бригады в тб, мсб было предусмотрено выделение на автомашинах отделений проводной связи, мотоциклов с колясками, на случай организации связи посыльными. Предусматривался облет авиазвеном колонны бригады на марше, «с последующим докладом командиру бригады о достижении колоннами частей бригады определенных планом рубежей».⁴ Для этого на танках начальников штабов (от бригады до батальонов) предусматривались определенные знаки из разноокрашенного материала.

Интересен следующий факт... Капитан Ищенко после составления распоряжения по связи хотел прибыть для подписания его к начальнику штаба, его срочно вызвали на партийное бюро. На повестке дня стоял вопрос об исключении из партии «врага народа» командира бригады полковника В.Г. Буркова. Бурков был исключен из партии и арестован. Как пишет в своих воспоминаниях Филипп Петрович: «Меня ждал еще один сюрприз. Я зашел к начальнику штаба майору Салминову с докладом об организации связи в бригаде на марше, тов. Салминов сказал, что он уже не у дел. Ему выразили политическое недоверие и отстранили от должности»⁵.

(Впоследствии В.Г. Бурков был освобожден, отлично воевал в период Великой Отечественной войны и закончил ее в звании генерал-лейтенанта танковых войск. Салминов закончил войну в звании генерал-майора танковых войск и даже занимал должность начальника штаба бронетанковых войск Советской армии. – С. П.)

Вновь назначенный командиром бригады полковник А.Н. Панфилов вызвал к себе капитана Ищенко и, смотря на его забинтованную правую руку (Филипп Петрович получил травму в конце июня на одном из учений. – С. П.) спросил: «А Вы, капитан, воевать собираетесь?»

На что Ищенко ему ответил, что безусловно готов, и доложил о документах. «С документами разберетесь с новым начальником штаба, а сейчас готовьтесь к выходу бригады на войну!»⁶

После такой постановки задачи начался почти трехсоткилометровый марш бригады от Ворошилова-Уссурийского. Он проходил без военных действий. Дороги были хорошие. Бригада двигалась форсированным маршем, занявшим немногим более суток. Радиосредства работали только на прием, в любой момент были готовы к открытию работы на передачу. И, наконец, преодолев последний 70-километровый заболоченный участок местности, бригада вышла к высоте 194,1, где был развернут КП 39-го стрелкового корпуса. Здесь же был получен приказ, о переподчинении механизированной бригады побатальонно стрелковым дивизиям: 1-й отб и мсб – 39-й сд, 2-й отб – 40-й сд, 3-й отб – 32-й сд. Батальон боевого обеспечения (ббо), ремонтно-восстановительный батальон (рвб) с резервной ротой танков и тылы бригады расположились в поселке Краскино. Штаб 2-й мехбригады и разведбатальон разместились в районе КП 39-го ск, на восточных скатах высоты 194,1, в обыкновенных красноармейских лагерных палатках. Никаких маскировочных средств не применялось. Не были открыты даже щели для укрытия личного состава. Хорошо, что противник не применил авиацию. Достаточно было бы налета небольшой группы самолетов, и от командных пунктов не осталось бы и следа.

5 августа КП мехбригады был перенесен в район высоты 62,1, где находились 2-й отб и разведбат. Разброс частей бригады по фронту превышал 80 км, а связь с ними невозможно было организовать, так как такого количества кабеля у начальника связи не было, а дальность связи радиостанций бригады тоже не обеспечивала управление. Поэтому Ф.П. Ищенко обратился к начальнику связи 39-го ск майору И.С. Келенину. 5 августа на КП 40-й сд И.С. Келенин собрал начальников связи: 40-й сд майора Горелкина, 32-й сд капитана Хмару и капитана Ищенко. Было решено, что через узел связи (УС) и линии связи: 40-й сд и 32-й сд будет возможность организовывать связь с 2, 3-м отб и разведбатальоном. Кроме того, капитану Ищенко удалось обсудить вопросы организации связи взаимодействия танков с пехотой и артиллерией в бою. Здесь же стало известно, что с утра 6 августа начнется генеральное наступление 40-й сд, усиленной двумя отб и разведбатальоном 2-й мехбригады, а также 32-й сд с 3-м отб мехбригады.

Утром 6 августа командир 2-й мехбригады полковник А.Н. Панфилов вместе с начальником связи пошли в расположение частей, которые готовились к наступлению. Накануне им было отдано распоряжение положить рядом с танками все, что экипаж приготовил к бою, кроме радиостанций. Они выбрали 2-й отб. Вот как описывает этот рейд капитан Ищенко: «Здесь Панфилов показал необычайное рвение, достойное подражания. Достаточно ему было вышвырнуть из расположенного около первого танка 95 % «барахла», как последующие экипажи самостоятельно откидывали горы ненужного в бою. Мне было труднее. Я не мог швыряться запасными умформами, радиолампами, трансформаторами, шнурами, капсулями, микрофонами, радиодетальями. Но и здесь башенные стрелки-радисты поняли после двух–трех проверенных машин, что сегодня нужно и что оставить прямо на поле. А то, что было оставлено только экипажами батальона, обеспечило бы годовую потребность в ремонте радиоаппаратуры всей бригады. Но никто не думал о самом главном. Все эти накопления стесняли боевую деятельность экипажа, увеличивали воспламененность танка, уменьшали боевой комплект снарядов, патронов, а главное, препятствовали нормальному выходу экипажа из подбитого танка через донный люк»⁷

Когда осмотр подходил к концу, капитан Ищенко увидел, что комиссар батальона с кувалдой в руках рушил поручневую антенну своего танка. Ему помогал в этом весь экипаж. Начальник связи немедленно доложил об этом командиру бригады. Полковник Панфилов приказал немедленно прекратить преступную работу. На что комиссар ответил: «Товарищ полковник! Я сейчас иду в бой, а японцы в первую очередь стреляют по радийным танкам, что же, я первый должен подставлять свою голову?». На что Панфилов сказал, что он идет со всеми тоже в бой, и ему нужна будет связь не только с вышестоящим командованием, но и с комиссаром. Только после этого разрушение антенны прекратилось, хотя она уже не годилась для работы. Все это являлось отголоском радиобоязни, которая долгое время, до приказа Сталина (1942), была в Красной армии. Конкретная радиобоязнь была перенесена из оставшихся экипажей отдельного танкового батальона 40-й сд, уже принимавшего участие в неудачном наступлении дивизии 3 августа.

День 6 августа начался с тумана, который нарушил планы артподготовки и авиационного удара. К полудню туман стал рассеиваться. Начальник связи капитан Ищенко получил команду от полковника

Панфилова с началом боя все время следить за тремя радиосетями: 2-го отб, разведбатальона и 3-го отб. Начальник штаба и начальник оперативного отделения, получив личные указания командира бригады, убыли с КП. На командном пункте остались комбриг и капитан Ищенко и три танка (начальника штаба, начальника оперативного отделения и начальника связи). Экипажи этих танков находились в специально оборудованных перекрытых щелях. Комбриг поставил задачу Ищенко, чтобы до полной темноты он находился с этими танками на КП, а затем лично связаться по радиостанции с КП 40-й сд и до 24.00 быть там. Сам комбриг убыл в распоряжение разведывательного батальона для проверки готовности его к выходу на исходное положение. Начальник связи с экипажами этих трех танков, сняв головные уборы, подползли к самому гребню высоты 62,1 и стали наблюдать за укрепленной полосой обороны противника на правом фланге («Пулеметная Горка»). До нее было не больше километра. На это направление была нацелена 40-я сд, поддерживаемая двумя танковыми батальонами 2-й мехбригады. Туда же должен быть нанесен удар и артиллерии, и авиации.

Вскоре после последовательно нанесенных бомбовых ударов советской авиации и артиллерии танки стали подтягиваться ближе к переднему краю. На всех танках были включены радиостанции, но работали они сначала только на прием. Началась танковая атака.

За период участия танковых батальонов 2-й механизированной бригады в боях с 6 по 9 августа погибли два начальника связи: 2-го отб – лейтенант Логунов, был заколот японским штыком и 3-го отб (фамилию установить не удалось. – С. П.), который сторел внутри танка.

На поле боя был найден «походный» дневник японского унтер-офицера «части Сато, подразделения Камура». Вот как он описывал бои на озере Хасан:

«1 августа.

Тяжелые снаряды противника беспрерывно рвутся на наших позициях. В 14.00 над нами появились самолеты противника и сбросили бомбы. Налетели тяжелые бомбардировщики, сбросили огромного размера бомбы.

2 августа.

Находясь на высоте Чашкуфу (Заозерная), всю ночь с 1 августа до 2 августа рыли окопы. На высоту начали атаку танки противника. В этот день было что-то ужасное. Беспрерывно рвались бомбы

Ил. 6. Советский флаг на сопке Заозерной. 19 августа 1938 г.

и снаряды. Мы то и дело перебегали, о еде и думать нельзя было. С полудня первого августа в течение полутора суток ничего не ели. Бой продолжался. Удалось поесть только огурцов и запить грязной водой. Сегодня солнечный день, но среди дня не было видно солнца. Настроение подавленное. Чувствую себя отвратительно. Так воевать невыносимо.

4 августа.

Рыли окопы. Во время записи разорвался снаряд. Сильно устал. Болела голова. Спал мало. Артиллерия противника вела ураганный огонь. Огромные снаряды рвутся на наших позициях...» (На этом дневниковая запись обрывается. – С. П.) (ил. 6).

С КП бригады, расположенного на восточных склонах высоты 194,1, были проложены телефонные линии связи на высоту 62,1, где еще оставались неэвакуированные танки 2-й отб, разведбатальона. Кроме того была проложена внутренняя телефонная связь на КП между командованием бригады, отделами штаба и службами. Между танками бригады, у которых были радиостанции, была постоянно действующая радиосвязь.

Бригада была выведена из района боевых действий почти через месяц. Знаменательным событием этого периода, как описывает ка-

питан Ищенко, было «ошеломившее меня радостью было приказание комбрига т. Панфилова: “Вам предоставляется право представить к Правительственным наградам двадцать человек из лучших связистов. Списки и описание их подвигов представить к такому то часу”»⁸. И тут же полковник Панфилов поделился своей радостью. Оказывается, на совещании, проводимом комкором Штерном, на котором подводились итоги боев у озера Хасан, тот заявил, что командир и комиссар второй механизированной бригады за самовольное оставление КП и уход в бой с подразделениями разведбата и 2-го отб его решением должны были быть отданы под суд военного трибунала, но поскольку победителей не судят, Штерн решил представить их к правительственным наградам – орденам Красного Знамени.

Вместе с командиром и комиссаром роты связи Ищенко составили списки с описанием боевой деятельности двадцати солдат и офицеров связистов, и этот список по телеграфу за подписью комбрига был отправлен в Москву.

После прибытия бригады в Северный городок вблизи Ворошилова-Уссурийска Ищенко получил путевку в военный санаторий, находящийся в 19 км от Владивостока. По прибытию туда ему показали газету, где указывалось о его награждении орденом Красной Звезды и присвоении очередного воинского звания «майор». В этой же газете, но в других номерах было написано о награждении связистов роты связи, но из 20 человек, представленных к наградам, были награждены только четверо. Оказалось, что получили награды только те, кто прошел оформление через отдел кадров, а те, кто был представлен в Москву телеграфным списком, так и не были награждены. Кто в этом повинен, до сих пор не ясно. Безусловно, эти материалы должны храниться в Центральном архиве Министерства обороны.

Боевые действия в районе озера Хасан обогатили войска связи опытом обеспечения связи в общевойсковом бою, были выявлены положительные и отрицательные стороны в обучении связистов и в работе средств связи.

Участвовавшие в хасанских боях общевойсковые и пехотные командиры показали, что совершенно не владеют техникой управления и организации связи. Было продемонстрировано массовое непонимание того элементарного факта, что для облегчения управления войсками в современном бою существуют технические средства связи! И командиры стрелковых батальонов, и командиры стрелковых полков с началом боя покидали свои оснащенные телефонной и радиосвя-

Ил. 7. Лейтенант К.Н. Егоров, командир танковой роты 2-й механизированной бригады, награжденный орденом Красного Знамени

Ил. 8. Лейтенант М.Т. Лебедев, командир танкового взвода, награжденный орденом Красной Звезды

зью КП и «устремлялись» в нижестоящие подразделения, чтобы руководить личным примером и личным общением. В результате управление теряли и они сами (так как находиться во всех своих подразделениях одновременно не могли), и вышестоящие командиры которые, потеряв с ними связь и не получая от них никакой информации, переставали быть в курсе событий, а следовательно, теряли возможность принимать своевременные и адекватные решения.⁹

Несмотря на многие недостатки при организации связи, боевые действия в районе озера Хасан обогатили войска связи опытом обеспечения связи в общевойсковом бою, были выявлены положительные стороны в обучении связистов и в работе средств связи.

Ил. 9. Казначейский билет номиналом три рубля, выпущенный в память боев на озере Хасан. 1938 г.

Ил. 10. Знак участника боев на озере Хасан

6500 участников хасанских событий получили боевые государственные награды (ил. 7, 8).

В целях увековечения памяти героев Хасана Президиум Верховного Совета СССР Указом от 5 июля 1939 г. переименовал приграничный Посъетский район Приморского края в Хасанский район. В память об этих событиях был выпущен казначейский билет номиналом три рубля (ил. 9), все участники были награждены знаком «Участнику хасанских боев» (ил. 10) и были выданы удостоверения к нему (ил. 11).

На сопке Крестовой, у поселка Краскино, стоит отлитая из бронзы 11-метровая фигура красноармейца (ил. 12). Это памятник павшим за Родину в боях у озера Хасан. Именами героев названы многие железнодорожные станции и села Приморья: Махалино, Провалово, Пожарское, Бамбурово и другие.

Ил. 11. Удостоверение участника боев на озере Хасан

Ил. 12. Памятник павшим за Родину в боях у озера Хасан

¹ Боевые эпизоды. Сборник статей и материалов о событиях у озера Хасан. М., 1939. С. 1–192.

² История военной связи Российской армии. Т. 2. СПб., 1999. С. 301–315.

³ Ищенко Ф.П. «Краткие воспоминания о работе связистов 2-й механизированной бригады Приморской группы войск в период отпорных боев против японских империалистов в районе озера Хасан (29.07–11.08.38 г.)». 1967.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ Панасовский В.Е. Уроки Хасана и Халхин-Гола. М.: Знание, 1989. С. 1–61.

Ю.Д. Патыченко (Санкт-Петербург)

ТЕОРИЯ ГЛУБОКОЙ НАСТУПАТЕЛЬНОЙ ОПЕРАЦИИ, РАЗРАБОТАННАЯ СОВЕТСКОЙ ВОЕННОЙ НАУКОЙ В МЕЖВОЕННЫЙ ПЕРИОД (1922–1941 ГОДЫ)

В СЕСТОРОННЕЕ ИЗУЧЕНИЕ ОПЫТА многочисленных войн показывает, что высокие темпы наступления в ходе боевых действий достигаются прежде всего подвижностью войск, их способностью осуществлять быстрый маневр на поле боя и вне его, быстрым и решительным подавлением сопротивления противника.

Сторона, сумевшая добиться высоких темпов наступления, получает крупные преимущества над противником. Высокие темпы наступления обеспечивают наступающим войскам выигрыш пространства и времени, вследствие чего обороняющийся лишается возможности своевременно парировать резервами возникшую опасность. Неожиданное появление крупных сил наступающего в слабом месте обороны создает обстановку, морально потрясающую противника, что в совокупности с материальным превосходством приводит к его поражению.

С появлением массовых армий размах сражений неизмеримо возрос как в пространстве, так и во времени. Появилась новая форма вооруженной борьбы – операция. Чем выше был темп наступательной операции, тем большие достигались результаты. Особенно остро проблема повышения темпов наступления встала в ходе Первой мировой войны, которая после непродолжительного маневренного периода приняла позиционный характер.

Длительный период поисков путей преодоления позиционного тупика привел к выводу, что решение этой проблемы требует создания такого средства, которое будет обладать высокой проходимостью, малой уязвимостью, мощной огневой силой и сможет обеспечить быстрый прорыв обороны противника и продвижение войск в оперативную глубину.

Таким средством стали танки, впервые примененные англичанами 15 сентября 1916 г. в операции на реке Сомма (32 танка «Марка-I»).

Используемые в первое время в небольшом количестве танки не оказали существенного влияния на ведение боевых действий. И только после операции у Камбре (в ноябре 1917 г.), где они были применены массированно (378 танков на участке шириной 12 км), выяснилось, что новое боевое средство имеет большую перспективу, так как при помощи танков можно было значительно повысить темпы наступления и перейти от позиционной борьбы к маневренной.¹

Применение танков в операциях 1917–1918 гг. сказалось на условиях и способах ведения боевых действий. Прежде всего, оно позволило почти в два раза увеличить ширину полос наступления пехотных соединений и тем самым расширить фронт активных действий. При наступлении пехоты с танками стало возможным резко сократить продолжительность артиллерийской подготовки, чем существенно облегчалось достижение внезапности. Наконец, при наступлении с танками удавалось в первый же день прорывать оборону на глубину 8–10 км и достигать таких результатов, для получения которых раньше требовалось длительное методическое «прогрызание» обороны. Но самым важным было то, что применение танков позволяло быстро развивать успех в глубину обороны противника.

Таким образом, массированное применение танков на поле боя создавало возможности для ведения наступления высокими темпами. Но малое количество и невысокое качество танков того времени наряду с ограниченностью опыта их боевого применения, отсутствие научно обоснованной теории и ряд других факторов не позволили полностью решить проблему достижения высоких темпов наступления в ходе Первой мировой войны. Однако даже на этом небольшом боевом опыте военные теоретики ряда государств объективно оценили роль танков в прорыве обороны противника и развитии наступления в оперативной глубине.

Большое значение вопросам ведения высокоманевренных операций уделяла советская военная наука. В СССР новые военные теории строились не только на основе изучения опыта Первой мировой войны и развития военной техники, но и с учетом опыта высокоманевренной гражданской войны.

Начиная с 1922 г., появилось большое количество военной литературы по актуальным вопросам развития советского военного искусства. В этот период выдающийся военный теоретик М.В. Фрунзе в

своих трудах рекомендовал усиливать пехоту танками, а бронетанковые части развивать даже за счет других родов войск. Первый советский танк вышел в испытательный пробег в 1920 г. С 1928 г. начался выпуск легких танков МС-1. В 1931–1939 гг. было налажено производство малых (Т-37), легких (Т-26, БТ-5, БТ-7), средних (Т-28) и тяжелых (Т-35) танков.²

Советские военные теоретики М.Н. Тухачевский, А.И. Егоров, В.К. Триандафиллов, Г.С. Иссерсон, К.Б. Калиновский и др. впервые изложили идею глубокого боя и тем самым определили принципиальные направления развития тактики и оперативного искусства. Сущность теории глубокого боя заключалась в нанесении поражения противнику огнем артиллерии и ударами авиации на всю тактическую глубину, в прорыве его обороны мощным эшелоном прорыва, состоящим из стрелковых войск, танков непосредственной поддержки, в развитии успеха кавалерией, танками дальнего действия, стрелковыми соединениями во взаимодействии с воздушно-десантными войсками. Эта идея нашла отражение уже в Полевом уставе 1929 г. В статье 267 устанавливалось понятие танкового эшелона дальнего действия, предназначенного для продвижения в глубину обороны противника одновременно с атакой переднего края. Устав содержал первые предпосылки для перехода к тактике глубокого боя, основанной на действиях объединенных родов войск.³

В дальнейшем принципиальную схему глубокого боя необходимо было перенести в оперативный масштаб. Для этого требовалось, во-первых, сформировать мотомеханизированные соединения, способные по своей организации и вооружению к решению самостоятельных задач. Во-вторых, определить рубежи ввода в сражение этих соединений для выполнения боевых задач в оперативной глубине обороны противника. Таким образом, главный вопрос организации глубокой наступательной операции сводился к решению проблемы, как тактический прорыв превратить в оперативный.

Теоретические разработки и практический опыт учений и боевых действий были закреплены в полевых уставах Красной армии, изданных в 1936, 1939 и 1941 гг.

Накануне Великой Отечественной войны, в соответствии с положениями советской военной науки, при проведении глубокой наступательной операции решались две основные задачи: прорыв обороны противника одновременным ударом на всю ее тактическую глубину

и развитие тактического успеха в оперативный стремительными действиями подвижных войск, воздушных десантов и авиации.

Прорыв осуществлялся взаимодействующими между собой пехотой, артиллерией, танками и авиацией, поражающими боевые порядки противника на всю их глубину. Темп наступления войск должен был составлять 10–15 км в сутки. В целях последующего развития успеха наступления в образовавшуюся брешь вводились подвижные войска. Для этого в составе вторых эшелонов армий и фронтов предусматривалось иметь механизированные или конно-механизированные соединения в качестве так называемых подвижных групп войск. Подвижные группы считались одним из важнейших элементов оперативного построения войск армии и фронта и решающим средством, обуславливающим большую глубину и размах операции, а также высокие темпы ее проведения (40–50 км в сутки)⁴.

Глубокая операция требовала и глубокого построения войск армии и фронта. Оперативное построение ударной группировки включало эшелон прорыва, эшелон развития прорыва (подвижные войска), авиационную группу и группу воздушно-десантных войск. Ударные армии, хорошо оснащенные боевой техникой, транспортом и средствами связи, должны были использоваться на главном направлении.

Теория глубокой наступательной операции выдвинула новый способ боевых действий, существо которого заключалось в объединении усилий эшелона прорыва, эшелона развития прорыва (подвижных войск), ударных, сковывающих и других групп в один ударный механизм, обеспечивающий поражение и разгром противника во всей оперативной глубине.

В развитии тактического успеха в оперативный большая роль отводилась выброске в глубине обороны противника оперативного воздушного десанта, которому ставились задачи разрушать узловые железнодорожные станции, мосты, аэродромы, нарушать систему снабжения, уничтожать узлы связи, войсковые штабы, создавать огневые преграды на путях подхода резервов.

Теория глубокой операции была проверена на маневрах Киевского военного округа в 1935 г., Белорусского, Московского, Одесского и других военных округов в 1936 г., в боях в районе озера Хасан в 1938 г., на реке Халхин-Гол в 1939 г., на Карельском перешейке в 1939–1940 гг.⁵

Советская военная наука определяла будущую войну как маневренную, а операции – как глубокие, проводимые усилиями всех

видов вооруженных сил и родов войск. При этом главная роль в ведении высокоманевренных боевых действий отводилась крупным танковым и механизированным соединениям (подвижным войскам).⁶

Таким образом, взгляды на характер будущей войны предопределили научное обоснование вопроса о месте и задачах бронетанковых и механизированных войск. Принципиально теория боевого применения бронетанковых войск предусматривала их использование двумя группами. В первую группу должны были входить танковые части (подразделения), действующие в составе общевойсковых соединений. Им ставилась задача оказать помощь пехоте при прорыве обороны противника. Это были танки непосредственной поддержки пехоты (НПП). Вторую группу составляли крупные соединения бронетанковых и механизированных войск, предназначенные для самостоятельных действий. Этим соединениям ставилась задача войти в прорыв, образованный общевойсковыми соединениями при поддержке танков НПП, стремительно развить их успех, расцезь оборону противника на всю ее глубину, совместно с авиацией и воздушно-десантными войсками уничтожить подходящие резервы противника и обеспечить достижение целей операции.

Ввод в сражение крупных соединений бронетанковых и механизированных войск планировался как после полного прорыва тактической зоны обороны противника, так и с целью его завершения, в случае если сил общевойсковых соединений для этого окажется недостаточно.⁷

В соответствии со взглядами на боевое использование танков в бою и операции происходило и организационное строительство бронетанковых и механизированных войск. До 1937 г. они были представлены отдельными частями, которые входили в состав общевойсковых соединений и предназначались для действий в качестве танков НПП, а также крупными соединениями (механизированными корпусами) для самостоятельных действий по развитию тактического успеха в оперативной глубине. Однако на дальнейшем организационном строительстве бронетанковых и механизированных войск отрицательно сказалась неправильная оценка опыта боевых действий в Испании, в связи с чем механизированные корпуса были расформированы. Взамен их были созданы танковые части и соединения небольшого состава. Последующие события показали несостоятельность принятия таких решений.

Боевой опыт Красной армии, полученный при защите дальневосточных границ и в войне с Финляндией, показал, что в составе сухопутных войск необходимо иметь крупные бронетанковые и механизированные соединения. Их формирование началось в 1940 г., но к началу Великой Отечественной войны завершено не было. Это были механизированные корпуса, предназначенные для развития успеха и самостоятельных действий в оперативной глубине обороны противника. В состав механизированного корпуса входили две танковые и моторизованная дивизии, мотоциклетный полк и специальные части и подразделения. По штату военного времени в корпусе насчитывалось свыше 36 тыс. человек, 1031 танк, 358 орудий и минометов и 268 бронемашин.⁸

К 1940 г. были созданы новые образцы танков: малый Т-40, легкий Т-50, средний Т-34 и тяжелый КВ, которые по боевым свойствам значительно превосходили предшествующие им отечественные и однотипные зарубежные танки.⁹

Необходимо отметить, что развертывание в короткие сроки большого количества бронетанковых и механизированных войск не соответствовало темпам поступления в армию новых боевых и транспортных машин. На вооружении оставались в основном устаревшие к тому времени танки (БТ-5, БТ-7, Т-26 и др.). Личный состав, поступающий в танковые и механизированные части из кавалерии и пехоты, не успевал освоить новую специальность, а штабы не имели опыта управления крупными механизированными соединениями.

Потребность в танках для формирования механизированных корпусов привела к другой крайности – к ликвидации отдельных танковых частей, входивших в состав общевойсковых соединений и предназначенных для действий в качестве танков НПП.

К началу Великой Отечественной войны научно обоснованная теория боевого применения бронетанковых и механизированных войск не была полностью реализована в их организационном строительстве. В итоге такая реорганизация сыграла отрицательную роль и была одной из причин неудач в боевых действиях Красной Армии в начальном периоде войны.

Таким образом, накануне Великой Отечественной войны советской военной наукой была разработана теория глубокой наступательной операции, сущность которой заключалась в нанесении удара на всю глубину обороны противника с использованием артиллерии, бронетанковых войск, авиации и воздушных десантов. При этом ве-

лучшее место отводилось вопросам ввода в сражение и боевым действиям в оперативной глубине обороны противника подвижных групп войск. В состав подвижных групп фронтов и армий предполагалось включать кавалерийские, механизированные и танковые соединения, способные стремительно войти в прорыв и в высоких темпах развить тактический успех в оперативный. Боевые действия подвижных групп должны были осуществляться в тесном взаимодействии с общевойсковыми объединениями и соединениями, артиллерией, авиацией и воздушно-десантными войсками.

Основные положения теории глубокой наступательной операции нашли применение и получили дальнейшее развитие в годы Великой Отечественной войны. В качестве подвижных групп фронтов и армий стали применяться формируемые с апреля 1942 г. танковые и механизированные корпуса. Они совершали глубокие прорывы, стремительно выходили в глубокий тыл противника, выигрывали в маневре, овладевали инициативой и вносили решающий вклад в достижение целей операции.

Наиболее полно теория и практика применения подвижных групп фронтов нашла свое отражение в операциях 1943–1945 гг., когда эту функцию стали выполнять крупные объединения – танковые армии, сочетающие в себе высокую подвижность и большую ударную мощь. К концу войны танковая армия трехкорпусного состава могла иметь свыше 50 тыс. личного состава, 850–920 танков и САУ, около 800 орудий и минометов, более 5 тыс. автомобилей.¹⁰

Танковые армии являлись средством Ставки Верховного Главнокомандования и придавались фронтам, действовавшим на важнейших стратегических направлениях. Развертывая фронт борьбы в тылу врага (на удалении от 30 до 80 км от общевойсковых армий), они обеспечивали успех наступления главным силам фронтов, повышали размах, маневренность и решительность фронтовых операций.¹¹

Опыт Великой Отечественной войны показал, что развитие способов подготовки и ведения наступательных операций фронтов и армий шло по пути дальнейшего совершенствования теории и практики глубокой наступательной операции, разработанной советской военной наукой в предвоенные годы.

¹ Военно-исторический журнал. 1961. № 1. С. 8.

² Большая советская энциклопедия. М., 1976. Т. 25. С. 262.

³ Военно-исторический журнал. 1965. № 1. С. 57.

- ⁴ Военная мысль. 1978. № 8. С. 16.
- ⁵ История войн и военного искусства. М.: Воениздат, 1970. С. 104.
- ⁶ Радзиевский А.И. Танковый удар. М.: Воениздат, 1977. С. 15.
- ⁷ Военная мысль. 1960. № 9. С. 5.
- ⁸ История военного искусства. М.: Воениздат, 1984. С. 88.
- ⁹ Большая советская энциклопедия. Т. 25. С. 263.
- ¹⁰ История военного искусства. С. 371.
- ¹¹ Строительство и боевое применение советских танковых войск в годы Великой Отечественной войны. М.: Воениздат, 1979. С. 149.

В.В. Пенской (Белгород)

КАЗАНСКАЯ ЛОГИСТИКА

3-й КАЗАНСКИЙ ПОХОД Ивана IV 1552 г. наравне с Полоцкой экспедицией десятью годами позднее по праву может быть отнесен к числу крупнейших военных предприятий первого русского царя. Он оказал огромное, если не судьбоносное, влияние на дальнейшее развитие событий в Восточной Европе. Естественно, что столь значимое событие не было обойдено вниманием как отечественных, так и (в меньшей степени) зарубежных историков, и сводная историография «Казанского взятия» насчитывает не один десяток работ – от общих, обзорного характера¹, до специализированных очерков военно-исторического характера², не говоря уже о прочих³. Благодаря работе нескольких поколений историков общая канва событий, связанных со взятием Казани в 1552 г., сегодня представляется достаточно изученной (а анализ историографии вопроса может составить предмет отдельного, весьма обширного исследования, что не входит в наши задачи), поэтому стоит остановиться на некоторых малоизученных или практически не изученных аспектах последней казанской кампании Ивана IV.

К числу таких вопросов можно смело отнести логику этого похода. Изучение технической, «черновой» стороны войны эпохи Средневековья – раннего Нового времени, в особенности той ее части, что имела отношение к организации снабжения действующей армии провиантом, амуницией и фуражом, никогда не составляло сильной стороны отечественной историографии. Это в равной степени касается что гражданской, что военной, более сосредоточенных на анализе политических, дипломатических и чисто военных, касающихся тактики и стратегии, вопросов. Обусловлено столь пе-

чальное обстоятельство было, с одной стороны, общим невниманием к изучению не только и не столько истории «битв и сражений», сколько истории военного дела; с другой же стороны – явной недостаточностью источниковой базы. Но в нашем случае ситуация выглядит несколько лучше. Конечно, подробной разрядной росписи касательно наряда на заготовку припасов, их доставки на «передовую» и порядка их последующего расхода не сохранилось (если таковой вообще был – хотя, судя по приказной переписке конца 70-х гг. XVI в.⁴, нечто подобное в делопроизводственной практике московских приказов должно было быть). Не сохранился и подлинный подробный «дневник» «Казанского взятия» (подобный тому, какой остался от Полоцкого похода 1562/1563 гг.). Однако сохранившиеся свидетельства в нарративных источниках (прежде всего в летописании и записках участника кампании 1552 г. князя А. Курбского⁵) при сопоставлении с материалами разрядных книг⁶ позволяют нам в общих чертах реконструировать довольно точную картину того, как решали разрядные дьяки и подьячие вместе с самим Иваном и его воеводами проблему снабжения немалой государевой рати (а в том, что она была немалая, нет сомнений, хотя, конечно, прочно утвердившаяся в историографической традиции цифра в 150 тыс. русской рати, собравшейся под стенами Казани, очень сильно преувеличена). Впрочем, это и неудивительно, поскольку анализ содержания наших основных источников по истории казанского 1552 г. похода, Никоновской летописи и «Летописца начала царства» позволяет утверждать, что их составители активно и широко использовали материалы текущего разрядного делопроизводства.

Мы не случайно упомянули про масштабы казанской экспедиции, поскольку насчитывающее несколько десятков тысяч «сабель и пицалей» войско (не считая нестроевых – посошных и обозных – кошевых) и столько же, если не больше, лошадей, строевых и обозных, ежедневно нуждалось в десятках тонн провианта и фуража. С легкой руки имперского посланника С. Герберштейна в историографии и общественном мнении утвердилось мнение о чрезвычайной неприхотливости русского воина и его боевого друга – коня. По его утверждению, они де готовы были довольствоваться во все время кампании (от нескольких недель до нескольких месяцев) немудреной похлебкой из толченого проса, сдабриваемой по возможности кусочком свинины, чесноком или луком (воин) и ветками и прошлогодней травой (конь).⁷ Между тем, по утверждению Л.В. Милова,

в XVIII–XIX вв. «суровый режим очень скудного питания, жесткий режим экономии» для русского крестьянина составлял порядка 24 пуда зерна на душу в год, т. е. около 3200 ккал/сут. Если же принять во внимание необходимость часть зерна отдавать в прокорм коню и домашнему скоту, то этот суточный норматив еще более уменьшался – до 1700–2100 ккал/сут.⁸ Сколько нужно съесть пресловутой овсяной каши, калорийность которой, сваренной на воде, составляла около 120 ккал/100 г, чтобы покрыть минимальную полуголодную норму, легко посчитать, равно как вычислить и потребность при таком расходе в сухом толокне (калорийность ~ 360 ккал/100 г.) на 3–4 месяца похода. Правда, остается вопрос, как долго будет сохранять боеспособность ратник при таком полуголодном существовании – и это в походе, а не во время осадного «сидения»?

Это же касается и коней, которым в сутки требовалось зимой около 4–5 кг овса и 6–8 кг сена, а летом – 30–35 кг травы ежедневно (при условии обычных 30-километровых дневных переходов).⁹

Пренебрежение вопросами логистики могло дорого стоить и не раз уже приводило к срыву кампаний – в этом на личном опыте мог убедиться сын Ивана III Дмитрий Жилка в 1502 г. во время неудачной попытки взять Смоленск, его брат Василий спустя десять лет под тем же Смоленском и князь В.В. Шуйский Немой под стенами Полоцка в 1518 г.¹⁰ Примечательно, что во всех этих случаях с проблемами снабжения сталкивались большие рати, насчитывавшие по 6–7 и более тыс. «сабель и пищалей», не считая посохи и обозных, с не меньшим (если не большим) количеством лошадей. Между тем в казанском походе 1552 г. участвовали значительно большие силы – не пресловутые 150 тыс., но, по нашей оценке, порядка 30–40 тыс. «сабель и пищалей» без учета посохи и обозной прислуги. И хотя развертывание войск для кампании началось еще в апреле, а завершилась она в начале октября (т. е. заняла примерно полгода), однако серьезных проблем со снабжением, способных негативно повлиять на ход событий, а то и вовсе сорвать поход, все же не случилось (хотя, конечно, определенные проблемы были, но об этом ниже). Как русскому командованию удалось этого добиться?

Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо предварительно определить, какими приемами решали воеводы и дьяки проблему снабжения войска провиантом и фуражом. Анализ письменных свидетельств, сохранившихся в нарративных и актовых материалах, позволяет выделить следующие основные способы выхода из ситуации.

Прежде всего, ратные люди (в особенности конница) должны были сами озаботиться тем, чтобы у них в походе было достаточно и провианта, и фуража, которые они должны были заготовить дома перед выступлением на государеву службу. Формула предписания практически не менялась от века – достаточно сравнить соответствующие места из дневника Полоцкой кампании 1562/1563 гг. и государственной грамоты 1673 г. И там, и тут фраза звучала примерно следующим образом: «И всяких чинов служилым людем сказать, чтоб они к нашей государевой службе были со всем наготове, лошади кормили и запасы пасли...».¹¹ При этом стоит заметить, что в рассылаемых на места грамотах указывался и примерный срок, на который ратным нужно запастись «корм людцкой и конский» – как в случае с походом на Полоцк, «на всю зиму и до весны...».¹²

Другой, не менее древний способ выражен чеканной латинской формулой: «Bellum se ipsum alet» (в русских актовых материалах той эпохи у него не менее яркое и выразительное наименование – «сильное имание»). Ратные люди не только на вражеской, но и на своей территории имели право «ставиться» в деревнях и селах вдоль дорог, по которым шли войска, и брать провиант, фураж, подводы и проводников-вожжей – столько, сколько посчитают нужным.¹³ Естественно, что произвольные реквизиции сопровождались злоупотреблениями – даже на своей земле¹⁴, не говоря уже о том, что делали ратные в неприятельской земле, будучи отпущенными своими воеводами «в зажитье» «кормов добывать» – когда никто и ничто не сдерживало их грабительства.¹⁵

Во время похода ратные могли рассчитывать и на «услуги» купцов-«маркитантов», которые в надежде на выгоду и поживу следовали вслед за войском, сбывая ему свой «разноличный многый» товар (в том числе провиант и фураж), а взамен скупая взятые воинами «животы» и пленных.¹⁶

Снабжение войск могло быть переложено на союзников – полностью или частично. Это было все равно менее затратно, чем терпеть «сильное имание» от пускай и дружественных ратных, но все равно смотревших на поселян и посадских с высоты седла.¹⁷

Наконец, на походе, совершая марш по территории, подвластной великому князю, его полки могли рассчитывать на содействие местных властей и самого великого князя, администрация которого заблаговременно рассылала на места указания «по ямом людцкие кормы и конские, часа того, готовити» или же напрямую выдавала ратным все необходимое из великокняжеской казны.¹⁸

Таким образом, к середине XVI в. великокняжеской администрацией и воеводами был накоплен немалый как позитивный, так и негативный опыт организации снабжения войска как во время выдвижения к театру военных действий, так и во время собственно боевых действий на неприятельской территории. Сочетая описанные выше способы разрешения логистических проблем, великокняжеские воеводы и дьяки сумели отладить к этому времени достаточно эффективно работающую «интендантскую» службу, способную не допустить срыва кампании из-за нехватки провианта и фуража. И это при том, что насчитывающим десятки тысяч не только «сабель и пищалей», но и «едоков» ратам приходилось оперировать довольно длительные сроки (по несколько месяцев) на удаленных от своей земли редкозаселенных, с неразвитой инфраструктурой территориях.

Но вернемся обратно к истории 3-й Казанской кампании Ивана IV и к ее логистике. Политический кризис конца зимы – начала весны 1552 г. в татарской столице завершился «казанской изменой». После того, как стало окончательно ясно – казанцы отказываются принять московского наместника, а, значит, задуманной унии не будет и новой войны не избежать, в Москве было принято решение об организации новой военной экспедиции на Казань, которая должна была окончательно решить «казанский вопрос».

Подготовка кампании началась, судя по всему, еще до того, как разрешился кризис в Казани. Проходила она в традиционном ключе. Как писал автор «Казанского летописца», из Москвы «по градом» были разосланы царские грамоты «всем князем, и воеводам, и благородным, и середним же, и обычным готовым быти на царскую свою службу со всяким запасом ратным с конми и со отроки...»¹⁹, причем ратным было повелено «збиратися на Коломну, на Коширу дальним городом Новугороду Великому и иным городом (очевидно, северо-западным – не только Новугороду, но и Пскову, Твери и «тянушим» к ним «пригородам». – *В. П.*), а Московским городом велел (Иван. – *В. П.*) збиратися в Муроме».²⁰ Очевидно, что тогда же рассылаются на места грамоты о сборе посошных людей, конных и пеших, со своими подводами, инструментом и «кормом» (без которых не обходилось ни одно мало-мальски серьезное военное предприятие москвитов). Равным образом были разосланы и соответствующие «листы» о наборе «зборных» с «земли» конных и пеших людей, пищальников и лучников, которые также должны были иметь с собой все необходимые припасы на всю предполагаемую кампанию.²¹

По аналогии с другими походами можно также с уверенностью предположить, что, по крайней мере, часть ратных людей, двигавшихся по весенним дорогам к местам сбора, могла получать на ямах «корм» и фураж по установившейся еще во времена Ивана III «норме» – «на десять лошадей по четвертки овса да по острамку сена» и «на восемьдесят человек яловица, по польосмине круп, по полубезмена соли, или на десять человек по борану, круп и соли на денгу...».²²

Уже на этом подготовительном этапе должна была проявиться отличительная черта 3-й казанской кампании. В свое время американский историк У. Мак-Нил отмечал, что «московские цари устанавливали свою власть повсюду, куда судоходные реки позволяли доставить тяжелые пушки...».²³ Казань, стоявшая на Волге, была удобным объектом для московской экспансии, ибо по Волге и ее притокам к месту предполагаемых боев легко можно было доставить водой не только пехоту и артиллерию, но и все необходимые припасы. И если в 1545 г. «наряжаемые» с Новгорода и новгородских пятин пищальники, конные и пешие, должны были иметь «суды», в которых «им корм и запас свой в Новгород в Нижней провадити»²⁴, то и в 1552 г. такой шаг был неизбежен.

В конце апреля 1552 г., если верить автору «Казанского летописца», в Москве был устроен большой воинский смотр. По его итогам Иван IV, «видев же инех вои своих, убозех сущих и нужных всем, не имеющих у себя ни коней воинских, ни кормли, и тех для сотвори полаты свои оружныя и ризныя и житница хлебныя, даваше им до любве их и оружия всякоя, и светлы ризы, и кормлю, и добрые кони ис конюшни своея преже всего своего пошествия...».²⁵ Надо ли этот пассаж расценивать как оборот речи, или же Иван IV на самом деле взял на себя содержание наименее обеспеченных («малых статей») детей боярских – сегодня сложно сказать, но, судя по дальнейшему развитию событий, второй вариант трактования этой фразы вовсе не исключен.

После смотра началось развертывание войск на казанском направлении: «отпустил государь воевод в судех на Свяягу и велел дела своего беречи и собя государя дожидатца бояр и воевод князя Александра Борисовича Горбатого да князя Петра Ивановичя Шуиского и иных воевод» (всего в этой судовой рати было 5 полков с 12 воеводами). С воеводами был отправлен водой в Свяяжск «наряд» (артиллерия с припасами) и, что примечательно (обычно летописи об этом

умалчивают) – «многие свои запасы послал (Иван IV. – В. П.) на перекормление воинству, и ключников своих отпустил со всем дворовым запасом...».²⁶ И что еще любопытно – участник похода князь А. Курбский вспоминал позднее, что в Свияжск были отправлены водою же и припасы (большая их часть?), которые ратные люди взяли с собой из дома.²⁷

Мы не случайно обратили внимание на это место в летописном рассказе (отметим, что из анализа текста следует, что составители летописи активно пользовались текущей разрядной документацией). Еще раз подчеркнем: то обстоятельство, что Казань находилась на большой водной магистрали, существенно облегчало русским задачу по организации снабжения многочисленной рати. Доставить водой к месту, где развернутся боевые действия, необходимые запасы было не в пример проще и легче, нежели тянуть их на сотнях и тысячах телег по русским дорогам, «качество» которых давно стало притчей во языцех. Наличие же передовой базы, крепости Свияжск, где можно было заскладировать необходимые припасы, позволяло рассчитывать на организацию более или менее бесперебойного снабжения осаждающих Казань войск.

«Казанский летописец» сообщает и еще одну любопытную подробность. Согласно его сведениям, Иван IV «Волгою же отпусти с кормлею и со всяким запасом розным всего великого воинства своего и з болшим стенобитным нарядом огненным, яко да не будет нужда от пищи в всех на долго время...».²⁸ Сопоставив эти сведения с теми, что сообщает официальное летописание, можно сделать вывод, что Иван и боярская дума решили подстраховаться и на всякий случай отправили водою в Свияжск «корм людтцкой и конский» не только для государева двора, но и для остального воинства – и не для одних лишь стрельцов и казаков, но и детей боярских, их послужильцев, сборных людей и посохи.

По ходу развертывания войск планы кампании менялись. Отправив часть воинства и припасов на «восточный», Казанский, «фронт», Иван IV и бояре приняли решение часть войска развернуть на «южном», Крымском «фронте», поскольку поступили известия о намерении крымского хана прийти на государеву украину: «Аже даст бог, итти на свое дело и на земское с Москвы на Коломну в первой четверг, заговев Петрова поста, июня 16 день; и пришед ему на Коломну, с людьми збиратися, которым велено быти на Коломне, и ждати из Крыму вести. И будут про царя крымского полные вести, что ему на

царевы и великого князя украины не быти, и царю и великому князю, положи упование на бога, итти на свое дело с Коломны х Казани часа того. А не будет вести про крымского царя до Петрова дни, и царю и великому князю, положи упование на бога, итти с Коломны х Казани с Петрова дни; а итти ему с Коломны в Муром, а из Мурома итти полем». ²⁹ К отправке на «берег» в ожидании «прямых вестей» о намерениях крымского «царя» готовились «бояре его (Ивана IV. – В. II.) и жильцы и выбором дети боярские, а в полках Новгородские люди». ³⁰ И когда 21 июня 1552 г. (sic -!) явились «прямые вести» («пришли Крымские люди на Тульские места к городу х Туле») ³¹, собравшаяся рать двинулась из Коломны к Туле.

До большого «прямого дела» между русской и татарской ратью дело не дошло: хан Девлет-Гирей I, узнав о выдвижении главных сил русского войска, «побеже от града с великими срамом», «телеги пометал и вельблуды многие порезал, а иные живы пометал...». ³² 1 июля в Коломне состоялся военный совет, на котором было решено, раз уж хан отказался от своих намерений и «великим спехом» ушел в Крым, бросая по дороге множество загнанных коней ³³, идти государю со всею ратью на Казань. Известие об этом решении вызвало волнение среди новгородских детей боярских. Они «государю стужаючи, а биют челом, что им не възможно, столко будучи на Коломне на службе от весны, а иным за царем ходящим и на боих бывшим, да толику долготу пути ийти, а там (под Казанью. – В. II.) на много времени стояти...». ³⁴

В этом эпизоде обращает на себя внимание недовольство новгородских детей боярских открывшимися внезапно перед ними «перспективами» продолжения похода. К началу июля они находились в кампании по меньшей мере 2,5 месяца (с середины апреля), а если считать еще и с дорогой из Новгорода – и того больше. И если они брали с собою припасов на 3–4 месяца ³⁵, то к этому времени они в значительной степени должны были их израсходовать, «силное имание» было маловероятно (по политическим причинам), а доставка «корма» из новгородских вотчин и поместий по вполне очевидным причинам была более чем затруднительной. Стремясь предотвратить дальнейший рост недовольства и мятеж, Иван (и его воеводы) «велит люди росписовати, хто похочет с государем пойти, и тех государь хочет жаловати и под Казанию перекормити...» ³⁶, т. е. молодой царь обязался взять тех, кто пойдет с ним на Казань с Коломны, на свое государево содержание и кормовое жалование. Предусмотрительность,

проявленная с отправкой весной водой в Свияжск царских ключников с припасами, оказалась совсем не лишней!

Отражение набега крымского хана на Тулу и тульские земли стало переломным моментом кампании. Убедившись в том, что южная, крымская Украина в безопасности, Иван со своим войском, согласно первоначальному плану, двинулся на Казань. На военном совете было решено «идти надвое, вмещения для людем» (выходит, что разделение войска надвое было осуществлено для облегчения его снабжения на марше?), при этом было приговорено «самоу государю идти на Володимер и на Муром, а воевод отпустить на Рязань и на Мещеру, а сходитися на Поле за Олатарем...». ³⁷

Поход второй рати во главе с большим воеводой князем И.Ф. Мстиславским проходил в сложных условиях (впрочем, если верить «Казанскому летописцу», и царская рать, выступив из Мурома к месту встречи, испытывала серьезные проблемы со снабжением водой³⁸). Его участник князь А.М. Курбский, бывший тогда вторым воеводой полка Правой руки, вспоминал впоследствии, что князь Мстиславский был послан «со треманадесят тысящей люду чрез Резанскую землю и потом чрез Мещерскую, идеже есть мордовский язык», и, «препроводясь аки за три дня мордовские лесы, изыдохом на великое дикое поле». Марш через степь растянулся на 5 недель и был сопряжен с большими трудностями, «гладом и нуждою многоу», поскольку, по словам Курбского, взятых с собою во вьюках и переметных сумах сухарей «не стало аки бы на 9 дней»³⁹, после чего войску пришлось больше месяца питаться «ово рыбами, ово иными зверми, бо в пустых тех полях зело много в реках рыб...». ⁴⁰ Лишь встретившись с царскими полками в первых числах августа на Баранчевом городище на Суре-реке, однополчане Курбского «хлеба сухого наядохомся со многоу сладостию и благодарением, ово зело драго купующе, ово позычающе от сродных, и приятел, и другов...». ⁴¹ Очевидно, что рать Мстиславского шла налегке, только со вьючным обозом, тогда как царская – с полноценным обозом, включившим в себя и вьючную, и тележную части.

Переправившись через Суру и соединившись, Иван и его воеводы со всей ратью двинулись дальше к Свияжску. Этот марш растянулся, по словам все того же Курбского, на 8 дней (если исходить из путевого «дневника» Ивана IV, 7 дней марша и одна дневка). Проблемы со снабжением оставались, хотя и не настолько серьезные, чтобы вынудить русских повернуть назад – вести о приближении царского вой-

ска быстро распространились среди «горних людей, князей и мырз и казаков и Черемисы и Чюваши», которые поспешили в стан к Ивану с изъявлениями своей покорности.

Жалуя их своей царской милостью и отпуская им их вины, Иван и его советники добились того, что «горние люди» взяли на себя (пусть и частично – по причине малонаселенности местности) снабжение проходящего воинства. Курбский писал потом, что за время марша «нам привожено и, странам ездя, добывано купити хлеба и скотов, аще и зело драго плачено», чему изголодавшееся войско было несказанно радо.⁴² Это свидетельство любопытно тем, что, судя по всему, переправившись через Суру, Иван IV воспретил своим ратным людям заниматься «силным иманием»⁴³, пообещав «горним людям», что русские ратные «корм свой и конской купят по цене как продадут, а силно у них не емлют ничего» (стандартный оборот из жалованной грамоты середины XVI в.).⁴⁴ Естественно, что «чюваша и черемиса» не преминули воспользоваться представившейся возможностью нажиться на русских ратниках, поставляя им провиант и фураж по чрезвычайно большой цене.⁴⁵

13 августа 1552 г. царское войско прибыло в Свияжск после тяжелого «многорастоянного пути», и «х тому приехали есмо, – писал Курбский, – воистину, яко во свои домаы от того долго и нужного пути, понеже привезено нам множество от домов наших Волгою мало не комуждо в великих кгалях запасу...». Отправленные прежде водою «суды» с царским «кормом» и «запас», который должны были взять с собою дети боярские, «зборные люди» и посоха, оказались как нельзя более кстати, к месту и ко времени. Более того, здесь, в лагере под Свияжском, разбили свои палатки и шатры купцы-маркитанты, которые, по словам все того же Курбского, «приплыша» безчисленное множество с различными живностями и со многими иными товарами», так что в русском лагере «бъше всего достаток, чего бы душа восхотела».⁴⁶

«Опочинув» в Свияжске три дня, 16 августа 1552 г. Иван IV отдал приказ войскам «возитися за реку» на «Казанскую сторону». 23 августа главные силы русского войска подступили к Казани и начали осадные работы. В ночь с 24 на 25 августа, отмечал летописец, «бысть буря велика, и шатром царским и по многим полком падшесе, а на Волзе в острове многие суды порозбило, царские запасы и всего воинства». Известие о бедствии, постигшем русский «кош», привело воинство Ивана в уныние и скорбь – третий поход, и третий раз по-

года властно вмешивается в планы и расчеты русского командования и рядовых ратников. Однако Иван (и его воеводы), предусмотрительно подстраховавшись на случай подобного форс-мажора, повелели «из Свяязьского города многие запасы привести, и недостаточным повелеше давати», сняв тем самым на время проблему со снабжением. Но, поскольку осада предполагалась долгой, то Иван отправил в Москву гонцов, «а велит к себе спешити с мною казною и з запасы многими, **и зазимовати хотяше тут** (выделено нами. – В. П.)...».⁴⁷

Подвозом провианта и фуража из Свяжска и посылкой за припасами в Москву Иван IV и его воеводы не ограничивались. По обыкновению, как только войска разбили лагерь под стенами Казани и начали обустриваться на позициях, в окрестности Казани были разосланы отряды фуражиров-«кормьщиков».⁴⁸ Однако их действия столкнулись с серьезными проблемами. Готовясь к осаде, казанцы «пожгоша сами посады своя и впряташася со всеми статками своими во град», поступив в строгом соответствии с тогдашними обычаями «как поидет рать, ино хлебы все свозят в городы, а сена пожгут».⁴⁹

Но даже не эта проблема была самой острой (хотя, безусловно, фуражироваться на местности, предварительно разоренной и опустошенной, большому войску было чрезвычайно сложно). Главная трудность заключалась в действиях оставшихся верными казанцам черемисов и татар, засевших в Арском остроге за городом. Последние, по словам автора «Казанского летописца», не только «выеждя из острогов лестных, стужающе полком Руским, ... наеждяочи на станы, возмущаючи в нощи и в день, убиваючи от вои, и хватаючи живых, и стада конские отгоняючи», но непрестанно нападали на высылаемых из русского лагеря «кормьщиков».⁵⁰ Как результат, «августа 30, в вторник, умыслил государь послати на тех людей, которые с лесу на полкы приходят на царьские и на корьмовщиков».⁵¹

Этой экспедиции придавалось тем большее значение, если принять во внимание сообщение Курбского о том, что после бури и гибели значительной части припасов осаждающие испытывали определенные проблемы со снабжением – провианта и фуража не хватало (60–70 тыс. лошадей должны были потреблять ежедневно не меньше 1800–2500 тонн травы, а 30–40-тысячная рать, без учета посохи, в перерасчете на сухари по полуголодной «норме» в 2100 ккал/сут. – около 18–24 тонн, а с посохой и обозными – и того больше), а тот, что был, продавался купцами задорого.⁵²

Поход сводной рати во главе с князем А.Б. Горбатым увенчался успехом, и, чтобы довершить поражение неприятеля, полностью обезопасить себя от возможных атак с тыла и пополнить запас провианта и фуража, Иван IV и его советники решили отправить сводную же трехполковую рать во главе со все тем же князем А.Б. Горбатым «на Арское место и на острог», которые, по словам А.М. Курбского, находились от Казани и от русского лагеря «дванадесять миль великих». ⁵³ 6 октября экспедиция началась, и очень скоро русские, разгромив неприятеля и взяв укрепленный острог на подступах к Арскому городищу, после чего «воюючи и села жгучи», двинулись к самому городищу и нашли его пустым. Простояв во взятом «месте» два дня, воеводы «роспустили войну» по всей Арской стороне, и, по словам летописца, «повоевали Арскую сторону всю, многих людей побили, а жены их и дети в полон поимали и много множество христианского полону свободили». При этом, согласно воеводской «отписке», «война их была на полтораста верст поперег, а в долину и по Каму: села повыжгли и скот их побили и безчисленное множество скота с собою х Казани в полкы пригонили...». ⁵⁴

Курбский к этому сообщению добавил, что разорение богатейшей «Арской стороны» длилось десять дней, и по итогам этого разорения в русском лагере была великая дешевизна на скот. Корову можно было купить за 10 «московок» (т. е. за 5 копеек-новгородок. В 1550 г. в Подмоскowie корова стоила 70 московок⁵⁵), а вола – втрое дешевле коровы. ⁵⁶ Правда, похоже, что разосланным по Арской стороне отрядам «кормовщиков» не удалось раздобыть сколько-нибудь достаточного количества хлеба. Во всяком случае, об этом ничего не сообщается ни в официальном летописании (про скот есть упоминание, а вот про хлеб – нет), ни у Курбского (рассказывая о богатствах «Арской стороны», он восторженно описывает «поля великие и зело преобилные» и множество хлебов, там родящихся, но потом замолкает и больше ничего о хлебе не говорит). Однако, судя по всему, с нехваткой хлеба удалось справиться, поскольку во 2-й половине сентября прибыли первые суда с «кормом»⁵⁷, за которыми Иван IV послал в конце августа после памятной бури.

Таким образом, тщательная предварительная подготовка по заготовке и доставке к месту предполагаемых боевых действий запасов провианта, фуража и иных военных припасов, меры по защите команд фуражиров-«кормовщиков» (в том числе и организация специальной экспедиции по захвату неприятельских скота и хлеба),

своевременная доставка взамен утонувшего или испорченного из-за бури продовольствия, выдача ратникам провианта и фуража из царских запасов и ряд других мер, – все это позволило избежать за время растянувшейся более чем на полгода кампании серьезных, способных сорвать ее, проблем, связанных с обеспечением многочисленного войска. Уроки неудачных кампаний начала XVI в. были в полной мере учтены, и повторения казусов смоленской или полоцкой кампаний 1502 и 1518 гг. не случилось. На этот раз московская «интендантская» служба сработала хоть и не как часы, но с необходимой точностью и эффективностью, обеспечив успешное завершение растянувшейся на 7 лет (если вести ее отсчет от 1545 г.) войны с Казанью.

¹ См., например: Карамзин Н.М. История государства Российского. Кн. II. Т. VIII. СПб., 1842. Стб. 84–122; Скрынников Р.Г. Великий государь Иоанн Васильевич Грозный. Т. I. Смоленск, 1996. С. 176–179; С.М. Соловьев С.М. История России с древнейших времен // Сочинения в восемнадцати книгах. Кн. III. Т. 6. М., 1989. С. 446–462; Хорошкевич А.И. Россия в системе международных отношений середины XVI века. М., 2003. С. 104–106; Щербатов М.М. История российская от древнейших времен. Т. V. Ч. I. СПб., 1786. С. 311–424 и др.

² См., например: Голицын Н.С. Русская военная история. Ч. II. От Иоанна III до Петра I. СПб., 1878. С. 131–150; Трофимов Вл. Поход под Казань, ее осада и взятие в 1552 году. Казань, 1890; Stevens Carol B. Russia's War of emergence: 1460–1730. Harlow, 2007. P. 71–72, 78–79 и др.

³ Например, касающихся идеологического наполнения этого похода: Keenan E.L. Muscovy and Kazan: Some introductory remarks on the Patterns of Steppe Diplomacy // *Slavic Review*. 1967. Vol. 26. P. 548–556; Pelensky J. Muscovite imperial Claims to the Kazan Khanate // *Ibid*. P. 559–576 и др.

⁴ См.: Столбцы дел московских приказов (Городового, Поместного, Разрядного) по управлению Ливонскими городами 1577–1579 гг. // Памятники истории Восточной Европы. Документы Ливонской войны (подлинное делопроизводство приказов и воевод) 1571–1580 гг. Т. III. Москва; Варшава, 1998. С. 56–196.

⁵ История о Казанском царстве (Казанский летописец) // ПСРЛ. Т. XIX. М., 2000; Курбский А.М. История о делах великого князя московского. М., 2015; Летописец начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича // ПСРЛ. Т. XXIX. М., 2009; Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью // ПСРЛ. Т. XIII.

⁶ См., например: Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. I. Ч. III. М., 1978.

⁷ Герберштейн С. Записки о Московии. Т. I. М., 2008. С. 243, 247, 249, 401.

⁸ Милов Л.В. Великорусский пахарь. И особенности российского исторического процесса. М., 2001. С. 389.

- ⁹ См., например: Вотчинные хозяйственные книги XVI в. Ужинно-умолотные книги Иосифо-Волоколамского монастыря 1590–1600 гг. Т. I. М.; Л., 1976. С. 32–33; Калинин В.И., Яковлев А.А. Коневодство. М., 1961. С. 166, 162.
- ¹⁰ О походах на Смоленск и на Полоцк в 1502–1518 гг. см., к примеру: Пенской В.В. 1) «Грязевой» поход князя Дмитрия Ивановича на Смоленск в 1502 г. // Военно-исторический журнал. 2012. № 10. С. 73–79; 2) Смоленское «взятие» Василия III // История в подробностях. 2011. № 4 (апрель). С. 6–17; 3) Чудо на Двине (эпизод из истории 1-й Смоленской войны) // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Труды Шестой Международной научно-практической конференции 13–15 мая 2015 года. Ч. III. СПб., 2015. С. 355–377.
- ¹¹ Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографическою Коммиссиею. Т. VI. СПб., 1857. С. 253.
- ¹² Баранов К.В. Записная книга Полоцкого похода 1562/1563 года // Русский дипломатарий. М., 2004. Вып. 10. С. 123.
- ¹³ См., например: Каштанов С.М., Робинсон А.М. Две жалованные грамоты 1510 года псковским монастырям // Записки отдела рукописей, Вып. 23. М.: Государственная библиотека СССР им. В.И. Ленина, 1961. С. 256; Кобрин В.Б. Две жалованные грамоты Чудову-монастырю: (XVI в.) // Записки отдела рукописей, Вып. 25. М.: Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина, 1962. С. 319.
- ¹⁴ Как это было, к примеру, в 1437 г., во время Белевской кампании Дмитрия Шемяки со товарищи. См., например: Никаноровская летопись // ПСРЛ. Т. XXVII. М., 2007. С. 106.
- ¹⁵ См., например, описание зимнего 1534/1535 г. похода государевых ратей в Литву (Летописец начала царства // ПСРЛ. Т. XXIX. М., 2009. С. 15).
- ¹⁶ См., например: Псковская 3-я летопись // ПСРЛ. Т. V. Вып. 2. М., 2000. С. 215.
- ¹⁷ Немало таких примеров сохранили псковские летописи. См., например: Псковская 1-я летопись // ПСРЛ. Т. V. Вып. 1. М., 2003. С. 106–107; Псковская 3-я летопись. С. 195, 198.
- ¹⁸ См., например: Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографическою Коммиссиею. Т. I. СПб., 1846. С. 129–131; Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымской и Нагайской ордями и с Турцией. Т. I // Сборник Императорского Русского Исторического общества. Т. 41. СПб., 1884. С. 441–442; Устюжская летопись // ПСРЛ. Т. 37. Л., 1982. С. 47.
- ¹⁹ История о Казанском царстве (Казанский летописец) // ПСРЛ. Т. XIX. М., 2000. Стб. 103.
- ²⁰ Летописец начала царства // ПСРЛ. Т. XXIX. М., 2009. С. 73. Ср.: Баранов К.В. Записная книга Полоцкого похода 1562/63 года // Русский дипломатарий. Вып. 10. М., 2004. С. 120–124.
- ²¹ См., например: Акты служилых землевладельцев. Т. I. М., 1997. С. 207; Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею императорской Академии наук. Т. I. СПб., 1836. С. 184; Баранов К.В. Записная книга Полоцкого похода 1562/63 года. С. 123.
- ²² Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографическою Коммиссиею. Т. I. С. 129–131.
- ²³ Мак-Нил У. В погоне за мощью. Технология, вооруженная сила и общество в XI–XX веках. М., 2008. С. 120.

- ²⁴ Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею императорской Академии наук. Т. I. С. 184.
- ²⁵ Там же. Стб. 104.
- ²⁶ Летописец начала царства. С. 73.
- ²⁷ Курбский А.М. История о делах великого князя московского. М., 2015. С. 34. О характере припасов см., к примеру: Грамоты и «Обидный список» полоцкого воеводы кн. А.И. Ногтева-Суздальского 1571–1572 гг. / Памятники истории Восточной Европы. Т. III. Документы Ливонской войны (подлинное делопроизводство приказов воевод) 1571–1580 гг. Москва; Варшава, 1998. С. 31–32. Для полноты картины можно привести также список имущества, который был взят сыном боярским Григорием Русиновым в поход: Акты Русского государства 1505–1526 гг. М., 1975. С. 198–199. Наличие реки – такой полноводной и могучей, как Волга, – при таких раскладах было истинным спасением!
- ²⁸ История о Казанском царстве. Стб. 104.
- ²⁹ Разрядная книга 1475–1598 гг. М., 1966. С. 135.
- ³⁰ Летописец начала царства. С. 83.
- ³¹ Там же. С. 83.
- ³² Там же. С. 84.
- ³³ Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью // ПСРЛ. Т. XIII. М., 2000. С. 191.
- ³⁴ Там же. С. 191.
- ³⁵ См., например: Баранов К.В. Записная книга Полоцкого похода 1562/63 года. С. 123; Флетчер Дж. О государстве Русском // Проезжая по Московии. М., 1991. С. 82.
- ³⁶ Летописец начала царства. С. 85.
- ³⁷ Там же. С. 85.
- ³⁸ История о Казанском царстве. Стб. 115.
- ³⁹ Ср.: Chase K. Firearms. A Global History to 1700. Cambridge, 2003. P. 17.
- ⁴⁰ Курбский А.М. История о делах великого князя московского. С. 32.
- ⁴¹ Курбский А.М. История о делах великого князя московского. С. 32; Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью // ПСРЛ. Т. XIII. С. 199–200.
- ⁴² Курбский А.М. История о делах великого князя московского. С. 32.
- ⁴³ Ср. приказ Дмитрия Ивановича в 1380 г.: «Аще кто идет по Рязаньской земле, да никтоже ничемуже коснется, и ничтоже возьмет у кого, и ни единому владу коснется» (Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью // ПСРЛ. Т. XI. М., 2000. С. 54). Отметим, правда, что это свидетельство довольно позднее, но даже если и так, то оно все равно фиксирует практику, которая действовала в XV–XVI вв.
- ⁴⁴ Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею императорской Академии наук. Т. I. С. 207.
- ⁴⁵ Ср.: Осада Пскова глазами иностранцев. Дневники походов Батория на Россию (1580–1581 гг.). Псков, 2005. С. 325, 326.
- ⁴⁶ Курбский А.М. История о делах великого князя московского. С. 34.
- ⁴⁷ Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью // ПСРЛ. Т. XIII. С. 205.
- ⁴⁸ См., например: Летописец начала царства. С. 100. Ср.: Московский летописный свод конца XV века // ПСРЛ. Т. XXV. М., 2004. С. 315.

⁴⁹ История о Казанском царстве. Стб. 115; Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой (1551–1561 гг.). Казань, 2006. С. 130.

⁵⁰ История о Казанском царстве. Стб. 125; Летописец начала царства. С. 100. О серьезных проблемах, которые испытывали русские из-за набегов черемисов и татар, сообщает и Курбский (см.: Курбский А.М. История о делах великого князя московского. С. 42).

⁵¹ Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью // ПСРЛ. Т. XIII. С. 208.

⁵² Курбский А.М. История о делах великого князя московского. С. 42.

⁵³ Курбский А.М. История о делах великого князя московского. С. 46; Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью // ПСРЛ. Т. XIII. С. 210.

⁵⁴ Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью // ПСРЛ. Т. XIII. С. 211.

⁵⁵ См.: Маньков А.Г. Цены и их движение в Русском государстве XVI века. М.; Л., 1951. С. 136.

⁵⁶ Курбский А.М. История о делах великого князя московского. С. 48.

⁵⁷ Об этом косвенно свидетельствует все тот же Курбский (Курбский А.М. История о делах великого князя московского. С. 62).

Ю.Я. Перевозник (Санкт-Петербург)

ОРГАНИЗАЦИЯ ПРОВОДНОЙ СВЯЗИ КРАСНОЙ АРМИИ ПЕРЕД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНОЙ

В ПЕРИОД между Гражданской и Великой Отечественной войнами войска связи подвергались неоднократной реорганизации:

– после 1921 г. они были сокращены более чем в три раза (на начало 1921 г. войска связи насчитывали 120 000 человек, а на 16 декабря 1922 г. – 32 062 человека)¹;

– в течение 1922 г. все отдельные батальоны связи были расформированы или реорганизованы в отдельные роты связи стрелковых корпусов и стрелковых дивизий;

– после сокращения численности войск связи с 1925 г. начинается кампания по ее увеличению почти на 11 %²;

– начиная с 1931 г. в армиях, корпусах и дивизиях вновь формируются отдельные батальоны связи, в бригадах и полках – отдельные роты связи и роты связи соответственно;

– в 1938–1941 гг. происходило дальнейшее совершенствование организационно-штатной структуры войск связи (учитывая опыт военных конфликтов на Дальнем Востоке, Финской кампании и угрозу начала войны с фашистской Германией);

– в состав стрелкового корпуса в 1938 г. был введен отдельный батальон связи (вместо роты связи)³;

– в штат стрелковой дивизии в 1939 г. вводят вместо отдельной роты связи отдельный батальон связи⁴.

В конце 1930-х – начале 1940-х гг. войска связи Красной армии состояли из частей и подразделений связи, организационно входивших в состав соединений и частей различных родов войск и частей резерва Главного Командования (РГК). К составу частей связи РГК

относились части, непосредственно подчинявшиеся Центру, а также фронтовые (окружные и армейские).

В мирное время части связи РК занимались подготовкой специалистов для войск связи. С началом войны переформировывались до штатов военного времени для обеспечения управления войсками фронта и армии, решения специальных задач Генерального штаба и штабов фронтов (части связи особого назначения – ОСНАЗ), а также использовались в качестве резерва для новых формирований.

Состав подразделений и частей связи для организации проводной связи

Во фронте:

– телеграфно-телефонный батальон и кабельно-шестовая рота из состава отдельного полка связи фронта (численность полка 779 чел.);

– телеграфно-строительная рота (тср) и кабельно-шестовая рота (кшр) четырехзвонного состава из состава отдельного линейного батальона связи (олбс) фронта (во фронте разворачивалось 4 олбс);

– 5 отдельных кабельно-шестовых рот (окшр);

– 8 отдельных телеграфно-строительных рот (отср);

– 3 отдельные телеграфно-эксплуатационные роты (отэр)⁵.

Телеграфно-телефонный батальон отдельного полка связи фронта обеспечивал телеграфную и телефонную связь на узлах связи двух положений командных пунктов фронта. В полку имелось 57 телеграфных аппаратов.

Отдельный линейный батальон связи фронта предназначался для строительства новых и восстановления существующих проводных линий, как на оси связи фронта, так и на одном из направлений к армиям. Его табельные средства обеспечивали строительство постоянной линии емкостью в одну цепь на расстояние до 90 км.

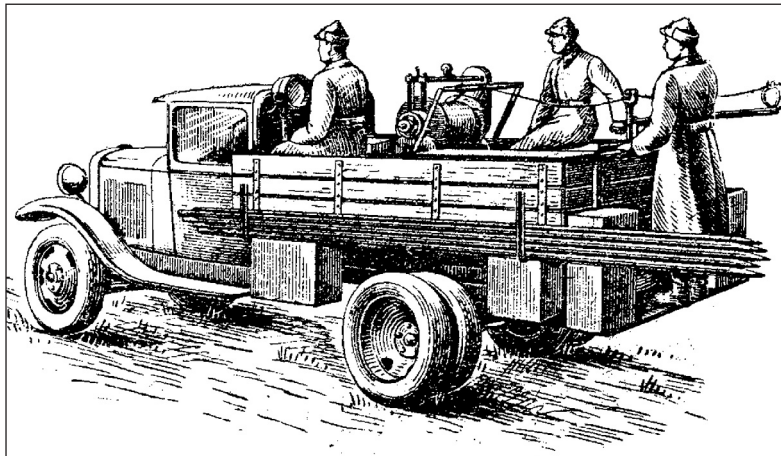
В армии:

– телеграфно-телефонный батальон и кабельно-шестовая рота из состава отдельного полка связи армии (численность полка 684 чел.);

– телеграфно-строительная рота, кабельно-шестовая рота четырехзвонного состава и эксплуатационно-телеграфная полурота (два взвода) из состава отдельного линейного батальона связи армии (в армии разворачивалось 2 олбс);

– 5 отдельных кабельно-шестовых рот (окшр);

– 3 отдельных телеграфно-строительных роты (отср);

Ил. 1. Машина моторизованных телеграфно-строительных рот

– отдельная телеграфно-эксплуатационная рота (отэвр)⁶.

Телеграфно-телефонный батальон отдельного полка связи обеспечивал телеграфную и телефонную связь на узлах связи двух положений командных пунктов армии. В полку имелось 45 телеграфных аппаратов.

Отдельный линейный батальон связи армии подлежал использованию на армейской оси связи. Табельные средства и организация батальона позволяли ему строить постоянную линию емкостью в одну цепь на глубину до 40 км и двухпроводную полевую кабельно-шестовую линию протяженностью до 70 км.⁷

Отдельные телеграфно-строительные и телеграфно-эксплуатационные роты имели по четыре взвода, а отдельные кабельно-шестовые – по три. Перечисленные типы рот предполагалось иметь в двух вариантах: на авто- и на конной тяге. Роты на конной тяге отличались от моторизованных рот только большей численностью личного состава (ил. 1).

Телеграфно-строительные роты предназначались для строительства (восстановления) рокадных линий связи фронта и армии, для усиления частей связи, действующих на направлениях связи к армиям или на оси связи фронта (армии), и для выполнения других задач. Телеграфно-строительная рота своими средствами могла построить постоянную линию емкостью в одну цепь общим протяжением до 45 км.

Телеграфно-эксплуатационные роты предназначались для эксплуатационного обслуживания постоянных линий связи. Телеграфно-эксплуатационная рота была рассчитана для обслуживания линий на участке 100–120 км.

Кабельно-шестовые роты предполагалось использовать на направлениях связи к соединениям, резервам, тылам и для обеспечения связи взаимодействия. Отдельная кабельно-шестовая рота могла строить кабельно-шестовую линию на глубину до 80 км⁸.

Основные принципы организации связи

Накануне войны управление войсками Красной армии осуществлялось в соответствии с положениями: временного Полевого устава 1936 г.; проекта Полевого устава 1940 г.; временного Наставления по полевой службе войсковых штабов 1936 г.

Связь старшего начальника с подчиненными организовывалась сверху вниз средствами и распоряжением старшего штаба; отсутствие этой связи не снимало ответственности с подчиненного за ее установление своими силами и средствами.

Провода предоставлялись распоряжением начальника связи вышестоящего штаба, но ввод их в помещение станции подчиненного штаба, установка на них аппаратов и обслуживание аппаратов возлагалось на начальника связи подчиненного штаба.

Связь взаимодействия между соседями по фронту осуществлялась справа налево средствами и распоряжением правого соседа.

С соседними справа и слева штабами связь обеспечивалась по выделяемым начальником связи вышестоящего штаба проводам. На подчиненный штаб возлагалась ответственность ввода этих проводов на свою станцию, установка на них аппаратов и техническое обслуживание провода, идущего к соседу слева.

Связь взаимодействия пехоты с артиллерией, конницей и специальными родами войск устанавливалась силами и средствами последних, при отсутствии этой связи она организовывалась средствами пехоты.

Связь с приданными танками и авиацией устанавливалась по распоряжению общевойскового командира.

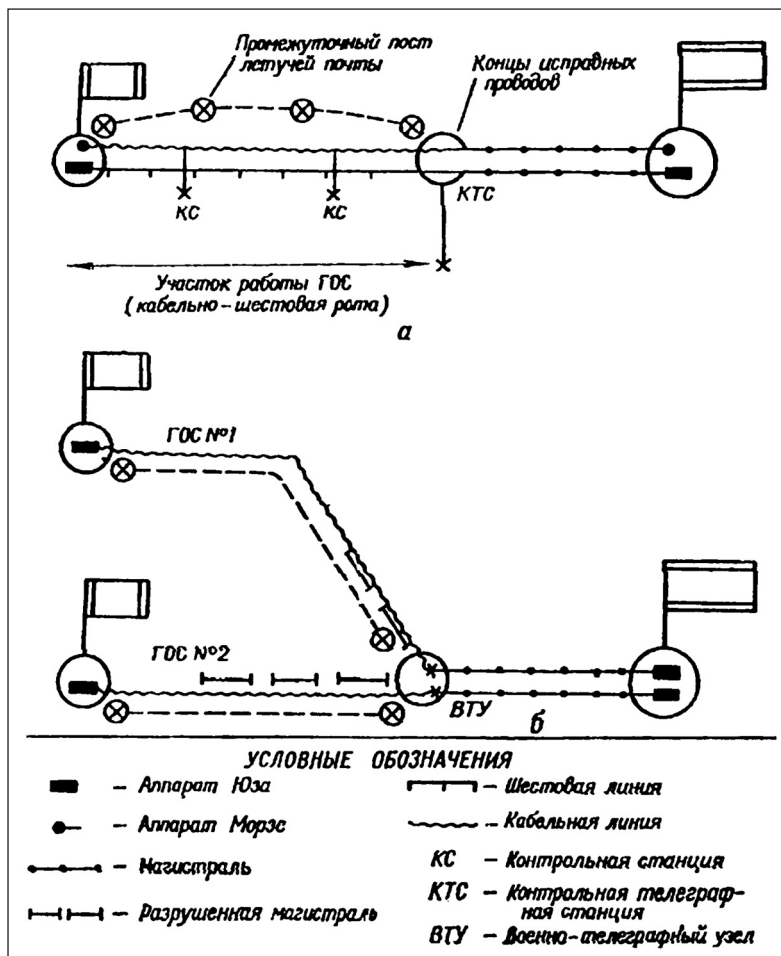
Роль и место различных средств связи определялись в зависимости от их возможностей и условий ведения боевых действий⁹.

Основным видом связи в тактическом звене управления была телефонная проводная связь, а в оперативном звене управления – телеграфная проводная связь.

Организация проводной связи в армии

При расположении армии на месте широко использовалась существующая правительственная телеграфная и телефонная сеть.

Для организации непрерывной связи штаба армии со штабами корпусов за каждым корпусом закреплялся головной отряд связи (ГОС) в составе отдельной кабельно-шестовой роты трехзвонного состава. Головной отряд связи организовывал связь от конца пос-

Ил. 2. Применение головных отрядов связи

тоянного исправного провода полевыми телеграфными средствами (ил. 2).

При нахождении штаба корпуса на постоянной телеграфной линии головной отряд связи размещался при нем. Если же штаб корпуса отрывался от постоянной линии, то головной отряд прокладывал вслед за штабом полевые телеграфные линии (шестовую и кабельную).

Каждый кабельно-шестовой взвод в течение дня (10 часов) мог одновременно построить шестовую линию на протяжении 30 км и проложить кабельную линию также на 30 км.

На стыке постоянной и полевой телеграфных линий создавалась промежуточная контрольная телеграфная станция (КТС) (ил. 2).

По мере продвижения корпусов перемещались военно-телеграфные узлы (ВТУ), места для которых намечались заранее по ходу операции (ил. 2). Личный состав, обслуживающий ВТУ, выдвигался вперед совместно со штабами корпусов.

Армия имела свою «ось связи», т. е. телеграфно-телефонную магистраль, совпадающую с операционным направлением. Штаб армии перемещался вдоль этой магистрали.

Штаб армии имел проводную телеграфную связь со штабами корпусов буквопечатающими аппаратами, а при наличии двух проводов – буквопечатающими и аппаратами Морзе.

При высоком темпе наступления вперед выдвигался полевой штаб, а впереди него – пункт сбора донесений, подготавливающий место для узла связи полевого штаба.

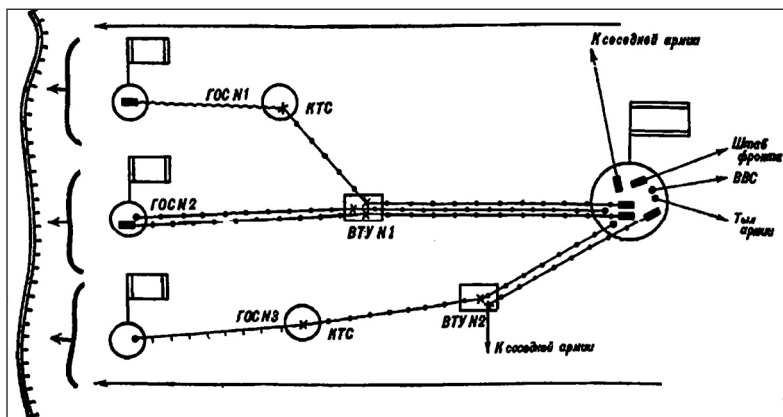
От пункта сбора донесений устанавливалась связь со штабами корпусов по полевым телеграфным линиям, построенным головными отрядами связи.

Проводная связь с соседними справа и слева штабами армии организовывалась по постоянным проводам через ВТУ буквопечатающими аппаратами.

С тыловыми учреждениями армии проводная связь организовывалась через ВТУ или контрольные телеграфные станции путем посылки телеграмм.

Принципиальная схема проводной связи армии в наступлении показана на ил. 3.

Штаб армии перемещался только после того, когда от нового места его размещения была установлена связь со штабом фронта и штабами корпусов. При этом одновременное перемещение штабов армии и корпусов не допускалось. В старом районе размещения шта-

Ил. 3. Принципиальная схема проводной связи армии

ба армии предусматривалось оставлять узел связи или контрольную телеграфную станцию.

Организация проводной связи в корпусе и дивизии

В стрелковом корпусе и стрелковой дивизии в полной мере использовались местная телефонно-телеграфная сеть, городские и междугородные телефонные сети.

Связь штаба корпуса со штабом армии обеспечивалась по одному или двум проводам телеграфными аппаратами СТ-35 и Морзе, а с соседними штабами корпусов – по проводам постоянного телеграфа или по кабельным телеграфным линиям аппаратами СТ-35 или Морзе.

Со штабами дивизий связь организовывалась по постоянным проводам или по полевым телеграфным линиям аппаратами Морзе с включением одновременно в телеграфные линии фонических телефонных аппаратов.

С передовыми и основными аэродромами, постами воздушной связи и постами воздушного наблюдения, противосамолетными батареями, а также со штабом приданной корпусу авиационной части устанавливалась непосредственная телефонная связь средствами корпуса.

Если наступление осуществлялось в высоком темпе, то штаб корпуса не строил линий связи за каждым штабом дивизии, а лишь одну линию – ось связи по главному направлению, и выбрасывал вперед пункт сбора донесений.

Чаще всего пункт сбора донесений готовил место для перехода штаба корпуса, после прихода которого он перемещался вперед.

Штаб дивизии с соседними дивизиями имел связь по постоянно-му проводу или телеграфной кабельной линии аппаратами Морзе.

Со штабами стрелковых полков организовывалась телефонная связь по телефонным кабельным линиям, а с удаленными полками – по проводам правительственной сети.

С подразделениями и частями, подчиненными непосредственно дивизии, с тыловыми учреждениями дивизии в зависимости от их расположения организовывалась телефонная связь или связь лету-чей почтой. Радиостанции дивизии работали на прием.

В наступлении за каждым полком средствами дивизии проклады-валась телефонная кабельная линия связи, причем конец линии по-давался к телефонной станции полка.

По мере продвижения вперед штабов полков передвигалась и центральная станция штаба дивизии. При этом для сохранения не-прерывности связи перемещаться штабу дивизии на новый пункт разрешалось только при установлении связи между этим пунктом и полками. Запрещалось одновременное перемещение центральной станции дивизии и телефонных станций полков.

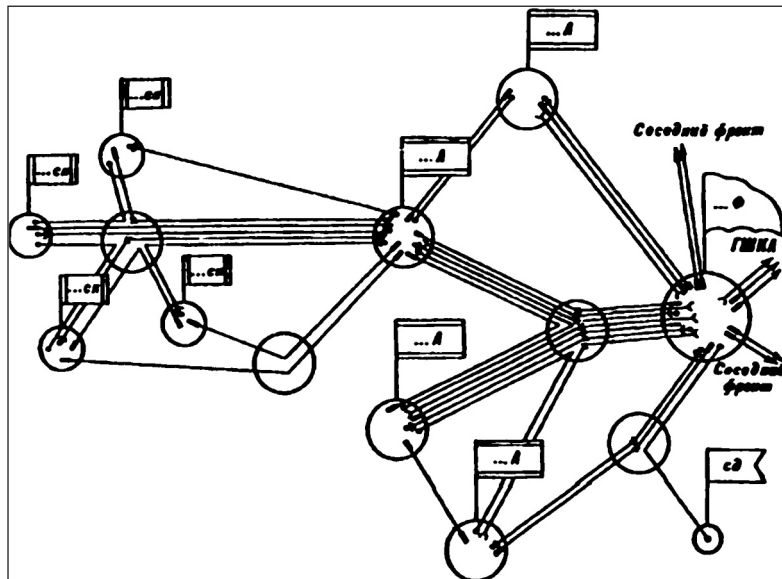
В передовой полосе (2 км) прокладывались двухпроводные теле-фонные линии.

Емкость узлов связи по количеству проводов

Основным видом связи, готовившейся в мирное время для фрон-тов и армий, являлась проводная («проволочная») связь воздушных и подземных кабельных линий.

Потребное количество проводов по операционным направлени-ям определялось из следующего расчета: штаб фронта – Генераль-ный штаб – два телеграфных провода и цепь цветного металла для ВЧ; между соседними фронтами – два телеграфных провода; штаб фронта – штаб армии – один телеграфный провод, цепь цветного ме-талла для ВЧ и цепь для НЧ с использованием средней точки для телеграфа; штаб армии – штаб корпуса – один телеграфный провод, цепь для НЧ с использованием средней точки для второй телеграф-ной связи; между штабами корпусов по фронту – один телеграфный провод (ил. 4).

Емкость узла связи командного пункта фронта составляла око-ло 55 проводов: ГШКА – 2, тыловой штаб – 2, к четырем штабам армий и оперативной группе штаба фронта (5 x 6) – 30, к штабам

Ил. 4. Схема распределения проводов в полосе фронта

соединений, непосредственно подчиненных фронту – 4, к тыловым соединениям (частям) – 5, к соседним фронтам – 4, к разведывательным дивизионам (разведывательным отрядам) – 4, резервных проводов – не менее 4 (ил. 4).

Емкость узла связи штаба ВВС фронта составляла не менее 35 проводов: с ГШКА – 1, к тыловому штабу – 1, к штабам ВВС армий (2 x 6) – 12, к аэродромам – 13, к отдельному батальону ВНОС – 4, резервных проводов – 4.

Емкость узла связи штаба армии составляла 34–36 проводов: к штабу фронта – 5, к штабам корпусов (3 x 4) – 12, к штабам соседних армий по фронту – 4, в интересах военных дорог – 4, к штабу ВВС фронта – 2, от штаба ВВС армии к штабам авиационных бригад – 4–5.

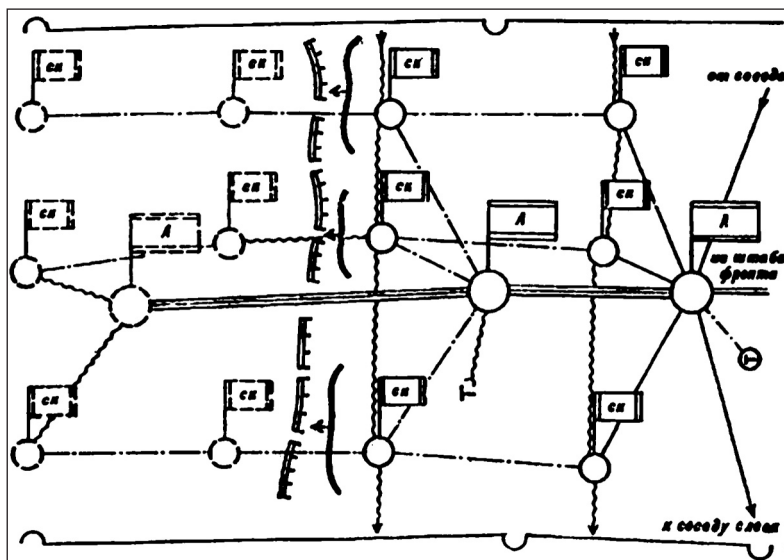
Емкость узла связи штаба корпуса составляла 9 проводов: к штабу армии – 3, к штабам дивизии – 3, к штабу фронта – 2, для военной дороги – 1.

Проводную связь штаба фронта со штабами армий и штаба армии со штабами корпусов предполагалось организовать по оси и направлениям.

Ось связи фронта (армии) строилась от второго эшелона штаба, проходила через первый эшелон (командный пункт) и доводилась до рубежа размещения пунктов управления подчиненных штабов.

Направления связи к подчиненным штабам строились через их командные пункты и доводились до уровня командных пунктов на одну инстанцию вниз.

Схема организации проводной связи в наступательной операции армии показана на ил. 5.

Ил. 5 Схема проводной связи армии в наступлении

Использование сети связи страны в интересах армии

До войны местные средства связи использовались военным ведомством как на общих с другими ведомствами основаниях, так и путем аренды проводов у Народного комиссариата связи (НКС).

По арендованным проводам и линиям связи, построенным Управлением связи Красной армии, обеспечивались важнейшие связи Народного комиссариата обороны (НКО) со штабами военных округов и штабов округов с войсками.

Для использования проводных средств непосредственно из тех пунктов, где располагались высшие органы военного ведомства и

штабы округов, при НКО и управлениях военных округов были созданы узлы связи. С началом войны эти узлы переходили на штаты военного времени и должны были обеспечивать: узел связи НКО – связь Генерального штаба и центральных управлений с фронтами, округами и резервами, а узлы связи военных округов – связи в зависимости от планов штабов округов.

В мирное время узел связи НКО обеспечивал потребности центральных управлений главным образом проводными средствами.

Непосредственно перед войной узел связи НКО в своем составе имел: телефонную станцию, телеграфную станцию, радиопередающий центр, радиоприемный центр и электрогенераторную станцию. С переходом на штат военного времени увеличивалась лишь численность личного состава.

Узел связи штаба военного округа в своем составе имел: телеграфную станцию, автоматическую телефонную станцию, радиостанцию, аккумуляторно-генераторную станцию, мастерскую связи.

Своей междугородной телефонной станции Народный комиссариат обороны не имел, поэтому все дальние связи Генерального штаба и центральных управлений осуществлялись через центральную междугородную телефонную станцию НКС. Внутренняя связь между центральными управлениями НКО обеспечивалась как по каналам, принадлежащим военному ведомству, так и по кабелям гражданской телефонной сети.

С началом войны предполагалось местные средства связи использовать значительно шире, чем в мирное время. Однако и в этом случае Вооруженным Силам предоставлялись не все средства связи страны, а только некоторая их часть, заранее определенная мобилизационными планами соответствующих ведомств.

Для обеспечения управления войсками во время войны намечалось выделение средств связи главным образом за счет Народного комиссариата связи.

В составе управления связи НКС фронта имелось пять отделений: электросвязи, почтовой связи, шифровально-дислокаторское, связи ПВО и снабжения.

Инспекторат связи армии состоял из двух отделений: почтового и шифровально-дислокаторского.

Для управлений полевой связи (уполесвязи) фронтов и инспекторатов армий устанавливалось двойное подчинение. Выполняя указания начальников связи своих объединений по обеспечению связей

военного командования, они сохраняли подчиненность и по линии НКС. Наряду с начальниками связи фронтов деятельностью управлений полевой связи руководило также Центральное управление полевой связи (Цуполесвязи), а инспектораты армий были подконтрольны уполесвязи фронтов.

Функции уполесвязи и инспекторатов определялись положением, утвержденным Народным комиссариатом обороны (приказ № 052 от 26.03 1940 г.). Этим положением они обязывались предоставлять для нужд оперативной связи намеченные по мобилизационному плану местные проводные линии связи и радиосредства НКС. Кроме того, на полевые органы возлагалось: поддержание в постоянной эксплуатационной готовности всей сети связи в полосе действий фронтов и армий, руководство полевыми почтовыми учреждениями и военно-оперативными узлами, контроль за деятельностью местных органов НКС, формирование частей связи и учреждений полевой почты, снабжение их специальным имуществом, а также выполнение других обязанностей, непосредственно не связанных с обеспечением управления войсками.

Военно-оперативные узлы (ВОУ) готовились по указаниям Генерального штаба в приграничной полосе, главным образом в районах предполагаемого развертывания наших войск, и представляли собой сеть опорных пунктов связи, базируясь на которые, военное командование могло использовать местные средства связи для управления войсками. Такими опорными пунктами являлись существовавшие узлы НКС, имевшие особое значение для армии и флота. Только на территории Западного и Киевского особых военных округов готовились 50 военно-оперативных узлов.

Каждый военно-оперативный узел представлял собой некоторую систему связи, включавшую основной узел, указанный Генеральным штабом в качестве опорного пункта, другие узлы связи, тяготевшие к основному как к центру, и линейно-технические сооружения. Границы ВОУ определялись начальниками связи военных округов по согласованию с областными управлениями связи и, как правило, совпадали с границами линейно-технических узлов (ЛТУ).

Узлы связи, кроме основного, и станции на линиях, входившие в систему ВОУ, использовались как контрольные пункты и контрольные посты связи.

На ВОУ возлагалось обеспечение бесперебойной связи военного командования по телеграфно-телефонным проводам и другим средс-

твам связи, входившим в систему ВОУ. В оперативном отношении ВОУ должны были подчиняться соответствующим начальникам связи фронтов и армий через полевые органы НКС (уполесвязи, инспектораты), а в административном отношении и по всем вопросам эксплуатации – начальникам областных управлений связи.

Положение о военно-оперативных узлах связи было утверждено Народным комиссаром обороны 28.04.1941 г. и Народным комиссаром связи 04.05.1941 г. Поэтому оно не могло быть достаточно изучено ни будущими исполнителями, ни руководящим составом войск связи, что явилось причиной многих недоразумений при последующем взаимодействии органов НКС с военным командованием. Степень мобилизационной готовности ВОУ была низкой.

Для поддержания местных средств связи в эксплуатационной готовности, а также для нового строительства в ходе войны на НКС возлагалось формирование 30 телеграфно-строительных и 20 телеграфно-эксплуатационных рот, а также некоторое количество восстановительных отрядов связи и телеграфно-строительных колонн НКС.¹⁰

Отдельные восстановительные отряды связи НКС предназначались для восстановления узлов связи, а отдельные телеграфно-строительные колонны – для восстановления и развития линейного хозяйства.

Формируемые НКС части связи, восстановительные отряды и телеграфно-строительные колонны должны были поступать в распоряжение уполесвязи фронтов и ВОУ. Некоторая часть сил и средств могла находиться в непосредственном распоряжении Цуполесвязи. Практически все формирования по линии НКС возлагались на областные (республиканские, краевые) управления связи.

Срок окончания формирований не соответствовал задачам, возлагавшимся на органы НКС с началом войны. Так, после объявления мобилизации срок готовности инспекторов связи устанавливался 3 суток; готовность телеграфно-строительных и телеграфно-эксплуатационных – от 6 до 11 суток. Если для второго и последующих оперативно-стратегических эшелонов такие сроки формирований органов связи могли быть и приемлемыми, то они никак не устраивали командование армий прикрытия, вступивших в сражение в первые же дни войны.

Правительство страны наметило целый ряд мер по улучшению состояния общегосударственной и военной связи. Однако претворить их в жизнь полностью до начала войны не удалось.

Заключение

Перед началом Великой Отечественной войны основным видом связи в Красной армии являлась проводная связь. От дивизии вверх, это была проводная телеграфная связь, а вниз – проводная телефонная связь.

Разработанные нашими учеными многоканальные системы телефонной связи в производство еще не поступили и в войсках отсутствовали. Поэтому для организации телеграфной и телефонной проводной связи требовалось большое количество специальных частей и подразделений связи, а также стального, медного провода и многожильного кабеля.

Перевод отдельных кабельно-строительных рот на автомобили запаздывал, большинство из них оставалось, так сказать, «на конной тяге».

Положение усугублялось тем, что на вооружении было большое количество разнотипных телеграфных (старт-стопных аппаратов, аппаратов Морзе, Уитстона и др.) и телефонных (фонических и индукторных, более 10 видов) аппаратов.

Большинство заводов, выпускавших аппаратуру связи, были эвакуированы или остались на оккупированной территории, запасы техники на складах уничтожены при бомбежках.

Потребовались огромные усилия советского народа, чтобы исправить положение и обеспечить современными средствами связи действующую армию. Советские связисты внесли неоценимый вклад в общую победу над фашистской Германией.

¹ ЦГАСА. Ф. 4. Оп. 5. Д. 64. Л. 258–259; Оп. 3. Д. 528. Л. 184–186.

² ЦГАСА. Ф. 2. Оп. 565. Д. 28. Л. 1, 41.

³ ЦАМО. Ф. 15а. Оп. 1845. Д. 10. Л. 105.

⁴ ЦГАСА. Ф. 7. Оп. 15. Д. 9. Л. 241.

⁵ История военной связи Российской Армии. СПб.: ВУС, 1999, Т. 1. С. 291.

⁶ Там же. С. 292.

⁷ Там же. С. 289–290.

⁸ Там же. С. 291.

⁹ Там же. С. 195.

¹⁰ Там же. С. 368.

Е.П. Петрова (г. Владимир)

**ЕГО ИМЕНЕМ НАЗВАНА УЛИЦА
(ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТА
АВИАЦИИ Н.А. СОКОЛОВА-СОКОЛЕНКА
ПО МАТЕРИАЛАМ КОЛЛЕКЦИИ
ВЛАДИМИРО-СУЗДАЛЬСКОГО
МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА)**

СОКОЛОВ-СОКОЛЕНКО
НИКОЛАЙ АЛЕКСАН-
ДРОВИЧ (6/19 ноября 1900 –
26 апреля 1977) – советский во-
енный деятель, участник Граж-
данской и Великой Отечественной
войн, генерал-лейтенант авиации,
Почетный гражданин города Вла-
димира (ил. 1). Последнее звание
было присвоено ему решением
исполкома Владимирского гор-
совета от 14 октября 1970 г. в
знак общественного признания
заслуг. Николай Соколов – один
из первых комсомольцев г. Вла-
димира – был известен своей
деятельностью во Владимирской
губернии в первые послереволю-
ционные годы, впоследствии
жил в Москве, но постоянно поддерживал связи с владимирцами.
В 1978 г. в Восточном районе г. Владимира его именем была на-
звана улица, там, на доме № 9, установлена мемориальная доска «в
память о земляке-владимирце».

**Ил. 1. Н.А. Соколов-Соколенок.
Фотография 1933 г.**

Первой публикацией о Николае Соколове-Соколенке была статья «Кавалеры ордена Красного Знамени», посвященная пятилетнему юбилею Красной Армии, во владимирской газете «Призыв» от 23 февраля 1923 г. В ней сообщается, что «Т. Соколов-Соколенок – уроженец Рязанской губ., Михайловского уезда, Виленской волости, села Виленки¹. Окончил высшее начальное училище. Сдал экзамен-экстерн за реальное училище в г. Новочеркасске. В 1918 г. добровольно вступил в ряды Красной армии и начал службу с рядового бойца... Был на Деникинском, Врангельском и Западном фронтах, на борьбе против Махно, Хмары, Панова, Вакулина. Последнего ликвидировал»². Далее в статье рассказывается о боях, за которые Соколов был награжден двумя орденами.

В 1933 г. в газете «Правда» от 29 октября был напечатан очерк Г. Рыклина «Соколенок», содержащий, по мнению автора, «скупые отрывки из богатой биографии» молодого комиссара полка, будущего летчика; а «каждый отрывок можно развить в большую главу большой повести»³.

Мемуары Н.А. Соколова-Соколенка были опубликованы через десять лет после его смерти. В книге «По путевке комсомольской» рассказывается, как восемнадцатилетний владимирский комсомолец стал комиссаром полка; о борьбе с деникинцами, Врангелем; встречах с Лениным; боевых действиях ЧОНа. «Многие страницы книги посвящены зарождению советской авиации, летной работе, известным в стране и за рубежом авиаторам»⁴. К сожалению, как сообщает автор литературной подготовки текста книги, кончина Н.А. Соколова-Соколенка «не дала ему возможности завершить свои воспоминания. Сохранились отдельные записи, публикации в периодической печати, архивные материалы, за которыми раскрывается судьба, полная удивительных свершений»⁵.

Биографический очерк о Соколове-Соколенке содержится во «Владимирской энциклопедии» (Владимир, 2002), в книге «Почетные граждане города Владимира» (Владимир: Фолиант, 2003). Отдельные статьи о нем напечатаны в сборниках: «Боевая эстафета поколений» (М., 1963), «Вся жизнь – партии» (Ярославль, 1980), «Сыны земли Владимирской» (Ярославль, 1981), «Правофланговые комсомола» (М., 1982); во владимирской областной газете «Призыв» от 30 апреля 1968 г. и 19 ноября 1970 г.

Настоящее сообщение посвящено началу боевого пути и «удивительных свершений» Н.А. Соколова-Соколенка. Оно основано на

автобиографии, документальном и вещевом материале, который Николай Александрович в 1960 и 1965 гг. передал на постоянное хранение во Владимиро-Суздальский музей-заповедник. Большая часть материалов публикуется впервые.

Как пишет в автобиографии Николай Александрович, он родился в 1900 г. в семье военного музыканта «по происхождению из безземельных крестьян» и домохозяйки⁶. В 1912 г. мать с детьми переехала на свою родину в город Владимир, где Николай учился в городском училище. В своих мемуарах Соколов-Соколенок так рассказывал о Владимире: «В те годы это был небольшой, но красивый, утопающий в зелени и вишневых садах древний мещанский городок. Украшали его множество церквей и ряд разбросанных по всей округе уникальнейших памятников далекой старины»⁷. Николай обладал хорошими музыкальными способностями, был солистом в известном хоре Ставровского. В начале Первой мировой войны отца забрали на фронт. Чтобы помочь семье, Николай подрабатывал писарем, учебу продолжил в вечерней школе для взрослых.

1917 г. стал началом военной карьеры Николая Соколова. Во Владимире во время Февральской революции он «участвовал с оружием в руках при разоружении полиции, аресте губернатора, освобождении политических заключенных»⁸. В ноябре уехал к отцу в Москву, где мог стать музыкантом в полковом оркестре, но, как вспоминал сам Соколов-Соколенок, «отказался категорически и предпочел общую красногвардейскую службу»⁹. Невысокому худенькому пареньку на вид можно было дать лет 15, поэтому при нем всегда была «церковная метрика» для подтверждения своего возраста. В красноармейском отряде Николай Соколов получил ласковое прозвище «Соколенок», которое было записано в документы и стало частью двойной фамилии. В конце марта 1918 г. Николай с отцом вернулись во Владимир, а весной 1919 г. он вместе с владимирскими комсомольцами уехал на Южный (Деникинский) фронт, где был избран комиссаром Первого партизанского отряда Северного Дона. В собрании музея-заповедника хранится удостоверение № 10754 о присвоении звания бывшего красного партизана Соколову-Соколенку Н.А., выданное в 1933 г. В июне 1919 г. 18-летний Николай Соколов-Соколенок был назначен комиссаром 199-го стрелкового полка 1-й бригады 23-й дивизии 9-й армии Южного фронта, а феврале 1920 г. он – комиссар дивизии. Как пишет в автобиографии Николай Александрович, на Южном фронте он находился до августа 1920 г., «до ликвидации Деникина

и Врангеля. Совершил много боевых личных подвигов, за что был среди очень немногих в стране дважды награжден боевыми орденами Красного Знамени и именным оружием (сабля). Последнее за взятие г. Екатеринодара, ныне Краснодара»¹⁰. В собрании Владимир-Суздальского музея-заповедника хранятся две грамоты Революционного Военного Совета Республики от 17 февраля 1925 г. о награждении комиссара 199-го стрелкового полка Соколова Н.А. знаком ордена Красного Знамени. Первый орден – «за отличие в бою против врагов Социалистического Отечества в 1919 г. у села Терси», вторично – «за отличие в бою 18 января 1920 г. при форсировании реки Маныч» (ил. 2).

В этом бою Соколовым-Соколенком был захвачен клык офицерский лейб-гвардии казачьего полка (ил. 3), переданный в коллекцию музея-заповедника в 1960 г. Клинок стальной, однолезвийный, с одним широким долом и тремя узкими долами, хромированный. У пята клеймо фабрики «Шаф и сыновья» в Петербурге. Эфес состоит

Ил. 2. Грамота № 2948 Революционного Военного Совета Республики о награждении бывшего комиссара 199-го стрелкового полка Соколова Н.А. знаком ордена Красного Знамени (вторично) за отличие в бою 18 января 1920 г. при форсировании реки Маныч. 17 февраля 1925 г.

**Ил. 3. Клыч офицерский лейб-гвардии казачьего полка
с зарубками на рукояти**

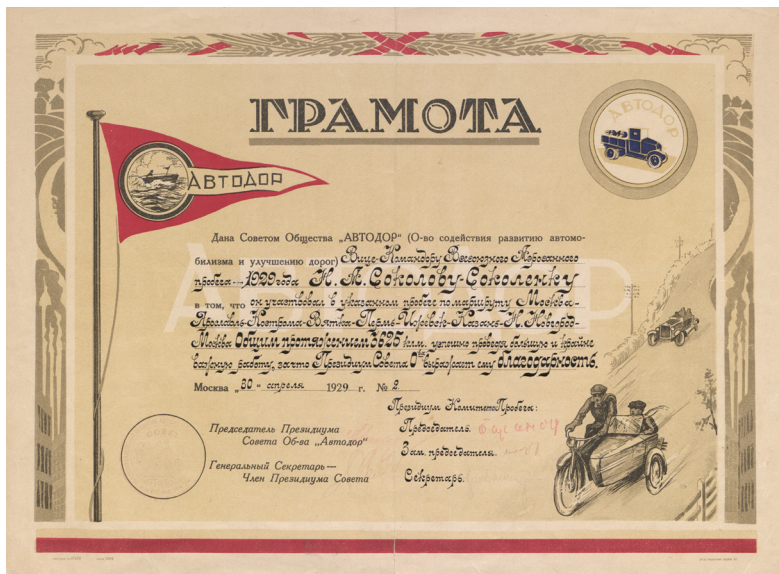
из костяной рукояти со стальной головкой и стальной крестовины с перекрестьем. Спинку рукояти покрывает стальная планка, украшенная растительным орнаментом. Головка рукояти закругленная, украшенная растительным орнаментом, загнута к лезвию клинка. На перекрестье орнамент и рельефный вензель императора: «Н II». Историю появления этого оружия поведал сам Соколов-Соколенок: «В этом бою мной был, среди других, зарублен хорунжий (подпоручик) белогвардейской казачьей части. Его саблю, которая, если б на мгновение я не опередил его в ударе, уничтожила бы меня, я взял себе. С нею я воевал до полной ликвидации Деникина, участвуя в ряде атак и набегов на врага. В частности, я первый ворвался на площадь в г. Екатеринодар (Краснодар), где зарубил этой саблей (на-смерть) четвертого по счету (не отмеченного на ручке) офицера. На ручке пометки «XXXIII», означающие – три зарубленных насмерть (в боях) и три противника, сбитые ранеными этой саблей»¹¹. Эти зарубки на рукояти закрыты металлической планкой.

В 1920 г. Николай поступил в Военную академию, был делегатом III съезда комсомола, где беседовал с В.И. Лениным. Летом 1921 г. командовал войсками, боровшимися с бандитизмом на Нижней Волге. Гражданскую войну Соколов-Соколенок закончил с двумя орденами, тремя контузиями и перерубленной белоказаком левой ключицей. Через год, летом 1922 г. он был назначен на должность начальника штаба частей особого назначения (ЧОН) Тульской губернии, а через месяц – командующим ЧОН Владимирской губернии. «Молодой, 22-летний, он удивлял всех, кто с ним соприкасался, своим боевым опытом, знанием военного дела, умением быстро ориентироваться в любой обстановке»¹². С его деятельностью во Владимире связаны редкие документы, хранящиеся в коллекции музея-заповедника. Среди них членский билет № 177 члена Военно-Научного Общества по изучению классово-войны при Академии Генерального Штаба Рабоче-Крестьянской Красной Армии¹³ командующего ЧОН Владимирской губернии Соколова-Соколенка Н.А., выданный 19 февраля 1923 г. В честь празднования пятой годовщины Красной армии, 23 февраля 1923 г., Соколов-Соколенок получил адрес Владимирского губернского Исполнительного Комитета Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. Наряду с поздравлением в нем содержится сообщение о том, что, отмечая заслуги Соколова-Соколенка, губисполком преподносит ему «кожаное обмундирование как подарок рабочих и крестьян губернии». В марте 1923 г. во Владимире вышел первый номер «Вестника ЧОН Владимирской губернии», в котором напечатано четыре статьи комчонгуба Соколова-Соколенка: «Ко всему кадру и мильсоставу ЧОН Владимирской губ.», «Жизнь ЧОНА», «Задачи ЧОН на ближайшее время», «Военно-технический отдел». Соколов-Соколенок называет ЧОН «скрытым боевым резервом партии, угрозой буржуазии, братом Красной Армии». Примечательно, что его рассказ о военной технике начинается с авиации. Командующему ЧОН был «положен по штату» револьвер, на ношение и хранение которого Соколову-Соколенку 15 июня 1923 г. было выдано удостоверение сроком на три месяца. Кроме документов, в коллекции музея хранятся четыре фотографии 1923 г., на которых запечатлены члены ЧОН Владимирской губернии, среди которых – Н.А. Соколов-Соколенок.

Осенью 1923 г. Николай Александрович собирался подать рапорт о продолжении учебы в Военной академии, но «сменил красные пет-

лицы на голубые», был направлен на обучение на инженерный факультет Военно-воздушной академии им. Н.Е. Жуковского. 10 октября 1923 г. штабом ЧОН Владимирской губернии Соколову-Соколенку было выдано удостоверение в том, что он «действительно следует в г. Москву в распоряжение КОМЧОН МВО для командирования в Академию Воздушного флота». Кроме командировочного удостоверения, «дорогому командиру» был вручен адрес командного, административного и красноармейского составов ЧОН Владимирской губернии, написанный на плотном листе бумаги. Служивцы отмечают его заслуги «в поднятии боеспособности милиционного состава», «товарищеское отношение к военнослужащим и сотрудникам»; выражают сожаление в связи с расставанием с ним и желают «полнейшего успеха в учебе». С перерывом, с 1920 по 1928 г., Соколов-Соколенок успешно окончил учебу в двух академиях: в Военной академии имени М.В. Фрунзе и Военно-воздушной академии имени Н.Е. Жуковского, изучил английский, арабский и турецкий языки. «В последующие годы окончил третью академию – Академию Генерального Штаба»¹⁴. В 1928 г. ему было присвоено звание военного инженера-механика Воздушного Флота¹⁵, и до 1958 г. он находился на ответственных постах в Военно-Воздушных Силах страны. Во время учебы им был написан исторический очерк «Воздушный флот в колониальных войнах». Брошюра была выпущена МОДВФ (Московское общество друзей воздушного флота) в 1925 г.

Важным событием в жизни Николая Александровича было его участие зимой 1929 г. в качестве вице-командора во Всесоюзном аэросанном пробеге по маршруту: Москва – Ярославль – Кострома – Вятка – Пермь – Ижевск – Казань – Н. Новгород – Москва. Главной целью пробега, протяженностью 3625 км, была пропаганда нового вида транспорта. Сохранилось удостоверение, выданное вице-командору пробега Соколову-Соколенку Советом Общества содействия развитию автомобилизма и улучшению дорог «Автодор» 8 февраля 1929 г. В нем содержится просьба ко всем партийным, советским и общественным организациям «оказывать тов. Соколову-Соколенку всяческое содействие при проведении возложенных на него задач». В коллекции музея-заповедника хранится листовка «Автомобиль и аэросани – трудящимся» и плакат «Автодор. Всесоюзный аэросанный пробег» 1929 г. из архива Соколова-Соколенка. На листовке изображены аэросани, содержится призыв вступить в члены общества «Автодор», на плакате обозначен маршрут аэросанного

Ил. 4. Грамота Совета общества «Автодор» вице-командору Всесоюзного аэросанного пробега 1929 г. Н.А. Соколову-Соколенку. 30 апреля 1929 г.

пробега. В 1929 г. «Автодором» была выпущена брошюра «Что такое аэросани и зачем они нужны», автором которой был Н.А. Соколов-Соколенок. Аэросанный пробег был высоко оценен правительством, все его участники были отмечены почетными грамотами ВЦИК, благодарственным приказом Реввоенсовета Республики и ценными подарками «Автодора». В коллекции музея хранится грамота ВЦИК с благодарностью вице-командору аэросанного пробега Соколову-Соколенку Н. А. от 7 февраля 1930 г. и грамота Совета Общества «Автодор» от 30 апреля 1929 г. (ил. 4) с выражением благодарности за успешно проведенную «большую и крайне важную работу». Но самым ценным подарком Соколов-Соколенок считал трехламповый радиоприемник¹⁶. В коллекции музея хранится серебряная пластинка от этого приемника с гравированной дарственной надписью: «Вице-Командору Всесоюзного аэросанного пробега 1929 г. Н.А. Соколову-Соколенку от Президиума Совета о-ва «Автодор» 30 апреля 1929 г. Москва».

У Николая Александровича была мечта – стать летчиком, и он добился своего: за три месяца окончил Качинскую военную школу

летчиков. В собрании музея хранится его знак выпускника Качинской авиашколы, два летных шлема, летные очки 1930-х гг. «Инженер, летчик – их в это время было мало – занимался испытанием новых самолетов, участвовал в их создании»¹⁷. В 1933 г. вместе с С.С. Зызымовым он совершил большой рекордно-высотный перелет Москва – Севастополь – Москва, протяженностью 2600 километров. Полет на высоте 5000 метров без кислородного прибора в облачную погоду позволил провести медицинское наблюдение за состоянием летчиков. На фотографии из собрания музея-заповедника Соколов-Соколенок снят перед этим перелетом. Статья о высотном перелете Москва – Севастополь – Москва с портретами Н.А. Соколова-Соколенка и С.С. Зызымова была напечатана в «Вестнике воздушного флота» № 9 в сентябре 1933 г. С октября 1932 г. по апрель 1934 г. Соколов-Соколенок – старший руководитель кафедры воздушной техники и одновременно начальник лётно-испытательной станции Военно-воздушной академии им. Н.Е. Жуковского. К этому времени относится редкий документ из коллекции музея-заповедника: «Выписка из протокола заседания районной комиссии по чистке партии с рекомендацией Соколова-Соколенка Н.А. в районную проверочную комиссию» от 22 сентября 1933 г. Там содержится биография Н.А. Соколова-Соколенка, а также ответы на вопросы, заданные ему на заседании. Например, на вопрос: «За что получил ордена?», ответил: «За налеты в тыл противника». На вопрос: «Как попал учиться в академию, будучи хорошим командиром, когда ваше присутствие необходимо было на фронте?», ответил, что был направлен на учебу «в порядке приказа». Выступившие в прениях по-разному характеризовали Николая Александровича: «как преподаватель... является образцом научно-исследовательской работы», «обращал на себя всеобщее внимание своей энергией в работе», «в короткий срок сумел организовать лётно-испытательную станцию», но у него «были случаи нарушения наставлений по полетной службе (курение в самолетах)».

В 1938–1940 гг. Николай Александрович – сотрудник советского торгпредства в США по закупке самолетов, моторов, оборудования для авиазаводов. В собрании музея-заповедника хранятся фотографии 1935 г., на которых запечатлены Н.А. Соколов-Соколенок, летчик С.А. Леваневский и представитель фирмы «Дуглас», а также Н.А. Соколов-Соколенок и С.А. Леваневский у самолета «Волти».

В предвоенные годы Соколов-Соколенок был начальником Военно-воздушной инженерной академии им. Н.Е. Жуковского. В начале Великой Отечественной войны он – заместитель командующего Московской зоны противовоздушной обороны. В конце 1942 г. вернулся в академию. В собрании музея хранятся реликвии Великой Отечественной войны, принадлежащие Соколову-Соколенку: шинель, полевой светящийся карандаш, наручные часы, карта из планшета. Как участник Парада Победы 24 июня 1945 г. он получил Благодарность Верховного Главнокомандующего Генералиссимуса Советского Союза И.В. Сталина. С 1947 по 1958 г. Соколов-Соколенок возглавлял кафедру авиационной техники Академии Генерального штаба. В 1958 г. вышел в отставку, часто посещал город Владимир и Владимирскую область.

Таковы страницы боевого пути – от красноармейца до генерала, от комиссара полка до ученого, педагога – одного из организаторов советской авиации Николая Александровича Соколова-Соколенка.

¹ Во многих источниках указано место рождения Н.А. Соколова-Соколёнка – г. Москва.

² Газета «Призыв» от 23 февраля 1923 г. С. 6.

³ Газета «Правда» от 29 октября 1933 г.

⁴ Соколов-Соколёнок Н.А. По путевке комсомольской. М.: Воениздат, 1987. С. 2.

⁵ Там же. С. 178.

⁶ Автобиография Соколова-Соколёнка Н.А. Акт приема ВСМЗ № 6167 от 22.02.1960 г.

⁷ Соколов-Соколёнок Н.А. По путевке комсомольской. С. 8.

⁸ Из автобиографии.

⁹ Соколов-Соколёнок Н.А. По путевке комсомольской. С. 22.

¹⁰ Из автобиографии.

¹¹ Там же.

¹² Виноградов С. Мы юны, старина // Призыв. 1968. № 1001. 30 апреля. С. 3.

¹³ Академия Генерального штаба позже была переименована в Военную академию им. М.В. Фрунзе.

¹⁴ Из автобиографии.

¹⁵ Соколов-Соколёнок Н.А. По путевке комсомольской. М.: Воениздат, 1987. С. 49.

¹⁶ Там же. С. 158.

¹⁷ Почетные граждане города Владимира. Владимир: Фолиант, 2003. С. 55.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Кулинский Александр Николаевич – Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи, главный хранитель оружейных фондов, профессор Южно-Уральского государственного университета.

Курбатов Олег Александрович – Российский государственный архив древних актов (Москва), заведующий архивохранилищем, кандидат исторических наук.

Курлаев Евгений Анатольевич – Институт истории и археологии Уральского отделения РАН (Екатеринбург), старший научный сотрудник, кандидат исторических наук.

Курочкин Алексей Юрьевич – журнал «Историческое оружиеведение» (Москва), зам. главного редактора.

Курочкин Сергей Сергеевич – Институт истории Санкт-Петербургского государственного университета, студент.

Лазарев Владимир Александрович – Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону), профессор кафедры перевода и информационных технологий в лингвистике Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации, доктор филологических наук.

Лазарев Яков Анатольевич – Институт гуманитарных наук и искусств Уральского федерального университета (Екатеринбург), научный сотрудник.

Ласкова Марина Васильевна – Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону), профессор кафедры перевода и информационных технологий в лингвистике Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации, доктор филологических наук.

Ласкова Наталья Васильевна – Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону), доцент кафедры зарубежной истории и международных отношений Института истории и международных отношений, кандидат исторических наук.

Лебедева Светлана Соломоновна – Санкт-Петербургский государственный институт психологии и социальной работы, профессор, доктор педагогических наук.

Лихачева Ольга Сергеевна – Музей археологии и этнографии Алтая Алтайского государственного университета (Барнаул), заместитель директора, кандидат исторических наук

Лобач Даниил Викторович – Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана, доцент, кандидат исторических наук.

Лобин Алексей Николаевич – Государственный комплекс «Дворец конгрессов» Управления делами Президента РФ (Санкт-Петербург), директор Дирекции экскурсионной, выставочной и научно-просветительской деятельности, кандидат исторических наук.

Ломакин Николай Владимирович – Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи, старший научный сотрудник, хранитель фондов.

Лопатин Сергей Викторович – Военный институт физической культуры (Санкт-Петербург), доцент, кандидат педагогических наук.

Лукашевич Андрей Михайлович – Белорусский государственный университет (Минск), профессор, доктор исторических наук.

Лукин Валерий Евгеньевич – Центральный военно-морской музей (Санкт-Петербург), начальник научно-экспозиционного отдела, старший научный сотрудник, кандидат исторических наук.

Мазяж Антоний – Институт истории Опольского университета (Ополе, Польша), заместитель декана факультета общественных наук.

Малахов Геннадий Викторович – Тульский государственный университет, доцент, кандидат технических наук.

Малоземова Елена Игоревна – Государственный Эрмитаж, научный сотрудник, кандидат исторических наук.

Мартынов Анатолий Александрович – Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи, старший научный сотрудник.

Мезгорский Борис Вадимович – независимый исследователь (Санкт-Петербург), кандидат политических наук.

Мигунов Сергей Сергеевич – Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи, младший научный сотрудник, аспирант Института истории Санкт-Петербургского государственного университета.

Милосердов Дмитрий Юрьевич – Государственный Дарвиновский музей (Москва), старший научный сотрудник.

Миронов Юрий Александрович – историк-исследователь (г. Ардатов, Мордовия).

Михайлов Александр Владимирович – Тульский государственный университет, доцент, кандидат технических наук.

Михайлов Сергей Викторович – ООО «УниверсалСтрой» (Санкт-Петербург), начальник ПТО.

Молочников Александр Михайлович – независимый исследователь, кандидат исторических наук.

Мосунов Вячеслав Альбертович – независимый исследователь (Санкт-Петербург).

Мурылев Владимир Юрьевич – Саратовский государственный медицинский университет имени В.И. Разумовского, старший преподаватель.

Несин Михаил Александрович – Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи, младший научный сотрудник.

Николаев Александр Владимирович – Московский психолого-социальный университет, ассистент.

Новиченко Светлана Леонидовна – Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи, старший научный сотрудник.

Новоселов Василий Рудольфович – Музеи Московского Кремля, ведущий научный сотрудник, кандидат исторических наук.

Оводков Никита Алексеевич – Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи, младший научный сотрудник, хранитель фонда.

Оллсон Андреас – Музей Армии (Стокгольм, Швеция), куратор.

Орлов Алексей Викторович – Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи, научный сотрудник.

Оськин Максим Викторович – Институт законовещения и управления Всероссийской полицейской ассоциации (Тула), доцент, кандидат исторических наук.

Оточкин Вячеслав Валентинович – Военный институт физической культуры (Санкт-Петербург), доцент, кандидат исторических наук.

Павлович Марина Кировна – Музеи Московского Кремля, заведующая сектором, кандидат исторических наук.

Панкратов Александр Германович – Санкт-Петербургский университет технологии и дизайна, аспирант.

Пастухов Алексей Михайлович – эксперт (Москва).

Пасхин Сергей Михайлович – Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи, старший научный сотрудник, кандидат военных наук.

Патыченко Юрий Дмитриевич – Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи, научный сотрудник.

Пенской Виталий Викторович – Белгородский государственный университет, профессор, доктор исторических наук.

Перевозник Юрий Яковлевич – Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи, старший научный сотрудник, кандидат военных наук.

Петрова Елена Петровна – Государственный Владимиро-Суздальский историко-архитектурный и художественный музей-заповедник (Владимир), хранитель фондов.

Петрухин Илья Николаевич – Российское военно-историческое общество (Тульское отделение), член Совета правления.

Чумак Руслан Николаевич – Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи, начальник отдела.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Кулинский А.Н.</i> Призовое оружие Императорских стрелков Давыдовых в фондах Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи.....	3
<i>Курбатов О.А.</i> Западные воинские обычаи в русских вооруженных силах середины XVII века: пути проникновения и проблемы бытования.....	31
<i>Курлаев Е.А.</i> Роль Уральской артиллерии в обеспечении победы в Северной войне.....	55
<i>Курочкин А.Ю., Малоземова Е.И.</i> Восточная миниатюра как источник по изучению истории оружия.....	62
<i>Курочкин С.С.</i> Генерал-адъютант Эдуард Иванович Тотлебен во главе действующей армии на Балканском театре военных действий по материалам переписки (1878 г.)	77
<i>Лазарев Я.А.</i> Институциональные механизмы устойчивого контроля над территорией «Малой России» во второй половине XVII века (на примере Черниговской Приказной избы)	91
<i>Ласкова М.В.</i> «Московские строгости» в Шотландии: отголоски «русской службы» генералов Т. Дальелла и У. Драммонда.....	100
<i>Ласкова М.В., Лазарев В.А.</i> Концепт «война» в языковой картине мира.....	106
<i>Лебедева С.С.</i> Социальная и научно-образовательная деятельность представителей Военного министерства в XIX в.	108
<i>Лихачева О.С.</i> Общее и особенное в развитии вооружения населения лесостепного Алтая в раннем железном веке	114
<i>Лобач Д.В.</i> Развитие отечественной гаубичной артиллерии в XVIII веке.....	133
<i>Лобин А.Н.</i> Неизвестные орудия русских мастеров конца XVI века (Андрей Чохов, Первой Кузьмин, Семен Дубинин).....	137
<i>Ломакин Н.В.</i> С краткой надписью «Ижь»...	

(Оружие выпуска первых трех лет существования Ижевского оружейного завода в коллекции Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи)	145
<i>Лукашевич А.М.</i> Российское стратегическое планирование и развертывание войск на Западном направлении (ноябрь 1796 – январь 1799 гг.)	160
<i>Лукин В.Е.</i> Евгений Александрович Беркалов. Жизнь и судьба артиллериста	171
<i>Мазяж А.</i> Польские военные беженцы с территории Галиции (1914–1918)	183
<i>Мартынов А.А.</i> Реликвии боевой славы: Андрей Анисимович Белый	196
<i>Мегорский Б.В.</i> Бой при Добром 1708 г.: новые источники	202
<i>Мигунов С.С.</i> Крепостное строительство в Балтийском регионе на примере Нарвы, Арнсбурга и Пернова в первой половине XIX в.	218
<i>Милосердов Д.Ю.</i> Лохар – мифы и реальность	226
<i>Милосердов Д.Ю.</i> Osteологические материалы рукоятей клинкового оружия XIX—XX веков в Афганистане и Средней Азии	236
<i>Мионов Ю.А.</i> Развитие акустических приборов воздушной разведки ПВО	248
<i>Михайлов А.В., Птицын В.В., Малахов Г.В.</i> Из истории револьвера системы Нагана (научные работы по совершенствованию технологий производства)	263
<i>Михайлов С.В.</i> История создания, испытаний и производства первого советского пистолета-пулемета Токарева под патрон Наган (обр. 1927 г.) (ППТ-27). Выбор единого пистолетного патрона для самозарядных пистолетов и пистолетов-пулеметов	269
<i>Молочников А.М.</i> Смоленская артиллерия в 1609 году	307
<i>Мосунов В.А.</i> Неосуществленные наступательные операции 18-й армии группы армий «Север» под Ленинградом в 1941–1943 годах	315
<i>Мурылев В.Ю., Соколов В.А.</i> Вклад Саратовского военно-медицинского факультета второго набора (1951–1958) в развитие авиационной и космической медицины	328
<i>Несин М.А.</i> К проблеме логистики Куликова поля	333
<i>Николаев А.В., Петрухин И.Н.</i> К вопросу о боевых наголовьях	

пехоты Священной Римской империи в первой трети XVI века	349
<i>Новиченко С.Л.</i> Сталинград: некоторые вопросы инженерного обеспечения боевых действий	364
<i>Новоселов В.Р.</i> Мемориальный палаш – свидетель сражения при Гохштедте	372
<i>Оводков Н.А., Чумак Р.Н.</i> Винтовки мастера Игнатовича: к истории разработки и испытаний 4,2-лин. переделочных магазинных винтовок системы Бердана–Игнатовича различных моделей в 1884–1888 годах	380
<i>Олсон А.</i> Helge Palmcrantz and the Swedish Machine Gun	399
<i>Орлов А.В.</i> Частная промышленность и оборонная индустрия России в годы Первой мировой войны	412
<i>Оськин М.В.</i> Конь – оружие кавалериста: ремонт конского состава русской армии в период Первой мировой войны (1914–1917)	436
<i>Оточкин В. В., Лопатин С.В.</i> Исторические аспекты организации физической подготовки артиллерийских частей и военно-учебных заведений (XVIII – начало XX века)	456
<i>Павлович М.К.</i> Хранители Московской Оружейной палаты в последней четверти XIX века	469
<i>Панкратов А.Г.</i> Об одном уникальном образце защитного вооружения из экспозиции Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи	482
<i>Пастухов С.В.</i> К вопросу о типологии индо-персидских шлемов. Анализ и сравнение шлемов из музейных и частных коллекций с иконографическими источниками	494
<i>Пасхин С.М.</i> Связисты второй механизированной бригады в боях у озера Хасан в 1938 году	511
<i>Патыченко Ю.Д.</i> Теория глубокой наступательной операции, разработанная советской военной наукой в межвоенный период (1922–1941 годы)	527
<i>Пенской В.В.</i> Казанская логистика	535
<i>Перевозник Ю.Я.</i> Организация проводной связи Красной армии перед Великой Отечественной войной	551
<i>Петрова Е.П.</i> Его именем названа улица (Штрихи к портрету генерал-лейтенанта авиации Н.А. Соколова-Соколенка по материалам коллекции Владимиро-Суздальского музея-заповедника	565
Сведения об авторах	575

Научное издание

Война и оружие
Новые исследования и материалы

Труды Восьмой Международной
научно-практической конференции

В четырех частях

Часть 3

Редактор: *Н.В. Медведев*
Художник: *Н.Ю. Якубовская*
Технический редактор: *В.И. Хоронко*
Верстка: *В.И. Хоронко*
Компьютерный набор: *Я.В. Камашина*

Подписано в печать 18.04.2017.
Формат 60х90/16. Усл. печ. л. 18,25.
Бумага офсетная. Гарнитура Times New Roman PS MT.
Тираж 150 экз.

ФГБУ «ВИМАИВиВС» МО РФ.
197046, Санкт-Петербург, Александровский парк, д. 7.
Издательско-полиграфический центр
Санкт-Петербургского государственного университета
промышленной технологии и дизайна.
Санкт-Петербург, ул. Моховая, д. 262.

=====**Для заметок**=====

==== Для заметок ====

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ
Артиллерии, инженерных войск и войск связи

Адрес музея: 197046, Санкт-Петербург,
Александровский парк, 7.

Тел./факс: (812)498-09-32, 232-02-96

E-mail: artillery@yandex.ru

www.artillery-museum.ru

